

Институт истории и
этнологии АНМ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения российской академии наук

Национальный музей
Чингисхана

С.В. Данилов

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

ТОМ I

(СТАТЬИ, ДОКЛАДЫ, ТЕЗИСЫ)

Издательство Соёмбо Принтинг
Улаанбаатар 2025

ННА 63.4
ДАА 930.1
В - 573

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

ТОМ I

(СТАТЬИ, ДОКЛАДЫ, ТЕЗИСЫ)

Редакционная коллегия
Акад. РАН Б.В.Базаров
Акад. РАН Н.Н.Крадин
Акад. АНМ С.Чулуун
Проф Л.Эрдэнэболд

Составители:

Базаров Б.А., Бальжанов Б.Л., Гомбожапов А.Д., Дикий Я.В., Миягашев Д.А.,
Симухин А.И., Ташак В.И. Уртнасан Э., Өлзийдулам У.

Обложка: Изображение находки из городище Тэрэлжийн дурвулжин

Данилов Сергей Владимирович. Избранные труды. Т.1. Статьи, доклады, тезисы.
– Улаанбаатар: Издательство “Соёмбо Принтинг”, 2025. 430 с.

ISBN: 978-9919-0-4716-0

Книга включает в себя избранные труды известного советского и российского археолога, историка и монголоведа Сергея Владимировича Данилова (1950-2014 гг.). В них рассматриваются как общетеоретические, так и конкретные вопросы развития материальной и духовной культуры древнего и средневекового населения Центральной Азии. Публикуемые материалы будут интересны археологам, историкам, краеведам и широкому кругу читателей.

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ДАНИЛОВ

Избранные труды
Т. 1. Статьи, доклады, тезисы

Утверждено к печати Ученым советом
Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
и Институт истории и этнографии АНМ

Издание факсимильного типа

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	8-14
Коновалов П.Б., Данилов С.В. Средневековые погребения в Кибалино (Западное Забайкалье)	15-24
Данилов С.В. Ритуальные захоронения баранов в Забайкалье	25-29
Данилов С.В. Животные в погребальных обрядах ранних кочевников Забайкалья	30-35
Данилов С.В. Жертвоприношения животных в погребальных обрядах монгольских племён Забайкалья	36-41
Коновалов П.Б., Данилов С.В. К изучению плиточных могил Забайкалья и Монголии	42-54
Данилов С.В., Коновалов П.Б. Новые материалы о курганах-керексурах Забайкалья и Монголии	55-73
Данилов С.В., Гречищев Э.Р. Средневековые поселения Западного Забайкалья	74-77
Данилов С.В. Оседлые поселения Западного Забайкалья	78-81
Данилов С.В. Археологические памятники долины р. Джиды (поздняя бронза, раннее железо, средневековье)	82-84
Данилов С.В. К проблеме кочевых городов	85-86
Данилов С.В., Жаворонкова Т.В. Керамика городища Баян-Ундэр в южной Бурятии (Предварительный анализ)	87-88
Данилов С.В. Средневековые поселения Западного Забайкалья (к постановке проблемы «оседлости» кочевых обществ)	89-97
Данилов С.В. К вопросу о северных границах Монгольской империи (Южная Сибирь и Забайкалье)	98-100
Danilov S.V. The problem of urbanization in nomadic communities in Central Asia	101
Данилов С.В., Жаворонкова Т.В. Городище Баян-Ундэр – новый памятник хунну в Забайкалье	102-112
Коновалов П.Б., Данилов С.В., Именохоев Н.В. Бронзовый меч из села Петропавловка (р. Джиды, Бурятия)	113-115
Данилов С.В. Жертвенный комплекс у села Нижний Бургултай и некоторые вопросы древних обрядов и верований	116-125
Данилов С.В. Захоронения шаманов близ села Эдэрмык Кижингинского района Бурятии (1)	126-131
Данилов С.В. К проблеме городов хунну	132-134

Данилов С.В. К вопросу о кочевых цивилизациях Центральной Азии	135-137
Амоголонов А.А., Филиппова И.В., Коновалов П.Б., Данилов С.В. К вопросу о происхождении памятников хуннской знати	138-141
Данилов С.В. Раскопки здания на хуннском городище Баян-Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия	142-145
Данилов С.В. Ильмовая падь – некрополь хунну	146-151
Kradin N.N., Danilov S.V. Social Structure of the Transbaikalian Hsiung-nu	152-153
Цыбиктаров А.Д., Данилов С.В. К вопросу о культурной принадлежности оленных камней монголо-забайкальского типа	154-157
Данилов С.В. О направлении и характере связей населения Центральной Азии в древности и средневековье	158-163
Данилов С.В. К вопросу об архитектурно-строительных традициях хунну	164-165
Данилов С.В. Темниковское поселение и некоторые вопросы этногенеза бурят	166-170
Данилов С.В. Структура и динамика социальной организации кочевых обществ Центральной Азии	171-173
Данилов С.В. Города Центральной Азии: исследования и проблемы	174-176
Данилов С.В., Крадин Н.Н. Древние кочевники Центральной Азии	177-179
Данилов С.В. К вопросу о социальной организации кочевых обществ Центральной Азии	180-182
Данилов С.В. К вопросу о традициях градостроительства кочевников Центральной Азии	183-193
Данилов С.В. Наземные здания хуннов	194-199
Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Очир А., Данилов С.В., Никитин Ю.Г., Энхтур А., Эрдэнэболд Л. Предварительные результаты исследования киданьского городища Чинтолгой Балгас в 2004 г.	200-209
Данилов С.В. Строительные традиции кочевников Центральной Азии	210-216
Данилов С.В. Становление скотоводства и формирование кочевого образа жизни в кочевых обществах Центральной Азии	217-219
Данилов С.В., Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Очир А., Эрдэнэболд Л., Энхтур Г., Анхбаяр Д. Изучение киданьских городов Монголии	220-224
Данилов С.В. Становление государственной организации кочевников Центральной Азии	225-227

Данилов С.В. Археологические культуры и кочевые империи Центральной Азии (к постановке проблемы).....	228-244
Данилов С.В., Эрдэнэболд Л., Коновалов П.Б., Именохоев Н.В., Цыденова Н.В., Симухин А.И., Бураев А.И., Базаров Б.А., Анхбаяр Б., Эгима Ц. Предварительные результаты раскопок на хуннском городище Тэрэлжийн-Дэрвэлжин в Центральном аймаке Монголии.....	245-251
Данилов С.В. Стационарные городища и поселения хунну (к вопросу о типологии поселенческих комплексов).....	252-257
Данилов С.В., Бураев А.И., Саганов Б.В., Очир А., Эрдэнэболд Л., Батболд Х. Курган Шороон Дов и его место в общей системе археологических памятников тюркской эпохи Центральной Азии.....	258-261
Данилов С.В. Городища хунну Монголии и Забайкалья (к вопросу о функциональном предназначении поселенческих комплексов хунну).....	262-277
Данилов С.В. Отражение мировоззрения древних кочевников в археологических памятниках Центральной Азии (на примере комплекса в Нижнем Бургултае).....	278-281
Данилов С.В., Симухин А.И., Цыденова Н.В. Черепица из хуннского городища Тэрэлжин Дэрвэлжин (Центральный аймак Монголии).....	282-303
Данилов С.В. Коновалов Прокопий Батюрович – ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, доктор исторических наук, профессор (75-летию со дня рождения).....	304-306
Цыденова Н.В., Данилов С.В. Некоторые результаты работ комплексной археолого-историко-этнографической экспедиции в долине р. Селенги.....	307-312
Данилов С.В., Очир А., Именохоев Н.В., Эрдэнэболд Л., Нанзатов Б.З., Симухин А.И. О работе экспедиции по созданию электронной карты древних и средневековых городов Центральной Азии.....	313-316
Данилов С.В., Именохоев Н.В., Нанзатов Б.З., Симухин А.И., Очир А., Эрдэнэболд Л. Средневековые города Тувы и Западной Монголии (предварительные результаты работы экспедиции «Создание электронной карты городов древних кочевников Центральной Азии», 2011 г.).....	317-339
Коновалов П.Б., Данилов С.В. Институт Монголоведения, Буддологии и Тибетологии СО РАН, Улан-Удэ Кочевники восточных пределов степей Евразии (вопросы генезиса).....	340-351
Данилов С.В. О ранних этапах появления и становления кочевого скотоводства в Центральной Азии.....	352-362

Саранцева С.Е., Данилов С.В. Предварительные результаты изучения керамических строительных материалов средневековой монгольской усадьбы Нарсатуй в Бурятии.....	363-367
Данилов С.В., Именохоев Н.В., Коновалов П.Б. Проблемы средневековой археологии Центральной Азии.....	368-376
Kradin N.N., Danilov S.V., Enkhtur A., Erdenebold L., Nikitin Yu.G. Preliminary results of the investigation of Kitan ancient town Chintolgoi balgas in 2004.....	377-385
Danilov S.V. 中央アジアにおける遊牧民の古代・中世の都市.....	386-389
Kradin N.N., Ivliev A.L., Danilov S.V., Ochir A., Erdenebold L. Bohai population in Mongolian exile.....	390-398
Danilov S.V. Preliminary results of the investigations on a Xiongnu settlement in Mongolia.....	399-404
Danilov S.V. Reflection of the world outlook of ancient nomads in the archeological monuments of the Central Asia.....	405-406
Danilov S.V., Tsydenova N.V. Ceramic roof tile from Terelzhiin dorvolzhin.....	407-413
Danilov S.V. Typology of ancient settlement complexes of the xiongnu in mongolia and transbaikalia.....	414-421
Данилов С.В. Становление кочевого скотоводства в Центральной Азии.....	422-423
Данилов С.В. О некоторых особенностях городищ хунну в Монголии.....	424-430

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сергей Владимирович Данилов родился 7 апреля 1950 г. в г. Улан-Удэ. Его отец – Владимира Сагаханович, участник Великой отечественной войны и Парада Победы на Красной площади, кавалер многих орденов, работал на ответственных государственных должностях в Бурятии. Мама, Мария Нанзановна, долгие годы преподавала в высших учебных заведениях, стала первой бурятской женщиной, получившей степень кандидата исторических наук. На доме, где жил С.В. Данилов, находится мемориальная доска в память о его родителях.

Сергей закончил среднюю школу в 1967 г. и поступил на исторический факультет Бурятского пединститута. Еще школьником, а затем студентом он стал ездить в археологические экспедиции и принимал участие в раскопках хуннских некрополей Ильмовая падь и Черемуховая падь под руководством П.Б. Коновалова. В 1974 г. он закончил институт и в течение двух лет работал учителем истории в сельских школах Бурятии.

В 1976 г. С.В. Данилов поступил в целевую аспирантуру в Институт археологии АН СССР (Москва). Его научным руководителем была известный специалист в области кочевниковедения д.и.н. С.А. Плетнева. Кандидатская диссертация была написана на тему «Жертвоприношения животных в ритуалах древних племен Забайкалья как источник по истории религиозных верований скотоводческих народов». Работа была написана на основе материалов эпохи бронзы, хунну и средних веков на территории Забайкалья. В диссертации рассматривался остеологический материал из археологических памятников как особая категория источников для изучения религиозных верований древнего населения. В этом состояла значимость и новизна данного исследования.

После завершения обучения в аспирантуре С.В. Данилов пришел на работу в Бурятский филиал СО АН СССР, где он трудился всю свою жизнь в Бурятском институте общественных наук – Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

С 1981 г. Данилов работал в секторе археологии отдела истории, затем в секторе этнографии и археологии БИОН СО РАН. В те годы сектор под руководством П.Б. Коновалова осуществлял свою деятельность по теме «Древние культуры Бурятии». В ее рамках Данилов проводил раскопки на территории Бурятии и Читинской области – курганов-керексуров, плиточных могил, хуннских и средневековых могил (Нижний Бургалтай, Балеевка, Пестерево, Кибалино, Баргай, и др.).

Важнейшим вкладом в археологическую науку стала разработка С.В. Даниловым проблематики городов в кочевых империях Центральной Азии. Здесь нужно отметить, что достаточно давно сложилось предвзятое ориенталистское мнение, что кочевники – это варвары и завоеватели и никаких городов в их обществах не было. Несмотря на то, что еще в середине прошлого века советским

археологом чл.-корр. АН СССР С.В. Киселевым было доказано, что городища и города встречаются на территории Монголии и Забайкалья с древности, данная предвзятая точка зрения продолжает существовать до сих пор.

С 1986 г. в рамках тематики «История Бурятской АССР» С.В. Данилов приступил к исследованию раннемонгольских поселенческих комплексов на территории Бурятии (в местностях Сутай, Нарсатуй, Темниковское поселение). С этих пор основным направлением исследований С.В. Данилова становятся поселения и городища древних и средневековых кочевников. Он стал одним из главных пропагандистов данной проблематики. Им были проведены раскопки усадьбы монгольского времени Нарсатуй и хуннского городища Баян Ундэр, Темниковского поселения.

В 1987–1989 гг. С.В. Данилов раскапывал одно из зданий монгольского времени в с. Нарсатуй. Это было большое здание с колоннами на платформе, покрытое черепичной крышей. Платформа была окружена кирпичной стенкой. Найдены каменные базы, служившие основаниями для колонн. Пол был покрыт кирпичами. В 1987 г. им также исследовалось Темниковское поселение. Результаты раскопок позволили выявить глазурованную посуду, кирпичи, другие находки.

В 1992 г. при организации в БИОН СО РАН отдела истории и культуры Центральной Азии Данилов назначен заведующим Лаборатории археологии и приступает к раскопкам хуннского городища в местности Баян Ундэр на р. Джиде. Здесь были получены весьма интересные результаты. Памятник был окружен двумя валами. На основном валу были зафиксированы остатки деревянного частокола. Раскапывалось здание, которое находилось внутри городища. Были выявлены конструктивные особенности сооружения, внутри найдены остатки отопительной системы, покрытой камнями (кан). С.В. Данилов интерпретировал данное городище как резиденцию предводителя определенного ранга. Таким образом, был сделан важный шаг в типологии хуннских городищ. Если Иволгинское городище представляло собой город ремесленников и земледельцев, то Баян Ундэр был административным пунктом.

В 1996 г. в Улан-Удэ состоялся крупный международный научный форум – интерконгресс Всемирного археологического конгресса (WAC) «100 лет гуннской археологии. Номадизм - прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен». Идея проведения такой конференции закономерно родилась в Бурятском научном центре, где к этому времени П.Б. Коноваловым были осуществлены масштабные исследования хуннских некрополей Бурятии. С.В. Данилов был главным идеологом данного мероприятия и внес предложение провести такой форум в ознаменование столетия открытия памятников хунну на бурятской земле, будучи участником конгресса WAC в Дели в 1994 г. Он же стал фактически главным организатором проведения интерконгресса в Улан-Удэ – Кяхте, сам выступил с постановочным докладом по вопросу городов хунну. Форум собрал большое количество

исследователей и стал определенной вехой в изучении хунну. На полевой экскурсии гостям конгресса был показан самый крупный в Забайкалье хуннский некрополь в Ильмовой пади, где перед участниками предстали впечатляющие конструкции раскопанных Ю.Д. Талько-Грынцевичем и П.Б. Коноваловым, а также продолженных раскопками С.В. Даниловым элитных погребальных сооружений типа или ранга княжеских/царских.

С начала нового тысячелетия С.В. Данилов начал проводить экспедиционные исследования на территории Монголии, сначала в составе Международной экспедиции «Трансформация кочевых народов Центральной Азии», затем одним из соруководителей Международной российско-монгольской археологической экспедиции по изучению хуннских и киданьских городищ и поселений. Тем самым организаторы и руководители этих исследований (С.В. Данилов, Н.Н. Крадин, А. Очир, Л.Эрдэнэболд) становятся лидерами одного из приоритетных направлений в монгольской археологии – изучение социально-политических и экономических предпосылок формирования городов и городской культуры в кочевых обществах Внутренней Азии.

За последующие полтора десятка лет С.В. Данилов провел исследования в качестве руководителя трех российских грантов и соруководителя четырех российско-монгольских грантов, и все они по вопросам специфики кочевой культуры, политогенеза в Центральной (Внутренней) Азии. Первым этапом стали совместные (Н.Н. Крадин, А. Очир, С.В. Данилов) исследования киданьских городищ на территории Монголии. В течение ряда лет они проводили раскопки города Чинтолгой-балгас в Монголии. В работах бессменно также участвовали А.Л. Ивлиев, С.А. Васютин и Л. Эрдэнэболд, в разной степени принимали участие сотрудники БНЦ СО РАН и ДВО РАН, Международного института изучения кочевых цивилизаций ЮНЕСКО, Института археологии МАН, монгольские и российские аспиранты и студенты.

Городище Чинтолгой-балгас представляет собой большой по средневековым меркам город. Его площадь более 80 га, имеется 35 башен и 5 ворот, три улицы. Город разделен внутренним валом на северную, более статусную и южную части. С запада и юга городища находилось русло реки. В процессе раскопок было обнаружено несколько жилищ верхнего горизонта с отопительной системой (к ан). Найдено большое количество артефактов, включая керамику, фарфор, украшения, черепицу, фаунистические остатки. К югу от городища за пределами городских стен найдены печи для обжига керамики.

Исследования показали, что город имел компактную квартальную застройку, с улицами и переулками. Внутри кварталов достаточно скученно располагались жилища. Было зафиксировано присутствие на территории города бохайского населения, насильственно переселенного киданями из Манчжурии и Приморья. Данный памятник идентифицирован как киданьский город Чжэньчжоу, который был основан в 1004 г. и просуществовал вплоть до киданьского исхода на Запад в 1130 г. Результаты раскопок были представлены в различных статьях и в двух

коллективных монографиях на русском и монгольском языках. Одним из авторов обеих книг был С.В. Данилов.

Раскопки Чинтолгой-балгаса вооружили исследователей необходимым опытом масштабных раскопок подобных памятников и поставили на повестку дня вопрос таких же раскопок более ранних памятников – городов хунну на территории Монголии. Составлен новый двухсторонний проект на грант РГНФ – Министерство ОКН Монголии (руководители – с российской стороны С.В. Данилов, с монгольской стороны А. Очир). Выбор пал на хуннское городище Тэрэлжийн дөрвөлжин в долине одноименной речки Тэрэлж – правого притока Керулена в восточных отрогах Хэнтэя. В течение двух полевых сезонов 2007–2008 гг. многочисленный отряд Монголо-российской совместной экспедиции провел раскопки на центральном объекте в виде бугра или холма продолговатой формы размерами 60х30 м, под которым вполне естественно предполагать какое-то строение – здание. Вскрытие части юго-западного склона холма на площади в 224 кв. м. подтвердило это предположение – там оказалась часть строения с черепичной кровлей. Но ограниченные сроки и средства экспедиции не позволили выяснить конструкцию здания, не говоря уже о деталях, но судя по размерам здания и по сравнению с известными строениями на Иволгинском городище и в Баян Ундэре, где черепичное покрытие обнаружено не было, здесь, в Тэрэлжине, при дальнейшем исследовании речь может идти, вероятно, о дворцовом или храмовом здании. Результаты раскопок опубликованы в Германии, а также в России.

Звездный час исследователя настал в 2009 г., когда С.В. Данилов вместе с монгольскими коллегами А. Очиром и Л. Эрдэнэболдом, осуществил раскопки кургана Шороон-дов, датируемого временем между Первым и Вторым Тюркскими каганатами. В ходе исследования в Центральном аймаке Монголии киданьских городищ профессор Аюдайн Очир обратил особое внимание на земляной курган вблизи Заамар сомона, заподозрив в этом объекте киданьское захоронение. После раскопок городища Чинтолгой было принято решение раскопать и предполагаемый киданьский курган. Результат был неожиданным – курган оказался «тюркско-уйгурским».

Пишем это определение в кавычках потому, что при несомненных документальных свидетельствах, полученных из раскопок (найден текст-эпитафия на каменной плите у входа в подземный склеп) об этнической принадлежности захороненного, вся погребальная обрядность и уникальный сопровождающий инвентарь дают повод к размышлениям. Вот что написал по этому поводу сам С.В. Данилов: «Погребальный инвентарь раскопанного кургана не имел ничего общего с привычными предметами характерными для погребального обряда средневековых тюрков... Из текста надписи следует, что погребенный... человек был из племени пугу, состоявший на службе Танской администрации в качестве генерал-губернатора административного округа».

По уточненному переводу А.Л. Ивлиева человек, которому была посвящена данная надпись, являлся военным губернатором округа Цзиньчжоу, правителем области Пугуфу Ияюэ. Сообщается, что он умер в 677 году в своем племени. Уникальность этой археологической находки определяется тем, что во-первых, это первая находка такого рода на территории Монголии и во всей Центральной Азии. Во-вторых, найденная каменная плита с эпитафией является первым памятником, обнаруженным в кургане и таким образом становится в один ряд с всемирно известными эпитафиями знаменитых политических деятелей Второго тюркского каганата Бильге-кагана, Кюльтегина и Тоньюкука. Эта находка только подтверждает точку зрения о том, что монгольская земля хранит еще много тайн и перед монгольской археологией стоят задачи открытия и изучения новых памятников позволяющих сделать вклад в изучение истории и культуры древнего населения Монголии. Раскопки кургана Шороон-дов стали одним из самых ярких и выдающихся открытий в археологии Центральной Азии первого десятилетия XXI в.

В последние 2010–2014 гг. под руководством С.В. Данилова и А. Очира проводилась обширная работа по российско-монгольскому проекту по составлению «Электронной карты древних городов и поселений Центральной Азии». Экспедиционными маршрутами пройдено с GPS-фиксацией, топосъемкой и внешним описанием по ранее известным и вновь обнаруженным пунктам на большей части территории Монголии, Забайкалья и Тувы. В предстоящих планах этого проекта были выходы во Внутреннюю Монголию и Синьцзян-Уйгурию КНР. Краткие отчеты по пройденным памятникам опубликованы в серии статей.

С.В. Данилов написал не так много научных работ – около семидесяти. Для 37 лет работы в науке, это не так много. Но он не относился к числу пишущих много ученых, его творчество характеризуется неторопливостью, тщательной выверенностью фактологии, честностью выводов и заключений. В стиле изложения часто констатируется недостаточность данных, признания невозможности того или иного решения вопроса, вместо стремления непременно высказать, утвердить то или иное свое мнение. По существу, многие статьи являются во многом предварительными (оперативные публикации материалов, постановка проблем): так как сами эти проблемы – генезиса и специфики номадизма, соотношения в нем кочевничества и оседлости, градостроительство в степи и др. до сих пор остаются недостаточно исследованными.

В списке его трудов одна авторская монография («Города в кочевых обществах Центральной Азии». –Улан-Удэ, 2004), две в соавторстве с российскими и монгольскими коллегами, посвященные исследованиям на киданьском городище Чинтолгой-балгас, еще одна монография в соавторстве с Н.Н. Крадиным и П.Б. Коноваловым «Социальная структура хунну Забайкалья».

теоретические воззрения С.В. Данилова на проблему градостроительства у номадов нашли отражение в монографии «Города в кочевых обществах Центральной Азии», опубликованной в 2004 г. и защищенной в форме докторской

диссертации. Данная книга также имеет во многом постановочный характер, поскольку масштабные полевые исследования на территории Монголии начались фактически уже после написания книги. Надо сказать, что это не была первая монография на данную тему. Ранее разработкой этой тематики занимались археологи С.В. Киселев, Х. Пэрлээ, Л.Р. Кызласов, А.В. Давыдова, Н.Шираиси, архитекторы Н.М. Щепетильников, Д. Майдар, Д. Пюрвеев, В.Н. Ткачев, Л.К. Минерт и др. Однако С.В. Данилову удалось найти новые аспекты этой темы. Его подробное описание городов и городищ на территории Монголии и сопредельных территорий была наиболее полной сводкой памятников оседлости на тот момент.

Книга состоит из четырех глав. В первой главе приводится историография исследования. Вторая посвящена становлению производящего хозяйства и номадизма в Центральной Азии. В третьей главе дана сводная хронологическая выборка по городищам на территории Центральной Азии на момент написания книги. Четвертая глава носит обобщающий характер и в ней автор попытался систематизировать накопленный материал, показать динамику градостроительства в изучаемом регионе.

В книге автор показал объективную картину зарождения и эволюции становления оседлой городской жизнедеятельности в кочевых обществах. Изложив имеющиеся на тот момент данные о поселенческих комплексах хунну, уйгуров, киданей и монголов, все свое внимание направляет на попытку понять закономерность становления оседлости в кочевой среде степняков, ее специфики и функции «городской» жизни. Изучена роль сети оседлых поселений для экономической жизни, для управленческо-административных функций, показан, что феномен «городских» центров может быть понят только в связи с проблемой политогенеза в обществах номадов.

В результате исследования материала С.В. Данилов констатирует, что мы имеем дело со сложными процессами социального, политического и экономического развития кочевых сообществ; на каждом историческом этапе эти процессы протекали по-разному, хотя имелись и общие закономерности, пока только намечаемые в ходе исследования. Книга заканчивается следующим выводом: «Появлению в центральноазиатских степях обществ со сложной социально-политической структурой, с городской культурой предшествовали сотни лет развития, во время которых происходило стихийное “отлаживание” системы социальных взаимоотношений и форм политической организации кочевого социума. Исследование истории этого растянутого на тысячелетия процесса во всем его многообразии является задачей ученых, занимающихся изучением различных аспектов истории и культуры Центральной Азии».

Книга нашла своего читателя и оказалось востребованной. Ее часто цитируют и используют коллеги и студенты. Если набрать в Гугле фамилию автора и название книги, получится около 18 тысяч упоминаний в Интернете. Это немало. Приличное число ссылок на работу и в РИНЦ.

Основные положения книги вошли в состав докторской диссертации, тема которой была несколько изменена и уточнена в сравнении с монографией: «Древние и средневековые города в кочевых обществах Центральной Азии». Защита прошла успешно и работа вскоре была утверждена ВАКом.

Осталось сказать о научно-организационной деятельности С.В. Данилова и работе в сфере связи вузовского образования и академической науки. В течение 22-х лет С.В. Данилов руководил сначала лабораторией археологии, затем отделом истории и культуры Центральной Азии, совмещал периодически должности заместителя директора по науке и по международным связям. В этой ипостаси проявлялся его истинный талант организатора – от природы лояльного, но твердого в необходимости доведения принятых решений до результата. Он был организатором подготовки и ответственным редактором первого тома «Истории Бурятии», членом редколлегий «Историко-этнографического атласа Бурятии». В разные годы С.В. Данилов вел курсы лекций в Бурятском пединституте (Археология СССР), Бурятском филиале Новосибирского государственного университета (Основы археологии), Бурятском государственном университете (Археология Евразии). Его лекции и рассказы всегда вызывали живой интерес у студентов.

Научная и педагогическая деятельность С.В. Данилова были отмечены рядом высоких наград. Среди них – звания «Заслуженный деятель науки Республики Бурятия», «Заслуженный работник образования Республики Бурятия». Он стал Лауреатом государственной премии Республики Бурятия в области науки и техники (2002 г.), был награжден Почетными грамотами Президиума СО РАН, Президиума РАН, Международного института изучения кочевых цивилизаций, медалью «800-летие Великого Монгольского государства», медалью «Хубилай хаан» АН Монголии.

Можно много говорить и о других организаторских достижениях, удивительной доброте, общительности и коммуникабельности. Случилось так, что жизнь Сергея Владимировича оборвалась во время выполнения важного совместного монголороссийского проекта «Карта древних городов и поселений кочевников Центральной Азии» (руководители С.В. Данилов и А. Очир), до завершения которого оставалось совершить еще один маршрут по Монголии. Мы надеемся, что в ближайшее время, эта работа будет завершена его сподвижниками и коллегами по археологическому цеху.

Б.В. Базаров
Н.Н. Крадин
Улан-Удэ. 2025.03.10.

П. Б. КОНОВАЛОВ, С. В. ДАНИЛОВ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ В КИБАЛИНО [Западное Забайкалье]

Местность за дер. Кибалино, расположенной на левом берегу р. Селенги в 70–75 км выше г. Улан-Удэ, представляет собой живописное плато, начинающееся высоким скалистым утесом у берега реки. На скалах утеса, еще в 1947–1958 гг., А. П. Окладниковым были открыты петроглифы позднего бронзового и раннего железного века. В 1973 г. в ходе паспортизации памятников истории и культуры Бурятской АССР сотрудниками Института общественных наук БФ СО АН СССР Е. А. Хамзеной, Л. Г. Ивашиной, А. Д. Жалсараевым и А. В. Тивяненко обнаружены древний могильник. К западу от утеса, на склонах и седловинах холмов виднеются так называемые херексуры раннетюркского времени. У подножия лесистой горы, находящейся за холмами, располагались плиточные ограды

эпохи поздней бронзы и раннего железа. Выше по склону находятся небольшие курганы монгольского времени. В целом это типичный для Забайкалья, особенно для западного, смешанный могильник. По обе стороны утеса, на берегу реки, группой паспортизации собран материал в виде обработанного камня и керамики. Позднее в местах сборов Л. Г. Ивашиной были произведены раскопки и обнаружены неолитические стоянки.

В 1976–1977 гг. специальным отрядом института, снаряженным для спасения разрушающихся памятников, произведены раскопки на Кибалинском могильнике. Всего обнаружено 50 различных могил, которые по внешнему виду распределены следующим образом: 26 монгольских, 16 плиточных и 8 херексуров (рис. 1). При раскопках выяснилось, что некоторые могилы по своему содержанию не соответствуют внешнему виду. Для раскопок выбраны объекты, определяемые нами как курганы монгольского времени, а также несколько плиточных могил. В целом обследовано 15 могил, в том числе 8 монгольских, 4 плиточных и 3 не были определены (последние копались как монгольские, но оказались по материалу ближе к плиточным). Херексуры не распахивались ввиду чрезвычайной трудоемкости вскрытия этих сложных, занимающих обычно большие площади, сооружений.

В настоящей работе использован материал монгольских погребений.

Погребение № 3. Внешне оно представляет курган, сложенный из камней, в плане напоминающий квадрат без четких форм (рис. 2). По краям сооружения камни наклонены к центру, создавая своеобразную обкладку кургана. В середине – мелкие камни, прикрытые сверху более крупными, горизонтально лежащими. Десятью сантиметрами ниже уровня современной поверхности камни кончаются, и на глубине 20 см в северо-западной части могилы появляются пятна бурого цвета. При дальнейшей последовательной зачистке на глубине 35–40 см вышло могильное пятно, ориентированное на северо-восток и имеющее форму прямоугольника. На глубине 45 см залегали череп и скелет, обращенный на северо-восток, по всей периметрии женский.

Сохранность скелета хорошая. В северо-восточном углу ямы, в изголовье, обнаружена берцовая кость бараньей ноги в наклонном положении. Ничего другого не было.

Рис. 1. План могильника в Кибалино.
1 – плиточные могилы I тыс. до н. э., 2 – кургано-херексуры I тыс. до н. э., 3 – плиточные могилы II тыс. до н. э.

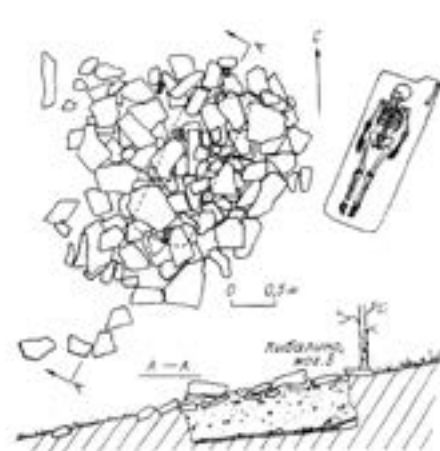

Рис. 2. План и разрез погребения № 3.

Погребение № 4. Состоит снаружи из камней в виде вытянутого кольца. В середине камни отсутствуют, но при раскопке здесь обнаружены следы костра. Внешние камни более крупные и составляют обкладку кургана, северо-западная сторона которого нарушена. Кладки из 1-2 ряда камней, посередине она, очевидно, была выше. На глубине 25-30 см расположены кости человека и границы могильного пятна. Последнее ориентировано по своей длине с северо-северо-востока на юго-юго-запад. При дальнейшей зачистке и углублении обнаружены лежащие в беспорядке кости человека и череп, лицевая часть черепа отделена от свода. Судя по вытянутым вдоль ямы костям ног, скелет ориентирован головой на северо-восток. В центральной части могилы, ближе к юго-восточной стороне, найдена бронзовая плоская подвеска грушевидной формы (рис. 10, 1). На глубине 30 см в северной части ямы встретились обгоревшие куски дерева и обожженная почва, возможно, остатки грабительского костра. Внутри могилы, еще глубже, обнаружены мелкие кусочки древесного угля, не связанного с остатками костра.

Погребение № 8. Представляет каменный курган размером 3×2 м, высотой до 40 см, с четко выделяющейся обкладкой из крупных камней. Ориентирован своей длинной осью на северо-северо-восток. При разборе кладки выяснилось, что обкладка ее мощность достигает 50 см. Пятнистая почва под ней затрудняла определение границ могильного пятна.

На глубине 40-45 см в восточной части обнаружены вертикально стоящую кость ноги барана. При дальнейшем постоянном углублении

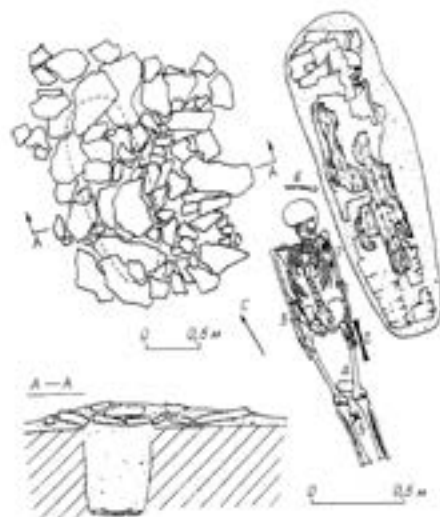

Рис. 3. План и разрез погребения № 11.

1 — наконечник стрел; 2 — накладка лука; 3 — нож; 4 — берестяная пластина с прошивными краями; 5 — бараний позвоночник; 6 — баранья кость (стерно).

на глубине 60-65 см найдены кости человека. Сохранность костей хорошая. Скелет принадлежит, вероятно, юноше лет 14-15. Внутри грудной клетки скелета обнаружены мелкие кусочки древесного угля. Могила не ограблена. Предметов утвари не оказалось.

Погребение № 11. Это — каменный курган овальной формы размером 3×2,5 м, ориентированный длинной осью на северо-северо-восток. По краям кургана — крупные камни, лежащие наклонно к середине, внутри — наброска из мелких камней. Наибольшая мощность кладки — 30-40 см в средней части (рис. 3). Под кладкой — могильное пятно, ориентированное как и курган. Заполнение пятна серо-зеленого цвета, в южной части пятна — обожженная почва и кусочки древесного угля. Параллельно пятну под кладкой — остатки досок.

На глубине 90 см обнаружены части берестяного футляра. В северной части за гробом найдена вертикально стоящая кость бараньей ноги. Под берестой находились кости рук и ног, позвоночник и череп, как бы облепленные прочно приставшей к нему берестой. Рядом с нижней челюстью лежали два костяных наконечника стрелы (рис. 9, 3, 4).

Поверх берестяного футляра в деревянном перекрытии встречены кусочки железа. После снятия деревянного перекрытия на левой лопаточной кости, также на бересте, обнаружены железный наконечник стрелы с остатками дерева

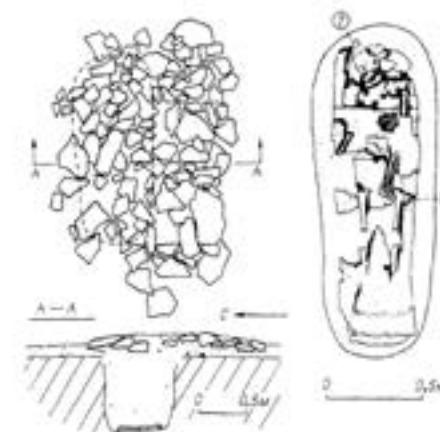

Рис. 4. План и разрез погребения № 12.

1 — неровный кружок; 2 — баранья кость (стерно).

(рис. 9, 5), острием к голове под наконечником — фрагменты железа. С левого бока на бересте лежала костяная накладка лука длиной 22-23 см с расширенными концами и узкой серединой; верхний конец — на уровне головки бедра, нижний — выше колена (рис. 13, 2). С левой стороны скелета между грудной клеткой и плечевой костью — мелкие кусочки железа. На правой стороне грудной клетки на верхнем ребре — то же самое. Между ног, выше колен, на дне — берестяная выкройка продолговатой формы с призматическими боками и закругленными концами со строчной шитью по всем краям (рис. 10, 11). Сам берестяной футляр кажется сшитым из продольных пластин бересты и сверху оббитым поперечной берестой. При разборе выяснилось, что береста не везде идет в два слоя, а только в местах сшивания. Большой же частью продольные куски сшивались с поперечными. В области головы и ног пришиты выкроенные пластины, представляющие собой торцовые части футляра.

Дно берестяного гроба состоит из продольных пластин бересты разной величины, в ногах идут поперечные пластины. В области черепа на дне — пластина бересты подквадратной формы со следами прошивки. Прямоугольная пластина обнаружена в области таза, на дне между ними найдены более мелкие пластины разных форм.

Погребение № 12. Кладка кургана подпрямоугольной формы размером 2,5×2 м, ориентированная длинной осью с запада на восток. Основу кладки составляют камни крупных размеров, внутри — засыпка из мелких и средних

Рис. 5. Погребение № 12 в бересте.

камней (рис. 4). Под кладкой — остатки сгнившего дерева, очевидно, досок, вытянутых вдоль длинной оси. Четкого могильного пятна не обнаружено. На глубине 60 см — череп со следами бересты на нем. Дальнейшее вскрытие показало, что скелет лежит в берестяном футляре головой на восток (рис. 5). Череп сильно деформирован лежащим на нем сверху камнем. Верхняя крышка футляра продавлена, из-под нее проступают кости скелета. Последний лежит на спине, голова повернута направо, левая рука на тазе, правая немного в стороне от туловища, ноги вытянуты. Около головы слева — кусочек древесного кругляша, протеревшего изнутри.

Рядом с левым бедром обнаружено изделие типа «пряслица», точнее диск от него, сделанный из фрагмента гладкостенного горшка с орнаментом «отступающей золоточкой». Диаметр кружка 5,2×4,9 см, посередине — отверстие диаметром 7-8 мм (рис. 10, 8).

Справа от черепа оказалась баранья кость (стерно) в наклонном положении от молодой

овцы (или барана), о чем свидетельствует не сросшийся нижний эпифиз. Иных находок, кроме керамического изделия и бараньего стегна, нет.

Футиляр сшит из продольных пластин бересты и усилен поперечными — от пояса и выше, а также узкой (11—12 см) полосой ниже колен. В головах и ногах пришиты куски бересты в виде крышки и дна.

Сохранность костей скелета плохая: тазовые кости, правая кисть, правая стопа, эпифизы длинных костей и т. п. сгнили. Длина скелета 130 см (ребенок 10—12 лет). Глубина могилы 80 см.

Погребение № 13. Представляет собой курган размером 3,4 × 4 м из набросанных камней, не имеющий четкой формы. Просматривается овальное кольцо из более крупных камней, которое составляет основу кургана. Видны следы недавно выбранных крупных камней. Сделанный с востока на запад разрез показал, что толщина вкладки по краям в 1—2 слоя камней, в середине 3—4 слоя, причем камни в середине частично уходят вниз в яму. Мощность вкладки достигает 50—55 см. В разрезе видны крупные камни, стоящие по краям, в середине — камни поменьше. Под кладкой — могильное пятно зеленовато-серого цвета. Вокруг пятна идет красноватая щебенка. В северной части ямы в заполнении были камни. На глубине 80—120 см встречены мелкие кусочки древесного угля и обожженные камни.

На глубине 110 см в верхнем правом углу ямы обнаружена баранья нога, верхним эпифизом стоящая вверх в наклонном положении. Ниже — человеческий череп, полуповернутый направо, далее расчищен скелет, лежащий на спине с вытянутыми руками и ногами. Длина скелета 145—148 см. Сохранность хорошая.

В области шеи обнаружена полупрозрачная сердолиновая бусина коричневого цвета цилиндрической формы диаметром 6 мм (рис. 10, 2). Между берцовыми костями обнаружены **мелкие** обломки железа со следами приставшего дерева и железное изделие (обломок?) — плоская овальная пластина с закругленным краем. Между бедрами ближе к правому колену — спиной позвонок барана. Между левым плечом и ребрами погребенного найдено железное изделие, напоминающее нож. Под черепом обнаружена спиральная, в три витка, серьга, с подвесным крючком, сделанная из беловатого сплава. Вторая такая же серьга найдена в области пояса под костями (рис. 10, 3). Дно — могила на глубине 125—130 см.

Погребение № 14. Снаружи это — полусферическая каменная насыпь неопределенной формы размером 4 × 5 м (рис. 6). В северной половине насыпи — яма, похожая на грабитель-

Рис. 6. План и разрез погребения № 14.

ский лаз. В насыпи после расчистки сквозь мелкие верхние камни проступили более крупные, которые образовывали как бы подквадратную (2,3 × 2,3 м) основу вкладки. Общая высота насыпи 40—45 см над современной поверхностью. В выбросе из западной наблюдались мелкие закомоченные и пазенные камни. Под насыпью оказалась кладка перекрытия ямы из мелких камней, которая, как выяснилось в дальнейшем, занимала северную половину могильного пятна, ориентированного на северо-северо-восток — юго-юго-запад. Только на глубине 75 см выявилось продолговатое неправильной формы могильное пятно. На глубине 90 см в северном конце ямы над головой обнаружены фаланги от человеческой стопы, очевидно, занесенные туда грызунами. Ниже в том же месте найден череп, далее обнялся скелет. Все кости, за исключением фаланг ног, оказались на своем месте. Погребенный был положен на спину, головой на северо-северо-восток (40°), с вытянутыми руками и ногами, правая кисть немного отставлена от тела, лицо полуповернуто направо (рис. 7, 8). Большая и малая берцовые кости правой

Рис. 7. Погребение № 14.

ноги — со следами перелома и неправильного сращения.

Погребение оказалось нетронутым. Слева от черепа, напротив ушного отверстия найдена кость ноги барана верхним эпифизом вверх. У левого плеча на дне ямы лежали железные удила из двух звеньев с небольшими колечками, довольно короткие. У правого плеча обнаружено 5 или 6 железных наконечников стрел, как бы спешенных в одну кучу. Наконечники разных форм (рис. 9, 6, 7), в основном типа срезней.

На скелете выше пояса повсюду встречены пластинчатые нашивки — деревянные, прямоугольные, размером 3 × 1 см, толщиной до 3 мм, покрытые светлой серебристой пластиной типа фольги. Таких нашивок найдено около 20, первоначальное количество установить трудно. Некоторые из них встретились около бараньей ноги, в изголовье. На правой локтевой кости лежал железный нож лезвием вверх, с ободком из такой же серебристой металлической пластины, с деревянной ручкой, в деревянном чехле. Рядом найдена костяная накладка лука

длиной 16 см, с узкой серединой и расширенными до 2,5 см концами (рис. 9, 1). На левой тазовой кости — обломок еще одного небольшого ножа лезвием вниз, выше его на локтевых костях левой руки — отставший, вероятно, от этого ножа конец кожаного (?) чехла с приставшей к нему тканью от одежды. След ткани замечен и под обломком на тазу. На дне, выше тазовых костей, т. е. по линии пояса, идут остатки ткани, пропитанные разложившейся металлической фольгой в виде пластинок.

Под черепом, со стороны правого уха — проволочная медная серьга; вторая такая же серьга лежала под подбородком, сбоку от шейных позвонков (рис. 10, 4). Под скелетом, в области левой лопатки, — полоска металлической фольги, но не такая, как от деревянных нашивок-пластинок; под правой грудью — пластинка-нашивка с фольгой; возле правой лопатки — железное изделие; под правым тазом — небольшая железная пластина типа ремennого наконечника или накладки с полукруглыми концами.

Погребение № 15. Имеет вид небольшого кургана из мелких камней высотой до 25 см, вытнутого по склону с севера на юг, размера-

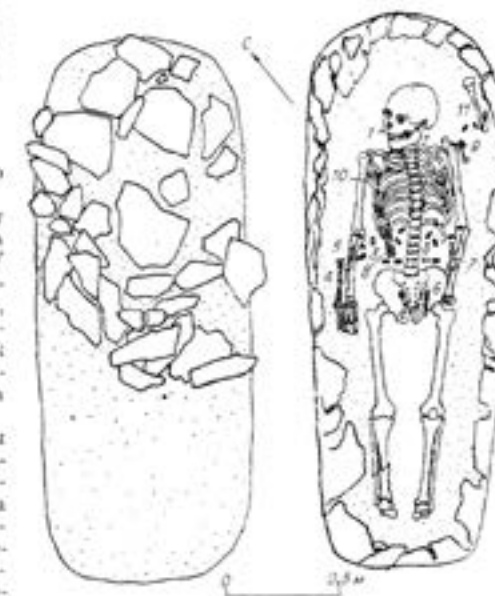

Рис. 8. План могильной ямы и погребения № 14.

1, 2 — серьги; 3 — поясные нашивки; 4 — накладка лука; 5, 6 — удила; 7, 8 — чехлы от ножей; 9 — удила; 10 — наконечники стрел; 11 — баранья кость (стегно).

Рис. 9. Предметы вооружения из погребений.
1, 2 — роговые наконечники дуг; 3, 4 — костяные наконечники стрел; 5—11 — железные наконечники стрел.

ми 3×2 м. После расчистки выявилась приблизительно таких же размеров кладка-насыпь, в которой просматриваются крупные камни-плиты, лежащие в основании кладки, сверху — наброс из мелких камней (рис. 11). По очертанию северной половины видно, что первоначально вся кладка была прямоугольной формы. Южная половина ее частично растащена. На западной стороне кладки обнаружено красное пятно горелости и черные угли, такая же картина — на северо-восточном краю насыпи.

На глубине 20—25 см появилось маленькое узкое продолговатое пятно длиной 150, шириной 30—35 см, ориентированное на северо-северо-восток — юго-юго-запад, ниже оно расширилось до 40—50 см. На глубине 60—65 см в изголовье найден кончик торчащей бараньей ноги и береста. Захоронение детское, в берестяном футляре длиной 130, шириной 36 см. Футляр предположительно из продольной бересты, но основная его часть, от шеи до шиколоток, обшита сверху еще поперечной.

В бересте оказался детский скелет длиной

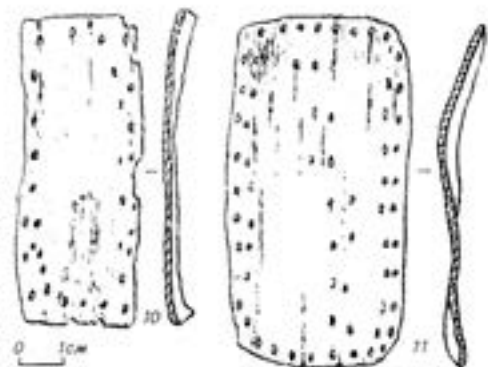

Рис. 10. Украшения и прочие предметы из погребений в Кибалино.

1 — бронзовая подвеска, 2 — деревянная бусина, 3, 4 — бронзовые серьги, 5 — подвеска из зуба животного, 6 — бусинка стеклянная, 7 — подвеска из камня, 8 — глиняный ожуток, 9—11 — берестяные амулеты.

117—118 см. С левой стороны выше плеча найдены железные наконечники стрел, спехшиеся между собой. Три наконечника различных форм — ромбовидные плоские, веслообразный плоский, фигурный плоский; четвертый обломок определить затруднительно (рис. 9, 8—11).

Поперек плечевых костей, возле локтей, были наложены пластинки бересты подпрямо-

Рис. 11. План и разрез погребения № 15.

угольной формы с обрезанными краями и следами прошивки по краям. На левой бедренной кости параллельно ей лежал железный нож с деревянной ручкой (рис. 12, 2). Между бедренными костями — какое-то изделие в виде свернутой в трубочку бересты, возможно деталь от котла. За пределами гроба в изголовье были обнаружены кусочки древесного угля. В левом верхнем углу на линии черепного свода торчала баранья нога. В области пояса лежал бараний позвонок.

Сохранность костей скелета плохая. Свод черепа раздавлен, но лицевая часть уцелела. Скелет лежит на спине с вытянутыми ногами. Руки чуть согнуты в локтях и покоятся на тазе. Левая бедренная кость погребенного была сломана посередине, фрагменты ее лежали заходя концами друг за друга.

Обследованная группа захоронений в Кибалино составляет довольно однообразный погребальный комплекс. Надмогильные сооружения — курганные типа, состоят из камешных насыпей или набросов, полузадернованных или задернованных иногда настолько мало, что кладка не нуждается в расчистке. Высота курганов над современной поверхностью в среднем

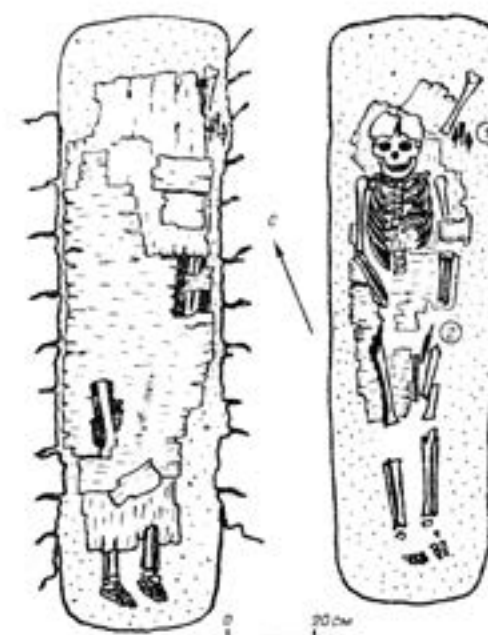

Рис. 12. Погребальная камера и остатки захоронения в могиле № 15.
1 — железные наконечники стрел; 2 — железный нож.

20—30 см от древней поверхности — 40—50 см. Форма кладки, как правило, круглая или овальная, но нечетко выраженная, размерами от 2 до 5 м в диаметре; иногда попадаются подпрямоугольные кладки. Уплотненность или даже впадины у некоторых кладок — за счет последующей разборки или грабительского вмешательства. У некоторых курганов замечено, что полы их обкладывались камнями покрупнее внакладку в сторону вершин. Иногда под насыпью кургана есть небольшие кладки перекрытия ямы, т. е. камни, закрывающие устье могилы и западающие в нее (рис. 6, 8).

Могильные ямы продолговатые подпрямоугольные или с закруглениями коротких сторон, глубиной от 45 до 120 см, размеры соответствуют величине погребенного, но иногда несколько расширенные и вытянутые, особенно в изголовье. Дно, как правило, горизонтальное, даже если яма вырыта на склоне горы. В заполнении им почти во всех могилах встречены следы огня в виде пятен горелости с палеными камешками либо в виде мелких, расщепленных по шву, угольков и головешек.

Внутри могил зафиксированы два варианта захоронения: 1) в берестяном футляре, иногда

с дощатым перекрытием сверху; 2) без приспособлений (просто в яме). В применении этих способов различий по полу и возрасту не наблюдается. Футляр сшивался из разной величины кусков бересты в сочетании продольных и поперечных вырезов.

Труположение во всех погребениях вытянутое на спину, головой ориентировано преимущественно на северо-северо-восток и северо-восток, но встречается и восточная ориентация. Голова часто полуопернута вправо, та или иная рука иногда положена на бедро.

Сопровождающий инвентарь неравномерен по количеству, но относительно однороден по содержанию. У мужчин — остатки лука в виде костяной накладки, железные и костяные наконечники стрел, железные ножи, удила от узды (не всегда), у мальчиков и юношей — то же. У женщин вооружения и конского снаряжения не обнаружено, хотя ножи имеются. Украшения в виде бусин и серег зафиксированы не только у женщин, но в одном случае и у мужчин: найдены кольцевые проволочные серьги.

Наконец, общим для всех элементов погребального обряда является обычай класть в изголовье покойного баранье стегно, причем его обычно ставили вертикально или чуть наклонно, нижним концом вниз. У некоторых кроме стегна находились отдельные бараньи позвонки — либо в ногах, либо в области пояса.

Чтобы установить культурно-хронологическое место описанного погребального комплекса, рассмотрим известные нам сравнительные материалы из Западного Забайкалья.

Первые сведения о подобном типе захоронений мы находим у Ю.Д. Талько-Гришневича, раскопавшего в нескольких местах по две-три могилы, в которых покойники были «в деревянных гробах, обернутые в бересту» или «в выдолбленной колоде»¹. Интересно, что уже тогда этот первооткрыватель многих западно-забайкальских древностей верно предугадал, правда, больше по антропологическим признакам, этническую принадлежность этих захоронений. «Мы видим, — писал он, — все признаки монгольской расы, выступающие только сильнее, чем в чертах современных бурятских и халхасских. Можно поэтому предполагать, что это было одно из племен монгольских, удержавших в более чистом виде свои особенности, вроде крайней короткоголовости, и жили здесь вероятно до пришествия бурят»².

В 1925 г. Г. Ф. Дебец раскопал 7 погребений у с. Зарубино на р. Селенге, которые он

сравнивал с только что упомянутыми и относил к наиболее поздним из известных к тому времени могил железного века, связывая с «одним из кочевых монгольских племен, населявших край в начале II тыс. н. э.»³

Позднее Г. П. Сосновский, классифицируя памятники I и II тыс. н. э. причислял зарубинский могильник выделенной им Саянтуйской стадии (XIII—XIV вв.), куда он включает расположенные им «могилы юанов-кочевников» около дер. Саянтуй на р. Селенге, в Ильмовой долине близ г. Кихты, на озере Талхар и у с. Сотниково близ г. Улан-Удэ, в местности Енисей в окрестностях с. Селендумы, у горы Кумыи в долине р. Чикой и некоторые другие⁴.

Суммарную характеристику этой группы могил приводит в своей работе Е. А. Хамзина: «Для могил этой группы характерна плоская надмогильная кладка округлой, овальной или подквадратной формы, диаметр которой колеблется от 2,5 × 1,5 м до 4,0 × 5,0 м. Костяк лежит в могилах разной глубины — от 0,3—0,5 м до 1,35 м — обычно в вытянутом положении на спине, в колоде, берестяном гробу или просто в яме, иногда он покрыт кусками бересты. Ориентировка костяков также различна, но преобладает северная, северо-восточная и восточная, встречается и западная. Инвентарь представлен: предметами вооружения (костяные накладки на лук, берестяной колчан, железные и костяные наконечники стрел, железный нож, остатки топья и сабли); конскими снаряжениями (стремена, удила, остатки седла); одеждой и ее принадлежностями (остатки тканей, пояса, иногда с серебряными украшениями и пряжками); украшениями (бусы, подвески, пуговицы, серьги, зеркала, бляшки); утварью (остатки берестяных туесов, деревянные чашечки, глиняные горшки); пищей (зерна проса и кости животных)»⁵.

Нетрудно заметить, насколько совпадают основные черты этого погребального комплекса с той характеристикой, которую мы дали выше кибалинским средневековым могилам. Культурная принадлежность их, таким образом, вполне определена. Но каким временем датировать их: XI—XIII веками, как Г. Ф. Дебец, или XIII—XIV веками, как Г. П. Сосновский?

Обратимся вначале к Прибайкалью. Из Тункинской долины известны могилы, раско-

¹ Дебец Г. Ф. Могильник железного периода у с. Зарубино. — Бурятское, 1926, № 2, с. 15—16; Он же. Итоги и задачи доисторической археологии в Западном Забайкалье. — Жизнь Бурятии, 1929, № 7-8, с. 103—106.

² Неопубликованные материалы из архива Г. П. Сосновского. — См.: Архив ИОИА, ф. 42, д. 236, 237.

³ Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья. (Поздние кочевники). Улан-Удэ, 1970, с. 10—11.

панные в 20-х годах Б. Э. Петри. Они были обозначены снаружи площадками из булыжника, выложенными в виде круга. Погребения находились в колодах. Инвентарь состоял из серебряных и золотых украшений, жемчуга, бронзовых зеркал, шелковой ткани, конской сбруи, стрелы и удила, сложного монгольского лука, наконечников стрел со свистунами. В могиле найдены бараньи кости⁶. А. П. Оксладников датировал Тункинский могильник XII—XIV вв. н. э. и связывал его с монголами времени империи Чингиса.

Другой открытый им в верховьях р. Лены в 1929 г. Согнутский могильник он датирует XI—XII вв. и приписывает его, подобно тому как Г. Ф. Дебец — Зарубинский могильник, первым монгольским переселенцам, проникшим из Забайкалья в ленские и кудинские степи и «являющимся прямыми предками бурятских племен на Лене и Ангаре»⁷. Отметим, что могилы из улуса Согнут, в отличие от Забайкальских, имели свои особенности — специальное захоронение коня возле одной из могил и присутствие глиняных горшков своеобразной формы, напоминающей технологию мохской керамики Амура и Приморья⁸.

Теперь о Забайкалье. Г. П. Сосновский причислял тункинские могилы к Саянтуйскому этапу своей периодизации — XIII—XIV вв., не очень расходясь в этом с А. П. Оксладниковым. Но он включал туда же и зарубинские погребения, что намного расходится с датировкой Г. Ф. Дебца. Кроме того, в периодизации Г. П. Сосновского существовал пробел между памятниками Саянтуйской стадии XIII—XIV вв., которые он связывал с монголами, и памятниками так называемого Хойлегорского типа (VII—X вв.), приписываемого тюркам-уйгурам. Плодотворная попытка восполнить этот пробел принадлежит Е. А. Хамзину.

Е. А. Хамзина на основе исследованных ею Талхарского могильника в Иволгинской долине и Телятинковского могильника в Баргузинской долине выделяла промежуточную стадию развития позднечувашских культур — Талхарский этап (X—XIII вв.). Последний, по ее мнению, представлен кроме названных могильников также отдельными погребениями, расположенными Ю.Д. Талько-Гришневичем и Г. П. Сосновским на юге Бурятии, а также Тункинским могильником. В связи с этим заметим следующее: возможно, не без основания удравин датировку тункинских погребений на одно-два

⁶ Оксладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов. JL, 1937, с. 283—284.

⁷ Оксладников А. П. Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье. — В кн.: Филология и история монгольских народов. М., 1966, с. 206.

⁸ Там же, с. 207.

столетия, она без каких-либо комментариев соглашается с датировкой Г. П. Сосновским даты Зарубинского могильника.

Об обрядах похорон на Талхарских могильниках I, IV и VI, датированных X—XIII вв., Е. А. Хамзина пишет: «Во всех могильниках усопший погребался в сравнительно неглубоких ямах, над которыми сооружались невысокая каменная кладка округлой формы. Покойник клался в гробовище, чаще всего в колоду из толстого ствола лиственницы, реже — в гроб из досок и совсем редко (три могилы) зашивался в бересту. Берестой иногда выстилалась изнутри колода. Во всех погребениях находились косточки ног барана, положенные рядом с погребенным»⁹. Ориентировка погребенных преобладает северо-восточная и северная.

На Телятинковском могильнике «все косточки лежали на спине в вытянутом положении с некоторыми вариациями в положении рук и ног, почти все ориентированы головой на север, северо-восток, только три из них — на северо-запад. Обязательным элементом ритуала во всех могилах, за исключением детских, является кость ноги барана, поставленная вертикально. Погребальные сооружения можно разделить на следующие группы: 1) без гроба на подстилках из войлока или досок — 10 могил; 2) в колодах — 8 могил; 3) в дощатых гробах — 4 могилы; 4) «за забором» — 4 могилы. В последнем случае косточки лежали на подстилках и в неглубоком колоде из толстой плахи»¹⁰.

В целом датировка Е. А. Хамзиной погребальных и поминальных комплексов Талхара и Баргузина, сделанная по найденным вещам на основе привлечения широких аналогий из Южной и Восточной Сибири, не вызывает возражений. Выдвинутое ею положение о смещении в талхарских могильниках тюркских и монгольских погребальных обрядов, а следовательно, о постепенном вытеснении первых последними, заслуживает внимания. Дело в том, что по настоящее время еще не разработаны твердые критерии классификации погребальных комплексов I тыс. н. э. вообще и по разграничению тюркских и монгольских захоронений — в частности.

Что касается обследованного нами погребального комплекса в Кибалино, то после сравнительного обзора материалов удалось установить следующее: 1) погребения принадлежат монгольским племенам, точнее — одной из таких групп; 2) можно говорить с определенной долей уверенности лишь о нижней дате могильника — об XI в. н. э., времени начала

⁹ См.: Хамзина Е. А. Археологические памятники, с. 117—118.

¹⁰ Там же, с. 122.

массового расселения монголоязычных племен по территории Забайкалья и Прибайкалья. Верхняя дата остается открытой, ибо, ссылаясь на данные Г.Н. Сосновского, с равным основанием можно говорить и о XIII—XIV веках. Кроме того, у нас пока нет оснований отрицать более поздние даты.

Таким образом, состоящие источники по периоду средневековой истории Западного Забайкалья позволяют в данное время датировать вновь открытый погребальный комплекс довольно широким диапазоном времени¹⁷.

¹⁷ См. также статью Е. В. Новичева в настоящем сборнике

ДАНИЛОВ С. В.

РИТУАЛЬНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ БАРАНОВ В ЗАБАЙКАЛЬЕ

В 1954—1965 гг. археологическим отрядом Бурятского научно-исследовательского института культуры проводились раскопки позднесредневековых могильников на сопке Тапхар, в 27 км от Улаан-Удэ, близ пос. Иволга. Здесь среди самых разновременных памятников исследователями было выделено шесть могильников, относящихся к средневековью. В могильнике Тапхар VI наряду с человеческими захоронениями обнаружено шесть погребений останков баранов (могилы 4, 8, 13, 14, 17, 22). Почти каждое из них было расположено рядом с погребением человека. В могильнике Тапхар II открыто одно погребение барана (мог. 2), также находившееся недалеко от захоронения человека. С 1962 г. проводятся археологические исследования в долине р. Баргузин, где на могильнике у дер. Телятниково было раскопано еще четыре погребения баранов (погр. 1—4). Причем следует отметить, что погребения на сопке Тапхар в отличие от грунтовых телятниковских погребений имели небольшие намогильные каменные выкладки, овальные или круглые в плане. Все данные о погребениях были опубликованы руководителем раскопок Е. А. Хамзеной [1]. Основное внимание в ее монографии уделено вопросам выделения археологических этапов культуры народов Западного Забайкалья VII—XIV вв. Погребения баранов упомянуты ею как ритуальные, однако специально более подробному исследованию они не подвергались.

Для проведения детального изучения этих погребений все данные по ним сведены в таблицу. Используя эти данные, опубликованные в монографии, можно выделить три типа погребений баранов, каждый из которых соответствовал определенному обряду захоронения. За основу разделения погребений на типы взято положение остова в могиле и наличие в ней черепа.

Тип 1 (Телятниково 1, 2; Тапхар II, 2). Скелет барана лежит в полном анатомическом порядке, т. е. баран был захоронен целиком (рис. 1). Глубина могильных ям от 0,4 до 0,5 м. Ориентировка скелетов головой на ССВ, СВ и В. Кладка, сохранившаяся над одним из тапхарских погребений, овальная в плане (1,0×0,8 м).

Место- нахождение	№ захоронения	Полное наименование										Находки при раскопках			Ориентировка могилы			Глубина могилы, м			Форма кладки		
		голова					туловище					голова быка	нравная	обгоревшие косточки животных	СЗ	СВ	В	0,1—0,2	0,23—0,3	0,4—0,5	круглая	овальная	нет
Ташхар VI	44	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	17	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	22	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	13	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	4	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Телятниково	8	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	3	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	4	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Ташхар II	1	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	2	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

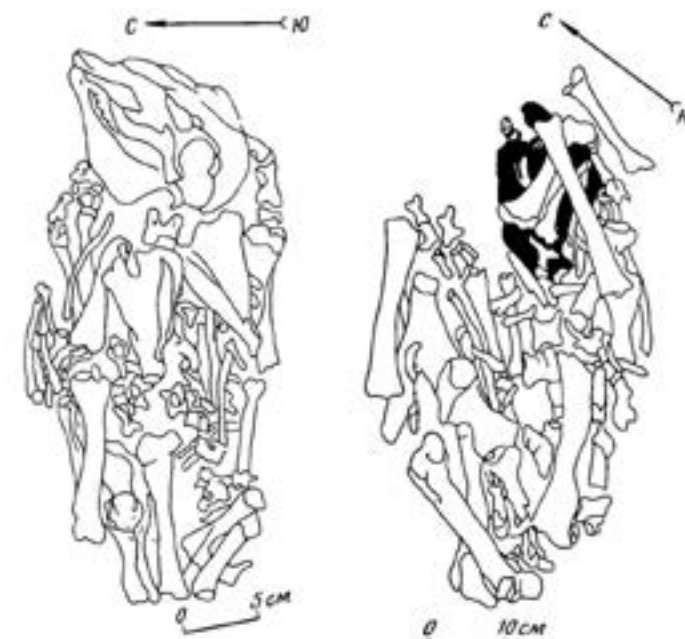

Рис. 1. Захоронения барана, тип 1 (Телятниковский могильник, погр. 2)
Рис. 2. Захоронение барана, тип 2 (Телятниковский могильник, погр. 3)

Тип 2 (Телятниково 3, 4; Ташхар VI, 4, 8). Анатомический порядок погребенных животных нарушен искусственно. Кости скелета сложены вокруг черепа или кости ног уложены вокруг туловища (рис. 2). Череп в двух случаях перевернут на лоб (Ташхар VI, 4, 8), в одном случае лежит на правой щеке (Телятниково 3). Ориентированы черепа в двух случаях мордой на СВ (Ташхар VI, 8; Телятниково 4) и в двух случаях на СЗВ (Ташхар VI, 4; Телятниково 3). Глубина погребений на Ташхаре незначительна: кости погребенных животных встречаются почти под камнями кладки. Кладка над погребением Ташхар VI, 4 в плане круглая (2,7×2,6 м). В погребении Ташхар VI, 8 от кладки сохранились следы вынутых камней, по которым можно установить, что форма кладки была круглой. В погребении Ташхар VI, 4 вместе с бараном была захоронена голова быка, а в погребении Ташхар VI, 8 под камнями кладки были обнаружены раздробленные обгоревшие косточки животных. При обряде погребения, характерном для второго типа, тушу барана, очевидно, разделявали, мясо съедали и погребались только оставшиеся после трапезы кости животных.

Тип 3 (Ташхар VI, 13, 14, 17, 22). В погребениях отсутствуют черепа животных и длинные кости ног. Кости баранов сложены кучкой. Ориентировка погребения 17 — по оси СВ—ЮЗ (определена по овальному могильному пятну), погр. 22 — по оси В—З (определена по овальной кладке). Для погр. 13 и 14 ориентировка не установлена. Глубина погр. 13—0,25—0,30 м. Отсутствие в погребениях черепа и длинных костей ног можно объяснить тем, что с барана, по-видимому, снимали шкуру с головы и ногами и использовали ее в каком-то ритуале. В прошлом у многих народов Сибири был известен, например, обряд вывешивания шкуры жертвенного животного [2, с. 30].

Жертвоприношения животных, в частности баранов, имели широкое распространение. Животных привозили в жертву на поминальных тризнях, а их мясо клали в могилу как заупокойную пищу. Убитые живот-

ные должны были сопровождать умершего хозяина в загробный мир. Существовали жертвоприношения посвященных животных, так называемых изыхов. Их приносили в жертву огню, духам гор, духам, которые считались хозяевами-покровителями определенной местности и т. д. [3]. Описывая обряд заклинания болезни человека и приношения при этом в жертву животного, Д. К. Зеленин отмечает интересный фант постепенной трансформации обряда: «Домашнее животное, служащее новымместилищем для духа болезни, считали необходимым изолировать... животное закаливали... считая его жертвой данному духу болезни, мясо жертвы, как служащееместилищем для духа болезни и принадлежащее духу болезни, сначала не ели. Но экономка скоро взяла верх, и мясо посетителя духа болезни стали есть, отдавая духу лишь часть его: голову с сердцем или шкуру с ногами» [3, с. 289].

Захоронения целой туши барана встречены не только в Забайкалье. В 1865 г. В. В. Радловым при раскопках II Катайдинского кладбища в Горном Алтае было обнаружено захоронение барана под каменной выкладкой [4, с. 100]. В 1957 г. в Туве, в урочище Ак-Довурак, С. И. Вайнштейн раскопал два погребения баранов под каменными кладками [5, с. 224]. В отличие от В. В. Радлова, не придавшего своей находке особого значения, С. И. Вайнштейн дал полную характеристику погребений: бараны погребены целиком, ориентированы головами на Ю и З, глубина захоронений соответственно 0,9 и 0,75 м. Кладки над захоронениями сравнительно крупных размеров. Одна овальная (6×4,9 м), вторая круглая, диаметром 5,9 м. С. И. Вайнштейн отметил несомненный интерес, который представляли оба погребения, и высказал предположение о связи этих захоронений с ритуалом захоронения жертвенных баранов, существовавшим у древних уйгуров и описанным в китайской летописи «Вэй-шу». Летопись сообщает: «Уйгуры любят громовые удары. При каждом громовом ударе производят крик и стреляют в небо; потом оставляют это место и расходятся. В следующем году осенью, когда лошади пожиреют, опять собираются на место громового удара, зарывают в землю барана и зажигают светоч с пожом, шаманка читает молитвы» [6, с. 215, 216].

О сходном в сущности обряде, существовавшем у алтайцев, писал Г. Н. Потанин: «Алтайцы приносят жертву огню после первого грома. При этом колют рыжеголового барана... подя огня кладут на четырех углах тряпки. Кам в это время камлает вокруг огня» [2, с. 89]. Специального захоронения жертвенного животного у алтайцев в XIX в. уже нет.

Очевидно, что в этих сообщениях говорится об обряде, связанном с посвященными жертвенным животным.

В нашем случае наиболее заслуживающим внимания представляется рассказ Д. К. Зеленина о постепенной трансформации обряда, связанного с жертвенным животным — изыхом. Это животное посвящалось человеку, что как раз объясняет фант захоронения его на могильниках наряду с погребением человека. Таким образом, можно сказать, что наряду с многочисленными обрядами, связанными с посвященными животными, существовал обряд погребения жертвенных животных в пределах могильника в отдельных могильных ямах.

Е. А. Хамзина датирует могильники с захоронениями животных X—XII вв. и связывает их с одной из северных ветвей селенгинских уйгуров.

Вполне возможно, что выделенные нами три типа захоронений баранов соответствуют разным периодам существования этого обряда. Естественно предположить, что самым ранним типом является первый тип забайкальских погребений, где захоронены целые туши баранов (см. таблицу). К нему же можно отнести погребения, открытые археологами в Туве и на Алтае. Следующий тип, характеризующийся захоронением неполной туши барана, относится соответственно к более позднему периоду, а последний — третий тип — к периоду, непосредственно предшествующему исчезновению обряда погребения останков барана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1970.
2. Потанин Г. Н. Очерки Северо-западной Монголии. СПб., 1883, т. IV.
3. Зеленин Д. К. Культ ошгенов в Сибири. М.—Л., 1936.
4. Загарев В. В. Материалы по археологии Сибири. Раскопки академика В. В. Радлова в 1865 г.—Тр. ГИМ, 1926, т. 1.
5. Вайнштейн С. И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг.—Уч. зап. ТНИИЯЛИ, 1953, т. 6.
6. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

С. В. Данилов

ЖИВОТНЫЕ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДАХ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Степные пространства Монголии и Забайкалья служили местом обитания людей еще с эпохи камня. Но есть основания полагать, что широкие степные пространства осваивались человеком в это время еще в незначительной степени и только с появлением производящего хозяйства степи начинают служить человеку как один из основных источников существования.

Эта эпоха характеризуется появлением в степях кочевого скотоводства. Главным объектом хозяйственной деятельности человека становятся многочисленные стада животных. Преобладающими видами животных у кочевников были лошади и овца, как наиболее приспособленные к постоянным перекочевкам. Изменения, происшедшие в хозяйственном укладе, находят свое отражение и в изменении некоторых черт погребального обряда. В погребениях кочевников появляются кости различных видов домашних животных. Анализ костей животных, найденных в погребениях, служит для реконструкции не только хозяйственно-культурного типа данной культуры, но и религиозных верований людей прошлых эпох. С этой точки зрения вопрос о роли животных в погребальных обрядах древних людей заслуживает специального рассмотрения.

В Забайкалье появление скотоводства связывают с появлением культуры плиточных могил, датируемой эпохой поздней бронзы и раннего железа. Относительно датировки плиточных могил особых разногласий нет. Конечной датой существования этого вида памятников признается III—II вв. до н. э., т. е. время образования хуннского племенного союза, хотя вполне вероятно, что часть носителей культуры плиточных могил, не вошедшая в состав государства хунну, продолжала существовать и позднее. О нижней дате культуры плиточных могил существует несколько точек зрения [Окладников, 1959, с. 126; Диков, 1958, с. 57], но все исследователи связывают появление кочевого скотоводства в степях Монголии и Забайкалья с этой культурой. Такой вывод был сделан на основании изучения костей домашних животных, найденных в плиточных могилах.

Результатом такого анализа, помимо установления хозяйственного типа культуры плиточных могил, были выводы о значительной подвижности стада скота у древних забайкальцев, установление его видового состава, а также выявление некоторых сторон духовной жизни носителей культуры плиточных могил [Диков, 1958, с. 58, 62; Волков, 1967, с. 91, 92, 98; Гришин, 1975, с. 98—100, 102].

Н. Н. Диков выделил два хронологических этапа, существовавшие в культуре плиточных могил, — Танхарский — VIII—VI в. до н. э., и Саянтуйский — VI—III в. до н. э. [Диков, 1958, с. 32—43]. Основное внимание при выделении этих этапов было уделено вещевому инвентарю, найденному в погребениях. Об обряде жертвоприношения животных говорилось как о едином обряде, свойственном всей культуре плиточных могил. Кости скелета животных, найденные в погребениях, рассматривались как мясная пища, клавшаяся умершему, а черепа овец и лошадей трактовались как символическое стадо домашних животных, сопровождавшее покойного в загробный мир и обязанное служить ему там [Диков, 1958, с. 58, 62]. В целом такая картина возражений не встречает, и в настоящее время

еще нет возможности говорить о каком-либо различии, существовавшем в обряде жертвоприношения животных между Тапхарским и Саянтуйским этапами. Но появившиеся в последнее время данные позволяют уточнить и дополнить некоторые стороны обряда жертвоприношения животных, существовавшего у людей культуры плиточных могил.

Отмечая нахождение в плиточных могилах черепов лошадей и других домашних животных, исследователи обычно предполагали, что при находке нижних челюстей животного оставшая часть черепа не сохранилась. В таком случае даже находка зуба животного позволяла предполагать наличие в могиле всего несохранившегося черепа животного. Однако раскопки Р. Н. Ступникова неогрabenных плиточных могил у ст. Оловянной в Восточном Забайкалье выявили существование обычая уложения в могилу только нижней челюсти животного. Причем в погребении 1 нижние челюсти лошади были найдены в верхнем дерновом слое прямо над плитами перекрытия могилы, а в погребении 2 нижняя челюсть овцы была найдена в ногах погребенного [Ступников, 1974, с. 104, 105]. Такое положение нижних челюстей лошади свидетельствует, вероятно, о тех же ритуальных функциях челюсти животного, которые возлагались на целые головы животных, клавшихся в могилу.

Находки неповрежденных черепов животных были сделаны в Кондуйской долине экспедицией Института археологии АН СССР под руководством С. В. Киселева. Здесь, в пади Усть-Цорон, в погребении 1 на глубине 1,2 м на плитах настила лежали три бараньих и два конских черепа. В другом погребении на глубине 1 м также на плитах настила лежали череп и челюсть лошади. Остатки челюсти лошади были найдены и в самом погребении, около головы погребенного [Евтюхова, Терехова, 1965, с. 246—247]. Г. П. Сосновским в погребении 38 в Суджи был обнаружен череп барана, лежавший под плитами настила, рядом с черепом лежал зуб быка [Сосновский, 1941].

Кроме этого, в плиточных могилах имеются находки обломков черепов, челюстей и зубов домашних животных, которые, однако, не дают ясного представления об их первоначальном местоположении и могут служить лишь свидетельством существования обряда жертвоприношения символического стада домашних животных.

Рассмотренные здесь погребения, в которых зафиксирован обряд захоронения символического стада домашних животных, позволяют сделать вывод о том, что наряду с головами животных клались челюсти или даже зубы животных. Могилы в Усть-Цороне с более многочисленными черепами животных имеют в этом отношении некоторое сходство с погребальным обрядом хунну, у которых имеются схожие захоронения жертвенных животных.

Для раннего хуннского могильника в Дэрестуе количество находок костей домашних животных довольно незначительно. В основном это мелкие обломки трубчатых костей и позвонков крупного и мелкого рогатого скота. Исключение составляет погребение 9, где были найдены черепа диких животных: четыре черепа кулана и четыре черепа дикого барана [Коновалов, 1976, с. 167]. Иволгинское городище и относящийся к нему могильник также относятся к раннему периоду жизни хунну в Забайкалье. Из 216 могил полностью раскопанного Иволгинского могильника кости животных были обнаружены в 17 [Давыдова, 1975]. Это в основном кости мелкого рогатого скота, и трактовка их как заупокойной мясной пищи возражений не встретит. Также мясной пищей можно объяснить находки костей животных в могильнике хунну в Черемуховой пади, хотя здесь отсутствие погребений с ритуальными захоронениями голов жертвенных животных может быть объяснено неполной изученностью могильника. Ведь могильник в Черемуховой пади по обряду погребения почти одновременно могильнику в Ильмовой пади, где были раскопаны погребения, сопровождающиеся захоронениями голов животных. В отдельных погребениях этого могильника был представлен весь видовой состав стада скота у хунну, а количество голов скота достигает 19 особей [Коновалов, 1967, с. 161—165]. Головы животных обычно укладывались в головной части могильной ямы в определенном порядке, хотя существовали и другие варианты уложения голов животных. Наличие около каждой головы копыт этого же вида животного и лежащих рядом хвостовых позвонков позволяет предположить существование обычая укладки в могилу шкуры животного с головой, ногами и хвостом. На этом могильнике впервые у хунну встречаются ритуальные захоронения собак. Причем в ряде случаев собаку клали целиком и обкладывали каменными плитами. Такой обряд, при котором собака являлась проводником души умершего, был зафиксирован у восточных соседей хунну ухуань и сяньби [Викторова, 1974, с. 264].

Для выяснения происхождения обряда жертвоприношения животных у ранних кочевых племен Забайкалья необходимо рассмотреть точку зрения В. Е. Ларичева на происхождение культуры плиточных могил [Ларичев, 1959]. Им было высказано мнение о родстве плиточных могил Забайкалья с земледельческой культурой эпохи бронзы в Дунбее. Действительно, погребальные обряды этих культур имеют много общих черт. Это сходные в принципе погребальные сооружения, наличие в инвентаре погребений глиняных сосудов-триподов, и, что важно для нас, в плиточных могилах Дунбее зафиксирован обряд жертвоприношения животных, где черепа и нижние челюсти животных лежали на плитах, перекрывавших каменные ящики. Видовой состав типичен для оседлых земледельцев: бык, свинья, собака, овца.

Культура бронзы Дунбей развилась на местной неолитической основе [Ларичев, 1961, с. 21], и появление новых черт в погребальном обряде является отражением как изменений, происшедших в хозяйственном укладе, так и появления новых представлений, связанных с посмертным существованием человека. Одной из таких черт является обычай наделять покойного пищей. Но несомненно, что черепа и челюсти животных, клавшиеся в могилы в Дунбее, как и в плиточных могилах Забайкалья, не являлись мясной пищей, клавшейся умершему, а были как бы символическим стадом скота, дававшим возможность покойному продолжать тот же образ жизни, что и до смерти. Появление такого обряда захоронения символического стада животных связано, вероятно, с тем, что приручение животных, прослеженное еще в неолите Дунбей [Ларичев, 1961, с. 22], переходит постепенно в скотоводство и становится одной из главных отраслей хозяйства. Такое изменение в хозяйственном укладе находит отражение в погребальном обряде. Западнее, в степях Монголии, где имелись хорошие условия для выпаса скота, скотоводство становится основой хозяйства, и здесь происходит постепенное формирование новой формы хозяйства — кочевого скотоводства. Кочевой уклад жизни вносит коррективы и в погребальный обряд. Это выразилось в плиточных могилах, которые в отличие от дунбейских находятся на поверхности земли. Жертвенными животными, составлявшими символическое стадо животных, были характерные для кочевого скотоводства лошадь и овца.

По мере проникновения культуры плиточных могил в степное и лесостепное Забайкалье здесь появляется новый тип хозяйства — кочевое скотоводство. Однако на территории Забайкалья наличие домашних животных отмечается у племен ранней бронзы и датируется второй половиной II и, возможно, самым началом I тыс. до н. э. [Гришин, 1981, с. 117]. Первыми следами перехода от приручения животных к скотоводству является, возможно, находка сформировавшейся домашней овцы в погребении 20 Фофановского могильника [Герасимов, Черных, 1975, с. 35]. Но такая находка носит пока единичный характер, и устоявшейся чертой погребального обряда жертвоприношения животных на территории Забайкалья становится с появлением здесь культуры плиточных могил.

В дальнейшем, после установления на территории Забайкалья господства хунну, наблюдается постепенное проникновение в их погребальный обряд обычая захоронения символического стада животных. Некоторое отличие, выразившееся в захоронении головы животного вместе со шкурой, ногами и хвостом, объясняется трансформацией этого обряда, приспособленного хуннами к своим верованиям. Своеобразным является обряд захоронения жертвенной собаки. Вполне возможно, что такой ритуал был свидетельством существования у хунну

такого же, как и у их восточных соседей сяньби и ухуань, представления о роли собаки как проводника умершего в загробный мир, что и нашло отражение в погребальном обряде.

В дальнейшем на территории Забайкалья появляются племена с иными обрядами жертвоприношений животных и обряд жертвоприношения голов жертвенных животных в погребениях уже не встречается.

ЛИТЕРАТУРА

- Викторова Л. А. Ранние формы религии киданей. — В кн.: Бронзовый и железный века Сибири. Новосибирск, 1974.
Волков В. В. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. Улан-Батор, 1967.
Герасимов М. М., Черных Е. Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. — В кн.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975.
Гришин Ю. С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. М., 1975.
Гришин Ю. С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М., 1981.
Давыдова А. В. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3866, 3264, 3120.
Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958.
Евтюхова Л. А., Терехова Н. Н. Плиточные могилы Ковдуйской долины. — В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965.
Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976.
Ларичев В. Е. О происхождении плиточных могил Забайкалья. — В кн.: Археологический сборник. Улан-Удэ, 1959.
Ларичев В. Е. Бронзовый век Северо-Восточного Китая. — СА, 1961, № 1.
Окладников А. П. Триподы за Байкалом. — СА, 1959, № 3.
Сосновский Г. П. Плиточные могилы Забайкалья. — Труды ОИПКЭ, Л., 1941, т. 1.
Ступников А. Н. Плиточные могилы у ст. Оловянной Читинской области. — В кн.: Бронзовый и железный века Сибири. Новосибирск, 1974.

С. В. ДАНИЛОВ

**ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ЖИВОТНЫХ
В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДАХ
МОНГОЛЬСКИХ ПЛЕМЕН ЗАБАЙКАЛЬЯ**

Период с XI по XIV в. характеризуется выходом на широкую историческую арену монголоязычных племен и созданием ими крупных государственных образований. Исследования археологических памятников XII—XIV вв. ведутся в настоящее время

на довольно широкой территории и охватывают Иркутскую и Читинскую области, Бурятскую АССР, а также Монгольскую Народную Республику.

Основным видом археологических памятников, связанных с монгольскими племенами, является погребение. К настоящему времени выявлены различные их варианты: просто в грунте, в бересте, дощатом гробу, колоде. Существуют также внутримогильные конструкции с применением каменных плит. Погребальный инвентарь представлен предметами вооружения, конского снаряжения, украшениями и довольно единообразен на всей территории распространения этого вида памятников. Изучение половозрастного состава погребенных не дает в настоящий момент ответа на вопрос о причинах существования различных вариантов погребального обряда. Наличие их объясняется, возможно, временными или же родоплеменными различиями.

Характерной чертой, общей для всех вариантов погребального обряда, является наличие в могиле берцовой или бедренной кости барана. Хотя следует отметить, что встречаются погребения, где она отсутствует.

В грунтовых могилах кость ноги барана находилась, как правило, возле головы покойного слева или справа или же около теменной части [Хамзина, 1970, с. 37, 39; Коновалов, Данилов, 1981, с. 64, 65, 67, 68; Ковычев, 1981, с. 73]. В изголовье были найдены кости ног барана в грунтовых погребениях в местности Байс близ Кяхты *, а также в могильниках Балеевка (погребения 4, 8), Подчерная (погребения 3, 4), Дэрестуйский Култук I (погребение 1) на территории Бурятской АССР (кроме погребения 1 Дэрестуйского Култука I, материалы не опубликованы, см. отчеты П. Б. Коновалова за 1982, 1983 гг. в ИА АН СССР). Причем в погребении 4 могильника Балеевка берцовая кость обнаружена вместе с лопаткой барана и железным ножом. Такое сочетание кости ноги барана с бараньей лопаткой, находившихся в головах покойного, было отмечено на территории МНР на р. Керулен в погребении 4 и в местности Хоалтын-гол в погребении 2 [Асеев, 1975, с. 181, 183], причем в последнем под лопаткой барана лежал железный наконечник стрелы. Также у черепа погребенного была найдена вертикально установленная бедренная кость овцы в грунтовой могиле в местности Бага-Арцат (МНР) [Худяков, 1982, с. 124—125].

При захоронении в бересте кость ноги барана клали как за пределами берестяного гроба, так и внутри него, но в обоих случаях в изголовье [Хамзина, 1970, с. 39; Коновалов, Данилов, 1981, с. 65—66, 69—70]. В погребениях Ангинского могильника III (Иркутская обл.) она была найдена на груди ребенка (погребение 2) и взрослого (погребение 4), захороненных в бересте [Асеев, 1980, с. 72—74]. В детском погребении у с. Солонцово (Читинская обл.) вертикально стоявшая кость ноги барана находилась

* См.: Архив ИА, Р—1, 160 (отчет А. П. Окладникова).

за пределами берестяного гроба с левой стороны на уровне пояса [Ковычев, 1981, с. 76].

Захоронения в гробах с положенными в них костями ног баранов найдены пока еще в небольшом количестве. Кость могла находиться как за пределами гроба, в ногах [Хамзина, 1970, с. 73], так и внутри него, причем в погребении 8 Ангинского могильника III она была найдена рядом с железным ножом и наконечником стрелы [Асеев, 1980, с. 72—78].

В погребениях с колодой наблюдается большое разнообразие в выборе места для кости ноги барана. Она помещалась как внутри, так и за пределами колоды. Так, внутри колоды кости ног барана были найдены у черепа (погребения 5, 7) и бедра (погребение 3) погребенного в могильнике у с. Зарубино (Бурятия) [Дебец, 1926, с. 15]; на груди — в погребении 6 Ангинского могильника III [Асеев, 1980, с. 75]; в ногах погребенных — в погребении 1 Ангинского могильника I [Асеев, 1980, с. 69] и в погребениях 1, 6 Сэгэнутского могильника (в верховьях р. Лены, Иркутская обл.) [Окладников, 1976, с. 45—47]. Отмечены находки костей ног баранов и за пределами колоды. Они ставились у длинных стенок колоды, по возможности вертикально, иногда по одной с каждой стороны [Хамзина, 1970, с. 24, 29, 37, 51, 57, 80]. В погребениях 8, 9 могильника Подчерная берцовые кости барана найдены у длинных сторон колоды. Отмечено установление кости ноги барана и над колодой, обычно в изголовье, и у ее торцов [Хамзина, 1970, с. 36, 37, 67; Асеев, 1973, с. 107].

Таким образом, при рассмотрении всех случаев находок костей ног барана наблюдается некоторая закономерность, связанная с тем или иным вариантом погребения. Представляется возможным привлечь эту деталь погребального обряда для выяснения относительной хронологии памятников XII—XIV вв.

Предположительно грунтовые могилы являются более ранними. Об этом свидетельствуют находки в них китайских монет эпохи Сун, датирующиеся XI в. Хотя, конечно, такая датировка по монетам не может являться абсолютной, так как они не имели хождения у местного населения в качестве денежного эквивалента, а служили, скорее всего, украшением в течение какого-то времени. Кости ног барана, находимые в грунтовых могилах почти обязательно в изголовье, свидетельствуют об установившейся традиции, которую нарушали, вероятно, только в единичных случаях. В погребениях с различными внутримогильными конструкциями из бересты, дерева, каменных плит наблюдается постепенный отход от этой традиции. Если в могилах с берестяными конструкциями кости ног барана еще находим в головах погребенного, то при захоронении в гробах и колодах они встречаются в самых различных местах. Это изменение традиции можно истолковать как постепенное переосмысление той части погребального обряда, которая была связана с установлением в могиле костей ног барана. Параллельно шло изменение погребального обряда в сторону применения различных внутримогильных конструкций в виде гроба, колоды и т. д.

Таким образом, можно сделать вывод, что рассматриваемые погребения хронологически располагаются следующим образом: грунтовые могилы — захоронения в бересте — погребения в гробах и колодах. Конечно, истинную картину того, как шел процесс развития погребальных обрядов XII—XIV вв., покажет тщательный анализ всего комплекса погребального инвентаря, надмогильных сооружений, этнографического материала.

Для того, чтобы понять, хотя бы приблизительно, тот смысл, который вкладывался в ритуал установления в могиле костей ног барана, надо использовать данные этнографии. Кочевые народы до тонкости изучили все, что связано с домашними животными. У них существовала веками отработанная система забоя и разделки домашних животных, а также отбора определенных частей туши по их вкусовым качествам, причем считалось, что мясо каждой из них имеет свое свойство, в соответствии с которым и происходила раздача мяса на различных пирах, празднествах, тризнах и т. д. Г. Гомбоев, подробно описывая способ разделки барана у монголов, перечисляет те части туши, которые имели различное предназначение. В частности, берцовые кости, по его мнению, имели гораздо большее значение, нежели бедренные [Гомбоев, 1860, с. 129—136]. По данным бурятского этнографа С. П. Балдаева, у части бурят считалось, что мозги бедренной и берцовой костей барана содержат жизненную силу — сулдэ или хулдэ [1961, с. 107]. Особое отношение было и к бедренным костям барана, заколотого в честь рождения ребенка. Они подвешивались к колыбели, и по числу таких костей можно определить количество детей в семье. Впоследствии эти кости снимались и хранились как святыня семьи [Балдаев, 1961, с. 108].

Б. Я. Владимирцев переводит слово «сулдэ» или «сульдэ», как «душа, одна из душ», отмечая, что сульдэ великого человека в представлении монголов после его смерти становится покровителем своего рода, племени, народа [Владимирцев, 1927, с. 23]. Д. Банзаров, объясняя смысл сулдэ, предполагает наличие в нем какого-то особенного могущества, которое якобы невидимо хранит подданных царя монголов [Банзаров, 1955, с. 79—80]. Исходя из такого понимания сулдэ, можно предположить, что оно было присуще каждому человеку и являлось, по-видимому, абстрагированным понятием духовной силы человека. В этом смысле особое значение приобретают бедренная и берцовая кости барана, в которых содержалась, по свидетельству С. П. Балдаева, жизненная сила — сулдэ. В этой связи становится более понятным обычай древних монголов класть в могилу умершего бедренную или берцовую кость барана. Хотя подлинный смысл этого обряда восстановить сейчас представляется довольно затруднительным, можно предположить, что, согласно верованиям монголов, кость барана, содержащая сулдэ, играла какую-то определенную роль в посмертном существовании человека.

Лопатка барана, по свидетельству Г. Гомбоева, имела важное значение при жертвоприношении, и оно, наверное, было опреде-

лено в глубокую старину шаманами [1860, с. 131]. Действительно, лопатка животного с древности являлась одним из атрибутов служителей культа. Она использовалась как инструмент для гадания. Наличие лопатки барана в погребениях XII—XIV вв. свидетельствует, возможно, о принадлежности захороненных к той категории людей, которые так или иначе были связаны с отправлением культа.

Обычай жертвоприношения домашних животных умершему известен почти у всех народов. На территории Забайкалья первые следы его встречаются в погребениях дворцовой культуры, датируемой XII—XIII вв. до н. э. [Кириллов, 1979, с. 51]. Остатки жертвоприношений животных в погребениях этой культуры представлены черепами лошадей, коров и баранов, которые были уложены вокруг скелета человека. Количество черепов колеблется от 3 до 30. Черепа лошадей, коз, баранов и крупного рогатого скота встречаются и в погребениях культуры плиточных могил. В захоронениях хунну, культура которых с III в. до н. э. вытесняет культуру плиточных могил, также найдено большое количество черепов лошадей, крупного рогатого скота, коз и овец. Судя по тому, что в этих погребениях обнаружены кости ног и хвостовые позвонки, головы животных клались в могилу вместе со шкурой [Данилов, 1983]. В Восточном Забайкалье со II — по VIII в. н. э. существовала так называемая бурхотуйская культура, в погребениях которой тоже имеются следы каких-то ритуальных жертвоприношений, о чем свидетельствуют обломки костей животных, найденные в заполнении могильных ям [Ковычев, 1977, с. 6]. Не обнаружены кости животных в погребениях хойцеговского комплекса памятников Западного Забайкалья, датируемого VII—IX вв. [Кызласов, 1981, с. 59]. Возможно, в погребальном обряде этих племен не нашел отражения обычай жертвоприношения животных.

Таким образом, в XI—XII вв. на территории Забайкалья появился новый погребальный комплекс, связанный с распространением монгольских племен, обрядность которого значительно отличалась от ранее существовавших на этой территории. Выше мы попытались дать интерпретацию одного из элементов этой обрядности. Дальнейшие исследования материальной и духовной культуры средневековых монголов позволят понять общие закономерности в процессе эволюции обычая жертвоприношения животных в погребальных обрядах монгольских племен и их предков.

ЛИТЕРАТУРА

- Асеев И. В. Памятники железного века в бассейне реки Онон. — Изв. СО АН СССР, 1973, № 11. Сер. обществ. наук, вып. 3.
Асеев И. В. О раннемонгольских погребениях. — В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975.
Асеев И. В. Прибайкалье в средние века. Новосибирск, 1980.
Баддаев С. П. Избранное. Улан-Удэ, 1961.

- Банзаров Д. Черная вера, или шаманизм, у монголов. Собр. соч., М., 1955.
Владимирцев Б. Я. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах. — В кн.: Северная Монголия. Л., 1927.
Гомбоев Г. Примечания на письмо Н. И. Ильинского к Савельеву. — Изв. ВОРАО, Спб., 1860, ч. 1, вып. 5.
Данилов С. В. Животные в погребальных обрядах ранних кочевников Забайкалья. — В кн.: По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск, 1983.
Дебец Г. Ф. Могильник железного периода у с. Зарубино. — Бурятияведение, 1926, № 2.
Кириллов И. И. Восточное Забайкалье в древности и средневековье. Иркутск, 1979.
Ковычев Е. В. Восточное Забайкалье в I тысячелетии н. э. Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1977.
Ковычев Е. В. Монгольские погребения из Восточного Забайкалья. — В кн.: Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск, 1981.
Коновалов П. Б., Данилов С. В. Средневековые погребения в Кибалино. — В кн.: Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск, 1981.
Кызласов Л. Р. Средневековые памятники Западного Забайкалья. — В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
Окладников А. П. Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье. — В кн.: История и культура Бурятии. Улан-Удэ, 1976.
Хамзина Е. А. Археологические памятники западного Забайкалья. Улан-Удэ, 1970.
Худяков Ю. С. Древнемонгольское погребение из Бага-Арцат. — В кн.: Проблемы археологии и этнографии Сибири. Тезисы докладов к региональной конференции. Иркутск, 1982.

П.Б. Коновалов, С.В. Данилов

К ИЗУЧЕНИЮ ПЛИТОЧНЫХ МОГИЛ ЗАБАЙКАЛЬЯ И МОНГОЛИИ

Одна из ярких археологических культур эпохи палеометалла Забайкалья и Монголии — культура плиточных могил — ныне нуждается в дальнейшем специальном изучении на новом уровне знаний и методики. Основными памятниками этой культуры и сегодня остаются широко известные в археологии плиточные могилы. Отмечая громадную заслугу их главных исследователей (Г.П. Сосновского, Н.Н. Дикова, А.П. Окладникова), разработавших типологию, хронологию и культурно-историческую интерпретацию этих памятников, приходится все же констатировать недоработку целого ряда аспектов их изучения.

Во-первых, при всем внимании к внешнему виду этих погребений остается неясной подлинная конструкция надмогильных и внутримогильных сооружений во всех ее возможных модификациях, обусловленных различными факторами — хронологическими, территориальными, топографическими, социальными и т.п.

Во-вторых, отсутствует достаточно четкое представление о типологии металлического инвентаря погребений, в особенности бронзового. Насколько самостоятельна была у населения плиточных могил металлургия бронзы именно в типологическом аспекте? Как соотносятся с ней тагарские и карасукские формы изделий, происходящих из плиточных могил?

В-третьих, нет однозначного решения вопроса об общей хронологии культуры плиточных могил, как нет и разработки ее микрохронологии.

В-четвертых, в связи с накоплением и систематизацией данных об оленных камнях и курганах-керекурах Монголии и Забайкалья на повестку дня встает вопрос о подлинности культурной взаимосвязи оленных камней с плиточными могилами и о культурно-хронологическом соотношении последних с курганами-керекурами. Вопрос этот приобретает остроту именно в силу очевидного территориального и топографического совмещения названных видов и типов памятников.

В-пятых, следует отметить недостаточную разработанность вопроса о связи плиточных могил с поселениями, очагами металлургического производства на территории распространения всей культуры.

Изложенный далеко не полный перечень вопросов, связанных с изучением культуры плиточных могил, оправдывает проявленный к ней в последние годы интерес, выразившийся в публикации новых материалов в предыдущем нашем сборнике (По следам древних культур Забайкалья, 1983), а также в продолжении данной темы в настоящем издании.

В последние годы авторам пришлось провести ряд охранно-спасательных раскопок плиточных могил, а также учет и внешнее описание их в связи с проектированием природно-археологических заповедников на территории Бурятской АССР.

Предварительно необходимо остановиться на внешней характеристике памятников, коснуться некоторых сведений об их исследованиях и на основе этого обозначить интересующий нас аспект данного исследования.

Плиточные могилы — одни из наиболее характерных археологических памятников Забайкалья и Монголии — издавна привлекали к себе внимание путешественников и исследователей своеобразным внешним видом, выраженным прямоугольной оградой из вертикально установленных плит.

По-видимому, первые дошедшие до нас сведения об этих сооружениях имеются в путевых записках китайского путешественника XIII века, описавшего, по мнению Н.Н. Дикова (1958, с. 7), одиночную такую могилу среди степи на р. Тамире в Монголии, которую издали можно было принять за большой маяк. Аналогичное восприятие от подобных сооружений Забайкалья выразили ранние российские исследователи Сибири, называвшие их степными маяками или дворицами.

В частности, в дневнике натуралиста Д.Г. Мессершмидта за 1723 год записано, как он видел множество каменных плит, «подобно окаменевшей армии», торчавших из земли по пути от Аргунского завода к озеру Далай-Нор (Диков, 1958, с. 7).

Именно такую ассоциацию вызывают наиболее крупные плиточные могилы или их группы (могильники), несомненно, относящиеся к разряду мегалитических сооружений, в основе которых заложена идея наземной ограды-дворица над захоронением в яме.

По своему местонахождению плиточные могильники связаны с различными топографическими ситуациями — расположены по окраинам степных долин, у подножий гор, особенно

у их мысовидных выступов, в просторных падах, коротких и узких распадках, забираются довольно высоко на увалы и седловины или же вынесены на открытые участки степи. Последняя топографическая особенность характерна, как правило, для крупных могил. Тем не менее, большинство могильников дислоцируются в местах с южной экспозицией, то есть у южных склонов гор, в открытых на юг падах и распадках.

Давно замечено упорядоченное расположение плиточных могил в могильнике — рядами, зытянутыми в меридиональном направлении. Эта черта, вероятнее всего, имеет под собой социальную основу, а именно: размещение по принципу родства, степени знатности и т.д., что, впрочем, остается пока не выясненным. Здесь подчеркнем лишь одно внешне выраженное обстоятельство: если, например, такая цепочка могил находится в пади, открытой на южную сторону, то в ее устье располагаются, как правило, наиболее крупные и красиво сложенные могилы, как бы оформляя фасад некрополя.

Одному из авторов настоящей публикации приходилось обращать внимание на органическую связь этих сооружений с разнообразным природным фоном Забайкалья и представить подобные древние некрополи в качестве элементов культурно-исторического ландшафта Забайкалья (Коновалов, 1986, с. 92.).

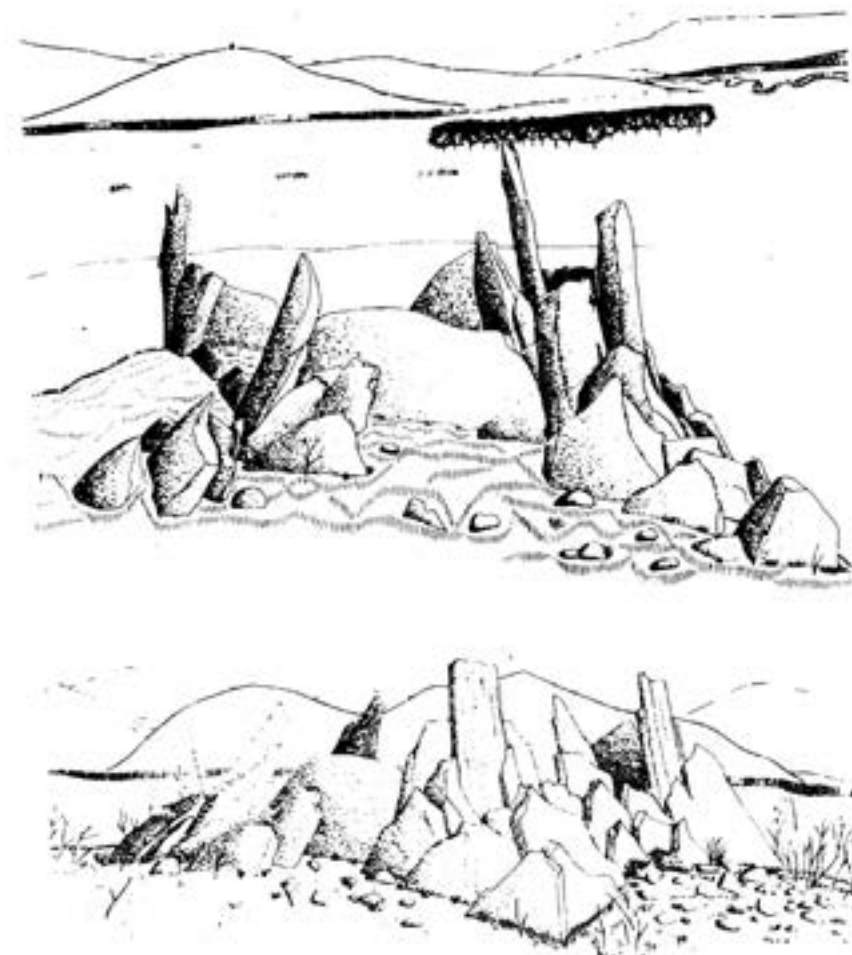
Отсюда понятен наш особый интерес к конструкции и архитектуре рассматриваемых здесь памятников. Дело в том, что у хорошо сохранившихся плиточных могил наземная архитектура видна, как говорится невооруженным глазом. Иначе не могло и быть: при сооружении таких мегалитов невозможно обойтись без продумывания пространственной организации объектов и их художественно-эстетического облика, то есть архитектуры. В этом смысле внешнее описание и графическая фиксация плиточных могил могут и должны быть использованы как дополнительный, помимо раскопок, метод исследования этих памятников.

Несколько графических изображений внешнего вида плиточных могил приведены в работе Н.Н. Дикова (1958), но их слишком мало, и они не передают в должной мере архитектурно-конструктивных особенностей памятников.

По нашим наблюдениям, насчитывается пять вариантов оформления наземной конструкции могил с так называемыми высокими угловыми камнями (из разряда крупных, несущих архитектурно-эстетическую нагрузку):

1) с вертикально установленными угловыми камнями, которые не обязательно должны быть столбообразно торчащими. Эти камни могут быть плитообразными, но всегда бывают выше промежуточных плит ограды;

2) с наклоненными внутрь ограды угловыми камнями, которые в данном варианте, как правило, столбообразно выступают над остальными плитами (рис. 1);

Р и с. 1. Ацагат. Плиточная могила с наклоненными внутрь ограды угловыми камнями.
Наверху — вид с северо-запада, внизу — вид с юго-запада.

3) с наклоненными наружу угловыми камнями;

4) с наклоненными в одну сторону (в продольной плоскости) угловыми камнями, которые также выдаются над остальными плитами ограды;

5) с одним резко возвышающимся над остальными угловым камнем в одном из углов могилы.

Четвертый и пятый варианты сравнительно редки.

К характеристике этих основных форм или, иначе говоря, силуэтов надгробных конструкций следует добавить такую существенную деталь внешнего оформления, которая заключается в том, что плиты ограды подпираются снаружи наклонно приставленными плитами в один—три ряда в убывающем по высоте порядке. Вполне понятно, что такая подпорка выполняет не только крепящую функцию, но и эстетическую, придавая всему строению определенную зрительно-логическую завершенность и фундаментальность (см. рис. 1).

Разумеется, полное представление об устройстве плиточных могил, как памятниках строительного мастерства их создателей, мы получили лишь посредством научных раскопок, в процессе усовершенствования методических приемов вскрытия и фиксации памятников. В истории исследования плиточных могил, естественно, были и явное игнорирование конструктивными особенностями, и досадные упущения, и не доведенные до конца начинания¹. Отметим лишь основные моменты.

Первые попытки выяснить культурно-историческую принадлежность плиточных могил были предприняты участниками академической экспедиции И.Г. Гmeliным и Г.Ф. Миллером. Однако они не шли дальше рытья глубоких ям внутри оградок (Радлов, 1894, с. 86-87).

Такая методика раскопок применялась и последующими исследователями-краеведами, пытавшимися дать историческую оценку плиточным могилам.

Попытки разобраться в устройстве этих памятников делались А.К. Кузнецовым, раскапывавшим их в Восточном Забайкалье и применявшим при раскопках метод рытья траншеями. Однако и он не внес ничего определенного в выяснение конструкции плиточных могил (Кузнецов, 1892).

Можно думать, что заложенная в плиточные могилы очевидная идея памятника-ограды, или дворика, определила вначале и способ раскопок этих памятников, производившихся главным образом внутри оградок и направленных на поиски захоронения и сопровождающего инвентаря. Выяснению же устройства всего сооружения, судя по публикациям исследователей, внимания почти не уделялось.

¹ Подробно см. об этом в статье А.Д. Цыбиктарова в настоящем сборнике.

Более внимательно подошел к конструкции плиточных могил Г.П. Сосновский, производивший исследование на территории Западного Забайкалья и давший убедительную датировку этих памятников. Отсутствие массового материала, позволявшего установить внутреннюю хронологию культуры плиточных могил, заставило его, вероятно, обратиться к их внешнему виду.

Г.П. Сосновский выделил три типа этих памятников: без насыпи с высокими угловыми камнями, с насыпью и невысокими камнями ограды и фигурные (Сосновский, 1941). Однако у нас нет данных, производилось ли им детальное изучение конструкции всего сооружения.

Н.Н. Диков, проработавший все имевшиеся в его распоряжении материалы о плиточных могилах Забайкалья, в том числе и материалы Г.П. Сосновского, сделал вывод об ошибочности его выводов относительно классификации этих памятников, полагая, что внешний облик плиточных могил сформировался в результате грабительских действий (Диков, 1958, с. 32).

Такого же мнения о происхождении каменных насыпей вокруг оградок плиточных могил придерживается Ю.С. Гришин (1981, с. 123). Однако новые исследования плиточных могил, проводившиеся методом широкой расчистки, включая каменные наброски, считавшиеся грабительскими выбросами, показали, что прямоугольные оградки, принимавшиеся за собственно могилу, оказывались элементом более сложной конструкции, включающей в себя целый ряд деталей (Коновалов и др., 1983, с. 86—87).

Осуществленные нами в 70-е — начале 80-х годов эпизодические раскопки плиточных могил на территории Бурятии дали важные материалы, касающиеся выяснения как отдельных деталей, так и общей конструкции памятников. Рассмотрим следующие раскопанные погребения¹.

На разновременном могильнике у деревни Кибалино на левом берегу Селенги заслуживает внимания раскопанное нами погребение 2.

Оно расположено на берегу Селенги у окончания северного шлейфа Кибалинского утеса. Рядом с ним с восточной стороны находятся еще одна плиточная могила и неизвестная курганная кладка (они не раскапывались). Раскопанная могила имела прямоугольную ограду размером в среднем

¹ Из описания исключены сведения о вещевом материале из погребений поскольку он здесь не рассматривается ввиду его незначительности и «обычности» для культуры плиточных могил.

3 × 2 м, ориентированную примерно восток — запад с небольшим отклонением вправо (азимут 98°), из довольно толстых, большей частью не плитообразных кусков гранита, слегка сдвинутых и наклонившихся в разные стороны.

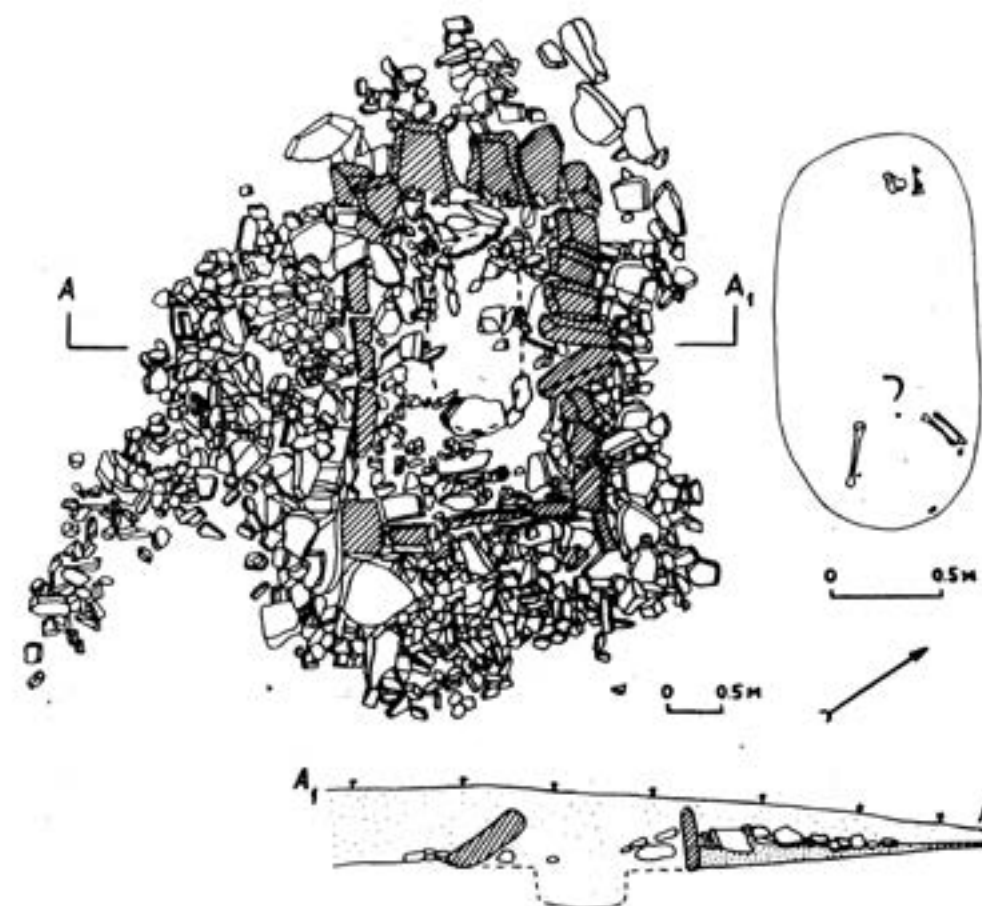
Восточная сторона ограды была разрушена. При вскрытии кладки могилы широким раскопом вокруг ограды выявилась каменная вымостка прямоугольной формы размером 5 × 4 м, толщиной в 1 — 2 камня, повторяющая форму ограды. Плиты ограды установлены на дневной поверхности того времени. Как с внешней, так и внутренней сторон их как бы поджимают более мелкие камни вымостки. Под разобранными остатками внутренней вымостки видны поперечно уложенные продолговатые плиты перекрытия могильной ямы: всего три с западной стороны, остальные оказались разобранными, как и остатки захоронения.

При прокладке шоссе близ села Пестерево Тарбагатайского района нам пришлось раскопать пять плиточных могил, расположенных на террасовидном увале северной стороны долины речки Куналейки. Четыре из них располагались цепочкой над уступом террасы, но не как обычно по линии север — юг, а скорее запад — восток, что диктуется направлением террасы. Все могилы полностью были занесены песком и задернованы, так что их смогли обнаружить лишь по отдельным торчащим на поверхности камням. Рассмотрим три из них.

Могила 2. До раскопок невозможно было определить даже тип могильного сооружения. По ходу раскопок четко выявилась конструкция могилы. Ограда имела прямоугольную форму размером приблизительно 3,5 × 2,5 м, возможно, немного меньше, ибо точное измерение затруднялось упавшими продолговатыми камнями, некогда стоявшими «столбиками» в ряд. Лишь восточная стена была сделана из широкой плоской плиты, установленной между двумя столбообразными камнями. Западная стена состояла ровно из трех «столбиков», упавших во внешнюю сторону (рис. 2).

С наружных сторон ограды стояли наклонные камни, подпирающие ее, а вокруг обнажилась каменная вымостка неправильной формы, наиболее густая с южной и восточной сторон, явно нарушенная и частично разобранная с других сторон. Поверх вымостки кое-где лежали более крупные камни и плиты, выброшенные из ограды при ограблении могилы.

Под камнями вымостки в разрезе виден темный гумусный слой земли, толщина которого убывает и сходит на нет к краю вымостки. По-видимому, внешняя кладка камней осуществля-

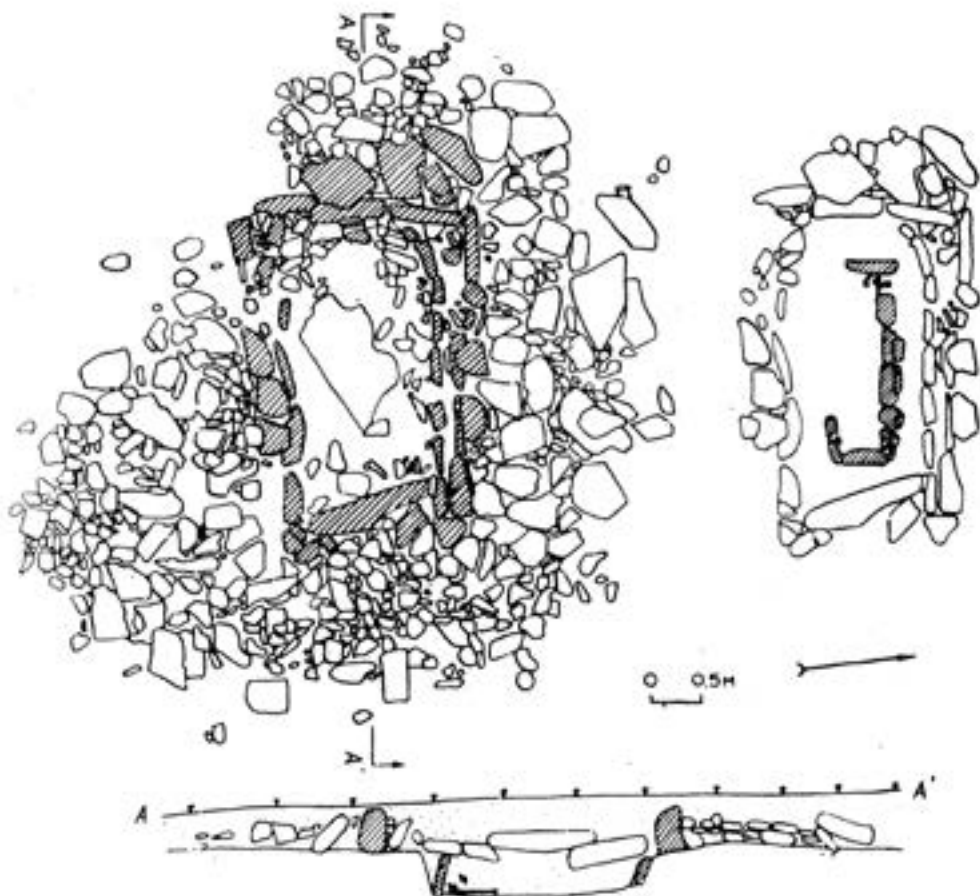
Р и с. 2. Пестерovo, могила 2.

лась на земляном отвале из погребальной ямы после сооружения ограды. Внутри ограды лишь у стен сохранились остатки внутренней каменной закладки, выполнявшей функцию не только панцирного перекрытия внутримогильной конструкции, но и цементирующую изнутри основание вертикальных конструкций ограды. На глубине около 1 м от современной поверхности в оградке обозначались контуры могильной ямы вытянутой овальной формы, ориентированной, как и ограда, по линии ВВЮ — 33С (азимут 120°). Это было почти уже дно ямы, на западном конце которой лежали кости стоп обеих ног, сохранившие анатомический порядок.

Могила 4. До начала раскопок на поверхности виднелись только отдельные камни. После вскрытия и расчистки выявилась каменная ограда, составленная из плит, прямоуголь-

ная, ориентированная по линии ВВЮ — 33С (азимут 105°), размером $2,8 \times 1,8$ м. В северной и западной стенах ограда прослеживался двойной ряд плит (рис. 3).

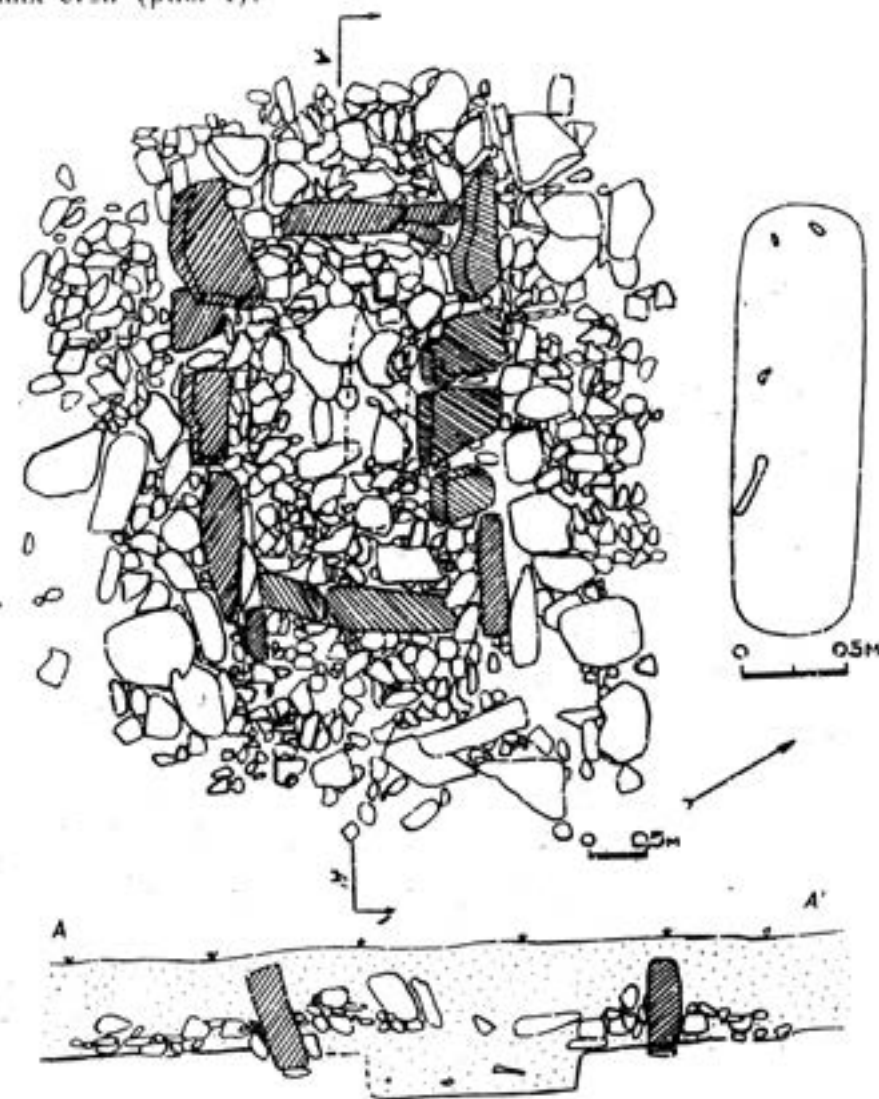
Р и с. 3. Пестерево, могила 4.

С наружных сторон ограды приставлены камни, служащие подпоркой для основных стен. Вокруг ограды со всех сторон — каменная вымостка, поверх которой лежали крупные камни и плиты, очевидно, выкинутые из могилы грабителями. Форма вымостки примерно повторяет форму ограды, если не считать позднее разобранного юго-западного угла.

Внутри ограды у стен сохранились остатки внутренней закладки в виде мелких камней, а посередине лежали сдвинутые крупные плиты перекрытия могильной ямы. Под ними при дальнейшем углублении обнаружился каменный ящик-

гроб из вертикально установленных плит, размером $1,8 \times 0,6$ м, ориентированный согласно оgrade, большая часть южной стороны ящика отсутствовала, сохранились только две плиты. В западном конце гроба найдены кости стоп обеих ног человека в анатомическом порядке, остальные части скелета были в разрозненном состоянии.

Могила 5. Внешние признаки могилы такие же, как у предыдущих. Вся могила была занесена землей, хотя ограда довольно высокая — до 110—115 см. Крупные и высокие плиты стояли по углам на концах длинных стен, выходя за линии коротких стен (рис. 4).

Р и с. 4. Пестерево, могила 5.

Внутренней стороной они упирались в концы коротких стен, а с внешней их подпирали наклонно поставленные камни. Такие же камни поддерживали и остальные плиты ограды. Снаружи и внутри ограды могила была заложена более мелкими камнями, скрепляющими всю кладку в целом. После снятия камней внутри ограды обнаружена могильная яма, в которой лежали разрозненные кости человека.

В целом раскопанные погребения не отличались от обычных плиточных могил, характерных для Забайкалья, однако проведенное исследование показало, что каждая из них имела ряд конструктивных особенностей, позволяющих считать, что при сооружении плиточных могил использовались как единые, так и индивидуальные строительные приемы.

Оградки плиточных могил имели прямоугольную в плане форму и составлялись из вертикально установленных каменных плит. Однако выяснилось, что для сооружения оградок не всегда использовались плоские или относительно плоские камни-плиты. В ряде случаев в составе оградок были зафиксированы камни продолговатой формы, устанавливавшиеся на торцевой части в виде «столбика». Вероятно, при возведении оградок особенно в местах, где отсутствовали выходы слоистых пород, наиболее подходящих для строительства оградок, применялись комбинации из относительно плоских продолговатых и массивных обломков камней различных размеров. Одним из способов укрепления стенок ограды было выведение длинных сторон за пределы коротких, то есть когда торцевые части последних упирались в середину угловых камней, служа им опорой с внутренней стороны (см. рис. 4).

С наружной стороны каменная оградка во всех случаях подпиралась наклонно стоявшими камнями. В одной из могил у Пестерево каменные подпорки стояли в три ряда и степень высоты и наклона зависела от места, убывая с каждым внешним рядом.

С внутренней стороны у оснований оград устанавливали камни, которые служили им опорой изнутри по принципу контрфорсов.

В двух могилах у Пестерево и в могиле у Кибалино обнаружены следы могильных ям, ориентированных параллельно длинным сторонам оград. Они располагались симметрично относительно оград, а размеры их, по-видимому, зависели от роста погребенного.

Иногда в яме устраивалась дополнительная погребальная камера. Например, в одном погребении у Пестерево на дне обнаружена конструкция в виде каменного ящика из небольших вертикально поставленных плит с остатками захоронения.

Ямы были перекрыты поперечно уложенными продолговатыми плитами. Возможно, что наряду с перекрытиями такого типа применялись и другие, от которых сохраняются различных размеров камни, находимые внутри оградок. В ряде случаев выступали массивные плоские, горизонтально уложенные плиты. Последние, в свою очередь, перекрывались более мелкой каменной кладкой, заполняющей внутреннее пространство ограды.

У всех могил за пределами оград выявлены внешние кладки, повторявшие в основном формы оград, но по размерам превышающие их на 1,5—2 м с каждой стороны. Функции внешней кладки те же — закрепить, сementировать ограду с ее опорными плитами извне и придать эстетическую завершенность всему сооружению.

Таким образом, исследования плиточных могил, проведенные в Западном Забайкалье по программе, выработанной в 70—80-е годы, дали новые материалы, в том числе и по выявлению их конструктивных особенностей. По результатам наших раскопок можно выделить следующие основные элементы конструкции: 1) могильная яма, перекрытая плитами, с сооружаемыми иногда в ней внутримогильными каменными конструкциями; 2) прямоугольная ограда над ямой из вертикально установленных камней. Конструкция оград распадается на ряд вариантов или видов; 3) крепление ограды с помощью наклонных и вертикальных плит и камней, подпираемых, в свою очередь, каменной кладкой внутри и вне ограды.

Процесс сооружения плиточных могил представляется нам следующим образом. Центральное место при совершении обряда погребения занимала сравнительно неглубокая могильная яма. После помещения трупа и перекрытия ямы каменными плитами приступали к установке надмогильной ограды на окружающем яму древнем грунте. Устойчивость стенок ограды достигалась путем установки каменных подпорок с внешней и внутренней сторон до нескольких рядов. Затем внутреннее пространство ограды плотно закладывалось камнями до уровня, вероятно, обеспечивающего надежную подпорку ограды изнутри.

Одновременно выкладывали ограду и снаружи, окончательно закрепляя все сооружение. В результате на поверхности земли все сооружение представляло собой плоскую каменную насыпь с возвышающейся над ней прямоугольной оградкой с выделяющимися угловыми камнями, придававшими всему сооружению самобытность и величественность.

Изученные нами погребения составляют только незначительную часть имеющихся памятников. В круг исследований

не попали такие, уже выделенные в особый тип памятники, как могилы «со двором», с внутренними перегородками, с высокими угловыми камнями. Еще не изучено функциональное назначение так называемых сторожевых камней. Только детальное исследование этих элементов погребальных комплексов в совокупности с другими сторонами материальной и духовной культуры населения плиточных могил даст возможность полнее осветить облик и уровень развития его культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. — М., 1981.
Диков Н.Н. Бронзовый век Забайкалья. — Улан-Удэ, 1958.
Коновалов П. Б., Свинин В. В., Зайцев М. А. Могильник Ацай II и некоторые вопросы изучения плиточных могил Прибайкалья // По следам древних культур Забайкалья. — Новосибирск, 1983.
Коновалов П.Б. Древние некрополи Южного Забайкалья: к охране и использованию памятников археологии // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири / Тезисы докл. Всесоюз. конференции (2-8 июня 1986 г., Улан-Удэ). — Улан-Удэ, 1986.
Кузнецов А.К. Археологические изыскания в юго-восточной части Забайкалья летом 1892 г. — Иркутск: Изд. ВСОРГО, 1892. — Т. XXIV. — № 2.
По следам древних культур Забайкалья. — Новосибирск, 1983.
Радлов В.В. Сибирские древности. Т. 1. — Вып. 8 // Мат-лы по археологии России. — СПб., 1894. — Т. 15.
Сосновский Г.П. Плиточные могилы Забайкалья // Тр. Отдела первобытной культуры Эрмитажа. — Л., 1941. — Вып. 1.

С.В. Данилов, П.Б. Коновалов

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О КУРГАНАХ-КЕРЕКСУРАХ ЗАБАЙКАЛЬЯ И МОНГОЛИИ

Среди археологических памятников Забайкалья и Монголии едва ли не самыми интересными и в то же время менее всего изученными являются каменные курганы с круглыми и квадратными оградками — так называемые керексуры, или херексуры. Хотя название это относится монголами и бурятами ко всем древним курганам, более всего оно связывается именно с этими сооружениями, подразумеваемыми как кыргызское место (хэргэс + суурь), или кыргызское гнездо (хэргэс + уур). Данные варианты толкования в форме приведенных выше разночтений широко употребляются в научной литературе по археологии Центральной Азии и Южной Сибири.

Курганы-керексуры распространены по всей Монголии, кроме ее восточной и юго-восточной частей, где, вероятно, они встречаются все реже; продолжают на территориях юго-западной части Забайкалья, центральной и западной Тувы, Алтая и Восточного Казахстана.

Одним из первых исследователей, который обратил внимание на эти памятники, оставил их описание и графическое изображение внешнего вида, был Г.Н. Потанин, проводивший исследования в Туве и Северо-Западной Монголии. Им отмечались места, где встречались керексуры, указывались особенности их топографического расположения. Помимо краткого описания памятников, Г.Н. Потанин сделал схематические планы наиболее примечательных объектов (Потанин, 1881, с. 47—65).

В 1891 г. для исследования рунических надписей в Хошо-Цайдаме была снаряжена академическая экспедиция под руководством В.В. Радлова. Члены экспедиции оставили нам многочисленные рисунки и описания керексуров, встречавшихся им во время маршрута по Северной Монголии (Радлов, 1896). Исследования памятников не проводились.

Известный исследователь древностей Забайкалья Ю.Д. Талько-Грынцевич предпринял попытку раскопать несколько керексуров. Однако на основании полученных материалов, главным

образом антропологических, он пришел к выводу об их бытовании в широком хронологическом диапазоне — от каменного века до средневековья (Талько-Грынцевич, 1902, с. 10; 1906, с. 34—35).

В 1926 г. Г.Ф. Дебеч в краткой обзорной работе «Итоги и задачи доисторической археологии в Западном Забайкалье» коснулся вопроса о керексурах. Отметив незначительность датированных археологических материалов, он на основании находки на керексуре в Монголии камня с надписью VII века отнес их к памятникам средневековья (Дебеч, 1926, с. 8).

В это же время Г.И. Боровка при проведении археологического обследования среднего течения реки Толы в Монголии у Нантэ-Сумэ обнаружил каменные насыпи, находившиеся вблизи группы керексуров. Одна из них оказалась погребением человека с двумя конями. На основании анализа погребального инвентаря Г. И. Боровка, сопоставив раскопанную им могилу с различными каменными выкладками, окружающими обычно керексуры, сделал предположение о связи керексуров с захоронениями тюрко-огузской знати VI—VII веков (Боровка, 1927, с. 73—76).

Впоследствии Г.Ф. Дебеч в результате раскопок керексуров в Забайкалье Г.П. Сосновским и в Туве С.А. Теплоуховым признал ошибочность своих взглядов на датировку этих памятников и принял точку зрения Г.П. Сосновского об их скифском возрасте (Дебеч, 1948, с. 119).

Известно, что А.П. Окладниковым в 1947-1949 гг. производились раскопки нескольких керексуров в долине Селенги в Бурятии (Окладников, 1976, с. 294, 308, 326), но, к сожалению, ни местонахождение их, ни материалы раскопок нам не известны. Из кратких информационных публикаций А.П. Окладникова следует, что при раскопках получены материалы, указывающие на средневековый возраст этих памятников. Впоследствии этот вывод, не подкрепившийся новыми данными, становится хрестоматийным и мнение об уйгурской принадлежности керексуров утверждается в литературе об археологических памятниках Забайкалья.

Между тем в археологической литературе по Южной Сибири и Монголии существует мнение о более раннем возрасте курганов — керексуров и им подобных памятников — от хунно-сарматского до предскифского времени. Растянута датировка связана с недостаточной изученностью их в целом, нечеткостью представлений об их назначении и типологических вариантах. Наряду с найденными в них захоронениями, встречаются также же курганы, но без захоронений, интерпретируемые как «поминальные» памятники (Грач, 1980, с. 110, 121, Кубарев, 1979, с. 36-40). Монгольские керексуры исследованы еще мень-

ше, и нам неизвестно никаких публикаций, хотя приходилось слышать устные сообщения о том, что они там раскапывались.

Внешние керексуры представляют собой каменные курганы разных размеров, заключенные в круглые или квадратные ограды. Последние составлены в большинстве случаев цепочкой камней. Изредка у крупных керексуров отмечена ограда не из цепочки одиночных камней, а из сплошной полосы камней.

Квадратные ограды керексуров (такowymi они называются условно, ибо строго геометрически квадрат так же, как и круг, не всегда выдерживается, хотя полагаем, что именно такая геометрия закладывалась в замысел сооружения) по углам имеют либо вертикально поставленные крупные камни в окружении небольших кольцевых кладок, либо курганообразные каменные кладки, либо какие-то иные петлеобразные, скобообразные и другие оформления.

В пространстве между оградой и центральным курганом у некоторых крупных керексуров бывают отдельные радиально выложенные каменные лучи или двойная линия дорожки-аллеи, обычно в восточном секторе. Изредка там же между курганом и оградой встречаются различной формы каменные кладки.

За пределами ограды керексура со всех сторон и на различном расстоянии, но больше всего в восточном секторе, прослеживается целая система округлых, овальных и кольцеобразных форм кладок, а также одиночных и групповых камней, расположенных в определенном порядке, образуя концентрические замкнутые и незамкнутые ряды.

Размеры сооружений бывают различными: от курганов диаметром 3-4 м при высоте до 30-40 см с оградой в 6-8 м диаметром или стороной до курганов диаметром в несколько десятков метров при высоте до 10 м с оградой свыше 100 м.

Даже внешнее обследование таких комплексов представляет определенный интерес и имеет немаловажное значение, не говоря уже о систематических раскопках с полным вскрытием всех сопровождающих объектов. Но именно большие размеры, трудоемкость подобных раскопок, очевидно, сдерживали до сих пор археологов от специальных целенаправленных исследований керексуров. К тому же бедность вещественного материала, полученного при первых подобных раскопках, также повлияла на задержку с изучением этих памятников.

Таким образом, исследованиями прошлых лет в Забайкалье, ввиду небольшого количества раскопанных памятников и незначительности археологического материала и, что существенно, его разновременности, оказались не выявленными почти все основные элементы, характеризующие определенную культуру.

Остались непонятными архитектурные особенности керексурсов с их многочисленными модификациями, а также само предназначение памятников. Не выяснено время их сооружения, культурная и этническая принадлежность населения, оставившего эти монументальные сооружения.

В наши дни интерес к курганам-керексурам возрастает. И связано это с современным состоянием археологии — с накоплением материалов по различным периодам и областям Центральной Азии и сопредельных с ней территорий, на фоне чего все более ощущается культурно-хронологическая неопределенность этих интересных и значительных памятников. В последние годы делаются попытки раскопать керексуры в Забайкалье и Монголии.

Археологическим отрядом Читинского пединститута под руководством М.В. Константинова раскопан керексур у села Подлопатки на р. Хилок в Бурятской АССР. Приводим краткие и, возможно, неполные данные его раскопок, любезно предоставленные нам автором для использования.

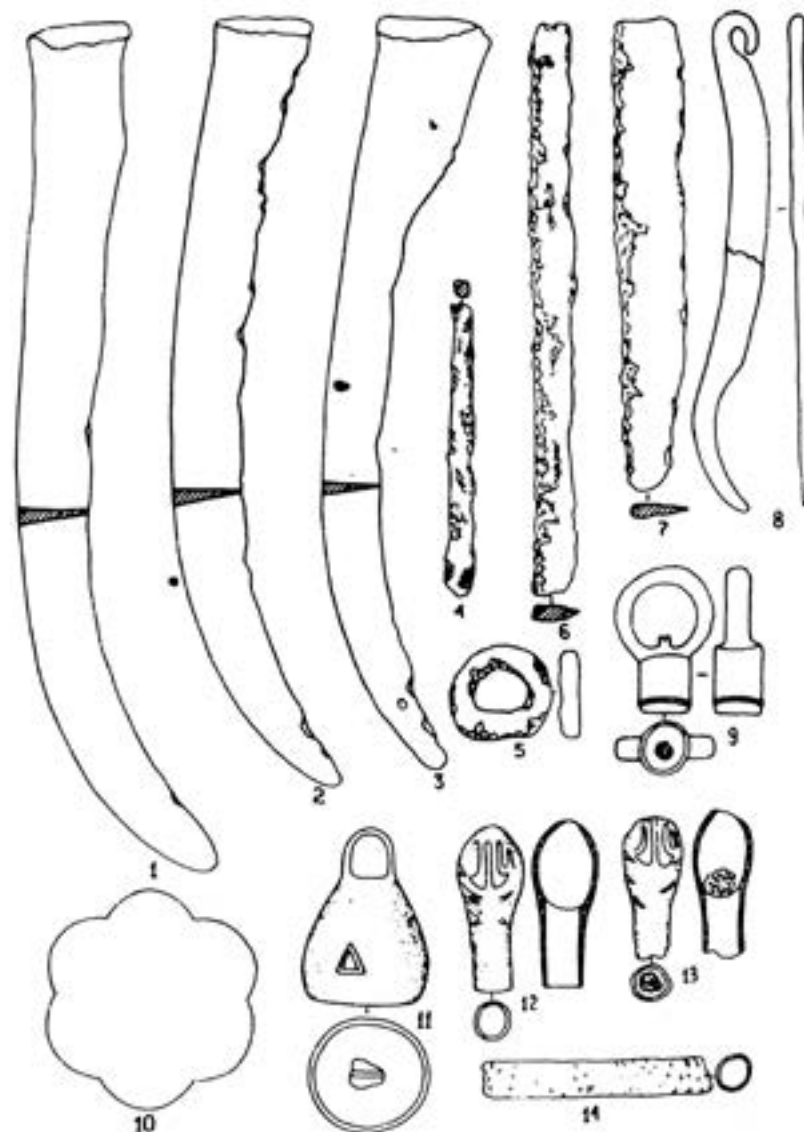
Округлая насыпь в центре керексура в диаметре составляет 12,5 м и возвышается над дневной поверхностью на 0,75-0,8 м. В центральной части насыпи прослеживалась грабительская яма. Центральная насыпь обнесена кольцевой оградой диаметром 22 м. Ограда сложена из крупных обломков скалы.

За внешним периметром ограды с восточной стороны расположены кольцевые каменные выкладки, 6 из них составляют замкнутое кольцо, остальные — одиночные камни или насыпи. Здесь же просматривалась фигурная могила. С юго-западной стороны выступали три курганные насыпи, две — внутри ограды керексура, одна — за его пределами. С северной стороны ограды — плиточная могила.

При разборке центральной насыпи найдено большое количество разнообразных фрагментов керамики, костей животных, углей и различных предметы. Среди них один (?) железный нож, железная втулка с кольцом, железное кольцо, две бронзовые пуговицы, две ложечковидные бронзовые застёжки ремней, железное шило, бронзовый игольник, орнаментированный с одного конца короткими парными насечками и рядом мелких квадратных точек, бронзовый литой бубенец с двумя треугольными прорезями, три железных серпа, фрагмент фарфорового сосуда.

Следов погребений под центральной насыпью не обнаружено. На площади между центральной насыпью и оградой найдено несколько фрагментов керамики. В трех кольцевых выкладках за пределами ограды лежали кости овцы, в одной — мелкий фрагмент керамики.

Среди комплекса инвентаря, найденного в насыпи основного сооружения, привлекают внимание отдельные предметы, имеющие значение для выяснения хронологии. Это, прежде всего, бронзовые ложечковидные застёжки поворотного действия (рис. 1:12, 13).

Р и с. 1. Предметы из керексура у с. Подлопатки.

Аналогичные застёжки имели широкое распространение в памятниках гуннского времени в Забайкалье (Давыдова, 1985, рис. XIII:1-3), в могильниках Барсучиха (Пшеницына, 1975, рис. 3:11, 13) и Кызыл-Куль (Кызласов, 1960, рис. 29:8) в Минусинской котловине, в могильниках Шестаково (Мартынов, 1979, табл. 36-123) и Утинка (Бобров, 1979, рис. 2:19, 20).

Конические бронзовые пуговицы находят себе аналогии в близких по форме и назначению предметах из глины или бронзы Большого Уйбатского кургана (Кызласов, 1960, рис. 29:6) и Шестаковского могильника (Мартынов, 1979, табл. 36-85, 95). Бронзовые колокольчики, подобные найденному в керексуре (рис. 1:11), встречались ранее при раскопках гуннских погребений Черемуховой пади и Дэрестуйского Култука (Коновалов, 1976, табл. VII:1-9).

Бронзовый игольник (рис. 1:14) находит себе аналогии в серии близких по форме костяных и железных предметов из погребений гуннского времени из Ильмовой и Черемуховой падей (там же, табл. VIII:7-9) и тесинских могил в Барсучихе (Пшеницына, 1975, рис. 3:12) и на озере Утинка (Бобров, 1979, рис. 2:21).

Железный крюк с кольцом для подвешивания (см. рис. 1:8), служивший, вероятно, для развязывания узлов, напоминает предмет аналогичного назначения из тюркских оград VII-VIII вв. н.э. в Горном Алтае (Евтюхова, Киселев, 1941).

Железные ножи с узким лезвием и шилья (см. рис. 1:4, 6, 7) имеют широкий хронологический диапазон бытования. Они известны и в памятниках гуннского времени в Забайкалье и Южной Сибири. То же можно сказать о железных колечках, подобных найденному в керексуре (см. рис. 1:5). Железные серпы в известных нам материалах железного века Сибири прямых аналогий не имеют.

Одним из отрядов Археологической экспедиции ИОН БФ СО АН СССР под руководством С. В. Данилова были проведены раскопки двух керексуров близ села Нижний Бургултай Джидинского района Бурятской АССР.

Оба керексура находились в центральной части долины реки Бургултайки, впадающей в р. Джиду слева, в 4-5 км к юго-востоку от села Нижний Бургултай. Помимо раскопанных памятников, в долине имеются керексуры с квадратными и округлыми оградками, плиточные могилы и различного вида каменные выкладки погребального и поминально-ритуального характера, частично поврежденные строительством автодороги.

Приведем основные сведения о раскопках ниже-бургултайских керексуров.

Керексур 1. До начала раскопок керексур представлял собой округлую в плане куполообразную задернованную насыпь, на вершине которой виднелись крупные камни. Трава на кургане росла в раскрошившемся щебне, смешанном с пылевидной почвой. В теле насыпи видны следы вынутых камней. Вокруг центральной насыпи прослеживалась задернованная кольцевидная, округлая в плане оградка, выложенная из одного ряда камней. В северной и северо-западной части оградки камни отсутствовали (рис. 2:1).

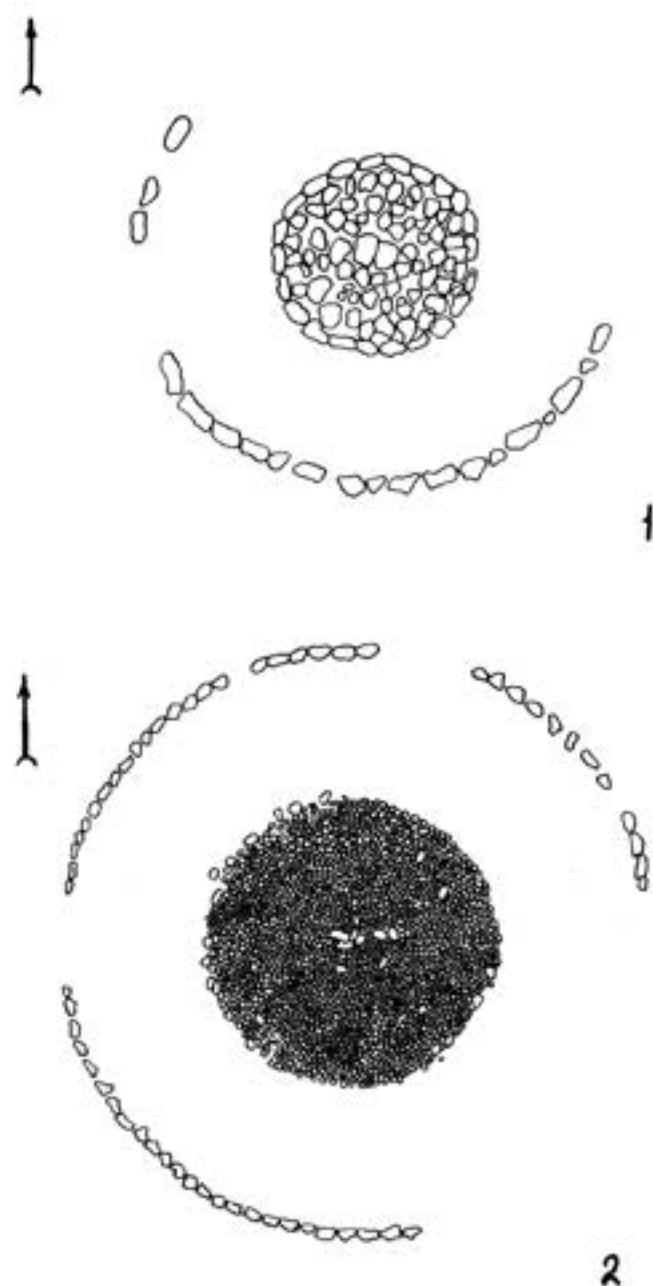
При расчистке насыпи обнаружили обломки костей животных: позвонки, фаланги, обломки трубчатых костей крупных животных, обломки чугуниного котла (рис. 3:1, 4).

Насыпь кургана после расчистки приобрела в целом округлую, но нечеткую из-за разбросанных камней форму. Крупные камни, лежавшие на вершине, оказались связаны с такими же по размерам камнями, уходящими вглубь насыпи. По краям изрядно расползшейся центральной насыпи выявилась кольцевидная ограда диаметром 23 м, составленная из крупных камней продолговатой формы, установленных впритык друг к другу. Сохранились лишь южная и частично северо-восточная части оградки (см. рис. 2:1).

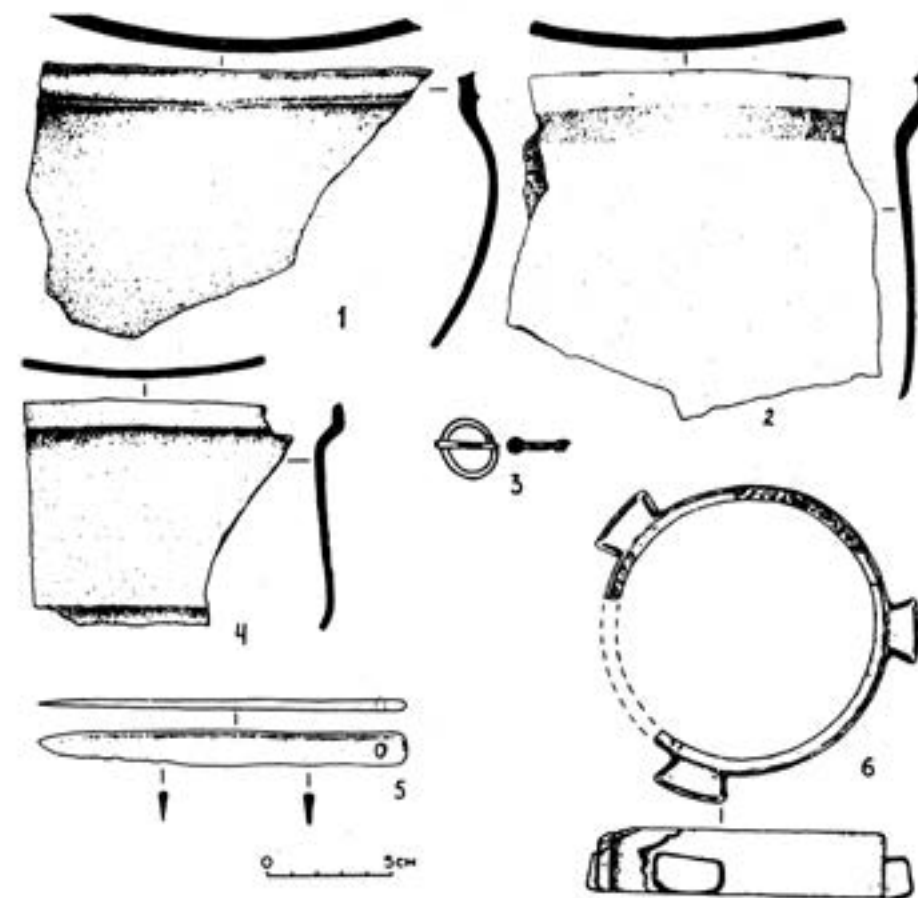
Разборка центральной части началась с удаления небольших камней, покрывавших все тело насыпи, с оставлением бровки, проходившей по центру по линии восток — запад. При разборке северной части среди камней были найдены бронзовый нож (см. рис. 3:5), железная пряжка (см. рис. 3:3) и фрагменты керамики (рис. 4:7-12). После снятия верхних камней выявилась стоявшая на древнем горизонте округлая в плане, куполообразная, с плоской вершиной конструкция, сложенная из относительно крупных камней. Округлая форма насыпи придавалась установленными на древней поверхности продолговатыми камнями, выложенными в виде кольца диаметром 10 м, то есть центральный курган керексура имел каменную крепиду (рис. 5).

При разборке камней кургана выяснилось, что в центре они были плотно уложены друг на друга и довольно тщательно подогнаны. В промежутке между крупными закладывались более мелкие камни. Куполообразная форма всему сооружению придавалась камнями, создававшими своего рода «панцирь», наблюдавшийся в разрезе и образованный из сравнительно плоских камней. После снятия всех камней были обнаружены непонятные пятна темного цвета, исчезнувшие при раскопках. Никаких следов захоронения человека не обнаружено.

Керексур 2. До начала раскопок керексура, сильно заросшего травой, просматривалась задернованная округлая в плане

Р и с. 2. Схематические планы керексурсов у с. Нижний Бургултай: 1 — керексур 1; 2 — керексур 2.

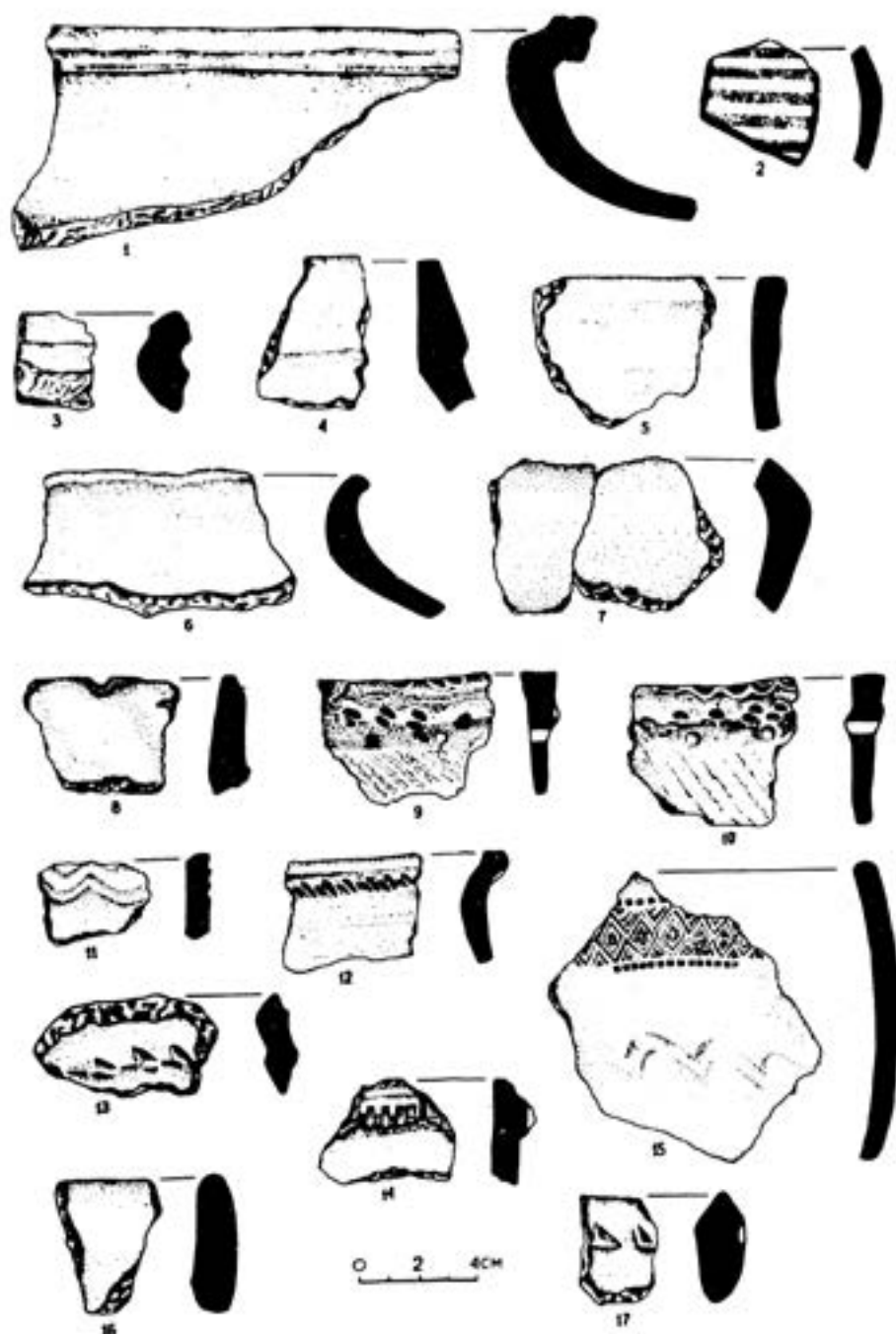

Р и с. 3. Металлические предметы из керексурсов у с. Нижний Бургултай: 1,3,4,5 — из керексура 1; 2,6 — из керексура 2; 1,2,4,6 — чугун, 3 — железо, 5 — бронза.

насыпь высотой около 1 м. Задернованность создавала впечатление земляной насыпи с редко выступающими камнями. Вокруг насыпи прослеживалась ограда, состоявшая из камней, едва видневшихся на современной поверхности.

При снятии дернового покро а в центральной части кургана найдены большое количество обломков костей животных, фрагменты чугунного сосуда (см. рис. 3:2), разбитая чугунная втулка от тележной оси (см. рис. 3:6).

После расчистки центральной насыпи выявилась округлая в плане куполообразная каменная конструкция, почти вся поверхность которой была покрыта небольшими камнями, лежащими довольно плотным слоем. По краям насыпи прослежи-

Р и с. 4. Керамика из керексурсов у с. Нижни Бургултай: 1,2,3,4,5,6,13,14,15, 16,17 — из керексура 2; 7,8,9,10,11,12 — из керексура 1.

валась местами развалившаяся кладка-крепида из положенных друг на друга камней диаметром 17 м (см. рис. 2:2).

На относительно плоской вершине лежали крупные камни. Здесь же обнаружены многочисленные обломки костей животных. Предварительное определение видового состава показывает их принадлежность домашним животным: лошадь, крупный и мелкий рогатый скот. Встречались практически все части скелета: черепа, позвонки, ребра, лопатки, трубчатые кости, тазовые, фаланги. Большая часть костей носит следы преднамеренного излома. Беспорядочное расположение костей не дало возможности проследить какую-либо систему их первоначального уложения. При разборке кургана прослеживались фрагменты керамики от различных сосудов (см. рис. 4:1-6, 13-17).

Для выяснения внутренней конструкции насыпи был сделан разрез по линии восток — запад, показавший, что в основе насыпи находились крупные камни, плотно уложенные друг на друга. Крупные камни, отмеченные на поверхности насыпи до ее разборки, оказались верхними в этой кладке (рис. 6). Форму основы насыпи в плане уловить не удалось. Однако, судя по отдельным крупным, продолговатой формы, камням, стоявшим на древнем горизонте по дуге, впритык друг к другу, она была округлой.

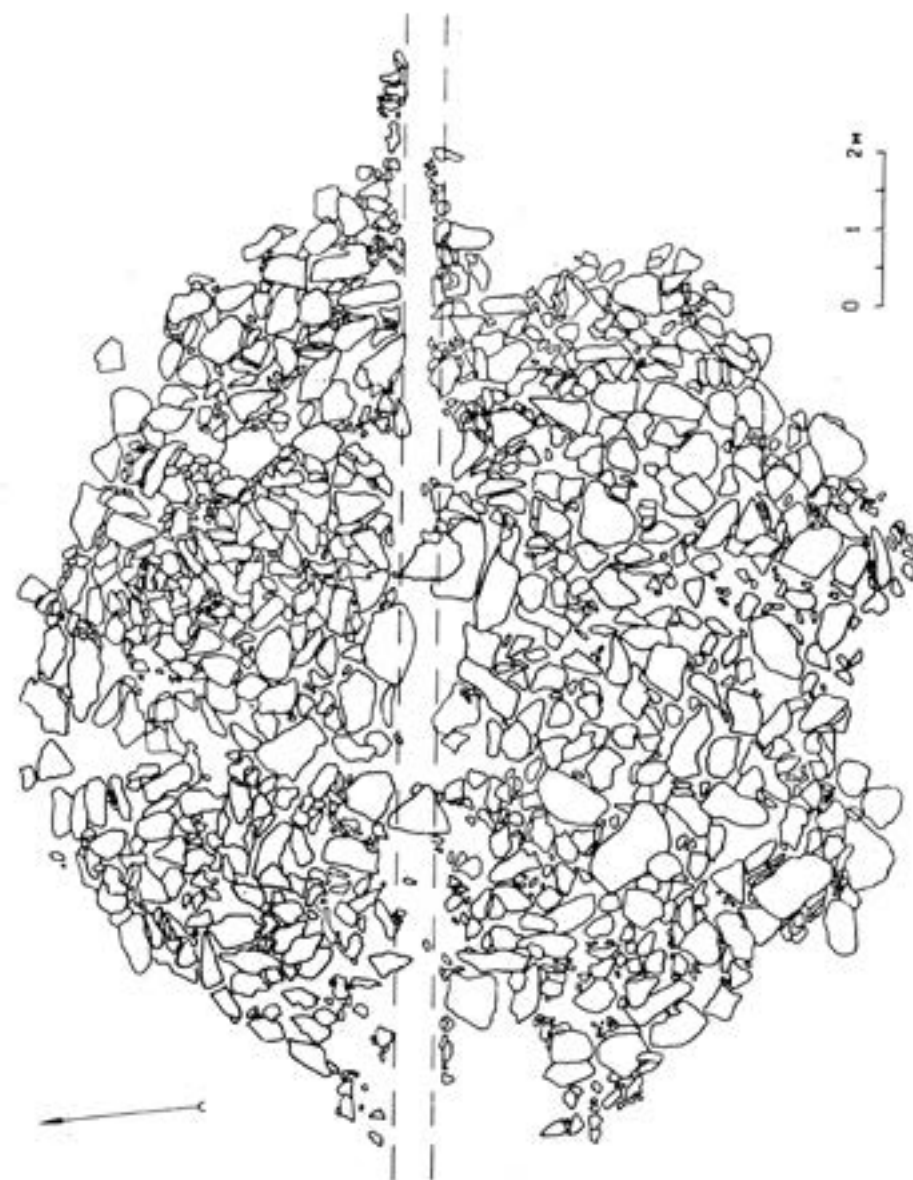
На горизонтально уложенные камни основы с боков укладывались камни, имевшие некоторый наклон к центру и придававшие всему сооружению куполообразную с плоской вершиной форму. Сверху вся конструкция перекрывалась небольшими камнями.

Основная оградка керексура выполнена из продолговатых крупных камней, которые были поставлены впритык друг к другу и образовывали кольцо диаметром 38 м.

Таким образом, раскопанные памятники относятся к керексурам с круглой оградкой. В них не обнаружено следов каких-либо погребальных сооружений, могущих указать на наличие здесь захоронений человека. Устройство центральных насыпей обоих керексурсов имело много общего и в целом единую структуру, но детальное обследование внутренней основы их не выявило какую-либо понятную конструкцию типа погребальной камеры.

Строительство керексура начиналось на древней поверхности. Надо полагать, что строители керексурсов с самого начала имели представление о размерах сооружаемого объекта и, следовательно, о количестве необходимого строительного материала. Основу центральной насыпи составляли крупные камни, укладывавшиеся друг на друга, высотой свыше 1 м. Чем обуславливались размеры насыпи и всего керексура в целом, остается для нас пока неизвестным. Однако строительство основы цент-

Р и с. 5. План центральной насыпи керексура 1 у с. Нижний Бургултай.

ральной насыпи завершалось на определенном этапе установлением на древней поверхности продолговатых массивных камней, обозначавших ее внешний контур-крепиду. Форма полученного округлого в плане сооружения получалась куполообразной, с относительно плоской вершиной. Относительно небольших камней, покрывавших курган, неясно — было ли это развалом какого-то более высокого сооружения или это была первоначальная укладка.

Внешняя ограда керексурсов, имевшая, по-видимому, общий центр с основной, сооружалась, очевидно, в последнюю очередь, как бы замыкая основное сооружение.

Анализ местонахождений предметов, найденных при раскопках керексурсов, показывает, что в их расположении отсутствовала какая-либо закономерность, за исключением, пожалуй, костей животных в керексуре 2, компактно расположенных на вершине центрального кургана. В обоих керексурах найдены кости животных, керамика, фрагменты чугунных котлов, чугунная втулка от тележной оси, бронзовый нож, железная пряжка, окатанные камни.

Керамика, найденная при раскопках, встречалась в основном в виде небольших фрагментов от различных сосудов. Приведем краткую характеристику наиболее примечательных из них.

В керексуре 1 зафиксированы находки фрагментов как минимум от шести сосудов (см. рис. 4:7-12). Наиболее полно представлены обломки тонкостенного сосуда, украшенного по всему тулову штриховыми отпечатками нитей, пересекающихся под различными углами. Венчик сосуда украшен вдавлениями, выполненными двузубым штампом. Отпечатки штампа, помимо верхней кромки венчика, имелись на налипном валике, идущем в 0,5 см ниже горловины сосуда. Прямо под венчиком, через каждые 2,5 см, с наружной стороны были проделаны отверстия (см. рис. 4:9,10).

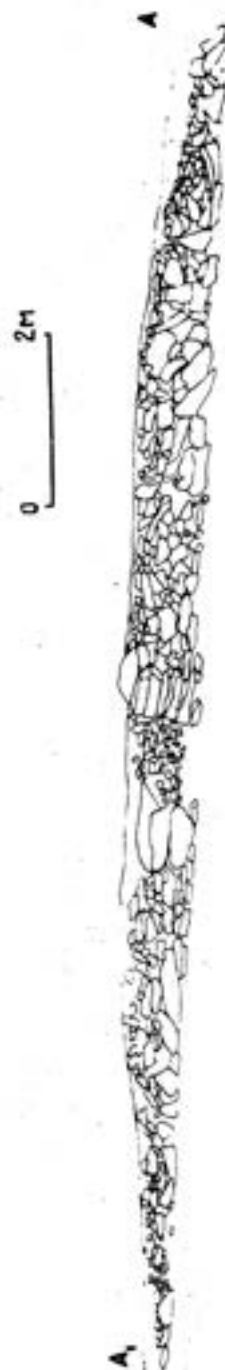
Интересен фрагмент венчика светло-коричневого цвета с отогнутым краем, украшенный вертикальными нарезками (см. рис. 4:12).

На одном из нескольких найденных фрагментов светло-коричневого цвета обнаружены следы орнамента в виде двух параллельных волнообразных линий (см. рис. 4:11).

Найден один фрагмент венчика со слегка заоваленными краями без отогнутости (см. рис. 4:8).

Перечисленная керамика, обнаруженная в керексуре 1, имеет широкий хронологический диапазон. К наиболее ранней по ряду признаков относится керамика с налипным валиком с отпечатками двузубого штампа и отверстиями под ним, украшенная

Р и с. 6. План разреза керексура 2 у с. Нижний Бургултай по линии В — В'.

отпечатками нитей (см. рис. 4:9,10) (Ивашина, 1979, с. 48, рис. 26; Гришин, 1981, рис. 33,1).

В керексуре 2 керамика была значительно разнообразнее. Здесь встретились фрагменты как минимум от 16 керамических изделий, но реконструировать хоть один сосуд не представилось возможности. Среди обломков керамики с гладкими и довольно толстыми стенками отмечены фрагменты венчиков, причем на одном из них, с внешней стороны, заметны следы заглаживания на гончарном круге (см. рис. 4:1). На некоторых фрагментах имелись украшения в виде налепного валика, рассеченного вертикальными нарезками (см. рис. 4:14).

Лощеная керамика представлена одним фрагментом темного цвета, с блестящими полосками лощения (см. рис. 4:2). В разных местах керексура встречалась керамика, украшенная горизонтально расположенным орнаментальным пояском, ограниченным по краям отпечатками пунктирного штампа. Внутри пояса прослеживался орнамент из вписанных друг в друга ромбов. В середине каждого ромба был вытиснен крест (см. рис. 4:15).

Кроме того, встретились фрагменты венчиков от различных сосудов как с прямыми стенками, так и с довольно сложной конфигурацией перехода от горловины к тулову (см. рис. 4:3-7, 13,16,17).

Как в керексуре 1, керамика в керексуре 2 имела широкий хронологический разброс. Керамика, украшенная налепным валиком, свойственна памятникам I тысячелетия до н.э. (Гришин, 1981, рис. 31:3; 33:9,13; Семина, 1985, с. 120). Лощение посуды — прием, характерный для изготовления парадной посуды у хунну (Коновалов, 1976, с. 194-195).

К средневековой уйгурского типа керамике, возможно, относятся фрагменты сосуда, украшенного пояском ромбовидных фигур. Подобные мотивы встречались на посуде, найденной при исследовании уйгурских городищ Тувы и Монголии (Кызласов, 1979, с. 45, рис. 97; Худяков, Цэвэндорж, 1982, с. 92).

Помимо керамики, при раскопках обнаружены обломки чугунных котлов, форму которых ввиду многочисленности фрагментов, восстановить затруднительно. Условия их залегания на поверхности керексуров позволяют предположить их относительно позднее появление на памятнике. Подобные котлы употреблялись, по этнографическим данным, бурятским населением Забайкалья в XVIII-XIX вв.

Бронзовые ножи, подобные найденному в керексуре 1 с односторонне заточенным лезвием, без отделения режущей части от рукояти, с отверстием для подвешивания, имеют широкое

распространение во II половине I тыс. до н.э. на территории Южной Сибири (Мартынов, 1979, с. 39-40, табл. 3), Тувы (Маннай оол, 1970, с. 55-56, рис. 12:2), Монголии (Волков, 1967, рис. 14:25), Забайкалья (Диков, 1958, табл. XXVIII:53).

А.И. Мартынов отмечает, что подобные ножи чаще, чем в минусинской котловине, встречаются на территориях, расположенных к востоку от районов тагарской культуры, и в памятниках Тувы скифской эпохи (Мартынов, 1979, с. 40).

Чугунная втулка от тележной оси из керексура 2 имеет многочисленные аналогии в монгольском Кара-Коруме (Киселев, Мерперт, 1965, с. 207, рис. 111). Широкое применение их в 13-14 вв. объясняется авторами раскопок значительным увеличением количества транспортных средств для нужд армии. Появление подобных изделий в Южном Забайкалье, территориально входящем в государство средневековых монголов, вполне понятно. Находка поломанной втулки на керексуре не относится ко времени сооружения памятника и носит, по нашему мнению, случайный характер.

Железная пряжка, найденная на керексуре 1, имела конструктивную особенность, заключающуюся в том, что рамка пряжки была сделана из проволоки с заходящими друг на друга концами (см. рис. 3:3). Такая конструкция не создавала прочности. Вероятнее всего, пряжка служила для каких-то декоративных целей и, по-видимому, позднего происхождения.

Таким образом, предварительный анализ находок, полученный при раскопках керексуров Нижнего Бургултая, показывает, что датировка этих памятников, предпринимаемая по вещам столь разного культурно-хронологического облика, не может считаться достаточно убедительной. Керамика имеет свои аналогии в местных памятниках Забайкалья и сопредельных территорий. Наличие ранних типов керамики, характерных для культуры плиточных могил и более древних керамических комплексов бронзового века, позволяет пока ориентироваться на соответствующую дату закладки курганов, хотя и с учетом возможности существования (переживания) ранних традиций изготовления керамики в последующие эпохи. То же самое можно сказать о находке бронзового ножа из керексура 2 и его связи со временем появления и последующего существования памятника.

Поздние образцы керамики при совместном нахождении их с более ранней могут свидетельствовать о последующем (в течение многих веков существования керексуров) привнесении их в совершение обрядов почитания древних памятников. В этом же контексте следует рассматривать и вещи из керексура у с. Подлопатки, характерные для хуннского времени и самих хунну

Забайкалья и Монголии, хотя они и являются самыми древними в данном кургане.

К хуннским ассоциациям у керексуров должно присовокупить факт нахождения нами в разрытом бульдозером керексуре у горы Баин возле с. Петропавловка в долине р. Хилок типичной хуннской керамики в виде нескольких фрагментов дна и плечика сосуда с заглаженной поверхностью.

К нашим гипотетическим соображениям относительно раннего возраста курганов-керексуров добавим следующее.

Во-первых. О чем может говорить топографическая особенность расположения керексуров, в особенности при совмещении их с другими погребальными памятниками на одном могильном поле? В данном случае нас интересует соседство плиточных могил. Давно замечено, что при совместном размещении курганов-керексуров и плиточных могил, например, в одной пади (а таких случаев немало), первые часто занимают самые удобные участки местности, а вторые размещаются на оставшихся, как бы пристраиваясь к уже существующим сооружениям. Такая хронологическая последовательность особенно ясно видна, когда кладка типа плиточной могилы стоит внутри ограды керексура или примыкает к оградке как изнутри, так и извне.

Во-вторых. Теперь в Бурятии предпринята попытка специальной раскопки подобного сочетания керексура и плиточной могилы. А.Д. Цыбиктаровым в долине Чикоя выявлен факт перекрывания ограды керексура кладкой плиточной могилы. Причем как под курганом керексура, так и в плиточной могиле обнаружены остатки человеческих захоронений¹. Надо сказать, что предыдущими раскопками А.Д. Цыбиктарова в 1981 г. еще одного керексура под центральной насыпью его также было найдено захоронение человека без вещей с западной ориентировкой.

В-третьих. П.Б. Коноваловым в Монголии в составе Советско-Монгольской экспедиции раскопаны два керексура в Тосон-Цэнгэле Завханского аймака МНР. Из-за ограниченности места для изложения материалов этих раскопок в настоящей работе обратим внимание лишь на факт обнаружения в обоих курганах по одному захоронению в каждом по обряду труположения с вытянутыми ногами и головой на запад, без вещей. Сходный обряд захоронения восходит к погребальным традициям некоторых групп населения скифско-карасукского времени Центральной Азии вплоть до афанасьевской эпохи (Волков, 1967; Грач, 1980; Кубарев, 1979).

И наконец, отсутствие в отдельных керексурах остатков захоронений можно объяснить тем, что часть из них, помимо

¹ Устное сообщение А.Д. Цыбиктарова (приводим с его согласия).

ограбленных, относилась к сооружениям типа кенотафов. Не исключена, впрочем, возможность принадлежности части керексуров к памятникам поминального характера, что отмечали исследователи керексуров сопредельных территорий (Кызласов, 1958, с. 82, 85; Маннай-оол, 1970, с. 17, 19; Грач, 1980, с. 110, 121).

ЛИТЕРАТУРА

- Бобров В.В. Тагарский курган на оз. Утинка // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. — Новосибирск, 1979.
- Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. II. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций, произведенных в 1925 г. — Л., 1927.
- Волков В. В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. — Улан-Батор, 1967.
- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. — М., 1980.
- Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. — М., 1981.
- Давыдова А.В. Иволгинский комплекс. — Л., 1985.
- Дебец Г.Ф. Итоги и задачи доисторической археологии в Западном Забайкалье // Жизнь Бурятии. — Верхнеудинск, 1926. — № 4-6, 7-9.
- Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ. — М.-Л., 1948. — Т. IV.
- Диков Н.Н. Бронзовый век Забайкалья. — Улан-Удэ, 1958.
- Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Отчет о работе Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Тр. ГИМ. — М., 1941. — Вып. XVI.
- Ивашкина Л.Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. — Новосибирск, 1979.
- Киселев С.В., Мерперт Н.Я. Железные и чугунные изделия из Кара-Корума // Древнемонгольские города. — М., 1965.
- Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976.
- Кубарев В.Д. Каменные изваяния Алтая. Оленные камни. — Новосибирск: Наука, 1979.
- Кызласов Л.Р. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении) // Вестник МГУ, 1958. — № 4.
- Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. — М., 1960.
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува. — М., 1979.
- Маннай-оол М.Х. Тува в скифское время (уюкская культура). — М., 1970.
- Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. — Новосибирск, 1979.
- Окладников А.П. Археологические исследования в Бурят-Монголии // Изв. АН СССР. Серия истории и филологии. Т. 8, 1951; История и культура Бурятии. — Улан-Удэ, 1976.
- Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. — СПб., 1881.
- Пшеницына М.Н. Третий тип памятников тесинского этапа // Первобытная археология Сибири. — Л., 1975.
- Радлов В.В. Атлас древностей Монголии // Тр. Орхонской экспедиции. — СПб., 1896. — Вып. II.
- Семина Л.В. Керамика эпохи неолита и бронзы Юго-Западного Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. — Новосибирск: Наука, 1985.
- Талько-Гринцевич Ю.Д. Материалы к палеознтологии Забайкалья // Тр. Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского Географического общества, 1902. — Т. III. — Вып. 2-3.

Талько-Гринцевич Ю.Д. Древние аборигены Забайкалья в сравнении с современными инородцами // Тр. Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского Географического общества, 1906. — Т. VIII. — Вып. I.

Худяков Ю.С. Цэвэндорж. Керамика Орду-Балыка // Археология Северной Азии. — Новосибирск, 1982.

I3

С.В. Данилов, Э.Р. Гречищев

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

Исследование оседлых поселений, оставленных скотоводческим населением на территории Западного Забайкалья, начинается с 20-х годов, когда было положено начало изучения хуннского городища на реке Иволге. В дальнейшем в крае были открыты памятники, относящиеся и к более позднему времени.

Исследованные к настоящему времени средневековые поселения свидетельствуют о значительном разнообразии, существовавшем в технике строительства, в оформлении жилищ и зданий и, видимо, в функциональном предназначении, связываемым с принадлежностью их обитателей к различным этническим общностям.

Раскопанные в течение последних лет остатки средневековых зданий поставили перед исследователями ряд вопросов, среди ко-

I4

торых наиболее актуальными представляются вопросы определения времени существования памятников и их функциональной принадлежности. Выяснение архитектурных особенностей, техники строительства и технологии изготовления строительных материалов несомненно должно оказать влияние на формирование представлений об уровне технических возможностей населения Западного Забайкалья в эпоху средневековья.

Материалы, полученные нами в результате раскопок здания В Нарсатуе, а также данные с исследованной А.П. Окладниковым Сутайской феодальной усадьбы, позволяют говорить о их идентичности подобным памятникам XII-XIV веков с территории Монголии, Тувы и Восточного Забайкалья.

В первую очередь это относится к строительным материалам, демонстрирующим единство стандартов, принятых при производстве кирпичей и черепицы. Кирпичи имеют размеры 29-31; 13-15; 4,5-5 см, что соответствует размерам кирпичей, обнаруженных при раскопках Карокорума, Кондуя, Ден-Терека и других подобных памятников монгольского времени. Черепица имела на всех без исключения памятниках текстильные отпечатки на вогнутой стороне, что свидетельствует об общности технологии производства. Впрочем, такая особенность имела довольно широкое распространение и поэтому не может использоваться для точной датировки.

Наличие гранитных плит, которые служили опорами для деревянных столбов-колонн, поддерживающих перекрытия зданий, показывают, что в исследованных нами зданиях существовали те же архитектурные приемы, что и в одновременных сооружениях Тувы, Монголии и Восточного Забайкалья.

Все это может свидетельствовать о том, что раскопанные нами здания входят в общий круг памятников, относящихся ко времени существования монгольского государства XII-XIV веков.

Рассмотрение известных к настоящему времени оседлых поселений монгольского государства, расположенных в Центральной Азии, показывает на значительную их дифференциацию и позволяет выделить несколько типов:

1. Города, являвшиеся сосредоточением административной власти и бывшие центром ремесла и торговли.

2. Поселения ремесленников и земледельцев, согнанных в одно место с завоеванных земель.

I5

3. Дворцовые комплексы.

4. Усадьбы.

К первому типу поселений относится один из хорошо изученных памятников монгольской истории – Каракорум. Сюда же, очевидно, можно отнести городище на реке Хирхира, в Восточном Забайкалье.

Второй тип поселений представлен в раскопанных на территории Тувы городищах Ден-Терек, Межегейское и других.

Дворец в Конедуе – яркое свидетельство того, что грандиозные сооружения воздвигались не только в городах, но и за их пределами и предназначались для правителей самых высоких рангов.

Усадьбы – или отдельные, сравнительно крупные жилища зажиточных или занимавших привилегированное положение в обществе людей, отмечались в пределах городов и поселений второго типа.

Какое же место занимали среди перечисленных поселений рассматриваемые нами памятники Западного Забайкалья? Изучение этого вопроса тесно связано с оценкой общей исторической ситуации, сложившейся в регионе к XII-XIV векам.

Данные о погребальных памятниках XII-XIV веков свидетельствуют о том, что в Забайкалье и Прибайкалье в это время проживало население, имевшее сходную с монгольскими племенами материальную культуру, а также, вероятно, язык и этническое происхождение. Однако вопрос о вхождении лесостепной части Западного Забайкалья в состав монгольского государства еще не является окончательно решенным.

Сведения письменных источников не позволяют пока включить Западное Забайкалье в число земель, насильственно присоединенных Чингис-ханом.

По всей видимости, протекавшие здесь исторические процессы были гораздо сложнее, чем это представлялось до сих пор. Необходимость их выяснения все более проявляется по мере появления новых материалов и пересмотра в связи с этим интерпретации уже известных археологических памятников.

К таким памятникам можно отнести раскопанные на территории Бурятии остатки зданий, датируемых XII-XIV вв. Их наличие на территории Западного Забайкалья показывает, что, по всей вероятности, этот район входил в состав монгольского государства.

I6

Отсутствие каких-либо остатков жилых построек не позволяет отнести раскопанные здания к городам или к поселениям земледельцев и ремесленников. По ряду обстоятельств не подтверждается и предположение о проживании здесь правителя высокого ранга.

Скорее всего, после того как Западное Забайкалье вошло в состав монгольского государства, сюда для управления населения были отправлены специальные чиновники, осуществлявшие функции наместников. Они и воздвигали для себя здания, придерживаясь в основном канонов, принятых по всей территории государства.

Таким образом, исследованные в Бурятии поселения XII-XIV вв. расширяют круг источников по средневековой истории региона. Дальнейшее их изучение во многом конкретизирует наши представления об этом еще не до конца ясном периоде.

время нет основания для утверждения о существовании неизменного на протяжении веков, полукочевого способа ведения хозяйства. В истории были периоды, когда преобладание получала та или иная форма хозяйства.

Попытка показать процесс постепенного перехода от "чистого" кочевания к полuosедлости и временами к полной оседлости части населения степей предпринята С.А.Плетневой. В работе "Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей" она выделяет несколько этапов перехода "от кочевий к городам", т.е. трансформацию кочевников в оседлых жителей, возводящих стационарные поселки и города.

Такие процессы протекали и в Центральной Азии, северной провинцией которой является южное, степное и лесостепное Забайкалье. В древности и средневековье оно входило в состав различных государственных образований – хуннского, древнетюркского, киданьского и т.д.

Не всегда можно соотнести с определенным народом созданные им памятники или оставленные погребально-поминальные комплексы. Однако в некоторых случаях историю и культуру отдельных государств или народов можно изучать по совокупности археологических и нарративных источников, например, хунну, орхонских и алтайских тюрков, уйгуров, средневековых хакасов, монголов времен чингизидов.

Археологические материалы свидетельствуют, что все эти народы в периоды своего расцвета создавали осевые поселения, отдельные из которых, по масштабам той эпохи, могут называться городами. Таковы уйгурский Орду-Балык, киданьский Зун-Хэрэм, монгольский Каракорум.

Однако строительству городов предшествовал длительный период становления государства, во время которого зрели предпосылки перехода, части населения к проживанию в оседлых поселениях. Таких предпосылок было множество, но основными из них были: создание собственной ремесленной и продовольственной базы, решение задач административного управления обширными территориями, необходимость организации центров торговли.

При сегодняшнем состоянии изученности проблема оседлых поселений и городов Центральной Азии можно говорить, что родоначальниками традиции их строительства были хунну. Остатки хуннских поселений встречаются по всей территории их проживания, от Ордо-са до Южного Забайкалья.

С.В.Данилов

Оседлые поселения Западного Забайкалья

Проблема оседлых поселений древности и средневековья в Западном Забайкалье приобретает все большее значение ввиду того, что как в отечественном, так и в мировом кочевниковедении четко обозначились тенденции к пересмотру взглядов на обитателей степей как на чистых скотоводов-кочевников, не знавших оседлости. Впервые это прозвучало в трудах Г.П. Сосновского, М.П. Грязнова, С.И. Руденко и некоторых других, выдвинувших тезис о существовании полукочевого способа хозяйства. Они основывались на материалах раскопок, которые опровергали тезис об извечно кочевом образе жизни степного населения.

Частично можно понять этот сложившийся стереотип, основанный на этнографических наблюдениях XVIII-XIX вв. и на письменных источниках о скифах, гуннах, тюрках, монголах, авторам которых, жителям оседлых стран, был не привычен образ жизни, описываемых ими народов. Однако нельзя полностью отбрасывать их выводы. В то же

На территории Бурятии известно в настоящее время два укрепленных и два неукрепленных поселения хунну. Наличие неукрепленных поселений свидетельствует, что их население чувствовало себя в относительной безопасности. Судя по материалам раскопок, хунны занимались производством ремесленных изделий и сельскохозяйственной продукции. Пока неясно, обслуживали ли эти поселения кочевую часть народа или же были созданы для выполнения каких-то иных задач. Вопрос этот требует специального изучения. Об укрепленных поселениях можно сказать, что одно из них, Иволгинское, было ремесленным центром. Исследование второго, Баян-Ундурского, только начинается. Предварительно можно отметить, что их укрепления не представляли собой мощных оборонительных сооружений и выполняли чисто номинальную функцию.

Памятников оседлости последующих за хунну эпох на территории Западного Забайкалья пока не обнаружено, хотя, оно входило в сферу влияния тюркских каганатов IV-VI вв.

Городище киданьского времени обнаружено в Восточном Забайкалье.

Из монгольского времени в Западном Забайкалье известны два памятника: так называемая Сутайская феодальная усадьба и здание близ с.Нарсатуй Мухоршибирского района Бурятской АССР. Исследования показали, что в Сутае находилось 2-х этажное здание, крытое черепичной крышей, поддерживающейся деревянными столбами-колоннами. К сожалению, нам неизвестны чертежи, выполненные в процессе исследования, и мы не можем сравнивать его с раскопанным нами сооружением в Нарсатуе,

Здесь вскрыты остатки здания размером 17 на 9 м. с кирпичным полом, каменными базами колонн, поддерживавших когда-то черепичную крышу.

Найденные фрагменты керамики, бронзовая монета эпохи Сун и сопоставление их с аналогичными вещами Каракорума позволяют отнести здание в Нарсатуе ко времени монгольской империи XIII-XV вв.

Недавно начатые раскопки поселения на реке Темник выявили керамику по облику явно среднеазиатского происхождения. В то же время здесь встречается поливная керамика эпохи Сун, в некоторых случаях аналогичная найденной при раскопках в Нарсатуе. По всей видимости, на Темниковском поселении мы столкнулись с фактом появления на территории края выходцев из Средней Азии. Пока мы не можем с достаточной точностью определить время существования поселения и, следовательно, нельзя говорить о его характере. Даль-

нейшие исследования должны прояснить нам судьбу этого памятника.

Таким образом, на территории Западного Забайкалья оседлые поселения сооружались со времен хунну. Строились они, в основном, как поселки ремесленников, задача которых, по-видимому, заключалась в обеспечении промышленной продукцией кочевой части населения и, возможно, в централизованных поставках.

В монгольское время в Западном Забайкалье возводились здания по столичным образцам. Следов поселений ремесленников или земледельцев вокруг или рядом с ними, подобных Киркиринскому или Кондуйскому /Восточное Забайкалье/, пока не обнаружено. По всей видимости, раскопанные здания являются остатками сооружений, для административно-государственных чиновников, возможно, наместников.

В заключение можно отметить, что в Западном Забайкалье протекали те же исторические процессы, что и в Центральной Азии. И для лучшего их понимания необходимо всестороннее исследование всех имеющихся материалов, разнородных по своему характеру, но дающих при комплексном изучении наиболее приближенную к истинной картину жизни народов прошлых эпох.

С.В.Данилов
(Улан-Удэ)

Археологические памятники долины р.Джиды
(поздняя бронза, раннее железо, средневековье)

Изучение древней и средневековой истории юго-западного Забайкалья тесно связано с исследованиями археологических памятников края. Их дислокация обуславливается особенностями рельефа Западного Забайкалья, имеющего горно-долинный характер. Основными районами, пригодными для обитания людей, являлись долины крупных рек и межгорные впадины. Именно здесь отмечаются подавляющее большинство археологических памятников и скоплений разнообразного по функциям и материалу археологических артефактов, являющихся остатками жизнедеятельности древнего населения.

Бассейн Селенги, крупнейшей водной артерии, питающей Байкал, служил своеобразным связующим мостом, посредством которого юго-западное Забайкалье соединялось или входило в центрально-азиатский регион, где во 2 тыс. до н.э. начинают складываться новые формы хозяйства, преобладающее значение в которых получило скотоводство. Археологические памятники эпохи становления и развития производящего хозяйства, оставленные племенами, населявшими центральноазиатские степи и степные долины юго-западного Забайкалья, во многом идентичны, однако их детальное изучение даст возможность выяснить локальные особенности памятников, относительную хронологию, культурную принадлежность и многое другое, что позволит осветить во многом неясные страницы исто-

рии Западного Забайкалья.

Изучение памятников целесообразно проводить по отдельным районам, которые в древности ограничивались, вероятно, долинами Селенги, и ее крупнейших притоков: Уды, Хилка, Чикоя, Джиды, Темника, являясь местом кочевания отдельных групп населения, возможно, связанных родством.

В данном сообщении приводятся краткие сведения об археологических памятниках долины реки Джиды. Изучение древностей этого района началось в XIX в., однако археологические раскопки с научной целью впервые были предприняты Ю.Д.Талько-Гринцевичем, проводившим широкие археологические изыскания в междуречье Селенги, Хилка, Чикоя и Джиды. Им были раскопаны, в основном, погребения, относящиеся к эпохе поздней бронзы, раннего железа и к средневековью. Особой заслугой Ю.Д.Талько-Гриневича можно считать открытие могильника хунну в местности Дырестуйский Култук, давшего науке уникальные материалы.

Впоследствии археологические памятники Джиды изучались А.П.Окладниковым, Е.А.Хамзиной, П.Б.Коноваловым, Л.Г.Ивашиной, С.В.Даниловым, А.Д.Цыбиктаровым, Н.В.Именохоевым, А.В.Давыдовой, С.С.Миняевым и другими. В результате их исследований выявилась неравномерность рассредоточения археологических памятников эпохи палеометалла и средневековья. В какой-то мере это связано с недостаточной изученностью долины Джиды, хотя можно отметить, что в среднем и нижнем течении реки количество археологических памятников значительно больше, чем в ее верховьях.

Наиболее древними памятниками джидинской долины эпохи палеометалла считаются плиточные могилы и керексуры. Хронологические рамки существования этих памятников и соотношение их между собой служат предметом анимания исследователей уже нескольких поколений. Проведенные в последние годы раскопки плиточных могил и керексуров в районах Верхнего Торея и Нижнего Бургултая дали дополнительные материалы для уточнения времени существования этих памятников. Потребовала пересмотра точка зрения о средневековом возрасте керексуров. Анализ всех данных показал, что по времени они синхронны плиточным могилам, т.е. должны датироваться концом 2 тыс. до н.э. – серединой I тыс. до н.э. По всей видимости, население, оставившее их какое-то время, проживало совместно, о чем свидетельствуют расположение отдельных плиточ-

ных могил и керексуров.

Начало изучения хуннских древностей, как уже отмечалось, было положено Ю.Д.Талько-Гринцевичем. В настоящее время ведутся раскопки могильника хунну близ села Ёнхор и городища в местности Баян-Ундэр.

Могильников, относящихся к эпохе средневековья, в долине Джиды выявлено в настоящее время более 10. Наиболее изученным среди них является Ёнхорский могильник, расположенный на правом берегу р.Джиды. По имеющимся материалам, полученным при раскопках могильника, можно составить эталонную матрицу, позволяющую упорядочить и систематизировать данные по всем средневековым древностям Западного Забайкалья.

Таким образом, можно отметить, что почти все виды археологических памятников Джидинской долины подверглись обследованию специалистами, а материалы исследований служат для воссоздания общей картины истории края.

В настоящее время все больше назревает необходимость подготовки трудов о прошлом Западного Забайкалья (Бурятия) и публикации археологических материалов по отдельным районам, что явится основой для научных и научно-популярных изданий.

С.В.Данилов
(Улан-Удэ)

К ПРОБЛЕМЕ КОЧЕВЫХ ГОРОДОВ

1. Начиная с III тыс. до н.э. в Евразийских степях начинают складываться новые формы хозяйства, основанные на отгонно-пастбищном скотоводстве. В условиях общей аридизации климата здесь происходит падение роли земледелия и в разных частях обширного степного региона формируются свои приспособленные к специфическим особенностям климата и географическому расположению способы хозяйствования, сохранившие свои основные черты вплоть до современности.

2. История кочевых обществ древности, средневековья и нового времени изучена благодаря усилиям нескольких поколений исследователей достаточно полно. Постоянно пополняется фактологическая база, основой которой служат публикации различного рода письменных источников, содержащих сведения о кочевниках и введение в научный оборот результатов археологических исследований.

Повышение теоретического уровня кочевниковедческих исследований приводит к появлению работ, посвященных общим проблемам кочевничества, в которых рассматривается широкий круг вопросов связанных с экономикой, общественно-политическим устройством, культурой и т.д.

3. Одной из основных тем к которой постоянно обращается большинство современных исследователей является вопрос о государственности у кочевников. Не вдаваясь в подробности этой сложной проблемы отметим только, что в последнее время отмечается повышение интереса к изучению поселений и городов в возникающих в кочевой среде.

В настоящее время известны крупные поселения и города датируемые в пределах эпохи бронзы - позднего средневековья, расположенные на территории от Северного Причерноморья до Маньчжурии.

Причины их появления в Евразийских степях достаточно разнообразны и в появляющихся в последнее время работах выдвигаются гипотезы о путях перехода кочевого населения к оседлости.

Здесь намечаются два основных направления, разработка которых может прояснить в дальнейшем:

Первое – когда оседание было связано с разорением (лишение скота вследствие стихийных бедствий и вражеских нашествий) части населения, вынужденной оставить кочевание и добывать себе средства к существованию земледелием, а также охотой, рыболовством и собирательством.

Второй путь более сложный, и связанный с появлением поселений и городов в процессе создания в кочевом обществе государственности.

4. Проблема городов в кочевых государствах разработана еще не достаточно. Слабо изучен механизм формирования центров оседлости, расположенных в степной зоне. Несколько лучше состояние исследования городов, находящихся в маргинальных зонах и в завоеванных земледельческих государствах.

Однако рассмотрение проблемы кочевых городов необходимо проводить в русле изучения обществ с производящим хозяйством, развитие которых закономерно приводило к созданию крупных оседлых центров с разнообразными функциями, основными из которых были управление, торговля, ремесло и обслуживание духовных потребностей населения.

С.В.Данилов, Т.В.Жаворонкова
(Улан-Удэ)

КЕРАМИКА ГОРОДИЩА БАЯН-УНДЭР В ЮЖНОЙ БУРЯТИИ
(предварительный анализ)

Изучение хуннских поселений и городищ, по праву считается одной из традиционных отраслей археологии Забайкалья. Наряду с хорошо исследованными памятниками, имеются и слабоизученные, материалы которых недостаточно введены в научный оборот, вследствие чего источниковедческая база пополняется недостаточно.

К таким памятникам относится городище Баян-Ундэр, открытое в 1949 г. академиком А.П.Окладниковым. Оно расположено на левом берегу р. Джиды (левый приток р. Селенги), и представляет собой укрепление, окруженное двумя рядами валов. Отдельные шурфы, заложенные в разное время на территории городища, не дали материалов для его датировки.

Раскопками 1988-1990 гг. был исследован восточный вал городища, в котором, как выяснилось, находилась конструкция из

каменных вертикально установленных плит. Еще предстоит выяснение функций раскопанного сооружения: входило ли оно в систему оборонительных сооружений городища, или же предназначалось для жилья. Окончательные выводы могут быть сделаны только после дальнейших раскопок.

Основным видом полученного при раскопках материала была керамика. Всего были найдены фрагменты шести сосудов. На них были зафиксированы характерные признаки керамики хунну: лощение внешней поверхности, отогнутый венчик, оформленный налепным валиком, опоясывающим его кромку, традиционная орнаментация из горизонтальных и волнистых линий, опоясывающих сосуд в зоне плечиков.

Микроскопический анализ керамики городища Баян-Ундэр показал, что для изготовления сосудов использовалась формовочная масса с концентрацией отощителя 1:5 и 1:6. В качестве отощителя использовался мелкозернистый песок, в некоторых случаях зафиксированы незначительные добавки шамота. Среди исследованной керамики встречались сосуды, формовочная масса которых отнесена нами к среднегрубому виду, и промес которых крайне неравномерен; возможно, что здесь использовалась техника так называемого "крутого замеса".

Таким образом, в результате предварительного изучения керамики городища Баян-Ундэр, выяснилась ее принадлежность к культуре хунну. Таким образом, памятник, исследованный нами на р. Джиде, может быть датирован временем существования империи хунну в Центральной Азии.

С. В. Данилов

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

*(к постановке проблемы «оседлости»
кочевых обществ)*

Изучение средневековой истории Западного Забайкалья является составной частью исследования общего хода исторического процесса, протекавшего в крае с глубокой древности до современности. При этом необходимо учитывать, что Забайкалье, в особенности южная его часть, начиная с эпохи палеометалла, по крайней мере с конца II тысячелетия до н. э., входило в единую центральноазиатскую историко-культурную область, что было обусловлено общностью экономической основы хозяйства: кочевым и полукочевым скотоводством.

К началу I тысячелетия до н. э. скотоводство оттеснило на второй план присваивающие формы хозяйства и привело к существенным изменениям в социальной и политической структуре общества древних скотоводов. Значительные перемены произошли и в сферах материальной и духовной культуры. Одно из важнейших последствий изменений в экономике – центроостремительные процессы, происходившие в кочевых обществах. При стечении ряда благоприятных факторов эти процессы приводили к созданию крупных племенных объединений, отдельные институты которых позволяют рас-

смагивать их в качестве государственных образований. Моменты наивысшего подъема таких объединений характеризуются, помимо всего прочего, появлением оседлых поселений и городов.

В средневековой истории Центральной Азии известно немало примеров возникновения племенных объединений. Наиболее значительные из них рассматриваются как государства. В Забайкалье, являющемся северной окраиной центральноазиатского мира, во многом повторялись основные этапы истории, характерные для всего региона. Однако многое в истории края остается еще неясным, и исследование темных страниц средневековой истории является научной проблемой.

Источниковедческую базу рассматриваемого периода составляют письменные источники, под которыми подразумеваются сведения китайских, среднеазиатских и европейских авторов о наиболее важных, с их точки зрения, событиях политического, отчасти экономического характера, происходивших в эпоху тюркских каганатов (V–VIII вв.), киданьского и монгольского государств IX–XIV вв. К этим сведениям, содержащим также данные этнографического характера, добавляются различного рода памятники письменности, оставленные самими насельниками региона, значение которых трудно переоценить. Сравнительно отдаленные от мест основных исторических событий районы, к которым относится Забайкалье, упоминаются в источниках эпизодически, вследствие чего затруднительно представить здесь достаточно полную и достоверную картину жизни.

Тем большую ценность представляет другой вид исторических источников – археологические памятники, тщательный научный анализ которых должен способствовать раскрытию во многом еще неясной истории Забайкалья в эпоху средневековья.

Основными видами средневековых археологических памятников, выделенных к настоящему времени, являются погребения и остатки поселений. В Западном Забайкалье имеются те и другие виды памятников, однако степень их изученности неодинакова. Если число раскопанных погребений достаточно для проведения детальных исследований погребального инвентаря и прочих элементов погребальной обрядности с последующим выделением по вещным комплексам хронологических групп и созданием периодизации средневековой истории края, то степень изученности поселений этого

периода значительно слабее и не позволяет пока судить о их роли в жизни населения Западного Забайкалья.

Именно таково положение с изученностью поселений в Западном Забайкалье. Лучшая ситуация на сопредельных территориях Восточного Забайкалья, Тувы, Монголии, где были раскопаны остатки зданий, поселений, городищ и городов [Киселев, 1947, 1959, 1961, 1961а; Нарлээ Х., 1957, 1962; Кызласов Л. Р. 1959, 1969; Древнемонгольские города, 1965], относящихся к эпохе средневековья. Все они, по мнению исследователей, являлись центрами административного управления, в которых концентрировалась хозяйственная, торговая и культурная жизнь. Введение в научный оборот новых археологических материалов по средневековой истории позволило бы во многом расширить наши представления о самых различных сторонах жизнедеятельности оседлой части населения и более полно представить социально-экономическую структуру общества центральноазиатских народов того времени.

На территории Западного Забайкалья также проводились исследования поселений, однако их масштабы и соответственно результаты несравнимо скромнее.

Первые известные нам упоминания об остатках сооружений, относящихся, по всей видимости, к средневековью, содержатся в отчете об историко-краеведческой деятельности В. В. Попова. Им были описаны остатки древнего городища, огороженного двумя рвами и двумя валами с четырьмя возвышенностями внутри укреплений. Внутри оборонительных сооружений находились также плоские, гранитные камни, лежащие на поверхности, а в небольшом раскопе, на одной из возвышенностей, встречались кирпичи размером 28х15х4,5 см и черепица длиной 27 см, шириной 16,5 (14) см и толщиной 1,8 см [Попов, 1928, с. 154].

В 1928–1929 гг. Г. И. Сосновский изучал поселение, расположенное на р. Темник. Здесь были обнаружены остатки строений из кирпича и различные предметы, позволившие датировать памятник IX–X вв. [Сосновский, 1936].

В 1953 г. А. И. Окладников раскопал остатки одного из четырех сооружений в долине Тугнух, недалеко от Сутая. Судя по краткой публикации результатов исследования, раскопанное здание имело вымощенный кирпичами пол и черепичную крышу, украшенную лепными фигурками. Все четыре здания были обнесены

оградой, сохранившейся в виде расплывшегося вала, что, по-видимому, и дало автору раскопок основание дать памятнику название „Сутайская феодальная усадьба“. Время ее существования было определено А. П. Окладниковым XI–XII вв. [Окладников, 1975, с. 19]. Возможно, что этот и описанный В. В. Поповым памятник являются одним и тем же объектом. Однако существующие различия в топографических привязках и в описании оборонительных сооружений (у В. В. Попова упоминаются две линии валов и два дна, по А. П. Окладникову, одна линия вала окружала усадьбу) не позволяют пока с полной уверенностью говорить об их идентификации.

А. П. Окладниковым было также отмечено четырехугольное в плане, огражденное со всех четырех сторон расплывшимися валами городище на р. Нжиде, датированное им турецким временем.

Материалы раскопок, однако, остались практически неопубликованными, а имеющаяся информация носит предварительный характер, давая лишь самое общее представление о средневековых поселениях. Вследствие этого современные исследователи, лишенные возможности оперировать существенными материалами поселений, характеризуя средневековый период истории Западного Забайкалья, вынуждены ограничиваться лишь упоминанием об их существовании.

Задачи, стоящие в настоящее время перед исследователями средневековых поселений Западного Забайкалья, можно сформулировать следующим образом:

- 1) выяснить и обосновать время сооружения поселений;
- 2) выявить архитектурные особенности, технику и технологию строительства, включая характеристику материалов, применявшихся при возведении построек и сооружений;
- 3) выявить функциональное назначение поселений на основе изучения и сопоставительного анализа находок с привлечением материалов с аналогичных памятников сопредельных территорий и сведений письменных источников.

Частично эта программа начала выполняться в последние годы одним из отрядов археологической экспедиции Бурятского института общественных наук СО РАН. Начиная с 1986 г. проводятся исследования на уже известной Сутайской усадьбе и на недавно открытом памятнике близ села Нарсатуй, расположенном в 4–5 км к северу от усадьбы. Эти два, находящиеся

сравнительно недалеко друг от друга, памятники имеют различные топографические условия. Сутайская усадьба расположена на равнинном участке и состояла, как уже указывалось, из нескольких холмообразных объектов, обнесенных расплывшимся валом. Памятник близ Нарсатуя, состоящий из двух овальной формы возвышенностей, находится на южных склонах безлесного холма, прилегающего к горно-таежным хребтам, обрамляющим с севера Тугнуйскую долину.

Такое расположение памятников обусловило и степень их сохранности. Территория Сутайской усадьбы после раскопок А. П. Окладникова попала в зону активного землепользования и в течение многих лет интенсивно распахивалась. В результате на современной поверхности в большом количестве рассеяны обломки черепицы и кирпичей и почти не просматриваются очертания зданий, имевших, по словам автора раскопок, еще в 50-е годы вид хорошо заметных бугров, обнесенных оградой.

На этом памятнике нами была раскопана небольшая возвышенность диаметром 15–20 м, под которой выявилась глинобитная площадка, служившая, возможно, полом или основанием для постройки легкого, шатрового типа. Каких-либо остатков сооружений из кирпича при раскопках не обнаружено. Отсутствовал также развал из обломков черепицы, характерный для остатков средневековых зданий, имевших крышу из такого материала. Сборы остатков строительных материалов, залегавших на поверхности памятника, позволили провести их анализ в сопоставлении с подобными материалами из Нарсатуя, где были начаты раскопки одного из двух объектов, имевших овальную в плане форму, вытянутую по линии восток – запад, диаметром 25–30 м и высотой до 1 м.

На первом этапе исследований был расчищен верхний слой строительных остатков, покрывавших всю поверхность возвышенности. Это были в основном обломки кирпичей и черепицы, лежащие в полном беспорядке. Попытки разобрать и хотя бы частично реконструировать кровлю здания не привели к успеху. Черепица состояла выпуклыми сторонами вверх и вниз и в различных направлениях. По всей видимости, она рухнула не сразу, а сползала со стропил и обрешетки крыши в течение какого-то промежутка времени.

После снятия обломков черепицы и кирпичей были

выявлены остатки кирпичных пола и стен. Полы составлялись как из обычного стандартного, прямоугольного кирпича, так и из квадратного. Прослеживались настилы и из сырцового кирпича.

Кирпичные стены находились в основном по краям раскапываемого здания и, судя по всему, не служили несущими конструкциями. Их функции еще не до конца выяснены, однако похоже, что исследуемое строение не имело полностью кирпичных стен. Скорее всего, опорой для крыши служили деревянные столбы-колонны, подставками для которых были гранитные плиты, выявленные по краям здания.

Таким образом, первые результаты раскопок показали, что близ Нарсатуя в древности располагались здания, по крайней мере одно из которых имело кирпичный пол и черепичную крышу, поддерживаемую деревянными столбами-колоннами, установленными на гранитных плитах-постаментов. Во время раскопок встречались железные гвозди, обломки поливной и обожженной глиняной посуды, костяные изделия, бронзовая китайская монета и многочисленные обломки костей животных.

Время существования зданий может быть предварительно определено путем сопоставления с подобными памятниками, исследованными в Монголии, Туве и Восточном Забайкалье.

Сравнение применявшихся строительных материалов (черепица, кирпичи, лепные украшения, гранитные базы колонн) из дворца Угэдэя в Каракоруме (Монголия), поселения Ден-Терек в Туве, Кондуйского дворца в Восточном Забайкалье с имеющимися в нашем распоряжении материалами с Сутайской усадьбы и здания близ Нарсатуя показывает их полную идентичность. В первую очередь это относится к кирпичам, имевшим, видимо, единый стандарт по всей территории распространения этого вида памятников: длина 29–31 см, ширина 13–15 см, толщина 4,5–5 см [Киселев, 1965, с. 316].

Полный анализ черепицы из исследуемых нами памятников еще не проделан, однако можно отметить несколько типов черепиц, различающихся размерами, толщиной и степенью вогнутости и совпадающих в целом с подобными материалами с сопредельных территорий. Вся черепица, найденная в Сутее и Нарсатуе, имела на вогнутой стороне отпечатки грубой ткани, что является признаком наличия единой технологии

производства этого вида строительного материала. Следует заметить, что подобный прием применялся при производстве черепицы и в более раннее время и не может служить достаточно надежным хронологическим признаком для узкого круга памятников.

Лепные украшения, вернее их обломки, найденные в Нарсатуе, имеют аналогии с терракотовыми украшениями крыши, обнаруженными при раскопках поселения Ден-Терек [Кызласов, 1965, с. 59–119, рис. 57, 3, 4]. А. П. Окладниковым упоминаются глиняные изображения драконов, находившихся когда-то на крыше Сутайской усадьбы. Обломки подобных украшений встречались при раскопках средневековых сооружений Восточного Забайкалья, Тувы, Монголии.

Отличительной архитектурной особенностью рассматриваемого нами круга памятников является применение при возведении сооружений гранитных постаментов, служивших опорами для деревянных колонн, поддерживавших перекрытие зданий. Предварительное сопоставление условий нахождения гранитных плит в Нарсатуе с подобными постаменами Кондуя, Каракорума, Ден-Терека и других памятников показывает определенное единство, существовавшее в архитектурном оформлении зданий.

Из находок вещей, имеющих значение для определения времени существования памятника, можно упомянуть фрагменты поливной керамики из Нарсатуя, где на молочного цвета фоне был нанесен узор темно-серого цвета. Подобная посуда в большом количестве встречалась при раскопках в Каракоруме [Евтюхова, 1965, с. 216–273, табл. XVIII, 1]. Бронзовая китайская монета из Нарсатуя имеет полное сходство с целой серией аналогичных находок из дворца Угэдэя [Древнемонгольские города, 1965, с. 183–187, табл. 12, № 19–22].

Таким образом, первыми итогами исследований средневековых поселений Западного Забайкалья явилось получение археологических материалов, позволяющих определить время существования Сутайской усадьбы и зданий близ Нарсатуя. Предварительная обработка добытых при раскопках материалов показывает, что они одновременны с рассматривавшимися памятниками сопредельных территорий и возникли в эпоху расцвета Монгольского государства XIII–XIV вв.

Это обстоятельство к уже упоминавшимся задачам, стоящим перед исследователями средневековой исто-

рии Забайкалья, добавляет следующие:

1) выяснение вопроса о вхождении лесостепного Забайкалья в состав государства средневековых монголов;

2) поиски в материалах поселений новых данных, касающихся проблемы ранних этапов этногенеза бурятского народа, что может способствовать развёртыванию более полной картины его истории.

Изучение средневековых поселений Западного Забайкалья продолжается. Дальнейшими исследованиями предстоит продолжить выявление архитектурных особенностей сооружений этого периода и выяснение их функционального предназначения, что существенно повысит источниковедческое значение этого вида памятников. Предстоит также установить возраст поселений на р. Темник и городища на р. Джиде. Возможно, что, по имеющимся предварительным сведениям, время их сооружения было более ранним по сравнению с памятниками Тугнуйской долины. Это обстоятельство, расширяя хронологический диапазон средневековых поселений Западного Забайкалья, позволит впоследствии проследить историю их появления и развития в русле общей картины истории края.

Список литературы

- Древнемонгольские города. — М., 1965.
Евтюхова Л. А. Керамика из Карахорума // Древнемонгольские города. — М., 1965.
Евтюхова Л. А. Монеты из культурного слоя Карахорума // Там же.
Киселев С. В. Монголия в древности // Изв. АН СССР. Сер. история и философия. — 1947. — Т. IV, № 4.
Киселев С. В. Из истории китайской черепицы // Сов. археология. — 1959. — № 3.
Киселев С. В. Древние города Монголии // Сов. археология. — 1961а. — № 4.
Киселев С. В. Город монгольского Исунка на р. Хирхир в Забайкалье // Сов. археология. — 1961б. — № 4.
Киселев С. В. Строительные материалы Карахорума // Древнемонгольские города.
Кызласов Л. Р. Средневековые города Тувы // Сов. археология. — 1959. — № 3.
Кызласов Л. Р. Городище Ден-Терек // Древнемонгольские города. — Рис. 37, 3, 4.
Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. — М., 1969.
Окладников А. П. Древнее Забайкалье: Культурно-исторический очерк // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. — Новосибирск, 1975. — Ч. II: Забайкалье.

- Попов В. В. Отчет на общем собрании Научного общества им. Д. Банзарона (с 1 октября 1928 г. по 1 января 1929 г.) // Бурятиселение. — Верхнеудинск, 1928. — № 4.
Пэрлэ Х. К истории древних городов и поселений Монголии // Сов. археология. — 1957. — № 3.
Пэрлэ Х. Киканьские города и поселения на территории МНР (X — начало XII в.) // Монгольский археологический сборник. — М., 1962.
Сосновский Г. П. Итоги работы археологического отряда АН СССР в 1928—1929 гг. // Проблемы Бурят-Монгольский АССР. — М., Л., 1936. — Т. 2.

Данилов С.В. (г.Улан-Удэ)
К вопросу о северных границах
Монгольской империи
(Южная Сибирь и Забайкалье)

I. Монгольское государство, созданное Чингисханом и его преемниками занимало огромную территорию, включающую значительные по площади области Азии и Европы. Границы империи, где пограничными странами являлись государства, занимавшие определенную территорию, были очерчены достаточно точно. В то же время границы с племенами, политический и экономический уровень развития которых не достигал порога создания государственности, не

были четко определены и были довольно расплывчаты. Однако следует отметить, что неопределенность границ существует только для современной исторической науки, тогда как древние и средневековые наши предшественники прекрасно ориентировались, какая территория является своей, а какая принадлежит иному роду, племени, народу. Разработка вопросов об установлении хотя бы приблизительных границ монгольского государства может помимо решения проблем исторической географии монголов прояснить и отдельные моменты средневековой истории Забайкалья, Прибайкалья и Южной Сибири.

2. К числу слабо разработанных Тем относится вопрос о северных границах монгольского государства XIII-XV вв. в пределах Южной Сибири и Забайкалья. Письменные источники, сообщающие о походах Джучи против ойратов и киргизов и Борохула-нойона против хори-туматов не дают сведений о границах, установившихся после завоевательных походов. Отмечается только, что племена баргутов, хори, тулас и тумат пребывали "на той стороне Селенги, на самом краю местностей и земель, которую населяли монголы и которую называют Баргуджин-Токум" (Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т.I, кн.I, М.-Л., 1902, с.121).

Археологические материалы XII-XIV вв., представленные погребальными комплексами и оседлыми поселениями, дают нам данные об ареале распространения культуры, получившей в литературе название ранне-монгольская. Однако хронологические рамки, в которых размещается эта культура, показывают, что она сложилась до того, как было создано государство монголов и занимала территорию, на которой проживали племена, относившиеся, по-видимому, к монголоязычному миру.

Наблюдения за ареалом распространения погребальных памятников не дают данных, способных указывать на разграничение племен, входивших в состав монгольского государства и проживавших за его пределами.

3. Исследования позднесредневековых поселений и городов, открытых и раскопанных в республике Монголия, в Туве, в Забайкалье показали что, их сооружение и бытование относится к XIII-XIV вв., т.е. к эпохе монгольского государства. Все изученные поселения имеют ряд общих черт, позволяющих выделить их и в отдельную категорию памятников. К таким общим чертам можно отнести строительные материалы, технологию строительства, архитектурный облик зданий, частично восстанавливаемый при реконструк-

ции. По всей видимости, в монгольском государстве существовали определенные нормы, введение которых в какой-то мере стандартизировало процесс возведения зданий, дворцов, городов.

Такое централизованное упорядочение строительной деятельности предполагало существование специального ведомства, занимавшегося организацией строительства и, возможно, дававшего санкции на возведение зданий в отдельных областях государства.

4. До конца еще не выяснен вопрос о функциональном предназначении зданий дворцового типа, раскопанных в Туве и в Забайкалье. Но существует мнение исследователей по этому поводу. Эти сооружения трактуются как административные здания, возводимые лицами, имевшими отношение к управлению отдельными территориями монгольского государства.

Самыми северными памятниками такого типа (при настоящем состоянии изученности) являются городища Межегейское, Ден-Терек Оймак и др. в Туве (Кызласов, 1969), остатки зданий в Тугнуйской долине в Западном Забайкалье, Кондуйский дворец и Хирхириновское городище в Восточном Забайкалье. Расположение этих памятников, объединенных общностью уже перечисленных деталей, позволяет предположить, что они являлись центрами отдельных уделов или областей, занимавших пограничное положение на севере монгольского государства.

Самой границы в современном понимании этого термина, по-видимому, не существовало. Скорее всего между территорией, контролируемой государственными органами и соседними племенами, существовала какая-то особая зона, разграничивавшая население и территорию двух сторон. Такая граница устанавливалась в местах, за пределами которых практически отсутствовали политические и территориальные интересы господствующего слоя монгольского государства. Экономическая заинтересованность могла выливаться в форме установления даннических отношений, как наиболее выгодных для государства.

5. При нынешнем состоянии исследований средневековой истории Забайкалья нет сведений, позволяющих с достаточной точностью выявить границы монгольского государства. Хотя начинают просматриваться отдельные центры северных областей империи, дальнейшие исследования в этом направлении смогут, возможно, выявить их очертания и помогут решить ряд вопросов, связанных с историей края, в частности, вопрос о местонахождении страны Баргуджин-Токум.

The problem of urbanization in nomadic communities in Central Asia

Among other problems connected with the investigation of nomadism as a global phenomenon, the problem of urbanization is taking a clearer outline.

However, insufficient archaeological study of nomadic settlements that had been left by the nomads, the development of theoretical problems dealing with the process of formation of city culture, lack of usage of comparative methods in researching similar phenomenon, taken place among settled nomads do not give a reasonable opportunity to differentiate the partial settlement processes from the urbanization processes taken place in nomadic communities.

At present the most important factor in the process of urbanization in a number of Ancient and Middle Ages nomadic communities is considered to be the formation of state system - a difficult problem which is far from being solved.

Central Asian nomadic peoples of Hun, Turks, Uigur, Kidani, Mongols - those who had passed through a complex social development, left a great number of archaeological monuments thus giving way to measurement the level of the development of material culture together with the written sources, the degree of social and political conditions of the community.

A great many of investigators dealing with the study of history and culture of Ancient and Middle Ages peoples of Central Asia are convinced of the existence of the state system among the above-mentioned ethnic groups.

One can note the existence of certain social and economic regularities in the course of formation of State system.

A peculiar feature in this process was the origin of large and small settlements, noted among Hun, Uigur, Kidani, Mongols. The degree of their archaeological study does not permit us to evaluate them from the point of view of their functional use.

However, the existence of those settlements were parts of a number of the regularities in the course of the development of state system.

During archaeological excavations carried out on a large scale in Karakorum, the capital of the Mongolian state, a lot of manor buildings, city blocks, that had been inhabited by handicrafts places for trade were found. Information from the European researchers about Karakorum confirm archaeological materials and give us the picture of well-shaped cities.

Alongside with major cities there existed small settlement that belonged to handicrafts and where, perhaps, concentrated the Administration Center governing the local governments. The ways of solving the urbanization process among nomads in Central Asia are in want of material supply and in the first place, of the archaeological materials. A serious theoretical grounds are necessary for the development of general concepts in nomadic communities urbanization in Euro-Asian steppes in the light of new concepts on the historical processes.

ГОРОДИЩЕ БАЯН-УНДЭР – НОВЫЙ ПАМЯТНИК ХУННУ В ЗАБАЙКАЛЬЕ

Первая траншея длиной 20 м и шириной 1 м заложена на восточном валу городища, по линии В-3 (рис. 3). Выбор места обусловлен наличием на гребне вала камней. Предполагалось, что камни каким-то образом входят в конструкцию вала. При вскрытии траншеи на один шаг на поверхности вала выявилась глинистая почва светло-серого, белесого цвета, с примесью дровя. Дерновый слой на вершине отсутствовал. К западу с внутренней стороны городища по мере понижения вала почва принимает более темный оттенок, а дрова исчезают. В восточной части траншеи

Рис. 1. Карта распространения поселений хунну в юго-западном Забайкалье

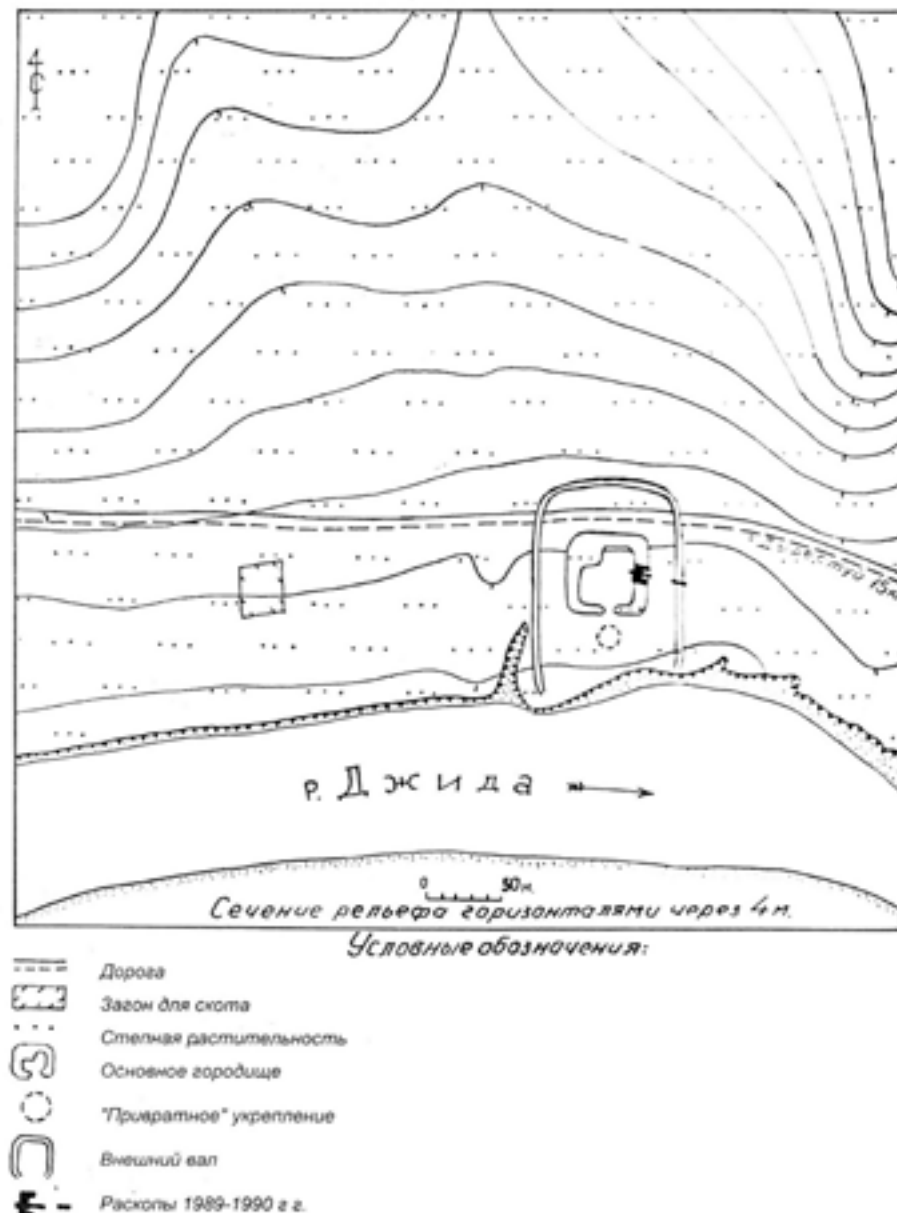

Рис. 2. План городища Баян-Ундэр.

(внешняя часть вала) встретился твердый, плотно сбитый, перемешанный с мелким камнем грунт. Далее к востоку, по мере понижения вала, наблюдается более темная гумусированная почва.

На самом гребне вала стояли две каменные плиты: одна – ориентированная по линии С-В, другая – перпендикулярная ей, расположена по линии С-Ю. Почва между ними очень мягкая, сыпучая, с большой примесью дров. Плита, расположенная по линии С-Ю, имеет сильный наклон к востоку. Она, судя по выступающей над поверхностью части, имеет прямоугольную форму и установлена на торце. Ширина – 0,5 м. Плита, расположенная по линии С-В, стоит на ребре, длина – 1,60 м. После снятия мягкой сыпучей почвы между плитами выявился глинистый слой пепельно-серого цвета, похожий на обмазку основания пола. Здесь же расчищены лежавшие плашмя небольшие плоские камни – возможно, вымостка пола. Расчистка траншей в западном направлении, во внутренней части городища, показала наличие серого глинистого слоя, который прекращался в 6 м от западного края траншей. Под этим слоем, не превышающим 0,03-0,04 м, прослеживались небольшие каменные необработанные плиты толщиной 0,02-0,03 м.

В западной части траншей в 2,5-3 м от ее западного края, на глубине 0,10-0,15 м найдены фрагменты керамики коричневого цвета со следами лощения. Среди них: два фрагмента венчика прямого профиля, с заоваленной кромкой (поверхностью), толщиной от 1,0 до 1,3 см; фрагменты стенок, на двух из них, с внешней стороны, имеется небольшой валик, рассеченный наклонными насечками (рис. 8 в.г.). В этой же части траншей при осмотре отвалов обнаружен небольшой фрагмент стенки сосуда толщиной 0,7 см, с черной внешней поверхностью, в изломе – коричневого цвета.

В восточной части траншей у подножия вала выявилось темное гумусированное заполнение, которое при дальнейшем углублении оказалось внешним рвом.

Прямо за восточной гранитной плитой, стоящей на гребне вала, наблюдался очень твердый грунт, толщиной у плиты 0,5 м. Далее к востоку толщина этого слоя постепенно уменьшается, и через 1,80 м от края плиты окраска его меняется на коричневый, но состав остается прежним. Этот коричневый слой через 2,5 м, уменьшаясь в толщине, продолжается наклонно вниз, постепенно сходя на нет. Под твердым грунтом наблюдается слой почвы темного цвета, являющийся, по нашим наблюдениям, отвалом, возникшим при рытье рва. Ширина рва в верхней части 3,2-3,3 м. Глубина рва от уровня современной поверхности – 1,6 м (замер сделан от нижней точки с восточной стороны вала, там, где намечался ров). Ближе ко дну рва встречались крупные камни и корни деревьев. На глубине 0,5-0,6 м найден фрагмент толстостенного сосуда (1,4 см) серого цвета, со следами вертикального лощения на внешней стороне. В отвале рва обнаружен обломок стенки сосуда серого цвета, слабого обжига, с примесью мелкозернистого песка в глиняном тесте. На внешней стороне – небольшой, небрежно выполненный налетный валик.

В 7-8 м к югу от вала, на его внутреннем склоне, на современной поверхности найдены фрагменты стенок черного сосуда, имеющие в изломе коричневатую окраску.

Внешний вал городища в восточной части был прорезан траншеей по одной линии с траншеей внутреннего вала, с целью их дальнейшего соединения (рис. 4). Длина траншей – 10 м, ширина – 1 м. По гребню внешнего вала просматривались небольшие задерживающие камни. Отдельные из них, попавшие в площадь раскопа, были расчищены, но их назначение и функции остаются пока непонятными. В зачищенной стенке раскопа видно, что основу внешнего вала составляла светлая глинистая масса, с примесью дров. В целом же, конструкция и назначение внешнего вала остаются пока неизвестными.

Таким образом, в результате исследований 1989 г. на городище Баян-Ундэр выявилось наличие довольно сложных оборонительных сооружений. Внутреннее укрепление окружали стены, сложенные из плотной утрамбованной массы: земли с высоким содержанием глиняных частиц (суглинок), речного песка, дров. Первоначальная высота стен в результате естественного распада, очевидно, уменьшилась.

Наличие внутри вала каких-то конструкций из каменных плит изменили наше намерение проложить траншею через вал до материковых пород. Было решено исследовать находящиеся на валу сооружения, если бы таковые оказались, а устройство вала было решено проследить на следующем этапе работ.

Работы 1990 г. были начаты с разбивки двух раскопов, располагающихся на внутренней западной стороне вала, по обе стороны траншей, заложенной в 1989 году. Основной целью раскопок было исследовать назначение выявленных сооружений из каменных плит.

К северу и югу от траншей были разбиты два раскопа размером 6х4 каждый. Однако после снятия верхнего, дернового, слоя выявилось темное пятно, уходящее под южную бровку раскопа. В связи с этим граница второго раскопа была отодвинута к югу на 2 м.

Кроме того, с северной и южной сторон раскопа были заложены две траншеи длиной 9 м каждая с целью проследить устройства вала.

Таким образом, общая площадь раскопа составила 66 м². Участок 1 располагался к северу от траншей 1989 года. Участок 2 находился к югу от этой же траншеи (рис. 5).

Участок 1

Раскопки начались со снятия дернового слоя, хотя следует отметить, что он на валу очень тонкий и четко фиксировался лишь ближе к подошве вала. На гребне вала трава прорастает прямо из дровя, плодородный слой почти отсутствует. Таким образом, толщина первого снятого слоя не превышала 5-10 см. после зачистки площади раскопа выявился слой дровя, имевший ближе к подошве вала более темную окраску. В дрове встречались мелкие фрагменты керамики. Дальнейшая зачистка выявила пятно овальной в плане формы, размерами 4х4,5 м и более темное, по сравнению с окружающей, желтовато-серого цвета, дровей.

При зачистке пятна встречена керамика, прослеживавшаяся до самого дна заполнения, большее ее количество встречалось ближе ко дну заполнения, борта заполнения имели покатость к центральной части.

Керамика представлена в виде обломков по крайней мере от пяти сосудов.

1. Фрагмент черно-лощеного сосуда, имеющего венчик-«воротничок», диаметром около 34 см. Средняя толщина стенок 0,8-1,0 см. формовочная масса соответствует рецептуре: глина, песок, песок мелкозернистый, содержание его довольно значительно. Изломы имеют красновато-коричневую однородную окраску. Внешняя поверхность обработана лощением, выполненным, видимо, по посушенной основе. Основное направление лощения – вертикальное по тулову, горизонтальное по венчику. Количество собранных фрагментов более 30 (рис. 6 а, б, в).

2. Фрагменты черно-лощеного сосуда, с толщиной стенок 0,6-0,8 см. Формовочная масса по составу близка предыдущей, но возможны незначительные добавки шамота. В изломе имеет однородную красновато-коричневую окраску, такая же окраска и у внутренней поверхности (в отличие от предыдущего сосуда, где окраска близка к черной). Зафиксировано около 20 фрагментов. Внешняя поверхность обработана почти сплошным лощением (рис. 7).

3. Фрагменты толстостенного сосуда (толщина стенок 1,0-1,3 см) грубой выделки и плохой сохранности. Формовочная масса – глина и среднезернистый песок, в довольно значительном количестве. Промес формовочной массы неравномерный, образующий комки. Наружная поверхность слегка заглажена, внутренняя, по-видимому, дополнительной обработке не подвергалась. В изломе окраска 3-слойная: светлая по краям, черная в середине. Обнаружено около 50 фрагментов, в т.ч. фрагмент венчика, слегка отогнутый наружу, прямоугольного сечения (рис. 6 г, д).

4. Большое количество (около 190) фрагментов крупного сосуда из серой глины, толщина стенок которого 0,7-0,8 см, формовочная масса тонкого типа, с незначительной примесью мелкозернистого песка. С обеих сторон сосуд имел окраску серого цвета, на внешней стороне просматривалась неровная, местами пятнистая окраска. Изломы всех фрагментов сосуда – равномерного серого цвета. Наружная поверхность обработана лощением и орнаментирована «рубчатой» лопаточкой, по-видимому, до лощения. Следы лощения (полоски) образуют на поверхности перекрестно-диагональную клетку. Фрагмент венчика-«воротничка» позволил определить диаметр этой части сосуда – 28,5 см. На ряде фрагментов отмечен орнаментальный пояс шириной 5 см, представляющий собой два горизонтальных параллельных наложенных валика, между которыми располагался горизонтальный волнообразный валик. Такой орнаментальный мотив считается традиционным для сосудов хунну, встречается он и в другой технике (ребной) (Сосновский, 1947, с. 39; Коновалов, 1976, с. 195). Эти фрагменты относятся к зоне плечиков, что позволяет определить диаметр сосуда, в области шейки – 24-25,5 см (рис. 8 а, б).

5. Фрагменты толстостенного (1,3 см) сосуда, кирпично-красного цвета. В формовочной массе значительна примесь среднезернистого песка. На внешней поверхности заметны слабые следы «рубчатой» лопаточки. Внутренняя поверхность хорошо заглажена. Обнаружено около 10 фрагментов (рис. 6 е, ж).

Для исследования конструкции вала с северной стороны участка 1 была заложена траншея длиной 9 м по линии В-3, пересекающая вал. Наибольшая глубина траншеи, у гребня вала, достигает 0,85-0,90 м. материк под насыпью вала состоит из желто-белого суглинка с включением песка, перемешанного с дровей и камнями. В западной части разреза под слоем дерна наблюдается слой темно-бурого гумусированного суглинка толщиной 0,20-0,25 м. в 2,5 см от западного края траншеи этот слой расклинивается на две части. Верхняя часть постепенно переходит в основу вала путем постепенной смены окраски и структуры бурого, гумусированного слоя на желтый суглинок с дровей, из которого состоит основа вала. Нижняя часть бурого, гумусированного слоя суглинка подстилает основу вала на протяжении 8,5 м и постепенно сходит на нет. Основа вала представляет собой глинистый слой линзовидной формы, с большим содержанием дровя. Длина основы вала в разрезе 6,5 м, наибольшая толщина 0,40 м.

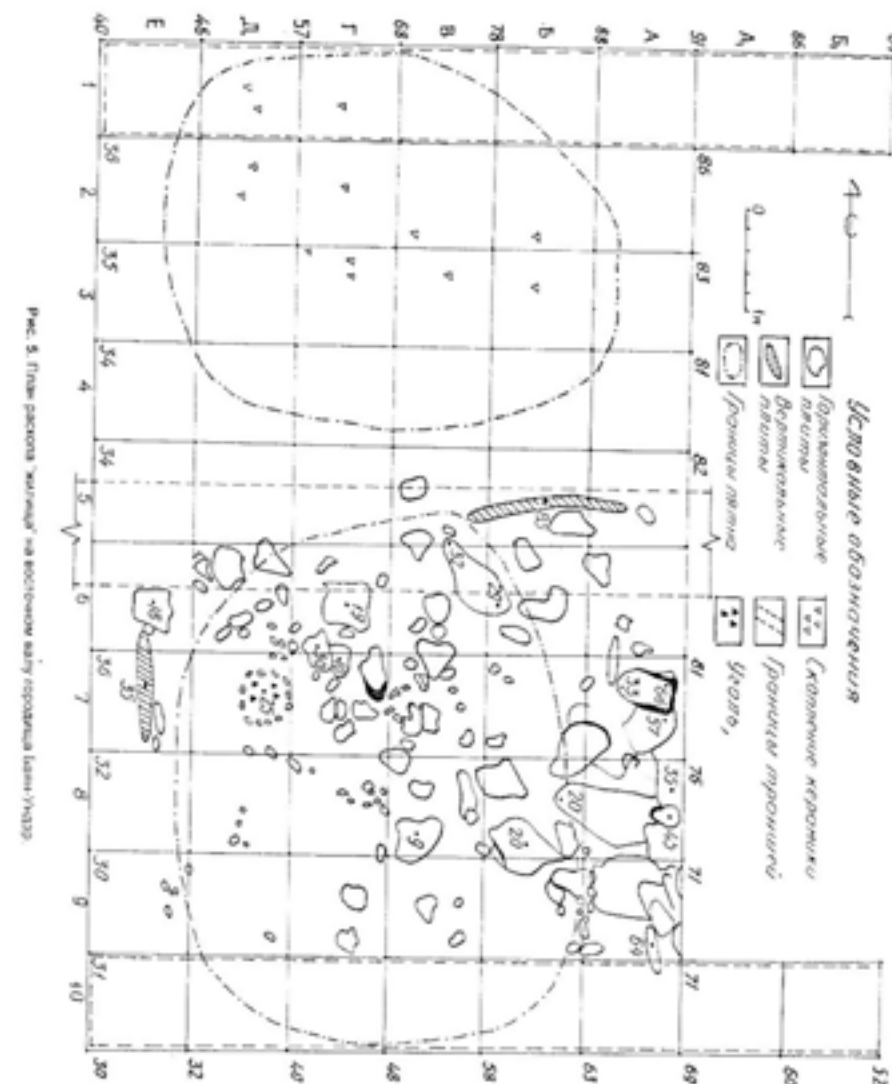

Рис. 5. План раскопа «Колодезь» на восточном валу городища Баян-Ундэр.

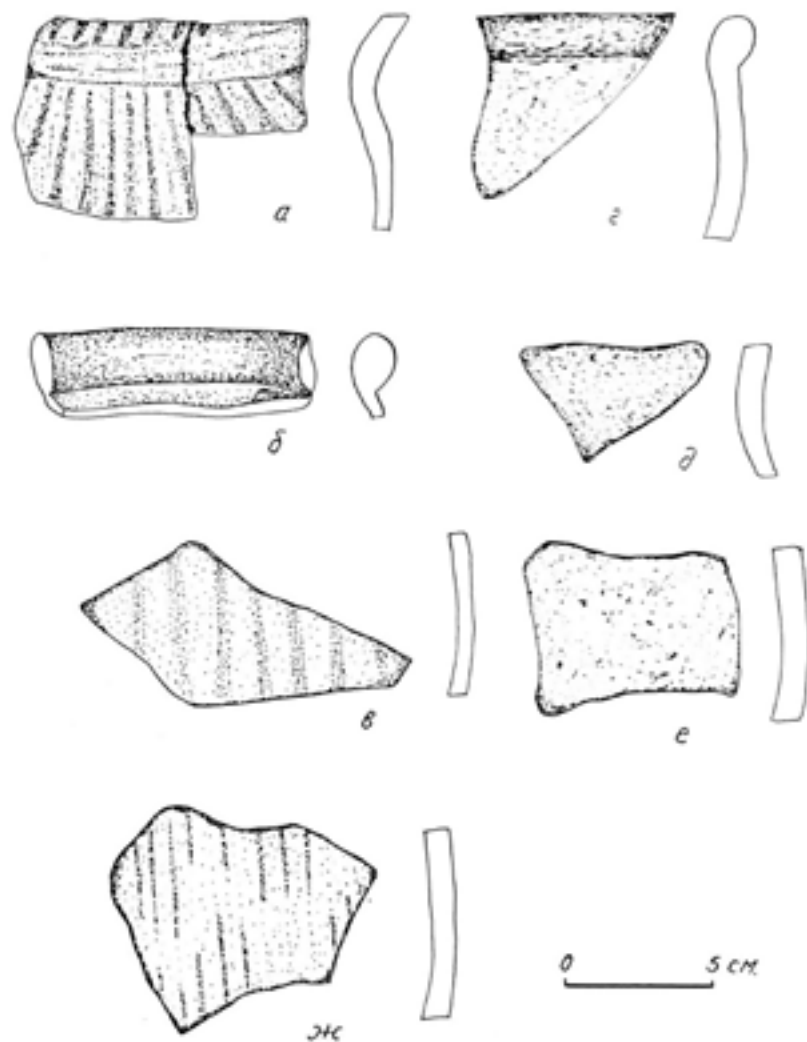

Рис. 6. Керамика из траншеи и с участка 1.

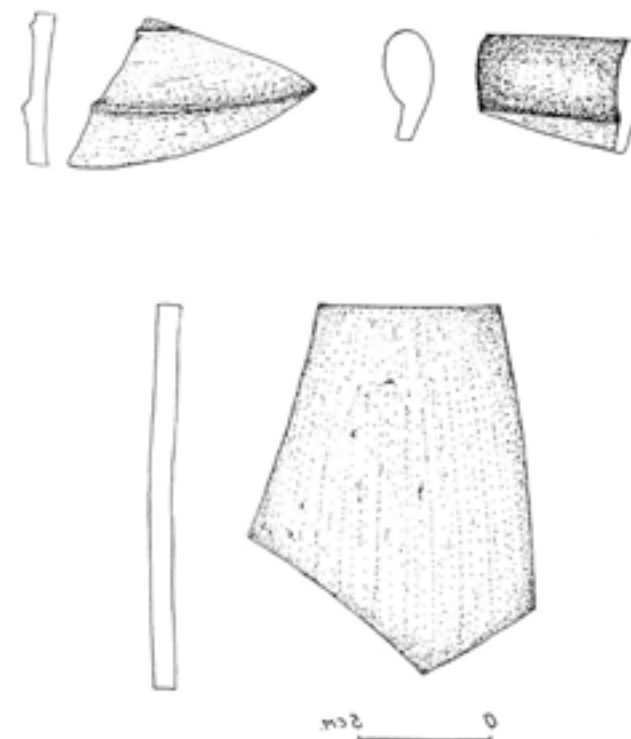

Рис. 7. Керамика с участка 1.

Участок 2

Участок расположен к югу от траншеи, заложенной в 1989 г., в которой были обнаружены вертикально установленные гранитные плиты. После снятия дернового слоя, очень тонкого, как и на участке 1, зафиксировано темное пятно, северным концом частично заходившее в траншею 1989 года. Внутри пятна встречены небольшие фрагменты керамики. Форма пятна овальная, вытянутая по линии С-Ю, размерами 4х5 м.

С западной стороны была расчищена верхушка вертикально установленной каменной плиты, находящейся за пределами пятна. По мере заполнения пятна встречались фрагменты керамики.

1. Фрагменты черно-лощеного сосуда, с толщиной стенок 0,8-0,9 см, с обеих сторон имеющих одинаковый черный цвет, а в изломе – однородно серый. В формовочной массе отмечена значительная примесь мелкозернистого песка. Наружная поверхность сосуда обработана лощением, внутренняя – тщательно заглажена. Собрано около 35 фрагментов, в том числе небольшой фрагмент венчика – «воротничка». На некоторых фрагментах имеются горизонтальные наленные валики.

2. Фрагмент горловины черно-лощеного сосуда, с толщиной стенок – 1,0-1,2 см. Формовочная масса содержит мелкозернистый песок, излом имеет однородную серую окраску, наружная поверхность обработана лощением, внутренняя – заглажена (рис. 9).

Дальнейшая расчистка участка выявила горизонтально уложенные каменные плиты, напоминающие вымостку пола. Плиты имеют некоторый наклон к центру, т.е. центральная часть несколько просела, камни вымостки лежат неплотно (рис. 5).

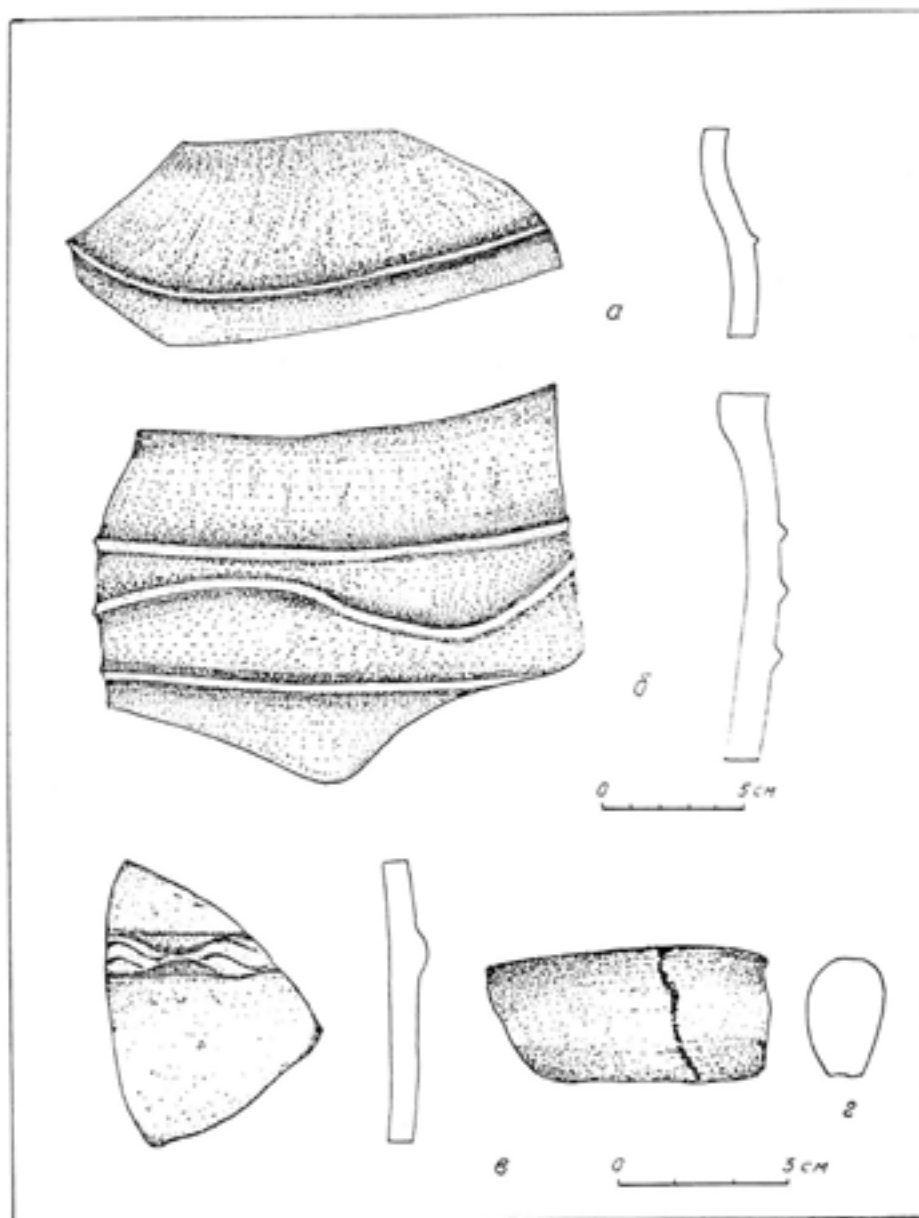

Рис. 8. Керамика с участка 1

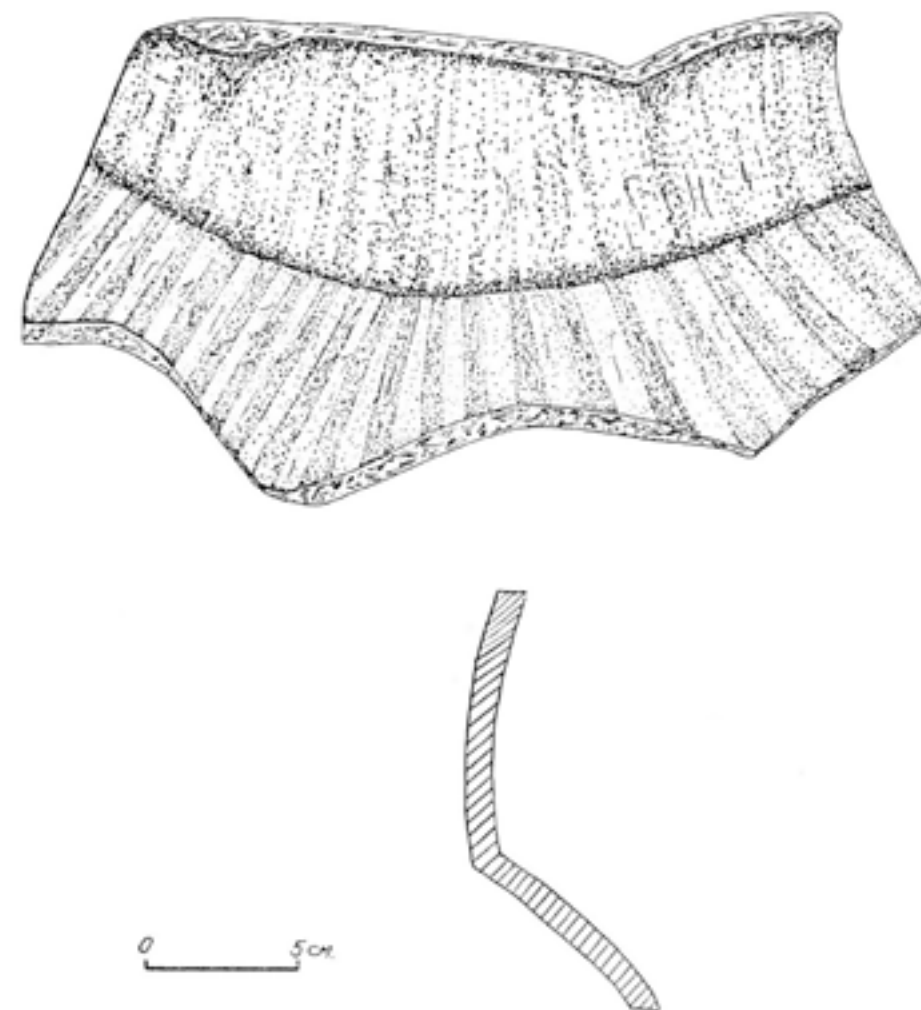

Рис. 9. Фрагмент горловины сосуда с участка 2.

П. Б. Коновалов, С. В. Данилов,
Н. В. Именохоев

БРОНЗОВЫЙ МЕЧ ИЗ СЕЛА ПЕТРОПАВЛОВКА (р. Джиды, Бурятия)

В настоящей работе публикуется достаточно редкий для археологической науки экспонат из разряда случайных находок – меч карасукского типа, хранящийся в музее Бурятского научно-го центра, в г. Улан-Удэ. О значении и ценности его нет надобности говорить пространно. Достаточно сказать, что данная находка пополняет сравнительно небогатый фонд металлических вещей, главным образом оружия и украшений так называемого неизвестного происхождения, хранящихся в музеях городов и сел Монголии и прилегающих к ней регионов Южной и Восточной Сибири. Значительный процент среди этих вещей карасукских форм изделий, в том числе и публикуемая новая находка, проливают дополнительный свет на так называемую «карасукскую проблему», суть которой состоит во все еще не решенных вопросах происхождения и распространения одноименной культуры: единая это локальная культура или громадная общность сходных «карасукообразных» культур. Сравнительно хорошей сохранности и своеобразной формы меч из Петропавловки на Джиде относится к кругу забайкальско-монгольско-ордосских образцов бронзового оружия, характеризую тем самым восточный ареал распространения карасукской культурной общности Центральной Азии.

Меч был передан археологической экспедиции Бурятского института общественных наук БНЦ СО РАН жителями села Петропавловка Джидинского района Бурятской АССР, не сообщившими, к сожалению, каких-либо точных сведений о месте и обстоятельствах находки данной вещи. В руки археологов меч попал очищенным от патины, лишь кое-где на рукояти и на клинке можно наблюдать ее остатки. Как уже отмечалось, меч отличается хорошей сохранностью: единственное повреждение на нем – обломаны рога на голове животного (в виде головы дикого барана-архара или дикого же козла-янгиря оформлено навершие рукояти). Спектральный анализ сплава, из которого сделан меч, указывает на оловянистую бронзу (см. результаты анализа в конце текста статьи). Впрочем, приступим к детальному описанию (рисунок).

Петропавловский меч цельнолитой: кроме деталей навершия рукояти, т. е. головы, рогов, ушей, глаз и ноздрей животного, все остальное – клинок, перекрестье и рукоятка отлиты монолитом. Голова же, с упомянутыми деталями, была отлита отдельно и затем соединена с шейкой рукояти, о чем говорят затертые следы спайки ниже головы.

Длина меча 78 см, из которых клинок составляет 53,2 см. Клинок – равномерно суживающийся от перекрестья к острию, обоюдоострый, линзовидный в сечении, с резко выделяющейся на всю длину жилой с обеих сторон. Ширина клинка у перекрестья 5 см, посередине 4,6 см.

Перекрестье относится к пластинчато-шиповидному типу, т. е. сделано в виде относительно узких и тонких прямоугольных пластин, выступающих в обе стороны от основания клинка приблизительно на 1,2 см и слегка оттянутых вверх в сторону рукояти. Длина перекрестья меча, таким образом, составляет 7,4 см.

Клинок через перекрестье плавно переходит в рукоять, которая достаточно круто суживается от перекрестья к навершию и в соответствии с этим имеет удлиненно-овальное сечение внизу у основания и укороченно-овальное сечение у навершия. По своей форме рукоять относится к типу асимметрично изогнутой в плоскости лезвия клинка и в сторону, куда направлена голова животного. В сущности, рукоять меча имитирует собой длинную шею животного, естественным образом суживающуюся от груди к голове.

Надо отметить, что описанная форма рукояти, т. е. заметно суживающаяся от основания к навершию, при абсолютно гладкой поверхности крайне неудобна для боевого оружия, что наводит на мысль скорее о ритуальном назначении данного оружия. И еще о рукояти: на ней ближе к перекрестью, т. е. на расширенной части, имеется «поясок» кольцевых рельефных валиков – в 9-10 плотных параллельных строк. Считается, что такой «поясок», имеющий в данном случае декоративное значение, имитирует обмотку рукоятки мечей того времени, когда рукоятка у них была, может быть, деревянная, роговая или костяная и насаживалась на черенок металлического клинка (Членова, 1976, с. 18).

Навершие рукояти выполнено в форме головы горбоносого барана или козла, с опущенными вниз тяжелыми, массивными губами и резко выделенными челюстями. Глаза сделаны в виде сквозного, поперек головы, круглого отверстия, выходившего в обе стороны кольцеобразно оформленными, преувеличенно широкими глазницами. В качестве ноздрей над губами припаяны листовидные, ложечкообразно вогнутые, наподобие расщепленной скорлупы семечки, детали, торчащие в сторону и придающие вид утрированно раздутых ноздрей.

С восточной стороны участка, у края раскопа, расчищены вертикально и наклонно стоящие плиты, вхопившие, по-видимому, в систему плит, устанавливающихся по периметру пята.

Здесь были расчищены остатки очажка, выложенного мелкими камнями, несущими следы огня (рис. 5).

Под камнями вымостки просматривались глинистые заполнения.

В южной части участка, по линии В-3, была заложена траншея длиной 9 м с целью проследить в разрезе устройством вала и выяснить, насколько это возможно, его соотношение с сооружением, объединенным вертикально установленными каменными плитами.

Южная сторона траншеи. В 3 м от ее западного края зафиксированы прослойки глины темного цвета, идущие в горизонтальном направлении и поднимающиеся вверх в 3 м от восточного края траншеи. В этом месте в 3,5 м от восточного края, на глубине 0,6 м обнаружена лежащая горизонтально берцовая кость человека.

Выше глинистых прослоек располагался слой слежавшейся древесины с суглинком, составлявший основу вала. В восточной части траншеи, по слою древесины, отмечен слой желтоватого суглинка с камнями, ниже он приобретал темно-бурый оттенок. Характер материка тот же, что и в траншее 1 желтовато-бурый суглинок, перемешанный с песком, древесиной и камнями.

Северная стенка траншеи. Здесь прослеживалось соотношение вала и раскопанного сооружения на участке 2. Однако траншея начала закладываться позже, после вскрытия площади участков 1 и 2, вследствие чего фиксация стенки траншеи была произведена не полностью.

В западной части траншеи под слоем, содержащим фрагменты керамики, наблюдался слой глины толщиной 0,15-0,20 м, лежавший на материковых породах. В разрезе видно, что западное окончание глинистого слоя (в 20 м от западного края траншеи) имеет ровное, вертикальное оформление. По всей видимости, глинистое заполнение имеет искусственное происхождение. Ниже слоя глины, в материке, зафиксированы ямки, возможно от столбов. В 3 м от западного края траншеи наблюдался слой желтоватого суглинка с темно-бурыми включениями, постепенно утолщавшийся к гребню вала, где находилась вертикально установленная гранитная плита, входившая в ряд плит, располагавшихся по гребню вала по линии С-Ю, у восточной бровки участка 2. Восточнее плиты в разрезе наблюдалось иное по характеру заполнение: светлый суглинок с древесиной, составлявший, по нашим наблюдениям, основу вала.

Таким образом, в результате исследований 1990 г. на восточном валу городища Баян-Ундэр была вскрыта конструкция, ограниченная с трех сторон вертикально установленными каменными плитами. Хотя по некоторым особенностям конструкции (установка вертикальных плит, очажок, находки керамики, кости животных) раскопанное сооружение напоминает жилище, однако расположение его на валу городища, отсутствия остатков перекрытий (что отмечалось при раскопках жилищ на Иволгинском городище хунну) не позволяют пока с достаточной убедительностью отнести его к этому виду сооружений.

Собранная во время раскопок керамика, несомненно, относится к культуре хунну. Об этом свидетельствуют также ее характерные черты, как лощение внешней поверхности, состав формовочной массы, орнаментация сосудов волнистыми и горизонтальными линиями и т.д.

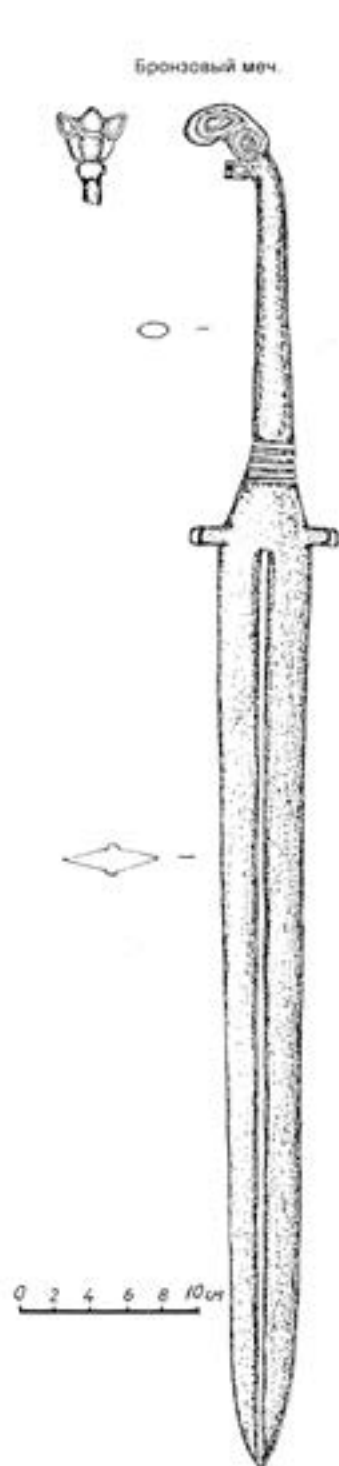
Кроме описанных фрагментов сосудов, четко относимых к определенным группам, встречался разнообразный мелкофрагментарный керамический материал, который не поддается четкому определению и интерпретации.

Исследование вала городища показало, что в современном состоянии он имел в ширину 6,5 м и толщину 0,40 м, состоял из древесины, т.е. имел, вероятно, вид насыпи. Но окончательное решение вопроса о конструкции вала и о характере оборонительных сооружений городища в целом пока еще весьма проблематично.

В заключение можно отметить, что введение в научный оборот новых материалов по оседлым поселениям туинского времени будет способствовать дальнейшему расширению знаний по истории этого народа.

ЛИТЕРАТУРА

- Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник): Памятник хунну в Забайкалье. – Л., 1985.
Давыдова А.В., Миняев С.С. Поселение хунну у с. Дурны // Археологические открытия 1972 г. – М., 1973.
Давыдова А.В., Миняев С.С. Раскопки поселения хунну у с. Дурны. // Археологические открытия 1973 г. – М., 1974.
Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье. – Улан-Удэ, 1976.
Льбова Л.В. Отчет об археологическом обследовании долины р. Хилек (Бичурский р-н Бурятской АССР). – Улан-Удэ, 1988.
Сосновский Г.П. О поселении туинской эпохи в долине р. Чикоя // КСИИМК. 1947. Вып. 4 С. 35-39.
Хамзина Е.А. Археологические памятники Бурятии. – Новосибирск, 1982.

К сожалению, рога у животного обломаны, от них видны лишь места припайки на голове и на шее, т. е. рога представляли собой как бы две расходящиеся веером дуги, прикрепленные каждая одним концом к голове, другим к шее. Сравнительно плавный и широкий загиб рогов (всего лишь полудугой, но не круто закрученные вниз и вперед, как бывают у барана) говорит в пользу того, что навершие меча изображает все же голову козла-янгир, а не барана-архара. Уши также обломаны, и места в основании их начисто стерты.

Под челюстями на шее имеется также припаянная, своеобразной формы, довольно маленькая, в полсантиметра диаметром, петелька. Думается, что такая петелька кроме того, что за нее или к ней что-то привязывали, играет еще и декоративную роль, изображая, вероятно, козлиную бороду (в таком случае еще один довод в пользу соответствующей трактовки изображения навершия рукоятки). Кстати, такая форма подбородочной петельки не имеет аналогии среди карасукских мечей и кинжалов (ср. с табл. Членовой, 1976 – отд. вкладыш).

Далее, переходя непосредственно к сравнительному анализу нашей новой находки, сопоставляя ее с известным опубликованным материалом, мы в первую очередь обратимся именно к образу (сюжету) изображения навершия. Как уже отмечалось выше, данный меч типологически вписывается в группу бронзового оружия из обширного ордосско-монгольско-забайкальского региона. Однако самые близкие к нему аналогии обнаруживаются в Забайкалье.

Забайкальские мечи и кинжалы опубликованы М.П. Грязновым (1929), С.В. Киселевым (1951), Н.Н. Диковым (1958), Ю.С. Гришиным (1968, 1981), затем они попали в сводку карасукских кинжалов Н.Л. Членовой (1976). Среди них явно сопоставимых с нашим мечом насчитывается в настоящее время четыре, и все они являются также случайными находками. И если мы посмотрим их на сводной таблице в книге Н.Л. Членовой [1976 – см. вкладыш, табл. 7], то увидим, что наиболее близок по форме, размерам и пропорциям к нашему мечу меч из пос. Кузьмино Усть-Карского района Читинской области (бассейн р. Шилки), хранящийся в музее г. Суренска (табл. 7, 15). По описанию Ю.С. Гришина (1968, с. 180-182), навершие этого меча изображает голову барана, у которого следы обломанных рогов и ушей в точности напоминают таковые на нашем мече. Такие же обломанные рога и такую же форму головы мы видим на навершии (к сожалению, только голова – обломок рукоятки) меча из Борзинского района Читинской области, бассейна р. Онона (табл. 7-19), которое именуется Ю.С. Гришиным (1981, с. 178) изображением головы лося, с чем трудно согласиться. Наше предположение о том, что в рассмотренных навершиях можно видеть головы дикого козла-янгир, определенно подтверждается навершием кинжала с озера Котокель Бурятской АССР (восточнее побережья Байкала), которое без всякого сомнения изображает голову козла-янгир (табл. 7-14). К сожалению, впервые опубликовавший эту вещь М.П. Грязнов (1929, с. 134-141) называет ее кинжалом, а его навершие – головой горного барана. И то, и другое, по нашему мнению, не соответствует действительности. Дело в том, что обломанный клинок котокельского «кинжала» равен 22 см (только лишь этот размер и указывает автор публикации), а его рукоять, по нашей прикидке (по пропорциям и масштабу изображения – см. рис. в публикации Грязнова (1929, с. 137) составила бы приблизительно 25 см, а вместе с рогами и того более – около 28 см. Если взглянуть на данную вещь с учетом этих размеров и пропорций составных частей, то получится явно не кинжал, а

меч, причем таких же размеров, что и меч усть-карский и вновь публикуемый нами петропавловский.

Таким образом, теперь мы можем говорить о четырех карасукских мечах с изображением головы дикого горного козла (но не барана или лося, как признавалось ранее), найденных на территории одного только Забайкалья. И наконец, еще одно из ранее опубликованных изделий, именуемых также «кинжалом». Оно происходит из пос. Усть-Тулутай Читинской области (р. Онон). По рисунку (Членова, 1976, табл. 7-11; Гришин, 1981, рис. 67-4) отчетливо видно, что навершие его изображает на этот раз действительно голову дикого барана-архара. Рога его здесь имеют совсем иной характер – концы их круто закручены вперед по сторонам головы. Что же касается его наименования, то нам кажется, что по соотношению размеров рукоятки и обломанного клинка (нигде в публикациях не дан масштаб рисунка, но пропорции его такие же, что у котокельского изделия) это тоже скорее меч, чем кинжал.

Столь же четкие различия в рисунках козлиных или бараньих голов можно видеть в таблицах ордосских, северокитайских и маньчжурских кинжалов и мечей (Членова, 1967, табл. 10, 12).

Впрочем, вопрос – меч это или кинжал – не столь принципиален, ибо с точки зрения функции того или другого вида оружия между ними нет резкой грани: как знать, где большой кинжал по мере удлинения клинка превращается в меч или меч с обломанным и вновь заточенным клинком превращается в кинжал. Подтверждение тому можно легко найти, если под таким углом зрения посмотреть на некоторые образцы карасукского оружия (да и не только карасукского) по работам Н. Л. Членовой (1967, 1972, 1976) из которых, кстати, следует также вывод об отсутствии типологической разницы между кинжалами и мечами с изогнутыми рукоятками и навершиями с животными.

Рассмотренные нами ближайшие аналогии нашему мечу, как забайкальские, так и монгольские, ордосские, северокитайские, маньчжурские кинжалы и мечи, датируются в пределах X-XIII вв. до н. э. (Членова, 1976, с. 56-68). Индивидуальными особенностями нового публикуемого, петропавловского на Джиде, меча является, пожалуй, своеобразное устройство торчащих наружу ноздрей и оригинальная форма петельки, имитирующей бородку козла, не имеющие аналогов ни у одного из вышеперечисленных образцов карасукского оружия. Названные детали скульптурного навершия могут, скорее всего, указывать на позднюю, в рамках X-XIII вв. до н. э., дату его изготовления, т. е. на верхний предел этой хронологической рамки, а может быть и за ее пределы, где-то на VIII-VII вв. до н. э.

Результаты количественного спектрального анализа бронзового меча из с. Петропавловка
Джидинского района Бурятской АССР (выполненного В.А. Галибиным в ЛОИА в 1984 г.)

Состав	Sn	Pb	As	Sb	Bi	Ag	Co	Ni	Fe
%	13	0,015	-	-	0,01	0,0001	-	0,005	0,01

Комментарий В. А. Галибина: "Тип сплава – оловянная бронза. Бытует на протяжении II-I тыс. до н. э. Большое содержание олова характерно скорее для середины I тыс. до н. э. Малое количество примесей говорит о довольно редком источнике меди".

25 января 1984 г.

Ст. науч. сотр. ЛОИА, канд. хим. наук Галибин В. А.

ЛИТЕРАТУРА

- Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. - М.: Наука, 1967.
Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. - М.: Наука, 1972.
Членова Н. Л. Карасукские кинжалы. - М.: Наука, 1976.
Гришин Ю. С. О некоторых забайкальских медно-бронзовых изделиях эпохи средней бронзы (карасукского времени). - СА, 1968, № 3.
Гришин Ю. С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. - М.: Наука, 1981.
Грязнов М. П. Бронзовый кинжал с оз. Котокель. - "Бурятияведение", I-II (9-10). - Верхнеудинск, 1929. С. 134-141.
Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. - Улан-Удэ, 1958.
Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. - МИА, 1949, № 9.

С. В. Данилов

ЖЕРТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС У СЕЛА НИЖНИЙ БУРГУЛТАЙ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДРЕВНИХ ОБРЯДОВ И ВЕРОВАНИЙ

Выяснением вопросов содержания духовного мира древних обитателей Забайкалья занимались и занимаются многие исследователи, изучающие первобытную историю края. Одним из основных источников, способствующих раскрытию этого сложного вопроса, являются археологические памятники, дающие, помимо представлений о материальной культуре, ценные сведения о духовной культуре. В совокупности со сведениями письменных источников и этнографическими данными возможно, с большой долей вероятности, реконструировать отдельные элементы и даже целые блоки духовной культуры, в частности мировоззрение, выступавшее обычно в виде религиозных представлений. Естественно, что многие конкретные детали древних обрядов и ритуалов, например магические формулы и заклинания, в настоящее время почти не восстанавливаемы. Однако привлечение различного вида данных делает возможным восстановление в общих чертах отдельных обрядов и ритуалов, материальными остатками которых являются разнообразные жертвенники и иные объекты и предметы культового назначения.

В настоящей статье на материалах исследованного в 1983-1984 гг. археологического комплекса (рис. 1), содержащего остатки жертвоприношений животных, сделана попытка выяснить характер существовавших в древности ритуальных действий и проследить их связь с бытовавшими до недавнего времени обрядами во время проведения которых приносились в жертву животные.

Исследованный памятник находился на левобережье реки Джиды, в 3 км к югу от с. Нижний Бургултай, в долине ручья Бургултайка. В центральной части долины, неподалеку от плиточных могил и керексуров, располагался рассматриваемый нами комплекс, состоявший из более чем сорока задернованных каменных кладок, под большинством из которых находились остатки черепов лошадей (рис. 2).

Все раскопанные каменные кладки находились на компактной территории и вскрывались отдельными участками методом сплошной расчистки. Отдельные кладки имели четко выраженную округлую форму диаметром 3-5 м (рис. 4), но большей частью они располагались настолько близко друг к другу, что кладки сливались между собой и далеко не всегда можно было определить их границы (рис. 3).

Под подавляющим большинством раскопанных объектов были найдены черепа лошадей с шейными позвонками и копытами. Исследование кладок показало, что основу их конструкции в большинстве случаев составляли относительно крупные, уложенные кольцом камни. Голова лошади с позвонками и копытами укладывалась в центре этого кольца, которое заваливалось камнями как внутри, так и снаружи. Все сооружению придавалась по возможности округлая форма. В целом кладки были довольно плоскими и почти не просматривались на современной поверхности. Однако у некоторых из них кольцо сооружалось из сравнительно крупных камней и внешне до раскопок они напоминали небольшие плиточные могилы.

Головы коней устанавливали на нижних челюстях, лобной частью вверх. Для них была характерна восточная ориентация, причем преобладало положение головы мордой на юго-восток, реже на восток и очень редко на северо-восток. Почти всегда вместе с черепами находились шейные позвонки лошади, от трех-четырех до семи-восьми штук. Располагались они слева или справа от черепа, параллельно ему и в анатомическом порядке. Иногда отдельные позвонки лежали позади черепа, а в некоторых случаях первый позвонок находился рядом с ними (рис. 5).

Вместе с конскими черепами часто встречались копыта, причем чаще всего попадалась третья фаланга. Изредка находились первая фаланга и сезамовидные кости третьей фаланги. Количество копыт, встречающихся в кладках, было различным, а случаев находок одного, двух, трех и четырех копыт примерно одинаково. Причем самые тщательные поиски копыт от всех четырех ног не приводили к успеху. По-видимому, помещение с черепом всех копыт животного было необязательным.

Неясен способ умерщвления животных. И хотя сохранность тонких костей черепа оставляла желать лучшего, все же встречались черепа с ненарушенной лобной частью. То есть способ умерщвления животного ударом в лоб здесь не применялся.

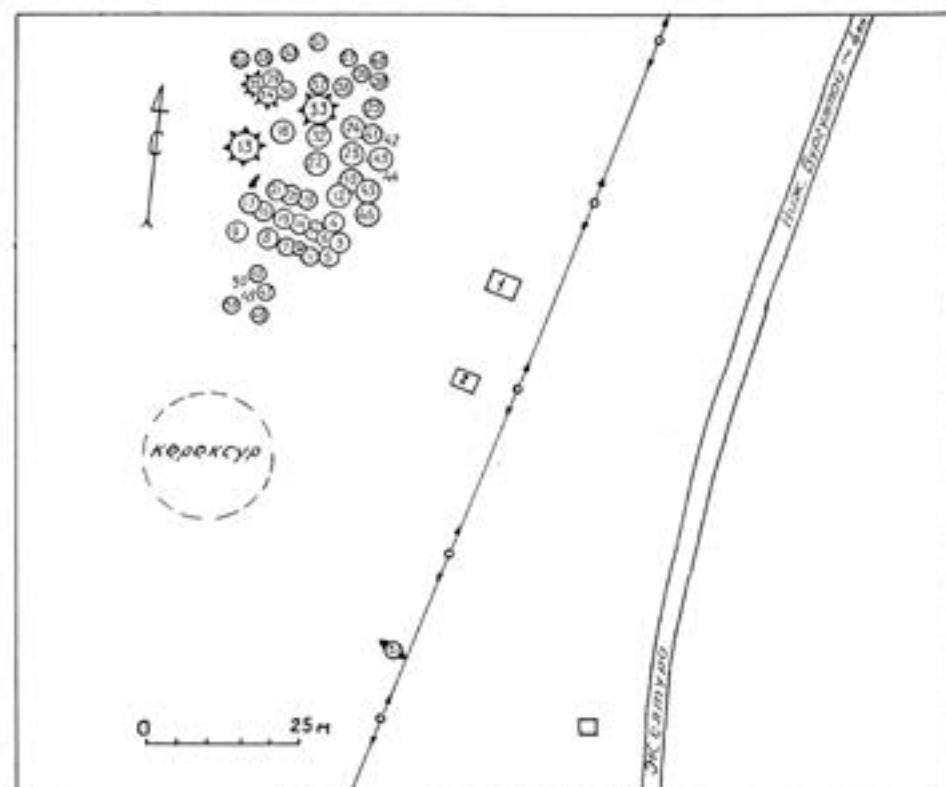
Среди сооружений из камня встретились три кладки, не содержавшие конских черепов. Их форма целиком совпадала с обычными кладками, однако при расчистке в центральной части наблюдалось свободное от камней пространство (рис. 5). По краям этой площадки были зафиксированы относительно крупные камни, стоявшие, как выяснилось, по краям ямы, имевшей округлую в плане форму.

В заполнении ямы также прослеживались камни, причем в одной из них прослеживалась довольно мощная забутовка, не достигавшая дна. При расчистке ям встречались мелкие обломки костей животных, носившие частично следы горелости, а также были зафиксированы тонкие прослойки серого цвета, являвшиеся, по-видимому, остатками неглы. Глубины ям были неодинаковы и колебались в пределах 120-160 см.

Рис. 1. Место расположения жертвенного комплекса у села Нижний Бургултай.

Условные обозначения:

○ - погребения черепов лошадей	▲ - рог животного
□ - плиточные могилы	● - остатки столба
⊛ - "жертвенные ямы"	⑤ - номера расколов
○ - погребение в цисте	↔ - ЛЭП

Рис. 2. Схематический план расположения жертвенных кладок у с. Нижний Бургултай.

Вблизи кладок, содержащих остатки черепов лошадей, были обнаружены остатки деревянного столба, установленного в прямоугольной, в плане, яме и плотно забутованного камнями. Длина сохранившейся подземной части столба составляет 120 см. В нижней части ямы были обнаружены остатки щепы, хотя вся сохранившаяся часть столба была покрыта корой (рис. 7).

Таким образом, исследованный комплекс свидетельствует о том, что вблизи Нижнего Бургултая, в долине реки Джиды, в древности существовало место, на котором происходили обряды, во время проведения их совершались жертвоприношения коней, головы которых вместе с шейной частью и копытами помещали в специально выложенное кольцо из камней и закладывали камнями. Наличие среди каменных сооружений комплекса как отдельных кладок, так и сгруппированных позволяет выделить несколько типов: 1) кладки с кольцом из крупных камней, расположенные отдельно; 2) кладки, расположенные отдельно, с кольцом из камней, не отличающихся по размерам от камней кладки; 3) кладки, сгруппированные в одно скопление камней; 4) кладки, расположенные над ямами.

Выделенные типы кладок свидетельствуют о некотором разнообразии, существовавшем при строительстве этих сооружений, причина которого недостаточно ясна.

Рис. 3. Вид на жертвенные кладки, границы между которыми почти не различимы.

Немаловажную роль при совершении обрядов играли, вероятно, ямы, в которых встречались мелкие обломки костей животных, причем среди них находились кости мелкого рогатого скота. Особое значение придавалось, по-видимому, деревянному столбу, который, судя по значительной подземной части и мощной забутовке, мог довольно высоко возвышаться над землей.

Все эти вместе взятые черты придают исследованному комплексу законченный вид и могут в совокупности служить основанием для суждений о характере жертвоприношений, совершавшихся здесь в древности.

Однако трудность интерпретации памятника, заключающаяся в уточнении характера жертвоприношений, не позволяет сделать однозначный вывод. Дело в том, что близость к раскопанному нами комплексу плиточных могил и керексуров не исключает возможности погребально-поминального характера совершавшихся жертвоприношений. Однако сопоставление отдельных деталей, выявленных при исследовании памятника, с данными письменных источников и имеющимися этнографическими материалами по общественным жертвоприношениям у тюркских и монгольских народов, в первую очередь у тюрков Сибири и бурят, может склонить к мнению, что в древности здесь происходили ритуальные действия, сходные с обрядами упомянутых сибирских народов.

Выяснение вопроса о конкретных формах ритуалов, существовавших во время проведения общественных жертвоприношений в древности, тесно связано с этнографическими данными о подоб-

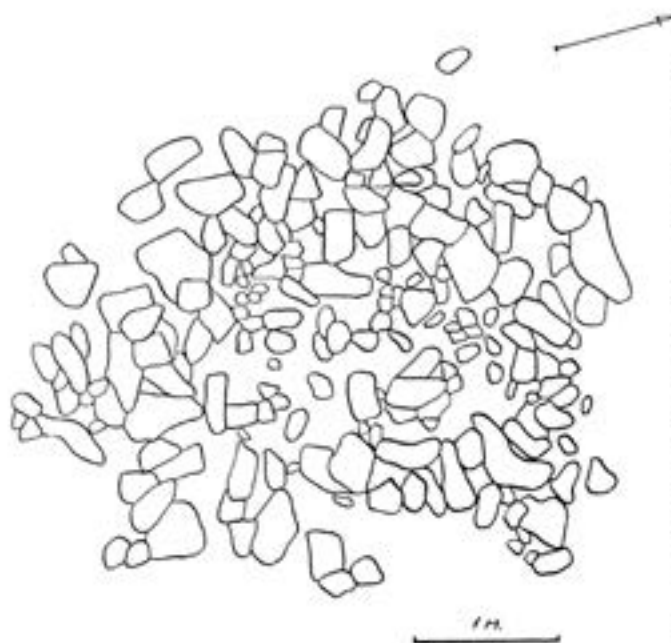

Рис. 4. Каменная кладка, сооруженная над жертвенной головой лошади

чение длительного времени вырабатывались определенная регламентация жертв каждому божеству, зависевшая от их ранга, важности просьбы-молитвы, богатства жертвующих и т. д. Основным видом жертвы у тюркских и монгольских народов был скот и продукты скотоводства, а одним из наиболее известных среди общественных жертвоприношений является обряд, известный под названиями: тайлаган, тайэлга, тахилган.

Не вдаваясь в подробности этих обрядов, достаточно хорошо освещенных в литературе (Агалитов, Хангалов, 1833, с. 100-103; Глухов, 1926; Баторов, 1926, с. 109-122; Гирченко, 1939, с. 88-89; Михайлов, 1980, с. 82-88, 176-178), отметим только, что при несомненной общности их происхождения имеются некоторые отличия между обрядами тюрков и бурят.

Для показа общей картины проведения обрядов дадим лишь общую характеристику бурятского тайлагана, сохранившего, как мы считаем, черты древней обрядности.

Тайлаган устраивался членами одного или нескольких имеющих общее происхождение родов для принесения жертв определенным божествам с целью испрашивания всяческих благ и создания хороших условий существования для всех членов рода, участвующих в обряде.

Жертвоприношения вызываемым поименно божествам приносились вначале тарасуном, курунгой, а затем бульоном и мясом принесенных в жертву животных, причем их умерщвление происходило путем надреза шкуры и разрыва рукой аорты, т. е. без пролития крови на землю. После произнесения просьб-молитв и принесения жертв шкуры жертвенных животных надевали на шесты и устанавливали их так, чтобы голова была устремлена в ту сторону, где, по представлениям участников обряда, обитали вызываемые божества и к которым должны были отправиться их души. Сваренное мясо делили между участниками обряда, кости животных сжигали.

Во всем этом довольно сложном церемониале более всего нас интересуют те атрибуты обряда, которые могли бы служить в качестве пояснения к имеющимся археологическим материалам.

Рассмотрим те стороны тайлаганной обрядности, которые могли бы стать предметами материальной культуры, т. е. найти отражение в памятнике при проведении его исследования методами археологии.

Перед началом тайлагана сооружалось тургу - березовые ветки или молодые березки, втыкаемые колом в землю. Однако в некоторых случаях, например, при посвящении шаманов, "тургу могли быть особые деревья или обтесанные столбы из отобранных деревьев" (Михайлов, 1980, с. 192). Тургу "по мнению специалистов, символизировали мировое дерево, по которому шаманы или их молитвы восходят на небо, опускаются в нижний мир" (Михайлов, 1980, с. 192), и имели широкое распространение.

ных обрядах, бытовавших в культовой практике скотоводческих народов Центральной Азии и Южной Сибири. Исходя из задач данной статьи, основное внимание обращается на выяснение тех деталей обрядов, проводившихся при общественных жертвоприношениях, которые могли бы найти отражение в археологическом материале. В то же время сделана попытка выявить сходные черты, имеющиеся, по нашему мнению, среди общественных жертвоприношений древности, средневековья и этнографической современности. Причем этнографические сведения о подобных обрядах взяты из культовой практики тюрков Сибири и бурят, т. е. народов, в меньшей степени подвергавшихся воздействию мировых религий и сохранивших многие черты древних верований.

В религиозной практике этих народов важное место занимали различного вида жертвоприношения многочисленным духам и божествам. Причем в те-

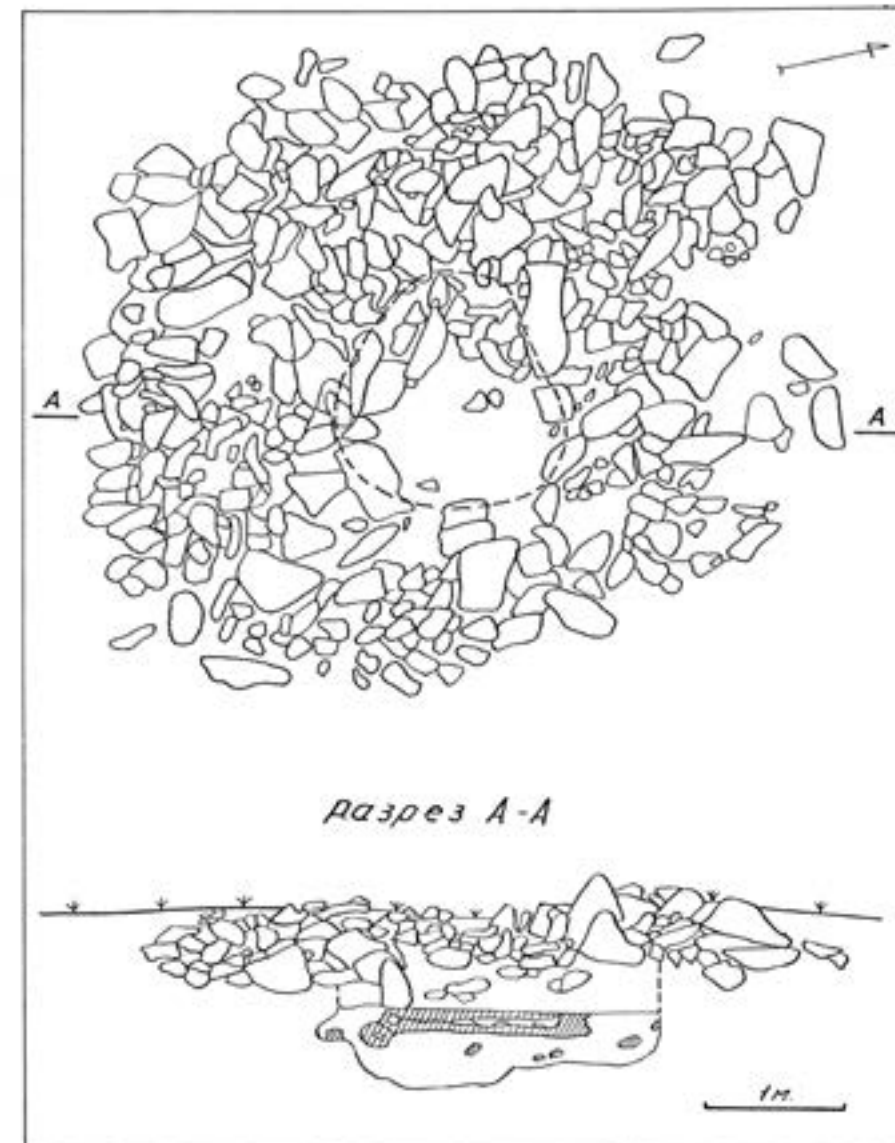

Рис. 5. Каменная кладка, сооруженная над ямой с обломками обожженных костей и леплом.

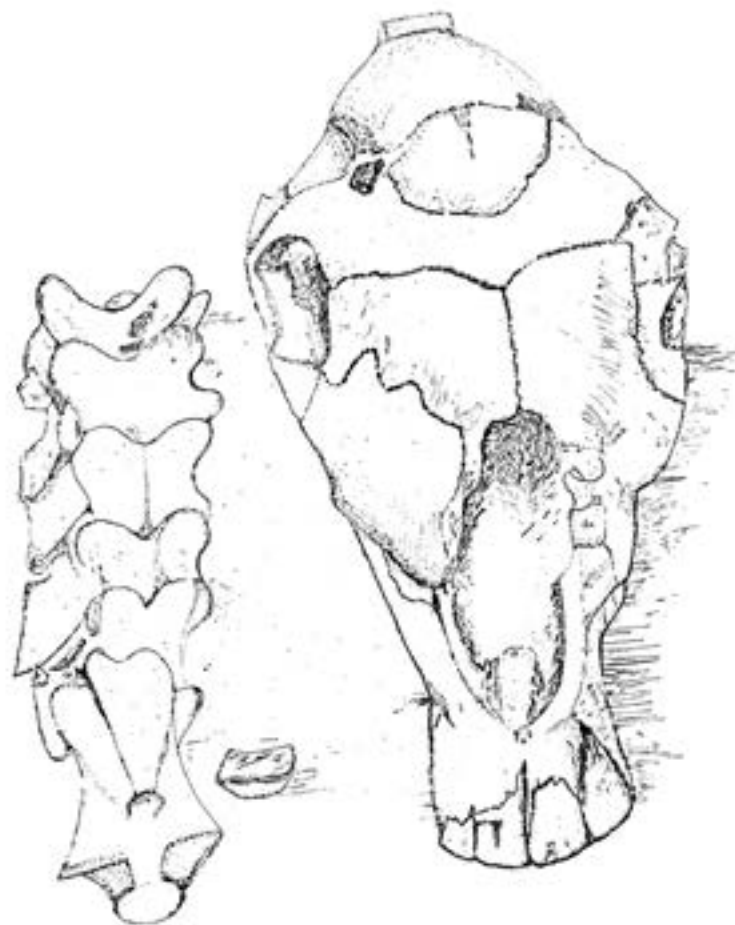

Рис. 6. Череп и позвонки лошади из кладки №48.

Другим моментом тайлаганной обрядности было сооружение ширээ - места, где сжигались кости жертвенных животных. "Они были постоянными и больших размеров, до 1,5-2 м высотой, сложенные из плиточных камней; другие, временные, делались из свежесрубленных деревьев в виде навеса на четырех небольших кольях" (Михайлов, 1980, с. 185). Кроме этого имеются сведения о сжигании костей во время тайлагана, описанного И. Г. Гмелиным в 1834 г., в специальных ямах, где разводился костер (Гирченко, 1939, с. 89).

Археологическими объектами могли стать и остатки жертвенного животного, шкуру которого с головой и копытами продевали через шест, один конец которого висел в воздухе, а другой закреплялся на земле. Такой обряд вывешивания шкуры жертвенного животного назывался зухэли.

В раскопанном нами комплексе близ Нижнего Бургултая просматриваются определенные черты сходства с некоторыми атрибутами тайлаганов.

Остатки деревянного столба, обнаруженного среди каменных сооружений и, несомненно, игравшего определенную роль во время проводимых здесь в древности ритуальных действий, можно идентифицировать с тургэ, являвшимся непременной деталью тайлаганов. Одной из функций тургэ была передача просьб - молитв божествам. То есть они служили своеобразным материальным воплощением звена между людьми и "небожителями". В то же время имеются сведения о

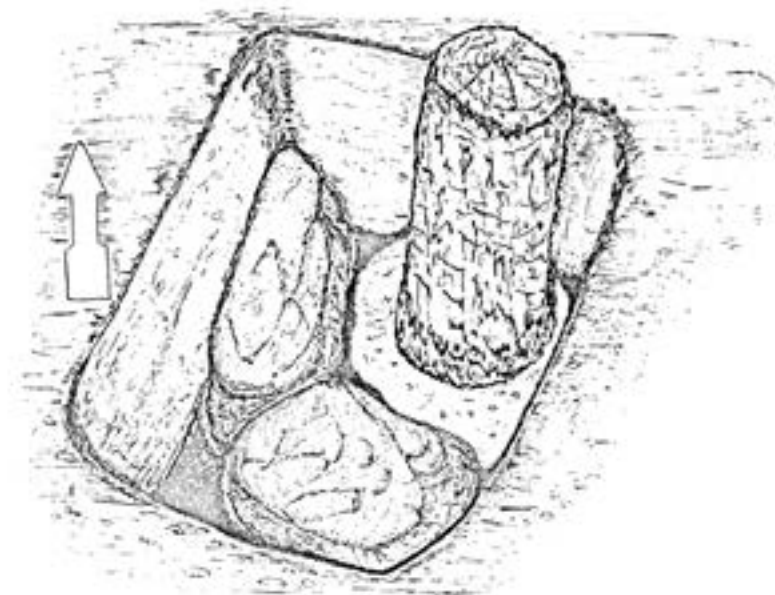

Рис. 7. Остатки деревянного столба.

том, что тюрки Сибири на месте проведения обряда, идентичного тайлагану, устанавливали столб, к которому привязывали жертвенного коня (Глухов, 1926, с. 98).

Здесь к функциям столба как передатчика молитв добавляется функция конюязи, имевшей ритуальный характер и осмысливавшейся, возможно, как способ отправления животного в качестве жертвы тем же божествам.

Вопрос о древних ритуальных конюязях изучен не в достаточной степени, однако ясно, что у народов, их применявших, они служили не только для узкоутилитарных целей, а несли определенную смысловую нагрузку, связанную с верованиями.

Древность столбов-конюязей уже отмечалась в литературе (Иванов С. В., 1976, с. 213; Иванов Вяч. В., 1974, с. 99), и, учитывая, что все животные исследованного нами комплекса были представлены одним видом - лошадей, весьма вероятно, что для них устанавливались специальные столбы, служившие, возможно, как ритуальные конюязи и одновременно как средство для передачи божествам молитв и жертв.

После совершения жертвоприношений на тайлаганах все кости принесенных в жертву животных сжигались на специально сооруженных ширээ. Смысл такого сожжения не вполне ясен. Возможно, что оно имело то же значение, что и вся церемония в целом: кости принесенного в жертву животного должны были отправляться путем сожжения тому божеству, которому оно посвящалось. В то же время это могла быть жертва огню (духу огня), почитание которого имеет очень глубокую древность. В любом случае обряд сожжения костей жертвенных животных имел, по нашему мнению, неоднозначный характер и не являлся простым уничтожением остатков жертвоприношения.

При исследовании памятников в Нижнем Бургултае нами были вскрыты ямы с мелкими обломками костей животных, носивших частично следы обожженности. В ямах прослеживались также прослойки пепла. По-видимому, перед нами следы ритуальных сожжений остатков жертвоприношений, как и на тайлаганах, где также имелись случаи сожжения костей животных в ямах с разведенным в них огнем (Гирченко, 1939, с. 89).

Несколько сложнее обстоит дело с черепами, шейными позвонками и копытами лошадей, найденными под каменными кладками нижнебургултайского комплекса. Несомненно, что это остатки животных, принесенных в жертву какому-то божеству. Единая, в основном восточная, ориентация всех черепов наводит на мысль о расположении их в направлении предполагаемого обитания божества и сближает их этим с тайлаганным зухэли. Однако у нас почти отсутствуют сведения о том, как в раскопанном комплексе, способе расположения остатков жертвенных животных.

Для получения дополнительных данных обратимся к материалам еще одного широко распространенного в Центральной Азии обряда, во время проведения которого, при большом стечении людей, совершались жертвоприношения. Этот обряд известен под названием обо или культ обо.

В обрядах обо и тайлаган есть одна общая и основополагающая; на наш взгляд, черта - вера участников ритуалов в возможность установления контактов с божествами и путем принесения им жертв добиться их покровительства и содействия в своих делах.

Для выяснения вопроса, рассматриваемых в данной статье, нас интересуют два момента обрядовой стороны культа обо: во-первых, то, что при проведении церемонии происходили жертвоприношения животных, прекратившиеся с ламаизацией этого культа (Банзаров, 1955, с. 68), во-вторых, известно, что перед сооружением алтаря, представляющего груды камней, совершался ритуал освящения обо, во время которого в специально вырытую яму помещались различные, определенные ламаистским регламентом вещи. Имеются сведения о помещении в такую яму и головы животного, в частности лошади. Такой способ размещения остатков жертвенного животного имеет в целом определенное сходство со способом, зафиксированным нами при раскопках близ Нижнего Бургултая каменных кладок, содержащих черепа, позвонки и копыта лошадей. Какие конкретные представления легли в основу такого оформления ритуала, с достаточной определенностью судить затруднительно. Однако несомненно, что в обоих обрядах голова животного обозначала ритуальное приношение божествам, имевшее, очевидно, тот же смысл, что и зухели на тайлаганах.

Из сказанного не вытекает, конечно, что раскопанные близ Нижнего Бургултая кладки явились прямыми прообразами обо. В настоящее время для такого утверждения мы не располагаем достаточным количеством фактов и материалов. Однако рассмотрение такой характерной черты обряда, как помещение головы животного под сооружениями из камня, в общей системе общественных жертвоприношений, существовавших у центральноазиатских народов, не исключает возможности того, что какие-то принципы, которыми руководствовалось население, оставившее ритуальные кладки близ Нижнего Бургултая, явились основополагающими для устройства обрядов на обо.

В задачу настоящей статьи не входит выяснение происхождения, общих и отличительных черт обрядов тайлаган и обо. Детальный анализ всех вопросов, связанных с ними, является темой отдельного исследования. Отметим только, что это явления одного порядка, входящие составной частью в систему верований и представлений народов Центральной Азии.

По всей вероятности, подобного рода обряды существовали у древних центральноазиатских народов. Сведения о жертвоприношениях различным божествам, предкам и т. д., проходивших при большом стечении людей, содержатся в письменных источниках. Наиболее раннее упоминание о таких обрядах содержится в Ши-цзи, в главе, посвященной северным соседям империи Хань—хунну. О них говорится следующее: "В пятой пуне все собираются в Лунчэнь, где приносят жертву своим предкам, небу, земле и духам" (Иакинф, 1950, с. 49). Источник не раскрывает конкретного содержания обряда и остается неизвестным характер жертвоприношений, совершавшихся на таких собраниях. Однако данные по жертвоприношениям животных, существовавшим в погребальном обряде хунну, свидетельствуют, что у них были вполне сложившиеся ритуалы и оформление их проходило по определенным канонам. И не будет выглядеть большим преувеличением предположение о существовании у хунну ритуальных жертвоприношений животных во время проведения упомянутых собраний.

У восточных соседей хунну — ухуаней, имевших, вероятно, сходные с ними представления и почитавших подобные божества, существовали следующие обряды, описанные в истории династии поздняя Хань: "Почитая души умерших и духов, приносят жертвы Небу, Земле, Солнцу, Луне, звездам, созвездиям, горам, рекам и покойным старейшинам, прославившимся своими подвигами. Для жертвоприношений используют крупный рогатый скот и овец, туши которых по окончании церемонии сжигают" (Мат-лы по истории древних кочевых народов группы дунху, с. 64; сравн. там же, с. 328).

Средневековые тюрки-тюки также совершали жертвоприношения предкам и духу Неба - отмечает Тан-шу (Иакинф, 1950, с. 230-231). Более конкретно о таких обрядах у тюрков говорится в "Китайских исторических сведениях" также сообщается о жертвоприношениях восточными тюрками Небу лошадей и овец, устраиваемых ежегодно в пятом месяце на реке Тамир (Потанов, 1977, с. 173). Западные тюрки приносили в жертву Небу и Звездам быков и баранов (Потанов, 1977, с. 173).

Рассматривая сведения письменных источников, можно отметить общность характера исследуемых обрядов, где за скупыми строчками скрыто все многообразие верований, представлений и конкретных форм проведения ритуалов во время общественных жертвоприношений. Однако при внимательном изучении объектов почитания можно выделить несколько групп: 1 — космические объекты (Солнце, Луна, звезды, созвездия, небо); 2 — географические объекты (горы, реки); 3 — объекты, связанные с анимистическими представлениями (души предков, духи).

Исследования по выявлению и классификации божества шаманского пантеона бурят показывают, что среди многочисленных его персонажей существовало подразделение на общепурятские, племенные, родовые и некоторые другие группы (Михайлов, 1980, с. 73-99).

Жертвоприношения божествам совершались каждой социальной единицей в зависимости от определенной периодичности проведения обряда или же по необходимости. Причем на общеплеменных тайлаганах "... собирались тысячи людей... в жертву приносили сразу до сотни лошадей и 200-300 овец" (Михайлов, 1980, с. 84-85).

Сопоставление божеств бурятского шаманистского пантеона с объектами поклонения, существовавшими у древнего населения Центральной Азии, показывает определенную общность в их составе. Например, космические тела и явления являлись всеобщими объектами поклонения. Ландшафтные или географические объекты становились предметом почитания одного или нескольких родов или племен. А при особой исключительности объекта его значимость расширялась до межплеменных и даже государственных масштабов.

В письменных источниках, несомненно, нашли отражение наиболее массовые и значительные обряды, носившие, очевидно, общегосударственный характер, что подтверждается упоминанием в источниках наиболее значительных объектов поклонения. Однако встречающиеся в текстах источников названия менее значительных божеств, например душ предков, объектов ландшафта, могут послужить косвенным доказательством существования, помимо грандиозных обрядов государственного масштаба, родовых и племенных ритуалов, во время проведения которых происходили определенные жертвоприношения, в том числе и животных. Описания таких жертвоприношений, ввиду существовавшего запрета на присутствие на подобных обрядах чужеродцев (Козин, 1941, с. 83), могли не попасть в тексты источников.

Таким образом, изложенный материал позволяет говорить о том, что раскопанный близ Нижнего Бургултая комплекс каменных кладок относится к памятникам жертвенно-ритуального характера. В настоящее время затруднительно судить о том, когда и кем проводились обряды жертвоприношений в долине Джиды. Однако наличие в Монголии подобных комплексов, насчитывающих сотни кладок и расположенных рядом с керексурами, плиточными могилами и оленными камнями (Волков, 1981, с. 80-81), позволяет предварительно отнести их по крайней мере к I тыс. до н. э. Тем более не ясна и этническая принадлежность населения, оставившего эти памятники. Но несмотря на ряд не решенных вопросов древней истории Забайкалья и Центральной Азии, все же становится ясно, что в регионе издавна складывались и формировались дошедшие до наших дней обряды и ритуалы, во время проведения которых совершались ритуальные действия, остатки которых фиксируются в археологических памятниках.

ЛИТЕРАТУРА

- Агапитов Н. Н., Хангалов М. Н. Материалы для изучения шаманства в Сибири // Шаманство у бурят Иркутской губернии. - Иркутск, 1883.
- Банзаров Д. Черная вера, или шаманство у монголов. Собр. соч. - М., 1955, с. 48-100.
- Баторов П. П. Аларские тайлаганы // Изв. ВСОРГО Т. 51, 1926. Отд. оттиск. С. 109-122.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.-Л., 1950. Т. 1.
- Волков В. В. Оленные камни Монголии. - Улан-Батор, 1981.
- Гирченко В. П. Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX вв. о бурят-монголах. - Улан-Удэ, 1939.
- Глухов. Тайлагз // М.Э. Т. 3. Вып. 1, 1926.
- Иванов Вяч. В. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от асва - "коня" // Пробл. истории языков и культуры народов Индии. Сб. памяти В. С. Воробьева-Десятовского. - М., 1974. С. 75-138.
- Иванов С. В. Якутские хонюксы // Материальная культура народов Сибири и Севера. - Л., 1976. С. 213-224.
- Козин С. А. Сокровенное сказание. - М.-Л., 1941.
- Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. - М., 1984.
- Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). - Новосибирск, 1980.
- Потанов Л. П. Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. - Л., 1977. С. 164-178.

Данилов С.В.

(Бурятский институт общественных наук СО РАН, Улан-Удэ)

ЗАХОРОНЕНИЕ ШАМАНОВ БЛИЗ СЕЛА ЭДЭРМЫК КИЖИНГИНСКОГО РАЙОНА БУРЯТИИ (1)

В начале полевого сезона 1983 года группа сотрудников отдела истории, этнографии и археологии БИОН СО РАН в составе П.Б. Коновалова, Н.В. Именохоева и С.В. Данилова выехала в Кижингинский район Бурятской АССР. Инициатором поездки был Г.О. Туденов, научный сотрудник Института, уроженец села Эдэрмык. По имеющимся у него сведениям близ села в горах, имелись какие-то археологические объекты, связываемые местными жителями с монголами.

Нашими проводниками к месторасположению этих объектов были жители села Эдэрмык Очиров Доржибал Сунгурупович, 1926 года рождения зооветеринар совхоза «Первомайский», ныне пенсионер, работающий мастером в местной школе и Дондуков Гутаб-бал Олсобоевич, 1927 года рождения, механик совхоза, ныне пенсионер, мастер-краснодеревщик.

В шести-семи километрах к западу от села Эдэрмык (рис.1), на покрытых лесом невысоких горах проводники показали нам несколько сложенных из камней кладок. Все они имели вытянутую в плане форму. В некоторых из них камни внутри были выбраны.

Для выяснения характера этих кладок, оказавшихся погребениями, нами было раскопано две из них, которые, судя по внешнему виду, были нетронуты.

Кладка 1. Была расположена на крутом склоне и сложена из довольно крупных камней. В плане сооружение имело овальную форму и было ориентировано по линии С-В. Длина кладки составляла 380 см., ширина 340 см., максимальная высота достигала 90 см. (рис.2). Судя по отдельным откатившимся камням, создавалось впечатление, что сооружение несколько сползло вниз по склону и, возможно, первоначальная длина и высота его были несколько иными. В центральной части визуально наблюдались более мелкие, чем составляющие основу сооружения, камни.

На расстоянии шести-семи метров к западу, среди каменных россыпей были найдены предметы шаманского костюма: железные кольца с подвешенными к ним холбохо, миниатюрными стремянами, бронзовыми колокольчиком, бубенчиком. Всего найдено пять таких подвесок (рис. 3, 1, 1, 3, 4, 5). Кроме этого было обнаружено четыре железных кольца (рис. 3, 6, 7, 8, 9), сплюснутая железная шаманская корона с вырезанными из железных пластин и приклепанными рогами, жестяные обивки шаманских тростей (рис.3,10, 11), со следами дырочек для гвоздей, бронзовое зеркало, сломанное на три части (рис. 3, 12), железная пряжка с подвижным язычком (рис. 4, 6).

Разборка кладки началась выемкой расположенных внутри более мелких камней. Чуть выше современной поверхности были обнаружены кости человека плохой сохранности. Часть костей носила следы огня, причем отдельные кости обуглились. Некоторые кости вообще не затронуты огнем (черепа, позвонки, часть ребер).

152

Положение погребенного установить не удалось, т.к. кости находились среди полностью сгнивших органических остатков (одежды?).

Из вещей в погребении были обнаружены железные обивки седла, рядом с которыми лежало два стремя (Рис. 4, 1, 2), два железных распределителя камней (Рис. 4, 3), железных бляшек подквадратной формы (Рис. 4, 5) и одна округлая железная бляшка с бронзовой заклепкой (Рис. 4, 5), железный нож (рис. 5, 6) и бронзовая курительная трубка – ганза (Рис. 5, 1-5) и рамка от пряжки. Из украшений встретились серьга, изготовленная из изогнутой проволоки, с подвеской из какого-то плотного вещества (Рис. 5, 8) и серебряная шаровидная подвеска с проволочными ушком и орнаментом в нижней части в виде цветка (пуговицы) (Рис. 5, 9).

Кладка 2. Кладка находилась в 300 м. к востоку от кладки 1. В отличие от первой она располагалась на довольно ровной площадке и была сложена из камней крупных и средних размеров. В плане кладка имела овальную форму и была ориентирована по линии В-З (285°). Ее длина равнялась 340 см; ширина 240-245 см.; высота 70-80 см. Вокруг кладки зафиксирована сильно задернованная, овальная в плане, оградка из небольших камней, также ориентированных по линии В-З, размером 590 см., 525 см.

До начала раскопок, после расчистки, хорошо просматривалась основа кладки, состоявшая из уложенных друг на друга камней, образовывавших своего рода овальное кольцо (Рис.6). В центральной части, внутри кольца, камни лежали без какого-либо определенного порядка. Прямо на камнях кладки лежал шаманский головной убор в виде железного обруча с приклепанными, вырезанными из железной пластины рогами (Рис. 9, 4). С юго-восточной стороны кладки, внутри оградки, были

найжены две пряжки, обе с подвижным язычком. К пряжкам прикреплены металлические пластинки с заклепками для крепления ремней. Одна пластина бронзовая, с выгравированным растительным орнаментом. Другая железная, прямоугольная, без орнаментации (Рис. 10, 15, 16).

При разборке кладки в камнях внутреннего заполнения начали встречаться предметы погребального инвентаря. В северо-восточном углу кладки найдены два стремени (Рис. 6, 1, 2), железные обивки от седел в виде узких полос, повторяющих форму деревянной основы (Рис. 7, 3). Вокруг них лежали небольшие железные бляшки. На бляшках, крестообразных, четырехлепестковых форм с задней стороны имеются остатки заклепок (Рис. 7, 8, 9), на пятилепестковых (в виде снежной бабы) с задней стороны сохранились острие для крепления к деревянной основе острие (Рис. 7, 6, 7). На обивках седла видны следы инкрустации. В юго-западной части могилы найден медный котелок с ушками, но без дужки (Рис. 9, 1). Бронзовая курительная трубка-ганза (Рис. 10, 14), бронзовая лампадка (Рис. 10, 13) (медная) и четыре бронзовых (медных) чашечки (суксэ) (Рис. 10, 11).

Рядом лежала медная русская монета 1734 г. с двумя пробитыми отверстиями для подвешивания.

В восточной части могилы найдены атрибуты шаманского костюма: железные кольца с подвешенными к ним холбохо, миниатюрными стремянами, бубенчиками бронзовыми колокольчиками, железной моделью лодки с веслом. Всего было найдено четыре таких подвески (Рис. 8). Найдены также бронзовая ложка (Рис. 9, 3), железный нож (Рис. 10, 10) и прямоугольная бронзовая рамка с насечками по торцовым сторонам (Рис. 10, 12), железная пряжка с подвижным язычком. Здесь же найден распределитель ремней от конской сбруи в виде скрепленных железным кольцом трех пластинок с приспособлением для крепления (Рис. 7, 4), изделие из кости с циркульным орнаментом (Рис. 9, 2). Найдены также два сильно окисленных железных изделия (пряжки?) (Рис. 7, 10, 11).

Таким образом, нами были раскопаны две каменные кладки, сооружение которых было связано с погребальным обрядом. Однако между ритуальными действиями, проводившимися при совершении этих обрядов, существовали отличия, нашедшие свое отражение в археологическом материале. Так при раскопках кладки 1 были обнаружены частично обгоревшие останки человека. При исследовании кладки 2 следов захоронения обнаружено не было. Атрибуты шаманского костюма и остатки конных тростей при обследовании кладки 1 были найдены в шести-семи метрах к западу от нее. В то время как аналогичные предметы в кладке 2 были обнаружены внутри. В ней отсутствовали металлические обивки шаманских тростей, однако здесь обнаружили бронзовые изделия, относимые к буддийским культовым предметам.

Анализ вещей, найденных при раскопках обеих кладок, позволил выделить основные группы погребального инвентаря:

1. Принадлежности шаманского костюма. 2. Конское снаряжение. 3. Предметы вооружения. 4. Предметы быта. 5. Украшения. 6. Буддийские культовые предметы. К принадлежностям костюма шамана относятся головные уборы в виде металлических обручей, с приклепанными металлическими же рогами диких копытных (косуля, олень), а также остатки так называемых конных тростей, наиболее важного атрибута шамана при совершаемых им ритуальных действиях. Строго говоря, конные трости не являлись частью шаманского костюма, а служили одним из главных орудий для введения шамана в состояние экстаза, заменяя бубен, непрменный атрибут сибирских и дальневосточных шаманов.

Не касаясь функциональной принадлежности вещей, относящихся к шаманскому костюму, детально описанному в статье Е.А. Хамзиной и Н.В. Именохоева «Два шаманских погребения из Кижин-

153
ги», отметим только, что головные уборы шаманов встречаются в обоих погребениях. Хотя в погребении 2 отсутствуют железные обивки шаманских тростей, все же наличие на металлических подвесках специального приспособления типа пробоя свидетельствует, что они скреплялись к деревянной основе и аналогичны подвескам из погребения 1.

Конское снаряжение представлено в обоих погребениях остатками седел, металлических деталей сбруи и стремянами. Обращает на себя внимание отсутствие удила. В первой кладке от седла сохранилась одна железная обивка. Во втором погребении найдены обивки от задней и передней луки седла, причем его деревянные части обивались как с фронтальной стороны, так и с верхней части, т.е. фронтальная и верхняя обивки луки седла находилась приблизительно под прямым углом. Передняя сторона обивок была инкрустирована серебром. С задней стороны обивок сохранились остатки гвоздей, посредством которых они крепились к деревянной основе седла. По всей видимости, к седлу относятся и небольшие железные бляшки, крепившиеся к его деревянным деталям при помощи острых штырьков, расположенных на тыльной стороне. Найденные здесь же бляшки с заклепкой по обратной стороне служили, очевидно, для украшения кожаных частей седла или ремней сбруи.

По-видимому, седло из второго погребения было более сложным и более нарядным, о чем свидетельствует большое количество найденных деталей и инкрустация серебром железных частей.

Стремяна, найденные в первой кладке, разнотипны. Одно из них с петлеобразной дужкой и широкой подножкой. Второе с плоским ушком, имеющим в верхней части треугольную форму, и прямоугольным отверстием для ремня. Подножка стремени также широкая.

Стремена из второй кладки по типу сходны со вторым стременем из первой кладки. У них такое же отверстие для ремня. Подножки у обоих стремян широкие. К остаткам ременной сбруи относятся распределители ремней в виде железного кольца с прикрепленными к нему железными креплениями для ремней.

Предметы вооружения представлены наконечниками стрел, найденными в обоих погребениях. Все наконечники железные, с черешковым насадом. Сохранность их плохая, тонкие части пера наконечников разрушены, некоторые изделия частично проржавели и местами расслоились. Тем не менее по формальным признакам можно выделить несколько типов наконечников.

В первой кладке всего было найдено восемь наконечников стрел. Относительно хорошо сохранилось пять. По форме пера, по размерам можно разделить на три типа. К первому типу мы относим три наконечника, имевших плоское, широкое перо, точная форма которых, ввиду разрушенности, не поддается восстановлению у одного из этих наконечников перо отделено от насада ступенчатым упором. У двух наконечников насады изогнуты (Рис. 5, 1-3).

Ко второму типу относится один наконечник с четырехугольной в сечении, заостренной боевой частью, плавно переходивший в округлый в сечении черенок (рис. 5, 4).

Третий тип представлен небольшим наконечником с заостренной, уплощенной боевой частью без перехода, соединенной с насадом (Рис. 5, 5).

Во второй кладке найдено девять наконечников, которые можно разделить на пять типов. К первому типу мы относим два наконечника с плоским пером, отделенным от черенка ступенчатым упором с пояском. Форму пера ввиду разрушенности боевой части полностью восстановить невозможно, хотя видно, что от упора перо расширяется (Рис. 10, 1, 2).

Второй тип представлен одним наконечником с черешком, отделенным от пера ступенчатым упором без пояса. Фома пера иволистная (Рис. 10, 3.).

К третьему типу мы относим два наконечника с заостренной, ромбовидной ударной частью, вытянутой шейкой, отделенной упором от более тонкого черешка (Рис. 10, 4, 5).

Четвертый тип – два наконечника, небольшие томары с плоской ударной частью, плавно сужающиеся, без перехода, к черенку (Рис. 10, 6-7).

К пятому типу относятся небольшие, плоские томары, отделенные упором от черенка (Рис. 10, 8, 9).

Таким образом, рассмотренные нами наконечники стрел из обоих погребений совпадают по многим признакам. В обоих погребениях встретились наконечники с плоским боевым пером и с черешковым

насадом, отделенным упором от боевой части. В комплекс стрел обоих погребений входили и небольшие наконечники, т.е. набор вооружения включал различные по форме и, по всей видимости, по функциональной принадлежности, стрелы.

К предметам быта мы относим железный нож и бронзовую трубку – ганзу, найденные в погребении 1. В кладке 2 в набор бытовых предметов входили железный нож, бронзовая трубка – ганза, медный котелок и медная ложка.

К украшениям относятся серьга и подвеска из кладки 1. По всей видимости в качестве украшения использовалась медная русская монета «денга» 1734 года, найденная в кладке 2, в которой были пробиты два отверстия для крепления к какой-то основе.

Таким образом, в результате раскопок двух каменных кладок были вскрыты два погребения, дата одного из них определяется русской монетой 1734 года, т.е. захоронение было совершено не ранее

154

первой половины 18 века. Судя по материалам погребений, здесь был совершен обряд захоронения бурятских шаманов.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Рисунки отсутствуют по вине автора.

К проблеме городов Хунну

Данилов С.В.(Россия)

Изучение истории и культуры кочевых обществ Центральной Азии имеет уже сложившиеся традиции. В результате многолетних исследований этнической и политической истории, материальной и духовной культуры, социальных отношений наблюдается постепенный переход от представлений о примитивности кочевых обществ к признанию своеобразия путей их развития. Опровергается тезис о существовании обществ с чисто кочевым укладом хозяйства. На смену ему приходят представления о многоукладности экономики населения степей. Признано также, что общественно-социальная структура отдельных кочевых обществ древности и средневековья позволяет по ряду признаков отнести их к государствам.

Первым народом создавшим государство в Центральной Азии считаются хунну. Анализ источников показывает, что в хуннском обществе в конце III в. до н.э. происходят события повлиявшие на весь дальнейший ход истории региона. В результате ряда реформ проведенных шаньюем Модэ у хунну была создана мощная военная организация позволившая им завоевать громадную территорию и установить контроль над сопредельными областями. Опыт создания военной организации был, по видимому, применен хунну в создании системы управления, во многом повторявшей армейскую структуру хунну.

Экономическая основа создающегося государства требовала существенной перестройки, т.к. старая, основанная на кочевом скотоводстве, система хозяйства не была способна выдержать все возрастающие расходы по его содержанию.

Одним из слагающих элементов формирования государственности считается появление городов, как центров экономической, политико-административной, духовно-религиозной деятельности общества. У хунну, в процессе общественно-политического переустройства обще-

ства наблюдается появление оседлых поселений. По всей видимости их возникновение диктовалось внутренними потребностями складывающегося государства.

Степень археологической изученности хуннских городищ и поселений в настоящее время еще не достаточна чтобы делать выводы об их функциях как городов. Тем более, что не выявлены те особенности, которые являются основными признаками города: храмовые, общественные и административные постройки, торговые и ремесленные кварталы, т.е. всего того, что создаст феномен города, отличающий его от разросшегося сельскохозяйственного поселения.

Однако накапливающиеся археологические материалы из городищ и поселений могут в некоторой степени способствовать решению проблемы городов хунну. По всей видимости процесс создания оседлых поселений был многолинейным и включал несколько основных направлений. Одним из таких направлений была необходимость создания центров административного управления государством. Источники указывают ряд титулов под которым вероятно скрываются правители отдельных областей. Отдельно упоминается пленный китайский полководец Ли Лин, которому было предоставлено место наместника в Хягас. Упоминается также, что правители отдельных территорий назначали в своих владениях тысячников, сотников, т.е. правителей более мелких административных единиц. Для осуществления функций управления необходима была стационарная ставка с размещением канцелярии, казначейства.

К таким ставкам, по всей вероятности, относится дворцовый комплекс хуннского времени на реке Ташебе с прилегающими к нему кварталами городской застройки. В Южной Бурятии на Иволгинском городище и городище Баян Ундэр раскопаны сооружения по размерам и архитектурным особенностям существенно отличающиеся от рядовых жилищ Забайкальских хунну и принадлежавшие лицам занимавшим особое положение в иерархии населения городищ. По всей видимости, это были правители каких-то административных подразделений государства. На территории Монголии известны большие по размерам, с четко выраженной планировкой городища, на которых найдены черепица и кирпичи, применявшиеся, по видимому, для строительства зданий.

Упомянутая уже перестройка экономической базы также шла в нескольких направлениях. После серии завоевательных походов приток материальных ресурсов обеспечивался, как за счет обложения да

нью зависимого населения, так и прямым изыманием материальных ценностей путем грабежа. Однако такой путь был, видимо, не в состоянии полностью обеспечить всех нужд общества в ремесленных изделиях и продуктах земледелия. Возмещение потребностей покрывалось путем создания поселений в которых сосредотачивалось население занимавшееся производством различной ремесленной продукции и земледелием.

Другим путем пополнения казны было поощрение торговли. Письменные источники упоминают о постоянном стремлении хунну установить торговые отношения с Китаем путем создания пограничных рынков. Упоминается, что по приказу Шаньюя, на них пригонялись десятки тысяч голов скота. По всей видимости, прибыль, получаемая от торговых операций аккумулировалась в руках знати и шла на покрытие государственных расходов и поддержание высокого уровня жизни.

Находки импортных изделий в памятниках хунну дают представление об ассортименте товаров ввозимых на территорию государства, причем встречаются они в самых отдаленных областях, что свидетельствует о широко поставленной торговле. Проведение торговых операций осуществлялось, по всей видимости, при ставках, которые разрастаясь становились местом сосредоточения ремесла, земледелия, торговли.

Таким образом, из накапливающегося материала постепенно складывается картина хуннского общества, в котором проходил процесс создания государственности. Появление оседлых поселений представляется закономерным следствием экономической и политической эволюции общества кочевников переходящего на новую ступень общественного развития. Недостаточность изученности хуннских поселений, особенно в местах их коренного обитания не позволяет пока ставить вопрос о возникновении городов и городской культуры. Однако, представляется, что решение проблемы хуннских городов лишь вопрос времени.

С.В.Данилов

**К ВОПРОСУ О КОЧЕВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЯХ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

В современной науке, изучающей историю человеческого общества, давно начали вырисовываться критерии, характерные для перехода общества к цивилизации. Среди множества определений цивилизаций можно выделить основные, хотя реальность показывает, что в каждом конкретном случае в процессе появления цивилизации доминирующую роль играют порой самые разнообразные и неожиданные факторы.

Критерии цивилизации вырабатывались в процессе исследования обществ Древнего Востока, античного мира, христианского, мусульманского, Европы Нового времени и т.д. При этом каждый исследователь, в зависимости от специализации, вносил в определение свое субъективное понимание этого культурного феномена. К наиболее устоявшимся признакам цивилизации можно отнести наличие государственности, развитой экономики, письменности, идеологии, достижений в различных областях культуры и т.д.

В кочевых обществах Евразии, начиная с зарождения в степях специализированного, скотоводческого хозяйства, происходят достаточно сложные социальные процессы.

Древние и средневековые общества Центральной Азии, складывавшиеся на экономической основе кочевого скотоводства, проходили длительный путь развития. Время появления, ранние формы и пути развития скотоводческого хозяйства в регионе являются вопросами дискуссионными. Однако большинство исследователей склоняются к мысли, что формирование специализированного скотоводческого способа производства могло состояться во второй половине II - начале I тыс. до н.э. во время существования так называемой карасукской историко-культурной общности, охватывавшей территорию Саяно-Алтая, Монголии, Забайкалья. Это мнение небезосновательно. Тем более, что в западной части указанного ареала отмечаются памятники афанасьевского типа, датируемые III-II тыс. до н.э., в которых фиксируются следы перехода к производящим формам хозяйства. В этот период, вероятно, происходит хозяйственная и экологическая адаптация населения к условиям Центральной Азии, появляются многие специфические черты кочевой культуры: способы выпаса скота, система питания, своеобразные жилища, одежда, быт. Растет и уровень социальной организации общества. Иньские и чжоуские источники сообщают о воинственных северных варварах, ведущих непривычный с точки зрения оседлых земледельцев кочевой образ жизни. Подчеркивается их дикий нрав и воинственность. Масштабы вторжений кочевых племен в пределы Китая в I тыс. до н.э. говорят о достаточно высокой степени организации общества, позволяющей двинуть в походы большие массы населения.

На рубеже II-I тыс. до н.э. в восточных ареалах центральноазиатских степей происходят события, связанные с культурой плиточных могил, время и место формирования которой требуют еще дальнейшего выяснения. Эта культура распространилась на территории Монголии, Забайкалья, доходя до Ордоса. Ее население, адаптировавшись к степным и полупустынным пространствам, создало специализированное, приспособленное к природно-географическим условиям региона хозяйство.

По всей вероятности, формирование культуры плиточных могил было связано с появлением населения, отличного в этническом, антропологическом и культурном плане от европеоидного населения Саяно-Алтая и Западной Монголии, представленного пазырыкской, угорской, чандманьской археологическими культурами.

Контактная зона между населением культуры плиточных могил и населением поздней бронзы и скифского времени западных ареалов Центральной Азии послужила своего рода передатчиком идей и достижений в области экономики, культуры, идеологии и т.д. и способствовало их распространению по всему региону Евразийских степей.

В хуннское время продолжалась эволюция общественных отношений, сведениями о которых мы располагаем, в первую очередь, из письменных источников. В структуре общества прослеживается несколько иерархических ступеней, отражавших военно-административную лестницу.

Археологические исследования подтверждают высокую степень дифференциации хуннского общества, в частности, об этом говорят погребальные обряды. Довольно высокий уровень материального благосостояния всего общества в целом, следы существования ремесленного производства и торговли, существование обширных оседлых поселений, которые еще предстоит исследовать – все это говорит о том, что хунну вышли на новый уровень общественного развития и создали государственное образование, имевшее много сходных черт с цивилизациями Древнего мира.

Созданная хунну система государственности удивительным образом повторилась в последующих сяньбийских, жуэньских, тюркских, уйгурских, монгольских государствах, основанных кочевниками.

Система передачи информации посредством устной, фольклорной традиции начиная с тюркского времени, а возможно и раньше, сменилась письменностью. Таким образом, налицо генезис кочевых обществ Центральной Азии, сопоставимых по многим признакам с цивилизациями Древнего Востока. И так же как, например, Египет или Месопотамия прошли в своей длительной истории путь развития, связанные зачастую с различными в этническом и культурном плане народами, но имевшими единую линию развития, так и центральноазиатские племена от примитивных скотоводческих народов прошли долгий путь до мировых империй.

В заключении можно отметить, что вопрос о кочевых цивилизациях для своей разработки нуждается прежде всего в археологических материалах и хорошо аргументированных теоретических исследованиях.

значительных сооружений, до сих пор остается много нерешенных вопросов, связанных с происхождением их внешней конструкции, ее влиянием на мировоззрение и обрядность хунну, предназначением элементов внутреннего устройства и т.д. Целью данного исследования является попытка проследить возможное происхождение формы внешней конструкции этих памятников, а также обобщить некоторый материал, накопленный предыдущими поколениями исследователей.

В результате многолетнего изучения данного вида памятников на территории Северной Монголии и Южной Бурятии, был собран большой объем информации по истории хунну. Первые попытки исследования т.н. "царских могил хунну" были предприняты первооткрывателем хуннских древностей - Ю.Д. Талько-Гринцевичем в 1896-97 гг. (курган №6 в Ильмовой пади).

В 1924-1925 гг. в местности Ноин-Ула в Северной Монголии Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова было раскопано восемь больших курганов. Все сооружения, за исключением кургана № 24, который исследовал С.А. Теплоухов, раскапывались т.н. "колодцем", поэтому из курганов Ноин-Улинской группы подробно был описан только этот курган (Теплоухов, 1925).

В 1954-55 гг. в горах Ноин-Ула монгольским археологом Ц. Доржсүрэн была исследована "одна могила средней величины с дромосом" (Доржсүрэн, 1962, с.36).

В 1970 г. отрядом ИОН БФ СО АН под руководством П.Б. Коновалова были предприняты раскопки кургана №54 в Ильмовой пади. Работы проводились способом широкой расчистки и выявили все особенности внешней конструкции этого сооружения (Коновалов, 1974, сс.222-223)(рис.1.1)

В 1995 г. отрядом археологической экспедиции БИОН под руководством С.В. Данилова были начаты раскопки кургана №55 в местности Ильмовая падь. До настоящего времени площадь кургана была расчищена и углублена на 1.5 м от уровня современной поверхности (рис.1.2).

На протяжении последних нескольких лет на территории Монголии активно проводятся работы по исследованию новых могильников хунну. Судя по предварительным данным, были обнаружены новые могильники хунну - Булаг и Дурлиг, содержащие 765 могил, в т.ч. около 100 курганов хуннской знати. В целом, внешняя конструкция кургана с дромосом по описанию схожа с типичными захоронениями хуннской знати (Цэвэндорж, 1996).

В результате многолетних исследований, были выявлены некоторые конструктивные особенности этого вида памятников. Необходимо отметить, что все могилы имеют приблизительно одну и ту же форму, но их размеры варьируются. На всей территории распространения они представляют собой прямоугольное в плане основание, с примыкающим к нему с южной стороны входом-дромосом, расположенном под уклоном. Некоторые из исследователей отмечают разницу размеров ограды на современной поверхности и на уровне могильной ямы так, что в вертикальной проекции могила имеет форму усеченной трапеции (Руденко, 1962, сс.9-10; Доржсүрэн, 1962, сс.39-40). Из-за немногочисленности хорошо изученных конструкций, неясными остаются вопросы, связанные с происхождением некоторых элементов внутреннего устройства, а именно: функциональное назначение каменных перегородок, разделяющих могилу на отсеки, а также наличие на кургане №54 с северной стороны небольшого выступа, являющегося пристройкой к основной ограде и некоторые др. На данном этапе исследования мы не будем рассматривать вопросы внутреннего устройства, а попытаемся провести некоторые параллели внешней конструкции данных сооружений.

До настоящего времени исследователями не раз обсуждалась проблема деления погребальных памятников хунну на этапы. Некоторые считают, что наличие разных вариантов конструкций рядовых могил является следствием существования различных по имущественному положению слоев общества. Ю.Д. Талько-Гринцевич, Г.П. Сосновский, Л.Р. Кызласов и др. полагают, что различные погребальные памятники хунну могут быть разделены по хронологическому принципу.

Что касается памятников хуннской знати, то бросается в глаза однородность конструкции по

А.А. Амоголонов, И.В. Филиппова, П.Б. Коновалов, С.В. Данилов
Бурятский государственный университет
г. Улан-Удэ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПАМЯТНИКОВ ХУННСКОЙ ЗНАТИ

На территории Северной Монголии и Южной Бурятии была исследована категория памятников, принадлежащих хуннской знати. Несмотря на давнюю историю изучения этих

всей территории их распространения. Проследить этапы развития этого типа сооружений на территории Южной Бурятии и Монголии сейчас не представляется возможным.

Причиной появления этих памятников несомненно является глубокое социальное расслоение в среде хунну, появляющееся в период усиления хуннского государства (кон. III в. до н.э. - I в. н.э.) (Миняев, 1988, сс. 43-46). Данный тип погребений появляется лишь с возвышением хунну и исчезает вместе с ними, не имея конкретных аналогий в Центральной Азии. Также представляется вряд ли возможным происхождение внешней конструкции этих памятников от рядовых могил хунну, т.к. она не имеет общих черт с основными типами рядовых погребений. Из вышесказанного можно заключить, что форма внешней конструкции захоронений хуннской знати появилась на территории Забайкалья и Монголии не на основе местной традиции, а была заимствована извне.

Как по археологическим, так и по письменным источникам широко известен факт тесных связей кочевого государства хунну с Китаем. На основе материалов об исследованиях, проведенных в Китае, удалось проследить существование подобной формы конструкций как доханьского, так и послеханьского времени. Погребальные сооружения подобной формы не столь однородны, как в случае с хунну, а имеют большое количество переходных типов, варьирующихся в размерах, с усложняющимися дополнениями к основной конструкции (внутренние ниши, второстепенные камеры, большое количество боковых отсеков и пр.). Наличие множества вариантов, развивающихся от простого к сложному, в свою очередь, указывает на поэтапное развитие данной формы на территории Китая.

Опираясь на доступный нам материал, информация о наиболее ранней могиле подобной формы относится к периоду позднего Чжоу (могила №2 в Hui Hsien, пров. Хунань). Погребение ориентировано по оси север-юг, имеет вход, расположенный под уклоном, общая длина вместе со входом - более 200 м. (Watson, 1961, с. 131) (рис. 1.3).

Подобная конструкция встречается в памятниках, относящихся ко времени Чжань Го (V-III вв. до н.э.). В местности Фэньшуйлин в пров. Шанси имеется погребение с одним входом, схожее с захоронениями хуннской знати. Вход располагался под уклоном к прямоугольной основной ограде. В вертикальной проекции могила представляла собой усеченную пирамиду (Kaogu, 1964, №3, сс. 111-113) (рис. 1.4).

Ко времени раздробленности Китая относится существование царства Чу (период Восточной Чжоу - VIII-III вв. до н.э.). Среди крупных могильников, относящихся к Чу, было исследовано 15 больших могил, подразделяющихся на два основных типа: с углубляющимся входом в могильную яму, а также могилы без входа в форме прямоугольника. Из 15 обследованных могил - 6 относятся к первому типу. Могила в Tianxingguan, пров. Цзянлин имела вход-скат и земляную насыпь сверху. Ориентирована также, как и хуннские могилы на ССВ. Могильная яма расширяется сверху, т.е. ее размеры наверху больше, чем внизу. Благодаря надписи на бамбуковой дощечке удалось определить точную дату могилы - ок. 340 г. до н.э. (Li Xueqin, 1985, с. 162) (рис. 1.5).

Могилы рассматриваемой формы встречаются и в Ханьское время. Могила в местности Dabaotai, ориентирована по оси север-юг с отклонением в 6 градусов. С юга имеется вход, а квадратное основание наверху имеет большие размеры, чем внизу. Обращает на себя внимание тот факт, что с северной стороны был небольшой вход, построенный для удобства во время строительства могилы, а потом он был засыпан. Благодаря находке лакового кусочка с надписью могила датируется приблизительно 110-80 гг. до н.э. (Chinese Archaeological Abstracts, 1985, сс. 1076-1081) (рис. 1.6).

Подобная форма могил в эпоху Хань была характерна не только для больших погребений, но также использовалась и для сооружения рядовых могил. При раскопках в месте Wangang в

пров. Хэнань (Kaogu, 1964, №8, с. 389), в местности Rendi в пров. Хэбэй (Kaogu, 1965, №2, с. 71) и др. были обнаружены рядовые могилы с одним входом, а в случае с парным погребением - могила с двумя входами.

Т.е. если принять во внимание тесные контакты хунну с Китаем, нам представляется возможным заимствование формы внешней конструкции погребальных сооружений у китайцев. Вполне вероятно, что хуннская знать в период своего наибольшего могущества строила себе могилы по образцу китайских. Данный вопрос нуждается в дальнейшем тщательном изучении, т.к. возможно появление новых фактов, которые прольют свет на происхождение традиции постройки подобных сооружений. Исследование памятников хуннской знати может предоставить неоценимый материал не только в отношении самобытности культуры хунну, но также и с точки зрения их связей с другими народами.

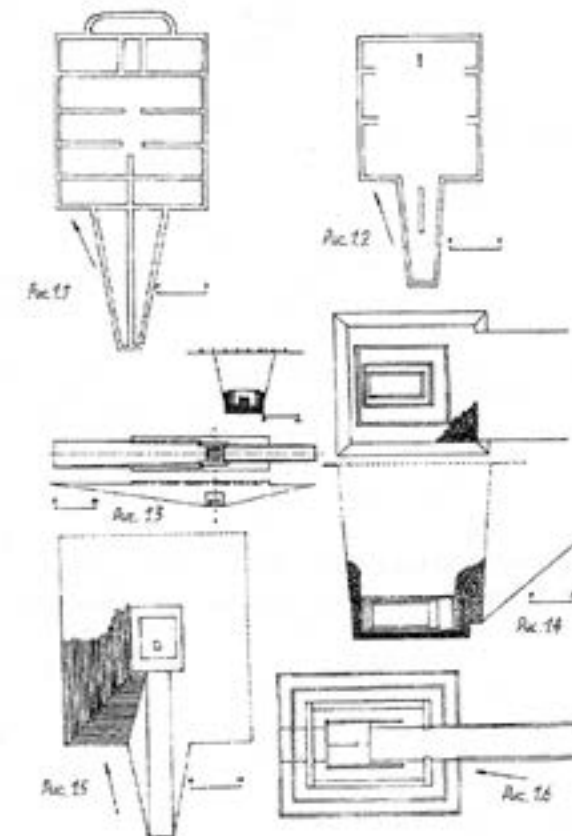

Рис. 1. Схема конструкций курганов

Рис. 1.1 Курган №54 в Ильмовой падь. Рис. 1.2 Курган №55 в Ильмовой падь.

Рис. 1.3 Могила №2 в Hui Hsien, провинция Хунань.

Рис. 1.4 Могила №35 в Фэньшуйлин в провинции Шанси

Рис. 1.5 Могила в Tianxingguan, провинция Цзянлин. Рис. 1.6 Могила в Дабатай

С.В.Данилов

РАСКОПКИ ЗДАНИЯ НА ХУННСКОМ ГОРОДИЩЕ БАЯН-УНДЭР В ДЖИДИНСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ*

Исследование городища Баян-Ундэр, расположенного на реке Джиде в Южной Бурятии, были начаты археологической экспедицией Института общественных наук СО РАН в 1988 г. (рис.1). Описание общей ситуации географического расположения городища и результатов первых раскопок, когда были изучены остатки оборонительных сооружений, и жилище, расположенное в восточном углу городища, уже приводились нами (Данилов, Жаворонкова, 1995). С 1991 г. с перерывами ведутся раскопки остатков здания, расположенного в северо-западном углу городища (рис.2). Публикации основных результатов раскопок этого здания посвящена настоящая статья.

До начала раскопок в северо-западном углу городища наблюдалась возвышенность подпрямоугольной в плане формы вытянутой с севера на юг размерами 20 на 24 м. Ее высота над уровнем поверхности почвы внутри городища достигала одного метра. В центральной части возвышенности прослеживались остатки старого обвалившегося шурфа размерами 4 на 1 метр, расположенного по линии В-3.

Перед началом раскопок была произведена топографическая съемка с сечением рельефа 0,25 м. Площадь раскопа размерами 20 на 12 метров была разбита на квадраты со стороной два метра.

Раскопки здания проходили в несколько этапов. Вначале вся площадь раскопа была разбита на квадраты со стороной четыре метра, площадь внутри которых вскрывалась на глубину 10-15-20 см, в зависимости от наличия дернового слоя и твердости грунта. В процессе раскопок с северной и западной сторон раскопа было прирезано по два метра. С восточной стороны раскопа прирезано четыре метра. Таким образом общая площадь раскопа составила 392 кв.м. Характер заполнения – мелкая и крупная дресва с пылевидной почвой, окрашенная, преимущественно, в светло-серые тона и различные оттенки коричневого цвета. Кроме дресвы на уровне 15-20 см в северной и восточной частях раскопа встречались остатки глинобитных сооружений, уходящие вглубь. В процессе раскопок по всей площади раскопа фиксировались фрагменты керамики и обломки костей животных.

После записания на план зачищенной поверхности, раскопки были продолжены, причем глубина вскрытия определялась в зависимости от остатков глинобитных сооружений, появлявшихся по мере их расчистки.

После снятия бровок и зачистки глинобитных сооружений выявились остатки сооружения, основу которого составляло здание подквадратной в плане формы размерами: северная сторона

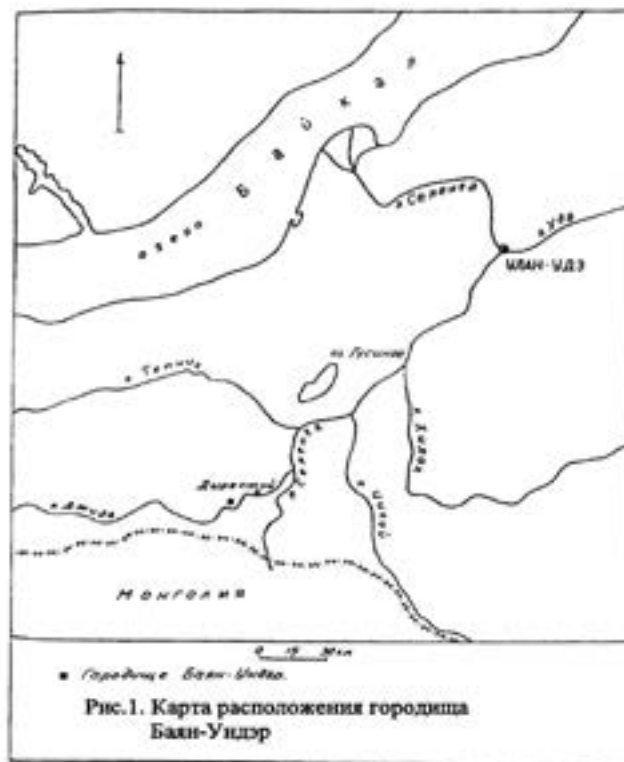
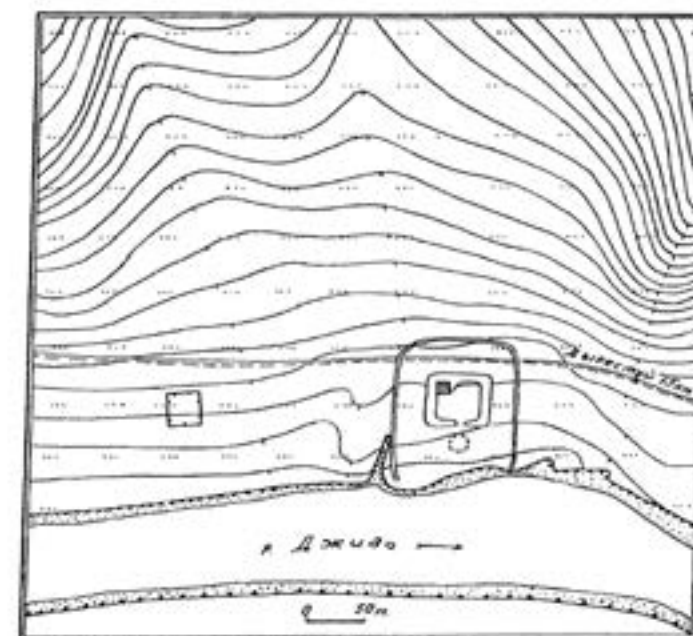

Рис.1. Карта расположения городища Баян-Ундэр

Условные обозначения:
 — — — — — дорога;
 □ — загон для скота;
 ○ — основное городище;
 — — — — — "пригородное" укрепление;
 ○ — внешний бор;
 ■ — раскоп 1997 г.
 Сечение рельефа горизонтально через 2 м.

Рис.2. Городище Баян-Ундэр. Джидинский район Республики Бурятия.

8,7 м, восточная – 8 м, западная – 7,6 м, южная – 8,9 м. Вокруг здания, со всех четырех сторон, находятся остатки глинобитных стен с проходом в юго-западной части. Эти стены, окружая центральное здание в целом, повторяя его контуры, образуют в плане подквадратную форму. Проход же, обрамленный с двух сторон стенками, выходя за пределы общего квадрата, тянется в виде коридора на восемь метров к югу (рис.3).

Стены центрального здания сохранились только в нижней части и, судя по уцелевшим частям, они были тщательно заглажены и стояли строго вертикально.

По всему периметру здания, выступая за линию стен, сохранились подпрямоугольной в плане формы глинобитные выступы, внутри которых просматривались остатки дерева. На северной стене здания было четыре таких выступа, в южной – два; на западной и восточной сторонах здания было по одному выступу.

Внутри здания, вдоль северной и западной сторон прослеживались ряды, оставленные из упавших и установленных вертикально каменных плоских плит, часть из которых носило следы огня в виде нагара.

В южной стене здания, ближе к юго-восточному углу находился входной проем, ограниченный с двух сторон деревянными столбиками, от которых сохранились нижние части.

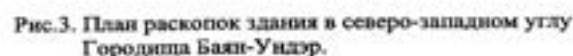
От входа в здание, наружу, к югу, расчищен глинобитный переход с ровными продольными стенками шириной 0,55-0,40 м и длиной 1,4 м. Это дорожка-переход соединяет вход со стеной, окружающей здание. И, таким образом, вход в основное здание оказывается в стене его окружающей. То есть в здание можно было войти через вход в южной стене, через переход и дверной проем в собственно здание. А для того чтобы попасть во внутреннее пространство между здани-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (97-06-96759).

Жилое помещение площадью приблизительно 70 кв. м имело прямоугольную форму ориентированную сторонами по странам света. Внутри здания прослеживаются остатки отопительной системы — кана с очагом и дымоходом, проложенным вдоль северной и западной стен. Такой способ обогрева помещений хорошо известен по материалам раскопок Иволгинского городища хунну.

Данилов С.В., Жаворонкина Т.Д. 1995. Городище Баян-Удээр - новый памятник хунну в Забайкалье. *Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии*. Отв ред. П.Б.Коновалов. Улан-Удэ: 26-36.

ИЛЬМОВАЯ ПАДЬ – НЕКРОПОЛЬ ХУННУ

С. В. Данилов

Одной из основных природных зон Евразийского субконтинента является пояс степей, протянувшийся от Венгерской равнины до Маньчжурии. История народов, населявших этот громадный регион с глубокой древности, чрезвычайно сложна и интересна. В глубокой древности, в эпоху палеолита, обширные степные пространства осваивались человеком еще в малой степени. Однако уже в эпоху неолита и ранней бронзы в степных районах начинают складываться особые формы хозяйства, основой которого было подвижное скотоводство. В это время появляются группы населения, начинавшие осваивать способы выпаса скота в условиях различных природно-географических районов и применительно к ним разводить наиболее приспособленные к доместикации виды животных. По-видимому, уже на ранних этапах складывания специализированного скотоводческого хозяйства происходит адаптация населения к существованию в условиях кочевого образа жизни. Появляются новые типы жилищ, транспорта, одежды, максимально приспособленные к существованию в условиях степей. Формируются новые способы приготовления, сохранения и консервации пищи. Складываются новые, отличные от существовавших ранее, мировоззрение и идеология. Начинают выделяться регионы с традиционным сложившимся хозяйственно-культурным комплексом с особым, присущим только им набором домашних животных.

В регионе Центральной Азии становление форм хозяйства с преобладанием скотоводства происходит во 2 тыс. до н. э., в эпоху бронзы. В это время происходят глобальные изменения климата в сторону аридизации, т. е. климат становится более сухим и континентальным. В этих условиях наиболее приспособленным к изменившейся ситуации видом хозяйственной деятельности становится кочевое скотоводство. Китайские источники сообщают, что еще в эпоху Ся (предположительно рубеж 3 и 2 тыс. до н. э.) «северные варвары следовали за пасущимся скотом в поисках травы и воды». Эта трафаретная фраза становится стереотипной при характеристике китайскими историками основных хозяйственных занятий своих северных соседей.

В 1 тыс. до н. э. в центральноазиатских степях сложился своеобразный хозяйственно-культурный комплекс, максимально адаптированный к природно-климатическим особенностям региона. Состав стада скота, изучавшийся по находимым в археологических памятниках остеологическим остаткам, показывает, что он не отличался от разводимых и поныне в нашем регионе домашних животных. Проходивший в течение веков процесс приспособления людей к новым формам хозяйствования способствовал появлению новых традиций в самых различных областях культуры. Происходили изменения и в социальной структуре общества, нашедшие, в частности, отражение в появлении грандиозных курганов, служивших местом захоронения знати.

В конце 3 в. до н. э. в Центральной Азии появляется мощное племенное объединение хунну, сумевшее в короткий срок разбить военные силы соседних кочевых племен и объединить под своей властью громадную территорию от Байкала на севере до Гоби на юге и от Восточного Туркестана на западе до Маньчжурии на востоке. Созданная хунну боеспособная армия, эффективная система управления подвластными землями, аппарат чиновников и зачатки налогового обложения – все это позволяет рассматривать хуннское общество как формирующееся государство особого типа. Даже империя Хань, одна из сильнейших держав Древнего Востока, вынуждена была признать Хунну равным себе государством.

Источниками наших знаний о хунну являются китайские исторические хроники, содержащие данные о политическом и экономическом состоянии хуннского общества, сведения этнографического характера, а также факты событийной истории. Ценнейшим источником для изучения истории и культуры хунну являются археологические памятники, оставленные этим народом. В результате раскопок, производимых на поселениях, городищах и некрополях, можно представить уровень материального состояния общества, его технические возможности. Комплексное изучение различного вида источников дает возможность заглянуть в духовный мир древних кочевников, глубже понять внутренние процессы, происходившие в кочевых обществах Центральной Азии.

1. Раскопки в Ильмовой падь. 1996 г.
2. Археологическая коллекция из раскопок кургана 54, Ильмовая падь (к ст. Данилова С.В.).

Одним из самых известных археологических памятников хуннской эпохи на территории России является могильник в Ильмовой падь, находящийся в Южной Бурятии. Он расположен в бассейне р. Селенги, в 23 км к северу от г. Кяхты.

Географическое положение. Ильмовая падь (50°30' с. ш., 106°24' в. д.) расположена в юго-западной части средневысотного Сафоновского хребта (наивысшая отметка 1033 м – гора Хухэ Уидэр), являющегося северо-восточным продолжением хр. Бургутуй. Эти хребты имеют пологие и куполовидные очертания и относятся к южной ветви горных цепей Бурятии. Ильмовая падь ориентирована на северо-восток. Левый борт падь крутой (20°–30° и более), склон северо-северо-западной экспозиции заканчивается выходами скальных пород (гора Бунхан, 985 м). Правая часть падь представлена покатой террасой, переходящей в горные склоны и занятой сосновым лесом.

Хребты, окружающие падь, сложены древними гранитами и метаморфическими породами, среди которых встречаются сланцы, гнейсы, кварциты, амфиболиты. Днище падь некогда дренировалось ручьем, впадающим в ручей Суджи, который, соединяясь с речкой Савой, впадает в Селенгу. Заполнение падь сложено мощной толщей плейстоценовых песчаных отложений, представленных хвоярской свитой. Пески также широко распространены на склонах хребтов и образовались в результате развешивания и перераспределения. Протяженность Ильмовой падь по линии восток-запад около 3 км, ширина в устье – около 2 км, в верховьях – около 1 км.

Свое название Ильмовая падь получила от произрастающего ильма забайкальского, образующего опушку сосновых боров и заходящего под полог леса. В настоящее время здесь расположен светлый и сухой сосновый бор, с остепненным травяным покровом. Такие сосновые боры типичны для междуречья Селенга-Чикой-Хилок и распространены весьма широко.

Абсолютная высота местности, где встречаются хуннские захоронения, составляет 760–780 м. Их своеобразный внешний вид, выражающийся в воронкообразных понижениях глубиной от 0,5 м и более и диаметром от 3 до 30 м, создают в Ильмовой падь характерный микро-рельеф.

Первые археологические раскопки в Ильмовой падь были проведены Юлианом Доминиковичем Талько-Грышневичем в 1896 г. По его сведениям, полученным от местных старожилов-бурят, одна из больших могил раскапывалась в поисках клада каким-то поселенцем. Дважды на этот могильник приезжали монгольские ламы, причем один из лам производил раскопки и находил человеческие кости, бронзовые предметы, камни с надписями и другие предметы.

История исследований. Ю. Д. Талько-Грышневич, производивший раскопки совместно с Я. С. Смолевым летом 1896–1897 гг., исследовал здесь 33 погребения. Изучение больших курганов хуннской знати Ильмовой падь началось со времен раскопок Ю. Д. Талько-Грышневича. Раскапывавшаяся им могила 10 являлась, по свидетельству автора раскопок, одной из четырех больших могил Ильмовой падь. Размеры основной части кургана были 17×18 м. С южной стороны к ней примыкал вход – дромос. Раскопки этого кургана проводились Ю. Д. Талько-Грышневичем до глубины 7 м и были прекращены из-за обвалов, произошедших в раскопе.

По результатам работ им была выпущена в 1899 г. монография, в которой дается исчерпывающее описание всего хода раскопок, произведенных на хорошем для своего времени методическом уровне. В монографии приводится описание места расположения могильника, внешнего вида могил до начала раскопок, описывается сам процесс раскопок, дается характеристика предметов, найденных в погребениях, приводятся чертежи местности и схематические планы всех раскопанных могил (Талько-Грышневич, 1899).

В одной из своих последних работ, посвященных археологии Забайкалья, Ю. Д. Талько-Грышневич высказал мнение относительно этнической принадлежности населения, оставившего могильник в Ильмовой падь. Сопоставив все имевшиеся в его распоряжении данные, он отнес его к гунам, или хунну, народу, согласно китайским источникам, проживавшему в Центральной Азии на рубеже эр (Талько-Грышневич, 1928).

В 1927–1928 гг. на территории Бурятии работала археологическая экспедиция Академии наук СССР под руководством Г. П. Сосновского, целью которой являлось обследование археологических памятников республики и создание научно обоснованной хронологии древней истории края. Ознакомившись с материалами, полученными при исследовании Ильмовой падь, Г. П. Сосновский в 1928 г. предпринял собственные раскопки на этом могильнике. Им было

открыто 11 погребений, материал из которых позволил Г. П. Сосновскому датировать весь комплекс концом прошлой и началом новой эры. Сопоставив материалы Ильмовой падь с известными находками из курганов Ноин Улы, он подтвердил высказанную ранее Ю. Д. Талько-Грышневичем догадку о принадлежности населения, оставившего могильник, к хунну (Сосновский, 1946).

В дальнейшем исследовании на памятнике проводились экспедициями Бурятского института общественных наук СО РАН, ныне Института монголоведения, буддологии и тибетологии. В 1967–1975 гг. раскопки в Ильмовой падь с перерывами проводил П. Б. Коновалов, исследовавший около 20 погребений, в том числе одно захоронение представителя знати. В результате его тщательных раскопок на этом и других хуннских могильниках были выявлены многие, до сих пор не известные стороны погребальной обрядности. Расчетка каменных надмогильных сооружений широкими площадями позволила определить примерные формы и размеры кладок, сооружавшихся при захоронениях. Изучением же внутримогильных конструкций выявлены своеобразные сооружения, состоявшие из бревенчатого сруба и помещенного в него дощатого гроба. Раскопки большого кургана, подобного курганам, изучавшимся в Ноин Уле, дали сведения о надмогильных конструкциях в виде стенок, сооружавшихся из плоских каменных плит и устанавливавшихся по периметру грандиозной могильной ямы.

В 1970 г. исследование кургана хуннской знати были начаты П. Б. Коноваловым. Вся поверхность кургана вскрывалась широкой площадью с целью расчистки и выявления всех деталей погребального обряда. Главным результатом применения такой методики было выявление каменных стенок, сложенных из плашмя уложенных друг на друга каменных плит и протянувшихся по краю котлована могильной ямы. Вокруг этого сооружения были прослежены следы от кострищ – остатков поминальных триз. Недалеке от основного кургана найдены остатки погребений, возможно, относившихся ко времени захоронения здесь представителя знати. Расчетка внутренней части кургана выявила наличие стенок, сложенных из плоских камней и расположенных поперек длинной оси могильной ямы. Высота этих стенок достигала 3–4 м. Такая же стенка прослеживалась вдоль всего кургана и дромоса, где она была составлена из вертикально составленных плит (рис. 1).

Само захоронение находилось на глубине 7–8 м и было разрушено грабителями. От него сохранились фрагменты гроба, оббитого толстой тканью и оббитого тонкими и узкими пластинами золотой фольги. Остатки жертвоприношений животных в виде черепов коней с помещенной рядом конской сбруей лежали в северной, головной части.

В 1994–1995 гг. С. В. Даниловым проводились раскопки еще одного кургана хуннской знати, во время изучения которого также были обнаружены надмогильные конструкции, выполненные из каменных плит, подтверждавшие предположения о сложном конструктивном решении и о не менее сложном семантическом содержании всего погребального комплекса (см. рис. 1).

Таким образом, могильник в Ильмовой падь, исследованный на протяжении почти ста лет, дал науке ценные материалы по погребальной обрядности хунну. Введение их в научный оборот позволило по-новому представить уровень экономического и социального развития рядовых членов общества, составлявших основную массу населения государства хунну. Раскопки курганов знати подтвердили имевшиеся в источниках сведения о далеко зашедшем социальном расхождении хуннского общества и наличии в нем значительной прослойки родовой и служилой знати.

Погребальный обряд. Опишем подробнее погребальный обряд, изученный на материалах Ильмовой падь. За время, прошедшее с начала его изучения, было раскопано около 70 могил из 300 зафиксированных. Как уже упоминалось, до раскопок могилы имели вид неглубоких западин с кольцевидной выкладкой из задержанных камней. Вскрытие показало, что на всех погребениях сохранились остатки каменных надмогильных кладок, имевших преимущественно четырехугольную и округлую или овальную форму. В прямоугольной в плане могильной яме глубиной в среднем от 1,5 до 2,5 м, ориентированной в основном по линии С-Ю с сезонными отклонениями, помещался сруб, сделанный из расколотых вдоль бревен с гладкой внутренней и бревенчатой внешней сторонами. Скрепление между собой стенок сруба происходило путем соединения вырубов в длинных стенках сруба и установки туда коротких стенок. Все детали

сруба изготовлялись на стороне и собирались уже непосредственно в могильной яме. Внутри сруба помещали гроб, изготовлявшийся обычно из сосновых досок. Гроб имел значительно меньшие размеры, и при установке его в сруб, в северной, головной его части между торцовыми стенками сруба и гроба оставалось значительное пространство, используемое для помещения туда погребального инвентаря. Перекрытие срубов изготовлялось из коротких, поперечных плах, под которыми иногда встречались длинные, продольные. Иногда стенки сруба были обложены камнями, встречались камни и в заполнении могильной ямы. Часть погребального инвентаря помещалась, как уже упоминалось, в пространство между торцовыми стенками гроба и сруба, называемое П. Б. Коноваловым «отеском». Здесь располагались глиняные сосуды, остатки жертвоприношений животных в виде крестцов, ребер, позвонков, положенных, по-видимому, в качестве заупокойной пищи. Остатки погребальных трисов также помещались в могилу и располагались в северной части могильной ямы. Встречались черепа домашних животных, рядом с которыми лежали кости конечностей и хвостовые позвонки. Видовой состав был представлен костями крупного рогатого скота, лошади, кулана, овец и коз. Кроме этих животных, особую роль в погребальном обряде играло захоронение собак, кости которых встречались на перекрытии сруба в анатомическом порядке. Такое расположение останков домашних животных вместе с хвостовыми позвонками и конечностями позволяет предполагать захоронение шкур животных, призванных символизировать стадо скота, уходящее вместе с умершими в загробный мир.

Вещевой комплекс. Изучение вещей и предметов, составлявших погребальный инвентарь, дает нам представление не только о материальном уровне общества и его технических возможностях, но и позволяет реконструировать отдельные стороны древних верований и мировоззрения.

Анализ вещевого комплекса, происходившего из хуннских погребений, показывает, что в то время существовали определенные ритуалом требования, соблюдением которых руководствовались устроители похорон. При раскопках на гробах встречались иногда бронзовые трех- и четырехлепестковые, фигурные бляхи, прибивавшиеся к гробу. Под ними сохранились остатки плотной шелковой материи (рис. 2). Следы обивки гробов сохранились в ряде погребений, причем остатки тонких шелковых тканей прослеживались и внутри гроба. Иногда гробы окрашивались в красный цвет.

От одежды погребенных сохраняются только отдельные детали, изготовленные из металла, кости и камней. Это бронзовые и костяные поясные пряжки различных типов, бронзовые украшения, пришивавшиеся на одежду, застежки. Хотя в погребениях Ильмовой падь почти не встречается одежда, все же можно на основании находок в одновременном могильнике в Ноин Уле представить, во что одевалось хуннское население. Знатные хунну носили большей частью одежду хуннского покроя из шелка, в больших количествах ввозившегося из Китая. Из него шились характерные для кочевников шаровары с пришитой мягкой войлочной обувью и кафтаны с запахом на правую сторону. Головные уборы изготовлялись из войлока. Некоторые из них имели форму колпаков, типичных для древних кочевников Евразии и сохранившихся до наших дней в быту некоторых тюркских народов.

Вооружение, обнаруженное в мужских погребениях Ильмовой падь, представлено, в основном, костяными накладками лука и железными наконечниками стрел. Основа лука, обычно не сохранившаяся, изготовлялась из дерева. Для придания луку жесткости, увеличивавшей его пробивную силу, дальность и повышавшей прочность всего изделия в целом, к нему прикреплялись костяные накладки – четыре концевые, четыре промежуточные и две средние. Длина луков достигала полутора метров, что значительно превышало длину луков предшествующего скифского времени.

Наконечники стрел изготовлялись из железа, бронзы и кости. Железные наконечники стрел были трехлопастными, трехгранными и плоскими. Все они предназначались для ведения боевых действий и нанесения противнику как можно более тяжелых ран. Возможно, что массивные трехлопастные стрелы использовались для стрельбы по лошадям с тем, чтобы быстрее вывести из строя вражескую конницу. Костяные наконечники использовались как в боевых целях, так и для охоты, имевшей у хунну, как и у большинства кочевых народов, исключительное большое значение. Облавные охоты использовались и для пополнения запасов мясной пищи, и для тренировки мужского населения ведению боевых действий в конном строю. Бронзовые на-

конечники не имели, по-видимому, широкого распространения у хунну и довольно редко встречаются при раскопках.

Одними из самых распространенных находок в хуннских погребениях были глиняные сосуды самых разнообразных форм. Здесь встречались горшки с широким горлом, изготовленные из плохо отмоленной глины, и прекрасно обожженные сосуды со следами вертикального лощения и изящно отогнутым венчиком. Почти вся посуда была изготовлена на гончарном круге, от которого на днищах сохранились квадратной формы отпечатки крепления сосуда к кругу. Иногда в погребениях встречались небольшие сосудики грубоватых форм и небрежной лепки, использовавшиеся, по-видимому, в каких-то ритуальных целях. Посуда, находящаяся при раскопках могильников, естественно, не отражает всего многообразия керамических изделий, производимых хуннскими мастерами. Наличие с захороненным тех или иных типов сосудов регулировалось, по-видимому, погребальным обрядом (см. рис. 2).

Бытовые вещи, являвшиеся предметами личного пользования, довольно часто встречаются вместе с их умершими владельцами. К таким вещам исследователи относят костяные палочки для еды, костяные ложечки «для приема лекарств», железные ножи и шилья, приборы для добывания огня, игральные кости, фрагменты ханьских зеркал, изготовленных из металла сложного сплава. Полностью представить набор вещей, помещаемых умершему сородичу, практически невозможно, ввиду разграбления подавляющего большинства погребений. По всей вероятности, существовала определенная вариативность погребальных обычаев в зависимости от родовой принадлежности. Выявить полную картину всего предметного комплекса возможно только при рассмотрении совокупности материалов из всех изученных хуннских могильников.

К сожалению, подавляющая часть погребального инвентаря была разграблена, и судить о богатстве и пышности похорон знатных хунну можно только по совокупности данных из различных изученных могильников. В первую очередь, к таким памятникам относится погребение известного памятника Ноин Ула, расположенного в Северной Монголии. Особенности расположения могильника, создавшие условия для возникновения подкурганной вечной мерзлоты, способствовали сохранению органических остатков: тканей, ковров, дерева, волос. Появилась возможность реконструировать отдельные типы одежды, технологию изготовления тканей и ковровых изделий, выявить сорта ввозимого из Китая шелка.

Высокий уровень плотницкого и столярного ремесла прослеживается при изучении приемов и способов сооружения погребальных камер и различных поделок из дерева. Обработка металлов у хунну достигает довольно высокого уровня. По всей видимости, появляется население, профессионально занимающееся добычей сырья, выплавкой металлов и изготовлением из него различных изделий, т. е. металлургия и металлообработка выделяются в отдельную отрасль производства.

Находки в погребениях художественных изделий, выполненных в металле, кости, дереве, говорят о существовании мастеров со сформировавшимся стилистическим направлением и сложившимися художественными традициями. Исследуя хуннское искусство, можно говорить о продолжении традиций, сложившихся у кочевых народов Евразии в предшествующее время и нашедших отражение в таком феномене, как звериный стиль.

Раскопки могильника в Ильмовой падь продолжаются. Изучена только его небольшая часть. Не поставлена еще точка и в исследовании истории древнего кочевого народа – хунну. И хочется надеяться, что дальнейшие раскопки этого уникального памятника внесут свою лепту в изучение происхождения, расцвета и упадка кочевых цивилизаций Евразии.

Nikolai N. Kradin
(Institute of History, Archaeology
and Ethnography of Far East,
Vladivostok, Russia),

Serguei V. Danilov
P.B. Kononov
(Institute for Mongolian, Buddhist
and Tibetan Studies, Ulan-Ude, Russia)

SOCIAL STRUCTURE OF THE TRANSBAIKAL HSIUNG-NU *

The social structure of the Hsiung-nu had many levels of hierarchy. The highest level of the social pyramid was occupied by the *Shan-yu* (the supreme ruler) and his relatives (the Luan-ti clan). The representatives of other noble clans, tribal chiefs and service nobility were ranked the next. The major mass of economically independent ordinary pastoral nomads occupied the step below them. At the bottom of the social pyramid was reserved for different categories of the lawless population: impoverished nomads, semi-vassal settled people, captives-tributaries being engaged in agriculture and handicraft and, possibly, for slaves.

We attempted at the extension of our knowledge of the Hsiung-nu social structure by the way of studying the differences in the nomads' burials. The materials from four best excavated cemeteries in the Transbaikial area:

---

* This study was supported by RFBR (grant # 97-06-96759).

the Ivolginskaya and Cheremukhovaya pads, Derestuisky Kultuk, the Ivolginsky cemetery (342 burials in total) were selected by us for the analysis. The study of the cemeteries of the Transbaikial Hsiung-nu revealed a complex social structure, the presence of an hierarchical system of ranks traced in different sex-age and ethnic groups of the society.

The richest burials were concentrated in the Ilmovaya pad cemetery. Here, three ranks are identified in the burials of both men and women. The men's burials of the Cheremukhovaya pad and Derestuisky Kultuk are combined into several different groups which, possibly, reflect the nature of the lates' activities during their life-time. In the female burials of the Cheremukhovaya pad, two groups were revealed. No differentiation was remarkable for the female burials of Derestuisky Kultuk. Four hierarchical ranks for men and five for women were identified in the Ivolginsky cemetery. A certain differentiation of children's burials into «rich» and «poor» ones can be traced (the most pronounced differences were found for the Ivolginsky cemetery were 3 or 4 groups were identified). However, it should be borne in mind that a part of children's burials, including some not poorest ones, was related to sacrificial practices.

А.Д. Цыбиктаров, С.В. Данилов (Улан-Удэ)
**К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ОЛЕННЫХ
КАМНЕЙ МОНГОЛО-ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ТИПА***

Оленные камни - памятники позднего бронзового и начального периода раннего железного веков. По огромной территории своего распространения от Монголии до Центральной Европы они связаны с разными культурами. В восточной части этого ареала оленные камни стоят рядом с херексурами, курганами уюкской культуры, входят в состав конструкции плиточных могил и особенно часто бывают установлены на площади жертвенников. Типологически они относятся к оленным камням саяно-алтайского и монголо - забайкальского типов. Первые из них распространены преимущественно на территории Горного Алтая, Западной Монголии и Тувы, а вторые - Центральной, отчасти Восточной Монголии и Забайкалья.

На территории Монголии и Забайкалья в эпоху поздней бронзы и раннего железа существовали древние скотоводческие общности, оставившие культуру плиточных могил и культуру херексуров. Мнения исследователей о связи оленных камней монголо - забайкальского (МЗТ) типа с этими культурами весьма неоднозначны. А.П. Окладников на заре изучения этих памятников относил их к культуре плиточных могил [1954, с. 219-220]. В.В. Волков, Ю.С. Гришин считают оленные камни памятниками как той, так и другой культуры [Волков, 1981, с. 8; 1990, С. 10; Гришин, 1981, с. 160-161]. По мнению Ю.С. Худякова. Э.А. Новгородовой и Д.Г. Савинова оленные камни этого типа связаны с куль-

турой херексуров, а в плиточных могилах они находятся во вторичном использовании и являются, таким образом, чужеродным элементом в культурном комплексе этих погребений [Худяков, 1987, с. 149-150, 155-156; Новгородова, 1989, с. 173-174, 176; Савинов, 1994, с. 35, 56, 158-159 и сдр.]. Мнения о разнокультурной принадлежности оленных камней и плиточных могил придерживался М.П. Грязнов [см. 1983, с. 10]. П.Б. Коновалов склонен признавать самые разные варианты использования оленных камней в плиточных могилах [1992, С. 116]. В самое последнее время появилась гипотеза Н.Л. Членовой о приходе в Монголию с запада из Средней Азии в период между VI-IV вв. до н.э. многочисленных воинов, «... изготовлявших уже на территории Монголии памятники своим вождям или героическим предкам» в виде оленных камней [2000, с. 99, 101]

Подробный анализ условий нахождения оленных камней на территории Монголии и Забайкалья позволяет еще раз вернуться к этому важному вопросу. Подсчеты, сделанные нами по публикациям В.В. Волкова (1981), Н.Н. Дикова (1958), Ю.С. Гришина (1975, 1981), А.П. Окладникова (1980) и А.В. Тиваненко (1995), показали, что оленные стелы были зафиксированы при изучении 43 плиточных могил на 28 могильниках. Но гораздо чаще оленные камни встречаются рядом с херексурами и жертвенно-поминальными кладками, их сопровождающими. На 25 памятниках вместе с ними были зафиксированы херексуры. Но оленные стелы только в 2 случаях лежали на их насыпи, в 1 - стояли рядом с насыпью херексура, а в 18 - находились в разных ситуациях, связанных с каменными плоскими набросками, выкладками и миниатюрными курганчиками, расположенными рядом с херексурами. Они находились на их поверхности, рядом с ними, между ними или среди них. Таким образом оленные камни устанавливались не на самом херексуре, а, как правило, на жертвенно-поминальных памятниках, сопровождающих их. Но такие памятники с оленными стелами нередко располагаются и отдельно от херексуров.

По опубликованным в монографии В.В. Волкова (1981) данным таких местонахождений на территории Монголии насчитывается 18. Условия фиксации на них оленных камней (стелы стоят среди каменных плоских выкладок, набросок, вымосток, рядом с ними, на них) ничем не отличаются от тех случаев, когда они находятся рядом с херексурами. Сходство условий их расположения на жертвенно-поминальных памятниках как в сопровождении херексуров, так и без

них указывает, вероятно, на выполнение в обоих вариантах одинаковых функций при выполнении обрядовых действий.

Еще на 11 местонахождениях Монголии оленные камни были связаны с квадратными оградками: в 6 случаях они стояли или лежали внутри них, а в 5 – рядом с ними. Квадратные оградки, как известно, достаточно часто встречаются рядом с курганами саяно-алтайского типа, в т.ч. херексурами. Таким образом оленные камни суммарно встречены в 47 пунктах с херексурами или памятниками, связанными с ними, общим количеством в 121 стелу. Еще в 11 пунктах, где оленные камни были использованы при сооружении кладок плиточных могил, в составы объектов могильников входили херексуры, с которыми изначально, вероятно, и были связаны оленные стелы. В результате число памятников с оленными камнями МЗТ, связанных с культурой херексуров, возрастает до 58. С учетом неоднократно отмеченными фактами вторичного использования оленных камней в плиточных могилах приведенные статистические данные не оставляют никакого сомнения в принадлежности этих памятников на контактной территории херексуров и плиточных могил к культуре населения, оставившего херексуры.

Такой вывод хорошо подтверждается и анализом характера использования оленных камней в плиточных могилах. Общее количество обнаруженных в них стел весьма значительно – 153, что составляет более 30 % от общего количества оленных стел, зафиксированных на территории Монголии и Забайкалья. Чаще всего они стояли по углам оград (20 ПМ), входили в состав стенок оград (16 ПМ), использовались как сторожевые камни (12 ПМ). Другие ситуации встречаются реже: в каменном заполнении внутри оград (3 ПМ), в качестве перекрытия могильной ямы (3 ПМ). Таким образом оленные камни использовались при сооружении самых разных частей конструкции плиточных могил.

Зафиксированы и другие ситуации использования оленных стел строителями плиточных могил. В 4 случаях оленные камни стояли на территории плиточных могильников и 1 раз в большом количестве были использованы при сооружении жертвенника культуры плиточных могил (Херексурин денж).

И так, оленные стелы оказываются в составе самых разных частей конструкции плиточных могил, используются в планировке могильников и сооружении жертвенников. Приведенные данные свидетельствуют об отсутствии у строителей плиточных могил каких-либо устойчивых традиций в использовании оленных камней. Это свиде-

тельствует о явно чужеродном характере оленных камней в культурном комплексе населения культуры плиточных могил.

Следует особо отметить случаи, когда оленные камни были вкопаны в землю в перевернутом положении – Жаргалант. Хайрхан хундий, Тэмэ чулуны ам [см. Волков, 1981, с. 17,42,59-60], или были разбиты на куски, которые, в свою очередь, оказались в виде фрагментов в самых разных ситуациях – в стенках оград, в их заполнении, устанавливались в качестве сторожевых камней. По нашим подсчетам не менее 19 разбитых на куски оленных камней было использовано при сооружении 10 плиточных могил на могильниках Шивертын ам, Баян цаган гол, Цацын эрэг, Жаргалант, Шатар чулу, Хешетийн товог, Хайрхан хундий, Дунд жаргалант [см. Волков, 1981, с. 15,20,23,32,41,43-44,79] 19 оленных камней, в т.ч. 5 разбитых на куски, было использовано при сооружении жертвенника культуры плиточных могил в местности Херексурин денж [см. Волков, 1981, с. 36-40, табл. 37]. Как отмечает В.В. Волков «они, вероятно, были снесены сюда со всей округи» [1981, с. 37]. Два оленных камня в обломках лежали на территории плиточных могильников Мухур гутай и на восточной окраине Ульзит сомона [Волков, 1981, с. 26,57].

Отсутствие какой-либо системы в условиях фиксации оленных камней на памятниках культуры плиточных могил указывает на их использование в качестве строительного материала. Поэтому оленные камни в облике культуры населения, оставившего плиточные могилы, являются, бесспорно, чужеродным элементом. В ситуациях же рядом с херексурами, напротив, хорошо прослеживается четкая закономерность – оленные камни, как правило, устанавливались на выкладках-жертвенниках или рядом с ними. А это, в свою очередь, свидетельствует о четком функциональном назначении оленных камней при выполнении определенных обрядовых действий на этих памятниках. Таким образом, оленные камни в культурном комплексе населения, оставившего херексуры, занимают вполне определенное место и хорошо вписываются в его состав.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 00-01-00365а

С. В. Данилов (Улан- Удэ)

О НАПРАВЛЕНИИ И ХАРАКТЕРЕ СВЯЗЕЙ НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Регион Центральной Азии, включающий в себя Монголию, Саяно-Алтайское нагорье, Забайкалье, Ордос, Турфан, Синьцзян, по своим физико-географическим особенностям отличается от сопредельных с ним территорий и является одним из районов формирования подвижных форм скотоводства и кочевого образа жизни в широком смысле слова.

С юга регион граничит с районами, где со времен раннего неолита формировался дальневосточный очаг производящего хозяйства, послуживший впоследствии основой для развития древнекитайской цивилизации. Восточным соседом Центральной Азии является Дунбэй или Маньчжурия (в настоящее время Северо-Восточный Китай) также относимый к дальневосточному очагу производящего хозяйства. На этой территории в эпоху неолита произошло становление производящей экономики на основе мотыжного земледелия и скотоводства, где основными одомашненными животными были свинья и собака. К северу от центральноазиатского региона в лесостепной и таежной зоне проживали племена, основой хозяйства которых продолжали оставаться охота, рыболовство и собирательство. С запада к границам рассматриваемого региона примыкали горные системы Средней Азии и степи Восточного Туркестана, население которых уже имело навыки производящего хозяйства.

Первое появление в регионе Центральной Азии населения с навыками производящего хозяйства фиксируется с эпохи позднего неолита, энеолита и ранней бронзы. Первый очаг формирования производящей экономики связан с тамцаг булакской культурой эпохи неолита выделенной в Восточной Монголии. При изучении памятников этой культуры отмечаются находки зернотерок, пестов, особо выделяется наличие здесь стационарных врытых в землю жилищ.

Другим районом, где происходило формирование производящей

экономики, были территория Южной Сибири, Саяно-Алтая. Западной и Центральной Монголии. Это была область распространения памятников афанасьевской культуры, в комплексном хозяйстве которой просматриваются черты преобладания скотоводства. По всей видимости, население этой культуры появилось здесь из более западных регионов, о чем свидетельствует видовой состав домашних животных характерных для переднеазиатского очага производящего хозяйства. Антропология европеоидного населения афанасьевской культуры имеет определенные черты сходства с населением древнеямной культуры находившимся в черноморско-каспийском регионе. (Алексеев. Гохман 1980).

По всей видимости, с конца III начале II тыс. до н.э. скотоводство начинает распространяться по территории Центральной Азии. Этому способствовало наличие обширных степных пространств, служивших прекрасными пастбищами, а резко континентальный климат с малоснежными зимами способствовал круглогодичному выпасу скота. Постепенно скотоводство становится преобладающим видом хозяйства в регионе Центральной Азии, здесь начинают формироваться определенный хозяйственно-культурный тип со специфическими особенностями в способах ведения хозяйства, жилищах, пище, одежде, орудиях труда, складывается своеобразное мировоззрение и духовная культура.

В эпоху бронзы на большей части Центральной Азии складывается культурная общность, определяемая как карасукская историко-культурная общность. Для нее характерны специфические бронзовые орудия и оружие, бронзовые украшения. Памятниками этого периода являются оленные камни и керексуры. На территории Южной Сибири для этого времени известны иные по внешнему виду, так называемые, карасукские погребальные памятники и поселения, которые и дали название всей культуре.

Другим типом памятников позднего бронзового века являются плиточные могилы, население которых занимало восточную часть центральноазиатского региона. И если с наступлением эпохи железа, в культуре плиточных могил видимых изменений не происходит, то в западной части ареала, в зоне распространения керексуров, формируются иные культуры скифского облика: чандманьская в Западной Монголии, уюкская в Туве; пазырыкская на Алтае. В Минусинской котловине на смену карасукской культуре появляется тагарская культура.

Таким образом, в эпоху поздней бронзы и раннего железа на территории Центральной Азии складываются культуры, население кото-

рых вело преимущественно скотоводческое хозяйство с преобладанием подвижных форм. По всей видимости расширение территории расселения приводившее к определенным демографическим процессам способствовало расширению как внутренних, так и внешних связей кочевников. И если раньше, по-видимому, преобладали связи с западными районами (так называемый «нефритовый путь», существовавший в эпоху бронзы) постепенно начинают налаживаться связи с другими регионами.

Иньские источники упоминают о северных кочевниках-варварах, ведущих образ жизни, резко отличавшийся от образа жизни китайских земледельцев. Причем контакты с северными соседями не всегда носили мирный характер. Наличие на территории Ордоса находок бронз карасукского облика и заимствование китайцами некоторых форм изделий, а также захоронений некитайского населения свидетельствует о большой роли кочевников в жизни Китая эпохи Инь, Чжоу, Чжаньго. Однако в керексурах, в погребениях культуры плиточных могил, да и вообще на территории Центральной Азии довольно редко встречаются находки, подтверждавшие наличие широких связей с южными регионами.

Свидетельства расширения контактов появляются в хуннскую эпоху. Исследование археологических памятников хунну показывает, что в это время существуют разнообразные связи с Китаем. Предметы быта и роскоши распространяются по всей территории хуннского государства. Появляющиеся в хуннскую эпоху стационарные поселения и укрепленные городища отстраиваются под воздействием и с применением технических навыков распространенных в Дунбэе и в Китае. Между китайскими императорами и хуннскими шаньюями заключаются договоры, основанные на родстве. То есть потомки правящих хуннских родов имели изрядную примесь китайской крови, происходила скрытая китаизация верхушки хуннского этноса. В результате соглашений, заключенных между кочевниками и Китаем, развивались торговые отношения, открывались пограничные рынки. То есть, начиная с III в. до н.э., начинается расширение разнообразных контактов между населением Центральной Азии и Китаем. Отмечаемое в хуннское время расширение связей с Китаем продолжалось и в последующие годы. Однако характер этих связей был не однозначен. Сяньби, например, применяли тактику постоянных вторжений на территорию Китая, не отвечая на неоднократные предложения о заключении мирных договоров. Тюрки во

избежание потери своей самобытности, которую они, вполне правильно понимали в сохранении традиций кочевого образа жизни, сознательно отказывались от строительства стационарных поселений и городов.

Создание государства киданями и завоевание ими Центральной Азии и Восточного Туркестана привело к расширению восточных связей региона. В первую очередь это выразилось в строительстве городов по образцу киданьских городов в Маньчжурии.

Установление господства чжурчженей не только над Маньчжурией, но и над Северным Китаем закрепило направление связей населения Центральной Азии с восточными и южными соседями. Чжурчжени теперь полностью контролировали все взаимоотношения между этими регионами и установили протекторат над частью территории, занимаемой современной Монголией.

В конце XII начале XIII веков в результате ожесточенной междоусобной борьбы в Монгольских степях создается единое монгольское государство. Почти сразу после создания государства его основатель Чингис-хан вступил на путь завоевательных войн. Тангутское государство Си Ся и государство чжурчженей Цзинь первыми испытали на себе силу монгольских войск. После среднеазиатского похода монголы окончательно уверовали в непобедимость своих войск и в гениальность своего вождя. И, если до этого походы монгольских войск, еще имели какое-то моральное оправдание (месть цзиньским властям за гибель монгольского Амбагьянь-хана, или разорение подданными хорезм-шаха торгового каравана снаряженного монголами в Отраре), то после завоеваний в Средней Азии начинается подготовка к созданию мировой империи.

В последующем, походы в Восточную и Центральную Европу, Месопотамию и Переднюю Азию. Индонезию и Японию подтвердили эти намерения правящей верхушки монгольского общества. Монголия, и, следовательно, Центральная Азия становится центром мировой империи. В столицу империи Каракорум стекаются дипломатические миссии из европейских и азиатских государств, многочисленные наместники из зависимых и полузависимых стран, религиозные миссионеры, торговцы. В это время Центральная Азия становится регионом, от которого зависела политическая и экономическая и в какой то мере культурная жизнь большинства евразийских народов. После перенесения Хубилаем столицы империи в Пекин Центральная Азия утрачивает свою роль «ведущего региона» и становится второстепенным в полити-

ческом отношении, хотя ее значение как прародины всех монголов остается незыблемым.

Таким образом, в истории Центральной Азии намечается несколько периодов, содержанием которых было преобладание связей с какими либо из соседних регионов. Характер и направление таких связей были связаны с конкретной исторической обстановкой, но они имели существенное значение для населения региона. Решающее значение имело появление с запада в конце III тыс. до н.э. афанасьевского населения, с которым связывается начало становления производящих форм экономики с преобладанием скотоводства. В дальнейшем природные условия региона привели к формированию подвижных форм ведения скотоводческого хозяйства и появлению кочевого хозяйственно-культурного типа. Создание хуннского государства привело к установлению прочных связей с южным соседом, не прерывавшимся вплоть до киданьского завоевания. Здесь следует отметить, что зоны влияния империй хунну, тюрков, уйгуров простирались далеко на запад, и это обстоятельство должно было отразиться как на характере связей между регионами, так и на составе населения Центральной Азии.

Создание киданьской империи и включении в ее состав некоторых провинций империи Сун, по всей видимости, усиливает восточную направленность связей Центральной Азии, продолжившихся в период существования империи Цзинь.

В период существования монгольской империи, включившей в свой состав территории различных государств Азии и Европы. Центральная Азия занимает ведущее место в формировании политики и экономики имперского пространства. Отсюда исходят решения и политическая воля, от которых зависели судьбы многих стран и их правителей, однако после распада империи на ряд отдельных государств, Центральная Азия входит в состав империи Юань. Позднее, когда последний юаньский император Тогон Тэмур под напором восставших китайских подданных бежал в Монголию, регион по-прежнему имел тесные связи с южными соседями, хотя их характер был весьма противоречивым.

Возникшие на месте былой империи ханства находились в состоянии постоянной междоусобной вражды, став сравнительно легкой добычей маньчжуров. Центральная Азия вошла в состав империи Цин. И только с появлением в северных пределах региона нового соседа в лице Российской империи впервые за всю историю Центральной Азии

начинают укрепляться и расширяться связи в северном направлении.

SUMMARY

The paper deals with the relations of Central'Asia with the adjacent regions and follows the evolution of such contacts beginning from the Bronze Age up to the Mongol Empire.

К вопросу об архитектурно-строительных традициях Хунну

IMBT of SB RAS, Russia

Данилов С.В. (Россия)

Археологические памятники хунну, ставшие известными после раскопок Ю.Д. Талько-Гринцевичем в конце 19 века могильника в Ильмовой пади, расположенного в южных районах Бурятии и особенно после сенсационных раскопок гробниц хуннских шаньюев в Ноин Уле (Северная Монголия) становятся широко известными в научном мире.

В настоящее время в изучении археологических памятников хунну все большее значение приобретают поселенческие комплексы, включающие в себя укрепленные городища и неукрепленные поселения. Это связано с тем, что роль и степень оседлости в хуннском обществе становится одним из важных показателей уровня общественного развития хунну. Однако стационарному исследованию подверглось довольно незначительная часть из имеющихся и известных памятников оседлости. Причем раскопки поселений широкими площадями проводились на единичных объектах.

Обычно при характеристике городищ и поселений исследователи выделяют наличие или отсутствие фортификационных сооружений, хозяйственных и жилых сооружений, общественных зданий. Однако при уровне наших знаний мы имеем слабое представление об архитектурных традициях, существовавших в хуннскую

эпоху. В связи с этим приобретают важное значение материалы по стационарным сооружениям хунну, то есть зданиям, построенным на поверхности в отличие от ставших почти хрестоматийными жилищами-полуземлянками, раскопанными на Иволгинском городище и на поселении в Дуренах. (Бурятия)

В настоящее время нам известны данные по трем наземным зданиям хунну. Это раскопанное близ Абакана в Хакасии здание дворцового типа, здание "правителя" на Иволгинском городище и здание на городище Баян Ундэр на реке Джиде, в южной Бурятии.

Изучение известных на сегодняшний день наземных зданий хунну показывает, что основным материалом, применяемым в строительстве была глина, специально, по-видимому, подготовляемая для строительных работ. Основной технологией возведения стен зданий, судя по их нижним сохранившимся частям, было помещение глинистого раствора или влажной глины в сооруженную из досок опалубку. Одновременно с возведением стен или несколько раньше устанавливались деревянные столбы, служившие опорой для балок, стропил и обрешетки перекрытия. Применение такого способа сооружения жилых зданий имело широкое распространение в северных

районах Восточной Азии в частности в Дунбэе, где они известны с эпохи бронзы.

Одной из характерных черт известных нам хуннских жилищ являлась своеобразная система отопления-кан. Имеющиеся на сегодняшний день данные позволяют говорить о том, что каналы впервые начали применяться на Дальнем Востоке населением кроуновской культуры (3 в. до н.э. – 2 в. н.э.) занимавшей территорию южной части Приморского края, Северо-Восточного Китая и севера Корейского полуострова. Время существования этой культуры совпадает со временем хуннского великодержавия. Контакты между населением кроуновской культуры и хунну, несомненно, существовали и отражением этих самых разнообразных связей между населением центральноазиатского региона и Дуэбэя явилось сходство в технологии строительства жилищ, в применении самобытной системы отопления.

Появление у хунну оседлых поселений и городищ было тесно связано с начавшимися в конце 3 в. до н.э. процессами, происходившими в хуннском обществе, приведшими к формированию государственности. Изменения происходили почти во всех областях экономики, внешней и внутренней политики, а также в социальном строе общества. Не вдаваясь во все детали процессов протекавших в хуннском обществе, отметим, что появление оседлых поселений было вызвано, во-первых,

необходимостью административного управления территорией, значительно увеличившейся после завоевательных походов хуннских шаньюев, во-вторых возросшего спроса на ремесленные изделия, и в-третьих, значительно расширившимися торговыми отношениями как внутри хуннского государства, так и с соседними государствами в первую очередь с империей Хань. По всей видимости укрепленные городища на северной окраине государства строились правителями отдельных округов о титулах и рангах которых можно пока только строить различные предположения. В них концентрировалась экономическая, политическая и культурная жизнь.

По имеющимся данным хунну имели и иные типы наземных сооружений. Они просматриваются при визуальном осмотре городищ расположенных в Монголии. На них отмечается наличие округлых в плане платформ высотой свыше двух метров, остатков прямоугольных зданий, мощных фортификационных сооружений. Однако судить обо всем комплексе архитектурных и строительных достижений в хуннском обществе можно будет только после проведения полномасштабных раскопок на различных типах памятников городской культуры.

С.В. Данилов (Улан-Удэ)

ТЕМНИКОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА БУРЯТ

Среди известных оседлых поселений на территории Бурятии (Забайкалье), исследование которых имеет уже давние традиции, берущие начало в XVIII в., несколько особняком стоит поселение, расположенное на реке Темник в Селенгинском районе Республики Бурятия. Поселение было открыто в 1928 г. ленинградским ученым Т.П. Сосновским во время исследований Бурят-монгольской археологической экспедиции АН СССР, в ходе реконсцировочных работ по выявлению и определению возраста и хронологии археологических памятников Бурятии. Поселение было расположено на правом берегу, на высокой пойме реки Темник, левого притока Селенги, у восточного склона невысокого горного массива Енысей.

Т.П. Сосновский произвел предварительные раскопки с целью выяснения характера памятника и его возраста. В результате исследований были обнаружены целые и во фрагментах кирпичи, обломки посуды и целые сосуды. В целом памятник был датирован эпохой Сун существовавшей в пределах XI-XII вв.¹

¹ Сосновский Г.П. Итоги работ Бурят-Монгольского археологического

Со времен работ Г.П. Сосновского местонахождение поселения было утеряно, тем более что на месте работ археологов производилось строительство автомобильного и железнодорожного мостов. В 1989 г. были предприняты поиски места поселения и после тщательных осмотров местности, на огородах возникшего здесь небольшого поселка были обнаружены фрагменты керамики от разнообразных сосудов².

Шурф, заложенный к северу от поселка, дал находки фрагментов красноглиняной керамики. Среди них ручки сосудов в виде горизонтально расположенных ушек, а также в виде обыкновенных вертикальных ручек кувшинов или кружек. Отдельные ручки были орнаментированы штрихованными полосами, проведенными еще по необожженному изделию. В целом такая керамика не характерна для Забайкалья и ближайшие аналогии ей мы находим в западных ареалах, в Средней Азии. Кроме красноглиняной керамики были встречены фрагменты небольшого расписанного фаянсового блюда, отнесенного нами к сосудам типа «цычжоу»³. Такая посуда производилась в Китае во времена Сунской империи. Обломки поливной посуды, также имевшей, по всей видимости, китайское происхождение, встречались нам при раскопках здания близ села Нарсатуй, относящегося к эпохе монгольской империи⁴. Подобная поливная керамика встречалась при раскопках столицы Монгольской империи города Каракорума.

Шурфы, заложенные на Темниковском поселении в 1990 г., дали находки бревен на глубине 0,5 м, применявшихся, возможно, для каких-то строительных целей.

Таким образом, обнаруженные при раскопках Г.П. Сосновского материалы и результаты наших раскопок дают возможность определить, что Темниковское поселение возникло в эпоху средневековья. Отдельные фрагменты поливной керамики сближают его с керамикой, имевшей распространение в период Монгольской империи. Фаянсовая посуда имела широкое распространение в это же время. Ее многочисленные фрагменты обнаруживали при раскоп-

отряда Академии Наук СССР // Проблемы Бурят-Монгольской АССР. - М.: Л., 1936.-С. 320.

² Данилов С.В. Полевой отчет за 1990 г.

³ Древнемонгольские города. -М., 1965. - С. 221-222.

⁴ Данилов С.В. Полевой отчет за 1989, 1990 гг.

ках Каракорума и других монгольских городов. Частично эта посуда могла производиться на месте, но часть ее, видимо, импортировалась из покоренного монголами Китая. По всей видимости, поселение существовало в пределах XIII в., однако следует учитывать, что раскопки проводились на небольших участках поселения и дальнейшие крупномасштабные исследования могут несколько изменить наши представления.

Несколько особняком стоит красноглиняная посуда среднеазиатского, по нашему мнению, происхождения. Судя по тем материалам, которые мы имеем, ее количество составляло подавляющее большинство. Предполагать ее ввоз из столь отдаленных мест вряд ли было бы уместным, тем более это не дорогая парадная посуда, а, скорее всего, кухонная или столовая. К сожалению, у нас не было возможности определить сорта глин, из которой изготовлялась эта посуда, и поэтому затруднительно ответить на вопрос о привозном характере или местном производстве красноглиняной посуды. Нами отмечалось, что такая посуда почти не встречалась при исследовании забайкальских памятников, и тем интереснее причины ее появления в нашем регионе.

Средневековый возраст памятника и наличие аналогий с памятниками эпохи монгольской империи невольно приводят к мысли о том, что в долине Темника могло располагаться поселение угнанных монголами в плен жителей Средней Азии. Нам известно, что монголы во время своих завоевательных походов в первую очередь угоняли ремесленное население. Особенно много ремесленников было захвачено во время среднеазиатского похода против государства Хорезмшаха. Например, известно, что вовремя захвата Бухары и Самарканды монголы выводили все городское население из города и отбирали ремесленников различных профессий для угона в Монголию.

Наличие ремесленных поселений отмечал даосский монах Чань Чунь. Он видел их по пути в резиденцию Чингисхана, куда был вызван владыкой империи.

Таким образом, источники сообщают нам, что в результате монгольских завоеваний некоторая часть населения Средней Азии подверглась принудительной депортации в разные концы Монгольской империи. Конечные пункты, куда прибывали плененные среднеазиатские ремесленники, во многом остаются неизвестными.

Известно, что в средние века монголы жителей Средней Азии называли сартами, («сартаульцами, сартаульский народ»)⁵. Из этого заманчиво было бы сделать вывод о связях населения Темниковского поселения с бурятским родом сартул, расселенным в долине реки Джиды. Однако проведенные в конце 50-х гг. XX в. среди населения опросы показали, что они себя считают выходцами из Монголии, переселившимися сюда в начале XVIII в. из местности Сарата ул в период ойратских войн⁶. Однако некоторые исследователи, например, Доржи Банзаров (сам кстати по происхождению из сартулов), находят факты среднеазиатского происхождения сартулов. К сожалению, остается неизвестной история сартулов до их прибытия из Монголии в Бурятию. Вполне вероятно, что их предки были выходцами из Средней Азии.

Таким образом, можно говорить о том, что на берегах Темника в XIII в. проживало население, имевшее какие то связи со Средней Азией. В то же время, судя по найденным на поселении предметам, это население имело контакты с местными племенами. Возможно, что с событиями XIII и отчасти XIV вв. связано происхождение многих родов, основанных выходцами из Средней Азии, расселившихся по территории Монгольской империи. Часть из них стала, возможно, предками бурятских сартулов, расселившихся в бассейне Джиды. Возможно также, что и люди, основавшие поселение на Темнике, также были невольниками, заброшенными волей монгольских правителей в далекое Забайкалье.

Однако нам известно и о других подданных Хорезмшаха. Это довольно многочисленная прослойка купечества, часть которого состояла на службе у монголов еще до среднеазиатского похода Чингисхана. Многие из этих купцов принимали участие в торговых операциях уже после окончания военных действий. Гильом де Рубрук, побывавший у монголов в 1235-1256 гг., при описании Каракорума упоминает, например, о квартале сарацин (т.е. му-сульман), среди которых были люди разных профессий, занимавшихся в том числе и торговлей⁷. Торговые фактории этих пользо-

⁵ Сокровенное сказание монголов. - Улан-Удэ, 1990. - С. 127-128, 134-135.

⁶ Бураев И. Д. Сартулы // Этнограф, сб. - Вып. 1. - Улан-Удэ, 1960. - С. 85.

⁷ Банзаров Д. Собр. соч. - М., 1955. - С. 188.

вавшихся привилегиями мусульманских торговцев могли находиться по всей империи. Одна из них могла располагаться на берегах Темника. О судьбах населения Темниковского поселения пока можно только строить предположения, но возможно, оно сыграло свою роль в этногенезе монгольского и бурятского народов.

SUMMARY

The article deals with archaeological excavations of a settlement on Ilir Temnik river in Buryatia. During this excavation Middle Asian ceramics was found. The author assumes, that Middle Asian population lived on the Temnik river.

ABSTRACTS

XXXVII International Congress of Asian and North African Studies

ДАНИЛОВ С.В.

(Россия)

Структура и динамика социальной организации кочевых обществ Центральной Азии

Социальная организация кочевых обществ Центральной Азии служила предметом пристального внимания исследователей с самого начала изучения региона. Изучались формы семейно-брачных отношений, система родства, родоплеменной состав, рассматривалась структура государственных образований созданных центральноазиатскими кочевниками.

Изучение археологических памятников центральноазиатских скотоводов эпохи бронзы и раннего железа дает очень приблизительное представление об их социальной структуре. И только с появлением письменных источников, с хуннской эпохи, появляется возможность реконструкции социальной организации кочевых обществ.

Основой социального строя кочевников являлась парная семья, прослеживаемая от хунну до монголов.

Следующей за семьей таксономической единицей в социальной структуре является род, существование которого является универсальным и зафиксировано у всего человечества на всех этапах его истории, независимо от типов хозяйства. Наиболее подробно отражение становления родовой структуры центральноазиатских

кочевников сохранилось в письменных источниках монголов. Хотя мы не знаем всех деталей общественного устройства центральноазиатских кочевников, но, по всей видимости, низшие, семейные-родовые звенья социальной организации кочевников Центральной Азии значительно не отличались друг от друга, несмотря на их хронологические и, возможно, этнические отличия.

Говоря о появлении следующего за родом таксономического подразделения, определяемого исследователями как племя, отмечаем, что об изменениях в социальной структуре, отражавших процесс становления племени, в источниках по истории центральноазиатских кочевников содержится немного сведений. Наиболее полно процесс объединения родов отражен в Сокровенном сказании. Роды объединялись перед лицом общей опасности угрожавшей самому существованию людей, причем неважно была ли это экологическая катастрофа или военная угроза. Консолидация происходила и во время набегов на соседей и походов на более отдаленные территории. То есть причины объединения родов были самыми разнообразными.

Таким образом, мы видим, что в кочевых обществах происходило постоянное развитие социальной структуры.

Время их существования, начиная с приходом к власти хуннского шаньюя Модэ (209 г. до н.э.) и заканчивая падением династии Юань (1368 г.), суммарно достигает около 1577 лет. На время существования хуннского государства приходится около 300 лет. Сяньби господствовали в Центральной Азии примерно 90 лет. Владычество жуужаней продолжалось около 150 лет. Время существования тюркских каганатов, включая периоды разделения и временного прекращения каганской власти продолжалось около 190 лет. Уйгурский каганат просуществовал 90 лет. Созданная киданями империя Ляо правила 220 лет. Монгольская империя, созданная Чингис-ханом, если считать временем ее падения гибель династии Юань, существовала около 160 лет. То есть на время, когда в центральноазиатских степях существовали крупные политические объединения, приходится приблизительно 1200 лет. Таким образом, годы, когда в степях отсутствовали мощные политические объединения, насчитывают примерно (1577-1200=377) около 400 лет. Конечно, эти цифры весьма условны, но в то же время дают общую картину распределения в центральноазиатских степях периодов существования так называемых «кочевых империй» и периодов «междоцарствия». То есть большая часть истории кочевников приходится на периоды существования централизованной власти.

Дальнейшее развитие социальной организации приводило к формированию более сложноорганизованного общества, сопровождавшемуся появлением в довольно краткий отрезок времени новых социальных групп населения. В период перехода общества к кочевым империям наблюдается создание военной организации основанной на десятичной системе, расширение

территории, появление округов и административного управления. Изменяется структура экономики общества, появляются новые отрасли хозяйства.

Однако кочевые империи в силу различных обстоятельств распадалась, разрушалась и социальная организация, происходил системный кризис. Население в подавляющем большинстве переходило к занятиям скотоводством, социальная структура и организация общества в этот период опускалась до уровня родового строя. Однако в периоды «междоцарствия», в недрах кочевых сообществ, созрели предпосылки усложнения социальной структуры и при удачном стечении множества обстоятельств, отдельные из них из них достигали уровня кочевой империи.

С.В. Данилов
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ

ГОРОДА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Изучением истории кочевого населения Центральной Азии занимались несколько поколений исследователей археологов, этнографов, историков. Изучалась материальная и духовная культура древних и средневековых насельников региона. Исследование такого аспекта истории, как городская культура кочевников, впервые привлекло внимание археологов еще в XIX в. Труды экспедиций Н.М. Ядринцева, В.В. Радлова были открыты остатки столиц уйгурского каганата Кара балгаса и монгольской империи Каракорума. Однако подлинное открытие центральноазиатских городов связано с деятельностью советско-монгольской экспедиции, работавшей с перерывами с 1948 по 1958 годы, под общим руководством член-корреспондента АН СССР С.В. Киселева. Исследованиями экспедиции были охвачены территории Монголии, Забайкалья, Тувы. Еще раньше, в 1941, 1945, 1946 годах, С.В. Киселевым, Л.А. Евтюховой и В.П. Левашовой было раскопано здание хуннской эпохи на территории Хакасии близ Абакана и высказано предположение о его принадлежности китайскому полководцу Ли Лину, попавшему в плен и затем назначенному наместником в подвластную хуннам землю Хягас.

В результате работ экспедиции были обследованы остатки десятков городов, относящихся к различным эпохам. Стационарные раскопки, проведенные в Ден-Тереке в Туве, Хирхире и Кондуге в Восточном Забайкалье, ряде других пунктов дали колоссальное количество материалов, позволивших аргументировано поставить вопрос о существовании у кочевых народов Центральной Азии стационарных оседлых поселений и городов. Полученные экспедицией данные свидетельствовали о глубоких и прочных традициях оседлости, существовавших у центральноазиатских кочевников с древних времен.

Самым впечатляющим достижением работ экспедиции явилось открытие и раскопки столицы монгольского государства Каракорума. Материалы, полученные в ходе раскопок, дали представления об архитектуре, строительных приемах и материалах, применявшихся при возведении зданий. Особенно рельефно предстают различные ремесленные производства, обслуживавшие все слои монгольского общества и носившие хорошо выраженную товарную направленность. Нужды населения в дополнительных ремесленных изделиях пополнялись за счет ввозимых торговцами различных товаров, произведенных, главным образом, в Китае. Письменные источники сообщают о при-

сутствии в Каракоруме китайских и мусульманских купцов, захвативших, по-видимому, в свои руки торговлю внутри монгольского государства. Подтверждаются и сведения письменных источников о занятии населения земледелием.

Раскопки на территории Монголии проводились и на объектах хуннского, уйгурского, киданьского времени. Большой вклад в изучение проблемы древних городов был внесен одним из участников экспедиции С.В. Киселева, известным монгольским археологом, впоследствии член-корреспондентом Академии Наук Монголии, Х. Пэрлээ, которым были опубликованы данные о хуннских, уйгурских, киданьских и монгольских городах, расположенных на территории Монголии. В его публикациях содержатся сведения о географическом и топографическом положении городов, их размерах, наличии фортификационных и иных сооружений. Дается характеристика археологического материала, полученного при обследовании памятников. Впоследствии Х. Пэрлээ поставил вопрос о древней оседлости на территории Монголии.

Другим участником советско-монгольской экспедиции профессором МГУ Л.Р. Кызласовым был раскопан и изучен ряд поселений, замков и городищ уйгурского, кыргызского и монгольского времени на территории Тувы и Хакасии. Огромное количество полученного материала позволило ему концептуально подойти к сложной проблеме формирования городов в Северной Азии.

Таким образом, работами экспедиции был вскрыт мощный, ранее почти неизвестный пласт истории и культуры Центральной Азии. Все полученные в ходе работ экспедиции материалы по средневековым монгольским городам были обобщены и систематизированы в коллективной монографии «Древнемонгольские города» (М., 1965). В этом труде были охвачены почти все стороны не только городской жизни, но и дана развернутая характеристика монгольского общества XII–XIV веков. Кроме того, были представлены все категории археологического материала, полученного при раскопках в Монголии, Туве и Забайкалье.

Однако для выявления закономерностей появления городов в кочевых обществах от хунну до монголов необходимо выяснение уровня их социально-экономического, политического развития. Используя письменные источники, содержащие сведения такого рода, в совокупности с данными, полученными в ходе археологических раскопок, можно попытаться представить общую картину становления городской культуры у центральноазиатских кочевников в процессе формирования кочевых империй.

Создаваемые во время прихода к власти правителей кочевых объединений хунну, сяньби, жуэнь, тюрков, уйгуров, киданей, монголов административных систем управления, возникших в результате завоевательных походов территорий, наличие всегда готовой к боевым действиям армии, упоминаемой в источниках, попытка создания системы налогообложения, аппарат чиновников – все это говорит о качественно ином подходе правящих кругов к организации общества в целом.

Возрастающие расходы на содержание государственных структур и увеличивающиеся потребности населения в ремесленной и сельскохозяйственной продукции уже не могли обеспечиваться притоком материальных ценностей, добытых военным путем. Кочевые общества были вынуждены создавать свою собственную экономическую базу, призванную обеспечивать сбалансированное потребление обществом продуктов земледелия и ремесла. Все больше начинает возрастать роль торговли, которой кочевники придавали большое значение.

Сравнительно сложная военно-административная система, отмечаемая в целом ряде кочевых обществ, наличие многоотраслевой экономики вызвали потребность в сосредоточении этих структур не в кочевых ставках, а в стационарных оседлых пунктах, часть из которых в силу различных обстоятельств перерастала в города.

Таким образом, можно констатировать, что на территории Центральной Азии существовал целый ряд кочевых обществ, в которых протекали сложные процессы социального, политического и экономического развития. Последствием этих процессов было

появление особых форм организации общества, анализ которых позволяет говорить о появлении у кочевников отдельных институтов государственности. На каждом историческом этапе эти процессы проходили по-разному, в зависимости от самых различных объективных и субъективных причин. Но в то же время имелись и общие закономерности, пока только намечаемые в ходе изучения истории и развития кочевых обществ Центральной Азии. К таким закономерностям можно отнести и становление городов и городской культуры, в принципе отличавшейся от кочевой культуры, зарождавшейся в кочевых стойбищах.

С.В. Данилов
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
г. Улан-Удэ
Н.И. Крадин
Институт истории, археологии и этнографии Дальнего Востока ДВО РАН
г. Владивосток

Древние кочевники Центральной Азии

Древняя история Центральной Азии имеет характер очень сложного и во многом еще не до конца исследованного процесса. Это положение касается многих периодов истории, в том числе истории кочевых населения региона, начало которой восходит к энеолиту и связано с афанасьевской археологической культурой. Многие здесь еще остаются не до конца понятным. Особенно это касается форм хозяйства и роли в нем скотоводства. Не до конца выяснены структура и характер социального строя общества населения афанасьевской культуры. Даже казавшиеся еще недавно ясными связи населения с западным ареалом, в частности, с древнеиранскими племенами, в последнее время подвергаются сомнению.

Такие же проблемы испытывают исследователи при рассмотрении истории населения более позднего времени. Карасукская культура, хорошо прослеживающаяся в Южной Сибири, при рассмотрении ее предметного комплекса в Центральной Азии превращается, на наш взгляд, уже в карасукскую историко-культурную общность, подлинные территориальные и хронологические рамки которой только начинают проявляться. Если хронологическое соотношение андроновской и карасукской культур в масштабах Южной Сибири имеет уже сложившийся стереотип, то на территории Центральной Азии, где нет памятников андроновской культуры, нижняя граница карасукской культуры сдвигается, возможно, в сторону ее удреждения. Хозяйство карасуков становится более понятным, чем у афанасьевцев, у них увеличивается доля скотоводства, но все равно точная характеристика экономики еще далека от желаемого. То же самое можно сказать и о социальной структуре общества эпохи бронзы. Монументальные кересуры, поражающие воображение ослепшие камни во многом проявляют социальные процессы, происходившие в то время, но все равно кроме общих рассуждений об имущественной и социальной дифференциации общества, о зарождении культа воинов мы не можем создать более конкретную картину экономического и социального уровня общества этого времени.

Период поздней бронзы и раннего железа, имеющий в евразийских степях широко распространенное название скифская эпоха, в Центральной Азии представлен несколькими археологическими культурами. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья, пазырыкская культура Алтая, уюкская культура Тувы, причем эти культуры четко различались по различным параметрам (материальная культура, погребальный обряд) на два ареала, западный и восточный, из них восточный представлен культурой плиточных могил. Скорее всего, именно в это время, а возможно и раньше, начинают формироваться основные черты подвижных форм хозяйства – кочевое скотоводство. Широкое распространение археологических памятников в степных зонах, в которых фиксируются остатки скота с преобладанием лошадей и овец, коррелируется со сведениями иранских источников о северных варварах, ведущих непривычный, с точки зрения оседлых земледельцев, образ жизни.

С III в. до н.э. в Центральной Азии начинают доминировать хунну, во внутренней структуре общества которых просматриваются элементы институтов государственности. Созданная во время правления шаньюя Модэ административная система управления огромной, возникшей в результате завоевательных походов территорией, наличие всегда готовой к боевым действиям армии, упоминаемая в источниках попытка создания системы налогообложения, аппарат чиновников, все это говорит о качественно ином подходе правящих кругов к организации всего общества в целом. Возрастающие расходы на содержание государственных структур и увеличивающиеся потребности населения в ремесленной и сельскохозяйственной продукции уже не могли обеспечиваться притоком материальных ценностей, добытых военным путем. Кочевые общества были вынуждены создавать свою собственную экономическую базу, призванную обеспечивать сбалансированное потребление обществом продуктов земледелия и ремесла. Все больше начинает возрастать роль торговли, которой кочевники придавали большое значение.

Сравнительно сложная военно-административная система, отмечаемая в целом ряде кочевых обществ, наличие многоотраслевой экономики вызвали потребность в сосредоточении этих структур не в кочевых ставках, а в стационарных оседлых пунктах, часть из которых в силу различных обстоятельств перерастала в города.

Подобные в принципе, но не тождественные социально-экономические и политические процессы проходили в кочевых обществах сяньби, жуэань, тюрков, уйгуров, киданей, монголов. Эти народы прошли сложный путь становления новых общественных отношений, приведший их к созданию новых форм организации общества, известных в истории как кочевые империи, имевших обширные территории, сопоставимые с территориями распространения культуры плеточных могил и керексуров.

Рассматривая государства, возникавшие на просторах Центральной Азии, мы видим, что время их существования, начиная с прихода к власти хуннского шаньюя Модэ (209 г. до н.э.) и заканчивая падением династии Юань (1368 г.), суммарно достигает около 1577 лет. На время существования хуннского государства приходится около 300 лет. Сяньби господствовали в Центральной Азии примерно 90 лет. Владычество жуэаней продолжалось около 150 лет. Время существования тюркских каганатов, включая периоды разделения и временного прекращения каганской власти, продолжалось около 190 лет. Уйгурский каганат просуществовал 90 лет. Созданная киданями, империя Ляо правила 220 лет. Монгольская империя, созданная Чингисханом, если считать временем ее падения гибель династии Юань, существовала около 160 лет. То есть на время, когда в центральноазиатских степях существовали крупные политические объединения, приходится приблизительно 1200 лет. Таким образом, годы, когда в степях отсутствовали мощные политические объединения, насчитывают примерно (1577-1200=377) около 400 лет. Конечно, эти цифры весьма условны, но в тоже время дают общую картину распределения в центральноазиатских степях периодов существования так называемых "кочевых империй" и периодов "междуморья". То есть большая часть истории кочевников приходилась на периоды существования централизованной власти.

Причины, приводившие кочевые общества к созданию кочевых империй, это развитие социальных отношений, выстраивание политических систем, изменения в экономике. Однако подобную картину можно смоделировать только в обществах, о которых имеются сведения письменных источников. Возникает вопрос, можно ли экстраполировать такую ситуацию смены одних этнополитических образований другими на более древние общества, где основой наших знаний являются археологические источники и крайне мало или совсем отсутствуют сведения письменных источников.

Скорее всего, ее можно применить к обществам скифского времени, оставивших плеточные могилы, уюкские, чоканьские, пазырыкские памятники. Для этого времени чоканьские источники отмечают высокую военную активность так называемых жуэаньских племен. Их вторжения в пределы Северного Китая носили характер настоящего бедствия [1]. Чоканьские правители заключали с кочевниками соглашения, в которых стремились принудить их к официальному признанию подчиненного положения. Имеющиеся источники, касающиеся европейских скифов, сарматов, саков, позволяют с большой долей осторожности воссоздать некоторые особенности социальной и политической организации населения центральноазиатских степей эпохи поздней бронзы и раннего железа.

Общества же неолита и ранней бронзы, где происходило становление форм хозяйства, ставших впоследствии доминирующими в Центральной Азии, нуждаются в еще более детальном изучении хозяйственной, социальной, культурной структуры. Хотя достаточно высокий уровень социальной организации у древнейших племен в западной части евразийских степей позволял объединять большие массы населения и совершать походы в пределы Балкан [2, с.62].

Мы, исходя из имеющихся в нашем распоряжении материалов, можем выделить несколько этапов в развитии социально-политического и экономического положения кочевых обществ Центральной Азии.

Первый этап характеризуется появлением на территории региона населения с навыками ведения производящего скотоводческого хозяйства. Это происходит в эпоху неолита и ранней бронзы, во время существования афанасьевской культуры, памятники которой прослеживаются на территории западной и центральной Монголии. Ареал распространения этой культуры, датирующейся III тыс. до н.э., довольно широк и включает в себя Южную Сибирь, Западную и

Центральную Монголию, частично Синьцзян-уйгурский автономный округ Китая [3, с.33]. Этот период можно охарактеризовать как время адаптации населения к природным условиям Центральной Азии, в это время население разводило уже основные породы скота. Уровень социальной организации населения, по всей видимости, соответствовал родоплеменным отношениям. Хотя не исключается возможность существования в эту эпоху племенных союзов.

Второй этап, выделяемый нами, относится к эпохе бронзы и раннего железа и соотносится с карасукской культурой и культурами скифского времени. Этот этап, начинающийся по нашему мнению со II тыс. до н.э., характеризуется выработкой оптимальных способов ведения хозяйства, максимально приспособленных к континентальному климату, выразившемуся в появлении определенных типов одежды, жилищ, способов приготовления пищи и консервации мясной и молочной продукции, своеобразной духовной культуре, нашедшей отображение в изделиях так называемого звериного стиля. В это время, по-видимому, происходит становление подлижных форм скотоводства, совершается переход к кочевому образу жизни.

Имущественная и социальная дифференциация, происходившая в обществе, нашла отражение в разнообразии погребальной обрядности. От поражающих воображение богатством погребального инвентаря, трудоемких и сложных по конструкции погребальных сооружений знати, до скромных могил рядового населения. В это время начинают зарождаться мощные объединения, включавшие в себя родовые и племенные образования, связанные родственными и генеалогическими узами. В это же время начинаются военные столкновения степняков с иньским и чжоуским Китаем. Иногда военная экспансия степного населения в пределы Китая приобретала масштабы подлинного бедствия и грозила последнему потерей национальной независимости [1, с.15].

Третий этап, начинающийся с последней трети I тыс. до н.э., характеризуется дальнейшим развитием социальных отношений в кочевых обществах, усложнением социальной структуры, направленной милитаризацией общества, активной внешней политикой и завоеванием значительных территорий. Этот этап протяженностью почти в полтора тысячелетия подразделяется на ряд периодов, определяющихся по этнической принадлежности доминирующего социума, создавшего в степях Центральной Азии объединения государственного типа. Хунну и сяньби, жуэань и тюрки, уйгуры и кидань, монголы - этносы, в недрах которых происходили сложные социально-политические процессы, приводившие к глубоким изменениям в их собственных судьбах, отразившиеся на политическом, экономическом, культурном, этническом облике центральноазиатских народов, создававших державы, оказывавшие влияние на ход мирового исторического процесса. Одним из подтверждений высокого уровня развития достигнутого кочевыми обществами становятся города, возведенные в центральноазиатских степях. На этом этапе кочевники Центральной Азии играли активную роль в истории Евразии. В более раннее время, обозначаемое нами первым и вторыми этапами, ведущая роль в евразийских степях принадлежала индоевропейским и индоиранским народам.

Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант № 03-01-00767а

Литература

1. Таскин В.С. Материалы по истории скифов. - М., 1968
2. Мерперт Н.Я. О племенных союзах древнейших скотоводов Восточной Европы // Проблемы советской археологии. - М., 1978
3. Худяков Ю.С., Комиссаров С.А. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. - Новосибирск, 2002

С.В. Данилов
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии

**К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Изучение исторических процессов, протекавших на территории Центральной Азии в древности и средневековье, предполагает исследование социально-политических, экономических процессов, протекавших в кочевых обществах, изучение материальной и духовной культуры древнего населения региона. Хотя известно, что в реальной жизни все перечисленные процессы не существуют и тем более не развиваются по отдельности, а образуют единый, сплетенный в одно целое неразрывный процесс развития общества. Выявление и изучение каждого составляющего этого процесса становится первоочередной задачей исследователей древнего и современного населения Центральной Азии. Одним из факторов внутреннего развития кочевых обществ являлась эволюция социальной организации, изменения, происходившие в социальной структуре общества. В этой статье мы хотели бы рассмотреть некоторые особенности этих явлений, происходивших у кочевников.

Социальная организация кочевых обществ Центральной Азии служила предметом пристального внимания исследователей с самого начала изучения региона. Изучались формы семейно-брачных отношений, система родства, родоплеменной состав, рассматривалась структура государственных образований, созданных центральноазиатскими кочевниками.

Изучение археологических памятников центральноазиатских скотоводов эпохи бронзы и раннего железа дает очень приблизительное представление об их социальной структуре. И только с появлением письменных источников, с хуннской эпохи, появляется возможность реконструкции социальной организации кочевых обществ.

Основой социального строя кочевников являлась парная семья, прослеживаемая от хунну до монголов.

Следующей за семьей таксономической единицей в социальной структуре является род, существование которого является универсальным и зафиксировано у всего человечества на всех этапах его истории, независимо от типов хозяйства. Наиболее подробно отражение становления родовой структуры центральноазиатских кочевников сохранилось в письменных источниках монголов. Хотя мы не знаем всех деталей общественного устройства центральноазиатских кочевников, но, по всей видимости, низшие, семейно-родовые звенья социальной организации кочевников Центральной Азии значительно не отличались друг от друга, несмотря на их хронологические и, возможно, этнические отличия.

Говоря о появлении следующего за родом таксономического подразделения, определяемого исследователями как племя, отмечаем, что об изменениях в социальной структуре, отражавших процесс становления племени, в источниках по истории центральноазиатских кочевников содержится немного сведений. Наиболее полно процесс объединения родов отражен в Сокровенном сказании монголов. Роды объединялись перед лицом общей опасности, угрожавшей самому существованию людей, причем неважно, была ли это экологическая катастрофа или военная угроза. Консолидация происходила и во время набегов на соседей и походов на более отдаленные территории. То есть причины объединения родов были самыми разнообразными.

Процесс перерастания племенной организации в более сложную, связывается с появлением вождя, наделенного как талантами военачальника, политического деятеля, так и человеческими качествами, притягательными для всех слоев населения. В полной мере этим требованиям отвечали предводители хунну, сяньби, жуужаней, тюрок, уйгуров, киданей, монголов. Хотя за всю историю Центральной Азии было немало рвавшихся к власти амбициозных предводителей родов и племен, только удачное стечение многих обстоятельств позволяло отдельным вождям реализовать свои способности и возможности, и распространить свою власть над сотнями тысяч людей. По сути, все предводители кочевых сообществ для достижения власти преодолевали самые разнообразные трудности и, прилагая неимоверные усилия, объединяли свой народ для создания новых общностей известных в истории как кочевые империи.

Наиболее значимыми мероприятиями проводимых хуннскими шаньюями, жуужанскими и тюркскими каганами, киданскими императорами, монгольскими ханами после кровопролитной борьбы за власть были создание мощной военной

организации, проведение административно-управленческих реформ, вызывавших изменения в экономическом и социальном устройстве общества.

Развитие административной, политической и экономической системы кочевников приводило к дальнейшему усложнению социальной структуры общества. Появление профессиональных военных, администраторов, чиновников, ремесленников, земледельцев, торговцев вызвало увеличение количества социальных групп населения Центральной Азии. Размещение этого населения уже не могло происходить в кочевых стойбищах, в степях появляются стационарные поселения, отдельные из которых перерастали в города.

Таким образом, мы видим, что в кочевых обществах происходило постоянное развитие социальной структуры. Время их существования, начиная с прихода к власти хуннского шаньюя Модэ (209 г. до н.э.) и заканчивая падением династии Юань (1368 г.), суммарно достигает около 1577 лет. На время существования хуннского государства приходится около 300 лет. Сяньби господствовали в Центральной Азии примерно 90 лет. Владычество жуэней продолжалось около 150 лет. Время существования тюркских каганатов, включая периоды разделения и временного прекращения каганской власти, продолжалось около 190 лет. Уйгурский каганат просуществовал 90 лет. Созданная киданями империя Ляо правила 220 лет. Монгольская империя, созданная Чингис-ханом, если считать временем ее падения гибель династии Юань, существовала около 160 лет. То есть на время, когда в центральноазиатских степях существовали крупные политические объединения, приходится приблизительно 1200 лет. Таким образом, годы, когда в степях отсутствовали мощные политические объединения, насчитывают примерно (1577-1200=377) около 400 лет. Конечно, эти цифры весьма условны, но в то же время дают общую картину распределения в центральноазиатских степях периодов существования так называемых «кочевых империй» и периодов «междоцарствия». То есть большая часть истории кочевников приходится на периоды существования централизованной власти.

Подмеченная закономерность в чередовании периодов сильной централизованной властью и «междоцарствием» приводит к мысли о волнообразной смене социального устройства обществ кочевников. Основным здесь, на наш взгляд, было установление в степях власти, обеспечивавшей порядок, заключавшийся в прекращении набегов и похищении скота, упорядочивания маршрутов кочевков.

Дальнейшее развитие социальной организации приводило к формированию более сложноорганизованного общества, сопровождавшегося появлением в довольно краткий отрезок времени новых социальных групп населения. В период перехода общества к кочевым империям наблюдается создание военной организации, основанной на десятичной системе, расширение территории, появление округов и административного управления. Изменяется структура экономики общества, появляются новые отрасли хозяйства.

Однако кочевые империи в силу различных обстоятельств распадалась, разрушалась и социальная организация, происходил системный кризис. Население в подавляющем большинстве переходило к занятиям скотоводством, социальная структура и организация общества в этот период опускалась до уровня родового строя. Однако в периоды «междоцарствия», в недрах кочевых сообществ, созревали предпосылки усложнения социальной структуры и при удачном стечении множества обстоятельств отдельные из них достигали уровня кочевой империи.

С. В. Данилов

К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИЯХ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ*

Традиции строительства городов в Центральной Азии, упоминаемых в источниках и получивших реальное подтверждение после археологических экспедиций русских, советских и монгольских ученых, имели глубокие корни в истории кочевого населения региона. История их изучения начинается с 1889 г., с экспедиции Н. М. Ядринцева, открывшей в долине Орхона целый ряд археологических памятников, в том числе остатки уйгурского Орду Балыка и монгольского Каракорума. С тех пор экспедициями П. К. Козлова, С. В. Киселева, Х. Пэрлээ, Л. Р. Кызласова, Д. Баяра, А. Очира и др. [Козлов: 1963; Киселев: 1957, 1958, 1961; Пэрлээ: 1957, 1962, 1974; Кызласов: 1959, 1969, 1979; Древнемонгольские города 1965] в Монголии, Туве, Забайкалье открыто большое количество остатков городской культуры кочевников. В настоящее время известно более 20 хуннских памятников, более 10 уйгурских, более 20 киданьских, более 30 городищ времен Монгольской империи. Имеются предварительные сведения о сяньбийских городах, расположенных во Внутренней Монголии (материалы экспозиции музея в городах Хайлар, Алихэ в АРВМ Китая). Предположительно найдены остатки жуэньского города в местности Унгету на территории Монголии.

* Работа выполнена по Интеграционному проекту СО РАН № 77 «Кочевые цивилизации Центральной Азии: исторический опыт взаимодействия природы и общества» и гранту РГНФ (№ 03-01-00767а).

Сведения и материалы из центральноазиатских поселений и городищ с хуннского до монгольского времени дают наглядное представление о существовании в степях Центральной Азии развитых традиций строительства стационарных поселений с характерными архитектурными особенностями. Они свидетельствуют о том, что в каждую эпоху существовали свои традиции зодчества, выразившиеся в использовании определенных строительных материалов и в применении различных строительных технологий, архитектурных подходов и решений.

Однако до сих пор еще не до конца понятны причины появления оседлых стационарных поселений на территории Центральной Азии. Ведь кочевники в силу особенностей хозяйственно-культурного комплекса не испытывали острой необходимости в стационарных поселениях. По всей видимости, причины появления городов в Центральной Азии кроются в политических, экономических, социальных процессах, проходивших в кочевых обществах и приводивших к их усложнению и становлению новых форм организации общества. Причем предпосылки усложнения кочевых обществ кроются в самом способе производства, который не позволял кочевникам в полной мере обеспечивать свои потребности в продукции земледелия и ремесла, предметах роскоши, и им приходилось непрерывно искать пути для приумножения своего благосостояния.

С появлением в центральноазиатском регионе населения с навыками производящего хозяйства в эпоху энеолита и ранней бронзы основным видом хозяйственной деятельности в течение сотен лет становится кочевое скотоводство. За это время вырабатывались и совершенствовались способы выпаса скота, устанавливались маршруты сезонных кочевок, велась стихийная селекционная работа. Войлочные жилища, одежда, пища и способы ее консервации для длительного хранения – все это было максимально приспособлено для существования населения в условиях аридного климата Центральной Азии. По всей видимости, можно говорить и о формировании социальной структуры, характерной для населения Центральной Азии с периода становления в регионе скотоводческого хозяйства. В дальнейшем, по мере развития общественных отношений, у центральноазиатских скотоводов происходили изменения во всей структуре общества. Особенно ощутимо изменялись экономическое состояние, социальное

устройство, политическая структура общества во время формирования так называемых кочевых империй, деятельность которых вносила существенные коррективы в ход истории не только центральноазиатского региона, но и всего Старого Света.

Сложный процесс образования кочевой империи сопровождался появлением и формированием ряда институтов. Среди них – создание военной организации, основой которой был десятичный принцип, выстраивание административно-управленческой системы, включавшей в себя управление завоеванной территорией и проживающим на ней населением.

Появление мощной военной организации требовало ее применения, и кочевые империи встают на путь внешней экспансии. Источники сообщают о массовых вторжениях на территорию Китая, Средней и Западной Азии, Восточной Европы, предпринимаемых кочевыми народами, вышедшими из Центральной Азии. В результате вторжений на территорию стран с развитой экономикой, в степи хлынул поток разнообразных материальных ценностей, пленных, в основном ремесленников. Однако расширение территории и расселение кочевников на завоеванных землях не снимали основных экономических проблем в коренных землях, вызванных односторонностью скотоводческого способа производства. В хозяйстве кочевых народов Центральной Азии, переживавших процессы внутреннего развития, прослеживаются некоторые изменения. Начинают развиваться отдельные отрасли, отсутствовавшие вовсе или существовавшие в зачаточном состоянии. Война, по всей видимости, становится одним из основных способов получения прибавочного продукта. В то же время происходит развитие торговли, ремесла, земледелия.

Археологические материалы из различных памятников кочевого населения наглядно подтверждают это. Наиболее значимые доказательства появления и формирования новых отраслей хозяйства находятся при раскопках поселений и городищ, относящихся к различным эпохам. При раскопках Иволгинского городища хунну были обнаружены следы земледелия: чугунные сошники, железный наконечник, лопаты, серпы, роговые мотыги, зернотерки из камня. Найдены зерна проса, ячменя, пшеницы. Находки сошников отмечены на поселении Дурены на Чикое. Все эти находки в совокупности с данными письменных источников позволяют говорить о создании хунну собствен-

ного производства зерновых культур [Давыдова 1995: 43–46]. На городище были найдены остатки металлургического и гончарного производства. Железоплавильный горн с остатками криц свидетельствует о собственном производстве железа, изделия из которого пользовались широким спросом у хунну. Изготовление керамической посуды производилось на городище и обеспечивало потребность в ней не только его обитателей, но и кочевой части населения [Давыдова 1995: 50–52].

В киданьских городах, расположенных на территории Монголии, встречаются базальтовые ступы для размола зерна, остатки зерновых ям.

Уйгурский Орду балык также демонстрирует сочетание ремесленного, земледельческого и торгового населения. При его раскопках были обнаружены остатки ремесленного производства. Вокруг города располагались усадьбы, в которых, по всей видимости, выращивались продукты земледелия. Во дворах усадеб часто встречались ступы или жернова для размола зерна [Киселев 1957: 93–95].

При исследовании столицы Монгольской империи Каракорума были найдены остатки различных ремесленных производств: металлургического, керамического, косторезного, ткацкого и др. Вокруг города располагалась большая сельскохозяйственная округа, ее продукция реализовывалась на рынках Каракорума [Древнемонгольские города 1965: 173–316; Рубрук 1997: 161]. Из записей Рубрука видно, что в Каракоруме велась оживленная торговля, в ней принимали участие купцы из разных стран [1997: 161]. Подтверждением существования развитой торговли в Каракоруме служат находки значительного количества монет, найденных на сравнительно небольшой раскопанной части города [Древнемонгольские города 1965: 183–187].

Таким образом, в структуре хозяйства кочевых обществ, находящихся в процессе становления новых форм общественных отношений, происходят существенные изменения. Появляются нехарактерные для кочевого образа жизни способы получения пищи, в частности, пашенное земледелие и переработка продукции. Получают развитие ремесла, направленные на удовлетворение нужд как армии, так и всего населения. Количество занятых в этих отраслях производства определить довольно затруднительно, однако сведения о количестве угоняемых в плен ремесленников дают возможность предполагать

существование целенаправленной деятельности по развитию ремесленного производства. Имеющиеся в нашем распоряжении данные говорят о наличии торговых отношений кочевников с Китаем путем открытия пограничных рынков у хунну, тюрков, уйгуров или о широкой внутригосударственной торговле у монголов. Остается пока неизвестным, в какой конкретной форме складывались торговые отношения в среде простых скотоводов. Создание аппарата управления создало предпосылки для образования налогового ведомства, упоминаемого у хунну и хорошо прослеживаемого у монголов.

Одним из важных условий существования социально-политического организма было наличие здоровой финансовой системы или ее аналогов. Уровень источниковедческого анализа не позволяет выявить особенности формирования такой системы в кочевых империях, существовавших до монголов. Однако среди источников эпохи Монгольской империи имеются документы, содержащие сведения о формировании финансово-налоговой системы.

К одному из наиболее информативных источников относится «Надгробная надпись на могиле Елюй Чу Цая», в котором говорится о том, что после среднеазиатского похода казна была пуста [Мункуев 1965: 27, 34–35, 73]. Такая ситуация была крайне невыгодна центральному правительству, и по указу Угэдэя был проведен ряд реформ, направленных в первую очередь на усиление экономического положения центра.

Источники сообщают нам имена инициаторов и проводников реформ. Самый известный среди них – Елюй Чу Цай, проводивший экономические и административные реформы на территории бывшей империи Цзинь. На землях государства хорезм-шахов в Средней Азии проводником реформ выступал представитель местного купечества Махмуд Ялавач [Мункуев 1965: 35]. По всей видимости, к этому же кругу лиц можно отнести и Рашид-ад-дина, создателя известного «Сборника летописей», бывшего великим визирем Газан хана во время проведения экономических реформ в улусе Хулагуидов.

Более подробно освещен источниками ход реформ, проводимых Елюй Чу Цаем на территории Китая. Убедив Угэдэя в необходимости преобразований, Елюй Чу Цай получил от него в 1230 г. право на проведение в порядке эксперимента налогообложения на землю, торговлю и монопольных государственных налогов на вино, уксус, соль,

железо, продукты гор и водоемов [Мункуев 1965: 36]. Уже в 1231 г., через год после начала деятельности по сбору налогов, Елюй Чу Цай мог представить императору результаты новой экономической политики. Перед Угэдэем были выставлены серебро, шелковые ткани, книги учета зерна из хлебных амбаров, 500 тысяч лян серебра ежегодного дохода поступало в казну только от государственных монопольных налогов [Там же: 42, 74–75]. В Северном Китае были созданы налоговые управления, к работе в аппарате которых привлекались в основном конфуцианцы, т. е. образованные люди. Не вдаваясь во все подробности действий Елюй Чу Цая и его сподвижников, можно отметить, что одним из наиболее важных последствий реформ было наполнение казны Великого хана и центрального правительства.

Централизованное налогообложение проводилось по всей территории Монгольской империи, но, по-видимому, в каждом регионе существовали свои экономические особенности, связанные с хозяйственными, культурными, политическими традициями, складывавшимися в течение длительного времени, а налоговая политика проводилась людьми, знающими особенности своих стран. Так, на территории Северного Китая налоги взимались подворно, а в Средней Азии с каждого совершеннолетнего [Мункуев 1965: 35]. На территории Руси, помимо налогов в пользу Золотой Орды и местных князей, собирались налоги в пользу Великого хана. Появляется институт баскакчества, функции которого не до конца ясны. Очевидно, в их обязанности входил и контроль за сбором налогов [Черепнин 1977: 198–200].

Экономические реформы, проводимые во время правления Угэдэя, в первую очередь были направлены на обложение налогами населения завоеванных стран. Налоги на население собственно Монголии были более мягкими, в натуральной форме в виде повинностей. Указ Угэдэя детализировал виды налогообложения, касавшиеся кочевого населения империи: в пользу государственной продовольственной повинности – одного двухгодовалого барана со стада, на содержание неимущих и бедных – по одной овце с каждой сотни. Кроме этого, кочевое население должно было содержать ямы – почтовые станции, расположенные на наиболее важных путях. В указе говорилось и о наказаниях нарушителей указа [Сокровенное сказание монголов 1990: 144–146].

Таким образом, после смерти Чингис-хана в годы правления Угэдэя были проведены реформы в первую очередь в области экономики. Угэдэю удалось переломить настроения той части монгольской аристократии, которая ратовала за истребление населения завоеванных стран и превращение их территорий в пастбища. Созданная налоговая система позволила ему сосредоточить большую часть доходов, приносимых эксплуатацией населения завоеванных стран, в руках центрального правительства. Причем в центральную казну поступали отчисления как из уделов монгольских военачальников, полученных ими в ходе завоевательных походов, так и из улусов других Чингисидов.

Проведение экономических реформ, постоянный контроль за их исполнением, административное управление как собственным улусом, так и всей империей потребовали создание многочисленного аппарата чиновников [Мункуев 1965: 11–12; Думан 1977: 336]. Уже Чингис-хан привлек для ведения канцелярских дел уйгура Тататунга, заведовавшего канцелярией найманского хана. В дальнейшем был создан Главный секретариат, осуществлявший руководство деятельностью имперских министерств и ведомств и курировавший работу управленческих структур в улусах Чингисидов [Думан 1977: 336]. К работе в этих ведомствах привлекались образованные люди различных национальностей и вероисповеданий.

Верховная власть в империи осуществлялась курултаем, принимавшим важнейшие политические решения. На курултае 1235 г. было принято решение о походе на запад, в котором приняли участие внуки Чингис-хана: сын Джучи Бату, сын Угэдэя Гуюк, сын Чагатая Бури, сын Толуя Мунке. Курултай 1251 г. принял решение о завершении завоевания Ирана и других стран Западной Азии. Для формирования армии каждый из четырех улусов должен был выделить по два воина из каждого десятка. Общее командование войсками осуществлял сын Толуя Хулагу [Петрушевский 1977: 231]. В дальнейшем, с обособлением улусов Чингисидов, роль общемонгольского курултая значительно снизилась и в источниках их проведение как значимое событие в жизни империи уже не отмечается.

Сосредоточив всю экономическую и, следовательно, политическую, власть в своих руках, Угэдэй предотвратил возможные (хотя и нереальные) сепаратистские тенденции, которые могли бы возник-

нуть после смерти Великого хана в среде представителей монгольской знати – владельцев уделов.

Одним из последствий реформ, проведенных Угэдэем, было установление на территории империи относительного порядка. Население постепенно возвращалось к мирной жизни. Заинтересованные в увеличении числа налогоплательщиков, правящие круги Монгольской империи поощряли развитие торговли и рост городов. Началось возрождение земледелия. Между отдельными частями империи существовало хорошо налаженное почтовое сообщение, в функции которого входило обеспечение всем необходимым людей, передвигавшихся по государственным делам. Плано Карпини, Рубрук, братья Поло, ибн Батутта и многие другие, совершавшие путешествия по империи в XIII–XIV вв., передвигались по внутренним путям сообщения от яама до яама, от города до города, не испытывая особых затруднений.

Итак, интенсивное строительство городов в степных регионах Центральной Азии было возможно только при относительно высоком уровне экономического состояния общества. Такого уровня монгольское государство могло достигнуть после проведения административных и экономических преобразований, позволивших сосредоточить правящим кругам в своих руках громадное количество сокровищ и материальных ценностей, а также людских ресурсов. Управление громадной по территории и чрезвычайно сложной по экономическому, этническому, социальному составу страной требовало большого количества чиновников различного ранга, управленцев, сконцентрированных в основном при ставке Великого хана, Чингисидов-владельцев улусов, а также при дворах владельцев различного уровня уделов. Возникает настоятельная необходимость в стационарных пунктах, из которых осуществлялось бы управление империей. Такие поселения начинают появляться уже со времени вступления Чингис-хана на трон монгольского хана. Однако финансовые возможности и условия привлечения многочисленных людских ресурсов для превращения поселений в города появляются с проведением Угэдэем в начале 30-х гг. XIII в. реформ в области экономики и установлением контроля над угнанным в плен населением из завоеванных стран. Особенно это касалось степных регионов, где в это время еще не было традиций городской жизни.

История столицы монгольской империи Каракорума начинается, по-видимому, с 1220 г., когда Чингис-ханом была основана столица на Орхоне. Poleмика по поводу времени основания Каракорума хорошо освещена С. В. Киселевым. После проведенных им раскопок появились доказательства того, что действительно Каракорум был основан раньше 1235 г., считавшегося датой основания города Угэдэем [Древнемонгольские города 1965: 132–133]. Действительно, скорее всего в силу традиционного почитания родителей Угэдэй начал строительство столицы Монгольской империи на месте, определенном его отцом, основателем монгольского государства.

Источники свидетельствуют, что в 1235 г. Великий хан обвел город стеной и построил дворец Вань-ань-гун [Древнемонгольские города 1965: 132]. Для придания городу должного столице вида был издан «указ, чтобы каждый из братьев, сыновей и прочих царевичей, состоящих при нем, построил в окрестностях дворца по прекрасному дому. Все повиновались приказу. Когда те здания были окончены и стали прилегать одно к другому, то их оказалось великое множество» [Древнемонгольские города 1965: 136]. Позже, во время правления Великого хана Мункэ, в 1256 г. в Каракоруме была построена пяти-этажная ступа, дважды затем перестраивавшаяся в 1311 и 1346 гг. [Древнемонгольские города 1965: 130]. Широкомасштабные раскопки, проведенные на развалинах Каракорума советско-монгольской экспедицией под руководством С. В. Киселева, выявили существование здесь кварталов, населенных купцами и ремесленниками, что полностью подтвердило наблюдения Вильгельма де Рубрука, побывавшего здесь в 1253 г.

После отстраивания столицы империи города стали появляться по всей территории центральноазиатских степей. Их остатки встречаются в Монголии, Забайкалье, Туве. И везде они демонстрируют удивительную общность в архитектурно-строительном решении, в унификации строительного материала, позволяющего считать, что строительство городов было взято под контроль государством. По крайней мере должно было существовать специальное ведомство, обеспечивавшее надзор за соблюдением определенных правил строительства и стандартами строительных материалов.

Таким образом, можно констатировать, что процессы, происходившие в экономике кочевников, сопровождались развитием отраслей

хозяйства, не характерных для кочевого образа жизни. Размещение населения, занятого в этих отраслях, неизбежно приводило к появлению стационарных оседлых поселений, отдельные из которых при стечении благоприятных факторов становились городами. Следует отметить, что появление в кочевой культуре такого феномена, как города, само по себе является свидетельством значительных преобразований в области экономики. У нас мало данных о формировании финансово-административной системы у хунну, уйгуров, киданей и ее роли в появлении стационарных поселков и городов. Исследование этих процессов позволит глубже понять процессы, происходившие в кочевых обществах Центральной Азии.

С появлением оседлого и тем более городского населения в обществах центральноазиатских кочевников возникает еще большее количество социальных групп (военные, ремесленники, земледельцы, чиновники, торговцы, аристократия), не свойственных кочевникам более раннего времени. Происходит значительное усложнение общественной структуры, и мы вправе говорить о формировании особой формы организации общества, цель которой посредством вновь возникающих институтов придать различным направлениям (экономическим, политическим, социальным, мировоззренческим) деятельности общества определенную упорядоченность.

Здесь можно говорить о становлении в обществе центральноазиатских кочевников новых политических, экономических, социальных институтов, причем это положение распространяется на большинство крупных объединений, возникавших в степях Центральной Азии. Такого же мнения придерживается большинство исследователей, занимающихся исследованием кочевых обществ. Правда, некоторый разнобой во мнениях возникает при выборе терминов: империя, государство, держава, государственное образование, раннее государство, супервождество, но суть вопроса заключается, на наш взгляд, не в терминологии, а в том, что кочевые общества в своем социальном, политическом развитии достигают высокого уровня социальной и политической организации, который и служит предметом дискуссии.

Литература

- Давыдова А. В. 1995. *Иволгинский археологический комплекс*. Т. 1: Иволгинское городище. СПб.
Древнемонгольские города. 1965. М.

Думан Л. И. 1977. Некоторые проблемы социально-экономической политики монгольских ханов в Китае в XIII–XIV вв. *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М.

Киселев С. В. 1957. Древние города Монголии. *СА*. № 2.

Киселев С. В. 1958. Древние города Забайкалья. *СА*. № 4.

Киселев С. В. 1961. Город монгольского Исункэ. *СА*. № 4.

Козлов П. К. 1963. *Русский путешественник в Центральной Азии*: Избр. тр. М.

Кызласов Л. Р. 1959. Средневековые города Тувы. *СА*. № 3.

Кызласов Л. Р. 1969. *История Тувы в средние века*. М.

Кызласов Л. Р. 1979. *Древняя Тува*. М.

Мункуев Н. Ц. 1965. *Китайский источник о первых монгольских ханах: Надгробная надпись на могиле Елюй Чу Цая*. М.

Петрушевский И. П. 1977. Иран и Азербайджан под властью хулагуидов (1256–1353). *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М.: 228–259.

Пэрлээ Х. 1957. К истории древних городов и поселений Монголии. *СА*. № 3: 43–53.

Пэрлээ Х. 1962. Киданьские города и поселения на территории МНР (X в. – начало XII в.). *Монгольский археологический сборник*. М.

Пэрлээ Х. 1974. К вопросу о древней оседлости в Монгольской Народной Республике. *Бронзовый и ранний железный век Сибири*. Новосибирск: 272–274.

Рубрук Г. 1997. *Путешествие в восточные страны*. М.: Мысль.

Сокровенное сказание монголов. 1990. Улан-Удэ.

Черепнин Л. В. 1977. Монголо-татары на Руси (XIII в.). *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М.

Ядринцев Н. М. 1890. Путешествие на вершины Орхона, к развалинам Каракорума. *Известия Российского географического общества*. Т. XXVI. Вып. 4. СПб.

Пэрлээ Х. 1961. *Монгол ард улсын эрт, дундад үеийн хот сууринь товчоон*. Улаанбаатар.

С. В. Данилов

НАЗЕМНЫЕ ЗДАНИЯ ХУННОВ*

Изучение истории центрально-азиатских гуннов, или хунну, имеет уже довольно длительную историю. Сведения о них попадают в европейскую историографию в XVIII в. после перевода на европейские языки ряда древнекитайских источников. После издания переводов Н. Я. Бичурина, содержащих сведения о хунну, почерпнутых из китайских источников, история древних кочевников Центральной Азии становится доступной широкому кругу читателей из России [2].

Археологические памятники хунну, ставшие известными после раскопок Ю. Д. Талько-Гриницким в конце XIX в. могильника в Ильмовой пади, расположенного в южных районах Бурятии, и особенно после сенсационных раскопок гробниц хуннских шаньюей в Ноин Уле (Северная Монголия), становятся широко известными в научном мире [16; 14].

С тех пор развитие хунологии шло по линии постоянного расширения, пополнения и уточнения источниковедческой базы, причем если в корпусе письменных источников в основном уточнялись переводы, то в археологии раскапывались преимущественно погребальные комплексы. Материалы с хуннских поселений пополнялись недостаточно. Раскопки этих памятников проводились на территории Южной Сибири и Забайкалья, т. е. на северной периферии расселения хунну. Вместе с тем в настоящее время становится известными все большее количество поселений и городищ хунну находящихся на коренной территории их проживания [9; 13; 19]. Это обстоятельство вместе с устоявшейся традицией считать хуннское общество раннегосударственным образованием позволяет предполагать начало становления у хунну городской культуры. Однако противоречивость сведений об оседлости в хуннском обществе, содержащихся в письменных источниках, усугубляется отсутствием полноценных археологических материалов. Археологическое обследование территории Монголии показало наличие хуннских городищ, которые по размерам и наличию на их площадях остатков каких-то монументальных сооружений могут быть приравнены к городам. Однако их изучение до

настоящего времени практически не начиналось. Тем актуальнее становится исследование укрепленных городищ, расположенных на территории хуннского государства.

Особый интерес представляют наземные сооружения, сведений о которых немного по сравнению с данными о землянках и полуземлянках, полученными в результате раскопок Иволгинского городища и поселения Дурены в Бурятии.

В настоящее время наиболее хорошо изученным памятником оседлости хунну является Иволгинское городище, расположенное в 14 км от г. Улан-Удэ на левом берегу Селенги. Всего здесь начиная с 1928 г., когда Г. П. Сосновским были проведены первые раскопки [15. С. 150–156], вскрыто 54 жилища [4. С. 14]. Большая часть изученных жилищ представляла собой полуземлянки с входом в южной части и двускатной крышей, поддерживавшейся вертикально установленными столбами. Характерной особенностью жилищ был кам – расположенная внутри жилища отопительная система, состоявшая из закрытого очага и дымохода, сооружавшегося из вертикально и горизонтально установленных каменных плит и проходившего вдоль северной и западной стен жилищ.

На городище визуально определялось два наземных сооружения. Одно из них оказалось металлургической мастерской и не было до конца исследовано. Второе сооружение (жилище № 9) было раскопано. Форма жилища в плане прямоугольная, размерами 13,0 на 11,5 м, ориентировано по сторонам света (рис. 1). Жилище было построено на небольшом естественном возвышении. «Стены сложены из сырцового глины и имели толщину: южная – 1,12 м; западная – 1,30; восточная – 1,38; северная – 1,25 м. В южной стене на расстоянии 1,7 м от юго-восточного угла здания обнаружен дверной проем шириной в 1,35 м, с наружной стороны окаймленный двумя стоявшими вертикальными столбами. Внизу эти столбы с внутренней и внешней стороны соединились деревянной перемычкой-порогом, на котором сохранились следы циновок, сплетенной из растительного волокна. С внутренней стороны стены жилища покрыты слоем глиняной обмазки» [Там же. С. 17].

66

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2005. Т. 4, вып. 5.

Рис. 1. Планировка наземного здания хуннского времени (Хакасия)

В северо-восточном углу здания находилась печь, сложенная из каменных плит. От нее вдоль северной и западной стен здания проходил канал-дымоход шириной в 30 см, сооруженный из каменных плит и применяемый для обогрева помещения [Там же].

Второе наземное здание хуннского времени было исследовано в 1940 г. в Хакасии близ г. Абакана, в междуречье Ташебы и Абакана. Хотя остатки здания были частично разрушены при строительстве дороги, исследователям удалось проследить основные архитектурно-строительные особенности сооружения. Нижние сохранившиеся части стен были сделаны из глины, заливаемой в дощатую опалубку. Толщина внешних стен достигала 2 м, а стен, расположенных внутри здания, 1,8 м. Внешние стены сохранились на высоту до 50 см, внутренне – до 1,8 см. Размеры всего сооружения составляли с севера на юг – 35 м, с запада на восток – 45 м [8. С. 79]. Планировка здания была достаточно сложной: многокомнатный блок с большим центральным залом, соединявшимся с другими комнатами дверными проемами. Внутри здания наблюдались остатки системы отопления, представлявшие собой «узки» (до 50 см шириной) канавки с наклонными стенками, обставленными плитами девонского песчаника [Там же. С. 81]. Обнаружена печь, расположенная в отдельной комнате, для отопления здания. В холодные зимние месяцы здание дополнительно обогревалось жаровнями, от которых на глиняном полу оставались следы в виде провалов. Внутри сооружения зафиксированы вкопанные в землю деревянные столбы, олицеванные на каменные слопы и являвшиеся, по-видимому, опорами для перекрытия. Здание имело черепичную крышу, реконструируемую исследователями как двухъярусную и четырехскатную. Черепица обнаруживалась явное сходство с ханьскими образцами, а нижние концевые диски имели штампованные по сырой глине надписи китайскими иероглифами. Обнаружены дверные ручки, выполненные в виде

бронзовых фантастических человекообразных личин с кольцом в носу [7; 8] (рис. 2).

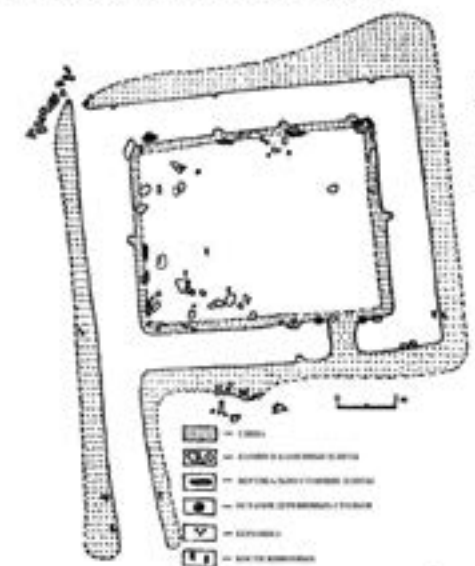

Рис. 2. Жилище № 9 в Иволгинском городище (Республика Бурятия)

Еще одно наземное здание раскопано на городище Баян Уулзур, расположенном в Южной Бурятии на р. Джиде. Оно было подквадратной формы размерами: северная сторона – 8,7 м; восточная – 8,0; западная – 7,6; южная – 8,9 м. Стены здания, сохранившиеся только в нижней части, были тщательно заглажены с внешней стороны и покрывались тонким слоем обмазки – своего рода штукатурки, толщина которой составляла 2–3 см. На внешних же сторонах стен просматриваются продольные «ступеньки», являвшиеся отпечатками досок опалубки, в которую закладывалась влажная глина. Толщину стен определить довольно трудно, так как если наружная внешняя сторона стен здания просматривалась почти по всему периметру, то внутренняя сторона из-за развала стен внутрь не прослеживается. Высоту здания восстановить практически невозможно, однако по массивному развалу стен можно судить о количестве строительного материала, затраченного на сооружение здания. По всему периметру здания, с внешней стороны, сохранились подпрямоугольные в плане формы глинобитные выступы, пристроенные к стенам, внутри которых просматривались остатки деревянных столбов. На северной стороне здания было четыре выступа; на южной стороне сохранилось два выступа; на западной и восточной сторонах здания по одному выступу. По всей видимости, эти выступы служили для укрепления находившихся

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 03-01-0067а) и интеграционной программы СО РАН (проект № 77).

ся внутри них деревянных столбов, выполнявших функции несущих конструкций и являвшихся частью строительно-архитектурного ансамбля здания. Наличие с восточной и западной сторон здания по одному выступу, располагавшихся точно посередине, позволяет предполагать, что на этих вертикальных столбах помещалась центральная несущая балка. Дополнительным подтверждением этому служат остатки столба, найденного посередине здания на одной линии со столбами с восточной и западной сторон. Этот центральный, опорный столб стоял в неглубокой ямке и опирался на каменную плиту. Столбы на северной и южной сторонах служили, возможно, опорами для боковых несущих балок, к которым крепились стропила. Возможно также, что эти столбы служили для придания дополнительной устойчивости глинобитным стенам здания. Такая конструкция перекрытия предполагает наличие двускатной крыши, прослеживаемой на большинстве полуземлянок Иволгинского городища.

В северо-восточном углу здания находилась печь, сложенная из гранитных плит. От нее вдоль северной и западной стен здания прослеживаются остатки отопительного канала, от которого сохранились вертикально стоящие и беспорядочно лежащие плоские гранитные плиты. Вход в здание находится в южной стене здания, ближе к юго-восточному углу, и был обозначен с двух сторон деревянными столбами, от которых сохранились нижние части.

Вокруг здания со всех четырех сторон прослеживаются остатки глинобитных стен с проходом в юго-западной части. Эти стены отстояли от стен здания с северной и восточной сторон на 1,55 м, с западной – на 1,70, с южной – на 1,50 м и, повторяя в целом его контуры, образовывали в плане своеобразный внутренний дворик-коридор. Проход в этот «дворик», обрамленный с двух сторон стенками, выходя за пределы общего квадратного плана, тянулся к югу в виде коридора на восемь метров [6. С. 111–114] (рис. 3).

Таким образом, здесь представлены сведения о наземных зданиях хунну, известные нам в настоящее время. Все сооружения расположены в северных пределах хуннской империи и находились внутри укрепленных городищ, являвшихся своего рода опорными пунктами государственности. Городища располагались по берегам рек Селенги, Джиды и Ташебы на остепненных прибрежных участках.

Иволгинское городище, имевшее «форму неправильного прямоугольника, вытянутого с севера на юг на 348 м и с запада на восток на 194–216 м» [4. С. 9], было окружено четырьмя рядами валов и тремя линиями ровов. Наземное здание, окруженное полуземлянками, расположено посередине городища, ближе к его южной

оконечности. Здание, раскопанное в Хакасии, окружено постройками и находилось посередине поселения, обнесенного глинобитной стеной с башнями [10. С. 50]. Городище Баян Ундэр имело две линии валов, причем внешний вал едва возвышается над современной поверхностью земли. Внутренний, основной вал городища имел высоту с внешней стороны 1,10–1,15 м, а с внутренней 0,7–0,9 м. Раскопанное здание расположено внутри городища, в северо-западном углу, почти примыкая к северному и западному валам [5].

Рис. 3. План здания на хуннском городище Баян Ундэр (Республика Бурятия)

Все рассматриваемые наземные здания были построены из глины и, по-видимому, по единой технологии. В абаканском здании и в здании в городище Баян Ундэр прослежен способ возведения стен путем помещения влажной глины в дощатую опалубку. Причем если в здании из Иволгинского городища и в абаканском здании исследователями реконструируются стены значительной толщины (до 2 м), то в Баян Ундэре толщину стен проследить не удалось, а кажущаяся их массивность и толщина создавалась за счет разрушения и расползания стен после оставления здания его обитателями. Хотя, судя по плитам кана, проходившим внутри здания, и по внешней стороне северной и западной стен, толщина стен здесь достигала 0,3–0,5 м. Высота сохранившихся стен не позволяет пока говорить о высоте всех зданий и о наличии в них окольных проемов.

Остатки вертикально установленных деревянных столбов, прослеживаемых в процессе

исследования, позволяют считать их конструктивной особенностью архитектурно-строительного облика хуннских зданий. Столбы служили несущими конструкциями для кровли, а также для придания большей прочности глинобитным стенам зданий. Встречаемые под столбами плоские камни использовались для создания устойчивости всей каркасной конструкции. Внутри всех зданий прослеживаются остатки довольно сложных отопительных систем. На Иволгинском городище и в Баян Ундэре наблюдалась система отопления, называемая в литературе каном. Принцип сооружения был единым во всех раскопанных жилищах хунну: в северо-восточном углу жилища находился крытый очаг, сложенный из каменных плит, от которого вдоль северной и западной стен тянулся дымоход из плоских каменных плит, предназначенный для обогрева здания. В абаканском здании система отопления состояла из каналов, прорытых в полу и закрытых сверху плоскими каменными плитами, проходивших через несколько комнат. Горячий воздух поступал в эту систему из топки, расположенной в отдельной комнате.

Вход во все описываемые здания находился с южной стороны, причем ширина входного проема на Иволгинском городище и на городище Баян Ундэр позволяет предположить наличие двустворчатой или иной по конструкции широкой двери.

Перекрытие зданий и материал, из которого изготавливалась кровля, не всегда реконструируются с достаточной степенью достоверности. Определению можно говорить только об абаканском здании, где были найдены остатки кровельной черепицы. Исследователь этого памятника Л. А. Евтюхова, опубликовавшая результаты раскопок, реконструирует крышу здания двух или даже трехъярусной [8. С. 81–82. Рис. 26]. Черепицей покрывались и отдельные здания, расположенные на территории Монголии, в корейных землях хунну [19. С. 507]. На Иволгинском городище и в Баян Ундэре при раскопках зданий встречались остатки плах из бревен и брусков, причем в Иволгинском городище были «встречены фрагменты плах, покрытых глиняной обмазкой, обломки Г-образной формы, которые покрывали углы, образованные либо потолком и стенами, либо двумя смежными стенками» [4. С. 17]. Здесь, скорее всего, сооружалась двускатная крыша, сходная по конструкции с перекрытием реконструированных полуземлянок Иволгинского городища [Там же. С. 15. Рис. 3. Табл. 86, 2].

Появление в хуннском обществе поселений и городов было тесно связано с начавшимися в конце III в. до н. э. процессами, происходившими в хуннском обществе и приведшими к появлению институтов ранней государственности.

Изменения происходили почти во всех областях экономики, во внешней и внутренней политике, а также в социальном строе общества. Не вдаваясь во все детали процессов, протекавших в хуннском обществе, отметим, что появление поселений было вызвано, во-первых, необходимостью административного управления территорией, значительно увеличившейся после завоевательных походов хуннских шаньюей, во-вторых, возросшим спросом на ремесленные изделия, и в-третьих, значительно расширившимися торговыми отношениями как внутри хуннского государства, так и с соседними государствами, в первую очередь с империей Хань. По всей видимости, укрепленные городища на северной окраине государства строились правителями отдельных округов, о титулах и рангах которых мы можем пока только догадываться. Хотя относительно абаканского здания уже высказывались предположения о принадлежности его Ли Диню, пленному ханьскому полководцу, за которого хуннский шаньюй Цюйдишюу выдал замуж свою дочь и которому отдал во владение Хятас [7. С. 83–84; 17. С. 61, 109–110, 150; 18. С. 18–20, 104–106, 109–117]. Вокруг административных центров образовывались поселки, население которых занималось земледелием, производством ремесленных изделий, торговлей.

Однако для целенаправленного создания целой системы стационарных поселений, городищ и городов требовались определенные условия и в первую очередь наличие людей, обладавших знаниями и умением выбирать места для поселения, возводить фортификационные сооружения, строить различного типа жилые здания. В самой хуннской среде, где основным занятием населения были скотоводство, охота, различные промыслы и домашние ремесла, а мужское население постоянно участвовало в набегах, на первых порах, вероятнее всего, не было мастеров, способных заниматься строительством поселений и тем более городов. По всей видимости, первыми строителями могли быть захваченные в плен или наемные строители и архитекторы из стран, где уже существовали традиции возведения различных стационарных зданий и фортификационных сооружений.

Изучение известных на сегодняшний день наземных зданий хунну показывает, что основным материалом, применяемым в строительстве, была глина, специально, по-видимому, подготовленная для строительных работ. Основной технологией возведения стен зданий, судя по их нижним сохранившимся частям, было помещение глинистого раствора или влажной глины в сооруженную из досок опалубку. Одновременно с возведением стен или несколько раньше устанавливались деревянные столбы, служившие опорой для балок, стропил и обрешетки

перекрытия. Применение такого способа сооружения жилых зданий имело широкое распространение в северных районах Восточной Азии, в частности в Дунбее, строились «каркасно-столбовые дома, в которых крыша опирается только на деревянный остов, стены же никакой нагрузки не несут (вне зависимости от заполняющего их материала). Характерно, что столбы каркаса не вкапываются в землю, а опираются на каменные подушки-базы. Такой опорный каркас сохраняется нередко в срубных и каменных постройках» [11. С. 102, 247, 248, 250, 675, 676]. Подобные конструктивные особенности жилищ прослеживаются в архитектуре древних и средневековых народов, населявших территорию современного Китая.

Одной из характерных черт известных нам хуннских жилищ являлась своеобразная система отопления. Имеющиеся на сегодняшний день данные позволяют говорить о том, что каналы впервые начали применяться на Дальнем Востоке населением кроуновской культуры, занимавшим территорию южной части Приморского края, Северо-Восточного Китая и севера Корейского полуострова. Время существования этой культуры исследователи определяют III в. до н. э. – II в. н. э., т. е. совпадающим со временем хуннского великодержавия. Контакты между населением кроуновской культуры и хунну, несомненно, существовали, особенно учитывая существующее в науке мнение о происхождении по крайней мере части населения, вошедшего в состав хуннского государства, из Дунбэя [12. С. 109–110; 3. С. 46–50; 1. С. 5–6]. Скорее всего, отражением самых разнообразных связей между населением центрально-азиатского региона и Дунбэя явилось и сходство технологий строительства жилищ, и применение самобытной системы отопления.

В абаканском здании прослеживается иная система отопления. Она отличалась от канала подпольным расположением, что, впрочем, обуславливалось наличием большого числа комнат и необходимостью их обогрева в холодное время года. Топки (их в здании было по крайней мере две) располагались в отдельных помещениях. Отопление жилищ с использованием каналов, расположенных под полом, довольно широко применялось корейцами – такая система известна под названием «ондоль» [11. С. 815–816]. Следы подпольного обогрева помещений в средневековые встречаются на широкой территории, например в Закавказье, Средней Азии, Поволжье [10. С. 48–49].

Таким образом, можно констатировать, что в хуннском обществе отмечается рост числа мелких и крупных стационарных поселений, расположенных по всей территории империи. Хотя археологическая изученность хуннских городищ остается недостаточной, все же можно

говорить о широком использовании хуннами достижений соседних народов в области жилищного и городского строительства. В первую очередь, судя по материалам раскопок городищ, расположенных в северных пределах хуннского государства, хунну использовали строительный опыт народов северного Китая и Дунбэя. Это просматривается в использовании каркасно-столбовых конструкций зданий, строительстве стен из глины и широком применении канов. Однако здесь не исключена возможность происхождения части хуннского населения с дунбэйских равнин, откуда и были принесены традиции сооружения стационарных жилищ. Следует также обратить внимание на то, что основным типом жилищ на северной периферии хуннского государства, как и у населения кроуновской культуры, были полуподземки. Наземные сооружения хотя и отмечаются исследователями этой культуры, но количество их было, видимо, незначительным.

Зафиксированный при раскопках абаканского здания способ его обогрева был, возможно, привнесен туда после завоевания земель западного края. Хотя он мог быть перенят и у народов Дальнего Востока и Корейского полуострова. Каркасно-столбовая конструкция здания с глинобитными стенами, каменными подпорками под столбами и черепичной крышей вполне соответствовала архитектурным традициям, складывавшимся в Китае со времени существования государства Шань-Инь и развивавшимся в последующие эпохи. Возможно, идею строительства наземных зданий хунну заимствовали в архитектуре империи Хань, с которой у них существовали самые разнообразные контакты.

По всей видимости, хунну имели и иные типы наземных сооружений, кроме рассмотренных нами. Они обнаруживаются при визуальном осмотре городищ, расположенных в Монголии. На них отмечается наличие округлых в плане платформ высотой свыше двух метров, остатков прямоугольных зданий, мощных фортификационных сооружений [19. С. 506–507; 13]. Однако судить обо всем комплексе архитектурных и строительных достижений в хуннском обществе можно будет только после проведения полномасштабных раскопок различных типов памятников городской культуры.

Библиографический список

1. Артемьева Н. Г. К эволюции жилищ на территории Приморья // Мединевские исследования на Дальнем Востоке России. Владивосток, 1994.
2. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, населявших Среднюю Азию в древние времена. М.: Л., 1950.

3. Бродянский Д. Л. Кроуновско-хуннские параллели // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск, 1985.
4. Давыдова А. В. Иволгинское городище. СПб., 1995.
5. Данилов С. В., Жаворонкова Г. В. Городище Баян Ундэр – новый памятник хунну в Забайкалье // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ, 1995.
6. Данилов С. В. Раскопки здания на хуннском городище Баян Ундэр в Джидлинском районе республики Бурятия // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 1998.
7. Евдокимова Л. А., Топашева В. П. Раскопки китайского дома близ Абакана // КСИИМК. 1946. Вып. 12.
8. Евдокимова Л. А. Развалины дворца в «Земле Хагас» // КСИИМК. 1947. Вып. 25.
9. Киселев С. В. Древние города Монголии // СА. 1957. № 2.

10. Кыласов Л. Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1992.
11. Народы мира. этнографические очерки. Народы Восточной Азии. М.: Л., 1965.
12. Окладников А. П., Бродянский Д. Л. Кроуновская культура // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984.
13. Пэрлз Х. К истории древних городов и поселений Монголии // СА. 1957. № 3.
14. Руденко С. И. Культура хунну и ноннулинские курганы. М.: Л., 1962.
15. Сосновский Г. П. Нижнее Иволгинское городище // ПИДО. 1934. № 7–8.
16. Татко-Гриневич Ю. Д. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой падь // ТТКОПОРГО. 1899. Т. 1, вып. 2.
17. Таскин В. С. Материалы по истории сюнну. М., 1968.
18. Таскин В. С. Материалы по истории сюнну. М., 1973.
19. Шавкунов Э. В. Обследование гуннских городищ в Монголии // Археологические открытия 1972 года. М., 1973.

¹Н.Н. Крадин, ¹А.Л. Ивлиев, ²А. Очир,
³С.В. Данилов, ⁴Ю.Г. Никитин, ⁴А. Энхтур, ⁴Л. Эрдэнэболд
¹Институт истории, археологии и этнографии
²Национальный исторический музей Монголии
³Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
⁴Институт археологии МАН

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КИДАНЬСКОГО ГОРОДИЩА ЧИНТОЛГОЙ БАЛГАС В 2004 Г.

Летом 2004 г. международная монголо-российская экспедиция проводила археологические исследования на городище киданьского времени Чинтолгой балгас. Исследования проводились за счет средств Международного института изучения кочевых цивилизаций ЮНЕСКО (директор института академик МАН — Б. Энхтувшин) и РГНФ (02-01-00176а). Городище расположено в Булганском аймаке (Дашинчилэн сомон) Монголии (примерно в 250 км к СЗ от Улан-Батора). Географические координаты памятника 47°52' С.Ш., 104°14' В.Д. Городище представляет собой почти правильный прямоугольник со сторонами 1,2 км на 0,6 км., ориентированный почти по сторонам света, вытянутый в направлении С-Ю. На северном валу расположено 6 башен, на южном — 5 башен, на западном и восточном — по 10 башен. В совокупности с 4 угловыми башнями, общее количество башен составляет 35 (рис.1).

Высота вала 3-5 м, ширина вала до 30 м у основания и 2-4 м вверху. Снаружи от вала имеется ров, на внешней стороне которого прослеживаются остатки внешнего вала, который внешне плохо выражен. Он повторяет форму основного вала. Высота внешнего вала — до 0,5 м, ширина у основания — 3-4 м. На городище имеется 5 ворот, по двое ворот с западной и восточной сторон и один ворота примерно посередине южного вала. Все ворота имеют Г-образный захаб.

Городище делится на две части (северную и южную) внутренним валом. Кроме этого есть длинная улица, пересекающая городище по линии С-Ю и две поперечные улицы внутри каждой из частей по линии З-В. В месте пересечения длинной улицы и внутреннего поперечного вала имеется П-образное укрепление, защищающее ворота с юга. На городище имеется большое количество холмообразных возвышений различной высоты и разной формы. На поверхности многих из них встречены фрагменты черепицы. На основании изучения рельефа внутри городища можно вычленил на его территории отдельные сооружения и кварталы, которые окружены валами, высотой не более 1 м. Большинство подобных конструкций находится в северной части городища, что позволяет идентифицировать её как административную часть данного населенного пункта.

В разные годы городище посещали и обследовали различные исследователи: Д.Д.Букиннич, С.В. Киселев, Х.Пэрлээ, А. Очир и др. Находки на городище киданьской керамики и черепицы с киданьскими надписями позволили Х. Пэрлээ связать городище с остатками киданьского Чжэньчжоу (Хатун хот) (Пэрлээ, 1961; он же 1962: 56-57). В последние годы памятник был обследован монгольскими учеными, которые заложили на городище небольшой раскоп в месте нахождения одной из двух каменных черепаш (Очир и др., 2004)

В качестве объекта раскопок нами был избран один из холмов, расположенный в северной части городища в непосредственной близости от «длинной» улицы.

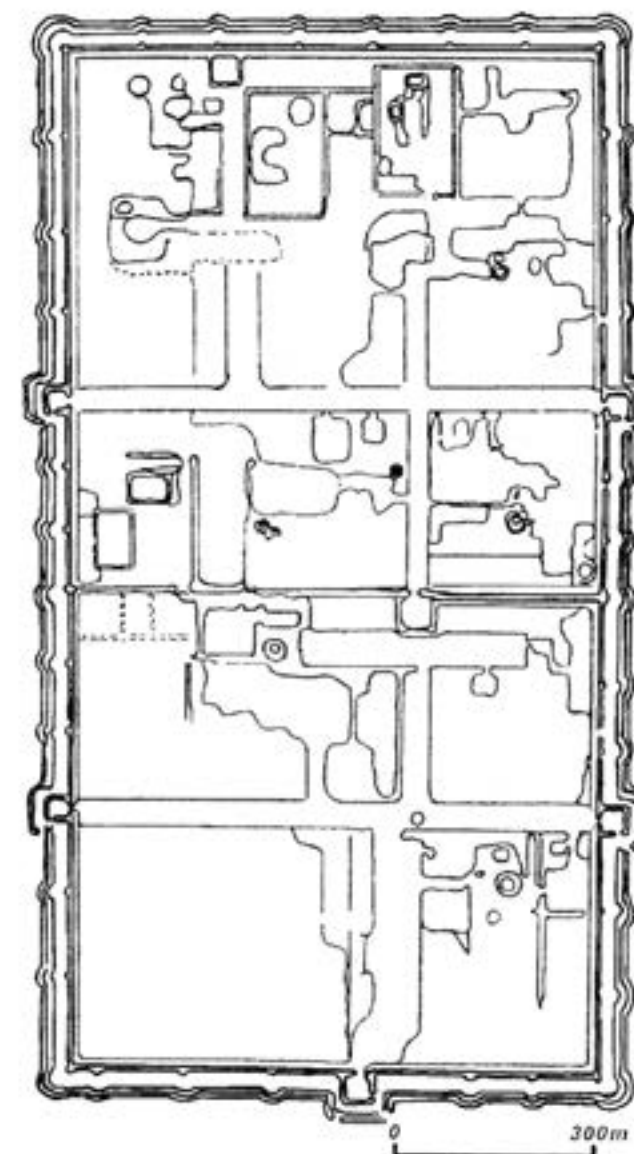

Рис.1. План городища Чинтолгой (по Очир А., Эрдэнэболд Л., Энхтур А., 2004).
Знаком ■ отмечено место раскопа.

Раскоп площадью 16х24 м был ориентирован по сторонам света с длинной стороной по линии С-Ю. Раскоп был разбит на сектора по 4 кв.м., между которыми

были оставлены контрольные бровки толщиной по 50 см. Кроме этого, с восточной стороны к раскопу была прирезана траншея 16х2 м, пересекающая городскую улицу по линии 3-В.

Поскольку культурный слой оказался очень объемным (почти 2 м) и насыщенным различными находками, исследование раскопа не удалось завершить до конца. Раскоп был законсервирован до следующего года. Однако по результатам исследований 2004 г. можно сделать некоторые предварительные выводы.

После снятия первого пласта и зачистки проявились контуры пятна, представленного плотным серым суглинком. Позднее здесь были выявлены остатки строительной конструкции прямоугольной формы почти квадратной формы 8х8 м. Возможно, это остатки здания с сырцовыми стенами, сделанными из очень плотной глины белесого цвета. Для укрепления фундамента и стен использовались обломки черепицы, кирпичей, фрагменты керамических сосудов.

В северо-западной и северной частях раскопа были найдены остатки двух отопительных сооружений (канов), типичных для бохайской культуры. Это дает основание предположить, что в число жителей городища входили бохайцы, которых кидани депортировали со своей родины вскоре после завоевания государства Бохай в 926 г.

В западной части раскопа было вскрыто несколько хозяйственных ям, насыщенных горелостями, золой, костями животных и рыб, чешуей, обгорелыми зернами.

При исследовании траншеи была вскрыта придорожная канава. Ширина её 1,4 м в верхней части и 0,8 м у материка, глубина до 1 м. В разрезе выделяется несколько прослоек заполнения канавы. В траншее также было вскрыто 6 хозяйственных ям, заполненных золой, угольками, фрагментами керамики.

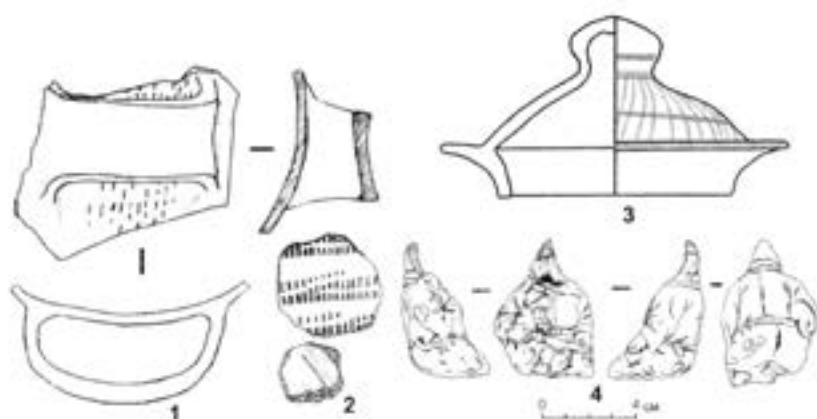

Рис. 2. Находки с городища Чинтолгой Балгас

В процессе раскопок было обнаружено большое число керамики и черепицы, предметы материальной культуры, фаунистические остатки, предметы искусства. Керамика представляет собой наиболее массовый материал. Она будет подробно проанализирована в специальной работе. Из керамики важно отметить наличие кроме киданьской керамики фрагментов сосудов более раннего уйгурского времени, свидетельствующих о том, что территория городища была заселена в более ранний

период. Этому соответствует запись в «Ляо ши» — «Истории династии Ляо» — о том, что Чжэньчжоу изначально был древним городом Кэдунь (Ляо ши, гл. 37).

Большой интерес имеют находки сделанных из стенок сосудов кружков диаметром от 2,6 до 7 см, так называемых «фишек», весьма распространенных на бохайских памятниках Приморья. Среди материалов раскопок отмечены три таких «фишки». Примечательно, что на одной из них сохранился характерный для киданьской керамики гребенчатый орнамент (рис. 2:2). Ещё одна «фишка» с залощенными краями была найдена северо-западнее городища, примерно в 400 м от него и в 70 м к западу от лагеря экспедиции.

Другое важное изделие из керамики горизонтальная ленточная ручка от сделанного на гончарном круге сосуда. Её длина 82 мм, ширина 34 мм. Сам сосуд был покрыт гребенчатым штампом. Под ручкой есть горизонтальная линия шириной 2 мм. Видимо, после проведения данной линии был нанесен киданьский штамп, а затем сверху приложена ручка. На внутренней стенке сосуда следы выбивки. Ручка расширяется к верхнему и нижнему краям. Изнутри нижний край был заглажен внутрь, так что есть наплыв глины. Тесто отмученное, серое с крупинками кварца диаметром до 0,4 мм. Толщина стенок 4-4,5 мм. Технология изготовления ручки типичная для бохайской керамики (рис. 2:1). В раскопе встречено несколько фрагментов таких ленточных ручек. Из целых керамических изделий следует отметить находку крышки сосуда, украшенную лощеным орнаментом (рис. 2:3).

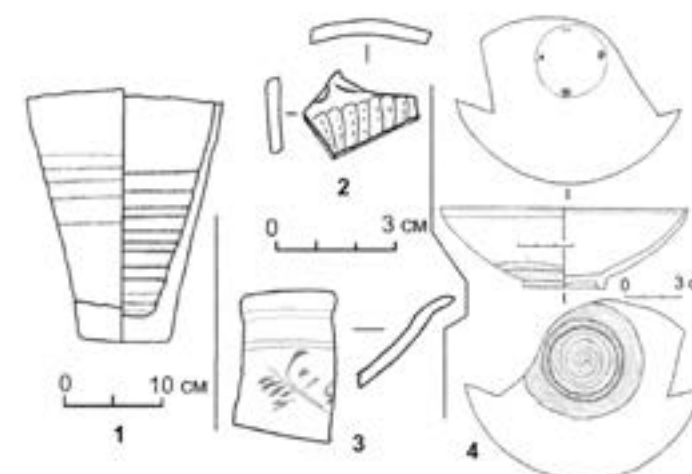

Рис. 3. Находки с городища Чинтолгой Балгас

Фарфоровая посуда в основном представлена фрагментами преимущественно чаш, покрытых белой глазурью. На стенках некоторых чаш есть оттиснутый с помощью шаблона растительный орнамент (рис. 3:2,3). Наиболее сохранившаяся чаша имеет фарфоровый, белый с желтоватым отливом черепок, покрыта блестящей белой с сероватым отливом глазурью. Снаружи низ чаши в районе кольцевого поддона и вокруг него не имеет глазурного покрытия. Внутри чаши на дне есть четыре следа от ножек использовавшейся при обжиге подставки. Диаметр венчика чаши 13,5 см, диаметр поддона 4,5 см, высота сосуда 4,4 см (рис. 3:4). В целом, такая посуда соответствует продукции керамических печей типа *диньяо* Северного Китая.

Также встречен один фрагмент селадонного сосуда с голубовато-серым, почти фарфоровым черепком и с прозрачной глазурью оливкового цвета.

Глазурованная посуда в основном представлена нижними частями плавно сужающихся к днущу высоких бутылевидных сосудов, с грубоватым каменного качества черепком, содержащим большое количество частиц камня, преимущественно, кварца, и покрытых оливковой глазурью разных оттенков от бледно-серого до почти черного. Утолщающиеся к днущу стенки на поверхности имеют характерную горизонтальную «волнистость» (рис. 3:1). На единственном встреченном фрагменте верхней, предплечиковой части такой бутылки есть следы горизонтальной ленточной ручки шириной 2,8 см и длиной 5 см, а также каких-то парных наклепов выше неё.

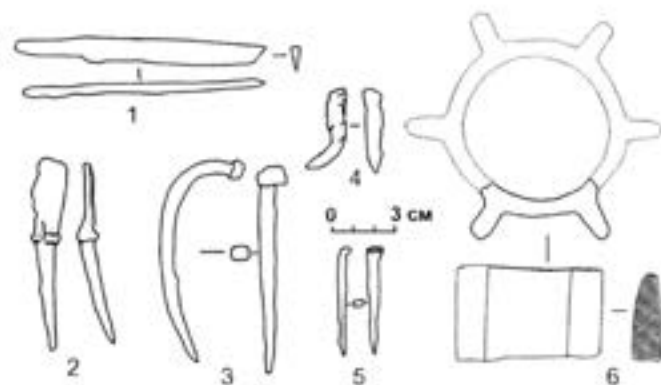

Рис.4. Находки с городища Чинтолгой балгас

Металлические изделия, к сожалению, сохранились очень плохо. К ним относятся гвозди, наконечники стрел, нож, фрагменты втулок ступиц тележных колес. Гвозди прямоугольные в сечении с отогнутой в сторону шляпкой. Их длина 4,5 — 12 см (рис. 4:3-5). Нож имеет прямое, отделяющееся от черешка ступенчатым выступом лезвие, конец лезвия резко скошен. Длина 11,5 см, ширина лезвия 1,4 см (рис. 4:1). Наконечники стрел, сильно коррозированы, их форма не восстанавливается. Ясно только, что один из них плоский, с черешком, отделенным от пера упором (рис. 4:2), другой имел утолщенную вытянутую боевую головку с углублениями-канавками на широких гранях. Втулки ступиц тележных колес отлиты из чугуна. Их длина 3,5–4 см. На наружной поверхности имеют ребра (рис. 4:6).

Представляет интерес также найденная на территории городища плоская бронзовая отливка двух рыбок соединенных между собой, которую нам показал местный кузнец-ювелир Могай из сомона Дашенчилэн.

В раскопе были найдены 4 монеты. Все монеты бронзовые, круглые с прямоугольным отверстием, что характерно для монет средневекового Китая и некоторых других стран Восточной Азии. На лицевой стороне каждой монеты есть 4 китайских иероглифа. На реверсе надписей нет. Две из этих монет — Кай-юань тунбао династии Тан (618–907 гг.). Их выпуск был начат в 621 году и продолжался практически во все время правления династии. Ещё одна монета — Сяньфу тунбао, относится к годам Дачжун сяньфу династии Северная Сун, т.е. к 1008–1016 гг. Четвертая монета фрагментирована, от неё сохранилась только часть с иероглифами «юань» и «бао».

поэтому точно определить её пока не удастся, хотя наиболее вероятно, что и она относится к китайской династии Северная Сун (960–1127 гг.).

Кроме того, на городище поднята северосунская монета Тянь-шэн юаньбао (1023–1031 гг.). Также у кузнеца-ювелира Могай в Дашинчилэн сомоне есть три поднятые на городище монеты: Кай-юань тунбао; Мин-дао юаньбао (1032–1033 гг., династия Северная Сун в Китае) и фрагмент северосунской монеты с иероглифами «юань бао».

Рис.5. Находки с городища Чинтолгой балгас

Изделия из кости представлены целой серией предметов, включая игральные альчики, орнаментированную накладку, щетку, фрагмент трубочки и частично обструганную и обрезанную кость. Некоторые из игровых альчиков имеют отверстия в одном из боков, видимо, служившие для их нанизывания на веревку в связку для хранения (рис. 5:3). Один из альчиков выделяется тем, что имеет горизонтальное отверстие диаметром 3,5 мм, проходящее через его боковые грани, и образованный прочерченными линиями сетчатый орнамент на всех поверхностях (рис. 5:4). Костяная накладка, обломленная с обоих концов, имеет форму пластины шириной 12 мм и толщиной 1,5 мм, на её лицевой, слегка выпуклой поверхности имеется орнамент в виде окружностей с ямкой в центре. На месте ямок на обратной

стороне пластины сохранились следы прокалывания иглой циркульного резца (рис. 5:5). Костяная щетка обломлена, её длина 15,4 см, длина рабочей головки 3,9 см, ширина рабочей головки 1,0 см, толщина — 0,5 см, толщина подпрямоугольной с округленными углами в сечении рукоятки 0,7х0,75 см. На уплощенной грани рабочей головки щетки имеется 7 пар отверстий диаметром 3,5 мм для щетины. Внутри парные отверстия соединены между собой посредством сделанного в торце щетки продольного отверстия диаметром 3 мм. На одной стороне рукоятки есть косой канал шириной 2,5-2,8 мм. Вся щетка хорошо отполирована (рис. 5:1). Аналогичные щетки встречались и ранее в киданьских погребениях (Ван Цзянь 1983: 754, рис. 3: 7; Музей уезда Луаньпин... 1997: 48).

Предметы из камня представлены фрагментом обломленного с обоих концов овального в сечении шлифованного изделия, фрагментом кубического предмета 1,6х1,4 см с отверстием и побывавшей в огне биконической шестигранной бусиной из сердолика. Размеры последней: длина 17 мм, наибольший диаметр 8 мм, диаметр отверстия 2 мм.

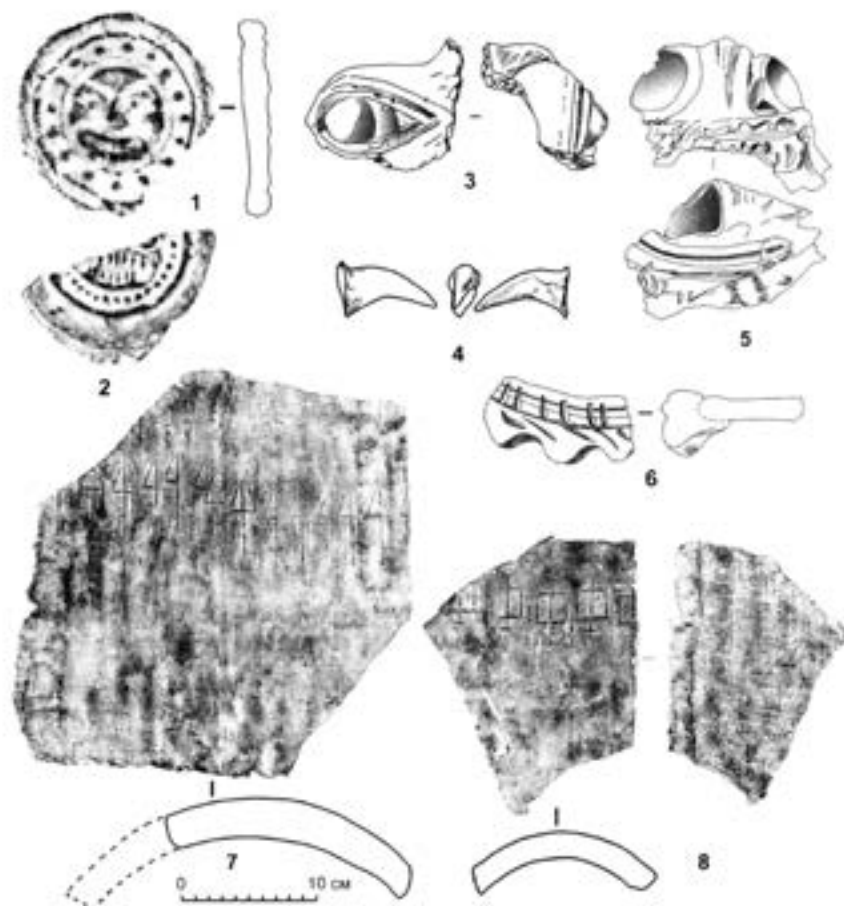

Рис.6. Находки с городища Чинтолгой балгас

Архитектурные украшения представлены фрагментами вылепленных из серой глины голов животных (львов, либо драконов). Есть клык длиной 6,5 см (рис. 6:4), вытянутый миндалевидный глаз длиной 9 см (рис. 6:3), часть морды животного с зубастой пастью и большими глазами диаметром около 5 см (рис. 6:5). Последняя сохранила следы красной краски на своей поверхности.

Черепица представлена большим количеством фрагментов плоской (нижней) и желобчатой (верхней). Особый интерес представляют 4 фрагмента, на выпуклой поверхности которых оттиснуты рельефные изображения различных знаков. Так, на фрагменте нижней черепицы оттиснуты 5 знаков, близких к китайскому иероглифу «чжун», отличающихся от него только короткими горизонтальными отрезками у концов центральной вертикальной линии. Знаки проходят горизонтальной полосой через всю черепицу. То, что знак у правого края черепицы оттиснут не целиком, говорит о том, что знаки наносились на ещё не разрезанное кольцо черепиц, когда оно ещё находилось на шаблоне. При этом, кольцо было покрыто тканью, следы оттиска которой сохранились на выпуклой поверхности черепицы, особенно в районе оттисков знаков. Все знаки оттиснуты по отдельности одним и тем же шаблоном (рис. 6:8).

Такой же знак оттиснут на выпуклой поверхности фрагмента козырьковой подгребневой черепицы. Полоса в виде многочисленных оттисков рельефного стреловидного знака есть на выпуклой поверхности фрагмента другой нижней черепицы, найденной в траншее (рис. 6:6).

Концевые диски верхней фронтальной черепицы — целый и фрагмент — украшены оттиснутыми с помощью шаблона зооморфными ликами, обрамленными жемчужником. Диаметры дисков 14,5 и 15,8 см. Диски различаются деталями декора: лик на одном из них окружен двумя кольцевыми выпуклыми валиками с заключенными между ними выпуклыми жемчужинами (рис. 6:1). У другого диска выпуклый валик есть только снаружи от кольца жемчужника, пасть раскрыта гораздо шире (рис. 6:2). Нижние фронтальные черепицы имеют украшение в виде широкого покрытого орнаментом налета с волнистым нижним краем (рис. 6:6).

Также следует отметить находку фрагмента глиняной тушеницы. Тушеница имела толщину 1,2 см. Её рабочая поверхность была ограничена с краю треугольным в сечении бортиком. Поверхность тушеницы черная, лощеная. К сожалению фрагмент слишком мал, чтобы судить о форме данного предмета.

Наибольший интерес представляет уникальная фарфоровая статуэтка человека с собакой. Статуэтка небольшого размера, её высота всего 58 мм. Внутри статуэтка полая, толщина стенок — 4-7 мм. Цвет фигурки белый с желтовато-оливковым отливом. Статуэтка представляет собой фигурку сидящего с подогнутыми ногами человека. Голова у фигурки отбита, сохранилась только часть затылка. Человек одет в киданьский длиннополый халат с круглым воротником и узкими рукавами. Халат, в отличие от киданьской традиции, запахнут левой полой наружу. Хорошо видны вертикальные швы халата, идущие по центру спины и груди. Халат подпоясан ремнем с пряжкой на животе. Свободный конец ремня свисает на спине с левой стороны. Человек обут в сапоги с расширяющимся кверху голенищем. На сапоге отчетливо видны два шва: боковой вертикальный и горизонтальный в месте соединения с голенищем. Левая рука человека лежит на ноге, накрывая полу халата. Правой рукой человек держит собаку, прижатую к его боку так, что хвост виден сзади из-под руки, а обращенная к шее человека морда собаки прижата к груди. О

том, что это животное — собака, можно судить по наличию пальцев на её лапах. В целом, халат и сапоги находят полное соответствие в известной по фрескам и дошедшим до нашего времени картинам одежды киданей. Единственное исключение составляет манера запахивания халата направо (рис. 2:4).

Данные археологических раскопок могут быть дополнены сведениями письменных источников по истории династии Ляо. В начале XI в. киданьская империя достигла своего наивысшего расцвета. Одновременно с успехами на юге против Сун кидани закрепляются на своих западных рубежах. Еще в 994 г. кидани проводят кампанию по «умиротворению» на «западных границах» (Ляо ши, гл.13). На Керулэне и Тале начинается создание сети пограничных крепостей с гарнизоном из покоренных народов с восточных рубежей Ляо чжурчженей, бохайцев, ханьцев и др. В 1004 г. на месте «старого города Кэдунь» был построен город крепость Чжэньчжоу самый северо-западный рубеж киданьской империи. Сюда было отправлено для несения воинской службы 20000 киданьских всадников, а для обеспечения их продовольствием было придано 700 семей бохайцев, чжурчженей и ханьцев, которые были расселены в Чжэньчжоу и подчиненных ему городах Фанчжоу и Вэйчжоу (Ляо ши, гл.37: 14а). Гарнизоны и население пограничных городов-крепостей занимались сельским хозяйством, чтобы обеспечить себя провизией (Wittfogel, Feng, 1949: 67, 555-557, 587). По всей видимости, в конце 20-х годов XI в. киданям удалось добиться серьезных успехов в борьбе с племенами шивэй и юйцзюе так как в дальнейшем количество приграничных конфликтов с кочевниками монгольских степей резко сократилось.

Указанное в «Ляо ши» наличие среди населения Чинтолгой балгаса бохайцев подтверждается археологическими материалами. В частности, раскопками этого года на городище обнаружены такие характерные для бохайской археологической культуры вещи, как крупные «фишки» из стенок сосудов, горизонтальные ленточные ручки на керамике, каны. Осмотренное в этот раз также городище Эмгэнтэйн-хэрэм, видимо, бывшее одним из двух подчиненных Чжэньчжоу городов-крепостей, имеет характерную для многих бохайских городищ конструкцию крепостных стен, основанную на сочетании наружной каменной кладки с земляным заполнением середины.

Последующие исследования на городище позволят более точно установить хронологические рамки существования данного памятника, дадут дополнительную информацию об экономике, культурных традициях местного населения.

ЛИТЕРАТУРА

- Ван Цзянь. Цилинь шуанляосянь фасянь линцзо ляому (Находка двух ляоских могил в уезде Шуанляо провинции Цилинь) // Каогу. — 1983, №8. — С. 753-754.
- Киселев С.В. Древние города Монголии // Советская археология. — 1957, № 2. — С. 91-101.
- Ляо ши (История династии Ляо) / Сост. Токто и др. Пекин: Изд-во Шаньху, 1958.
- Музей уезда Луаньпин провинции Хэбэй Хэбэй луаньпинсянь иньвогоу ляому (Ляоская могила в Иньвогоу уезде Луаньпин провинции Хэбэй) // «Бэйфан вэнью». — 1997, № 3. — С. 47-49.
- Очир А., Энхтур А., Эрдэнэболд Л. Чин толгой балгасны тухай. Nomadic Studies Bulletin. — 2004, No 8. — С.53-63.

Пэрлээ Х. 1961. Монгол ард улсын эрт, дундан үеийн хог суурины товчоон. Улаанбаатар: Улсын Хэвлэлийн хэрэг хрхлэх хороо.

Пэрлээ Х. Киданьские города и поселения на территории Монгольской Народной Республики (X век — начало XII в.). Монгольский археологический сборник. — М., 1962. — С.55-62.

Wittfogel K.A., Feng Chia-Sheng. History of Chinese Society. Liao (907-1125). Philadelphia, 1949. (Transactions of the American Philosophical Society, new series, 36).

СТРОИТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Сергей Владимирович ДАНИЛОВ,
кандидат исторических наук, г. Улан-Удэ

Рассмотренные в этой статье поселения и городища с хуннского до монгольского времени дают наглядное представление о существовании в степях Центральной Азии многочисленных археологических памятников с характерными строительными и архитектурными особенностями. В то же время они свидетельствуют о том, что в каждую эпоху существовали свои традиции зодчества, выразившиеся в использовании определенных строительных материалов и применении различных строительных технологий и архитектурных подходов и решений.

Для выделения характерных черт в строительных традициях каждой конкретной эпохи необходимо выявить общие принципы строительства жилищ, зданий, возведения городов, в разное время у населения Центральной Азии. Основные компоненты строительного комплекса центральноазиатского региона можно разделить на несколько групп. К первой группе принадлежат оборонительные сооружения, куда входят оборонительные рвы, насыпные валы, стены глинобетона, необработанных камней, из сырцового и обожженного кирпича. К этому же комплексу относятся башни, расположенные в стенах, на углах и у ворот оборонительных сооружений, а также ворота.

Следующую группу строительного комплекса составляют жилые комплексы: полуземлянки, наземные жилища, административные, дворцовые и храмовые здания, возведенные на платформах. Объединение в одной группе жилищ, дворцов и храмов, конечно, несколько условно, поскольку они были предназначены не только для проживания, но и для выполнения иных функций. К третьей группе можно отнести хозяйственные постройки, остатки мастерских.

Оборонительные сооружения встречались при исследовании хуннских, уйгурских, киданьских и монгольских городищ. Обычно исследователи при описании укреплений, опоясывающих периметр городищ, называют их валами. Однако раскопки, проведенные на ряде объектов, показывают, что под это определение попадают стены городищ, сооруженные из глинобетона, сырцового кирпича, распавшиеся под воздействием времени. Валы, насыпные сооружения, сделанные в основном из грунта, вынутаго при выкапывании рва, прослеживались на городищах Иволгинском и Баян Ундэр, датируемых хуннским временем. По всей видимости, первоначальная форма валов была несколько иной. Судя по наблюдениям на разрезах валов, они в момент сооружения были выше и уже и для прочности обкладывались камнями. По всей видимости, укрепления хунну на исследованных городищах предназначались

для защиты от нападений противника, не имевшего навыков штурма крепостей. К сожалению, остаются пока неизвестными конструкции оборонительных сооружений на больших городищах хуннского времени на территории Монголии.

Стены, сложенные из сырцового кирпича, обнаружены на уйгурских городищах. Они были прослежены на цитадели III Шагонарского городища в Туве. Л.Р. Кызласов в результате проведенных исследований стен и башни этого памятника высказывает предположение о первоначальной высоте стен (6 м) и башни (7 м). При глубине рва в 3 м крепость была почти неприступной для штурма отрядами кочевников (Кызласов, 1979, с. 155).

Башни прослеживаются на многих уйгурских крепостях на территории Тувы. Они были расположены по углам и на стенах. Башня III Шагонарского городища сложена из хорошо утрамбованной глины и была достаточно прочной. По всей видимости, уйгурские крепости, расположенные в Туве, сильно укреплялись с расчетом на нападение хорошо вооруженного противника, какими были воины кыргызского каганата. В столице уйгурского каганата Орду балыке кирпичные стены цитадели даже в современном состоянии местами достигают 12 м.

На киданьских городищах, расположенных на территории Центральной Азии, также имеются укрепления, опоясывающие их территорию. В коренных землях киданей и на территории оккупированного ими Северного Китая стены городов сооружались из сырцового кирпича или из глины, переслаивавшейся с землей (Ивлиев, 1983, с. 121—124). Пока нет сведений о характере укреплений киданьских городищ на территории Монголии, но, судя по высоте сохранившихся валов, достигавших двух и более метров, это были остатки именно стен. Многочисленные угловые, фронтальные, привратные башни, Г-образные и П-образные укрепления ворот также склоняют к мысли о существовании на городище стен, конструктивные особенности которых пока неизвестны. В городище Улутчийн хэрэме зафиксирована стена, сложенная из хорошо подобранных необработанных камней. На этом памятнике перед стеной отсутствовал ров, который имелся в большинстве киданьских городищ.

В свое время С.В. Киселев выделил сходство отдельных элементов градостроительной культуры уйгуров и киданей: выбор месторасположения города вблизи рек, в поймах и на островах, прямоугольная в плане форма и наличие башен, устройство цитаделей. Имеющиеся сведения о хорошо налаженных связях между уйгурами и киданями в области торговли, возможно, имели продолжение и в сфере градостроительства, что подтверждают выводы известного археолога (Ивлиев, 1983, с. 129—130).

На большинстве городищ монгольского времени отсутствовали внешние укрепления. На памятниках, где отмечено существование валов, расположенных по периметру городища, их высота была незначительной. С.В. Киселев, характеризуя оборонительные укрепления Каракорума, писал о невысоких валах и еле заметном рве, ограничивавшем городскую территорию. Вал, исследованный ученым, представлял собой обмазанный глиной плетневый палисад и имел скорее не фортификационное, а полицейское и таможенное назначение (Древнемонгольские города, 1965, с. 126, 134). В монгольское время в центральноазиатских городах уже не было мощных стен и высоких башен. Они появились позже, в послеимперское время, когда монгольские князья начинали обособливаться, что приводило к самонизации отдельных владений и росту военной напряженности.

Из сказанного видно, что в хуннское и монгольское время фортификационные сооружения не имели решающего значения в обороне городского населения и сосредоточенных там ценностей. Возможно, здесь, как отмечал С.В. Киселев, мы имеем дело с ситуацией, когда мощь армии делала ненужными городские стены. Однако дело, возможно, было не только в сильной армии. Как известно, у хунну имелись постоянные враги, только и ждавшие случая, чтобы вырваться из зависимого состояния. Это удалось сделать сяньбийцам в союзе с ханьским Китаем. Еще раньше ухуани, воспользовавшись временными трудностями хунну, раскопали могилу шаньюя, что нанесло удар по престижу центральной власти. Известно также о походах китайских полководцев в глубь хуннских земель. Так что хунну даже на своей территории отнюдь не чувствовали себя в полной безопасности. В Монгольской империи после конфликтной ситуации, произошедшей после смерти Великого хана Мункэ и связанной с провозглашением двух его преемников Ариг Бухи и Хубилая, Каракорум подвергался постоянной опасности. Гражданская война между наследниками престола, продолжавшаяся довольно длительное время, должна была бы способствовать укреплению столицы. Однако этого по каким-то причинам не произошло.

В Уйгурском каганате и Киданьской империи большое внимание уделялось строительству крепостных сооружений. Глубокие рвы, мощные стены из сырцового и обожженного кирпича, применение наряду с угловыми фронтальными башен, укрепления ворот, наличие пагод, выполнявших роль башен-донжонов — все это говорит об особом отношении правящих кругов каганата и империи к строительству фортификационных сооружений. По-видимому, существовала реальная военная угроза, которая требовала принятия предупреждающих мер. Хотя, как показали дальнейшие события, мощные крепостные стены не спасли уйгуров от кыргызского разгрома, а киданей — от губительного вторжения чжурчженей.

Особое место в ряду фортификационных сооружений занимают так называемые валы Чингисхана. Эти сооружения, имеющие протяженность в сотни километров, не имеют на сегодняшний день достаточно обоснованной хронологической привязки. Их относят ко времени киданьского государства Ляо, чжурчженского Цзинь и монгольского государства, созданного Чингисханом. Вдоль северного вала прослеживаются остатки небольших городищ, изучение которых пролило бы свет как на их конструктивные особенности, так и на время сооружения и исторические условия их существования.

Внутренняя территория городищ хунну, уйгуров, киданей, монголов имела различные постройки. Первыми полностью раскопанными Г.П. Сосновским в 1928 г. с научной целью сооружения были, наверное, углубленные в землю жилища на Иволгинском городище (1934 г.). Эти раскопки, подкрепленные позднейшими исследованиями А.П. Окладникова, В.П. Шиловой и А.В. Давыдовой (Давыдова, Шилов, 1953; Давыдова, 1985, 1995) привели к устоявшемуся мнению о полуземлянках как о типичных хуннских жилищах. Однако исследования, проведенные в Монголии в конце 40-х — начале 50-х годов XX в. С.В. Киселевым и Х. Пэрлээ, выявили укрепленные городища хунну с остатками каких-то крупных построек, и в какой-то мере поколебали прежние представления (Пэрлээ, 1961). Учитывая результаты раскопок абаканского здания, можно констатировать, что у хунну имелись навыки строительства довольно крупных сооружений. Однако без достаточного обоснования, без широкомас-

штабных археологических раскопок невозможно сделать каких-либо выводов о монументальной архитектуре хунну. Хотя раскопки наземных зданий выявили у хунну существование довольно развитой техники возведения подобных сооружений, разнообразие применявшихся строительных приемов и строительных материалов. Например, на хуннских городищах Гуа дов, Хурэт тов выявлены остатки земляных платформ, на которых сооружались здания, крытые черепицей. Отдельные из этих платформ достигали довольно крупных размеров и могли служить основанием для зданий дворцового типа (Пэрлээ, 1961; Э.В. Шавкунов, 1973, с. 506—507).

Не найдено пока каких-либо сооружений внутри большинства уйгурских крепостей, расположенных в Туве. Лишь на городище Бажын алак обнаружены вытянутые остатки каких-то строений, разделенных на части деревянным частоколом. Внутри III Шагонарского городища находилась цитадель, в которой при раскопках обнаружены обломки черепиц и остатки деревянных столбов, вкопанных в землю. По предположению Л.Р. Кызласова, это было здание, сооруженное на сваях из-за близости грунтовых вод. Само городище, как и большинство остальных тувинских памятников, расположено вблизи водоема для повышения обороноспособности. По мнению ученого, уйгурские городища Тувы были отстроены перед кыргызским вторжением и на них еще не успела развернуться полноценная хозяйственная деятельность. Возможно, это обстоятельство послужило причиной отсутствия на городищах жилых, хозяйственных и иных построек (Кызласов, 1969, с. 63, рис. 12; он же, 1979, с. 148, 152).

На уйгурских памятниках, расположенных в центральной части каганата, наблюдается совершенно иная картина. Орду балык, крупный город, был почти сплошь застроен кварталами ремесленников и торговцев. В черте города располагалась цитадель, внутри которой находился дворец. К сожалению, автор не располагает материалами раскопок, которые проводились в столичных городах каганата, и ничего не может сказать об архитектуре и строительных особенностях зданий в уйгурских городах.

При исследовании внутренней территории киданьских городищ были зафиксированы остатки различных строений, отмечено наличие внутренней планировки, разделявшей их на отдельные кварталы. На городище Барс хот зафиксирована земляная платформа, огороженная развалинами каменных стен, внутри которых прослеживаются остатки четырех зданий. Вдоль этих стен находятся следы более 10 квадратных сооружений размерами 5 м на 5 м, а севернее обнаружена печь для обжига извести. Здесь же находятся две пагоды: одна внутри городища, другая — за его пределами. В остальных киданьских городищах отмечено существование городских кварталов с различными постройками, в том числе огороженные усадьбы с арыками. При отоплении помещений применялись каны.

Более подробные сведения имеются о сооружениях, возводимых в эпоху Монгольской империи. Раскопки предоставили в распоряжение исследователей сведения о дворцах членов императорской фамилии и монгольской знати, об административных зданиях, жилищах зажиточных и бедных горожан. Дворцы и крупные здания возводились на платформах, сооруженных из земли, глины и других подручных материалов. Платформы укреплялись кирпичными стенками, сооружавшимися по периметру и создававшими внешний контур всего здания. На крупных дворцовых сооружениях строились обводные одно-

и двухъярусные террасы. Крыши зданий, крытые черепицей, поддерживались деревянными колоннами, устанавливавшимися на гранитных опорах. Крыши украшались терракотовыми фигурами фантастических существ, исполнявших функции оберегов. Дворец Угэдэя и дворец в Кондусе имели большое сходство в архитектурном решении многих конструктивных деталей, а в строительных материалах, применявшихся при сооружении зданий, наблюдается полное совпадение. Не менее четко проявляется сходство в архитектуре зданий меньших размеров, построенных в отдаленных от центра районах. К ним мы относим здания № 4 и № 7 в Ден Тереке и здание в Нарсатуе. Такое же, как и во дворцах, архитектурное решение основных компонентов, выразившееся в наличии платформ, возможно, опоясывавших террас, гранитных опор для колонн, идентичность строительных материалов свидетельствует о возникшей унификации в строительном деле, что позволяет предположить существование какого-то владения, занимавшегося вопросами строительства.

Таким образом, мы видим, что начиная с последней трети I тыс. до н.э. в традиционной культуре центральноазиатских кочевых народов формируются новые элементы культуры, которые можно определить как изменения, происходившие в материальной культуре. В степях появляются непривычные взгляды кочевника окруженные рвами и возвышающимися стенами поселения, резко отличающиеся от кочевого стойбища. (Какое отражение получило появление градостроительства в духовной культуре кочевников, еще предстоит разобраться этнографам и культурологам.). Население этих поселений занималось не совсем обычным для кочевника делом: производством различных ремесленных изделий, распашкой земли и разведением сельскохозяйственных культур, торговлей, административно-управленческой деятельностью.

Закономерно возникает вопрос о происхождении этого необычного для центральноазиатских степей феномена. Причины социально-политического и историко-культурного характера будут рассмотрены ниже. Здесь же хотелось бы наметить происхождение архитектурно-строительных традиций. По всей видимости, их корни следует искать на прилегающих к центральноазиатскому региону территориях, где с древности происходило становление производящих форм хозяйства с преобладанием земледелия и традициями оседлого образа жизни. В неолитической культуре яншао VI—IV тыс. до н.э. издавна существовали традиции оседлого домостроительства. Поселения неолитических земледельцев были укреплены валами и рвами. Стационарные поселки земледельцев имелись и на территории Дунбэя (Северо-Восточный Китай). И, возможно, именно отсюда проникали в степи Центральной Азии традиции и навыки строительства оседлых поселений. Свидетельством этого являются поселения тамцаг булакской культуры в Восточной Монголии, датируемой эпохой неолита. На поселениях отмечались стационарные полуземляночные жилища. Булакская культура, хотя и имела, по всей видимости, происхождение из Дунбэя, не получила дальнейшего развития на территории Монголии.

Знакомство скотоводческих народов Центральной Азии с культурой земледельческого Китая началось еще в иньскую и чжоускую эпохи или во время существования в степях карасукской культуры, культуры керексурсов и плиточных могил. Относительно этого времени имеются сведения только о военных контактах между населением Китая и Степью. После войн между ними происходили какие-то переговоры, в результате которых кочевники выплачивали китайцам своеобразную дань в виде белых волков и белых оленей, являвших-

ся, по-видимому, тотемными животными. Или, наоборот, центральноазиатские племена вторгались на территорию Древнего Китая и располагались на его землях на довольно продолжительное время (Таскин, 1968, с. 12—16). Более конкретные формы контактов между этими двумя столь непохожими мирами для нас остаются пока неизвестными. Встречающиеся в плиточных могилах украшения из бирюзы и некоторые другие привозные вещи свидетельствуют о существовании между «плиточниками» и Китаем определенных взаимоотношений, возможно, в виде торгового обмена, который, судя по археологическим данным, особенно увеличился в хуннскую эпоху. В хуннских памятниках встречаются разнообразные предметы, произведенные в Китае: шелковые ткани, лаковая посуда, палочки для еды, изделия из бронзы и т.д. Имеется немало письменных источников, подтверждающих существование разнообразных связей между державой хунну и империей Хань. Именно в это время в хуннской среде начали появляться стационарные оседлые поселения. Просматривающееся в архитектурных и строительных традициях влияние восточных и южных соседей показывает, что хунну использовали в своей строительной практике опыт народов, достигших в области строительства значительных успехов.

Рассматривая хуннские материалы, можно увидеть дунбэйские параллели, т.е. связи с Северо-Восточным Китаем. В первую очередь это углубленные в землю жилища с отоплением каналами, каркасно-столбовая конструкция полуземлянок и наземных жилищ со вкопанными столбами, опиравшимися на каменные плитки, применение «глинобитной» технологии. Отдельные архитектурные элементы, каркасно-столбовая конструкция, а также использование глинобита имели широкое распространение и у народов Восточной Азии.

В применении черепичного перекрытия крыш и опор в виде деревянных столбов, опиравшихся на гранитные базы, строительстве платформ заметны архитектурные традиции, проникавшие в степи из Китая. О том, какими путями проникали в степи архитектурные представления Средней империи, пока можно только предполагать. Единственным известным нам упоминанием о посылке специалистов-художников и, по-видимому, строителей и архитекторов являются сведения танских хроник, где говорится об отправке танским императором художников для работы на поминальном сооружении Кюльтегина брата тюркского кагана Бильге (Бичурин, 1950 с. 337). Возможно, что хунну и другие кочевые народы Центральной Азии привлекали мастеров, имевших опыт строительства монументальных сооружений.

Уйгуры, тесно контактировавшие с империей Тан, особенно после участия уйгурских войск в подавлении восстания Ань Лушаня, также, по-видимому, использовали опыт танских мастеров. В применении в фортификационных сооружениях фронтальных, угловых и припратных башен просматривается влияние архитектурных традиций Тан. Однако при строительстве стен цитадели III Шагонарского городища использовались сырцовые кирпичи, выполненные по среднеазиатским стандартам. Дворцовые сооружения Орду балыка по своим архитектурным особенностям пока трудно сопоставить с какими-либо имеющимися материалами.

Кидани, граничившие с Бохем и Сунским Китаем, использовали в своей строительной деятельности богатый опыт населения покоренных стран. Включив в состав своей империи территории этих государств, кидани начали сооружение столичных городов, применяя различные строительные технологии, вернее привлекая мастеров из разных мест.

Монголы, начавшие строительство городов в своих коренных землях, использовали в архитектурных замыслах опыт Цзиньской империи, вобравшей, в свою очередь, строительные традиции бохайцев, киданей, чжурчженей и Сунского Китая.

Здания хуннского времени в Гуа доу и других хуннских городах, уйгурский дворец в Орду балыке, дворец Угэдэя и дворец в Кондуге — свидетельства проникновения в степь традиций монументальной архитектуры, подлинное изучение которой только начинается.

Исследования древних дворцов, проведенные архитекторами Б. Даажавом (1981), В.Н. Ткачевым (1984), Л.К. Минертом (1985), показали, что строительство кочевников Центральной Азии было не слепым копированием заимствованных образцов; наблюдалось перенесение на местную почву внешних архитектурных форм с сохранением своего содержания. Вышеупомянутые авторы усматривают в архитектуре монгольского времени несомненное влияние степных традиций. Квадратная форма основы дворцовых сооружений представлялась в виде реплики округлых кошмовых юрт и шатров, но сооруженных с использованием уже другого материала (кирпича).

Разнообразные архитектурные детали, обнаруженные в городищах и городах Центральной Азии, особенно на объектах монументальной архитектуры, должны способствовать выявлению черт, характерных для кочевой архитектурной традиции в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1.
- Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник хунну в Забайкалье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985.
- Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1. Иволгинское городище. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1995. (Археологические памятники Сибири. Вып. 1.)
- Давыдова А.В., Шилов В.П. К вопросу о земледелии у гуннов // Вестн. древней истории. 1953. № 2.
- Дашжав Б. Закономерности формообразования гира (юрты) в монгольском зодчестве: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.
- Древнемонгольские города / под ред. С.В. Киселева. М.: Наука, 1965.
- Иалдиев А.Л. Городища киданей // Материалы по древней и средневековой археологии Юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий. Владивосток, 1983.
- Кыласов Л.Р. О памятниках ранних гуннов // Древности Восточной Европы. М., 1969. (МИА № 119).
- Кыласов Л.Р. Древняя Тува: (От палеолита до IX в.). М.: Наука, 1979.
- Минерт Л.К. Древнейшие памятники монгольского монументального зодчества // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985.
- Пэрлээ Х. Монгол орд улсын эрт, дундан үеийн хот сууринь товчоон. Улаанбаатар, 1961.
- Соеновский Г.П. Нижне-Иволгинское городище // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 7—8.
- Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М.: Наука, 1968. Вып. 1.
- Ткачев В.Н. К реконструкции дворца Угэдэя в Каракуме // Изв. вузов. Строительство и архитектура. 1984. № 8.
- Шавкунов Э.В. Обследование гуннских городищ в Монголии // Археол. открытия 1972 г. М., 1973.

SUMMARY. "Building Traditions of the Nomads of the Central Asia" — is the title of the article by Candidate of Historical Sciences S. Danilov. Various architecture details, that were found in the sites of Central Asia, will contribute, in the author's view, to exposure of characteristic features of Nomad architecture tradition.

С.В. Данилов
ИИАЭТ СО РАН, г. Улан-Удэ

СТАНОВЛЕНИЕ СКОТОВОДСТВА И ФОРМИРОВАНИЕ КОЧЕВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ*

Человечество, история которого насчитывает многие сотни тысяч лет, имело на всем ее протяжении самые разнообразные способы адаптации к природно-климатическим условиям среды обитания, и одним из главных условий выживания было выработка разнообразных способов добычи пищи и изготовления предметов, необходимых вначале для удовлетворения самых насущных, а затем и все более растущих потребностей. Охота и собирательство — типы хозяйствования, ведущие свое начало с самого начала становления вначале homo habilis, а затем и homo sapiens, постепенно дополнялись в XI-X тыс. до н.э. земледелием и скотоводством, берущих свое начало от domestikации различных форм диких растений и животных и получившим в дальнейшем ходе истории все большее распространение. Постепенно в течение сотен и тысяч лет распространение производящих форм хозяйства приводило к появлению все новых типов экономики, зависевшей от природных условий, в которых происходило становление и развитие человеческих коллективов.

Скотоводство, возникшее в комплексе с земледельческим хозяйством, постепенно выделялось в отдельную отрасль. У населения, занимающегося преимущественно скотоводством, формируется своеобразные способы ведения хозяйства, выражавшиеся в создании кормовой базы, получении приплода, стихийной селекции и т.д. Увеличение количества скота, содержащегося в одном хозяйстве, приводившее к перевыпасу и истощению пастбищ, инициировало переход к полукочевым и кочевым формам ведения хозяйства. Разнообразие природно-климатических и географических обстановок, в которых проживали древние скотоводы привело к формированию многообразия типов хозяйства. Степные, пустынные, полупустынные, горно-долинные, высокогорные пастбищные пространства, разнообразие водных источников и растительного мира породили, в результате адаптации населения к условиям среды, множество способов разведения и содержания домашних животных, максимально приспособленных к местным условиям. С течением времени под влиянием природных условий и специфичной экономики складываются культурные особенности, определявшие облик степных цивилизаций. При более детальном рассмотрении всех особенностей хозяйства и культурно-этнических характеристик выявляются различия не только между крупными регионами, но и между отдельными областями и районами.

В регионе Центральной Азии, расположенном в глубине азиатского континента, также проходили процессы становления производящих форм экономики. Население центральноазиатского региона, его богатая и разнообразная культура формировалась, в основном, в зависимости от географических и природно-климатических обстановок, обусловивших хозяйственно-экономические и культурные особенности.

Археологические исследования разнообразных по типам и хронологии памятников дали возможность выделить археологические культуры, ставшие своеобразными вспомогательными ориентирами, маркирующими отдельные периоды истории центральноазиатских народов. Для отдельных исторических эпох данные археологии стали единственным видом источников по раскрытию многих сторон жизнедеятельности древнего населения. Археологические культуры, за которыми стоит население с хозяйством, основанном на полупоселдом, полукочевом и кочевом скотоводстве, занимают значительные по размерам территории, часто превыша-

* Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменению природной среды, социальным и техногенным трансформациям» проект «Древние скотоводы севера Центральной Азии»

ющие размер распространения культур, основанных на комплексном земледельческо-скотоводческом хозяйстве с преобладанием земледелия. Афанасьевская, андроновская, карасукская, скифские и хунские, тюркские, монгольская, тунгусо-маньчжурская археологические культуры или историко-культурные общности занимали большие по площади территории, связанные с особенностями хозяйства, требовавшего обширных пастбищных пространств для скота, и где основная, необходимая населению продукция получалась за счет переработки животного сырья.

Однако основные памятники, оставленные древним населением региона, не дают конкретной информации о том, что захороненные в них индивидуумы являлись скотоводами и тем более ведущими кочевой образ жизни. Такое восприятие древних насельников региона появилось, во-первых, под влиянием этнографических данных, когда европейские исследователи, появившиеся в степных, полупустынных и пустынных пространствах Азии, застали здесь население, ведущее кочевое скотоводческое хозяйство, и полностью приспособленный к нему образ жизни, во-вторых, сведения письменных источников о европейских и азиатских народах, ведущих непривычный с точки зрения античных, средневековых и древнекитайских авторов кочевой образ жизни, нашедший отражение в расхожей формулировке «передвигаются вслед за скотом в поисках воды и травы», и в-третьих, сама экология открытых пространств Центральной Азии, когда занятие кочевым скотоводством являлось едва ли не единственным возможным способом (кроме оазисов) обеспечить население пищевыми и прочими ресурсами.

Археологические же погребальные комплексы, оставленные древними обитателями центральноазиатских степей, дают конское снаряжение и остатки жертвоприношений животных, находки, которые часто встречаются и в погребениях, оставленных оседлыми земледельцами, в особенности элиты общества и не дают возможности однозначно определить, что население вело кочевой скотоводческий образ жизни, тем более что для кочевника не характерны какие-то особые орудия труда (подобие серпов, плугов, зерноотборки земледельцев).

Тем не менее, тщательное изучение памятников оставленных древним населением позволило выделить ранний кочевник, время существования которых определено эпохой поздней бронзы раннего железа. Хозяйство более ранних обитателей евразийских степей, носителей андроновской срубной культуры, было определено как комплексное скотоводческо-земледельческое. Критериями выделения эпохи ранних кочевников послужило появление в погребениях металлических удили, костей домашних животных, захоронений коней [Гризов, 1955; Левин, Чебоксаров, 1955]. Хотя по замечанию Л.С. Клейна жесткие металлические удила появляются с массовым использованием лошадей для военных целей [Клейн, 1980]. Для пастбы скота и простого передвижения достаточно было и более мягкого управления конем. Металлические стремена, седло с жесткой конструкцией, шпоры - все эти нововведения появлялись впоследствии исключительно в связи с ведением боевых действий, когда от мобильного управления конем зависела жизнь всадника и, следовательно, исход боевых действий, сражений, войн в целом.

Ряд ученых считает, что подвижные формы ведения хозяйства, связанные с кочеванием, возникают с самого начала появления в евразийских степях скотоводства [Артамонов 1977]. В Центральной Азии появление скотоводства произошло по всей видимости в IV-III тыс до н.э. и было связано с населением афанасьевской культуры, памятники которой встречаются на Алтае, в Тыве, Минусинской котловине, Саянских, Западной и Центральной Монголии. Достаточно веских данных о формировании кочевого скотоводства в это время пока нет. По всей видимости, переход к кочевому скотоводству мог эпизодически происходить в отдельных районах, там, где происходило резкое увеличение домашнего поголовья. Более конкретно можно говорить о том, что подвижное скотоводство начало формироваться в карасукское время, причем было очевидно связано не только с карасукской культурой Минусинской котловины, а в большей степени с населением монгольских степей, Орхоса и Сивызия, оставивших характерные для карасука предметные комплексы и памятники. Для монгольских степей такими памятниками являются керексуры и оленьи камни [Новгородова, 1989; Цыбинстаров, 2004]. На одновременных жертвенниках, в состав которых входили керексуры и оленьи камни, раскопаны каменные кладки, под которыми находились черепа, шейные позвонки и копыта лошадей. В состав жертвенников входили десятки и сотни таких кладок, что говорит о массовых жертвоприношениях животных. Однако конь, животное сильное и быстрого, и чтобы поймать его и принести в жертву требовался не пещий пастух, а конный табунщик на обездвиженной лошади. Но для этого времени не известны металлические удила, которые, по мнению многих исследователей, являются показателем появления верховой езды. Однако, возможно, что применялись какие-то иные варианты узды, косвенным свидетельством которого являются деревянные псални и деревянные украшения конской сбруи, встречаемые в погребениях раннего железного века. Мягкая узда с применением кожаных ремней и деревянных конструкций могла предшествовать сделанным из металла удилам и псалням. Дисковидные костяные псални, так называемого микенского типа встречались в погребениях Синташты памятника первой половины II тыс. до н.э. [Геннинг, 1977].

Уже во II тыс. до н.э. в скотоводческих обществах евразийских степей количество скота достигает большого количества достаточного для принесения многочисленных жертв. Например, в одном из погребений Синташты было погребено семь лошадей, а в одном из жертвенников было найдено шесть черепов коней, четыре черепа быков, черепа баранов [Геннинг, 1977]. По всей видимости, хозяйство было настолько специализированным, что позволяло получать большое количество прибавочного продукта в виде стада скота. Надо полагать, что население всех природных зон евразийских степей, в том числе и Центральной Азии, имело возможность при благоприятных условиях иметь довольно большие стада скота. Возможность создавать немалое количество прибавочного продукта в виде разнообразной животноводческой продукции имело и оборотную сторону – легко отчуждаемую собственность – скот. Одно семейство было не в состоянии защитить свое богатство от похитителей скота, необходима была система безопасности не только для одного семейства, но и для целого ряда семейств, объединенных в кровнородственные группы. Для защиты не только скота, но и пастбищных территорий не достаточно сил одного рода, необходимо было объединение родов в более крупную таксономическую единицу, определяемое как племя или вождество. Однако скотоводы объединялись не только для защиты своих стад и территорий. При благоприятном стечении обстоятельств они не упускали случая завладеть скотом более слабых соседей или захватить их пастбища и по возможности поставить население в зависимое положение. Такая ситуация складывалась в степях, по всей видимости, с самого начала формирования скотоводческого хозяйства и способствовала созданию нестабильного положения для простых скотоводов.

Сложный процесс перерастания или перехода племенной организации к общественно-политической системе более высокого уровня, связывается с появлением вождя наделенного как талантами военачальника, политического деятеля так и человеческими качествами, притягательными для всех слоев населения. В полной мере этим требованиям отвечали предводители хунну, сяньби, жуэнь, тюрков, уйгуров, киданей, монголов. Наблюдая за их деятельностью, описанной в источниках, можно представить, как шел сложный и противоречивый процесс объединения родов и племен и формирование кочевых империй. Во время их существования наступает внутренняя стабилизация общества, прекращаются набеги и междоусобные военные действия. С введением административного контроля над завоеванной территорией устанавливаются определенные маршруты кочевых, равномерно распределяются пастбища, то есть наступает ситуация, удовлетворяющая подавляющее число мирного кочевого населения. Элита общества, также использует создавшуюся обстановку для упрочения власти и накопления богатств. Таким образом, внутреннее кочевое общество, включая почти все слои населения, было заинтересовано в создании сильной централизованной власти. Хотя ряд объективных и субъективных причин приводили к тому, что вместо мирной жизни кочевые государства становились на путь завоевательных войн.

Список литературы:

- Артамонов М.И. Возникновение кочевого скотоводства // Проблемы археологии и этнографии - Л.: 1977. - Вып.1. - С. 4-13.
- Геннинг В.Ф. Могильник Синташты и проблема ранних андроновских племен //СА. 1977. - № 4. - С. 53-73.
- Гризов М.П. Некоторые вопросы сложения и развития ранних кочевников Казахстана и Южной Сибири //КСИЭ. 1955. - Вып. 24. - С. 19-29.
- Клейн Л.С. Возникновение кочевого скотоводства // Скифо-сибирское культурно-историческое единство - Кемерово, 1980. - С. 30-36.
- Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области //СЭ. 1955. - № 4. - С. 3-17.
- Новгородова Э.А. Древняя Монголия. - М.: Наука, 1989. - 384 С.
- Цыбинстаров А.Д. Культурное и хронологическое соотношение керексуров и памятников монгул-тайгинского типа Горного Алтая, Тувы, Монголии и Южного Забайкалья //Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ, 2004. Вып. 2. - С. 35-49.

ИЗУЧЕНИЕ КИДАНЬСКИХ ГОРОДОВ МОНГОЛИИ

С.В. Данилов, Н.Н. Крадин, А.Л. Ивлиев

А. Очир, Д. Эрдэнболд, Г. Энхтур, Д. Анхбаяр

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ),

Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН (г. Владивосток),

Национальный музей Монголии, Институт археологии АН Монголии,

Международный институт по изучению кочевых цивилизаций при ЮНЕСКО

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН

«Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и технологическим трансформациям», проект «Номадизм и оседлость: адаптация древнего и средневекового населения севера Центральной Азии»

Первое упоминание о киданях содержится на страницах китайской династической хроники «Вэй шу» («История Северной Вэй»), написанной в 551-554 гг. Они кочевали в бассейне верхнего течения р. Шара-мурэн в юго-восточной части современного Автономного района Внутренняя Монголия Китая. Вопрос о происхождении и этнической принадлежности киданей давно привлекал к себе внимание исследователей, и большинство исследователей приходит к выводу о родстве киданей с дунху, сяньби и монголами. С начала V в. кидани совершают «набеги и грабительства» на Северную Вэй. Начиная со второй половины V в., источники отмечают неоднократные приезды посольств киданьских вождей ко двору китайских императоров. До второй половины VI в. кидани проводили независимую внешнюю политику. С созданием в 552 г. Тюркского каганата они потеряли свою международную автономию. Постепенно кидани оказались зажатыми между своими соседями со всех сторон: с запада – Тюркским (позднее Уйгурским) каганатом, с юго-запада – Суйской-Танской империей, с юго-востока – государством Когурё; с востока они соседствовали с тунгусо-маньчжурскими племенами мохэ.

В 901 г. верховным вождём киданей становится Абаоцзи из клана Елюй, и с этого времени они становятся ведущей политической силой в своем регионе. Кидани ведут активную внешнюю политику и совершают частые вторжения в китайские царства, сопровождаемые грабежом городов и массовым угонem жителей в киданьские земли. Мигранты составляют экономическую и идейно-политическую опору Абаоцзи в строительстве кочевой державы. Особенно хорошо известен китайский перебежчик, советник императора Хань Янь-хуэй. Он впервые научил киданей организации официальных учреждений, постройке городов, обнесения внутренних и внешних стенами, и созданию торговых местечек для поселения китайцев, что дало каждому из них возможность заниматься распахкой и обработкой пустующих земель.

Во втором месяце 916 г. Елюй Абаоцзи самолично провозгласил себя императором. С провозглашением империи кидани продолжили свои военные походы на соседей. На западе против тюрков, дансянов и тугухуаней кидани ходили несколько раз и достигли «старого уйгурского города» – по всей видимости, разрушенной столицы Уйгурского каганата города Кара балгас.

На территории Центральной Азии наиболее известными и, пожалуй, единственными памятниками киданей являются городища, расположенные в бассейнах рек Онона, Керулена и Толы. Их археологическое исследование началось в начале XX в. Для выделения характерных черт в строительных традициях киданей необходимо выявить общие принципы строительства жилищ, зданий. В то же время при исследовании необходимо учитывать конкретную общенациональную обстановку, в которой происходило строительство киданьских городов. Такая программа начала выполняться археологической экспедицией, созданной рядом научных учреждений России и Монголии. На первом этапе работ, проведенных Национальным историческим музеем Монголии, были упорядочены данные о городищах среднего течения Толы, относящихся к эпохе киданей. Были проведены картографические работы, составлены инструментальные планы

городищ, сделаны их описания. Следующей задачей стало проведение стационарных раскопок с целью выявления особенностей архитектуры, технологии строительства, ассортимента строительных материалов. Для ее решения Международным институтом по изучению кочевых цивилизаций при ЮНЕСКО была организована археологическая экспедиция совместно с Национальным музеем Монголии, Институтом археологии АН Монголии, Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ) и Институтом истории, археологии и этнографии ДВО РАН (Владивосток). Участниками работ экспедиции были: с монгольской стороны А. Очир – доктор исторических наук, директор Национального музея Монголии; Г. Энхтур – научный сотрудник Института археологии АН Монголии; Д. Анхбаяр – научный сотрудник МИКЦ; студенты Монгольского государственного университета; с российской стороны С.В. Данилов – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии ИМБТ СО РАН; Н.Н. Крадин – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела средневековой археологии ИИАЭ ДВО РАН; А.Л. Ивлиев – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела средневековой археологии ИИАЭ ДВО РАН; Д. Эрдэнболд – научный сотрудник Национального музея Монголии.

Объектом работ экспедиции было определено киданьское городище Чин Тологой, находящееся в Булганском аймаке Монголии примерно в 200 км к западу от столицы Монголии Улан-Батора и в 3 км к северу от шоссе Улан-Батор – Дашинчинлийн сомон. Ближайшие населенный пункт – Дашинчинлийн сомон. Городище расположено к юго-востоку от горы Чин Тологой, господствующей над данной местностью и давшей название. На вершине горы находится сооружение из рваного камня. Оно имеет цилиндрическую форму, диаметр 30-35 м и высоту 5-6 м. Функциональное предназначение сооружения пока не до конца понятно. Возможно, что оно как-то связано с городищем и использовалось в качестве сторожевого или сигнального сооружения. Современное население использует его в качестве культового объекта. Возможно и такое же его предназначение в древности.

Городище размерами 1100 x 600 м расположено на ровной поверхности. По периметру укреплено валами, высота которых в современном состоянии достигает 5 м, ширина у подножия составляет в среднем 32 м. На городище имеются 5 ворот, с северо-восточной – 2, юго-западной – 2, юго-восточной – 1, на северном вале ворот нет. Все ворота укреплены сложными по конструкции П-образными оборонительными валами, представляющими собой постройку-укрепление размерами приблизительно 20 x 20 м, имевшую воротный проем наружу городища. Из этого же укрепления вел вход уже прямо в городище через воротный проем в валу. Для того чтобы попасть внутрь городища, надо было пройти через двое ворот. Стены городища укреплены угловыми и фронтальными башнями. Всего по периметру городища насчитывается 28 фронтальных башен, на северо-западном валу – 6, юго-восточном – 5, северо-восточном – 10, юго-западном – 7. На внутренней территории городища просматриваются улицы шириной 20-30 м, делящие его на кварталы. Внутренняя часть памятника имеет сложный рельеф из-за большого количества вихляний, приподнятостей, протянутых валов, улиц, открытых ровных пространств. Примерно посередине городища по линии В-3 сооружен вал с воротами и Г-образным укреплением. Предназначение этого вала пока непонятно. Возможно, он разделял город на две половины, в которых проживало различное по социальному или этническому составу население. Есть также мнение, что его воздвигли уйгуры, а кидани, построив свой город, расширили старое уйгурское городище. В юго-западной части городища наблюдалось свободное от застройки пространство.

На всей поверхности городища встречаются обломки черепицы, кирпичей, фрагменты типичной киданьской керамики. Черепица обычно серого цвета, на внутренней стороне отпечатки грубой ткани типа мешковины. Среди нее нет отогнутых концевых черепиц, присущих цзиньским и монгольским зданиям. Кирпичи попадаются в об-

ломках. Встречались гранитные базы колонн, однако непонятно, были ли они *in situ* или сдвинуты со своих мест.

При визуальном наблюдении и осмотре площади городища наблюдаются остатки крупных зданий, построенных на платформах. На них просматриваются остатки гранитных баз от средних и небольших зданий, обозначенных небольшими вкопками. Гранитные базы колонн сильно задерживаются и служат основой для определения размеров зданий, однако их архитектура может быть выяснена только после раскопок.

В качестве объекта для раскопок была выбрана небольшая возвышенность высотой около 1 м, находящаяся рядом с улицей в центре городища. На поверхности возвышенности находились фрагменты черепицы, кирпичей и керамики. Почва, покрывавшая вершину, представлена дресвой с пылевидной (лессовой) почвой. На поверхности почва несколько белесого цвета, что может свидетельствовать о каких-то глинобитных сооружениях, сооружениях ниже. Разбивка раскопа производилась с привязкой к общему плану городища. Площадь раскопа 16 x 24 м была разбита на квадраты со сторонами 4 м, разделенные между собой бровками. Была произведена топосъемка через 1 м.

В ходе раскопок 2004-2005 гг. было найдено большое количество обломков посуды, изготовленной на гончарном круте, черепица, кирпичи, бронзовые монеты, изделия из железа, кости, статуэтка из полупрозрачного камня, «зубные щетки». Наиболее массовым материалом была керамика, представленная сосудами от крупных хумов и больших бакла до миниатюрных пиал.

Остатки здания находились в центральной части раскопа. После вскрытия первого слоя в этих квадратах просматривалась почва беловатого оттенка. При дальнейшем углублении были выявлены остатки стен здания. После расчистки стенок здания выявились его контуры. Четко обозначились западная и северная стенки, менее ясно – южная и восточная стенки. Размеры здания: западная стенка – 868 см; северная – 820 см; восточная – 835 см; южная – 852 см. Судя по западной стенке, их основу составляла кладка из мелких камней и обломков черепицы, перемежавшихся со слоями глины и земли. С наружной стороны стенка была покрыта слоем глиняной обмазки толщиной 2-3 см. Способ сооружения пока не просматривается. Для выяснения соотношения здания с проходившей рядом улицей была заложена траншея. В ней были обнаружены хозяйственные ямы округлой формы с заovalенными стенками. Находки остатков шелухи позволяют предположить, что их использовали для хранения зерна.

Таким образом, за полевые сезоны 2004-2005 гг. было раскопано одно глинобитное здание квадратной формы. Конструктивные особенности раскопанных остатков здания не до конца понятны. Несмотря на наличие при раскопках обломков черепицы и кирпичей, не ясно, каким образом они использовались при сооружении здания. Черепицы все-таки было найдено мало для сооружения крыши для здания таких размеров. Глинобитные стены не предполагали кирпичной кладки, хотя, возможно, из кирпича сооружались какие-то внутренние постройки. Обнаруженные рядом со зданием остатки отопительных сооружений канов не до конца проясняют систему отопления внутри здания. Найденные в здании остатки хозяйственных ям определяют одну из направлений хозяйства обитателей здания. Обнаруженные на некотором удалении от здания остатки трехканального кана свидетельствуют о возможном существовании здесь жилища иной конструкции, нежели глинобитное здание.

В сезоне 2006 г. планировалось дальнейшее изучение площади, примыкающей к исследованному глинобитному зданию, с целью выявления жилых или хозяйственных зон, примыкавших к основному зданию. С этой целью были прирезаны участки с западной стороны основного раскопа. Закладывались раскопы со сторонами 4 x 5 м с западной стороны и со сторонами 4 x 4 м – с северной. В целом была вскрыта площадь в 208 кв. м. В ходе раскопок выявлены остатки нескольких канов шириной приблизительно 3 м и длиной около 5 м. Конструкция канов была следующей: на вертикально установленные каменные плитки, кирпичи и обломки черепицы, служившие каналами

для поступления горячего воздуха, настилались каменные плиты различных размеров от сравнительно небольших камней до плит довольно внушительных габаритов. В целом высота внутреннего канала кана была небольшой, что предотвращало быстрое остывание горячего воздуха и, следовательно, камней кана. Очаги или топки кана пока не обнаружены. На раскапываемой площади было вскрыто два кана, настолько тесно соприкасавшихся друг с другом торцовыми сторонами, что возникало предположение об их единой конструкции. В то же время установить размеры жилищ, обогреваемых этими канами, пока не удалось из-за отсутствия четких следов столбов, которые обычно служили опорами перекрытия и основами стен зданий. В процессе раскопок встречались фрагменты керамики, черепицы, кирпичей, железных изделий, в основном гвоздей. Таким образом, к выявленным ранее типам жилищ добавились постройки, оставленные, по-видимому, рядовым населением городища. Скорее всего обнаруженные жилища были преобладающим типом домов на городище. К такому выводу можно прийти при наблюдении за внутренней территорией городища, где на поверхности повсеместно встречались выступающие плиты, вероятно, остатки канов.

Выявленные жилища рядового населения городища подчеркивают существовавшую имущественную и социальную дифференциацию среди его обитателей. Пока не ясна этническая принадлежность рядового населения. Возможно, здесь проявились сведения источников о том, что кидани переселили на запад определенное число жителей покоренных ими государств Бохая и Сун. Возможное подтверждение этому можно видеть в некоторых фортификационных особенностях киданьских городищ среднего течения реки Толы, где, по мнению А.Л. Ивлиева и Н.Н. Крадина, остатки стен напоминали стены бохайских городов.

Таким образом, изучение киданьского города Чин Тологой выявило существование различного в социальном плане населения, выделенного по различным типам жилищ на территории городища. Дворцовые сооружения принадлежали, по-видимому, высшей знати, крупные, средние и малые здания строились людьми разного достатка, но относящихся скорее всего к зажиточной прослойке общества. Жилища, от которых сохранились только каны, строились рядовыми жителями городища. Нельзя сказать сейчас об этнической принадлежности или социальном статусе обитателей городища. Если поддержать точку зрения о преобладании среди киданьского населения в основном представителей военного сословия, в обитателях жилищ на городище можно увидеть высший, старший, младший офицерский состав и рядовых воинов. Тем более есть сведения. «На северных и северо-западных границах Ляо были организованы военные поселения, мужчины из этих поселений являлись и солдатами и землепашцами. Во время сельскохозяйственных работ их разбивали на четверки, одного из четверых отправляли на сторожевую башню, двух охранять границу, а один пахал землю. Всю работу по уходу за скотом и заготовке сена в это время выполняли женщины и дети» (Кычанов, 1997, с. 145). То есть из источников хотя и косвенно, но видно, что солдаты проживали в городищах с семьями. Однако в свете данных об утоне киданями значительного числа жителей Бохая и ряда китайских провинций, возможно предположение о том, что зависимое, выполнявшее тяжелую работу население составляли люди, насильно переселенные из родных мест.

По всей видимости, киданьские города в бассейнах рек Онона, Керулена и Толы представляли собой опорные пункты владычества империи Ляо над центральноазиатскими кочевниками. Со временем, однако, эти города, особенно в бассейне Толы, могли превращаться в плацдарм для проникновения на запад, в богатые и цветущие оазисы Средней Азии. Здесь сосредотачивались военные отряды, готовились запасы продовольствия, возможно, привлекались отряды союзников из местных кочевников. Косвенным подтверждением этому может служить тот факт, что после разгрома чжурчженями империи Ляо бежавший киданьский полководец Елюй Дашин в очень короткие сроки подготовил войско и выступил в 1124 г. в поход на запад, где основал новую державу под гла-

венством киданей – Западное Ляо. По всей видимости, все силы киданей были мобилизованы для проведения военных действий на западе, а не против чжурчженей, для борьбы с которыми сил было уже недостаточно. Для подтверждения или опровержения подобных предположений требуется проведение широкомасштабных археологических раскопок киданьских городов не только на территории Монголии, но и на западе, где непременно должны остаться следы их пребывания.

С.В. Данилов (г. Улан-Удэ)

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Впервые европейская и российская наука ознакомилась с древней историей Центральной Азии в XVIII-XIX вв. когда профессором Сорбонны де Гинем, и главой русской православной миссии в Пекине

о. Иакинфом на основе переводов древнекитайских исторических источников были написаны обобщающие труды по истории центральноазиатских кочевников.

Однако стоявшие у истоков изучения истории древних центральноазиатских народов ученые, имевшие дело с древнекитайскими манускриптами и не предполагали высокий уровень развития материальной и духовной культуры кочевников, об их умении возводит грандиозные курганы с высоким уровнем развития материальной и духовной культуры кочевников, об их умении возводит грандиозные курганы с высокохудожественными произведениями искусства, о сооружении ими стационарных зданий и строительстве фортификационных сооружений.

Традиционно считается, что археологическое изучение кочевнических древностей Центральной Азии начинается с 1889 года, с монгольской экспедиции Н.М. Ядринцева, открывшей в долине Орхона ряд археологических памятников, в том числе остатки поминальных памятников древнетюркских каганов, давших мировой науке руническую письменность древних тюрков, развалины столиц уйгурского каганата Орду Балыка и монгольской империи Каракорума. Все более расширявшиеся масштабы археологических исследований, совершенствование методики исследований с привлечением методов естественных наук, во-первых, увеличивали источниковую базу, во-вторых, уточняли знания об уровне материального развития древних скотоводов, и, в-третьих, давали ключ к раскрытию социального положения и политической системы конкретно изучаемого сообщества.

Сложившаяся историографическая традиция считает, что первое в истории Центральной Азии государственное образование создали хунну. За всем многообразием терминов применяемых к характеристике хуннского общества стоит признание факта того, что хунну создали новые принципы организации общества в отличие от более раннего населения Центральной Азии так называемых ранних кочевников.

Однако в археологическом отношении памятники хунну принципиально ничем не отличались от памятников раннего железного века Алтая, Тывы, Минусы, Монголии и Забайкалья. И говорить о существенном различии в социальном устройстве и тем

более о существовании или отсутствии государственности по всей совокупности археологического материала пока нет оснований.

Археологические культуры, оставленные древними скотоводами и ранними кочевниками, сопоставимые с археологическими культурами хунну и культурами населения Центральной Азии постхуннского времени.

Однако именно хуннское общество признано большинством исследователей первым в ряду кочевых империй Центральной Азии. Анализ письменных источников о сяньби, жуэнях, тюрках, уйгурах, киданях, монголах показывает, что в созданных ими государственных образованиях в их политическом, социальном, военном, экономическом устройстве не было больших отличий от хунну. То есть хунну или хуннское время явилось своеобразным рубежом в историческом развитии народов региона. Археология этих народов показывает, что в постхуннское время исчезают грандиозные погребальные сооружения, с пышными погребальными обрядами. Таким образом, можно говорить о том, что народы, создававшие кочевые империи, оставляли после себя археологические памятники, объединяемые в культуры так же, как и у их предшественников – носителей культур бронзового и раннего железного веков.

То есть, если рассматривать археологические памятники, оставленные центральноазиатскими кочевниками, в отрыве от письменных источников, раскрывающих политическое и социальное состояние конкретного общества, то вряд ли можно выявить черты, отличающие кочевые общества, якобы перешагнувшие порог государственности, от тех, чей уровень политического и социального развития не достиг того порога или уровня, за которым происходят сложные социально-политические и экономические процессы, породившие родоплеменные организации кочевников к созданию особой формы организации общества, которую можно определить как государственность.

По всей видимости, в годы правления хуннского шаньюя Модэ произошло сцепление ряда факторов, следствием которого стало становление структур государственности, что, вероятно, было не закономерностью, а так называемой исторической маловероятностью.

Часть III. ДРЕВНИЕ ИМПЕРИИ НОМАДОВ

С. В. Данилов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ И КОЧЕВЫЕ ИМПЕРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ* (К постановке проблемы)

Изучение археологических памятников, оставленных кочевыми скотоводческими народами, с древности населявшими регион Центральной Азии, имеет довольно длительную историю, описанную многочисленными исследователями в соответствующих разделах монографий по истории того или иного периода определенных географических областей, что избавляет нас от необходимости приводить историографические детали.

Традиционно считается, что археологическое изучение кочевнических древностей Центральной Азии начинается с 1889 г., с монгольской экспедиции Н. М. Ядринцева, открывшей в долине Орхона целый ряд археологических памятников, в том числе остатки поминальных памятников древнетюркских каганов, давших мировой науке руническую письменность древних тюрков, развалины столиц уйгурского каганата Орду Балыка и монгольской империи Каракорума. И хотя в пределах Южной Сибири и Забайкалья археология народов, входивших в центральноазиатскую ойкумену, начала изучаться с XVIII в., со времен первых академических экспедиций Д. Г. Мессершмидта, Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина, все же именно с данной экспедиции начинается отсчет истории исследования центральноазиатских древностей. Сразу же после монгольских открытий Н. М. Ядринцева в 1890 г. была подготовлена и направлена туда экспедиция под руководством В. В. Радлова, известная впоследствии как Орхонская экспедиция. В результате проведенных ею исследований на территории Северной Монголии были описаны многочисленные архео-

логические памятники, ставшие сенсацией в научном мире. Начинается эпоха изучения древностей Центральной Азии.

Еще ранее ученый мир ознакомился с книгой профессора Сорбонны Ж. Де Гинь, которым в XVIII в. на основе переводов французских миссионеров древнекитайских исторических источников на европейские языки был написан обобщающий труд по истории центральноазиатских кочевников под названием *«История гуннов, тюрков, монголов и прочих восточных татар до и после рождения Христа»*. Российские читатели смогли ознакомиться с историей народов Центральной Азии после выхода в свет переводов выдающегося ученого Н. Я. Бичурина (Иакинфа), который служил в Китае главой православной миссии и почти все свое время тратил на изучение и переводы китайских исторических сочинений. Благодаря его трудам, перед россиянами открылась до тех пор мало известная картина истории народов, населявших, по выражению Н. Я. Бичурина, Среднюю Азию. Его книги стали настольными для многих ученых и послужили основой для подготовки необозримого количества статей и монографий по многим аспектам истории, археологии, этнографии, культуры народов Центральной Азии.

Последующие переводы китайских исторических сочинений, выполненные Н. В. Кюнером, В. С. Таскиным, Н. Ц. Мункуевым, Л. И. Думаном и др. исследователями, уточняли и дополняли общую картину истории древних кочевников региона, впервые воссозданную Н. Я. Бичуриным. Однако стоявшие у истоков изучения истории древних центральноазиатских народов европейские миссионеры, имевшие дело с древнекитайскими манускриптами, и не подозревали об уровне материальной и духовной культуры кочевников, о которых они писали свои сочинения, о грандиозных курганах с высокохудожественными произведениями искусства, об их умении возводить стационарные здания и фортификационные сооружения.

Почти со времени первых археологических открытий исследователями предпринимались попытки отождествления археологических памятников с древним населением, упоминаемым в письменных источниках. Причем сначала все древние могилы связывались с полумифическими народами или с татарами и монголами как хорошо известными историческими насельниками региона. Одним из первых удачных опытов интуитивного отождествления археологических па-

* Работа выполнена в рамках программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», направление «Археологические древности России», проект «Хунну: происхождение, культура, этническая история, политогенез».

мятников с древними народами была попытка Ю. Д. Талько-Гринцевича связать раскопанные им погребения в 90-х гг. XIX в. в Ильмовой пади с гуннами или хунну – сюнну китайских источников. Впоследствии раскопки могильников в 20-х гг. XX в. в Ноин-Уле профессиональными археологами Г. И. Боровко и С. А. Теплоуховым [Руденко 1962] дали возможность провести их датировку эпохой железного века и связать ноинулинские погребения и захоронения в Ильмовой пади с хунну, подтвердив тем самым догадку Ю. Д. Талько-Гринцевича. Постепенно большинство археологических памятников и культур Центральной Азии получили свою этническую идентификацию. Даже памятники энеолита, ранней, средней и поздней бронзы нашли отождествление с индоевропейскими, индоиранскими и североиранскими народами.

Созданная в 20-х гг. XX в. С. А. Теплоуховым археологическая периодизация памятников Южной Сибири легла в основу постоянно уточняемой и дополняемой периодизации всей Центральной Азии, используемой большинством современных исследователей. Почти одновременно трудами Г. П. Сосновского, М. П. Грязнова, С. В. Киселева, С. И. Руденко, А. Н. Бернштама, С. П. Толстова, А. А. Гавриловой, Л. Р. Кызласова, В. В. Волкова, А. Д. Грача, Э. А. Новгородовой, Н. Л. Членовой, Д. Г. Савинова и других исследователей были выделены, описаны археологические культуры, за которыми стояло население с хозяйством, основанным, по мнению исследователей, на пастушеском, полукочевом и кочевом скотоводстве.

Скруплезное исследование памятников, оставленных древним населением степных зон, способствовало появлению большого количества монографических исследований по различным территориям, регионам и хронологическим периодам. Появляются крупные обобщающие исследования, охватывавшие почти все периоды истории и прослеживавшие развитие материальной и духовной культуры центральноазиатских народов, их гражданскую и политическую историю, описанную в источниках.

Анализируя материалы по исследованию археологических культур, можно отметить, что в основном рассматривались погребальные памятники, представленные большими, сложенными из камней, каменно-земляными, земляными курганами, разнообразной формы каменными выкладками и каменными ящиками, грунтовыми могилами

и т. д., оставленные древним населением. Найденный при раскопках памятников погребальный инвентарь, включавший всю совокупность разнообразных по материалу и функциональному назначению сопровождающих предметов, подвергался описанию, типологическому анализу, классификации. Исследовались также остатки жертвоприношений различных видов домашних животных. Изучались остатки поселений и городищ, оставленных древними скотоводами.

На основе полученных при раскопках данных был выделен ряд археологических культур. Афанасьевская, андроновская, карасукская, скифо-сако-сибирские, хунно-сарматские, тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские археологические культуры или историко-культурные общности, выделенные исследователями и имеющие уже устойчивый характер, занимали громадные по площади территории Монголии, Синьцзяна, Саяно-Алтая, Забайкалья, АРВМ Китая.

Многими исследователями, занимавшимися проблемами истории и культуры населения Центральной Азии, предпринимались попытки реконструкции хозяйственной деятельности населения и выработки критериев, по которым можно было бы выделить начальные этапы становления скотоводства в регионе и начало формирования кочевого скотоводства.

Так, М. П. Грязновым были выделены памятники так называемых ранних кочевников, определенных эпохой поздней бронзы – раннего железа, синхронной скифскому времени. Хозяйство более ранних обитателей центральноазиатских степей и горных долин, носителей афанасьевской и андроновской культур, было определено как комплексное скотоводческо-земледельческое со значительной долей охоты и собирательства. Критериями выделения эпохи ранних кочевников послужило появление в погребениях металлических ути, костей домашних животных, захоронений коней [Грязнов 1955; Левин, Чебоксаров 1955]. Хотя, по замечанию Л. С. Клейна, жесткие металлические удила появляются с массовым использованием лошадей для военных целей [1980: 32]. Для пастьбы скота и простой верховой езды достаточно было и более мягкого управления конем. Металлические стремена, седло с жесткой конструкцией, шпоры – все эти нововведения появлялись впоследствии исключительно в связи с ведением боевых действий, когда от мобильного управления конем зависела жизнь

всадника и, следовательно, исход боевых действий, сражений, войн в целом.

Вместе с тем необходимо отметить, что основные археологические памятники, оставленные древним населением региона, не дают конкретной информации о том, что захороненные в них индивидуумы являлись скотоводами и тем более ведущими кочевой образ жизни. Такое восприятие древних насельников региона появилось, во-первых, под влиянием этнографических данных, когда европейские исследователи, появившиеся в степных, полупустынных и пустынных пространствах Азии, застали здесь население, ведущее кочевое скотоводческое хозяйство и полностью приспособленный к нему образ жизни, во-вторых, в результате изучения сведений письменных источников о европейских и азиатских народах, ведущих непривычный, с точки зрения античных, средневековых и древнекитайских авторов, кочевой образ жизни, нашедший отражение в расхожей формулировке «передвигаются вслед за скотом в поисках воды и травы», и, в-третьих, сама экология открытых пространств Центральной Азии, когда занятие кочевым скотоводством являлось едва ли не единственно возможным способом (кроме оазисов) обеспечить население пищевыми и прочими ресурсами.

Археологические погребальные комплексы древнего населения центральноазиатских степей содержат конское снаряжение и остатки жертвоприношений животных, находки, часто встречающиеся и в погребениях, оставленных оседлыми земледельцами, в особенности элиты общества, и не дают возможности однозначно определить, что население вело кочевой, скотоводческий образ жизни, тем более что для кочевника не характерны какие-то особые орудия труда, наподобие серпов, плугов, зернотерок земледельцев. То есть наши представления о скотоводческой направленности хозяйства и тем более кочевом образе жизни населения Центральной Азии сложились не только на основе археологической изученности региона, а в результате изучения гораздо более широкого круга источников.

Все более расширявшиеся масштабы археологических исследований, совершенствование методики исследований с привлечением разных, в первую очередь письменных, источников и сведений этнографии, использование методов естественных наук способствовали, во-первых, увеличению источниковой базы, во-вторых, уточнению

знаний об уровне материального развития древних скотоводов, в-третьих, давали ключ к раскрытию социальных отношений конкретного изучаемого общества и существовавшей в нем политической системы.

Наиболее раннее население, относимое к скотоводам и оставившее археологические памятники, датированные IV–III тысячелетиями до н. э. и объединенные в афанасьевскую археологическую культуру, проживало на территории Минусы, Саяно-Алтая, Синьцзяна, Западной Монголии. Основным критерием существования скотоводства у населения этого времени было наличие в погребениях костей домашних животных, выявленное в ходе археологических исследований. Археологические памятники афанасьевского населения представлены в основном курганами, поселениями, святилищами. По ним можно судить об уровне социального развития древних скотоводов только в самом общем виде. Комплекс предметов, использовавшихся в разнообразной деятельности населения афанасьевской культуры, представлен изделиями из камня, меди, кости. Бронза еще не вошла в широкое распространение. Специализации в производстве оружия, как и особых орудий для ведения войн, еще не было.

Говоря о социальном устройстве афанасьевского общества, трудно представить, что вся эта общность, занимавшая громадную территорию, составляла единый социально-политический организм. Скорее всего, существовали разрозненные группы, осознававшие свое единство на уровне рода, группы родов, группы племен. Однако не исключена возможность существования на основе единства происхождения, хозяйства, культуры каких-то общностей, крупных объединений, основной целью которых являлась борьба за имущественные и территориальные интересы отдельных групп населения, вторжения на соседние территории. Хотя конкретных сведений о войнах в III–IV тысячелетиях до н. э. в регионе Центральной Азии не имеется, все же данные о вторжениях носителей древнеямной культуры, современников афанасьевцев, вплоть до Балканского полуострова, позволяют предположить наличие у последних крупных объединений [Мерперт 1978].

Дальнейшая история региона связана с андроновской культурой, или андроновской историко-культурной общностью. Территория, занимаемая памятниками андроновской историко-культурной общно-

сти, простирается от Енисея на востоке до Урала на западе и от западносибирских степей на севере до казахских степей на юге. Основной ареал обитания населения в это время находился западнее центральноазиатского региона. Отличительным признаком от более раннего населения было владение андроновцами более совершенной технологией изготовления предметов из бронзы, в том числе и оружия. Более совершенная и разнообразная керамика свидетельствовала о массовом производстве и разнообразности способов ее применения. Основой хозяйственной деятельности большинства андроновского населения являлось скотоводство. Восточнее Минусинской котловины памятники андроновской культуры до настоящего времени не известны. На территории Тувы встречаются предметы, характерные для андроновцев и свидетельствующие о наличии связей между регионами, но характер контактов между населением пока не ясен. Поскольку ареал распространения андроновской культуры включает в себя значительные территории Центральной Азии, ее население оказало большое влияние на становление в регионе производящей экономики и формирование социальных отношений.

Основной, так сказать модельной, территорией, на которой исследователи рассматривали сменяемость археологических культур в хронологическом порядке, долгое время являлась Минусинская котловина. Именно здесь была выявлена хронологическая последовательность смены андроновской культуры карасукской. Однако карасукский бронзовый предметный комплекс, как постепенно выясняется, имел довольно большой ареал распространения, включая кроме Минусинской котловины территории Саяно-Алтая, Монголии, Забайкалья, Ордоса, Синьцзяна. Здесь проживало население, оставившее памятники, значительно отличавшиеся от памятников собственно карасукской культуры Минусы, но имеющие сходство с ней в бронзовом предметном комплексе, выражавшееся в общности технологии изготовления и близкой стилистике предметов вооружения, украшениях, предметах быта. По всей видимости, здесь имеет место тот же феномен, характерный для скифского времени, когда на громадной территории распространилась так называемая скифская триада: вооружение, конское снаряжение и звериный стиль. Памятники скифского времени, в основном погребальные, имеют значительное отличие,

да и сами вещи предметного комплекса различаются в зависимости от территориального и хронологического расположения.

Возвращаясь к памятникам, относящимся ко времени карасукской эпохи Центральной Азии, отмечаем, что они значительно отличаются от памятников собственно карасукской культуры Минусинской котловины. Памятники монгун тайгинского типа и керексуры Тывы, Монголии и Западного Забайкалья [Новгородова 1989; Цыбиктаров 1998б], памятники дворцового типа Восточного Забайкалья рядом исследователей отнесены к карасукскому времени [Кириллов 1979]. К этому же времени относится часть памятников культуры плиточных могил [Цыбиктаров 1998а]. В Синьцзяне выделена чечурчакская культура [Худяков, Комиссаров 2002]. В Северном Китае отмечена культура Чаодаогоу [Ковалев 2004]. Таким образом, в карасукской общности, пока подтверждаемой только находками однотипных изделий из бронзы, выделяется несколько провинций, но аргументация такого выделения пока не разработана и довольно слаба. По всей видимости, просматривавшаяся на материалах Минусинской котловины преемственность андроновской и карасукской культур на остальной территории Центральной Азии носила иной характер. Возможно, что карасукская культура, или карасукская историко-культурная общность центральноазиатского уровня, синхронна по времени алакульскому этапу андроновской культуры, причем не Минусинскому варианту, а алакульскому этапу глобальной андроновской общности [Комарова 1962]. То есть карасукская общность существовала не в послеандроновское время, а сосуществовала в одном с ней промежутке времени.

Население синкретичной карасукской общности, по-видимому, еще не представляло культурного единства, но, вероятно, это время было исходным для формирования на территории Центральной Азии автохтонных разновидностей кочевого скотоводства и, соответственно, разновидностей способов ведения хозяйства, отражавшихся в вариантах археологических культур.

Для следующей эпохи характерны культуры так называемого скифского типа, распространенные почти на всем протяжении евразийских степей. В Центральной Азии обитало в это время население, объединяемое рядом общих черт, но в то же время, по характеристикам в материальной культуре, подразделяющихся на несколько са-

мостоятельных археологических культур. В западной части региона выделены культуры саков. На Алтае памятники скифского времени объединены пазырыкской культурой [Грязнов 1950; Руденко 1960]. В Туве Л. Р. Кызласовым была выделена уюкская культура [1958]. Те же памятники А. Д. Грачом были разделены на две асинхронные культуры – алды-бельскую и саглыгскую [1980]. В Западной Монголии распространены памятники чандманьской культуры, имеющей черты сходства с тувинскими памятниками и оставленные, по всей видимости, родственным населением [Цзвэндорж 1978]. В Северном Китае выделены памятники типа Наньшаньгэнь, возможно, относящиеся к ранним этапам становления скифской культуры [Ковалев 1998]. В Синьцзяне трудами китайских археологов открыты памятники, объединенные в культуры яньблак и чауху [Худяков, Комиссаров 2002].

В Монголии и Забайкалье распространены памятники культуры плиточных могил, хотя, по мнению большинства исследователей, ранние плиточные могилы могут относиться ко времени существования карасукской культуры [Диков 1958; Цыбиктаров 1999].

Отличительными чертами этого времени становятся ряд близких признаков, характерных для традиционно выделяемых культур скифского облика. Это аналогичные в материале и манере изготовления черты уже упоминавшейся скифской триады: предметы вооружения, конское снаряжение, вещи, выполненные в зверином стиле. Для этого времени по всей территории распространения памятников выделено большое разнообразие в погребальной обрядности, выразившееся в различных по конструкции надмогильных и внутримогильных сооружениях, жертвоприношениях животных. Особо отмечается появление грандиозных по размерам и пышности погребальных сооружений – курганов, являющихся, по мнению подавляющего большинства исследователей, свидетельством имущественного и социального расслоения общества. По всей видимости, аналогичные процессы в социальном устройстве обществ ранних кочевников происходили по всей территории расселения скифского населения, свидетельством чему являются исследованные большие курганы Тывы, Алтая, Монголии, Забайкалья, Хакасии, Казахстана и территории расселения собственно скифов – Северного Причерноморья.

Население этого времени имело, судя по разным видам источников, уже сложившиеся формы подвижного скотоводческого хозяйства. Несмотря на различия, существовавшие в материальной и духовной культуре между отдельными регионами, можно отметить внутренние процессы расслоения общества по имущественному и социальному признаку, происходившие по всей территории евразийских степей, отражением чего, как уже говорилось, явилось появление больших курганов с захоронениями богатых, с высоким социальным статусом индивидуумов. Отражением высокой степени организации скотоводческих обществ могут служить и сведения источников, довольно скупо сообщающих о массовых вторжениях в V–VI вв. до н. э. жунских орд в пределы Китая. Очевидно, что для проведения подобных крупномасштабных нашествий был необходим определенный уровень организации общества.

По всей видимости, социальное развитие общества уже в древности приводило к возникновению различного уровня объединений, главы которых в мирное время контролировали распределение пастбищ и маршрутов кочевков, разрешали различные спорные вопросы, а в периоды войн осуществляли планирование военных вторжений, предусматривавших стратегическую и тактическую разведку, выбор наиболее удобных маршрутов для движения войск, конечные пункты походов и т. д. По крайней мере, масштабы вторжений в Китай, осуществлявшихся кочевниками, начиная с XII в. до н. э., предполагают существование у центральноазиатских племен довольно хорошо поставленной военной организации. Масштабы вторжений сопоставимы с киммерийскими и скифскими походами в Закавказье и Переднюю Азию. Сейчас трудно определить, из каких именно районов производились военные вторжения в Китай. Возможно, в них принимало участие не только население прилегающих к границе китайских царств областей Ордоса, Синьцзяна и восточной излучины Хуанхэ, но и представители военной элиты Монголии, Саяно-Алтая и Забайкалья. Изучение обществ скифского времени Сибири позволило поставить закономерный вопрос о наличии глубоко зашедших социальных процессов, в результате которых создавались мощные объединения, позволившие ряду исследователей выдвинуть гипотезы о возникновении в это время государственных или протогосударственных образований [Мартынов 1989].

Концом эпохи бронзы и полного преобладания железа (скифская эпоха) в изготовлении изделий считается начало великого переселения народов, вызванного формированием в центральноазиатских степях объединений хунну, завоевательные походы которых привели в движение многие народы евразийских степей. Собственно хунну, вероятно, проживавшие на территории Внутренней Монголии в Китае, Монголии, Забайкалья, имели своеобразную культуру, нашедшую отражение в археологических памятниках и предметном комплексе. Материалы раскопанных в последнее время курганов элиты хуннского общества в Цараме, Гол-Моде, Ноин-Уле подтверждают засвидетельствованную в письменных источниках глубокую имущественную и социальную дифференциацию хуннского общества. Сложную социальную структуру общества отражает и иерархия погребений, различавшихся по размерам надмогильных и внутримогильных конструкций, богатству и изысканности погребального инвентаря. В хуннскую эпоху впервые в истории региона наряду с погребальными памятниками появляются оседлые укрепленные стационарные поселения, часть из которых выполняли, возможно, функции городов. Археологические следы присутствия хунну прослеживаются на гораздо более широкой территории, нежели их исконные земли, что объясняется обычно завоевательными походами, сведения о которых содержатся в источниках.

Сложившаяся историографическая традиция считает, что именно хунну создали первое в истории Центральной Азии государство. Это признание в большей степени связано с появлением письменных источников о хунну, порой детально излагавших систему управления обществом, обрисовывавших военную организацию, внутреннюю и внешнюю политику, порядок взаимоотношений внутри общества. Из сведений источников вырисовывалась картина общества со сложившейся политико-административной системой, ранжированной социальной иерархией, милитаризованным мужским населением, экономикой, основанной на скотоводстве, земледелии, ремесленном производстве, системе военно-даннических отношений с зависимыми народами и даже с державой мирового уровня – империей Хань. Такое общество резко отличалось от обществ кочевников с экстенсивным скотоводством, родоплеменной организацией, какими привычно считались общества центральноазиатских скотоводов. Именно слова Сы-

ма Цяня о том, что «хунну небывало усилились и создали на севере государство, равное по силам Срединной империи» [Таскин 1968], дали основание многим исследователям говорить о создании хунну мощного государства.

Участившиеся в последнее время среди ряда специалистов дискуссии о характере хуннского общества завязаны, в основном, вокруг проблемы о наличии у хунну государственности. Причем термины, употребляемые как ранними, так и современными исследователями, отличаются разнообразием – государство, империя, держава, суперсложное вождество. Отдельные исследователи считают, что в кочевых обществах отсутствовали признаки государственности, другие относят наиболее изученные образования, созданные кочевниками, к ранним государствам. За всем многообразием терминов, применяемых к характеристике хуннского общества, стоит признание факта, что хунну создали новые принципы организации общества, в отличие от более раннего населения Центральной Азии, так называемых ранних кочевников [Крадин, Данилов, Коновалов 2004].

Однако в археологическом отношении памятники хунну принципиально ничем не отличались от памятников пазырыкцев Алтая, уюкцев (или алды-белыцев и саглынцева) Тывы, плиточников Монголии и Забайкалья. Естественно, были отличия в области материальной культуры, особенно в широком применении железа при изготовлении широкого ассортимента изделий, технические отличия в предметном комплексе, в технологии изготовления отдельных категорий предметов, в оформлении погребальной обрядности. Но все же погребальные сооружения выдающихся членов общества эпохи ранних кочевников, такие как Аржан в Тыве, салбыкские курганы в Хакасии, пазырыкские некрополи на Алтае, могила Кара Баян в культуре плиточных могил, бесшатырские курганы саков в долине реки Или, вполне сопоставимы в плане изучения социальной структуры и социальной организации кочевых обществ с хуннскими курганами Ноин-Улы, Гол Моде, Царама, Ильмовой пади и др.

Однако именно хуннское общество признано большинством исследователей первым в ряду кочевых империй Центральной Азии. И в первую очередь благодаря письменным источникам, давшим пищу для дискуссий о характере социального и политического устройства не только хуннского общества, но и кочевых обществ вообще.

Анализ письменных источников о постхуннских народах – сяньби, жузянях, тюрках, уйгурах, киданях, монголах – показывает, что в созданных ими образованиях, именуемых кочевыми империями, в их политическом, социальном, военном, экономическом устройстве не было больших отличий от хунну: деление территории кочевой державы на два или три округа (крыла) с более дробным административным делением, появление института наместничества, существование народного собрания типа монгольского курултая, наличие мощной военной организации, активная внешняя политика, проводимая военными средствами, более развитые экономические отношения. То есть хуннское время явилось своеобразным рубежом в историческом развитии народов региона. Но в то же время вполне вероятно, что все отмеченные институты и явления существовали в кочевых обществах более раннего времени в эмбриональном состоянии и только стечение благоприятных факторов способствовало их развитию. То есть здесь проявляется одно из положений марксистской теории о соотношении базиса и надстройки, когда сходная экономическая база порождает становление сходных институтов в социальной структуре и организации общества.

Археология народов постхуннского времени показывает, что у них исчезают грандиозные погребальные сооружения с пышными погребальными обрядами. Их нет у жузяней (хотя их археология до сих пор практически неизвестна). У тюрков имеются только поминальные сооружения выдающихся деятелей Второго Тюркского каганата. Грандиозные погребальные сооружения времен Тюркского и Уйгурского каганатов пока неизвестны. Нет сведений и о пышных погребениях представителей правящих кругов Монгольской империи. Более того, совершенно отсутствуют погребальные и поминальные памятники правящего рода монголов Борджигин. Только в Средней Азии и Индии существуют мавзолеи принявших ислам тимуридов, приходящихся зятями роду Чингисхана. Однако это уже иные культурные традиции, связанные с иными линиями исторического развития.

С хуннского времени появляются новые типы памятников, не характерные ранее для кочевников Центральной Азии, – это стационарные укрепленные городища. Археологически они зафиксированы кроме хунну у уйгуров, киданей, монголов. В письменных источниках упоминаются города у жузяней, тюрков. Имеются сведения, что пра-

вители последней кочевой империи Центральной Азии – Джунгарского ханства – предпринимали строительство оседлых городков [Златкин 1989]. Их появление связано со сложными экономическими, социальными и политическими процессами, происходившими в кочевых обществах и приводившими к созданию мощных объединений [Данилов 2004]. По всей видимости, появление городов и городской культуры в кочевых обществах может быть показателем уровня развития технических возможностей населения и одновременно – критерием развития его социально-политического состояния. К сказанному можно добавить, что одним из основных показателей признаков формирования государственности, а также достижения определенного уровня цивилизации в древневосточных, античных, средневековых европейских обществах, в древних государствах Центральной и Южной Америки неизменным считается появление городов.

Таким образом, степень археологической изученности территории Центральной Азии позволяет говорить о том, что здесь имеется колоссальное количество материальных остатков жизнедеятельности населения, скопившихся за несколько тысячелетий. Концентрация остатков материальной культуры происходила в определенных объектах погребального, культового, селитебного характера, которые и становятся объектами археологического изучения. Результатами исследований становятся научные характеристики разнообразных видов памятников, создание классификаций и типологий разных видов и категорий археологического материала. Выделение археологических культур, определение их хронологических рамок – чрезвычайно трудоемкая по физическому и интеллектуальному напряжению работа, выполнявшаяся и выполняемая несколькими поколениями исследователей-археологов, в результате которой проясняется общая панорама распространения и распределения по регионам всего разнообразия объектов и субъектов материальной культуры.

Говоря о формировании особенностей археологических культур, выразившихся в своеобразии артефактов, особенностях погребального и поселенческого комплексов, получивших распространение на широкой территории, можно предположить о существовании гипотетических центров, где происходила выработка технических приемов изготовления различных по материалу и функциональному назначению изделий, формирование разнообразных технологий во всех об-

ластях экономики и производства, складывание культурных традиций, нашедших отражение в этнографической самобытности. Пока сложно говорить о местах, где сложились, например, характерные черты карасукской культуры или карасукской историко-культурной общности, где проходило формирование культур скифского облика, где выработались особенности материальной культуры хунну, имевших громадную территорию распространения.

Иными словами, где происходило формирование основных черт культурного своеобразия населения, дошедшего до нас в виде археологических артефактов? Где находились центры, откуда, согласно теориям диффузионистов, происходило распространение новаций? Истоки карасукской культуры ищут и в Северном Китае, и в Иране в Луристане. Поиски происхождения скифского культурного своеобразия переместились из Передней Азии в Центральную, Среднюю и Восточную. Генезис культуры хунну связывают и с Восточной Азией, и с Синьцзяном. И это только часть общего процесса поисков истоков археологических культур. Следует отметить что территории, занимаемые кочевыми империями, по площади сопоставимы с территориями археологических культур и так называемых историко-культурных общностей.

Не менее, если не более трудно выяснение хода и путей направлений формирования социальной структуры и социальной организации в обществах древних кочевников. Анализируя письменные источники и сопоставляя их по времени с выделенными археологическими культурами, исследователи выделяют критерии, по которым можно говорить об определенных этнических общностях, и в зависимости от степени насыщенности письменного источника сведениями исторического, этнографического, социального характера воссоздать хотя бы очень приблизительную картину социальной и политической организации исчезнувших народов. В настоящее время уровень научных исследований в области археологии кочевых обществ возрос настолько, что возможно определение хотя бы приближенного к действительному уровня социальной организации скотоводческих и кочевых обществ, не имевших письменных источников, хотя исследователи совершенно справедливо оговаривают гипотетичность проводимых исторических реконструкций. При реконструкции социальной структуры исследователи используют как устоявшиеся категории,

имеющие общечеловеческое распространение, такие как семья, род, племя, так и новые, появившиеся сравнительно недавно понятия – вождество, раннее государство и др. Все же опыт исследований средневекового монгольского общества показывает, насколько сложными и местами неуловимыми оказываются социальные отношения у кочевников. Терминология социальных единиц монгольского общества, сохранившихся в памятниках монгольской письменности («обок», «омок», «ирген» «улус»), и их интерпретация Б. Я. Владимирцовым [1934] и другими исследователями [Марков, 1976; Скрынникова 1997; Крадин, Скрынникова 2006; Билегт 2007] показывают, что у монголов местами исчезает грань, отделявшая семью от рода, род от племени, племя от улуса. В реальной жизни все это существовало гораздо более аморфно и расплывчато, чем в строгих категориях академической науки.

Естественно, возникает вполне закономерный вопрос, насколько правомерно, используя данные этнографического характера, сведения письменных источников, предпринимать попытки реконструировать экономические и социальные характеристики, политические системы древнего населения эпохи энеолита, бронзы, раннего железа. Представляется, что экстраполировать наши представления о древних кочевниках на основе изученных народов постхуннского времени и этнографически изученного населения Центральной Азии следует с большой осторожностью, так как накопление ошибок эмпирического характера неизбежно приводит к неверным теоретическим построениям. Тем более, что в настоящее время только складываются новые подходы, методологические принципы и методические приемы, позволяющие полноценно проследить историю и развитие кочевых обществ Центральной Азии с древности до этнографической современности. Особенно это касается более высоких уровней социальной организации кочевых обществ.

Несомненно, что вопрос о появлении государственных институтов у кочевников является одним из основных на сегодня и именно вокруг этой проблемы идут дискуссии. Однако ее решение проводится в разных плоскостях, в зависимости от научной специальности исследователя. Историки, например, по большей части считают, что идея создания управленческой структуры и политической организации в целом была заимствована из обществ с более развитыми, чем у

кочевников, традициями. Этнографы полагают, что кочевничество как общество с экстенсивной экономикой не способно к саморазвитию. Археологи не исключают того, что достижение высокого уровня организации общества связано с внутренней эволюцией общества и развитием как отдельных социальных единиц, так и всего кочевого общества. Конечно, приведенные определения до предела утрированы и истина, возможно, находится где-то посередине. Так или иначе, по всей видимости, каждое кочевое общество, несмотря на общие закономерности развития, шло своим путем, а внешние и внутренние факторы, способствовавшие изменению организации общества, отличались большим разнообразием. Можно сказать, что процесс сложного, многолинейного развития обществ Центральной Азии нуждается еще в тщательном изучении, и это под силу объединенным усилиям ученых различных специальностей.

Литература

- Артамонов М. И. 1977. Возникновение кочевого скотоводства. *Проблемы археологии и этнографии*. Вып. 1. – Л.: 4–13.
- Билегт Л. 2007. *Раннемонгольские племена*. – Улаанбаатар.
- Бичурин Н. Я. 1950. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Т. I–II. – М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Владимирцов Б. Я. 1934. *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*. – Л.: Изд-во АН СССР.
- Грач А. Д. 1980. *Древние кочевники в центре Азии*. – М.: Наука.
- Грязнов М. П. 1950. *Первый Пазырыкский курган*. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа.
- Грязнов М. П. 1955. Некоторые вопросы сложения и развития ранних кочевников Казахстана и Южной Сибири. *Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР*. Вып. 24: 19–29.
- Данилов С. В. 2004. *Города в кочевых обществах Центральной Азии*. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.
- Диков Н. Н. 1958. *Бронзовый век Забайкалья*. – Улан-Удэ.
- Златкин И. Я. 1989. *История Джунгарского ханства. 1635–1758*. 2-е изд. – М.: Наука.
- Ковалев А. А. 1998. Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип Наньшаньгэнь). *Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Мат-лы Всерос. науч. конф-ии, посвящ. 70-летию со дня рождения А. Д. Грача*. – СПб.: 122–131.

**С.В. Данилов, Л. Эрдэнэболд, П.Б. Коновалов, Н.В. Именохоев,
Н.В. Цыденова, А.И. Симухин, А.И. Бурасев,
Б.А. Базаров, Б. Анхбаяр, Ц. Эгима**

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия)
Национальный музей истории Монголии (Монголия)
Международный институт кочевых цивилизаций (Монголия)*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК НА ХУННСКОМ ГОРОДИЩЕ ТЭРЭЛЖИЙН-ДЭРВЭЛЖИН В ЦЕНТРАЛЬНОМ АЙМАКЕ МОНГОЛИИ

Исследуемое в 2007 г. хуннское городище Тэрэлжийн-Дэрвэлжин находится в южных предгорьях Хэнтэйской горной системы, в 18 км к северо-востоку от Мунгморьт сомона, в долине речки Тэрэлж (правом притоке реки Керулен) на его левом берегу. Создающие долину отроги, примыкающие к южным предгорьям Хэнтэйской горной системы, сложены из окатанных валунов и крупных галек, сформировавшихся, вероятно, во времена горного оледенения. Сама долина сложена ледниковыми и аллювиальными отложениями, частично вынесенными из ущелья, из которого вытекает речка Тэрэлж, берега которой поросли ивняком, тополем, кустарниками. Склоны Хэнтэя, обращенные к долине, поросли хвойным лесом. Долина имеет ровную остепненную поверхность, на которой в большом количестве имеются норы тарбаганов. Эти грызуны своими выкадами почвы, возникшими при рытье нор, создали своеобразный микрорельеф, состоящий из небольших округлых поднятий. Растительность, наблюдаемая нами в мае месяце, представлена невысокой пожухлой травой и редко стоящим невысоким кустарником.

Городище в целом имеет подквадратную в плане форму, созданную укреплениями в виде валов, и ориентировано углами по странам света. Размеры городища: северо-восточная сторона 229 м; юго-восточная сторона 224 м; юго-западная сторона 215 м; северо-западная сторона 226 м. При внешнем визуальном обследовании хорошо просматривались валы городища, достигавшие в высоту около одного метра. Ширина расползшегося под воздействием времени вала достигает 3-5 метров. Со всех четырех сторон городища примерно посередине валов находились воротные проемы шириной 3-4 метра. Внутренняя поверхность городища относительно ровная, хотя на ней наблюдаются небольшие поднятия и ложбины. В целом поверхность городища не сильно отличается от окружающей местности. Внутри городища просматриваются остатки четырех зданий в виде холмов разных размеров, высотой от одного до двух метров (рис. 1). Самое большое здание находится примерно посередине городища. К северо-западу от него находится здание меньших размеров, соединенное с большим невысоким расплывшимся валом, напоминающим остатки перехода или галереи. К западу от большого здания расположены остатки еще одно-

го здания, равного ему по высоте, но уступающего по размерам. К западу от него расположено небольшое всхолмление, соединенное с ним невысоким Г-образным в плане валом, также напоминающим переход. На поверхности всех отмеченных холмов встречаются обломки черепиц. Такая же черепица, но в меньших количествах находится на всей площади городища. Почти на всех зданиях видны следы старых раскопок и шурфов, произведенных во время обследования городища монгольским ученым Х. Пэрлээ.

После предварительного обследования территории городища было принято решение начать раскопки остатков большого здания, расположенного посередине городища, имеющего, как уже говорилось, вид небольшого холма. Холм имеет вытянутую в плане форму и ориентирован по линии СЗ-ЮВ. При внимательном рассмотрении видно, что форма в плане имеет довольно сложную конфигурацию. С южной и северной сторон холма с западной и восточной сторон просматриваются небольшие шлейфы, примыкающие к основному телу холма. Возникает предположение о более сложных конструктивных особенностях здания, нежели представлялось при первом визуальном осмотре. Приблизительные размеры раскапываемого холма, считая от подошвы: длина 60 м, ширина 35 м, высота 2 м.

Раскопки были начаты на юго-восточном склоне холма, где был заложен раскоп размером 16х12 метров и с последующими прирезками, составивший площадь в 224 кв. м. Перед началом работ весь холм был разбит при помощи визуальной веревочной сетки на четырехметровые квадраты. Реальная сетка была натянута только на месте заложенного раскопа. Площадь раскопа была разбита на четырехметровые квадраты с оставлением бровок шириной 0,5 м. Глубина вскрываемого слоя 5 см. В самом начале процесса раскопок во всех секторах начало встречалось большое количество крупных и мелких фрагментов черепицы (рис. 2). Причем черепица образовывала скопления, однако не вполне ясен принцип устройства кровли здания. Встречающиеся черепицы с уступами позволяют сделать вывод о принципе устройства кровли, когда ряды черепицы уступами покрывали крышу, причем ряды черепицы заходили друг за друга. По всей видимости, детали устройства кровли предусматривали различные типы черепиц, о чем свидетельствуют различные по размерам и форме черепицы. В отдельных местах черепица залегала в 5-6 слоев. Ниже по склону холма, т.е. ближе к краю здания, встречались концевые черепицы с дисками ханьского типа (определение А.Л. Ивлиева) (рис. 3). При дальнейшем углублении в заполнении фиксируется слоистость различных оттенков серого цвета, слои, отличающиеся цветом и консистенцией, т.е. слои глины, перемежаются со слоями, кроме глины, содержащими дрсву, гальку, супесь, суглинок. Такие серые глинистые прослойки, возможно, являются остатками каких-то несохранившихся конструкций, но наличие в них мелкой гальки, дресвы не позволяет говорить об этом с достаточной уверенностью. Возможно, при развале здания происходили процессы диффузии, т.е. взаимное

проникновение разнородных (глина, галька, дрсва) материалов. Помимо слоев, содержащих различные примеси, встречались слои чистой глины, принимаемые нами за остатки сооружений из глины-сырца. Однако полноценных конструкций, которые можно было бы реконструировать, несмотря на тщательные расчистки, встретить пока не удалось.

В отдельных местах раскопа выявлялись массивы чистой глины, принимаемые нами за пол и стены. Но так как при раскопках часто встречались слои глины, принимаемые то за пол, то за стены, то было решено проверить эти предположения (пол и стена). С этой целью была заложена траншея по линии СВ-ЮЗ, поворачивающая углом на СЗ-ЮВ. Траншея дала представление о стратиграфии этой части здания. Здесь на глубине 1,25 м выявился слой глины толщиной 12-20 см. Ниже и выше этого слоя наблюдались темного цвета прослойки (возможно, остатки гумуса?). Над этим слоем наблюдается та же слоистость серых и темно-серых слоев с мелкой галькой и суглинком. (Развал здания: стены это или иные конструкции, пока непонятно). Ниже слоя глины идет крупный галечник, вперемешку с мелкой галькой, супесью и глиной, суглинком. С целью определения, материк это или нет, был сделан шурф в стороне от остатков здания, на территории городища, в стратиграфии которого прослежены темный гумусированный слой, слои глины и крупный галечник вперемешку с мелкой галькой, суглинком. То есть слои под выделенным нами слоем чистой глины идентичны слоям, выделенным в проверочном шурфе и, очевидно, являются материком. Исходя из полученных стратиграфических наблюдений, можно предположить, что обнаруженный при прохождении траншеи слой чистой глины является полом или платформой, на которой сооружалось здание.

На глубине 20-40 см выявились гранитные плиты (рис. 4). Одна из них стоит вертикально, четыре лежат горизонтально. Между ними остатки угля и не прогоревшие остатки дерева (ветки). Возможно, это остатки отопительных систем, но расположены они довольно высоко над уровнем выявленного нами пола. Пока имеющиеся материалы и данные не позволяют даже гипотетично говорить об устройстве этой конструкции.

Вдоль юго-восточного края здания была выявлена «дорожка», выложенная из крупных галек (рис. 5; 6). Она протянулась через три сектора. «Дорожка» ориентирована по линии СЗ-ЮВ (130-310°), ее ширина 90-100 см. Дорожка сложена из подобранных галек размером 7-14 см, плотно уложенных в глинистый раствор (?) (гальки сидели плотно и не поддавались нашим воздействиям). Предназначение и функции галечной дорожки пока не понятны, и можно только предположить, что она выполняла какую-то архитектурно-строительную роль или культово-ритуальные функции.

Таким образом, в полевом сезоне 2007 г. нами были начаты раскопки остатков здания на хуннском городище Тэрэлжийн-Дэрвэлжин. Высота холма около двух метров, наличие на поверхности большого количества

черепицы указывало на то, что в свое время здесь было сооружено монументальное здание. Однако раскопки показали, что степень сохранности здания, по крайней мере на участке, на котором совершались раскопки, оставляет желать лучшего. В то же время ясно, что заложенный нами раскоп составляет только небольшую часть здания и какие-либо выводы пока преждевременны, дальнейшие исследования выявят его архитектурно-конструктивные особенности. Одной из особенностей, выявленных в ходе раскопок, было отсутствие костей животных, и почти не отмечено находок фрагментов керамической посуды. Хотя отмеченное явление было обнаружено на сравнительно небольшом участке раскапываемого здания, все же оно наводит на некоторые размышления, хотя окончательные выводы можно будет сделать только после основательного исследования всего городища.

Рис. 1. Городище Тэрэлжийн-Дэрвэлжин.
Общий вид с северо-запада на остатки центральных зданий

Рис. 2. Городище Тэрэлжийн-Дэрвэлжин.
Расчистка слоя черепицы перекрытия центрального здания

Рис. 3. Городище Тэрэлжийн-Дэрвэлжин.
Концевые диски и облицовочная плитка

Рис. 4. Городище Тэрэлжийн-Дэрвэлжин. Сектор с гранитными плитками

Рис. 5. Городище Тэрэлжийн-Дэрвэлжин. Часть дорожки с фасадной стороны здания и фрагменты черепицы на ней

Рис. 6. Городище Тэрэлжийн-Дэрвэлжин. Общий вид с северо-запада на дорожку с фасадной стороны здания, вымощенную галькой

С.В.Данилов

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН, г.Улан-Удэ, Россия*

СТАЦИОНАРНЫЕ ГОРОДИЩА И ПОСЕЛЕНИЯ ХУННУ (К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ)

Археологические памятники хунну становятся достоянием научной общности в конце XIX в. с началом раскопок Ю.Д. Талько-Грынцевича хуннского могильника в местности Ильмовая падь близ города Кяхты. Именно Ю.Д. Талько-Грынцевичем была высказана догадка о связи раскопанных им погребений с гуннами, известных российскому читателю по переводам китайских исторических сочинений, сделанных бывшим главой православной миссии в Пекине о. Иакинфом, известным в миру как Н.Я. Бичурин. С тех пор начинается эпоха постепенного накопления археологических данных из хуннских памятников. Настоящим прорывом в археологии хунну можно считать раскопки в Монголии, где в 20-х гг. XX в., в горном массиве Нонн Ула, были исследованы курганы хуннской знати, давшие ценный археологический материал и новые данные по погребальному обряду хунну. С этого времени погребальные памятники прочно занимают место среди основных источников по истории и культуре хунну.

С раскопок произведенных Г.П. Сосновским на Нижневолгинском городище в 1927 г. XX в., начинается введение в научный оборот нового типа памятников хунну – стационарных, укрепленных поселений (Сосновский, 1934: 43-53). С этого времени начинается время признания хунну не чистыми кочевниками, а скотоводами, ведущими полукочевой образ жизни. Причем характер этого полукочевого образа жизни до сих пор остается не до конца выясненным.

Исследования хуннских городов, начавшиеся в 20-х гг. XX в. продолжают с перерывами до настоящего времени. Известно более 20 городищ, распространенных на широкой территории от Южной Сибири до Гоби, хотя памятников, подвергнувшихся полномасштабным раскопкам, еще недостаточно для полноценного раскрытия истории хуннского общества. Всего на настоящем уровне исследования приходится оперировать данными с четырех наиболее изученных памятников: Иволгинское городище, городище близ Абакана, городище Баян Ундэр на р. Джиде в Бурятии и городище Тэрэлжин Дэрэвэлжин в центральном аймаке Монголии. Ниже приведем их краткие обобщающие характеристики.

Для хуннских городищ можно выделить несколько характерных черт, к которым, в первую очередь, относится наличие фортификационных сооружений. Почти все городища имели оборонительные сооружения, дошедшие до наших дней в виде расплывшихся, задернованных валов, в некоторых случаях расположенных в несколько рядов. Изучение валов проводилось на Иволгинском городище и на городище Баян Ундэр. Иволгинское городище, имевшее «форму неправильного прямоугольника, вытянутого с севера на юг на 348 метров и с запада на восток на 194-216 метров» (Давыдова, 1995: 9) было окружено четырьмя рядами валов и тремя линиями рвов. Общая ши-

рина этой линии обороны составляла 35-38 метров (Давыдова, 1995: 10-13).

Городище Баян Ундэр имело две линии валов, причем внешний вал едва возвышается над современной поверхностью земли (его даже трудно назвать валом) и состоит из гряды камней, уложенных без какого-либо наблюдаемого в настоящее время порядка. Внутренний, основной вал городища имел высоту с внешней стороны 1,10-1,15 метра, а с внутренней 0,7-0,9 метра. В разрезе, сделанном в восточном валу городища, просматривается основа вала сложенная из плотно убитой дровины, перемешанной с суглинком. Перед валами с наружной стороны вырывались рвы глубиной 1,6 метра. По всей видимости, грунт из рвов и служил материалом для возведения вала. От края рва до основания вала наблюдалось пространство, или площадка, предназначение которой пока не понятно (Данилов, Жаворонкова, 1995: 29, рис.4).

Укрепления городища Тэрэлжин Дэрэвэлжин представляли расположенные земляные валы высотой до одного метра и шириной до 6-8 метров, с воротными проемами шириной 3-4 метра на каждой из четырех сторон городища.

Судя по отдельным сведениям о раскопках здания близ Абакана, оно находилось в центре большого поселения и тоже было окружено валом, однако конкретных сведений у нас нет.

Валы городищ, скорее всего, сооружались из земли, взятой при рытье валов. Высота вала, судя по степени его расползания в течение длительного времени, в первоначальном состоянии могла достигать полутора метров. Вместе со рвом, считая от его дна, общая высота оборонительных сооружений составляла более трех метров. Хотя укрепления хуннских городищ не представляются достаточно серьезными для их преодоления, по сравнению с одновременными фортификационными сооружениями стран Древнего Востока и античного мира, все же для центральноазиатских кочевников и жителей лесной зоны, вообще не знавших никаких оборонительных сооружений, они служили довольно серьезной преградой.

Внутри городищ отмечены остатки различных сооружений, хотя следует заметить, что в количественном отношении лучше изученными являются жилища типа полуземлянок. Наземные здания, имеющиеся почти на всех хуннских городищах, исследованы в значительно меньшем количестве.

Полуземлянки изучались в основном при раскопках Иволгинского городища и поселения Дурены, где основная их масса была раскопана экспедицией под руководством А.В. Давыдовой. Конструкция полуземлянок на этих двух памятниках была полностью идентичной (расстояние, отделявшее оба памятника, составляет более 200 километров). Для всех изученных полуземлянок «характерно углубленное в землю основание прямоугольной формы, стороны которого ориентированы по странам света. Материковые стенки и пол покрывали глиняной обмазкой». Полуземлянки имели разные размеры, вход в них находился с южной стороны. Конек двускатной крыши проходил по направлению север – юг. Кровля состояла из балок и брусьев, составлявших основу перекрытия, а также жердочек и прутьев, покрытых толстым слоем глиняной обмазки (Давыдова, 1995: 14-15). Система отопления полуземлянок, состоящая из топки и дымоходов, сложенных из каменных плит, была охарактеризована выше. Отметим только, что подобные отопительные системы (каны) имели широкое распространение в дальневосточной культу-

ре. На городище (поселении) Боро в Центральном аймаке Монголии также были раскопаны жилища подобные иволгинским.

Наземные здания исследовались близ Абакана, на Иволгинском городище, на городище Баян Ундэр. Монгольский археолог Х. Пэрлээ предпринимал раскопки большого здания на городище Гоа дов, хотя материалы исследований остаются пока неопубликованными. Начаты исследования одного из четырех зданий на городище Тэрэлжин Дэрэвэлжин. Сведения о наземных жилищах хунну подробно уже анализировались нами (Данилов, 2005: 65-70). Поэтому приведем здесь только краткие сведения.

На Иволгинском городище наземных жилищ визуально прослеживалось два. Одно из них оказалось металлургической мастерской и не было до конца исследовано. Второе сооружение (жилище № 9) было раскопано. Здание в плане имело прямоугольную форму, размерами 13 на 11,5 метра и было ориентировано по сторонам света. Оно было построено на небольшом естественном всхолмлении. «Стены сложены из сырцово-глины и имели толщину: южная – 1,12 метра, западная – 1,30 метра, восточная – 1,38 метра, северная – 2,25 метра. В южной стене на расстоянии 1,7 метра от юго-восточного угла здания обнаружен дверной проем шириной в 1,35 метра, с наружной стороны окаймленный двумя сгоревшими вертикальными столбами. Внизу эти столбы с внутренней и внешней стороны соединялись деревянной перемычкой-порогом, на котором сохранились следы циновки, сплетенной из растительного волокна. С внутренней стороны стены жилища покрыты слоем глиняной обмазки». В северо-восточном углу здания находилась печь, сложенная из каменных плит. От нее вдоль северной и западной стен здания проходил канал-дымоход шириной в 30 см, сооруженный из каменных плит, применяемый для обогрева помещения (Давыдова, 1995: 17; Приложение: рис. 4, 3; Данилов, 2005: 67, рис. 3).

Второе наземное здание хуннского времени было исследовано в 1940 г. в Хакасии близ города Абакана в междуречье Ташебы и Абакана. Хотя остатки здания были частично разрушены при строительстве дороги, исследователям удалось проследить архитектурно-строительные особенности здания. Нижние сохранившиеся части стен были сделаны из глины, заливаемой в сделанную из досок опалубку. Толщина внешних стен достигала 2 метров, а стен, расположенных внутри здания, 1,8 метра. Внешние стены сохранились на высоту до 0,5 м, внутренние же достигали высоты 1,80 м. Размеры всего сооружения составляли с севера на юг – 35 метров, с запада на восток – 45 метров (Евтюхова, 1947: 79).

Внутренняя планировка здания была достаточно сложной и представляла собой многокомнатный блок с большим центральным залом, соединявшимся с другими комнатами дверными проемами. Внутри здания наблюдались остатки системы отопления, представлявшие собой «узкие (до 50 см ширины) канавки с наклонными стенками, обставленными плитами девонского песчаника» (Евтюхова, 1947: 81). Обнаружена печь, из которой производилось отопление здания. В холодные зимние месяцы помещение дополнительно обогревалось жаровнями, от которых на глиняном полу оставались следы в виде прокалов. Внутри сооружения зафиксированы вкопанные в землю деревянные столбы, опиравшиеся на каменные плиты и являвшиеся, по-видимому, опорами для перекрытия. Здание имело черепичную крышу,

реконструируемую исследователями как двухъярусную и четырехскатную. Черепица обнаруживала явное сходство с ханьскими образцами, а нижние концевые диски имели штампованные по сырой глине надписи китайскими иероглифами. Были обнаружены дверные ручки, выполненные в виде бронзовых фантастических человекообразных личин с кольцом в носу (Евтюхова, Левашева, 1946; Евтюхова, 1947: Приложение, рис. 5; Данилов 2005: 66, рис. 1).

Еще одно наземное здание было раскопано на городище Баян Ундэр расположенном в Южной Бурятии на р. Джиде. Оно находилось внутри городища, в северо-западном углу, почти примыкая к северному и западному валам. Здание было подквадратной формы размерами: северная сторона – 8,7 метра; восточная – 8 метров; западная сторона – 7,60 метра; южная сторона – 8,90 метра. Стены здания, сохранившиеся только в нижней части, были тщательно заглажены с внешней стороны и стояли строго вертикально. На внешних же сторонах стен просматриваются продольные «ступеньки», являвшиеся отпечатками досок опалубки, в которую закладывалась влажная глина. Снаружи стены покрывались, судя по проведенному разрезу, тонким слоем обмазки своего рода штукатурки, толщина которой составляла 2-3 см. Толщину стен определить довольно затруднительно, так как если наружная внешняя сторона стен здания просматривалась почти по всему периметру, то внутренняя сторона из-за развала стен внутрь не прослеживается. Высоту здания восстановить практически невозможно, однако, по массивному развалу стен можно судить о количестве строительного материала затраченного на сооружение здания. По всему периметру здания, с внешней стороны, сохранились подпрямоугольной в плане формы глинобитные выступы, пристроенные к стенам, внутри которых просматривались остатки столбов. На северной стороне здания было четыре выступа; на южной стороне сохранилось два выступа; на западной и восточной сторонах здания было по одному выступу. По всей видимости, эти выступы служили для укрепления находившихся внутри них деревянных столбов, выполнявших функции несущих конструкций и являвшихся частью строительно-архитектурного ансамбля здания. Для столбов выкапывались ямки, на дне которых находились каменные плитки, служившие твердой опорой столбу. Наличие с восточной и западной сторон здания по одному выступу, располагавшихся точно посередине, позволяет предполагать, что на этих вертикальных столбах помещалась центральная несущая балка. Дополнительным подтверждением этому служат остатки столба, найденного посередине здания на одной линии со столбами с восточной и западной сторон. Центральный опорный столб стоял в неглубокой ямке и опирался на каменную плиту. Столбы на северной и южной сторонах служили, возможно, опорами для боковых несущих балок, к которым крепились стропила. Возможно также, что эти столбы служили для придания дополнительной устойчивости глинобитным стенам здания. Такая конструкция перекрытия предполагает наличие двускатной крыши, прослеживаемой и на большинстве полуземлянок Иволгинского городища.

В северо-восточном углу здания находилась печь, сложенная из гранитных плит. От нее вдоль северной и западной стен здания прослеживались остатки отопительного канала, от которого сохранились вертикально стоящие и беспорядочно лежащие плоские гранитные плиты.

Вход в здание находился в южной стене здания, ближе к юго-восточному углу и был обозначен с двух сторон деревянными столбами, от которых сохранились нижние части.

Вокруг здания со всех четырех сторон прослежены остатки глинобитных стен с проходом в юго-западной части. Эти стены отстояли от стен здания с северной стороны на 1,55 метра; с восточной стороны на – 1,55 метра; с западной стороны на – 1,70 метра; с южной стороны на – 1,50 метра и, повторяя в целом его контуры, образовывали в плане подквадратной формы своеобразный внутренний дворик-коридор. Проход в этот «дворик» обрамленный с двух сторон стенками, выходя за пределы общего квадратного плана, тянулся к югу в виде коридора на восемь метров (Данилов 1998, с.111-114; Приложение, рис. 4, 2. он же 2005 с. 66, рис. 2).

На городище Тэрэлжин Дэрэвэлжин просматриваются остатки четырех зданий в виде холмов разных размеров, высотой от одного до двух метров. Самое большое здание находится примерно посередине городища. К северо-западу от него находится здание меньших размеров, соединенное с большим невысоким расплывшимся валом, напоминающим остатки перехода или галереи. К западу от большого здания расположены остатки еще одного здания, равного ему по высоте, но уступающего по размерам. К западу от него расположено небольшое всхолмление, соединенное с ним невысоким «Г»-образным в плане валом, также напоминающим переход. Таким образом, здания были связаны между собой попарно, то есть на городище прослеживается как бы два комплекса, каждый из которых состоит из двух зданий. На поверхности всех отмеченных холмов встречаются обломки черепиц. Такая же черепица, но в меньших количествах находится на всей площади городища. Почти на всех зданиях видны следы старых раскопок и шурфов, произведенных во время обследования городища Х. Пэрлээ.

Раскопки самого большого здания длиной 60 м, шириной 30 м и высотой около 2 м выявили существование своеобразного пола-подстилки из чистой глины, настилавшегося на материковой почве. На ней сооружалась платформа из глины, перемешанной с щебнем, дрсевой и песком. Именно на поверхности этой платформы было найдено большое количество черепицы, оказавшейся здесь при разрушении здания. Здание было окружено галечной дорожкой, шириной до одного метра. Гальки размером 7-10 см были плотно уложены и, возможно, скреплены глинистым, цементирующим раствором. Внутри здания встретились остатки отопительной системы, сложенной из каменных, необработанных плит. На глубине 30-40 см посередине здания, на гребне обнаружили конструкции из деревянных плах с выкладками из окатанных галек.

Функциональное назначение городищ предварительно определялась как по характеру остатков сооружений, так и по количеству и составу артефактов, найденных при раскопках. Так Иволгинское городище по наличию земледельческих орудий, остатков злаков, следов ремесленного производства условно определяется как поселок ремесленников и земледельцев. Городище Баян Ундэр и, возможно, поселение близ Абакана можно будет позиционировать как резиденции определенного уровня правителей, так как здания на этих поселениях резко выделяются на окружающем фоне. При раскопках здания на городище Тэрэлжин Дэрэвэлжин основными находками являлись

фрагменты черепицы. Почти не встречались кости животных, фрагменты керамики и различных бытовых предметов, являющихся непременными при раскопках стационарных поселений. Это обстоятельство и наличие отдельных деталей, в частности, галечная дорожка и конструкции из дерева и галечных выкладок склоняют нас к мысли, что, возможно, раскапываемое здание было культовым и могло исполнять функции храма. Это не более чем гипотеза, подтвердить или опровергнуть которую будет возможно только при продолжении изучения памятника.

Таким образом, можно констатировать, что проведенные исследователями раскопки хуннских городищ выявляют достаточно интересную картину. Выясняется, например, что существовали поселки земледельцев и ремесленников, игравших определенную роль в экономике. Одни из городищ можно интерпретировать как резиденции различного уровня правителей, сведения о титулах и степени властных полномочий которых содержатся в письменных источниках. На отдельных городищах выявлены постройки, которые по отдельным признакам можно признать культовыми, храмовыми зданиями. Кроме укрепленных городищ выявляются неукрепленные поселения, роль которых в экономической и политической жизни еще предстоит выяснить. То есть в результате изучения довольно незначительного количества раскопанных памятников выявляются различные по функциональному назначению городища, показывающие сложную структуру хуннского общества.

Литература

- Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. – Т. 1. Иволгинское городище. – СПб., 1995.
- Давыдова А.В. Новые данные о поселении хунну в Дуренах. // Археологические открытия. – М., 1980.
- Данилов С.В., Жаворонкова Т.В. Городище Баян Ундэр – новый памятник хунну в Забайкалье // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. – Улан-Удэ, 1995. – С. 26-36.
- Данилов С.В. Раскопки здания на хуннском городище Баян Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток, 1998. – С. 111-114.
- Данилов С.В. Наземные здания хуннов // Вестник НГУ. – Т.4, вып. 5. – Новосибирск, 2005. – С. 65-70.
- Евтюхова Л.А. Развалины дворца в «земле Хягас» // КСИИМК, вып. XXI. – М., 1947. – С. 79-85.
- Евтюхова Л.А., Левашева В.П. Раскопки китайского дома близ Абакана // КСИИМК. – Вып. XII. – М., 1946. – С. 72-84.
- Кызласов Л.Р. Гуннский дворец на Енисее. – М., 2001.
- Сосновский Г.П. Нижне-Иволгинское городище // Проблемы истории докапиталистических обществ. – № 7-8. – М., 1934 – С. 150-156.
- Пэрлээ Х. К истории древних городов и поселений Монголии // Советская археология. – № 3. – М., 1957 – С. 43-53.
- Пэрлээ Х. Монгол ард улсын эрт, дундад үеийн хот суурины товчоон. – Улаанбатаар, 1961.

Данилов С.В. Курган Шороон Дов и его место в общей системе археологических памятников тюркской эпохи Центральной Азии / С.В. Данилов, А.И. Бураев, Б.В. Саганов, А. Очир, Л. Эрдэнэболд, Х. Батболд // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Мат. межд. конф. Улан-Удэ, БГУ. 2010. С. 254-257.

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ МОНГОЛИИ И БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ

С.В. Данилов, А.И. Бураев, Б.В. Саганов
Россия, Улан-Удэ, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
А. Очир, Л. Эрдэнэболд, Х. Батболд
Монголия, Улан-Батор

КУРГАН ШОРООН ДОВ И ЕГО МЕСТО В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ТЮРКСКОЙ ЭПОХИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Тюркское время или тюркская эпоха – устойчивое название одного из наиболее значимых хронологических этапов в истории Центральной Азии. Обычно его относят к эпохе средневековья по европейской хронологической шкале, в обобщающих трудах по истории и археологии степной Евразии и Центральной Азии он обычно датируется VI–VIII вв. Однако внутреннее содержание данного периода как истории этнических тюрков гораздо шире: начиная с истоков этногенеза тюрков, который гораздо древнее эпохи средневековья, до истории современных тюркских народов, широко расселившихся по всему миру. Места компактного проживания современных тюркских народов – это Сибирь, Поволжье, Средняя Азия, Закавказье, Малая Азия.

Точкой отсчета тюркской эпохи принято считать основание тюркского каганата, созданного в 551 г. алтайскими тюрками только в процессе борьбы за освобождение с жузганским каганатом, в которой тюрки вышли победителями, создав новое политическое образование – тюркский каганат. Его история достаточно хорошо известна, ей посвящено множество научных работ по различным отраслям гуманитарных наук – истории, археологии, этнографии, языкознанию, часто объединяемых в единую отрасль – тюркологию.

Археология древних тюрков довольно хорошо изучена, ее началом принято считать деятельность экспедиции под руководством Н.М. Ядринцева в 1889 г., открывшей в долине Орхона поминальные комплексы деятелей второго тюркского каганата Бильге кагана и Кюль Тегина. Тогда же здесь были обнаружены развалины столичных городов уйгуров Орду Баяка или Хара Балгаса и монгольской империи Карахорума. С тех пор изучение тюркских древностей продолжается с разной степенью интенсивности на территории Евразии и до настоящего времени. Были выделены характерные для тюрков археологические памятники. Неплохо изучен предметный комплекс из захоронений средневековых тюрков. Отличительными особенностями были захоронения с конем, комплекс вооружения, металлические поясные наборы, ювелирные изделия. Одной из главных особенностей археологии тюрков было открытие письменности, выбитой на каменных стелах, установленных в честь выдающихся деятелей II тюркского каганата, уже упоминавшихся Бильге кагана, Кюль Тегина, и получившей название орхонской письменности. Ставшие в свое время сенсационными находки стел с древнетюркской письменностью в комплексе с каменными статуями людей, скульптурными изображениями животных, остатками павильонов, длинными рядами каменных балбалов впоследствии стали эталонными, и именно такое оформление поминальных памятников элиты тюркского общества закрепилось в научной литературе. Впоследствии были открыты новые памятники древнетюркской эпиграфики, такие как поминальный комплекс в честь кагана Таштара, видного деятеля II тюркского каганата Тонлякука, поминальный или погребальный комплекс Шивет Улан и другие.

Дальнейшее изучение памятников, на которых находились эпиграфии тюркского времени, расширяет наши представления о новых типах памятников этого периода и предоставляет новые знания по истории древних тюрков.

В 2009 г. российско-монгольской экспедицией, организованной Международным институтом кочевых цивилизаций ЮНЕСКО и Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН был раскопан курган в местности Шороон Дов в Центральном аймаке Монголии, датированный тюркским временем и давший новые материалы по археологии и истории средневековых тюрков.

Данилов С.В. Курган Шороон Дов и его место в общей системе археологических памятников тюркской эпохи Центральной Азии / С.В. Данилов, А.И. Бураев, Б.В. Саганов, А. Очир, Л. Эрдэнэболд, Х. Батболд // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Мат. межд. конф. Улан-Удэ, БГУ. 2010. С. 254-257.

Эпоха средневековья

Исследованный памятник находится в Центральном аймаке, в 28 км к юго – юго-востоку от Замир-сомона, в 2,5 км от реки Толы и к северо-востоку от расположенного на реке киданьского городища Хэрэмн-Джик. Курган Шороон Дов был открыт в 2002 г. А. Очиром, Л. Эрдэнэболдом, А. Энхтуром во время проведения разведок на реке Толе. В переводе с монгольского языка это название означает земляной бугор. Поскольку курган Шороон Дов и ряд ему подобных памятников находились в одной зоне с киданьскими городищами бассейна реки Толы, его предварительная историко-культурная принадлежность была определена как захоронение представителя киданьской элиты.

Сам памятник представляет собой округлый в плане холм-курган диаметром около двадцати метров и высотой около пяти метров. На вершине просматривается относительно ровная площадка размером 7 x 10 м, представляющая собой плотную глинистую поверхность с крупной дресвой. С юго-восточной стороны к кургану примыкает дромос в виде шлейфа трапециевидной, вытянутой в плане формы длиной 21 м и шириной 2–2,5 м. Вокруг кургана сооружена прямоугольной в плане формы ограда, сохранившаяся в виде расплывшегося вала шириной около 7–10 м (эти размеры очень приблизительны, так как расплывшийся вал почти сливается с окружающей поверхностью). Размеры вала (взяты по гребню): северная сторона – 92 м, западная – 111 м, южная – 90 м, восточная – 108 м, таким образом, ограда вытянута по линии север-юг. По углам валов ограды наблюдается расширение их очертаний и некоторое понижение высоты, возможно, это остатки каких-либо угловых сооружений. С южной стороны ограды-вала есть вход в виде двух возвышений диаметром 10–12 м, между которыми несколько понижается уровень современной почвы, что обозначает вход шириной 4–4,5 м (рис. 1 – 1). Визуально наблюдается, что поверхность внутри ограды несколько выше по уровню, чем окружающая. На валах и угловых возвышениях обнаружено большое количество дресвы, чем на окружающей поверхности. Внутри площадки ограды дресвы больше, чем вокруг ограды. Внутри ограды и по ее периметру наблюдается более густая растительность в виде травы, джунгли, наминающей ковыль, чем снаружи.

Раскопки начали проводиться с юго-восточной стороны, от места примыкания дромоса к кургану и по всей площади дромоса с целью выявления его конструктивных особенностей. Сразу после вскрытия и зачистки верхнего слоя в южной части раскопа проявились три прямоугольных пати на фоне материковой почвы общей длиной около 20 м. Углубление по контуру этих пати показало, что все прямоугольники являются составной частью дромоса с полом, идущим под наклоном к северу, то есть к центральному кургану. Самый крайний, южный прямоугольник был началом дромоса, и пол под наклоном вырубался в твердом грунте и упирался в перемычку между прямоугольниками. В нижней части перемычки была вырублена арка, после которой пол дромоса под наклоном продолжался дальше, как бы в следующем прямоугольнике. В ходе раскопок дромоса были выявлены три арки, вырубленные в твердом каменном грунте (арки вырубались в перемычках между прямоугольными «колодцами», служившими источниками света и облегчавшими сооружение дромоса) (рис. 1 – 2, 3). В стенах дромоса в третьем от входа «колодце» были обнаружены две заложённые кирпичами ниши (по одной на каждой из сторон, напротив друг друга), внутри которых находились глиняные, раскрашенные фигурки всадников (рис 2 – 1, 2) и людей, деревянные изделия, обрывки ткани, модели знамен-штандалтов. После третьей арки в четвертом «колодце» был обнаружен вход в погребальную камеру, закрытый деревянными конструкциями, выполненными по форме арки и заложённый кирпичом. Общая глубина от пола перед входом в камеру до уровня современной поверхности составила 5,4 м. На входе лежали две положённые друг на друга гранитные плиты размерами 74 x 74 см. На верхней плите была высечена надпись из 12-ти иероглифов. На нижней плите высечен текст эпиграфии китайскими иероглифами, состоящий из 750 знаков. Вход в камеру в верхней части был нарушен грабительским лазом. Осмотр камеры показал, что она была ограблена еще в древности. Часть потолка из-за непрочности грунта обрушилась и вместе с действиями грабителей произошла значительная разрушения содержимого камеры. На полу камеры, вокруг насыпи, образовавшейся вследствие обвала грунта и грабительского развала, в беспорядке лежали деревянные доски, рейки, планки от каких-то деревянных сооружений. Среди них найдены беспорядочно разбросанные раскрашенные деревянные фигурки людей, животных, птиц, рыб (рис 2 – 3, 4, 5). После снятия развала грунта и расчистки разнообразных предметов и изделий, лежащих на полу камеры, была выявлена внутренняя дверь с медными петлями, упавшая внутрь камеры. Перед дверью на полу были найдены терракотовые остатки фантастических существ – с человеческими и драконообразными личинами. В западной части камеры находились остатки деревянного погребального сооружения, состоявшего из внешнего и внутреннего гробов. Гробы скреплялись по углам посредством вырубленных пазов и были дополнительно упрочнены железными гвоздями и костылями. Оба гроба обиты шелковыми тканями, прикреплявшимися с помощью бронзовых гвоздей с полукруглыми шляпками и разрубленных на части бронзовых монет. Часть досок внутреннего гроба была покрыта лаком. Останков человека в погребальном сооружении обнаружено не было, скорее всего, раскопанный памятник являлся кенотом.

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ МОНГОЛИИ И БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ

Предварительное прочтение надписи на каменной плите показало, что это была эпитафия в честь дедушки Цзинь Хуй Чжоу, начальника уезда Линь Чжоу, правителя области Пугу И юэ родом с гор Цинь Шань, умершего в возрасте 44 лет в 677 г. Его дед Гэ Цзинь (Во Янь) был великий полководец левой воинственной гвардии императорского двора, военный губернатор Цзинь Хуй Чжоу. Отец также был губернатором Цзинь Хуй Чжоу.

Таким образом, основная до раскопок гипотеза о принадлежности памятника элите киданьского государства, империи Ляо, завоевавшей монгольские степи и оставившей, как предполагалось, захоронения своей знати, не подтвердилась: дата сооружения кургана – 677 год – относит его к тюркскому времени. Эта дата интересна тем, что, как известно, в период с 630 по 680 гг. империя Тан, нанеся военное поражение западному и восточному тюркским каганатам, установила свое господство на принадлежавших им землях. То есть человек, в честь которого сооружен курган, был этническим тюрком, находившимся на службе империи Тан. Как отмечал В.В. Бартольд, характеризуя этот период, «фактическими правителями в степи все же оставались прежние ханы и предводители, только теперь они считались китайскими губернаторами, получившими китайские чины» (цит. по: Е.И. Кычанов, 1977: 96). Будучи потомственным аристократом, человек, которому соорудили курган, продолжал править на территории области Пугу, как его дед и отец.

Однако, если письменное свидетельство является бесспорным аргументом в пользу датировки памятника тюркским временем, то археологические артефакты вызвали вначале некоторое недоумение. Археологический комплекс памятников средневековых тюрков за годы изучения достаточно хорошо известен: поминальные комплексы с эпитафиями, выполненными на каменных стелах, скульптурными изображениями людей, животных, высеченные из камня гранитные монолиты, украшенные орнаментом, длинные ряды камней-балбалов, захоронения человека с конем, каменные статуи, каменные оградки. Неплохо изучен и предметный комплекс из погребального инвентаря средневековых тюрков – вооружение, конское снаряжение, поясные наборы, серьги имеют свой неповторимый облик и служат надежным индикатором культуры средневековых тюрков.

Однако при исследовании погребального комплекса Шороон Дов не встретилось ни одного предмета, отвечающего перечисленным признакам древнетюркского комплекса. Погребальный обряд также резко отличается от известных науке захоронений тюркского времени. Уже в ходе раскопок стало ясно, что исследуемый памятник является уникальным, и подобного типа курганов на территории Монголии и России не было. Его конструктивные особенности, такие как дромос, по ходу которого встретились высеченные в материковом грунте арки, ниши, также выдолбленные в боковых стенах дромоса, высеченная в твердом известняке погребальная камера носили настолько необычный характер, что, когда при вскрытии были выявлены глиняные раскрашенные фигурки, изображавшие коней, людей в одежде с лицами, чем-то напоминавшие средневековые турфанские фрески с изображением уйгуров, появились предположения об уйгурской принадлежности памятника. Однако находка каменных плит с иероглифами и их частичное прочтение окончательно привели к датировке памятника тюркским временем.

Хотя пока не известна погребальная обрядность высших слоев тюркского общества начиная с каганов и представителей последующей иерархической лестницы, все же можно сказать, что нами исследован курган одного из представителей знатных кругов тюркского общества, состоявшего на службе империи Тан. Из предварительного анализа текста эпитафии следует, что дед и отец человека, в честь которого был сооружен курган, занимали ту же должность. То есть он был наследственным губернатором области Пугу.

Предварительный анализ находок, полученных в ходе раскопок, показывает, что большая часть предметов имеет аналоги в археологии танского Китая. Устройство подземного склепа с дромосом, сопровождающие фигурки всадников и людей, принадлежавших, судя по изображенной одежде, к различным слоям общества, имеют глубокие корни в древнекитайской погребальной традиции. Конечно, в погребальном обряде кургана Шороон Дов чувствуется некоторая небрежность, провинциальность, нет, например, выложенных кирпичом дромос, погребальная камера не облицована каменными блоками, как это делалось в Циньское, Ханьское время и как сооружали склепы в империи Тан. Однако попытка похоронить человека, имеющего несомненные заслуги перед империей, по танским канонам несомненна. Разгадка этого феномена кроется, скорее всего, в личности человека, в честь которого был сооружен этот памятник. Однако говорить об этом можно будет только после полного перевода текста эпитафии, высеченной китайскими иероглифами на гранитных плитах. Скорее всего, мы столкнулись при раскопках кургана с обрядом похорон высокопоставленных чиновников и государственных деятелей империи Тан, местных уроженцев, так как в эпитафии говорится о человеке, рожденном на Алтае (Цинь Шань) и принадлежащем группе Пугу. Учитывая, что тот, в честь кого был сооружен памятник и написана эпитафия, имел центральноазиатское происхождение и состоял на службе империи Тан, занимая должность генерал-губернатора, погребальный обряд вполне мог быть оформлен согласно его рангу в иерархии элиты танского общества.

Эпоха средневековья

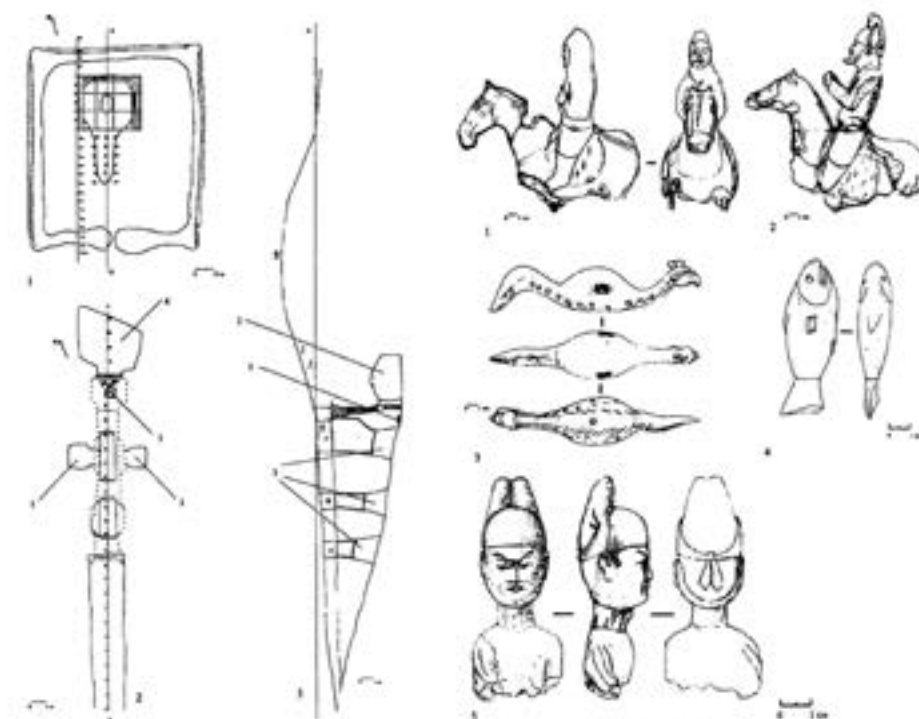

Рис. 1. Общий план кургана Шороон Дов. 2. План дромоса кургана Шороон Дов. 3. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 4. План дромоса кургана Шороон Дов. 5. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 6. План дромоса кургана Шороон Дов. 7. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 8. План дромоса кургана Шороон Дов. 9. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 10. План дромоса кургана Шороон Дов. 11. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 12. План дромоса кургана Шороон Дов. 13. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 14. План дромоса кургана Шороон Дов. 15. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 16. План дромоса кургана Шороон Дов. 17. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 18. План дромоса кургана Шороон Дов. 19. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 20. План дромоса кургана Шороон Дов. 21. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 22. План дромоса кургана Шороон Дов. 23. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 24. План дромоса кургана Шороон Дов. 25. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 26. План дромоса кургана Шороон Дов. 27. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 28. План дромоса кургана Шороон Дов. 29. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 30. План дромоса кургана Шороон Дов. 31. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 32. План дромоса кургана Шороон Дов. 33. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 34. План дромоса кургана Шороон Дов. 35. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 36. План дромоса кургана Шороон Дов. 37. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 38. План дромоса кургана Шороон Дов. 39. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 40. План дромоса кургана Шороон Дов. 41. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 42. План дромоса кургана Шороон Дов. 43. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 44. План дромоса кургана Шороон Дов. 45. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 46. План дромоса кургана Шороон Дов. 47. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 48. План дромоса кургана Шороон Дов. 49. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 50. План дромоса кургана Шороон Дов. 51. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 52. План дромоса кургана Шороон Дов. 53. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 54. План дромоса кургана Шороон Дов. 55. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 56. План дромоса кургана Шороон Дов. 57. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 58. План дромоса кургана Шороон Дов. 59. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 60. План дромоса кургана Шороон Дов. 61. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 62. План дромоса кургана Шороон Дов. 63. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 64. План дромоса кургана Шороон Дов. 65. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 66. План дромоса кургана Шороон Дов. 67. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 68. План дромоса кургана Шороон Дов. 69. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 70. План дромоса кургана Шороон Дов. 71. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 72. План дромоса кургана Шороон Дов. 73. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 74. План дромоса кургана Шороон Дов. 75. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 76. План дромоса кургана Шороон Дов. 77. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 78. План дромоса кургана Шороон Дов. 79. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 80. План дромоса кургана Шороон Дов. 81. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 82. План дромоса кургана Шороон Дов. 83. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 84. План дромоса кургана Шороон Дов. 85. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 86. План дромоса кургана Шороон Дов. 87. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 88. План дромоса кургана Шороон Дов. 89. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 90. План дромоса кургана Шороон Дов. 91. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 92. План дромоса кургана Шороон Дов. 93. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 94. План дромоса кургана Шороон Дов. 95. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 96. План дромоса кургана Шороон Дов. 97. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 98. План дромоса кургана Шороон Дов. 99. План погребальной камеры кургана Шороон Дов. 100. План дромоса кургана Шороон Дов.

Рис. 2. Находки из кургана Шороон Дов. 1. Глиняная фигурка всадника из земли № 2. 2. Глиняная фигурка всадника из земли № 2. 3. Деревянные изображения рыбы из погребальной камеры. 4. Деревянные изображения рыбы из погребальной камеры. 5. Изображение бокса всадника из погребальной камеры.

Литература

1. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гунов до маньчжуров. – М. 1977. – С. 96.

ГОРОДИЩА ХУННУ МОНГОЛИИ И ЗАБАЙКАЛЬЯ (к вопросу о функциональном предназначении поселенческих комплексов хунну)

*С. В. Данилов
Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО
РАН Улан-Удэ*

Первые сведения о центральноазиатских гуннах, или хунну (сюнну), появляются в древнекитайских исторических сочинениях, основным из которых было «Ши цзи» - Исторические записки, написанные Сыма Цянем, где одна из глав, «Повествование о сюнну», была посвящена этому древнему кочевому народу. Здесь впервые в китайской историографии даны обобщенные сведения о происхождении, политической истории, приводились сведения о внутреннем устройстве хуннского общества, давались сведения этнографического характера. До создания «Ши цзи» сведения о северных варварах, в том числе и хунну, были рассеяны по многочисленным хроникам разных царств и имели отрывочный характер. Впоследствии китайские историки Бань Гу и Фань Е, авторы соответственно «Истории Старшей династии Хань» (Цянь хань-шу) и «Истории Младшей династии Хань» (Хоу хань-шу), взяв за основу «Повествование о сюнну» Сыма Цяня, включили в свои сочинения отдельные разделы о хунну.

Европейской научной общественности сведения о центральноазиатских кочевниках, в том числе о хунну, стали известны после публикации в 1758 г. профессором Сорбонны де Гинь обобщающего труда «История хуннов, тюрков, монголов и прочих восточных татар до и после Рождества Христова».

Достоянием российских читателей сведения о кочевых народах Центральной Азии стали известны по переводам китайских историче-

ских сочинений, сделанных главой православной миссии в Пекине о. Иакинфом, известным в миру как Никита Яковлевич Бичурин. Он перевел на русский язык отдельные главы о хунну, содержащиеся в трудах Сыма Цяня, Бань Гу и Фань Е, в которых были сведения исторического, этнографического характера, данные о социальном и политическом устройстве хуннского общества, причем китайскими авторами подчеркивалось, что хунну - это кочевой народ, не имевший оседлости. Тем не менее в их трудах встречаются фрагментарные сведения о земледелии и городах хунну.

Исторические сочинения становятся, таким образом, главным источником сведений о жизни древних центральноазиатских народов.

Впоследствии В. С. Таскиным был сделан уточненный перевод этих сочинений с комментариями. Им же был осуществлен перевод источников по периоду, известному как «Шестнадцать государств пяти северных племен», когда в период с 304 по 439 г. на территории Северного Китая кочевыми племенами, в том числе и хунну, создавались государства. Таким образом, история хунну доходит до V в. и в общей сложности насчитывает более 700 лет.

Археологические памятники хунну стали достоянием научной общественности в конце XIX в. с началом раскопок Ю. Д. Талько-Грынцевича хуннского могильника в местности Ильмовая падь (Суджи) близ г. Кяхта. Именно им была высказана догадка о связи раскопанных им погребений с гуннами (сюнну) китайских источников. С тех пор начинается эпоха постепенного накопления археологических данных из хуннских памятников. Настоящим прорывом в археологии хунну можно считать раскопки в Монголии, где в 1920-х гг. в горном массиве Ноин Уула, были исследованы курганы хуннской знати, благодаря мерзлоте, сохранившей ценный археологический материал (органические материалы: ткани, ковры, волосы и т. д.), и получены новые данные по погребальному обряду хунну. С этого времени археологические памятники прочно занимают место среди основных источников по истории и культуре хунну.

С раскопками в 1927 г., произведенными Г. П. Сосновским на Нижне-Иволгинском городище в Бурятии, начинается введение в научный оборот нового типа памятников хунну - стационарных, укрепленных поселений [Сосновский, 1934, с. 43-53]. С этого момента начинается время признания хунну не чистыми кочевниками, а скотово-

дами, ведущими полукочевой образ жизни. Причем, несмотря на попытки Г. П. Сосновского определить социально-экономическое устройство хуннского общества, характер этого полукочевого образа жизни до сих пор остается до конца не выясненным. Помимо укрепленных городищ ученым были выявлены и неукрепленные поселения, одно из которых находится на территории Бурятии и расположено на левом берегу р. Чикой, в местности Дурены.

В 1940-х гг. В. П. Евтюховой проводились исследования остатков здания близ Абакана. Приглашенные для проведения совместных исследований московские археологи С. В. Киселев и Л. А. Левашева довели до конца раскопки этого уникального памятника. Керамика, иероглифические надписи на черепице позволили исследователям отнести этот памятник к гуннской (хуннской) эпохе и даже определить владельца - им, по мнению ученых, был пленный ханьский полководец Ли Лин, сведения о котором содержатся в «Ши цзи», где говорится о том, что он был назначен наместником в Хягас [Евтюхова, Левашева, 1946, с. 72–84]. Дискуссии о владельце абаканского здания несколько увела в сторону вопрос о месте памятника в общей системе хуннского археологического наследия.

В конце 1940-х гг. были предприняты широкомасштабные раскопки Иволгинского городища. Как выяснилось в процессе исследований, жизнь на городище прекратилась и более не возобновлялась в результате какого-то катаклизма, связанного с пожарами и, скорее всего, с какими-то военными действиями. Однако благодаря этому обстоятельству археологам удалось обнаружить большое количество разнообразного материала, позволившего аргументированно говорить о ремесле и земледелии как об одной из важных составляющих хозяйственно-экономического потенциала забайкальских хунну в целом и жителей городища, в частности [Давыдова, 1995]. В течение ряда десятилетий данные, полученные при раскопках Иволгинского городища, были основополагающими при характеристике оседлости хуннского общества. Анализ материалов городища и расположенного рядом с ним могильника послужил основой для выводов о социальном устройстве хуннского общества [Она же, 1975, с. 141–145].

Исследования городской культуры кочевников на территории Монголии, проведенные советско-монгольской экспедицией под руководством С. В. Киселева и Х. Пэрлээ, выявили существование зна-

чительного количества поселений и городов, в том числе и относящихся к хуннскому времени [Киселев, 1957, с. 91–101]. Был установлен факт присутствия на городищах монументальных сооружений, назначение которых пока не определено. Выяснилось, что хунну Монголии активно использовали такой вид строительного материала, как черепица, впервые отмеченная при раскопках абаканского здания. Сам факт наличия в хуннском обществе сравнительно большого количества укрепленных стационарных поселений позволил с большей уверенностью говорить о наличии сложных социально-политических процессов, происходивших в хуннском обществе и приводивших, по мнению некоторых исследователей, к созданию у хунну отдельных институтов государственности.

В 1990-х гг. С. В. Даниловым осуществлены раскопки хуннского городища Баян Ундэр на р. Джи де в Бурятии, а в 2007–2008 гг. совместно с монгольскими археологами изучалось хуннское городище Тэ-рэлжин Дэрэвэлжин в Центральном аймаке Монголии [1998; Данилов и др., 2008; Данилов, Бураев, 2009].

Им же были проведены исследования по выяснению роли городской культуры в кочевых обществах Центральной Азии, в том числе и хунну [Данилов, 2004]. По всей видимости, основной причиной, повлиявшей на переход к оседлости в кочевых обществах в целом и хунну в частности, было повышение уровня социально-экономического развития общества, формирование политико-административной системы. Однако для определения подлинной роли городской культуры в экономической деятельности и социально-политической жизни необходимо установить функциональную роль всех найденных поселений и городов. Незначительные по масштабам раскопки, к сожалению, не дают ясной картины той роли, какую играли стационарные поселения в жизни хуннского общества. Нет уверенности и в том, что даже масштабные раскопки дадут полную картину, отражающую функции всех памятников хуннской оседлости. Однако постепенно выявляющиеся в процессе раскопок детали помогают установить функциональное предназначение ряда городищ.

Сложившаяся практика исследования древневосточных, античных, средневековых городов показывает, что основную роль в городищах играет планировка, система укреплений, строительно-архитектурные особенности зданий и строений и, самое главное – анализ

предметного комплекса, полученного в процессе раскопок. Определяющее значение имеет общая историческая ситуация, при которой (функционировал изучаемый памятник).

При выяснении функционального предназначения оседлых памятников хунну посредством археологических раскопок имеют место те же самые критерии, использующиеся при раскопках городских поселений иных культурных традиций и иных временных рамок.

При изучении хуннских памятников на окончательные выводы может повлиять топографическое положение памятника, его привязанность к водным артериям, торговым путям, предполагаемым центрам административного устройства империи хунну (как принято считать, империя хунну подразделялась на 24 удела, во главе которых стояли темники). Большую роль играют исследования могильников, где погребали своих умерших жители поселений и городищ, хотя изученным пока остается только Иволгинский комплекс, в составе которого имелись могильник и городище. Однако интерпретации всех полученных материалов неизбежно надо признавать гипотетичными, поскольку количество эмпирических данных, в нашем случае археологического материала, пока еще крайне недостаточно, а новых письменных источников, сведения которых помогли бы разрешить проблему выявления функций стационарных поселений хунну, пока нет.

Исследования хуннских городищ, начавшиеся в 1920-х гг., продолжают с перерывами до настоящего времени. На данном этапе известно более 20 городищ, распространенных от Южной Сибири до Гоби, хотя памятников, подвергнувшихся полномасштабным раскопкам, еще недостаточно для полноценного раскрытия процессов седентаризации, происходивших в хуннском обществе. Всего на современном уровне исследования приходится оперировать данными из четырех наиболее изученных памятников: Иволгинское городище на р. Селенге и городище Баян Ундэр на р. Джиде в Бурятии, городище близ Абакана в Хакасии и городище Тэрэлжин Дэрэвэлжин в Центральном аймаке Монголии. Кроме укрепленных городищ, имеются неукрепленные поселения: Дурены на р. Чикое в Бурятии и недавно начатые исследования поселения Боро в Центральной Монголии. Хотя данных с этих поселений сравнительно немного, их необходимо учитывать при характеристике процессов оседания кочевников. Данные о городищах Монголии, изученных Х. Пэрлээ, также учитывались нами.

В свете сказанного, обеспеченность материалами позволяет пока говорить только о постановке проблемы о функциональных особенностях оседлых поселений хунну и об их предполагаемой роли в жизнедеятельности хуннского государства.

Для выявления функциональных особенностей хуннских городищ можно выделить несколько характерных черт, к которым, в первую очередь, относятся фортификационные сооружения. Почти все городища имели оборонительные валы, дошедшие до наших дней в расплывшемся, задернованном виде, в некоторых случаях расположенные в несколько рядов. Изучение валов проводилось на Иволгинском городище и на Баян Ундэре. Иволгинское городище, имевшее «форму неправильного прямоугольника, вытянутого с севера на юг на 348 метров и с запада на восток на 194–216 метров» [Давыдова, 1995, с. 9], было окружено четырьмя рядами валов и тремя линиями рвов. Общая ширина этой линии обороны составляла 35–38 м [Там же, с. 10–13]. Городище Баян Ундэр имело 2 линии валов, причем внешний едва возвышается над современной поверхностью земли (его даже трудно назвать валом) и состоит из гряды камней, уложенных без какого-либо видимого теперь порядка. Внутренний, основной, вал городища имел высоту с внешней стороны 1,10–1,15 м, а с внутренней – 0,7–0,9 м. В разрезе, сделанном в восточном валу городища, просматривается основа вала, сложенная из плотноубитой дресвы, перемешанной с суглинком. Перед валами с наружной стороны вырывались рвы глубиной 1,6 м. По всей видимости, грунт из рвов и служил материалом для их возведения. От края рва до основания вала наблюдалось пространство, или площадка, предназначение которой пока непонятно [Данилов, Жаворонкова, 1995, с. 29, рис. 4].

Валы Иволгинского городища также имели небольшую высоту и сооружались из грунта, полученного при рытье рвов.

Укрепления городища Тэрэлжин Дэрэвэлжин представляли расползшиеся земляные валы высотой до 1 м и шириной до 6-8 м, с воротными проемами шириной 3–4 м, на каждой из четырех сторон городища [Данилов и др., 2008; Данилов, Бураев, 2009].

Судя по отдельным сведениям о раскопках здания близ Абакана, оно находилось в центре большого поселения и было окружено ва-

лом, однако конкретных сведений об оборонительных сооружениях этого памятника у нас нет [Кызласов, 2001].

Таким образом, валы хуннских городищ, по-видимому, сооружались из земли, взятой при рытье рвов. Высота вала, судя по степени его расползания в течение длительного времени, в первоначальном состоянии могла достигать около 1,5–2 м. Вместе со рвом, считая от его дна, общая высота оборонительных сооружений составляла более 3 м. Хотя укрепления хуннских городищ не представляются достаточно серьезными для их преодоления, по сравнению с одновременными фортификационными сооружениями стран Древнего Востока и античного мира, все же для центральноазиатских кочевников и жителей лесной зоны, вообще не знавших никаких оборонительных сооружений, они служили довольно серьезной преградой.

Внутри городищ отмечены остатки различных сооружений, хотя следует заметить, что в количественном отношении наиболее изучены жилища типа полуземлянок. Наземные здания, имеющиеся почти на всех хуннских городищах, исследованы в значительно меньшем количестве.

Полуземлянки изучались в основном в Иволгинском городище и поселении Дурены и Боро, где они были раскопаны экспедициями под руководством Г. П. Сосновского, А. П. Окладникова, В. П. Шилова, А. В. Давыдовой и Ц. Турбата. Конструкции полуземлянок на этих памятниках были полностью идентичны (расстояние от Иволгинского городища до поселения Дурены составляет по прямой примерно 150 км, а от Дурен до Боро около 220 км). Для всех изученных полуземлянок «характерно углубленное в землю основание прямоугольной формы, стороны которого ориентированы по сторонам света. Материковые стенки и пол покрывали глиняной обмазкой». Полуземлянки имели разные размеры, вход в них находился с южной стороны. Конек двускатной крыши проходил по направлению север – юг. Крыша состояла из балок и брусьев, составлявших основу перекрытия, а также жердочек и прутьев, покрытых толстым слоем глиняной обмазки [Давыдова, 1995, с. 14–15]. Система отопления полуземлянок, состоящая из топки и дымоходов, сложена из каменных плит вдоль стен жилища и имела Г-образную форму. Необходимо отметить, что подобные отопительные системы (каны) имели широкое распространение в дальневосточной культуре.

Наземные здания исследовались близ Абакана, на Иволгинском городище, на городище Баян Ундэр. Х. Пэрлээ предпринимал раскопки большого здания на городищах Тэрэлжин Дэрэвэлжин, Гуа Дов, но материалы исследований остаются пока неопубликованными. С 2007 г. были продолжены исследования одного из четырех зданий на городище Тэрэлжин Дэрэвэлжин. Сведения о наземных жилищах хунну нами подробно уже анализировались [Данилов, 2004; 2005, с. 65–70], поэтому приведем здесь только краткие сведения.

На Иволгинском городище визуально прослеживалось 2 наземных жилища. Одно из них оказалось металлургической мастерской и до конца не исследовано. Второе сооружение (жилище № 9) было раскопано. Здание в плане имело прямоугольную форму, размерами 13х11,5 м и было ориентировано по сторонам света. Оно построено на небольшом естественном всхолмлении. «Стены сложены из сырцово-глины и имели толщину: южная – 1,12 метра, западная – 1,30 метра, восточная – 1,38 метров, северная – 2,25 метра. В южной стене на расстоянии 1,7 метра от юго-восточного угла здания обнаружен дверной проем шириной в 1,35 метров, с наружной стороны окаймленный двумя сгоревшими вертикальными столбами. Внизу эти столбы с внутренней и внешней стороны соединялись деревянной перемишкой – порогом, на котором сохранились следы циновки, сплетенной из растительного волокна. С внутренней стороны стены жилища покрыты слоем глиняной обмазки». В северо-восточном углу здания находилась печь, сложенная из каменных плит. От нее вдоль северной и западной стен здания проходил канал-дымоход шириной в 30 см, сооруженный из каменных плит, применяемый для обогрева помещения [Давыдова, 1995, с. 17, прил., рис. 4, 3; Данилов, 2005, с. 67, рис. 3].

Второе наземное здание хуннского времени было исследовано в 1940 г. в Хакасии близ Абакана в междуречье Ташебы и Абакана. Хотя остатки здания были частично разрушены при строительстве дороги, исследователям удалось проследить архитектурно-строительные особенности здания. Сохранившиеся нижние части стен были из глины, заливаемой из досок в опалубку. Толщина внешних стен достигала 2 м, а стен, расположенных внутри здания, – 1,8 м. Внешние стены сохранились на высоту до 50 см, внутренние же достигали высоты 1,80 м. Размеры всего сооружения составляли с севера на юг 35 м, с запада на восток – 45 м [Евтюхова, 1947, с. 79].

Внутренняя планировка здания была достаточно сложной и представляла собой многокомнатный блок с большим центральным залом, соединявшимся с другими комнатами дверными проемами. В здании найдены остатки системы отопления, представлявшие собой «узкие (до 50 см ширины) канавки с наклонными стенками, обставленными плитами девонского песчаника» [Евтюхова, 1947, с. 81]. Обнаружена печь, из которой производилось отопление здания. В холодные зимние месяцы здание дополнительно обогревалось жаровнями, от которых на глиняном полу здания оставались следы в виде прокалов. Внутри здания зафиксированы вкопанные в землю деревянные столбы, опиравшиеся на каменные плиты и являвшиеся, по-видимому, опорами для перекрытия. Здание имело черепичную крышу, реконструируемую исследователями как двухъярусную и четырехскатную. Черепица обнаруживала явное сходство с ханьскими образцами, а пижние концевые диски имели штампованные по сырой глине надписи китайскими иероглифами. Обнаружены дверные ручки, выполненные в виде бронзовых фантастических человекообразных личин с кольцом в носу [Евтюхова, Левашева 1946; Евтюхова 1947, прил., рис. 5; Данилов, 2005, с. 66, рис. 1].

Еще одно наземное здание было раскопано на городище Баян Ундэр, расположенном в Южной Бурятии на р. Джиде. Оно расположено внутри городища, в северо-западном углу, почти примыкая к северному и западному валам. Здание подквадратной формы размерами: северная сторона – 8,7 м, восточная – 8 м, западная – 7,60 м, южная сторона – 8,90 м. Стены здания, сохранившиеся только в нижней части, были тщательно заглажены с внешней стороны и стояли строго вертикально. На внешних же сторонах стен просматриваются продольные «ступеньки» – отпечатки досок опалубки, в которую закладывалась влажная глина. Снаружи стены покрывались, судя по проведенному разрезу, тонким слоем обмазки, своего рода штукатурки, толщина которой составляла 2–3 см. Толщину стен определить довольно затруднительно, так как если наружная внешняя сторона стен здания просматривалась почти по всему периметру, то внутренняя из-за развала стен внутрь не прослеживается. Высоту здания восстановить практически невозможно, однако по массивному развалу стен можно судить о количестве строительного материала, затраченного на сооружение здания. По всему периметру здания, с внешней

стороны, сохранились подпрямоугольной формы глинобитные выступы, пристроенные к стенам, внутри которых просматривались остатки столбов. На северной стороне здания было четыре выступа; на южной сохранилось два; на западной и восточной – по одному выступу. По всей видимости, они служили для укрепления находившихся внутри них деревянных столбов, выполнявших функции несущих конструкций и являвшихся частью строительно-архитектурного ансамбля здания. Для столбов выкапывались ямки, на дне которых находились каменные плитки, служившие твердой опорой столбу. Наличие с восточной и западной сторон здания по одному выступу, располагавшихся посередине, позволяет предполагать, что на этих вертикальных столбах помещалась центральная несущая балка. Дополнительным подтверждением этому служат остатки столба, найденного посередине здания на одной линии со столбами с восточной и западной сторон. Центральный опорный столб стоял в неглубокой ямке и опирался на каменную плиту. Столбы на северной и южной сторонах служили, возможно, опорами для боковых несущих балок, к которым крепились стропила. Возможно, эти столбы служили для придания дополнительной устойчивости глинобитным стенам здания. Такая конструкция перекрытия предполагает наличие двускатной крыши, прослеживаемой и на большинстве полуземлянок Иволгинского городища.

В северо-восточном углу здания находилась печь, сложенная из гранитных плит. От нее вдоль северной и западной стен здания идут остатки отопительного канала, от которого сохранились вертикально стоящие и беспорядочно лежащие плоские гранитные плиты.

Вход в здание находился в южной стене здания, ближе к юго-восточному углу, и был обозначен с двух сторон деревянными столбами, от которых сохранились нижние части.

Вокруг здания со всех четырех сторон видны остатки глинобитных стен с проходом в юго-западной части. Они отстояли от стен здания с северной стороны на 1,55 м, с восточной – на 1,55 м, с западной – на 1,70 м, с южной – на 1,50 м и, повторяя в целом его контуры, образовывали в плане подквадратной формы своеобразный внутренний дворик-коридор. Проход в этот «дворик», обрамленный с двух сторон стенками, за пределами общего квадратного плана тянулся к югу в виде коридора на 8 м [Данилов, 1998, с. 111-114, прил., рис. 4, 2; 2005, с. 66, рис. 2].

На городище Тэрэлжин Дэрэвэлжин просматривались остатки четырех зданий в виде холмов разных размеров, высотой от 1 до 2 м. Самое большое здание с приблизительными размерами 60х35 м находится примерно посередине городища. К северо-западу от него здание меньших размеров, соединенное с большим невысоким расплывшимся валом, напоминающим остатки перехода или галереи. К западу от большого здания расположены остатки еще одного здания, равного ему по высоте, но уступающее по размерам. К западу от него расположено небольшое всхолмление, соединенное с ним невысоким С-образным в плане валом, также напоминающим переход.

Таким образом, здания были связаны между собой попарно, т. е. на городище прослеживается 2 комплекса, каждый из которых состоит из двух зданий, связанных между собой невысокими валами. На поверхности всех отмеченных холмов встречаются обломки черепиц. Такая же черепица, но в меньших количествах находится на всей площади городища. Почти на всех зданиях видны следы старых раскопок и шурфов, произведенных во время обследования городища монгольским археологом Х. Пэрлээ.

Раскопки самого большого здания Длиной 60 м, шириной 30 м и высотой около 2 м выявили существование своеобразного пола-подстилки из чистой глины, настилавшегося на материковой почве. На нем сооружалась платформа из глины, перемешанной со щебнем, дрсвой и песком. Именно на поверхности этой платформы было найдено большое количество черепицы, оказавшейся здесь при разрушении здания. Здание было окружено галечной дорожкой, шириной до 1 м. Гальки размером 7-10 см были плотно уложены и, возможно, скреплены глинистым, цементирующим раствором. Внутри здания встретились остатки отопительной системы, сложенной из каменных, необработанных плит. На глубине 30-40 см посередине здания, на ребне, обнаружили конструкции из деревянных плах с выкладками из окатанных галек. Следует отметить, что на многих городищах хунну Монголии отмечены остатки крупных наземных сооружений, однако их изучение только начинается.

Таким образом, мы привели наиболее характерные черты архитектурно-строительного комплекса из четырех наиболее изученных

памятников хунну. На всех имелись остатки оборонительных сооружений в виде рвов и валов. Внутри городищ прослеживались остатки строений, из которых наиболее изучены пока полуземлянки. Однако наличие остатков крупных сооружений внутри городищ может свидетельствовать о неизвестных сложных функциях этих памятников. Функциональное назначение городищ предварительно определялось как по характеру остатков сооружений, так и по количеству и составу артефактов, найденных при раскопках.

Так, Иволгинское городище по наличию земледельческих орудий, остатков злаков, следов ремесленного производства условно определяется как поселок ремесленников и земледельцев. Наземное строение, расположенное посередине городища, условно названо исследователями «домом правителя». Анализ погребений Иволгинского могильника показывает, что среди погребенных не было ярко выраженной имущественной дифференциации, и они значительно отличались от курганных могильников, оставленных, как полагают, кочевой частью населения хуннского общества. Хотя среди погребений Иволгинского могильника встречаются и такие, которые можно соотнести с хунну. Это погребения (19 из 216), где присутствуют следы жертвоприношений животных, и пояс - свидетельство определенного социального статуса его владельца.

Городища Баян Ундэр и, возможно, поселение близ Абакана можно будет позиционировать как резиденции определенного уровня правителей, так как эти здания резко выделяются на окружающем фоне. Судя по небольшим размерам городища Баян Ундэр, оно могло служить для проживания сравнительно небольшого населения, по всей видимости, не занятого в масштабной производственной деятельности, как, например, население Иволгинского городища и поселения Дурены. Хотя дальнейшие раскопки этих памятников, несомненно, уточнят полученные выводы. Здание близ Абакана на р. Ташебе находилось, по данным Л. Р. Кызласова, посередине поселения, однако оно было уничтожено хозяйственной деятельностью современного человека и реконструировать его уже не представляется возможным.

При раскопках здания на городище Тэрэлжин Дэрэвэлжин основными находками стали фрагменты черепицы. Почти не встречались кости животных, фрагменты керамики и различных бытовых предме-

тов, являющихся неперенными при раскопках стационарных поселений. Это обстоятельство и наличие отдельных деталей, в частности, галечная дорожка и конструкции из дерева и галечных выкладок склоняют нас к мысли, что, вероятно, раскапываемое здание было культовым и могло исполнять функции храма. Пока это не более чем гипотеза, подтвердить или опровергнуть которую можно будет только при дальнейшем изучении памятника.

Таким образом, проведенные исследователями раскопки хуннских городищ создают достаточно интересную картину. Выясняется, например, что существовали укрепленные поселки (Иволгинское городище) земледельцев и ремесленников, игравших определенную роль в экономике. К такому же типу поселений относились неукрепленные поселения Дурены и Боро и, по всей видимости, также имели значение в хозяйственно-экономической системе хуннской державы. К такому выводу можно прийти на основании большого количества сошников, найденных на поселении Дурены, и сходных типов жилищ, выявленных на указанных памятниках. К такому же типу находок относятся серпы и остатки зерен злаков.

Иволгинское городище, занимавшее крайне северное расположение среди хуннских памятников, имело укрепление как пограничный форпост и на нем проживал какой-то выделявшийся из рядовых обитателей городища человек, для которого было построено наземное здание, отличавшееся от полуземлянок, составлявших основной тип жилищ на городище. Вероятно, это был человек или группа лиц, занимавших высокое положение в иерархии местной элиты. Абаканское городище, судя по монументальности изученного здания, играло значительную роль в организации властных функций на северной периферии хуннского государства. Дискуссии о личности человека, осуществлявшего контроль над этой частью империи, не должны затмевать главного: политического и географического фактора в распространении хуннского влияния в этой части Азии. Возможно, что такое же значение имело городище Баян Ундэр, на котором возведено здание довольно сложной конструкции, и пока там не выявлено следов производственной деятельности. Судя по наличию элитных курганов в Южной Бурятии, в этой части региона находились укрепленные ставки хуннской знати. Выявленные особенности городища Тэрэлжин Дэрэвэлжин дадут материалы по сакральным памятникам хунну.

То есть одно из городищ можно интерпретировать как резиденцию одного из определенного уровня правителей, сведения о титулах и степени властных полномочий которых содержатся в письменных источниках и косвенно подтверждаются существованием довольно большого количества могильников с грандиозными курганами элиты хуннского общества, сооружение которых было трудозатратно, и наличием большого количества предметов роскоши. Грандиозные захоронения в Ноин Ууле, Цараме, Ильмовой пади, Гол Моде показывают многочисленность могущественных хуннских кланов. И, скорее всего, именно такие члены хуннского общества, выдающиеся по своему социальному положению и богатству, наделенные государственными должностями, могли быть владельцами стационарных зданий, отличных от переносных войлочных жилищ.

На отдельных городищах выявлены постройки, которые по отдельным признакам можно признать культовыми, храмовыми зданиями или иными сакральными строениями (Тэрэлжин Дэрэвэлжин). Однако их изучение находится еще на начальной стадии. Кроме укрепленных городищ, выявляются неукрепленные поселения, роль которых в экономической и политической жизни еще предстоит выяснить (поселения Дурены и Боро), однако их направленность на производство сельскохозяйственной продукции и ремесленных изделий на настоящем уровне исследований не вызывает сомнений. Даже в результате изучения довольно незначительного количества раскопанных памятников встречаются различные по функциональному назначению поселения и городища, показывающие сложную структуру хуннского общества.

Тем не менее вопрос о зарождении в хуннском обществе развитой городской культуры еще не получил достаточного, в полной мере обеспеченного археологическими материалами обоснования. На данном этапе можно говорить о том, что в хуннском обществе получил развитие процесс строительства стационарных укрепленных и неукрепленных поселений, связанный с социально-политическими изменениями, происходившими в обществе кочевников, переходивших на иной, более развитый уровень общественных отношений. Существование поселений и городищ с различными функциональными назначениями позволяет предположить, что это был процесс неоднознач-

ный, далекий от примитивного перерастания кочевых стойбищ в стационарные пункты. Дальнейшее накопление данных по городам в кочевых обществах поможет установить закономерности формирования городской культуры, приведшие к появлению городов типа уйгурского Орду Балыка, киданьского Чин Толгоя, монгольского Каракорума, и поможет понять общие принципы становления городов кочевников в сопоставлении с городской культурой древнего и средневекового Востока, античности, европейского средневековья.

Литература

Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. – Т. 1. Иволгинское городище. – СПб., 1995.

Давыдова А. В. К вопросу о роли оседлых поселений в кочевом обществе сюнну // Краткие сообщения Института археологии АН. – 1978. – № 154.

Давыдова А. В. Об общественном строе хунну // Первобытная археология Сибири. – Л., 1975.

Давыдова А. В. Новые данные о поселении хунну в Дуренах // Археологические открытия. – М., 1980.

Данилов С. В., Жаворонкова Т. В. Городище Баян Ундэр - новый памятник хунну в Забайкалье // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. – Улан-Удэ, 1995.

Данилов С. В. Раскопки здания на хуннском городище Баян Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток, 1998.

Данилов С. В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. – Улан-Удэ, 2004.

Данилов С. В. Наземные здания хуннов // Вестник НГУ. – Т. 4, вып. 5. – Новосибирск, 2005.

Данилов С. В., Коновалов П. Б., Эрдэнболд Л. и др. Предварительные результаты раскопок на хуннском городище Тэрэлжин Дэрэвэлжин в Центральном аймаке Монголии // Археология степной Евразии. – Кемерово; Алматы, 2008.

Данилов С. В., Бурасев А. И. Раскопки хуннского городища Тэрэлжин Дэрэвэлжин и некоторые вопросы изучения стационарных поселений в хуннском обществе // История, язык и культура: сб. мат-лов междунар. науч.- практ. конф. – Улаанбаатар, 2009.

Евтюхова Л. А. Развалины дворца в «земле Хягас» // КСИИМК. – 1947. Вып. XXI.

Евтюхова Л. А., Левашева В. П. Раскопки китайского дома близ Абакана // КСИИМК. – 1946. – Вып. XII.

Киселев С. В. Древние города Монголии // Советская археология. – 1957. – № 2. – С. 91-101.

Кызласов Л. Р. Гуннский дворец на Енисее. – М., 2001.

Сосновский Г. П. Нижне-Иволгинское городище // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1934. – № 7-8.

Таскин В. С. Материалы по истории сюнну. – М., 1968.

Таскин В. С. Материалы по истории сюнну. – Вып. 2. – М., 1973.

Таскин В. С. Материалы по истории кочевых народов в Китае в III-V вв. – Вып. 1. Сюнну. – М., 1989.

Пэрлээ Х. К истории древних городов и поселений Монголии // Советская археология. – 1957. – № 3.

Пэрлээ Х. Монгол ард улсын эрт, дундад уеийн хот суурины товчоон. – Улаанбаатар, 1961.

БРОНЗОВЫЙ И РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

С.В. Данилов

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН (Россия)

ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (НА ПРИМЕРЕ КОМПЛЕКСА В НИЖНЕМ БУРГУЛТАЕ)

Религиозные верования начинают формироваться у человека почти с самого начала формирования homo sapiens, то есть с верхнего палеолита, хотя возможно, что какие-то абстрактные представления о своем месте в окружающем мире существовали и раньше у людей эпохи среднего палеолита. Уже с этого времени представления людей начинают находить свое материальное воплощение, нашедшие отображение в археологических памятниках. Самые древние свидетельства отражения религиозного мировоззрения - это элементы охотничьей магии, с изображением сцен охоты на диких животных, зафиксированные в петроглифах, выполненных в различной технике. По-видимому, такие изображения являлись частью обрядовых действий, выполняемых для обеспечения удачной охоты и благополучного существования общества.

Дальнейшее развитие человечества пошедшего по пути сложения многочисленных и разнообразных форм хозяйства, от присваивающей к производящей экономике. От приполярных областей до экваториальной зоны существовало множество типов хозяйствования: присваивающего, смешанного, производящего; максимально приспособленных к экологическим условиям и определявшим культурное разнообразие; породившее бесчисленное множество этнических групп, вырабатывавших собственные формы мировоззрения из которых складывалась религиозная идеология.

В евразийских степях одной из форм хозяйства становится кочевое скотоводство. Продолжающиеся в настоящее время дискуссии о месте и времени появления и становления подвижных форм ведения скотоводческого хозяйства не дают пока однозначного ответа. Исследователи все больше склоняются к мнению, что подвижные формы скотоводства могли формироваться с самого начала его появления в зоне степей, то есть в эпоху энеолита - ранней бронзы. Однако кочевой способ производства как вполне самостоятельная культурно-экономическая формация сложилась, по всей видимости, позднее, когда сложились предпосылки для становления кочевого образа жизни. Проводимые исследования показывают, что подвижные формы ведения хозяйства и кочевой образ жизни далеко не одно и то же. Кроме основных форм хозяйства, связанных с кочеванием, то есть перемещением скота и его пастухов по определенным маршрутам, до тонкостей отработанных методов выпаса, глубокой переработки всей получаемой продукции (мясной, молочной, шерсти, кожи, меха, рога), в результате которой образовывалась своеобразная сфера деятельности, свойственная именно кочевникам, кочевой образ жизни предполагает существование целых пластов культуры в самом широком смысле. Сюда можно отнести максимально приспособленные к особенностям кочевого хозяйства жилища, одежду, обувь, головные уборы, средства передвижения. Складывается самобытная духовная культура: мифология, фольклор, песенная культура, изобразительное искусство, музыкальные инструменты, мировоззрение, религиозные представления. Устанавливаются своеобразные социальные отношения: система родства,

брачные нормы, взаимоотношения между родовыми группами, формирование объединений более сложных уровней, складывание политических систем. Этот далеко не полный перечень характерных культурных особенностей, в принципе присущий любой человеческой общности, складывался у кочевников на протяжении сотен лет. Письменные источники доносят до нас удивительно схожие черты разных кочевых народов древности и средневековья, разделенных большими расстояниями. Однако до сих пор нет еще окончательного решения вопроса о том, когда начался процесс складывания кочевого скотоводства и формирования кочевого образа жизни.

Кочевой образ жизни включал в себя помимо хозяйственной деятельности и духовную культуру, куда входили и религиозное мировоззрение древних скотоводов, нашедшее отражение в отдельных типах археологических памятников: погребения, святыни, культовые сооружения.

Археологические памятники, расположенные в зонах проживания древних и средневековых кочевников часто предоставляют остатки обрядов и ритуалов, иногда помогающих понять суть и смысл древних верований.

Одними из самых распространенных памятников эпохи бронзы Центральной Азии являются плиточные могилы, керексуры, оленные камни. В едином комплексе с керексурами часто отмечались каменные кладки, число которых достигало нескольких десятков, а то и сотен. Один из таких комплексов был раскопан близ села Нижний Бургултай в Джидинском районе Республики Бурятия. Всего здесь было раскопано более 50 кладок. При раскопках под кладками встречались черепа, шейные позвонки, копыта коней. Кроме этого под двумя кладками были выявлены ямы с мелкими обломками костей животных, часть из которых носили следы горелости. Среди кладок была обнаружена яма, в которой были обнаружены остатки деревянного столба. Характер этого комплекса носил явно ритуальный характер, и сопоставим по отдельным деталям с обрядово-ритуальными действиями, фиксируемыми у многих кочевых народов. В этнографии бурят такой обряд жертвоприношений жертвенных животных известен под названием тайлаган. Вкратце изложим основные моменты проведения этого обряда. Тайлаган устраивался членами одного или нескольких имеющих общее происхождение родов для принесения жертв определенным божествам с целью испрашивания всяческих благ и создания благоприятных условий для всех членов рода, участвующих в обряде. (Баторов, 1926 С. 109-122; Михайлов, 1980, С 82-88; 176-178). Рассматривая обрядность тайлагана, можно выделить те стороны обряда, которые могли бы найти отражение при реконструкции обряда при исследовании его методами археологии. Перед началом тайлагана сооружалось тургэ - молодые березки, втыкаемые колом в землю. Тургэ «по мнению специалистов, символизировали мировое древо, по которому шаманы или их молитвы восходят на небо...». Другим моментом тайлаганной обрядности было сооружение ширэ - места, где сжигались кости жертвенных животных. Кроме этого имеются сведения о сжигании костей в специальных ямах, где разводился костер. Археологическими объектами могли стать и остатки жертвенного животного, шкуру которого с головой и копытами продевали через шест, один конец которого висел в воздухе, а другой закреплялся на земле. Такой обряд вывешивания шкуры животного назывался тухэли. В раскопанном комплексе близ Нижнего Бургултая просматриваются определенные черты сходства с некоторыми атрибутами тайлаганов. Остатки деревянного столба, несомненно, игравшего определенную роль во время проводимых в древности ритуальных действий можно идентифицировать с тургэ - определенного «передатчика» молитв божествам. В то же время имеются сведения о том, что тюрки Сибири при проведении обряда, идентичному тайлагану, устанавливали столб, к которому привязывали жертвенного коня (Глухов, 1926 С. 97-100). Здесь к функциям столба как передатчика молитв добавляется функция коновязи, имевшей ритуальный характер и осмысливавшийся, возможно, как способ отправления животного в качестве жертвы тем же божествам. После совершения жертвоприношений на тайлаганах все кости принесенных в

БРОНЗОВЫЙ И РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

жертву животных сжигались на специально сооруженных ширэ. При исследовании памятника в Нижнем Бургултае были вскрыты ямы с мелкими обломками частично обожженных костей. В ямках прослеживались прослойки пепла. По всей видимости, это следы ритуальных сожжений остатков жертвоприношений. Несколько сложнее обстоит дело с черепами, шейными позвонками и копытами лошадей, найденными под каменными кладками нижнебургултайского комплекса. Несомненно, это остатки жертвоприношений животных, принесенных в жертву каким-то божествам, однако оформление этого обряда проходило по каким-то иным принципам, нежели на тайлагане, напоминавшим обряды на обо, также древнем, но ламантированным обрядом жертвоприношений духам и божествам, связанным с каменными кладками-алтарями. Таким образом, некоторые детали древней обрядности, связанные с жертвоприношениями животных, находят параллели с обрядами этнографически зафиксированных у бурят, алтайцев.

Нам уже приходилось писать о нижнебургултайских жертвоприношениях коней (Данилов 1995 С. 92-102). С тех пор появились новые материалы из Монголии по раскопкам каменных кладок в комплексах с керексурами, где также отмечались черепа лошадей с копытами и шейными позвонками. В Восточном Забайкалье, где не встречены керексуры, но широко распространены плиточные могилы у горы Ламской у села Левые Кумаки, был раскопан комплекс с остатками большого количества домашних животных: около 140 особей лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Особо следует отметить человеческие жертвоприношения (Цыбиктаров 1998, С.86). Находки следов таких обширных жертвоприношений могут говорить о существовании у населения плиточных могил широко распространенных ритуалов жертвоприношений животных, не связанных с похоронной обрядностью и отражавших сложные мировоззренческие представления древних скотоводов.

Германские исследователи еще в XIX веке, рассматривая обряды жертвоприношений европейских скифов, отмечали некоторое сходство с обрядами бурят и калмыков, особенно это относилось к бескровному способу умерщвления животного и сжиганию костей жертвенных животных (Народы нашей страны в Истории Геродота с. 299 прим. 389,392). В Сокровенном сказании монголов упоминается жертвенное мясо «тюкелн», в примечаниях к данному термину это связывается с бурятским обрядом зухели, то есть с вывешиванием шкуры жертвенного животного. Массовые жертвоприношения животных отмечались у средневековых тюрок (Потапов 1977, с. 173-174).

Таким образом, даже выделяя из общего контекста древних верований только часть, связанную с жертвоприношениями животных, и отдавая отчет о необходимости этнографических ритуалов и обрядов, связанных с жертвоприношениями животных не только кочевников, но и оседлого населения, можно говорить о некой общности представлений древних и этнографически изученных кочевников.

С переходом к новым способам ведения хозяйства вместе со сменой хозяйственных ориентиров меняются и представления об окружающей действительности. Возможно, что человечество в разные времена и в разных природно-географических условиях имело различные мировоззренческие взгляды на окружающий мир. Но независимо от этого мир представлялся заполненным невидимой субстанцией, оказывающей влияние на все виды деятельности человека и общества. Персонификация этого невидимого мира приводит к появлению в сознании человека представлений о божествах, покровительствующих определенным видам деятельности, например, в первую очередь, земледелию, скотоводству, войне, торговле, оказывающих помощь при бытовых проблемах и т.д. Для вступления в контакт с этими духами или божествами выполнялся целый ряд определенных действий, определяемых правилами обряда, вырабатывавшимися в течение длительного времени. Выявленные нами в Нижнем Бургултае и существовавшие на керексурах Монголии комплексы показывают, что к эпохе бронзы у кочевников слож-

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ МОНГОЛИИ И БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ

лись определенные традиции, разработанный целый церемониал действий, призванных обеспечить благосклонность божеств и выполнения ими просьб.

Анализ всех деталей выявленного нами на археологическом памятнике в Нижнем Бургултае обряда, как было показано, имеет много общего с обрядами средневековья и этнографической современности. То есть с глубокой древности и до этнографической современности в сознании человеческих сообществ существуют представления о наличии некоего сакрального мира, некой нематериальной субстанции, оказывающей влияние на мир людей и зафиксированной сначала в первобытных верованиях, а затем в различных мировоззренческих философских концепциях по мироустройству, стали основополагающими элементами мировых религий. В них он проявился в таких понятиях и терминах как «дао» «святой дух», «аллах», «абсолютный дух» и т.д.

Таким образом, при изучении археологических памятников, сооружаемых для отправления религиозных потребностей, подобных Нижнебургултайскому комплексу, исследователи выявляют отдельные стороны ранних религиозных представлений существовавших у кочевых народов.

Литература

Баторов П.П. Аларские тайлаганы // Известия ВСОРГО Т. 51, 1926, Отд. Оттиск. С. 109-122;

Данилов С.В. Жертвенный комплекс у села Нижний Бургултай и некоторые вопросы древних обрядов и верований // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ, 1995. С. 92-102.

Доватур А.Н., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в Истории Геродота. М. 1982, С. 299, прим. 389,392

Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск, 1980, С 82-88; 176-178

Потапов Л.П. Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977. С. 173-174.

Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ, 1998. 286 с.

Summary

The article refers to the religious beliefs of Zabaikalye' population of the Bronze Age. The data of those ones was obtained through the archaeological excavations of stone masonry that formed a single complex with kerekurs. During excavations under the clutches there were found horses' skulls with cervical vertebrae and hooves, the remains of pits with fragments of bones of sacrificial animals, a wooden pole clogged with stones. The similar attributes have been identified in the analysis of the Buryat rites of animal sacrifice - taylagans. During taylagans pits for burning bones arranged, trees were planted in the ground, a horse's head with skin and remnants of legs were hung on a pole. The similarity of rites conducted by ancient and ethnographic studied people implies the unity of religious views, some common concepts about the presence of a sacred world that influences on the human world.

ЧЕРЕПИЦА ИЗ ХУННСКОГО ГОРОДИЩА ТЭРЭЛЖИН ДЭРЭВЭЛЖИН (Центральный аймак Монголии)*

*С. В. Данилов, А. И. Симухин, Н. В. Цыденова
Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ*

Исследование хуннских поселений и городищ, начало которым было положено раскопками Иволгинского городища, произведенного Г. П. Сосновским в 1928 г., в настоящее время уже имеет довольно длительную историю. Их изучение было продолжено на территории России и Монголии: фортификационные сооружения на Иволгинском городище и городище Баян Ундэр. На Иволгинском городище и поселении Дурены раскопаны и изучены полуземлянки, долгое время считавшиеся основным типом жилищ, существовавших у хунну [Давыдова, 1980, 1995]. Наземные жилища изучались в Хакасии на городи-

* Работа выполнена в рамках гранта РГНФ МИН ОКН Монголии «Создание электронной карты городов древних кочевников Центральной Азии».

ще близ Абакана [Евтюхова, 1946, 1947; Евтюхова, Левашова, 1946; Киселев, 1951; Кызласов, 2001], на Иволгинском городище [Давыдова, 1995], городище Баян Ундэр в Бурятии [Данилов, Жаворонкова, 1995; Данилов, 1998], на ряде городищ в Монголии [Пэрлээ, 1957].

Постепенно проявляются причины появления в кочевом обществе хунну стационарных, оседлых поселений, часть из которых выполняли, возможно, функции городов. По мере изучения археологических памятников выявляются особенности и детали строительных технологий, применявшихся хунну при постройке зданий. Одним из существенных элементов при строительстве различного типа сооружений была крыша как часть здания, предохранявшая от атмосферных осадков, защищавшая от холода в зимнее время и от жары летом. При настоящей степени изученности перекрытий хуннских жилищ можно выделить 2 типа кровли: первая – это черепичная крыша, второй – сложное перекрытие, состоящее из жердей, прутьев, дерна. Второй тип перекрытий встречался при исследовании полуземлянок Иволгинского городища, где при тщательной расчистке обнаружена указанная конструкция и перечисленные детали. Черепичное перекрытие зданий было найдено при раскопках здания близ Абакана и на территории Монголии. Причем абаканское здание было раскопано полностью, и вся черепица могла бы послужить материалом для исследований. Однако по нелепому стечению обстоятельств черепица, хранившаяся в Абаканском музее, была уничтожена [Кызласов, 2001, с.6 7]. Черепица из хуннских городищ Монголии, полученная в ходе исследований, не получила пока должного освещения в литературе, и мы имеем общее описание этого существенного компонента строительной традиции хунну. В этой связи интересные данные о черепичной кровле были получены при раскопках в 2007 г. хуннского городища Тэрэлжин Дэрэвэлжин.

Исследуемый памятник располагается в южных предгорьях Хэнтэйской горной системы, в 18 км к северо-востоку от Мунгморьт сомона, в долине речки (далее – рч.) Тэрэлж (правом притоке реки Керулен), на его левом берегу. Сама долина сложена ледниковыми и аллювиальными отложениями и имеет ровную остепненную поверхность. Городище ориентировано углами по сторонам света и в целом имело подквадратную в плане форму, созданную укреплениями в виде валов. Размеры городища: северо-восточная сторона – 229 м, юго-

восточная – 224 м, юго-западная – 215 м, северо-западная – 226 м.

При внешнем визуальном обследовании хорошо просматривались валы городища, достигавшие в высоту около 1 м. Ширина расплывшегося под воздействием времени вала достигает 10-12 м. Со всех четырех сторон городища примерно посередине валов находились воротные проемы шириной 3-4 м. Внутренняя поверхность городища относительно ровная, хотя на ней наблюдаются небольшие поднятия и ложбины. В целом поверхность городища практически не отличается от окружающей местности. Внутри городища просматриваются остатки четырех зданий в виде холмов разных размеров, высотой от 1 до 2 м. На поверхности всех отмеченных холмов встречаются обломки черепиц. Такая же черепица, но в меньших количествах, находится на всей площади городища. Почти на всех зданиях видны следы старых раскопок и шурфов, произведенных во время обследования городища монгольским археологом Х. Пэрлээ.

После предварительного обследования территории городища было принято решение начать раскопки остатков большого здания, расположенного посередине городища, имеющего, как уже говорилось, вид небольшого холма. Холм имеет вытянутую в плане форму и ориентирован по линии СЗ – ЮВ. При внимательном рассмотрении установлено, что форма в плане имеет довольно сложную конфигурацию. С западной и восточной сторон холма просматриваются небольшие шлейфы, примыкающие к основному телу холма. Возникает предположение о более сложных конструктивных особенностях здания, нежели представлялось при первом осмотре. Приблизительные размеры раскапываемого холма, считая от подошвы: длина – 60 м, ширина – 35 м, высота – 2 м.

Работы были начаты на юго-западном склоне холма, где был заложен раскоп размерами 16х12 м с последующими прирезками, площадь которого составила 224 кв. м. В самом начале процесса раскопок во всех секторах встречалось большое количество крупных и мелких фрагментов черепицы. Причем черепица образовывала скопления, и лежала в несколько слоев, однако не вполне ясен принцип устройства кровли здания (рис. 1). По всей видимости, детали устройства кровли предусматривали различные типы черепиц, о чем свидетельствуют ее размеры и формы. В отдельных местах черепица залегала в 5-6 слоев. Ниже по склону холма, то есть ближе к краю здания,

встречались концевые черепицы с дисками ханьского типа (определение А. Л. Ивлиева).

Рис. 1. Городище Тэрэлжин Дэрэвэлжин. Скопления черепицы в раскопе

Общая масса фрагментов черепицы, полученных во время раскопок, составила несколько сот килограммов. Из всего зафиксированного ассортимента черепицы нами выделены три типа.

Тип I – широкие пластины слабой вогнутой формы, шириной около 35–36 см и длиной около 45 см, при толщине около 2 см.

С обеих плоских сторон имеется каннелированный вертикальный, наклонный, пересекающийся декор (далее – штрих), более равномерный и аккуратный с выпуклой стороны (рис. 2–4). Одна часть с выпуклой стороны практически всегда декорировалась прочерченным орнаментом, который в большинстве случаев представляет собой волнистую линию, заключенную между двумя параллельными прямыми линиями. Реже встречается просто волнистая или волнистая линия в сочетании с одной прочерченной прямой. Толщина орнамента и ширина бороздки в среднем составляют 0,3–0,5 см. Зафиксированные типы орнамента будут рассмотрены ниже.

На нескольких фрагментах замечены отпечатки текстильного (среднего по размеру плетения) ремешка шириной около 1,5 см (см. рис. 4 – 3, 6). Боковые части оформлены срезами, часто остаются следы вертикальных надрезов-наметок для дальнейших (но неосуществленных) линий срезов (см. рис. 4 – 2, 4, 5). Эти боковые части оформлены вертикальными срезами, обычно двумя-тремя. Углы также иногда закруглялись тем же приемом срезания острым плоским предметом (ножом?). Эти приемы, судя по всему, применялись к подсушенному, но все еще сырому и пластичному изделию. Черепицы в большинстве имеют достаточно равномерный темно-палево-коричневый цвет. Тесто на сломе визуально определено как довольно однородное, плотное с равномерными включениями минерального отощителя.

К этому типу черепицы, кроме прочих, относятся 3 наиболее крупных фрагмента апплицируемой широкой черепицы со срезанными углами с обеих краев, выполненной из серой глины (см. рис. 2 – 1). Тесто черепков плотное, качество обжига хорошее. На выпуклой стороне имеются скошенные вправо штрихи, на вогнутой стороне штрихи пересекаются с длинными бороздами шириной до 1 см. Общая длина фрагментов составляет 45,7–46 см при толщине 1,4–1,8 см, ширина не реконструируется. Один из узких краев имеет профилированный в обе стороны небольшой бортик, а противоположный край с вогнутой стороны имеет плоскостной срез шириной около 5 см, проходящий от

линии отгиба черепицы в противоположную (выпуклую) сторону до кромки. На выпуклой стороне примерно на этом же уровне отгиба с обоих узких краев заметны горизонтальные разметочные линии, которые проходят по срезу углов. Боковые кромки оформлены множественными срезами.

Рис. 2. Городище Тэрэлжин Дэрэвэлжин. Тип I – широкая черепица

Рис. 3. Городище Тэрэлжин Дэрэвэлжин. Тип I – широкая черепица с орнаментом

Рис. 4. Городище Тэрэлжин Дэрэвэлжин. Тип I – широкая черепица с текстильными отпечатками и разметками линий срезов

Наиболее полная реконструкция формы и размера черепицы первого типа получена из 10 апплицируемых фрагментов (см. рис. 2 – 2). Реконструируемая длина составляет 44,5 см, ширина – 36-36,5, толщина – 1,8 см. С одного края угол срезан, имеется плоскостной срез,

уточняющий профиль изделия, тогда как на противоположном крае углы прямые. На узких краях заметны отгибы в выпуклую сторону. Боковая продольная кромка оформлена тремя срезами под разными углами. На расстоянии 6,5–6,7 см от узкого края проходит декоративная горизонтальная линия шириной 4 мм.

Тип II – «желобчатые» черепицы в отличие от первого типа более узкие и вогнутые, в среднем ширина составляет 17–18 см, наиболее крупный найденный фрагмент такого типа длиной 24 см, толщина основного тела и шейки варьирует в пределах 0,9–1,2 см (рис. 5 - 1). Такого типа черепица состоит из двух смонтированных частей – основного тела в виде желобка и шейки, которая является стыковочной частью, на которую накладывался нижний конец такой же черепицы при монтаже кровли. Штриховые отпечатки имеются с обеих сторон, однако, в некоторых случаях с вогнутой стороны поверхность тщательно заглажена. Сама шейка является наlepным составным элементом, о чем говорят следы спаев на торцовых сломках, а также следы пальцевых вдавлений на внутренней стороне черепиц данного типа (рис. 6 – 1-3). Встречены 2 экземпляра с округлыми сквозными отверстиями диаметром 2,2–2,4 см и 2,9 см, выполненными по сырой глине (см. рис. 5 – 2). Следов механического воздействия, которые могли бы быть при креплении через отверстия черепицы, не заметно. Цвет черепица данного типа имеет достаточно равномерный – темно-палево-коричневый, на некоторых фрагментах имеется белесый (известковый?) налет. Тесто на сломках визуально определено как довольно однородное, плотное, с равномерными включениями минерального отощителя, хотя качество обжига сильно варьирует. Орнамент имеется как на основном теле черепицы, так и в редких случаях в виде волны на шейке.

Для петрографического анализа был изготовлен поперечный шлиф зоны перехода от основного тела к стыковочному участку – шейке (см. рис. 6 – 3). С обеих сторон в районе уступа заметны стыковочный шов и следы пальцевых вдавлений, оставленных древним мастером при монтаже двух частей. Основное тело черепицы с обеих сторон имеет следы вертикальной штриховки, заглаженные в верхней части на расстоянии около 1,5 см от уступа. На горловине имеются горизонтальные параллельные борозды, что свидетельствует о работе на гончарном круге.

Рис. 5. Городище Тэрэлжин Дэрэвэлжин. Тип II – «желобчатая» черепица с белесым налетом и отверстиями

Рис. 6. Городище Тэрэлжин Дэрэвэлжин. Тип II – «желобчатая» черепица. Участки соединения шейки и желобка, следы пальцевых вдавлений и поперечный шлиф зоны монтажа

Шейка. Обломки составляют 40-50 % из них: зерна кварца варьируют в пределах 0,01-0,4 мм, полевые шпаты – плагиоклаз и микро-

клин, их размеры разнятся в диапазоне 0,02–1 мм, имеются единичные пластинки, чешуйки слюды размерами до 0,1 мм. Обломки кварца и полевых шпатов угловатой формы и ориентированы вдоль стенок черепка. Фракция 0,01-0,05 мм составляет 30-35 %, фракция >0,05 мм – около 10 %. Цемент базальный слюдисто-глинистый подкрашен красно-бурыми окислами железа.

Резкого более четкого контраста по составу с основным телом черепицы нет, отличие проявляется в более глинистом и более темном цементном составе (качество обжига) основного тела.

Основное тело черепицы. В общем состав обломочного материала идентичен выше описанному составу наклепной части. Однако зафиксировано больше пластинок слюды, кроме того, отмечается относительно крупные (до 2 мм) обломки гранитного состава, овальные обособления аргиллита размером до 1 мм, возможно, это спекшиеся обособления глины. Эта часть черепка содержит большее количество обломков размером менее 0,05 мм: фракции > 0,5 мм составляют около 20 % (с учетом аргиллитовых обособлений); фракции < 0,5 мм – 35-40 %.

Проведенный анализ керамического шлифа показал следующее: на шлифе отчетливо видна граница соединения основного тела черепицы и шейки, причем провал нижней части черепка полный и цвет керамики однородный. Возможно, основная часть просушивалась более долгое время перед обжигом, чем шейка, которая прокалена с обеих сторон на толщину в 3 мм при общей толщине стенки 9-10 мм. Шейка представляет собой фрагмент разрезанного цилиндра высотой 3–6 см, выполненного на гончарном круге. Налеп шейки производился внахлест с заступом в среднем около 2 см к внутренней стороне основного керамического тела, сама линия контакта вогнутая, что было получено в результате пальцевого давления на шейку при монтаже. Угол соединения горловины от оси основного тела черепицы составляет около 13–15° во внутреннюю (вогнутую) часть.

Тип III – концевые диски диаметром около 18 см, толщиной около 2 см, на внешней поверхности имеют рельефный орнамент (рис. 7, 8). В большинстве случаев концевые диски встречаются хоть и во фрагментированном виде, но как самостоятельные элементы, с «бортиком» с внутренней стороны. Также имеются диски, спаянные с желобком. Некоторые фрагменты имеют белесоватый налет.

Рис. 7. Городище Тэрэлжин Дэрэвэлжин. Тип III – концевые диски с четырехугольными оттисками и «жемчужинами» в центре

Рис. 8. Городище Тэрэлжин Дэрэвэлжин. Тип III – концевые диски с белесым налетом и «жемчужинами» в центре

Наиболее крупный найденный фрагмент концевой диска, представляет собой диск со спаянной желобчатой частью (см. рис. 7 -1). На расстоянии 1 см от края диска проходит бортик шириной 0,7-1 см. В центре орнаментального поля имеется вдавленный четырехугольник со стенками 2,8 и 3,2 см, в центре которого помещена «жемчужина» диаметром 1,9 см. От середины сторон квадрата отходят перпендикулярные рельефные линии, разделяющие круг на сектора, в которых размещены парные завитки (X – образные). Толщина диска – 1,7 см, диаметр 18,5 см, внутренняя поверхность его относительно ровная, тогда как на внутренней стороне желоба имеются вмятины, неровности и стыковочный шов – как результат соединения двух частей. Выпуклая сторона желоба, как и на первых двух типах черепицы, покрыта вертикальными штрихами. Желобчатая часть представляла собой полуцилиндр, о чем говорят сохранившиеся поперечные срезы желоба по диаметральной линии, к таким дискам относятся несколько фрагментов с частично сохранившейся стенкой желоба (рис. 7 – 4; 8 – 1, 3).

Всего нами зафиксировано 4 типа орнамента на концевых дисках, представляющие различные комбинации: 1 – X-образные оттиски в сочетании с двумя разнонаправленными завитками (см.рис. 7 – 1, 2, 4); 2 – Ж- и S-образные оттиски (см. рис. 7 – 3). Характерной чертой первых двух типов является наличие четырехугольного вдавления и выпуклой «жемчужины» по центру, причем разделительные линии орнаментального поля проходят как от середины сторон, так и от углов оттиска четырехугольника. Третий тип представляет сложный растительный орнамент с прочитываемым элементом типа S, заполняющим всю плоскость диска, и выпуклой «жемчужиной» по центру (см. рис. 8 – 1). Четвертый тип также разделен на 4 сектора рельефными линиями, отходящими от центральной «жемчужины», по обе стороны каждой линии симметрично расположены завитки (см. рис. 8 – 2).

На двух фрагментах имеются белесые налеты (см. рис. 8 – 1, 3). На одном диске с внутренней стороны наиболее хорошо заметны следы глиняной примазки, вероятно, для крепления к круглому в сечении деревянному прибору обрешетки кровли (см. рис. 7 – 4). На одном из фрагментов во внутренней части диска наиболее четко заметны кон-

центрические круги – результат работы гончарном круге (см. рис. 7 – 3). Исходя из последнего замечания, можно предположить, что сами диски могли изготавливаться на гончарном круге, который имел резной орнамент, негативную проекцию которого мы наблюдаем на изделях. К тому же, на большинстве днищ хуннских сосудов имеются квадратные или подпрямоугольные оттиски от оси, выступающей над плоскостью гончарного круга.

В отдельную группу выделена находка фрагмента облицовочной керамической плитки (рис. 9 – 1). В самых широких частях размеры составляют 14,7х15 см при толщине 2,7-3,2 см. На внутренней поверхности имеются отслоения, трещины, следы заглаживания. Поверхность плитки, видимо, была разделена на 4 треугольника двумя рельефными линиями, в каждом таком треугольнике декор в виде блока рельефных параллельных линий, которые соединены между собой под прямым углом. Орнамент оформлен оттиском. Края прямые. Цвет плитки в целом отличается от всей черепицы, более светлый – белесовато-серый, в местах потертостей буроватый.

Кроме того, в раскопе были найдены 2 апплицируемых фрагмента венчика керамического сосуда серого цвета, выполненного на гончарном круге (см. рис. 9 – 9). Венчик круто, но плавно отогнут наружу, верхняя часть уплощена. В нижней части края имеется желобок, образующий слабовыраженный «карниз», толщина стенки в предвенчиковой части 1,4 см. Тесто плотное, заметна примесь зерен кварцита фракцией до 0,5 мм и мелкозернистого песка.

Коллекцию керамики также пополнили 2 апплицируемых фрагмента стенки сосуда, схожие по качеству и составу теста (визуально) с фрагментами венчиков. Толщина изделий составляет 0,9–1,4 см. На внешней поверхности фиксируется 3 орнаментальных горизонтальных пояса шириной 1,75 см, выполненных одним штампом, представляющим собой сочетание двух параллельных полос с квадратно-прямоугольным оттиском и заключенным между ними X-образным рельефом (см. рис. 9 – 10). Повторяемость элементов декора фиксируется на расстоянии 4,9 см, что говорит о прокатывании штампа: местами орнамент смазан в результате меньшего нажима.

Рис. 9. Городище Тэрэлжин Дэрэвэлжин. Фрагмент облицовочной керамической плитки, основные типы орнамента на фрагментах черепиц, фрагменты керамической посуды

Таким образом, мы рассмотрели основные типы найденной черепицы и единичные находки облицовочной плитки и керамической посуды. По внешним признакам можно определить несколько способов изготовления черепицы. Они соответствуют выделенным типам. Широкие вогнутые черепицы и основное тело желобчатой черепицы изготавливались на шаблоне. Авторы раскопок Ташебинского дворца предполагают, что широкие желоба, по-видимому, формировались и подсушивались на бревенчатых матрицах [Евтюхова, Левашова, 1946]. Такое предположение вполне уместно и в нашем случае. Не совсем понятно, как в таком случае снимались готовые к обжигу пластины без последствий деформации или слома. Например, у средневековых черепиц вогнутая сторона носила отпечатки грубой ткани типа мешковины, служившей для более легкого отсоединения глиняной заготовки от шаблона. На хуннских же черепицах с городища Тэрэлжин Дэрэвэлжин внутренняя и внешняя стороны, как правило, покрыты штриховыми пересекающимися линиями (каннелюры), чаще имеющим уклон вправо. Эти штрихи не столько декоративная нагрузка, а, вероятнее всего, следы технологического процесса, который сводился к уплотнению глины, выравниванию неровностей, заглаживанию поверхности на стыках зубчатым инструментом. После чего производилось обрезание излишек глины и декорирование. Шейка желобчатой черепицы изготавливалась на гончарном круге, после чего разрезалась на несколько частей (никак не полуцилиндры) и монтировалась к основному телу изделия. Узкие желобчатые черепицы с Ташебинского дворца полностью делались на гончарном круге и представляют собой полуцилиндры [Там же].

Концевые диски представлены как самостоятельные элементы, так и в комбинации с желобчатыми черепицами, о чем говорилось выше. Возможно, что некоторые диски изготавливались на плоской поверхности без применения гончарного круга. Совершенно по-разному оформлены диски на концевых черепицах: на абаканских дисках выполнены иероглифические надписи, на дисках из Тэрэлжин Дэрэвэлжина наблюдаются орнаментальные мотивы, возможно, растительного характера. Так же, как и на черепицах абаканского здания, на черепицах Тэрэлжин Дэрэвэлжина видны знаки, прочерченные по сырой глине, т. е. до обжига. Если на абаканских черепицах было прослежено 27 меток-знаков, оставленных изготовителем на внутренней по-

верхности черепицы, то на монгольских – 4, что обусловлено неполной изученностью остатков здания. Этот сюжет требует отдельной исследовательской работы и в настоящей статье не рассматривается.

Плоские облицовочные плитки изготавливались, видимо, на плоскости и украшались штампом либо прессованием в форму-клише, внутренняя плоскость которой имела резной орнамент. В пользу последнего заключения косвенно может указывать отсутствие срезов на боковых сторонах изделия и жилка, расположенная параллельно длинной стороне плитки, которая могла возникнуть при стыковке створок формы.

Что касается орнаментации, выполненной на черепице I и II типа, то можно отметить, что здесь характерны разнообразные сочетания волнистых и прямых линий, прочерченных по еще сырой глине. На настоящий момент исследования можно выделить следующие разновидности: волнистая линия между двумя параллельными прямыми; 2 волнистые линии между двумя параллельными прямыми; прямая линия между двумя волнистыми; прямая и волнистая линии; волнистая линия; две параллельные прямые линии; прямая линия (см. рис. 9 – 2-8); 3 параллельные прямые линии; 3 волнистые линии; нанесенные последовательно волнистая и 2 прямые линии; волнистая линия, с одной стороны расположена одна прямая, с другой – 2 прямые линии; 2 волнистые линии, с одной стороны расположена 1 прямая линия, с другой – 2 прямые линии; нанесенные последовательно волнистая, прямая, 2 волнистые и прямая линии; 8 волнистых линий между двумя параллельными прямыми линиями (1 экз.); волнистая линия, выполненная в иной манере – мелкая скошенная волнообразная линия (1 экз.). Наиболее часто встречаются 4 типа орнамента: волнистая, прямая, прямая и волнистая линии, волнистая между двумя параллельными прямыми линиями. Здесь можно отметить, что характерными типами орнамента, присущими хуннской керамике, являлись волнистая линия и волнистая, заключенная между параллельными прямыми линиями, прочерченными по сырой глине.

Заключение

Таким образом, нами было проведено предварительное изучение черепицы, полученной из раскопа части здания на хуннском городище Тэрэлжин Дэрэвэлжин. Стратиграфические позиции черепицы

были неравномерные. В части квадратов она залегала сразу под дерном, в некоторых – несколько ниже. Это объяснимо тем, что перекрытие здания обрушалось неравномерно и неодновременно. Различной была сила давления массы черепичного покрытия на разные части крыши и опор.

Хотя черепица происходит только из части раскопанного здания, все же можно сделать определенные выводы. К сожалению, во время проведения раскопок пока не были обнаружены остатки конструкций, которые могли бы способствовать реконструкции кровли. Реконструкции хуннских сооружений вообще, и кровли в частности, проводились на полуземлянках Иволгинского городища, на зданиях, раскопанных близ Абакана, и городище Баян Ундэр в Бурятии. Кровля жилищ Иволгинского городища и здания на Баян Ундре представлялась двускатной, причем на Иволгинском городище выявлены остатки перекрытия из жердей прутьев и, по-видимому, дерна. В Баян Ундре остатков перекрытия кровли обнаружено не было, хотя были найдены ямки для столбов с каменными плитками на дне, поддерживавших кровлю. При реконструкции кровли на здании близ Абакана исследователями воспроизводится многоярусная крыша, опиравшаяся на столбы, ямки от которых выявлены в процессе раскопок. При раскопках здания на городище Тэрэлжин Дэрэвэлжин, довольно значительного по размерам, столбы или ямки от них пока не обнаружены и, следовательно, пока не ясны конструктивные особенности этой важной детали архитектурного комплекса.

В целом можно отметить, что в строительной традиции хунну имеются, как постепенно устанавливается, несколько вариантов изготовления кровли. Для полуземлянок характерны двускатные крыши с жердево-плетневым перекрытием. Для небольших наземных зданий пока выявлена также двускатная крыша крытая, каким-то несохранившимся материалом. Здания больших размеров крылись черепицей, однако количество скатов и ярусов остается пока непонятным. Можно отметить только то, что такой применявшийся при строительстве кровли материал, как черепица, свидетельствует о заимствовании технологии строительства у своих соседей – ханьцев, с которыми зафиксированы самые разнообразные контакты, в том числе и в архитектурно-строительном деле.

По прямой аналогии с китайскими архитектурными конструкциями крыш зданий можем реконструировать очередность установки черепиц. Сначала укладывались широкие пластинчатые элементы, вогнутой стороной вверх (выпуклой вниз). Края их соприкасались высокими «бортиками», на которые сверху укладывались желобчатые черепицы, шейкой вверх. К ней или же к торцу деревянного элемента обрешетки кровли в свою очередь крепились концевые диски. В данном случае преимущественное их количество было зафиксировано с юго-западной стороны здания. Исходя из этого, сделан вывод о том, что данная сторона является фасадной. Кроме того, здесь же встречаются фрагменты облицовочных плиток. Лишь в северо-восточной части раскопа были встречены единичные фрагменты такой плитки. Следовательно, облицован был в основном фасад.

Таковы предварительные результаты анализа коллекции керамической черепицы и сопутствующих изделий центрального здания на городище Тэрэлжин Дэрэвэлжин. Дальнейшие полевые и лабораторные исследования позволят произвести более полную реконструкцию особенностей здания, а также архитектурных традиций населения древнего городища Тэрэлжин Дэрэвэлжин.

Литература

Давыдова А. В. Новые данные о поселении хунну в Дуренах // Археологические открытия. – М., 1980.

Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1. Иволгинское городище. – СПб., 1995. – 282 с.

Данилов С. В. Раскопки здания на хуннском городище Баян Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток, 1998.

Данилов С. В., Жаворонкова Т. В. Городище Баян Ундэр - новый памятник хунну в Забайкалье // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. – Улан-Удэ, 1995.

Евтюхова Л. А. Древнекитайское здание на Среднем Енисее // ВДИ. – 1946. – Вып. I.

Евтюхова Л. А. Развалины дворца в «земле Хягас» // КСИИМК. – 1947. Вып. XXI.

Евтюхова Л. А., Левашева В. П. Раскопки китайского дома близ Абакана // КСИИМК. – 1946. – Вып. XII.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. – М., 1951. – 643 с.

Киселев С. В. Из истории китайской черепицы // Советская археология. – 1959. – № 3.

Кызласов Л. Р. Гуннский дворец на Енисее: Проблема ранней государственности Южной Сибири. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 176 с.

Пэрлээ Х. К истории древних городов и поселений Монголии // Советская археология. – 1957. – № 3.

УДК 001

Данилов С. В.

Коновалов Прокопий Батюрович – ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, доктор исторических наук, профессор (к 75-летию со дня рождения)

Danilov S. V.

Konovalev Prokopii Batiurovich – Leading Research Fellow of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS, Doctor of Sciences in History, Professor (Towards the 75th Jubilee)

Прокопий Батюрович Коновалов родился 2 декабря 1937 г. в с. Толодой-Булуса Булусинского сельского совета Эхирит-Булагатского района Усть-Ордынского бурятского автономного округа Иркутской области. Закончил Булусинскую семилетнюю и Усть-Ордынскую среднюю школы. В 1959 г. закончил исторический факультет Иркутского государственного университета.

После окончания университета в 1959–1960 гг. работал лаборантом Института геологии Восточно-Сибирского филиала АН СССР. С 1960 г. по сегодняшний день работает в Бурятском научном центре СО РАН (бывший Бурятский филиал СО АН СССР) – сначала в отделе истории и этнографии БКНИИ (зав. П. Т. Хаптаев), затем в секторе зарубежного Востока (зав. Г. Н. Румянцев), отделе истории, этнографии и археологии (зав. Г. Л. Санжиев), секторе этнографии и археологии БИОН (зав. Е. М. Залкинд, затем Т. М. Михайлов), ныне в отделе истории и культуры Центральной Азии ИМБТ (зав. В. Ц. Ганжуров, Ш. Б. Чимитдоржиев, затем Б. Р. Зориктуев, а с 2009 г. С. В. Данилов). С 1976 по 1992 г. руководил тематической группой археологии в составе вышеуказанных отделов и секторов института.

С 1981 по 1992 г. работал по совместительству на историческом факультете Бурятского педагогического института, преподавал курс «Археология СССР», с 1992 по 1995 г. – в Бурятском филиале Новосибирского государственного университета заведующим отделением истории гуманитарного факультета, где преподавал курс «История первобытного общества», с 1995 по 2006 г. на восточном

факультете Бурятского государственного университета возглавлял созданную им кафедру истории, археологии и этнологии и преподавал курсы: «История народов Центральной Азии и Южной Сибири» и «Проблемы этногенеза и культурогенеза монголов».

Путь П. Б. Коновалова в науку начался в старших классах средней школы. В 1954 г., занимаясь краеведением в кружке при Усть-Ордынском окружном музее, впервые принял участие в работе археологической экспедиции (под руководством А. П. Окладникова) на ангарских островах Лесной и Сосновый. В годы учебы в Иркутском университете ежегодно участвовал в полевых работах археологической экспедиции под руководством антрополога и археолога М. М. Герасимова, в раскопках палеолитической стоянки Мальта и многослойного поселения Усть-Белая. На третьем курсе был командирован на III Всесоюзную студенческую археологическую конференцию в Москву (МГУ). Заканчивал университет дипломной работой на тему: «Материальная культура курыкан» (рук. доцент П. П. Хороших).

В 1962–1965 гг. прошел аспирантуру в Сибирском отделении СО АН СССР под руководством А. П. Окладникова. Кандидатскую диссертацию на тему «Погребальные памятники хунну» защитил в 1974 г. на диссертационном совете Института истории, филологии и философии СО РАН. Результаты исследований были опубликованы в монографии «Хунну в Забайкалье» в 1976 г.

С 1960 г. в Бурятском научном центре занимался археологическими исследованиями на территории Бурятии в хронологическом диапазоне от неолита до средневековья включительно. Главными объектами исследований П. Б. Коновалова были памятники позднего бронзового, раннего железного веков и эпохи средневековья – погребальные комплексы древних предков монгольских и тюркских народов, создателей ранней государ-

ственности евразийских nomads и основ кочевой цивилизации Центральной Азии. В 1981–1991 гг. занимался раскопками памятников истории и культуры центральноазиатских народов на территории Монголии в составе советско-монгольской историко-культурной экспедиции АН СССР и АН МНР. В 2007–2009, 2012 гг. участвовал в археологических экспедициях в Монголии по совместным Монголо-российскому и Монголо-американскому научным проектам.

Результаты многолетних археологических исследований в Бурятии и Монголии в хронологическом диапазоне от бронзового века до средневековья обобщены в докторской диссертации на тему «Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье)», защищенной по специальности «07.00.07 – этнология, антропология, этнография» в 2000 г. на диссертационном совете Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Таким образом, П. Б. Коновалов является специалистом в области древней и средневековой истории и культуры народов Центральной Азии, Южной и Восточной Сибири. Основное направление его научных интересов – этническая история, этногенез и культурогенез монгольских народов.

Им опубликовано свыше 130 научных трудов, в т. ч. монографии: «Хунну в Забайкалье» (Улан-Удэ, 1976); «Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье)» (Улан-Удэ, 1999); «Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье)» (Улан-Удэ, 2008); «The Burial Vault of a Xiongnu Prince at Sudzha (Il'movaia pad', Transbaikalia)» (Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2009); является соавтором монографий: «Экологические традиции в культуре народов Центральной Азии» (Новосибирск, 1992); «Социальная структура хунну Забайкалья» (Владивосток, 2004); «Социальная структура ранних кочевников Евразии» (Ир-

кутск, 2005); «Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе (средневековье)» (Улан-Удэ, 2010); является соавтором ряда глав т. 1 нового издания «Истории Бурятии» (Улан-Удэ, 2011). Под научной редакцией П. Б. Коновалова издано около 20 сборников статей и монографий разных авторов.

П. Б. Коновалов участвовал в работе международных, всесоюзных, всероссийских и региональных конференций в Улан-Баторе, Бишкеке, Алма-Ате, Киеве, Тулузе (Франция), Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Омске, Кемерове, Иркутске, Улан-Удэ, Чите, Владивостоке. Поддерживает научные контакты с коллегами Монголии, Германии, США.

Много лет П. Б. Коновалов был членом ученых и диссертационных советов ИМБТ и БГУ. В настоящее время член диссертационного совета при ИМБТ. Им подготовлено 8 кандидатов исторических наук. Преподавая в университете (по совместительству), он внес значительный вклад в дело интеграции академической науки и высшего образования в регионе. Возглавляемая им кафедра истории, археологии и этнологии восточного факультета БГУ выпустила значительный отряд специалистов историков-востоковедов (со знанием китайского, монгольского, японского и корейского языков), многие из которых закончили аспирантуру в Улан-Удэ, Новосибирске, Москве, Владивостоке и дополнили ряды науч-

ных сотрудников БНЦ, преподавательско-профессорский состав БГУ и других вузов Бурятии.

В течение многолетней научной и преподавательской деятельности П. Б. Коновалов большое внимание уделял вопросам внедрения науки в практику, являясь постоянным консультантом по охране и музеефикации памятников археологии по ведомству Министерства культуры, внес значительный вклад в «Свод объектов культурного наследия Республики Бурятия» («Памятники археологии»; 2011 г.), в свое время инициировал и проводил теоретические и практические разработки по организации природно-археологических заповедников на территории Бурятии.

П. Б. Коновалов – член Международной ассоциации монголоведов, Российской ассоциации востоковедов, заслуженный ветеран Сибирского отделения АН СССР (с 1982 г.), заслуженный деятель науки Республики Бурятия (1992 г.), заслуженный работник образования Республики Бурятия (с 1999 г.). Награжден медалью «Хубилай хаан» АН Монголии. С 1998 г. – ветеран труда, имеет Почетные грамоты Президиума АН СССР, Президиума СО РАН, Президиума Верховного Совета Бурятской АССР, Правительства Республики Бурятия, Народного Хурала Республики Бурятия и другие награды и поощрения.

УДК 902+39(5-015)

© Н.В. Цыденова, С.В. Данилов

Некоторые результаты работ комплексной археолого-историко-этнографической экспедиции в долине р. Селенги

Настоящая работа представляет краткие результаты работы совместной российско-монгольской комплексной археолого-историко-этнографической экспедиции, проводившейся по долине р. Селенги – от дельты и до истоков. В рамках данной статьи мы остановимся на анализе полученных археологических и частично этнографических материалов.

Ключевые слова: долина р. Селенги, археологические памятники, древнее и современное население.

N.V. Tsydenova, S.V. Danilov

Some results of works of the complex archaeological-historical-ethnographic expedition in the Selenga river valley

The paper is devoted to the results of the joint Russian-Mongolian archaeological-historical-ethnographic expedition, which has been conducted in the Selenga basin, from its delta through its sources. Within this article we'll focus on the analysis of the obtained archaeological and some of the ethnographical materials.

Keywords: the Selenga basin, archaeological sites, ancient and modern population.

Долина реки Селенги, одной из главных водных артерий Забайкалья и Монголии, привлекала внимание исследователей еще с конца XIX в. Идея проектов о сплошном обследовании бассейна реки появлялась у специалистов самых различных отраслей науки и хозяйства. Наиболее известное археологическое обследование долины от Наушек до Улан-Удэ проводилось

экспедицией под руководством академика А.П. Окладникова в 1949 г. Более ранние археологические исследования в долине Селенги осуществлялись в 1927-1928 гг. Бурят-Монгольской археологической экспедицией под руководством Г.П. Сосновского тронцкосавским уездным врачом Ю.Д. Талько-Грышневичем в конце XIX в. – начале XX в.

Одной из целей проводившихся нами работ было изучение хозяйственно-экономического и культурно-исторического состояния территорий, единых по своей исторической географии, но разделенных современными государственными границами. С российской стороны участие принимали сотрудники ИМБТ СО РАН, с монгольской – сотрудники ИИ АН Монголии (руководитель совместного проекта С.В. Данилов).

Памятники каменного века. По р. Селенге известны археологические памятники каменного века, от палеолита до неолита. На российской стороне это прежде всего серия стоянок Усть-Кяхта I-XVII, датируемых эпохами палеолита-мезолита-неолита и находящихся в районе с. Усть-Кяхта (Ташак, 2005). В среднем течении реки расположено широко известное в науке многослойное поселение Ошурково, датирующееся эпохой палеолита – мезолитом. А также стоянки в районе ст. Мостовая на левобережье р. Селенги (Окладников, 1927; Окладников, 1950). Наряду с ними известен ряд стоянок теперь популярными в научной литературе стоянок среднего и верхнего палеолита, расположенных на притоках р. Селенги и в их бассейне – р. Уда (Санный Мыс, Толбага, Барун-Алан, Каменка, Варварина гора и др.), р. Итанца (Засухино), р. Чикой (Подвиновка) и др., раскопки которых вели экспедиции под руководством А.П. Окладникова, позже Л.В. Лбовой и В.И. Ташака [12].

На территории Монголии по р. Селенге также обнаружены памятники этого времени. Наиболее известными из них являются поселения Тулбэр-4, Тулбэр-15, находящиеся на территории Хутаг-Ундур сомона Булганского аймака. Многослойные поселения неолита – верхнего палеолита Тулбэр-4 и Тулбэр-15 расположены на р. Тулбэр (правом притоке р. Селенги), раскопки его ведутся совместной монголо-российской экспедицией. Исследователями было выявлено сходство каменной индустрии Тулбэр-4, относящейся к переходному периоду от ранних этапов верхнего палеолита к его поздним стадиям, с индустриями забайкальских стоянок Усть-Кяхта 17, Санный Мыс [7; 22].

Нами выявлено несколько объектов, где собраны единичные каменные артефакты палеолитического времени: в распадке по южному склону хребта Намнангайн нуруу (сомон Тарналан), в падь Тээль (сомон Хутаг-Ундур Булганского аймака), в распадке неподалеку от с. Хутаг-Ундур (к западу от сомонного центра), в местности Арслан Толгой (сомон Хутаг-Ундур), на переправе через р. Эгийн гол, в местности Холтостой нут (р. Эгийн гол, Хутаг-Ундур сомон) и др.

Памятников эпохи неолита – бронзового века на российской стороне по р. Селенге известно также немало. Наиболее известные из них: могильники Фофаново, Никольское, поселения Посольское – в нижнем течении реки, Нижнеберезовское – в среднем ее течении и др. [14; 3; 16; 11; 19; 18].

На территории Монголии по р. Селенге неолитических стоянок и могильников практически не известно. Нами зафиксированы материалы неолитического облика на высокой береговой террасе в местности Олон голын бэлчэр, на правобережье р. Дэлгэр-мурэн, недалеко от устья р. Селенги. Это два каменных предмета, один из них – это переработанный в торцовый нуклеус отщеп (пластина?). Другой выявленный объект находится на террасе р. Цулахарын гол (приток р. Селенги), за восточной окраиной бага у с. Халганат. С правой стороны автодороги на г. Эрдэнэт собраны артефакты неолитического облика – 7 экз.: нуклеидный обломок на гальке, отщеп, мелкие отщепы – 3 экз., микропластинка, фрагмент гладкостенного сосуда серого цвета.

Памятники бронзового века. В ходе экспедиции на территории Бурятии по р. Селенге и ее притоку р. Чикой были осмотрены также крупные могильники, включавшие курганы и погребения эпохи бронзового века, как Хайласын, Хара-Хансагай, Цаган-Усун и др.

1) Керексуры: На территории Монголии известны одни из самых крупных и монументальных курганов керексуров. Так, в верхнем течении р. Селенги по маршруту экспедиции были осмотрены керексуры в местности Булганы Сайхан в Булганском аймаке, в долине Хуний-гол, в устье р. Дэлгэр-Мурэн и др.

В целом можно говорить о следующем: а) керексуры как на территории Бурятии, так и на территории Монголии типологически подразделяются. Различаются они по размерам, по наличию или отсутствию сопровождающих кладок, вероятно, ритуального характера. Некоторые из них имеют кольцевые выкладки в углах ограды и т.д. Различаются и по своему пространственному расположению. Некоторые комплексы керексуров занимают широкие плато, органично вписываясь в окружающий ландшафт, часть же приурочена к склонам и располагается либо на крутых склонах, либо у подножия – у самого основания гор. Также замечено, что наиболее монументальными по размерам и по характеру организации их в ландшафте долины р. Селенги являются курганы ее верховьев. Комплексы в целом производят впечатление, и можно согласиться с Э.А. Новгородовой, пи-

савшей об оленных камнях и керексурах: «Жертвенники Западной Монголии можно рассматривать и как архитектурные памятники. Монгольские просторы подкаляли древним архитекторам именно такую форму организации пространства – памятники на возвышенностях под открытым небом – с максимальным использованием и выявлением ландшафта, где человек оставался в гармонии с природой, не нарушая ее ритмов и равновесия» [13]. И действительно, ровное плато, огороженное со всех сторон высокими неприступными скалами, вероятно, использовалось и «саустивалось» древними в согласии с окружающим ландшафтом. Здесь монументальность керексуров подчеркивается величием и красотой гор. Вероятно, можно говорить о своеобразном архетипе организации пространства вокруг керексуров и оленных камней и сознательном выборе ландшафтной ситуации для возведения этих типов памятников.

Керексуры Бурятии по ряду признаков, вероятно, следует считать провинцией культуры. Отличаются керексуры среднего течения р. Селенги (забайкальские) от монгольских и меньшими размерами. Население, оставившее керексуры, проживало практически на всем протяжении р. Селенги, от истоков и до пригорода г. Улан-Удэ (п. Сотниково). Далее по течению, в низовые реки мы их не наблюдаем.

2) Оленные камни: Наибольшая концентрация памятников этого типа по Селенге фиксируется на территории Монголии, а севернее и северо-восточнее, на российской стороне, нахождение оленных камней единично.

Использование в возведении стен плиточных могил оленных камней наблюдаем в основном на территории Монголии. Подобные случаи нами по маршруту следования экспедиции были встречены на комплексах из керексуров и плиточных могил на Хуний-гол и в местности Булганы Сайхан. Единственный подобный случай встречен нами на плиточной могиле у с. Гангурино, где на одной из вертикально поставленных угловых плит зафиксировано выбитое на гладкой поверхности символическое изображение шита. Аналогичные выбитые рисунки шитов имеются на оленных камнях Западной Монголии наряду с изображениями других предметов вооружения – кинжалов и т.д. [13].

3) Плиточные могилы: Культура плиточных могил распространена практически на всем протяжении р. Селенги. Причем, надо заметить, что отмечены как совпадения в ареале распространения курганов-керексуров, так и несовпадения.

Так, в месте истока реки плиточных могил нет, хотя керексуры имеются. Напротив, северная граница ареала плиточных могил долины р. Селенги проходит по ее притоку – р. Итанца, в то время как курганы-керексуры далее п. Сотниково, близ г. Улан-Удэ, не наблюдаются.

Следует заметить, что как на территории Бурятии (Хайласын, Хара-Хансагай, Тапхар и т.д.), так и монгольской стороне (Булганы Сайхан, Хуний-гол и др.) имеются комплексы, где представлены памятники обоих типов – керексуры и плиточные могилы вместе. Факт перекрытия плиточной могилой ограды керексура замечен нами только на могильнике Хара-Хансагай.

В верхнем течении р. Селенги, в долине ее притока р. Эгийн-гол совместной монголо-французской экспедицией под руководством Д. Эрдэнэбаатара изучен могильник, оказавшийся неразграбленным. Были получены замечательные находки – бронзовые шлемы [22].

Петроглифы. Петроглифы долины р. Селенги подразделяются стилистически и хронологически. В первую очередь это наскальные рисунки, выполненные охрой.

а) На территории Монголии выделен особый тип петроглифов, главной особенностью которых является наличие Х-образных знаков, относимых исследователями к эпохе неолита [2]. Наряду с ними встречаются вертикальные линии, круги и треугольники, изображения людей в длиннополом халате или комбинезонах с бубном в руке и т.д. Подобные Х-образные петроглифы встречены нами в Забайкалье в местности Бэжэту, за с. Гангурино Иволгинского р-на. Сохранность их плохая, они еле «читаемы». Для Забайкалья эти Х-образные кресты не выделялись в отдельную группу и отдельным исследованиям не подвергались, потому кресты из Бэжэту пока относим к этой неолиту лишь предварительно.

б) Наскальные рисунки эпохи энеолита, которые имеются в долине р. Чулуут (притоке р. Идэр, правого притока р. Селенги), выполненные в технике выбивания [13, 22], на территории Бурятии не известны. Хотя каменный утконос, обнаруженный нами в месте впадения р. Ажарги в р. Чулуут, вполне аналогичен подобным экземплярам, встречаемым и на территории Забайкалья.

в) Петроглифы, выполненные охрой «селенгинского» типа, есть как на территории Бурятии [17], так и на территории Монголии. Непосредственно по маршруту расположены: писаница Бэжэту (с. Гангурино), Боо (с. Нур-тухум), с

монгольской стороны в окрестностях г. Дархан.

г) Петроглифы с выбитыми изображениями оленей известны в Субуктуе (Кяхтинский р-н, Бурятия) и на р. Чулуут (Архангайский аймак, Монголия), относятся к тому же времени, что и оленные камни. Звери изображены с вытянутыми ногами, показаны в реалистичной манере, которая, по Э.А. Новгородовой, характерна для оленных камней с поздней датировкой [13].

д) Петроглифы, выбитые на скалах и изображающие стилизованные фигурки людей, козлов, лошадей и т.д., характерны как для Бурятии, так и для Монголии. Датируются железным веком.

Памятники хуннского времени. По р. Селенге самым северным пунктом распространения памятников хунну является Нижневолгинский комплекс, включающий в себя городище и могильник [4]. Далее вниз по течению не встречаются. Выше по течению как на р. Селенге – в среднем ее течении, так и на ее притоках – реках Джиде и Чикой расположены могильники хуннской знати и рядового населения, наиболее крупные из которых – Дуретуйский кургун, Ильмовая падь, Царам, а также городища и неукрепленные поселения – Байн-Ундэр, Дурены и др.

Выше по течению реки, на территории Монголии, в западных районах по р. Селенге хуннских памятников встречено меньше. Так, в 32 км выше по течению от сомонного центра Их-Уул, на левом берегу р. Селенги известен могильник Сул-Толгой, на котором совместной российско-монгольской экспедицией было раскопано погребение рядового воина [1]. Нами по ходу работ и по маршруту на монгольской территории было осмотрено место раскопок могильника хунну Бурхан-толгой, исследовавшегося монголо-американской и монголо-французской экспедициями в долине р. Элийн гол (приток р. Селенги) [21]. Зафиксирован некрополь хуннской элиты в районе пос. Хялганат, включавший 5-6 курганов.

Древнетюркские памятники. Памятники древних тюрков встречаются по р. Селенге только на территории Монголии, ближе к истоку реки, по эту сторону границы их нет. Ближе к верховьям р. Селенги на территории Архангайского аймака, в долине р. Хуний-гол, в местности Шивээт Улаан, расположен грандиозный погребально-поминальный комплекс Ильтереш-кагана конца VII в. [8]. Далее по маршруту на окраине п. Туулант встречено каменное изваяние, заключенное в квадратную оградку из каменных плит. И уже на северном берегу Селенги, также в верховьях, в местности Далхан Дурэ встречено каменное изваяние, почитаемое местным населением и обремененное ритуальными хакаками.

Памятники уйгурского времени. Памятники периода Уйгурского каганата по нашему маршруту встречаются только на территории Монголии, ближе к истоку реки Селенги, по эту сторону границы их нет. В местности «Могойн шинэ ус», близ границы с сомоном Хайрхан (Архангайского аймака), находится поминальный комплекс, посвященный уйгурскому кагану Моюнчуру: прямоугольный ров, внутри которого сооружена насыпь-курган и каменная стела с орхон-енисейскими руническими письмами. Памятник воздвигнут в 759-760 гг. и надписи прославляют славные дела Моюнчура, уйгуров и Уйгурский каганат: «Проживающие в окрестностях Отукэни между двумя (горами)», «пипи они из вод Селенги» (об уйгурах), а также «...я повелев согдийцам и табатчам на (берегу) Селенги воздвигнуть город Байбалык» (Цэвэндорж и др., 2008). Далее по маршруту на подъезде к сомону Хутаг-Ундэр, на левобережье р. Селенги нами осмотрен и сам город Байбалык. Отметим, что также в бассейне р. Селенги, на ее притоке р. Орхон располагалась древняя столица уйгурских каганов – Хар балгас (или Ордубалык) [8; 22].

Погребения монгольского времени. Встречаются в основном на территории Бурятии, в среднем и реже нижнем течении р. Селенги. В этой зоне известны и выявлены в ходе работ новые могильники на Ташхаре, близ сел Кибалдино, Ганзурино, Саратовка и др. По правобережью могильники древних кочевников приурочены к долинам небольших рек Жирим, Тарбагатайка и обширной Тугтуйской долине.

На границе сомонов Сайхан Булганского аймака и Хайрхан Архангайского аймака в Монголии встречено несколько погребений, выраженных каменными кладками с вертикальным камнем-столбом у изголовья (?), которые были отнесены нами к монгольскому периоду.

Население: этнический состав. В ходе исследований изучался этнический состав населения долины реки Селенги. На территории Бурятии население сформировано в основном из двух крупных этносов – бурят и русских. Русское население в районе дельты представлено в основном старожильским населением, ближе к российско-монгольской границе встречается казачье население. В среднем течении, на бурятском участке основу русского населения составляют семейские. У бурят дополнительно исследовался племенной и патронимический состав населения. В дельте Селенги бурятское население в основном состоит из эхиритских племен, а также сопутствующих им племен, переселив-

шихся с верховий Лены и Кузды, Приольхонья. Бурятское население западного берега Селенги в Иволгинском и Селенгинском районах преимущественно булагатского происхождения, однако на юге Селенгинского района присутствуют шоно – эхириты. По западному берегу р. Селенги в Джидинском районе бурятское население состоит в основном из сартулов и атаганов. На восточном берегу в Кяхтинском и Бичурском районах основу бурятского населения составляют табангуты и цонголы, в небольшом количестве представлены узоны. В среднем течении, в районе впадения Уды коренное бурятское население представлено хоринцами. На монгольском участке население менее разнообразно. В основном представлено халха-монгольским населением. Однако в Хубсугульском аймаке в верховьях наряду с халхаским распространены близкородственные им хотогойты. На некоторых участках Булганского аймака по северному берегу присутствует бурятское население в составе хонгидоров, хурхутов, тэртэ, шаранутов. Ближе к приграничью встречается бурятское население преимущественно цонгольского происхождения.

В целом, несмотря на географическую и

геоморфологическую однородность региона, в разные исторические периоды принципы освоения этих территорий были разными. Вероятно, в древнейший период, в эпоху палеолита в условиях наиболее низкой плотности населения, а также определенного социального и культурного контекста, в которых существовали человеческие коллективы, освоение земель происходило в соответствии со стратегией адаптации к окружающей среде, т.е. выбирались земли удобные, обладавшие необходимыми для жизнеобеспечения коллективов природными ресурсами – источниками сырья, объектами охоты и т.д. С последующим развитием культур и социумов, усложнением внутри- и межколлективных, позднее межэтнических и политических отношений, и, вероятно, возрастанием плотности населения, происходит изменение принципа расселения. Со времени возникновения крупных племенных (развитой бронзовый век) и позже государственных образований границы проживания стали обозначаться более четко. Собственно, подтверждением чему являются изложенные выше как археологические, так и этнографические материалы и современная ситуация.

Литература

1. Асеев И.В., Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д. Погребение хуннского воина на горе Сул-Толгой // Древние культуры Монголии. – Новосибирск, 1985.
2. Волков В.В. Оленные камни Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. 254 с.
3. Герасимов М.М., Черных Е.Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Предварительная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975.
4. Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятники хунну в Забайкалье. – Л., 1985.
5. Отчет по проекту «Установление границ археологических объектов в Джидинском р-не РБ» / С.В. Данилов и др. – Улан-Удэ, 2008 (фонды ИМБТ СО РАН).
6. Данилов С.В. Раскопки здания на хуннском городище Байн-Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток, 1998.
7. Технология расщепления камня на раннем этапе верхнего палеолита Северной Монголии / А.П. Деревинко и др. – Нууцдэхдүйн ов судлал, Т. VIII, вып. 1-23. – Улаанбаатар, 2008.
8. Кляшторный С. Г., Савинков Д.Г. Степные империи древней Евразии. – СПб., 2005. 346 с.
9. Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье. – Улан-Удэ, 1976.
10. Кыласов Л.Р. Герольская цивилизация Средней и Северной Азии: исторические и археологические исследования. – М.: Вост. лит., 2006. 360 с.
11. Константинов М.В., Базарова Л.Д., Семин Л.В. Древнее поселение Посольское // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. – Улан-Удэ, 1995. – С. 18-25.
12. Лбона Л.В., Хамзина Е.А. Древности Бурятии: карта археологических памятников. – Улан-Удэ, 1999.
13. Новгородова Э.А. Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. 384 с.
14. Окладников А.П. Предварительное сообщение об археологических разведках в окрестностях села Кабанска // Бурятско-восточный сборник. – Иркутск: 1927. Вып. III – IV. С. 102-105.
15. Окладников А.П. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Селенги летом 1948 г. (Архив ИА РАН, Р-1, 243).
16. Окладников А.П. Археологические исследования в низовьях реки Селенги (Предварительное сообщение о раскопках, произведенных в 1948 г.) // КС ИИМК. – М., 1950. – С. 85-90.
17. Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. 1, 2. – Л., 1969-1970.
18. Окладников А.П. Неолит Сибири и Дальнего Востока // Каменный век на территории СССР. – М.: Наука, 1970. С.172-193.
19. Сосновский Г.П. Древнейшие следы скотоводства в Прибайкалье (по материалам Нижне-Березовской стоянки эпохи неолита) // Известия ГАИМК. – Вып. 100. – Л., 1933.
20. Ташаев В.И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. – Улан-Удэ, 2005.
21. Турбат Ц. Керемик хуннского могильника Бурхан-толгой // Археологи, антропологи, усаатан судлал. – Улан-Батор, 2003.
22. Цэвэндорж Д., Байр Д., Цэвэндорж Я., Очирхувт Ц. Археология Монголии. – Улан-Батор, 2008. 240 с.

Цыденова Н.В. Некоторые результаты работ комплексной археолого-историко-этнографической экспедиции в долине р. Селенги / Н.В. Цыденова, С.В. Данилов // Вестник БГУ. №7. Улан-Удэ, БГУ. 2012. С. 128-133.

Цыденова Наталья Владимировна, научный сотрудник, ИМБТ СО РАН, Тел. +79148417621, E-mail: tsydenova@mail.ru
Данилов Сергей Владимирович, д-р ист. наук, зав. отделом истории и культуры Центральной Азии ИМБТ СО РАН.

Tsydenova Natalia Vladimirovna, researcher, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, SB RAS, ph. +79148417621.
E-mail: tsydenova@mail.ru

Danilov Sergey Vladimirovich, doctor of historical sciences, head of the department of history and culture of Central Asia Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, SB RAS.

Данилов С.В. О работе экспедиции по созданию электронной карты древних и средневековых городов Центральной Азии / С.В. Данилов, А. Очир, Н.В. Именохоев, Л. Эрдэнболд, Б.З. Нанзатов, А.И. Симухин // Мир Центральной Азии – 3. Матер. междунауч. конф. Улан-Удэ, Оттиск. 2012. С. 293-296.

*С.В. Данилов, А. Очир, Н.В. Именохоев,
Л. Эрдэнболд, Б.З. Нанзатов, А.И. Симухин*

О РАБОТЕ ЭКСПЕДИЦИИ ПО СОЗДАНИЮ ЭЛЕКТРОННОЙ КАРТЫ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Изучение кочевых обществ, населявших евразийские степи с эпохи бронзы до этнографического времени, предоставляет нам сведения об их довольно высоком уровне социального и политического развития, позволяющем применять к созданным кочевниками образованиям такие термины, как государства, кочевые империи, державы. Часто к кочевым обществам

вам применяется термин «кочевые цивилизации». Не вдаваясь в вопрос, насколько оправдан такой термин, отметим только, что изучение древних цивилизаций на протяжении длительного времени показало, что одним из характерных признаков перехода человечества на более высокий уровень развития является появление городов. Археологические исследования, проводившиеся в зонах, где формировались первые цивилизации: Месопотамия, Египет, Восточное Средиземноморье, Северная Индия, Китай, Перу, Мексика и др., показывают, что при достижении человеческими сообществами сравнительно высокого уровня развития, определяемого как цивилизация, происходят качественные изменения в социально-политическом состоянии общества, повышении уровня технических возможностей, углублении и совершенствовании духовного состояния населения. Археологи выявили на всех перечисленных территориях занесенные землей остатки руинированных городов, при раскопках которых были обнаружены остатки фундаментальных сооружений, дворцов, храмов, кварталов городского населения и многое другое. Города становятся одним из главных признаков обществ, перешедших на новый уровень развития, характеризующийся как цивилизация. Анализ предметного комплекса, полученного при раскопках городов, говорит о высоком уровне ремесла, развитой торговле, успешном сельском хозяйстве. Появляется прослойка людей, занятых интеллектуальной и творческой деятельностью. Города становятся центрами определенных сельскохозяйственных округов, а затем и более обширных областей.

На территории Центральной Азии, в частности, в Монголии, Забайкалье, Тыве, выявлено значительное количество оседлых стационарных, укрепленных городищ, отдельные из которых, по имеющимся сведениям письменных источников, выполняли функции городов. В настоящее время изучение истории древних кочевых народов Центральной Азии невозможно без полноценных данных о городской культуре, созданной кочевыми народами хунну, сяньби, уйгурами, киданями, монголами. В то же время количество археологически изученных городов недостаточно для воссоздания целостной картины роли городов в экономической жизни, становлении социальных структур, формировании политических систем, воссоздания уровня материальной и духовной культуры кочевых обществ. Имеющиеся списки открытых и частично изученных городов и поселений древних кочевников зачастую не дают четкого представления о характере размещения этих памятников, их вписанности в ландшафт и природные обстановки, привязанности к водным источникам, современным и древним тропам и дорогам. Необходимы всестороннее изучение археологических остатков древних городищ, поселений, зданий, открытых на территории Центральной Азии, а также целенаправленное выявление новых городищ и поселений, оставленных древними и средневековыми кочевниками.

Для пополнения эмпирического материала о городах кочевников, формирования унифицированной базы данных и создания на этой основе постоянно обновляемой электронной карты древних городов Монголии, Забайкалья, Тывы Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН и Институтом по изучению кочевых цивилизаций ЮНЕСКО была создана международная экспедиция.

Целью работы экспедиции являлись сбор и обработка материалов для подготовки к изданию карты распространения древних и средневековых городов Центральной Азии. Такая карта с подробными описаниями всех выявленных древних городов и, в перспективе, иных археологических памятников будет способствовать лучшему пониманию сложных процессов, происходивших в недрах кочевых обществ. В то же время исследование городской культуры в кочевых обществах позволит выявить общие закономерности внутреннего развития населения зоны евразийских степей, их взаимоотношения с оседлым населением земледельческих цивилизаций Евразии.

В ходе экспедиции проводились полевые исследования на территории Республики Бурятия (пять административных районов: Иволгинский, Селенгинский, Джидинский, Кяхтинский, Мухоморинский); Забайкальского края (Борзинский район); Республики Тыва (семь административных районов: Кызылский, Тандинский, Удуг-Хемский, Дзун-Хемчикский, Баруун-Хемчикский, Бай-Тайгинский, Овюрский). В Монголии исследования проводились на территории следующих аймаков: Увсунурского, Завханского, Хубсугульского, Арахангайского, Увурхангайского, Булганского, Центрального, Хэнтийского, Дорноговьского, Сүхбаатарского, Восточногобуйского.

На всех памятниках проводились фотосъемка, видеофиксация, съемка глазомерных планов, описание. Производилась фиксация объектов с использованием приборов глобального позиционирования в системе WGS-84. Эти работы проводились с помощью прибора Garmin GPS 62s, а на следующем этапе, при компьютерной прорисовке данных Garmin проводилась корректировка и сверка с графическим планом, выполненным другой группой исследователей на миллиметровой бумаге и проводившейся замеры на местности при помощи стометровой рулетки и лазерного дальномера. Выработанная методика была апробирована в 2010 г. и совершенствовалась в ходе работ экспедиции 2011 г. Также в процессе работ отработывалась методика проведения описания памятников по следующей схеме: описание окружающего ландшафта с учетом геоморфологических особенностей, внешние укрепления (вал, ров), остатки построек внутри городищ, описание подъемного материала.

За два года работ (2010-2011 гг.) экспедицией были обследованы более 70 городищ и поселений, в том числе: 6 поселений и городищ на территории Республики Бурятия; 3 поселения и городища на территории Забайкальского края; 14 городищ на территории Тывы; 47 городищ и поселений в Монголии. В ходе обследования были выявлены городища, время существования которых определить было затруднительно. В связи с этим точное количество памятников различных хронологических этапов будет уточняться в процессе дальнейшей работы. На этих городищах отсутствовал подъемный материал, а конструктивные особенности (валы, задернованные платформы или здания и т.д.) не давали ключа к однозначному решению проблемы датировки памятника. По всей видимости, наши предшественники сталкивались с подобными затруднениями и производили определение времени существования отдельных памятников в большей степени интуитивно. Зачастую и нам приходилось пользоваться этим принципом, так как времени и официального разрешения на закладку шурфов у нас не было.

В ходе работ выяснилось, что в распространении памятников имелись некоторые локальные особенности. Так, на территории Бурятии встречались памятники хуннского и монгольского времени; городища уйгуров и киданей здесь не было выявлено. В Тыве были встречены городища уйгурского и монгольского периодов, а также отдельные памятники предположительно маньчжурского времени; памятники хунну и киданей здесь отмечены не были. На территории Забайкальского края имелись памятники монгольского времени и остатки киданьских крепостей, протянувшихся вдоль вала Чингис-хана; памятников хунну и уйгуров здесь не обнаружено. На территории Монголии в целом также выявилась неравномерность в распространении памятников различных эпох. Наиболее насыщены памятниками были бассейны рек Толы, Керулена, Онона, Орхона. Здесь встречались городища хунну, уйгуров, киданей, монголов. Таким образом, Центральная Монголия становится, по данным обследования, местом сосредоточения всех известных науке памятников оседлости кочевых народов древности и средневековья Центральной Азии, хотя детальное обследование долин вышечисленных рек, бесспорно, выявит особенности распространения памятников в этом районе.

*С. В. Данилов, Н. В. Именохоев,
Б. З. Нанзатов, А. И. Симухин,
А. Очир, Л. Эрдэнболд*

Средневековые города Тувы и Западной Монголии (предварительные результаты работы экспедиции «Создание электронной карты городов древних кочевников Центральной Азии», 2011 г.)¹

Многочисленное и разнообразное археологическое наследие, оставленное древними и средневековыми центральноазиатскими кочевниками, нуждается во все более глубоком и комплексном исследовании. Причем для лучшего понимания различных проблем историко-культурного характера необходимо привлечение специалистов различных смежных гуманитарных научных дисциплин и естественных наук. Одними из слабоизученных видов археологических памятников древних кочевников являются стационарные оседлые поселения и городища, формирование которых относят к эпохе поздней древности, к хуннускому периоду истории Центральной Азии, хотя ряд источников и археологических данных свидетельствует о более раннем их появлении. Возникновение оседлых поселений и городищ обычно связывают с усложнением экономических, социальных, политических отношений в кочевых обществах, приводивших к развитию институтов ранней государственности. И города как своеобразные маркеры более высокого уровня развития считаются одним из признаков перехода кочевых обществ Центральной Азии к новым общественным отношениям. Имеющиеся на сегодня данные о поселениях и городищах, распространенных на территории Центральной Азии, позволяют использовать их в различных исторических исследованиях и выстраивать историко-культурные схемы исторических процессов, протекавших в регионе с появлением производящей экономики – скотоводства. Однако для настоящего введения в научный оборот и использования такого вида археологического источника как древние города требуется ряд исследовательских процедур, позволяющих превратить его

¹ Публикация выполнена при поддержке проекта РГНФ – МинОКН Монголии № 10-01-00542а/Г «Создание электронной карты городов древних кочевников Центральной Азии».

в полноценный исторический источник. Наиболее значимым исследовательским приемом являются крупномасштабные раскопки, которые дают возможность получить наиболее полную информацию о памятнике: его фортификационные особенности, характеристика различных зданий и сооружений, род занятий его населения, уровень материального и духовного состояния обитателей поселений, включенность населения в социальные структуры и политическую деятельность, доминирующего в данную эпоху общества и др. Ряд функций поселений и городищ можно выявить только при наличии данных о географии их распространения, привязанности к водным артериям и торговым путям, соотношению с иными одновременными археологическими памятниками, удалению или приближению к границам распространения конкретного этнополитического образования, включенность в окружающие природно-ландшафтные обстановки. Выяснение перечисленных характеристик невозможно без проведения картографических работ и археологического обследования памятников на территории России и Монголии.

Имеющиеся в настоящее время карты распространения городов и поселений центральноазиатских кочевников уже не отвечают требованиям и уровню современной науки. Еще предстоит проделать работу по выявлению, уточнению координат, датировке, классификации и обобщению данных, хронологически охватывающих почти тысячелетний период центральноазиатских городов. Для восполнения недостающих картографических данных в 2010–2012 гг. международной Российско-Монгольской археологической экспедицией в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Создание электронной карты городов древних кочевников Центральной Азии» проводились полевые исследования на территории Монголии, Бурятии, Забайкальского края и Тувы. В составе экспедиционного отряда работали сотрудники Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (руководитель проекта с российской стороны – д.и.н. Данилов С. В.) и Международного института по изучению кочевых цивилизаций (руководитель с монгольской стороны – проф. Аюдайн Очир). В 2011 г. в работе экспедиции на территории Тувы принимал участие сотрудник Тувинского института гуманитарных исследований Д. К. Тулуш.

Цель исследовательского проекта вытекает из его названия – «Создание электронной карты городов древних кочевников Центральной Азии» и обосновывается актуальностью выявления истин-

ной картины распространения стационарных поселений и городов в кочевых обществах Центральной Азии. Одной из основных задач на начальном этапе выполнения проекта была разработка методики сбора и обработки материалов на памятниках древней городской культуры Центральной Азии и составления топографических планов объектов. Кроме этого, исследовательской группой решались следующие задачи: составление списка всех известных стационарных памятников оседлости древних кочевников на указанной территории; выяснение особенностей географического расположения городов и поселений в различные исторические эпохи; съемка глазомерных планов оседлых поселений и городищ с применением GPS-навигаторов; составление карт расположения оседлых поселений и городов Центральной Азии; подготовка фотографий с изображением памятников в ландшафте и основных видов подъемного археологического материала; подготовка текстов с описанием памятника и полученных на нем археологических материалов; поиски новых подходов к изучению письменных источников, содержащих сведения об оседлости и городской жизни в кочевых обществах, и выявление в них данных о предпосылках возникновения городов у кочевников.

В качестве примера методики работы по составлению планов археологических объектов с помощью GPS-приемника и использования рабочего инструментария для иллюстративного сопровождения проводимых работ, можно привести результаты исследования, проведенного в 2010 г. на городище Гээзг Бурдын дорволжин, расположенного в Архангайском аймаке, в 33 км южнее сомона Хотонт.

Фиксация планов археологических объектов проводилась с помощью прибора глобального позиционирования в системе WGS-84 – Garmin GPSMap 62s, в зависимости от площади и конструктивных особенностей на одном объекте фиксировали до нескольких сот точек. Наименования точек давались цифровые и именные, которые при необходимости параллельно наносились на графический план-схему с расшифровкой (т. е., например: 647 – бровка рва, 645 – тальвег рва, 334 – основание вала и т. д.). Затем зафиксированные маршрутные точки и треки с устройства GPS переносились в программу Garmin-BaseCamp, затем в GarminMapSource, при этом для каждого объекта создавался отдельный файл (рис. 1). Файл в GarminMapSource сохранялся в формате dxf (AutoCAD) и затем импортировался в векторный

Данилов С.В. Средневековые города Тувы и Западной Монголии (предварительные результаты работы экспедиции «Создание электронной карты городов древних кочевников Центральной Азии», 2011 г.) / С.В. Данилов, Н.В. Именохоев, Б.З. Нанзатов, А.И. Симухин, А. Очир, Л. Эрдэнэболд // Культурное наследие народов Центральной Азии. Вып. 3. Улан-Удэ, БНЦ СО РАН. 2012. С. 97-119.

графический редактор CorelDrawX4, в котором по точкам и трекам проводилась прорисовка плана объекта (рис. 2, 3).

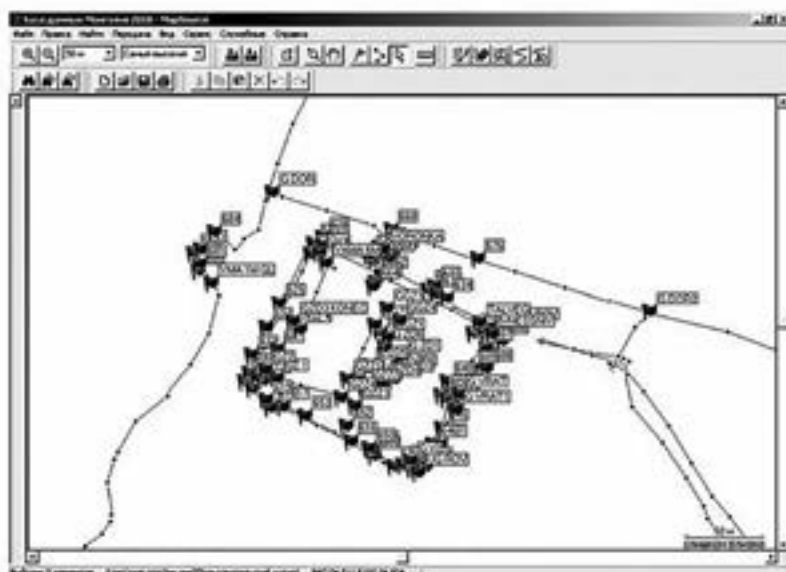

Рис. 1. Городище Гэзэг Бурдын дорволжин. Треки и точки в программе MapSource

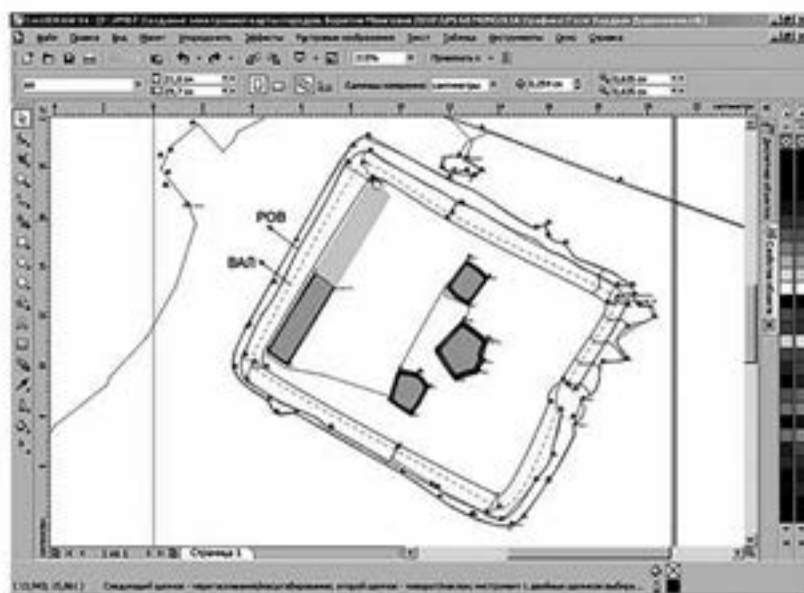

Рис. 2. Городище Гэзэг Бурдын дорволжин. Прорисовка импортированных точек в формате dxf в программе CorelDRAW X4

Данилов С.В. Средневековые города Тувы и Западной Монголии (предварительные результаты работы экспедиции «Создание электронной карты городов древних кочевников Центральной Азии», 2011 г.) / С.В. Данилов, Н.В. Именохоев, Б.З. Нанзатов, А.И. Симухин, А. Очир, Л. Эрдэнэболд // Культурное наследие народов Центральной Азии. Вып. 3. Улан-Удэ, БНЦ СО РАН. 2012. С. 97-119.

При импорте файла в графический редактор масштаб указывается в метрических единицах (1 единица=1 мм), при этом масштаб по умолчанию будет 1:1000. При компьютерной прорисовке данных Gmapin проводилась корректировка и сверка с графическим планом, выполненным другой группой исследователей на миллиметровой бумаге, при этом замеры проводились с помощью 100-метровой рулетки и лазерного дальномера. Также для поиска памятников и составления их планов, показа географической ситуации объектов применялись космические снимки Google Earth (рис. 4). Для иллюстрирования работ и более полной визуальной характеристики памятников осуществлялась работа по фото-, видеофиксации.

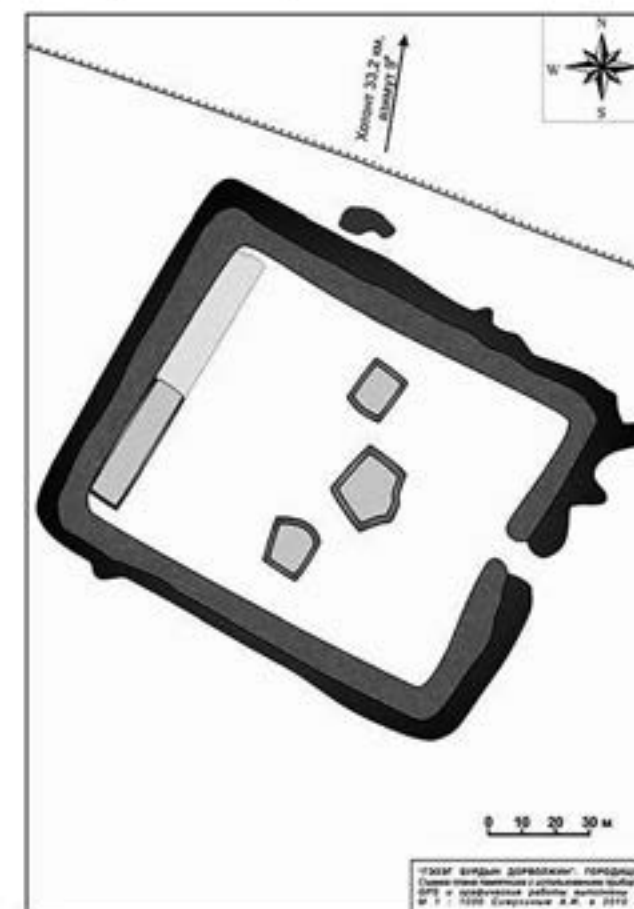

Рис. 3. Монголия, Архангайский аймак. План городища Гэзэг Бурдын дорволжин

Экспедиционные исследования проводились с перерывами с 23 мая по 30 сентября на территории Республики Тыва, Монголии и Забайкальского края.

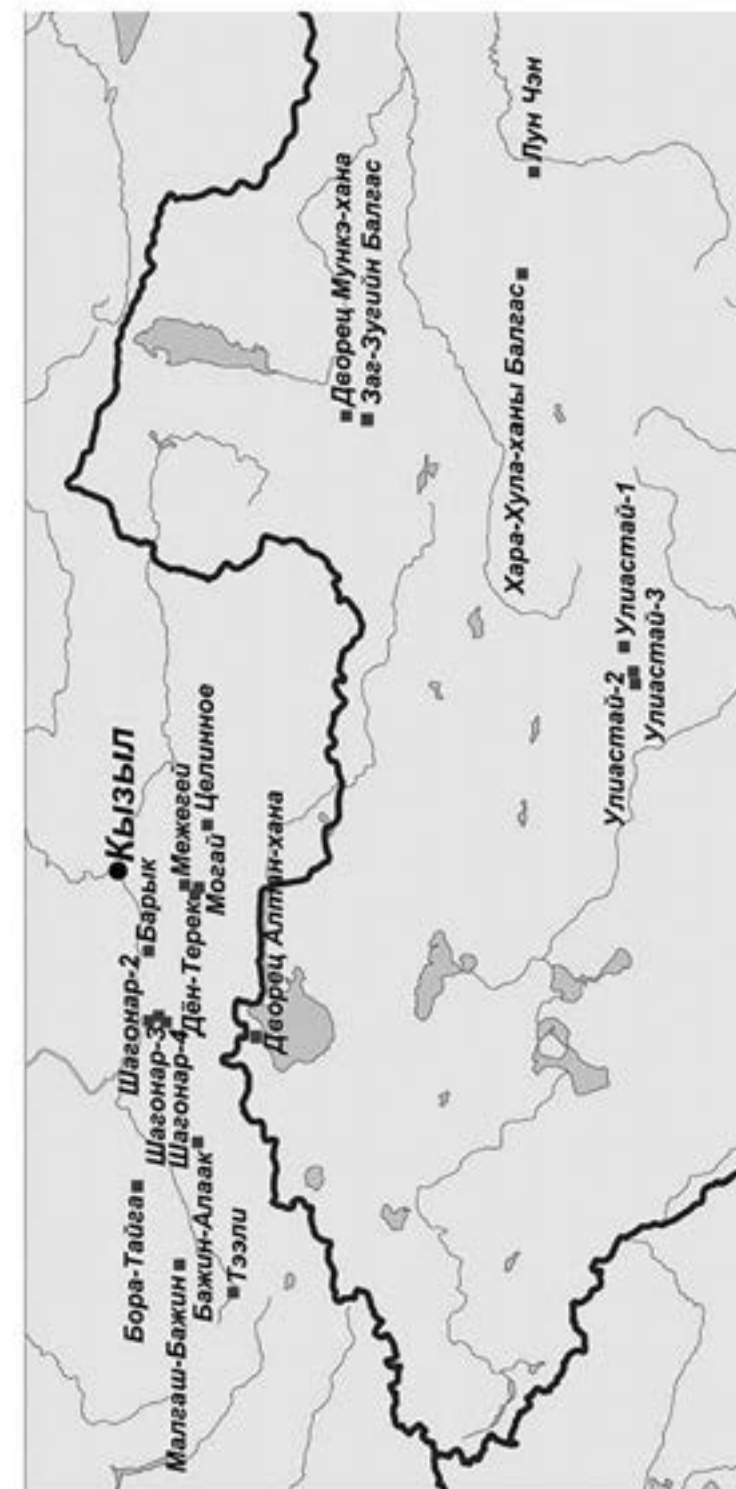
Работа экспедиции проходила в 3 этапа. I этап: Улан-Удэ – Кызыл – Кызылский район – Тандинский район – Улуг-Хемский район – Дзун-Хемчикский район – Барун-Хемчикский район – Бай-Тайгинский район – Овюрский район, пос. Хандагайта (государственная граница России и Монголии) – Убсунурский аймак – Завханский аймак – Хубсугульский аймак – Булганский аймак – Арахангайский аймак – Центральный аймак – Улан-Батор – Улан-Удэ. II этап: Улан-Удэ – Чита – Борзинский район – Улан-Удэ. III этап: Улан-Удэ – Улан-Батор – Хэнтэйский аймак – Дорнод аймак – Сухэбаторский аймак – Восточно-Гобийский аймак – Центральный аймак – Улан-Батор – Улан-Удэ.

Рис. 4. Городище Гззэг Бурдын дорволжин (указано стрелкой). Космический снимок Google Earth

В данной статье исходя из общей направленности тематики сборника осуществлена публикация части материалов, полученных при исследовании городов эпохи средневековья Центральной и Западной Тувы и Северо-Западной Монголии в ходе работ экспедиции 2011 г.

Проект «Создание электронной карты древних городов Центральной Азии»
■ Городища, исследованные в 2011 г. (по маршруту Тува, Западная Монголия)

Экспедицией были обследованы следующие городища и поселения на территории Тувы: Кыйлыч Хову (Целинное), Могой, Межегейское городище, Дён Терек, укрепленный пункт Боом, Барык, II Шагонарское, III Шагонарское, IV Шагонарское, Баажын Алак, Малгаш бажын, Тээли, Бора Тайга, неопределенный объект Бора Тайга-2. На территории Монголии: дворец Алтан хана, Донойн акшы суурин, Загзугийн хэрэм, дворец Мункэ хана, Харахул хан балгас.

Дается сжатое описание средневековых памятников, расположенных на территории Тувы и Западной Монголии, с указанием координат и абсолютной высоты памятника.

Городище Кыйлыч Хову (Целинное) (N51 18.244 E94 47.761, h-764)

Памятник находится на территории Кызылского района Республики Тыва. Городище расположено на ровной степной поверхности, покрытой невысокой травой и зарослями дэрисуна. Городище имеет подквадратную в плане форму размерами 75х75 м и ориентировано углами по сторонам света, обнесено валами, высота которых в современном состоянии 0,3–0,4 м, ширина – 7–8 м. Сохранность валов различна, в восточном углу вал почти не просматривается, юго-восточный просматривается слабо и, возможно, с этой стороны находились ворота. На ровной внутренней поверхности городища никаких остатков строений не просматривалось. Подъемного материала на поверхности городища не найдено. Датировка городища не определена.

Следующая группа городищ расположена в пойме р. Элегест, которая в месте выхода реки из горных теснин растекается на несколько рукавов, образующих болотистую пойму. Возможно, что это место было своеобразной увлажненной зоной в сухой степи и использовалось как своеобразный оазис в эпоху средневековья. Здесь находилось несколько поселений, датирующихся XII–XIII вв. и входивших в состав Монгольской империи. Эта группа памятников была введена в научный оборот Л. Р. Кызласовым, проводившим исследования в этом районе.

Городище Могой (N51 22.114 E94 03.342. h-695)

Памятник находится на территории Тандинского района Республики Тыва. Городище расположено на правом крутом обрывистом берегу р. Элегест, на ровной заболачиваемой поверхности и ограничен с севера крутым обрывистым берегом р. Элегест. Никаких огора-

живающих валов на площади городища не просматривается. Собственно городище состоит из трех возвышенностей с плоской поверхностью, неопределенной формы в плане. Эти возвышенности соединяются между собой в северной прилегающей к берегу части. На поверхности поселения встречается мелкие фрагменты черепицы и осколки кирпичей. С юга городище ограничено сильнозаболоченным лугом. Памятник датируется Л. Р. Кызласовым XIII–XIV вв., т. е. временем существования Монгольской империи.

Межегейское городище (N51 23.650 E94 04.034, h-689)

Памятник находится на территории Тандинского района Республики Тыва. Городище расположено на левом берегу р. Элегест на первой надпойменной террасе, представляющей ровную степную поверхность, ограниченную со стороны, обращенной к реке высокой поймой, покрытой густой растительностью, и с тыла – высокими (15–20 м) каменистыми террасовидными увалами, прилегающими к горным массивам. Площадь поселения вытянута по террасе вдоль реки, которая течет в этом месте с юга на север. На городище отсутствуют остатки оборонительных стен и валов, обычно окружающих древние поселения. Одним из выступов террасы поселение делится на 2 части – южную и северную. В южной, меньшей части, ближе к выступу террасы расположены 4–5 небольших уплотненных возвышений, являющихся остатками платформ, на которых возводились здания. Одна из платформ усеяна обломками черепицы с отпечатками грубой ткани на вогнутых сторонах. Южнее этих платформ находятся 3 кучи шлака, возможно, оставленные древними жителями. Основная часть внутригородских сооружений находилась в северной части городища. Здесь на относительно ровной поверхности с небольшим уклоном в сторону реки расположены более 20 платформ, на которых сооружались здания. На многих из них лежат обломки черепицы с отпечатками грубой ткани на вогнутых сторонах. Несколько зданий были окружены невысоким оплывшим от времени валом. Отдельные здания с четырехугольной платформой сохранились в виде прямоугольника в плане, ограниченного валом, огораживающим внутреннее пространство двора. В 1960 г. на Межегейском городище проводил раскопки Л. Р. Кызласов. Раскопанное им большое сооружение он определил как буддийский храм. Памятник датируется Л. Р. Кызласовым XIII–XIV вв., т. е. временем существования Монгольской империи.

Городище Дён-Терек (N51 22.068 E94 02.399, h-694)

Памятник находится на территории Тандинского района Республики Тыва. В период экспедиционных работ Л. Р. Кызласова развалины древнемонгольского города занимали 3 соседних острова на правом берегу р. Элегест и не имели оборонительных сооружений. Общая площадь была около 30 га. По измерениям автора первых исследований, город «протянулся на 1200 м и сохранил следы 120 зданий» и датировался XIII–XIV вв., т. е. временем существования Монгольской империи².

В XX столетии на территории, прилегающей с юга к городищу, выше по течению р. Элегест, были проведены работы по созданию разветвленной системы оросительных каналов, охвативших значительную площадь. В настоящее время городище расположено среди искусственных, частично пересохших каналов. С северной стороны оно ограничено главным руслом р. Элегест, с восточной – одним из рукавов реки, с западной – болотистой местностью, обильно поросшей мелким кустарником и высохшим руслом западного рукава реки, с юга открывается сильнозаболоченное действом полуразрушенной оросительной системы широкое остепненное пространство. На площади поселения, особенно ее южной части, проводились в течение какого-то времени сельскохозяйственные работы, которые изменили ландшафт местности. Территория сильно заросла высокой травой, а по побережью реки, ее рукавов и каналов поросла мелким кустарником и деревьями.

Определить общую площадь поселения из-за сильного изменения ландшафта, проведения значительных по объему сельскохозяйственных работ, невозможно. Следов от зданий, существовавших в XIII–XIV вв., не найдено. Подъемный материал незначителен, вероятно, из-за сильного повреждения верхних слоев почвы.

На площади поселения сохранились следы исследований экспедиций С. В. Киселева (1947) и Л. Р. Кызласова (1956–1957) – несколько

² Кызласов И. Л. Стратегия археологических экспедиций: опыт Л. Р. Кызласова в отыскании и изучении городов Средней Азии // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии: мат-лы всерос. науч. конф., посвящ. 35-летию Камско-Вятской археологической экспедиции. – Ижевск, 2008. – С. 21–38.

ко оплывших раскопов и отвалов. Один из них – больших размеров, правильной прямоугольной формы.

Укрепленный пост Боом (N51 33.529 E94 04.389, h-802)

Памятник находится на территории Кызылского района Республики Тыва. Укрепление расположено на вершине высокой скалистой сопки, находящейся в южной части пос. Усть-Элегест, на левом берегу Верхнего Енисея (Улуг-Хем). Эта сопка занимает господствующее положение над этой частью местности, с нее хорошо просматривается долина Енисея на 20–25 км к западу и востоку. Само укрепление имеет подквадратную в плане форму, стены укрепления сложены из дикого необработанного плитняка и достигают высоты до 1 м.

Сложенные стены укрепления местами разрушены. Часть плит взята для строительства станции сотовой связи, расположенной рядом. Хотя каменные стены укрепления разрушены, проглядываются смотровые башни, сложенные из такого же плитняка. Всего насчитывается 3–4 разрушенные башни. По всей видимости, укрепление выполняло функции сторожевого поста. Памятник датируется Л. Р. Кызласовым VIII–IX вв., т. е. временем существования Уйгурского каганата.

Городище Барык (N51 31.607 E93 24.192, h-640)

Памятник находится на территории Улуг-Хемского района Республики Тыва. Городище Барык расположено на левом берегу рч. Барык, левого притока Енисея. Поселение находится в своеобразной котловине, со всех сторон окруженной горами, на ровной поверхности, имеющей уклон к северу, в сторону Енисея. Городище имеет подквадратную форму в плане с размерами 270х270 м и окружено невысокими валами, высотой в среднем 0,6–0,7 м и шириной в среднем 12 м. Азимут юго-западной стороны составляет 340°. Южный вал и юго-восточный угол сильно размыты и местами вообще не просматриваются. На поверхности восточного и западного валов видны скопления камней, назначение которых не ясно. Углы городища (кроме разрушенного юго-восточного) заметно оплывли, вероятно, это остатки былых угловых башен. В западном и северном валах наблюдаются разрывы и понижения уровня, возможно, в этих местах находились въездные ворота. Внутренняя поверхность городища относительно ровная и поросла травой и кустарником, видимых следов каких-либо строений не имеет. По линии север-юг, прямо посередине городища, проходит дорога, строительство которой заброшено. На

поверхности городища и в кюветах дороги подъемного материала практически нет. Найден лишь обломок небольшого жернова или затирочного круга и осколок сосуда с коричневой залощенной внешней поверхностью. На изломе фрагмента керамики видно, что при производстве керамики использовался наполнитель – мелкая дресва и песок. По внешнему виду керамику можно датировать эпохой средневековья. По информации участника экспедиции Д. К. Тулуша, на городище был найден фрагмент, предположительно гуннской керамики. Точная датировка памятника пока не определена.

Следующая группа городищ находится на территории Улуг-Хемского района Республики Тыва, близ города Шагонар, в 5–6 км к юго-западу от него. Если ориентироваться от с. Арбан Кок-Чыра, расположенного на высокой террасе, то городища находятся к юго-западу от него, на луговой равнине с ивовыми рощами. I Шагонарское городище, находившееся на этой равнине, в настоящее время затоплено водами Саяно-Шушенского водохранилища.

II Шагонарское городище (N51 31.182 E92 51.253, h-543)

Городище расположено на ровной поверхности, покрытой луговой растительностью, зарослями дэрисуна, окружено валами и имеет четырехугольную форму в плане. Поселение ориентировано стенами по сторонам света с небольшим отклонением в 12° на СВ. Размеры городища: северный вал – 156 м, западный – 130, восточный – 147, южный – 150 м. Высота валов достигает 2 м.

Наблюдаются остатки угловых башен, выделяющиеся расширением валов в нижней части и повышением высот над общим уровнем стен. Высота башен достигает 2,5 м. С внешней стороны валов просматриваются следы рвов. В западной стене городища находились ворота, к которым снижается уровень высоты вала с обеих сторон. Там же видны остатки небольших башен. С внешней стороны ворот находится въезд-пантус через ров. Внутренняя поверхность городища ровная, частично заболочена. Местами наблюдается такыр – засохшие глиняные площадки. Остатков сооружений на внутренней поверхности городища не просматривается. Нет и подъемного материала. Памятник датируется Л. Р. Кызласовым VIII–IX вв., т. е. временем существования Уйгурского каганата.

III Шагонарское городище (N51 30.953 E92 51.402, h-545)

Городище расположено на ровной поверхности, покрытой луговой растительностью, зарослями дэрисуна и имеет четырехугольную

в плане форму, окружено валом и ориентировано по сторонам света с небольшим отклонением в 8° к СВ. Размеры поселения: северный вал – 127 м, западный – 119, восточный – 114, южный – 126 м. Ширина валов достигает 16 м. Высота валов достигает около 2 м, высота башен – 3 м. По углам городища кроме полуразрушенного юго-восточного угла хорошо просматриваются остатки башен, выделяющиеся расширением валов в нижней части и повышением высоты над общим уровнем вала. У юго-западной башни с внутренней стороны наблюдается глинобитная пристройка с плоской четырехугольной площадкой на поверхности, напоминающей в целом угловую цитадель. На южном валу просматривается одна плохо выраженная фронтальная башня. На юго-восточном углу нет явных признаков башни, однако с внешней стороны наблюдается площадка, пристроенная к восточной части угла. На северном валу находились 2 фронтальные башни и на месте одной из них – западной – расположен раскоп (исследования Л. Р. Кызласова, 1959). С внешней стороны городища прослеживаются остатки рвов. Внутри городища, в юго-западной части, находится укрепление квадратной в плане формы и окруженное валами. По измерениям Л. Р. Кызласова, размеры этого укрепления – цитадели 47х47 м. По углам валов цитадели просматриваются небольшие башни. Внутри цитадели производились исследования, от которых сохранился раскоп. Вход находился с восточной стороны, где имеется заметное понижение вала. Хотя возможно, что существовали входы и с северной, и южной стороны, где также просматриваются изменения высот вала.

Памятник датируется Л. Р. Кызласовым VIII–IX вв., т. е. временем существования Уйгурского каганата.

IV Шагонарское городище (N51 30.369 E92 51.192, h-545)

Городище находится в 930 м к юго-западу от III Шагонарского городища на ровном, постепенно заболачиваемом участке и со всех сторон окружено зарослями ивы. Поселение имеет подквадратную форму, со всех сторон окружено валами, которые сориентированы по сторонам света. Размеры городища: северный вал – 86 м, восточный – 81, южный – 80, западный – 86 м. Угловые башни просматриваются по выделяющимся развалам, однако четкой формы, как на II и III Шагонарских городищах, они не имеют. На северном и восточном валах городища хорошо видны разрывы вала, вероятно, здесь были ворот-

ные проемы. На южном валу видны следы около 10 небольших 1х1 м шурфов непонятного происхождения. Внутренняя поверхность городища покрыта непонятными кучами грунта. Возможно, это скотомогильник. Видимых остатков строений на городище не наблюдалось. Подъемного материала нет.

Памятник датируется Л. Р. Кызласовым VIII–IX вв., т. е. временем существования Уйгурского каганата.

Городище Баажын Алаак (N51 13.459 E91 44.705, h-962)

Памятник располагается на территории Дзун-Хемчикского района Республики Тыва. Городище находится в долине р. Чадан на границе леса и степи, с обеих сторон (с северо-востока и юго-запада) обрамленной горами с острыми вершинами. С северо-запада к городищу примыкает пос. Баажын Алаак. Поселение расположено на большой поляне, покрытой степной растительностью и обнесено валами, средняя высота которых в современном состоянии достигает 2,5 м. Внутренняя поверхность городища неровная, испещрена какими-то поднятиями и рытвинами, старыми руслами ручьев и современных канав. Городище имеет прямоугольную форму размерами 538х375 м, азимут СЗ вала составляет 47°. С южной и северной сторон в оборонительной системе поселения просматриваются воротные проемы, ограниченные с двух сторон остатками привратных башен. В центральной части городища просматриваются 3(?) длинные возвышенности, вытянутые по линии северо-запад – юго-восток длиной 85 м и шириной 10 м. Они сооружены параллельно линии валов. В центральной части городища расположены вымощенные булыжниками, крупной и средней размеров галькой 2-3 площадки неопределенно-округлой формы диаметром 8–10 м. Северный и северо-восточный валы городища разрушены – местные жители выбирают из стены глину на строительные нужды. В северо-восточном валу в изломе стены просматривается ханьту – технология сооружения стен, заключающаяся в послойной трамбовке глины и соломы(?). Памятник датируется Л. Р. Кызласовым VIII–IX вв., временем существования Уйгурского каганата.

Городище Малгаш Баажын (N51 13.833 E90 32.505, h-908)

Памятник находится на территории Барун-Хемчикского района Республики Тыва. Городище расположено на ровной степной поверхности, с южной стороны которой горный кряж, а с севера – широкая

долина р. Эдегей. К юго-востоку от городища видны терриконы Ак-Довуракского рудника. Поселение имеет подквадратную форму в плане размерами 267х272 м, со всех сторон окружено валами, азимут СЗ вала составляет 8°. Ширина валов достигает 16 м. По углам городища прослеживаются башни, выраженные выступающими за вал расплывшимися основаниями высоких оборонительных сооружений. Уровень высоты вала повышается к углам. Со всех четырех сторон, посередине валов наблюдается ворота шириной 10–12 м, представляющие собой разрывы вала, без привратных башен. На всех валах с обеих сторон, между воротами и угловыми башнями, были построены фронтальные башни, т. е. каждая сторона имела 2 фронтальные башни. С внешней стороны валов просматривается ров. От ворот через ров наблюдаются въезды-пандусы, которые лучше просматриваются на восточных воротах. Внутренняя поверхность городища ровная, покрытая степной растительностью, остатков каких-либо сооружений не наблюдается.

Памятник датируется Л. Р. Кызласовым VIII–IX вв., т. е. временем существования Уйгурского каганата.

Городище Тээли (N51 00.671 E90 12.139, h-991)

Памятник находится на территории Бай-Тайгинского района Республики Тыва. По данным полевых исследований Л. Р. Кызласова, в 1947 г. городище располагалось в 0,5 км к юго-западу от одноименного села, имело подквадратную форму со сторонами 270х270 м, ограниченную земляными валами и угловыми башнями, с воротами с трех сторон³.

В настоящее время городище находится посередине пос. Тээли. На большей части городища находятся жилые дома и хозяйственные постройки. Полностью выявить размеры и контуры городища не удалось. Городище было ориентировано углами по странам света. Длина выявленных участков восточного вала, южнее памятника воинской Славы к югу – 112 м и от жилых застроек до юго-восточного угла городища – 50 м. Общая длина зафиксированного северо-восточного вала приблизительно равнялась 267 м, азимут – 340°. Юго-восточный

³ Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М., 1979. – С. 157; Данилов С. В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. – Улан-Удэ, 2004.

угол городища с башней, наиболее сохранившийся в период строительства поселка, находится на ул. Таржаа и южный вал в западном направлении уходит под дома и хозяйственные постройки. Укрепления городища в этом месте закатаны колесным транспортом и пешеходами, высота валов в этом месте равна не более 50 см. Памятник датируется Л. Р. Кызласовым VIII–IX вв., т. е. временем существования Уйгурского каганата.

Городище Бора Тайга (N51 24.254 E91 08.932, h-752)

Памятник находится на территории Сут-Хольского района Республики Тыва. Городище расположено посередине пос. Бора Тайга частично под домами и хозяйственными постройками и в большей части разрушено хозяйственной деятельностью человека. Поселение находилось на надпойменной террасе левого берега речки, впадающей в р. Ак-Суг, которая вытекает из теснины, образованной крутыми горами, покрытыми лесом к западу от городища. По всей видимости, городище имело прямоугольную форму размерами 270х325 м. Валы городища частично сохранились, хотя и сильно разрушены. В местах разрушения стен-валов местные жители интенсивно выбирают глину на строительные нужды. В торце стен видна технология возведения оборонительных сооружений городища – ханьту – послойное накладывание и трамбовка глины, смешанной с крупной и мелкой дресвой. На углах городища просматриваются остатки расползшихся угловых башен, выделяющиеся своим округлыми в плане формами развалов. С южной стороны городища на краю террасы встречаются остатки двух квадратных в плане башен размерами 7х7 м, расположенных на расстоянии 15 м друг от друга. Нижняя часть башен выложена плоскими каменными плитами. Эти выкладки, возможно, представляли своеобразный фундамент башен.

Памятник датируется Л. Р. Кызласовым VIII–IX вв., т. е. временем существования Уйгурского каганата.

Бора Тайга – 2 (N51 23.953 E91 08.063, h-760)

В пос. Бора Тайга был осмотрен еще один объект, расположенный к югу от западной оконечности поселка. Здесь находилось сооружение прямоугольной в плане формы, ориентированное длинными сторонами по линии восток-запад. Длина – 52 м, ширина – 9 м. Высота сохранившихся стен достигает 210 см, толщина стен – 50 см. У сооружения трое ворот на западе, востоке и юге. Стены возведены из

глиняных блоков, перемежающихся с сырцовыми кирпичами и прутьями. Данное сооружение может датироваться как поздним – маньчжурским временем, так и почти современным (начало XX в.).

После обследований, проведенных в пос. Бора Тайга, экспедиция направилась к пос. Хандагайта, где находится Государственная граница России с Монголией. После перехода госграницы экспедиция вступила на территорию Убсунурского аймака Монголии. Ниже дается описание памятников, расположенных в Убсунурском, Завханском и Хубсугульском аймаках Монголии.

Остатки дворца Алтан хана (N50 37.292 E92 32.756, h-861)

Памятник находится на территории Убсунурского аймака Монголии. Остатки дворцового здания расположены на ровной поверхности, поросшей в настоящее время травой, дэрисуном и дикой акацией. От стен здания в восточной части сохранился останец стены, в которой просматривается технология ее возведения. Длина сохранившегося останца стены – 170 см, ширина – 30, высота – 140 см. Он сложен из глиняных блоков, изготовленных из глины с добавлением мелкой и средней гальки. От остальных стен здания сохранились только глиняные развалы, содержащие гальку и щебень. В целом здание имело четырехугольную форму и точные его размеры можно проследить по восточной – 43 м и южной – 34 м сторонам. Северная и западная стороны здания сохранились значительно хуже, особенно пострадал почти размытый северо-западный угол. В западной стене просматриваются остатки деревянных досок, входивших каким-то образом в конструкцию стен. По имеющимся остаткам без раскопок трудно определить был ли это огороженный двор или целое крытое здание. Памятник обнаружен по информации А. Очира и его точная датировка пока не определена.

Городище Донойн акшы суурин (N47 40.163 E96 33.669, h-1664)

Памятник находится на территории Завханского аймака Монголии. Городище расположено на высокой ровной террасе левого берега долины р. Богд, с некоторым подъемом в сторону гор, обрамляющих долину. Поселение имеет прямоугольную в плане форму размерами около 190х192 м, и со всех сторон окружено расползшимися валами шириной 16–18 м. Азимут СЗ вала составляет 22°. Высота стен в современном состоянии достигает 1 метра, которые, судя по их конси-

стенции, сооружались из глины с добавлением щебня, гальки и дресвы. Со всех четырех сторон городища находились ворота шириной 6–10 м, выраженные разрывами валов. Посередине городища сохранилась часть здания прямоугольной формы, ориентированная по линии северо-восток – юго-запад, размерами 11,5х5,5 м. Камни фундамента скреплены глинистым раствором, возможно, с добавлением извести. С внешней стороны нижней части здания видны следы обмазки, к югу от остатков здания в 4 м лежат небольшие кучи извести, возможно, это остатки обмазки здания.

Однако, судя по технологии строительства, вполне вероятно, что здание было построено позже, чем сооружено городище. Датировка памятника пока не определена.

Городище Заг зугийн хэрэм (N49 32.402 E99 36.267, h-1430)

Памятник находится на территории Хубсугульского аймака Монголии. Городище расположено на ровной степной поверхности посередине долины, окаймленной горами и выходящей в восточной части на р. Дылгэрмурэн. С юга и запада горы, окаймляющие долину, покрыты лесом. С северо-западной стороны находятся безлесные скалистые сопки. Городище расположено ближе к южной стороне долины и имеет четырехугольную форму, азимут ЮЗ стороны составляет 345°. Поселение обнесено валом высотой примерно 2,6–2,8 м и имеет следующие размеры: северная сторона – 164 м, восточная сторона – 136, южная – 164, западная – 136 м.

По углам городища хорошо просматриваются остатки угловых башен, выделяющиеся выходящими за линии стен полукруглыми основаниями и уровнем высоты вала до 3 м. На северном и южном валах имеются по 2 фронтальные башни, выступающие за линию валов, а на западном вале наблюдается 1 фронтальная башня. На восточном валу примерно посередине наблюдается разрыв вала длиной 23 м, вначале принятый нами за ворота городища. Однако при более внимательном рассмотрении видно, что его ширина явно не соответствует принятым стандартам ворот. В соответствии со строительно-архитектурными представлениями древних строителей здесь должны были находиться ворота с привратными башнями. По всей видимости, в силу каких-то причин, строительство ворот не состоялось. Отсутствует у городища ров, обычно являвшийся существенной частью оборонительной системы крупных городищ. На внутренней поверхности

городища видимых остатков каких-либо строений не наблюдалось. Подъемного материала нет. По планировке городища, наличию угловых и фронтальных башен городище можно датировать VIII–IX вв., т. е. временем существования Уйгурского каганата.

Дворец Мункэ хана (N49 38.028 E99 39.145, h-1327)

Памятник находится на территории Хубсугульского аймака Монголии. Остатки дворца дислоцируются на высокой пойме левого берега р. Дэлгэрмурэн. Это относительно ровная терраса окружена невысокими горами, амфитеатром, обрамляющие прибрежную территорию. На ее поверхности во множестве наблюдаются многочисленные поднятия, бугры, впадины, поросшие дёрисуном. Основу дворца Мункэ хана составляет платформа четырехугольной формы в плане с размерами: северная сторона – 26 м, западная сторона – 27 м и возвышающаяся над уровнем современной поверхности около 1,3–1,5 м. На вершине платформы виден старый раскоп размерами 10х10 м. По всей видимости, это следы раскопок, произведенных монгольскими археологами Д. Наваном и Санжимятавом.

В раскопе видны расчищенные базы колонн, фрагменты черепиц и кирпичей. За пределами раскопа видны занесенные песком базы колонн. Судя по тому, в каком положении они находились, здание имело четырехугольную в плане форму. Базы колонн отличались между собой по оформлению, размерам.

По отдельным особенностям памятника (базы колонн, черепица) он может датироваться XIII–XIV вв.

Городище Хар Хул хан балгас (N48 28.506 E101 20.064, h-1519)

Памятник находится на территории Арахангайского аймака Монголии. Городище расположено в долине р. Хануй, на ее правом берегу, на ровной степной поверхности и сориентировано углами по странам света. С южной стороны городища находятся невысокие холмы с пологими склонами. К северу и востоку от городища находятся остатки построек в виде остатков платформ, поднятий, невысоких оград. По всей видимости, к западу от городища располагались кварталы посада. Городище имеет четырехугольную форму в плане и было окружено стенами, от которых к настоящему времени сохранился вал. Размеры городища: северо-западная сторона – 304 м, северо-восточная сторона – 348, юго-восточная сторона – 312, юго-западная сторо-

на – 356 м. На углах городища хорошо просматриваются угловые башни, четко выделяющиеся своими размерами и выходящими за линии валов основаниями. Высота валов в среднем равна 360–380 см. Башни возвышались над стенами на высоту 150–180 см, т. е. высота угловых башен примерно равна 570–590 см. Посередине линии валов со всех четырех сторон городища находятся ворота одинаковой конструкции. Ворота укреплены башнями, сложенными из хорошо подобранных плит дикого камня. Остатки башен сохранились не полностью, и без раскопок точную их реконструкцию представить невозможно. Приблизительно их конструкция представляется следующей: с внешней стороны стены, сложенной из больших каменных плит, возводились 2 башни из каменных необработанных плит, причем стены башен представляли своеобразный «панцирь», сложенный из 1-2 рядов плит с цементирующим раствором. Поверх стен башен кое-где сохранились следы обмазки или штукатурки. Внутренняя часть башни представляла собой забутовку из каменных плит. Проход, ведущий внутрь городища, по-видимому, был укреплен стенами из плит дикого камня. В настоящее время на всех воротах на этом участке находится развал, точно определить, как выглядел проход между башнями затруднительно. Внутренние части привратных башен значительно шире наружных и выложены из плит дикого камня. К башням примыкают внешние панцири стен, сложенные из каменных плит и кирпичей. Эти настенные панцири просматриваются только в верхней части вала и уходят вглубь, что создает впечатление о панцирной конструкции вала. Однако подлинное соотношение башен, панцирных стен и вала можно будет выяснить только после проведения раскопок.

На внутренней поверхности городища хорошо видны 1 большое сооружение и 4 земляных задернованных платформы, просматриваются остатки невысоких платформ, окруженных валами, углубления с пологими бортами, остатки кирпичных конструкций П-образной формы. Наблюдаются гранитные базы колонн, образующие скопления и лежащие на современной поверхности, но не являющиеся остатками зданий, поскольку были принесены и расположены в этом месте позднее.

Посередине городища, на воображаемой точке пересечения линий всех четырех ворот, находится квадратной в плане формы платформа высотой 2,5 м с ровными покатыми сторонами. Размеры плат-

формы в нижней части 20x21 м, в верхней – 11x11 м, на вершине платформы лежат каменные плиты, обломки кирпичей. На западной стороне платформы, которая несколько выше, было какое-то сооружение из кирпича. К югу от центральной платформы прослеживается дорога, вымощенная кирпичом шириной 4 м и протянувшаяся до южных ворот городища.

К северу от описанной платформы находятся остатки большого сооружения сложной конструкции из каменных плит, кирпича и глинобитга. Оно базировалось на сложенном из каменных плит и блоков цоколе. По промерам цоколя размеры здания равны 29x29 м. На данный момент трудно сказать, подстилала ли эта кладка все сооружение или же была возведена только по периметру, как фундамент, где она хорошо просматривается. Основой всего сооружения служил массивный глинобитный останец, просматривавшийся по углам здания. Этот останец, покоившийся на сложенном из плит цоколе, был обложен кирпичной кладкой шириной 70–80 см, высота всего сооружения достигала 6,5 м. На вершине здания, на глинобитном основании хорошо просматриваются остатки кирпичных стен, массивных кирпичных кладок, по всей видимости, исследуемое сооружение имело довольно значительную высоту и достаточно сложное архитектурно-строительное решение. Однако без тщательных стационарных археологических и историко-архитектурных работ делать какие-либо заключения о характере всего сооружения преждевременно. С северо-запада к большому зданию посредством вала-перемычки примыкает платформа сложной в плане конфигурации с виднеющимися задернованными базами колонн. После перемычки наблюдается платформа прямоугольной формы, вытянутая по линии юго-запад – северо-восток с ровной поверхностью, на которой просматриваются гранитные базы колонн. Размеры платформы 32x23 м. За этой платформой просматривается еще одна перемычка, к ней примыкает более высокая платформа квадратной в плане формы размерами в нижней части 18x23 м, в верхней – 9,5x9,5 м с ровной поверхностью. На вершине этой платформы находок нет. К западу от нее находятся развалины кирпичного сооружения П-образной в плане формы.

В юго-западной части городища просматриваются остатки углублений с пологими стенками. Здесь же лежат гранитные базы колонн, квадратной формы, обломки черепиц и кирпичей. К северу от этих

углублений расположена высокая, до 2 м высотой, платформа с ровными пологими склонами. Длина платформы составляет 38 м, ширина – 25 м. На поверхности платформы просматривается траншея, в которой видны кирпичные кладки с раствором, каменные плиты. Верхняя часть платформы в восточной и южной части покрыта буграми и впадинами – следами какой-то деятельности. По всей поверхности лежат обломки черепиц (один фрагмент с зеленой поливой), кирпичей и каменных плит. К северу от платформы находятся остатки какого-то кирпичного сооружения П-образной в плане формы. К югу от развалин находятся 2 ямы, по отвалам которых прослеживаются щебень, галька, кирпичи, черепица.

В юго-восточной части городища, вдоль восточного вала наблюдаются 7–8 небольших платформ, окруженных невысокой валообразной оградкой. Здесь повсеместно встречаются обломки черепиц, кирпичей, крупных камней, гранитная база колонн. К северу и северо-востоку от городища просматриваются остатки строений неукрепленных городских кварталов.

При исследовании городища Хара Хул хана можно условно предположить, что здесь прослеживаются 2 временных этапа, когда на городище проходили активные процессы строительства. Первый, когда были воздвигнуты стены, угловые башни и ряд платформ, а второй, когда на городище были построены ворота с башнями из каменных плит и кирпичей, и воздвигнуто большое сооружение из глинобита с цоколем из каменных блоков и плит и кирпичными стенами. Однако говорить об этом с полной уверенностью можно будет только после проведения на городище археологических и историко-архитектурных исследований.

Таким образом, во время работ экспедиции на территории Тувы и Западной Монголии было обследовано 19 разнообразных памятников. Несмотря на то что большинство городищ и поселений получили хронологическое определение, все же на отдельных из них, где не было подъемного материала и не отмечалось четких строительно-архитектурных особенностей, датировка затруднена. В результате полевых работ становится ясно, что продолжение дальнейших исследований этого вида археологических памятников, которые в совокупности с результатами исследований других типов памятников, в том

числе письменных, необходимо для создания источниковедческой базы изучения истории кочевых обществ.

Medieval cities of Tuva and Western Mongolia

This paper presents the working materials of the international expedition “The Making of an Electronic Map of Central Asian Towns” carried out in 2011 on the territory of Tyva and Mongolia. The paper mostly contains information on medieval monuments since this focus mostly corresponds to the central theme of this edited volume. A concise description of settlements and archeological sites of Uighur and Mongolian epochs is provided. Where possible, the author presents descriptions of natural geographical environment of a monument, descriptions of fortifications, presence of structures on the territory of a monument and brief characteristics of excavated material.

STUDIA ARCHAEOLOGICA
INSTITUTI ARCHAEOLOGICI
ACADEMIAE SCIENTIARUM MONGOLICAE

Tomus XXXIII

2013

Fasciculus 20

П.Б. Коновалов, С.В. Данилов

ИНСТИТУТ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ,
БУДДОЛОГИИ И ТИБЕТОЛОГИИ СО РАН, УЛАН-УДЭ
КОЧЕВНИКИ ВОСТОЧНЫХ ПРЕДЕЛОВ СТЕПЕЙ ЕВРАЗИИ
(ВОПРОСЫ ГЕНЕЗИСА)

Одними из первых письменных свидетельств об образе жизни кочевников восточных пределов степей Евразии являются сведения китайских источников эпохи Шан-Инь, Чжоу и Чжэнь описывавших северных варваров ведущих непривычный с точки зрения оседлых земледельцев подвижный скотоводческий образ жизни. С этого времени для обозначения своих северных соседей в китайских источниках применяется ставший трафаретным фразеологический оборот «не имеют постоянного места жительства, переходя с места на место в поисках воды и травы» [Материалы ...1968.-С.8].

История кочевников Евразии относимых к периоду поздней древности и сводимых к хунну, сяньби, муюн, тугухунь на востоке и гуннов на западе хорошо известна благодаря трудам китайских историков Сыма Цяня, Бань Гу, Фань Е, историков античности Аммиана Марцелина, Приска Панийского и некоторых других менее известных авторов.

О кочевниках раннего, развитого и позднего средневековья сяньби, жужаней, тюрков, уйгуров, кимаков, монголов, аваров, хазар, печенегов, кипчаков-половцев, ойратов-джунгар и многих других известно благодаря опять таки китайским, арабским, европейским, русским источникам то есть народам, имевшим письменность, попадавшим в орбиту влияния кочевников и имевшим традиции фиксации происходивших событий.

Кроме летописей, хроник, описаний путешествий, исторических сочинений и других видов письменных источников ценным видом исторических источников являются археологические, к которым относятся погребальные памятники, представленные большими сложными из камней, каменно-земляными, земляными курганами, разнообразной формы каменными выкладками и каменными ящиками, грунтовыми могилами и т.д. оставленные древними скотоводами. Находимый при раскопках памятников погребальный инвентарь, включавший всю совокупность разнообразных по материалу и предназначению сопровождающих предметов, подвергался описанию, классификации, проходил все стадии исследования, прежде чем стать полноценным историческим

Tomus XXXIII 2013 Fasciculus 20

источником. Исследовались также остатки жертвоприношений различных видов домашних животных. Изучались остатки поселений и городищ, оставленных кочевым населением.

Совокупность данных археологии свидетельствует о проблематичности, или точнее сказать, может обеспечить лишь гипотетическое решение вопроса о появлении кочевничества в бронзовом веке, хотя на конечной его стадии и в начале эпохи железа имеются определенные данные о формировании кочевого образа жизни обитателей степного пояса Евразии. В этом контексте рассматриваются давно известные в археологии культуры - такие как древнеямная, срубная, скифо-сарматские юго-восточной Европы, афанасьевская, андроновской и карасукской общностей, сако-масагетские и хунно-сарматские Средней и Центральной Азии. Зато средневековые этих территорий ознаменовались расцветом номадизма и образованием крупных этнополитических объединений, именуемых «кочевыми» государствами.

Многими исследователями, занимавшимися проблемами истории и культуры населения Центральной Азии в расширенном обозрении этой территории, предпринимались попытки реконструкции хозяйственной деятельности населения и выработки критериев, по которым можно было бы выделить начальные этапы становления скотоводства в регионе и начало формирования кочевого скотоводства. По историко-культурным характеристикам исследователи подразделяют население этих территорий на ранних и поздних кочевников, выделяют эпоху кочевых империй, где наблюдаются периоды подъема и спада активности населения, приводившей к их (империй) быстрому росту или распаду.

По-своему видит этапы развития хозяйства скотоводческих племен на примерах культур Казахстана и Южной Сибири М.П. Грязнов [1957: 21-28]. 1) Пастушеско-земледельческое хозяйство с домашним животноводством и примитивной обработкой земли (представлено в культурах андроновской общности), в рамках этого уклада подготавливался переход к следующему этапу. 2) Выделение пастушеских племен, переход к яйлажному (полукочевому) хозяйству, техника тебеневки, использование животных для транспорта, осваивается верховая езда на лошади, скот стал объектом обмена, защиты от кражи и угона, отсюда усиление военной организации (этап наступил примерно на рубеже II и I тыс. до н.э). В это время уже сошли со сцены андроновские племена, и в Минусинской котловине проживало население карасукской культуры, а по Центральной Азии расселились племена курганов-керексурсов, плиточных могил и некоторых других типов памятников. В рамках этого этапа со временем яйлажная система хозяйствования истощает свои возможности, начинается перераспределение пастбищных угодий, назревает необходимость перехода к следующему этапу. 3) В короткий период, примерно за 3 века, был подготовлен переход к кочевому образу жизни. На этом этапе в степях Евразии обитали разнородное население скифского периода, о которых М.П. Грязнов пишет как во многом сходных между собой по культуре, уровню социально-экономического развития и благодаря межплеменным

STUDIA ARCHAEOLOGICA

контактов, но этнографически все же различных [Там же: 28].

В.М. Массон, обозревая древние скотоводческие общества степей Евразии, выделил три эпохи развития. Первая - эпоха ранней, комплексной, хозяйственно-культурной деятельности с приматом животноводства - приходится на энеолит и бронзовый век (IY-II тыс. до н.э., могильник Синташта, поселение Аркаим). Вторая эпоха - переход к всадничеству и кочевничеству, социологически это время он определяет как эпоха «военной государственности» или иначе - военной демократии и вожества, формирования пред или прото государственных структур (началась в IX-VIII вв. до н.э., курган Аржан). Третья эпоха образование кочевых империй, первым образцом которых явилась империя Хунну [Массон 2005: 172-177].

История кочевников не заканчивается эпохой кочевых империй. На просторах евразийских степей вплоть до XX века кочевали потомки тюркских и монгольских народов: калмыки, ногайцы, казахи, киргизы, монголы, буряты, тувинцы и др. Они вели традиционное, отлаженное за века скотоводческое хозяйство и сохраняли кочевой образ жизни во многом сохранивший повторявший и воспроизводивший образ жизни далеких предков. Зарождавшаяся в Европе этнографическая наука, изучавшая экзотические с точки зрения европейцев народы не обошла вниманием и кочевников Азии. Арабские, тюркские, иранские, монгольские народы, у которых продолжала сохраняться традиционная кочевая культура, стали объектом изучения этнографов и этнологов. На накопившейся к тому времени источниковой базе по истории кочевых народов евразийских степей создавались обобщающие труды по истории (В.В. Радлов В.В. Бартольд Б.Я. Владимирцов) (М.П. Грязнов С.В. Киселев М.И. Артамонов С.В. Плетнева В.П. Шилов) (Н.Н. Крадин Е.И. Кычанов Д.Г. Савинов С. Г. Кляшторный) (С.И. Вайнштейн М.П. Потапов Л.П.).

Однако наряду с достижениями и успехами в изучении кочевых народов евразийских степей можно отметить существующие нерешенные проблемы, причем по мере перехода исследований на более высокие уровни, их количество не уменьшается. Так не совсем ясно время появления и формирования кочевого хозяйства и сложения его основных компонентов, непонятны факторы, приводившие к формированию предметного комплекса определенной археологической культуры и смены одних категорий вещей другими, то есть перерастание одной культуры в другую. Например, такие категории как вооружение, керамика, украшения претерпевали существенные изменения от эпохи к эпохе. Менялись материалы, технологии изготовления, формы предметов, что находит отражение в терминологии описания и понятийном аппарате исследователей, но тем не менее сам механизм культурной трансформации остается пока непонятным. Не выяснены принципы формирования социально-политических систем приводивших к становлению институтов государственности и появлению так называемых кочевых империй. Число таких проблем можно легко увеличить.

Недостаточно разработанными выглядят проблемы становления кочевого скотоводства и этапов его развития в восточных районах

Tomus XXXIII 2013 Fasciculus 20

евразийских степей. Если в степях Внешней и Внутренней Монголии до Хинганского хребта нет проблем с выделением памятников и культур с кочевым скотоводством, то за Хинганом, в Маньчжурии, в бассейнах рек Ляохэ и Нуныцзяна нет полной ясности, с какого времени и в каких формах существовало скотоводство и было ли оно тем же, что и на просторах Центральной Азии. Для территории Маньчжурии пока неясно, существовали ли здесь те природные обстановки и вытекающие из этого социально-экономические предпосылки в которых развивалось бы кочевое скотоводство, для которого необходимо наличие обширных сухих степных пространств, существование большого количества овец, обеспечивавших население сырьем для приготовления одежды и шерстью для изготовления переносных жилищ. Обеспеченность крупным рогатым скотом, дающим молоко в количествах, позволяющих изготавливать разнообразные продукты длительного хранения и т. д. По сведениям письменных источников в этом регионе в древности жили племена илоу сушень. Сложившаяся традиция считает их предками тунгусо-маньчжурских народов, основным занятием которых было наряду с охотой, рыболовством и собирательством земледелие и свиноводство. Между тем, на Дальнем Востоке в глубокой древности, в эпохи неолита и энеолита, складывались формы хозяйства, основанные на земледелии и оседлом образе жизни, и не существовало предпосылок к формированию кочевого скотоводства. Исследователями выделяется дальневосточный очаг производящего хозяйства, в основу которого было положено земледелие с основными культурами просо и чумиза и разведением свиней и собак в качестве мясной пищи. Как известно свиноводство служит одним из показателей оседлости. Один из исследователей выдвинул гипотезу о существовании в этом регионе монголо-маньчжуро-корейского центра становления производящего хозяйства [Стариков 1973]. В то же время не совсем понятно, к какому типу относились хозяйственные системы чжурчженей и маньчжуров.

Однако из этого района вышли древние племена группы дунху, предки будущих монгольских кочевников, от которых отделились ранние хунну, ставшие в результате контактов с пратюркскими кочевниками сложным тюрко-монгольским конгломератом. Позднее из этого же региона вышли кочевники кидани, создавшие обширную империю, включавшую российский Дальний Восток, северные провинции Китая, большую часть центральноазиатских степей и Туркестан.

Каким же образом и по каким направлениям шло становление хозяйственно-культурных типов, в том числе кочевого скотоводства в Маньчжурии еще предстоит выяснять. Здесь уместно обратиться еще раз к теоретическим вопросам возникновения и распространения кочевого скотоводства вообще. Рассмотрел эти вопросы С.И. Вайнштейн в своей монографии «Мир кочевников центра Азии» [1991]. Его видение проблем не лишено определенных противоречий и недочетов хронологических факторов и региональных особенностей исторических процессов. Однако ученый справедливо отмечает, что происхождение пастушеского номуадазма в степях Евразии не может считаться решенным и что все

STUDIA ARCHAEOLOGICA

выдвинутые ранее положения гипотетичны. Он полагает недостаточным сложившееся к середине XX века господствующее мнение, согласно которого кочевничество возникло в результате неолитической революции, когда возникло производящее хозяйство, причем в примитивном комплексном варианте, и на рубеже II и I тысячелетий из таких обществ в условиях аридных зон появляются пастушеские номады. К этому он добавляет, что распространение кочевничества в рассматриваемых регионах было всегда связано с (даже вызвано) появлением нового населения, а генетическая связь с предшествующим ему оседлым населением либо явно отсутствует, либо убедительно доказать не удастся. По его мнению есть серьезные основания полагать следующее: пастушеский номузм мог возникнуть на базе хозяйства подвижных охотничьих племен, но не непосредственно, а в результате заимствования ими у своих соседей-земледельцев и скотоводов одомашненных животных (разумеется, тех животных, которые более всего соответствовали среде обитания, стереотипам хозяйства и быта: для тайги олень, для лесостепей и степей прежде всего лошадь, в аридной зоне верблюд, осел); этнографическая наука знает много примеров оседания кочевников, но ей не известно ни одного случая, когда даже полуседлые скотоводы в условиях сильных засух по собственной воле превращались бы в подлинных номадов (и секрет здесь в устойчивых стереотипах сложившегося быта).

Возможность же перехода к кочеванию подвижных охотничьих племен, не знавших земледелия, С.И. Вайнштейн подтверждает на материалах ряда народов, в частности оленеводов Северной Азии. Тунгусы до перехода к оленеводству были типичными охотниками и собирателями Сибири, но они заимствовали у своих соседей оленей, перешли к кочевому оленеводству (важным очагом древнего оленеводства он считает Саяны, в частности Тувинскую котловину). Особо он отмечает, ссылаясь на работу Г.М. Василевич [1969], тунгусские группы на пограничье тайги и степи в Забайкалье, которые лишь несколько столетий назад заимствовали у ранних монголов лошадь, затем и другие виды скота и стали такими же скотоводами- кочевниками, какими были позднее соседние буряты, заимствовав у них всю скотоводческую терминологию и даже утратив свой язык [Вайнштейн 1991].

По его мнению, ранние монголы конца I тыс.н.э., из горно-таежных областей Приамурья, вышли в степи Центральной Азии и стали кочевыми скотоводами под влиянием тюрков, о чем свидетельствуют лексические тюркские заимствования в монгольских языках, в частности животноводческой терминологии (со ссылкой на работу В.И. Рассадина [1984]). Во многом аналогичную картину наблюдали у индейцев Северной Америки, к приходу европейцев у них не было домашнего скота, лишь на рубеже XVI-XVII вв. они начали приобретать лошадей и к XVIII веку в степях Северной Америки жили уже племена кочевых коневодов [Аверкиева 1970].

Итак, важный теоретический тезис, который вытекает из вышеизложенного, - это роль миграций, контактов и культурных

заимствований в формировании хозяйственно-культурных типов древних обществ. Безусловно, этот тезис должен быть применен и осмыслен как в макро, так и микро масштабах по отношению к кочевым обществам степей Евразии и с особым вниманием в данном случае к ситуации в их крайних восточных пределах. Конечно, миграции и контакты в этом ареале ранее изучались, но надо сказать, что это делалось только в интересах исследования этнической истории. Можно отметить достигнутое за последние полтора десятилетия понимание этнокультурной сущности контактов двух макрокультур эпохи поздней бронзы и раннего железа - курганов-керекуров и плиточных могил - на территории Монголии, представлявших в обоих случаях население с кочевым хозяйственно-культурным типом [Цыбиктаров 1998; Коновалов 1999].

Разные ареалы и истоки формирования этих культур - одна на западе, другая на востоке Центральной Азии - казалось бы не вызывает вопроса о взаимовлиянии в аспекте их генезиса. Однако в свете хорошо известных археологических данных о широких и далеких миграционных процессах в степной полосе Евразии, начиная с эпохи бронзы, в которых большинству исследователей видится глобальная роль индо-иранских, затем и тюркских кочевников, мы не можем отрицать возможность решающего влияния последних на возникновение кочевничества среди монгольских племен на восточных пределах Евразийской степной полосы. В таком контексте вышеупомянутый факт из области лингвистики - заимствованная тюркская терминология в области животноводства у монголов - надо относить не к средневековью, как думает С.И.Вайнштейн [1991], а к древности, на уровне контактов протоэтносов. Тем не менее приводить какие-либо вещественные аргументы, указывающие на переход протомонголов к кочевничеству под влиянием прото тюрко-иранцев невозможно, если не считать за таковые карасукские и скифо-сибирские древности, распространенные вплоть до Хинганского хребта, Северного Китая и даже за Хинганом до Ляодуна и Северной Кореи. Эти бронзовые вещи - ножи, кинжалы, украшения - должны считаться лишь предметами импорта, культурного влияния в идеологическом смысле, но не в хозяйственном.

Между тем происхождение и формирование каждой из этих макрокультур по отдельности имеет помимо фактора внешних контактов свою внутреннюю этнокультурную историю, и мы рассмотрим далее вопросы, связанные с генезисом культуры плиточных могил восточного ареала Центральной Азии. А.П. Окладников еще при написании своего труда по неолиту и бронзовому веку Прибайкалья обозначил направления культурных и этнических связей в обширном ареале от Прибайкалья до Хуанхэ, от Верхнего Амура до Ляодуна, в рамках которого формировалась культура бронзы Забайкалья, Монголии [1950: 125-125; 1955: 195-202]. В поисках сопоставительных материалов с изученным регионом он пришел к выводу: в неолите наблюдалась активность северных племен, направленная в южную сторону, но с началом бронзового века происходит обратный процесс движения с юга на север. В рамках этих связей (движений) А.П. Окладникову и В.Е. Ларичеву виделось распространение плиточных

STUDIA ARCHAEOLOGICA

Tomus XXXIII 2013 Fasciculus 20

могил Забайкалья и Монголии, ярким показателем юго-восточных связей которых являются глиняные сосуды-триподы, представленные в культурах Северного Китая и его провинции Дунбэй [1955: 196; 1959:128-132].

Пределы распространения плиточных могил, в их классических формах наземных каменных оград, в южном и юго-восточном направлениях не совсем ясны, а это территории Внутренней Монголии и Северного Китая, Захунгария и Юга Маньчжурии. В русскоязычных публикациях из одной в другую переходят ссылки на сообщения старых исследователей Д. Марингера, Р.Эндрюса, Б.Бонлина о якобы таких сооружениях в провинциях Шаньси и Ганьсу. Но зато имеется специальное исследование В.Е. Ларичева о плиточных могилах Дунбэй [1959: 63-73]. Последние в отличие от наземных плиточных оград Монголии и Забайкалья представляют собой каменные ящики из плит, спущенные в яму, с плитовым дном и таким же перекрытием, без наземных сооружений. Внутримогильная обстановка такова: захоронения на спине, с вытянутыми ногами, головой на восточный сектор, монголоидные черепа, на плитах перекрытия кости животных; состав инвентаря во многом совпадает с материалами монголо-забайкальских могил, с тем отличием, что он богаче и разнообразнее чем последние (но это с силу неграбленности могил). Существенно дополняют и разнообразят характеристику культуры материалы поселений с комплексной хозяйственно-экономической основой жизни (земледелие, животноводство, с элементами охотничьего промысла). Что еще существенно важно отметить, культуры Забайкалья, Монголии и Дунбэй объединяет керамика типа триподов, о которых говорилось выше. Датируется культура Дунбэй, по находкам бронзовых ножей карасукской формы, подвески андроновской формы иньско-чжоуским периодом [Там же: 69]. Из сравнительного изучения культур плиточных могил Дунбэй, Монголии и Забайкалья, В.Е.Ларичевым сделан вывод об их этническом родстве, назвав «культурами - близнецами на единой основе», восходящей к дунхуской этнической общности. Кроме того им высказана важная (в контексте нашей темы) мысль о том, что появление монголо-забайкальских плиточных могил связано с наступлением древнекитайских государств на варварскую периферию, особо успешно осуществленным при воцарении Чжоуской династии. Точно так же трактовал данный вопрос Л.Н. Гумилев [1960: 35-36, 46-47].

Таким образом, на основе выше изложенных наработок А.П. Окладникова и В.Е. Ларичева, один из авторов настоящей работы попытался осмыслить феномен возникновения и формирования кочевой культуры плиточных могил восточного ареала Центральной Азии в русле теоретических обобщений, определения каких-то причин и закономерностей этого процесса. Был сделан вывод, что данный феномен можно рассматривать в полном соответствии с тем общим положением, согласно которому скотоводческие общества вытесняются и отделяются, как правило, от существующей комплексной земледельческо-животноводческой основы хозяйства, причем такая основа более ярко выражена у населения плиточных могил Дунбэй, но она была представлена

и в археологических комплексах Забайкалья и Восточной Монголии. Вместе с тем в сложении данной культуры в степях Монголии и Забайкалья решающую роль, очевидно, сыграл миграционный фактор. Тем не менее обобщенным решением вопроса, пожалуй, следует считать комплексный подход на основе суммирования автохтонных и миграционных процессов при учете их общего знаменателя - наступившего эпохального изменения природно - климатической обстановки в сторону усыхания, вынудившего обитателей степей Евразии перейти к кочевой форме хозяйствования в качестве основного способа жизнеобеспечения [Коновалов 2011 (а): 200-201].

Следующий этап развития кочевой культуры Центральной Азии связан с образованием Хуннской империи, включившей в себя уже всю Монголию с Забайкальем, Тувинской и Минусинской котловинами. На названных территориях распространены могильные и поселенческие комплексы составляющие ярко выраженную монолитную и богатую культуру хунну. Основной зоной концентрации памятников, как и в случае с плиточными могилами, является Северная Монголия и Южное Забайкалье. На этот раз весь этот новый культурный пласт определенно был принесен с юго-востока - с той же территории Северного Китая и Южной Маньчжурии, причем в уже сложившемся там виде.

Специальные изыскания о происхождении и ранней истории хунну (до образования империи) показывают, что их археологический комплекс памятников сложился в этом районе - памятники Даодуньцзы, Маоцингоу, Таохунбала, Сигуопань, Хулусытай и др. [Миняев 1987, 1998; Полосьмак 1990; Коновалов 1999; Ковалев 2002], причем исходным пунктом являются памятники на юге опять того же Дунбэй (Маньчжурии) - Сяцзядянь (погребения «культуры верхнего слоя», в которых, по определению С.С. Миняева, находятся захоронения с хуннскими чертами погребального обряда), Наньшаньгэнь, Дуннаньгоу и др. скифского периода [Миняев 1987]. Но по поводу памятника Сяцзядянь существует, на наш взгляд обоснованная точка зрения о принадлежности его также племенам дунху [Комиссаров 1988: 88-89;]. Разрешением этой противоречивой ситуации, с нашей точки зрения, может быть только версия о прежде единых корнях хунну и дунху. Разделение хунну и дунху произошло в процессе перемещения части населения на запад в сторону Ордоса и скрещения там с этносами жундского круга, в результате чего образовалась хуннуская группировка племен [Коновалов 2011(6): 125]. И что примечательно в контексте нашей темы, переход (миграция) хунну на север в степи Монголии произошел, как известно из письменных источников, в результате изгнания их китайцами при образовании Циньской империи около 221 г. до н.э., т.е. повторилась история примерно тысячелетней давности с дунхуской общностью.

Хуннский этап развития кочевой культуры Центральной Азии имеет ту реально выраженную в памятниках особенность, которая заключается в сочетании кочевого и оседлого начал, в необычайном разнообразии памятников - погребальных сооружений с деревянным и каменным строительством, оседлых жилых ремесленно-производственных с

STUDIA ARCHAEOLOGICA

Tomus XXXIII 2013 Fasciculus 20

железоделательным, бронзолитейным, керамическим и прочим производством. Есть основания полагать, что оседло-земледельческая сторона хуннской культуры, так предметно представленная в названных памятниках, является наследием еще до-государственного периода формирования хунну в южной маньчжурско-ордосской прародине, принесенным с собой в суровые аридные степи Центральной Азии и ставшим здесь необходимой частью кочевнической, в основе своей, культуры Центральной Азии на все последующие века. В таком виде хуннский археологический комплекс во всей его многоплановости можно трактовать как государственную культуру.

И если учесть этнополитическую структуру хуннского общества, социально-политическое устройство державы, систему организации управления, сакрализованную идеологию верховной власти, религиозно-мифологические воззрения, воплощенные в произведениях изобразительного искусства (что заслуживает специального освещения в другой работе), то организаторов первого государственного образования в Центральной Азии следует считать и создателями номадической цивилизации.

В заключение, вернемся к дунху, точнее, к поздним дунху, зафиксированным в источниках в связи с конфликтной ситуацией возникшей у них с хунну, когда могущественные дунху диктовали последним условия договора о ненападении. Конфликт разрешился нападением шаньюя Модэ и полным поражением дунху. С этого времени имя дунху исчезает со страниц источников и на смену ему приходят этнонимы ухуань и сяньби родоплеменные группы, на которые распалось сообщество дунху после поражения.

Письменные источники характеризуют дунху, сяньби, ухуаней как скотоводов ведущих кочевой образ жизни. При разгроме дунху сказано, что Маодунь захватил их домашний скот [Материалы... 1968: 39]. Про ухуаней пишется: пасут скот, отыскивая места с хорошей водой и травой, занимаются также охотой на диких птиц и зверей, поставляли хуннам крупный рогатый скот, лошадей и шкуры овец [Материалы по истории... 1984: 63-65]. О сяньби времен их великодержавия говорится: «Численность...увеличивалось с каждым днем, скотоводство и охота уже не могли удовлетворить их потребностей в пище, поэтому Тяньшихуай выехал осмотреть свои земли. Он увидел р. Ухоуцзинь, тянувшуюся на несколько сотен ли. Там, где были заводи, встречалось много рыбы, но ловить ее сяньбийцы не умели. Услышав, что жители владения Вожень искусны в ловле рыбы сетями, Тяньшихуай напал на восток на их владение, захватил более 1000 семей и переселил их на берега р. Ухоуцзинь, приказав ловить рыбу, чтобы восполнить недостаток в пище» [Там же: 80].

Здесь необходимо особо остановиться на работах Б.Б. Дашибалова, в которых он развивал особый взгляд на происхождение и этнокультуру монгольских народов. Он выступил страстным последователем точки зрения ряда исследователей - Л.Р. Кызласова, Е.И. Кычанова, Э.В. Шавкунова, Л.А. Викторовой - о дальневосточном, по большому счету, происхождении

монголов и оседло-земледельческом типе их культуры. В основу своих разработок он взял идею В.С. Старикова о монголо-маньчжуро-корейского очага земледелия и развил ее в монголо-маньчжуро-корейский центр монгольского этногенеза и культурогенеза [Дашибалов 2009]. До выхода этой итоговой статьи, где тезисно изложены все аспекты его концепции, Дашибалов опубликовал свои наработки в ряде статей и тезисов, из которых укажем одну из концептуально продуманных [2007], а также в небольшой книге очерков «Истоки» [2002]. Автор скрупулезно выделил из китайских источников, изданных В.С. Таскиным под названием «Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху» сведения, относящиеся к элементам оседлости быта, земледелия, свиноводства и собаководства и придал им слишком большое значение в хозяйственно-культурной типологии не только древних, но и средневековых монгольских этносов. Наряду с цитированием источников, в которых чаще всего упоминается, что племена дунху «пасут скот, отыскивая места с хорошей водой и травой, для жилья не имеют постоянного места», автор с пристрастием выделяет и такие: «Земли ухуаней благоприятны для выращивания проса и растения дунцзян»; «Очень много щетинника, пшеницы и проса» (о хозяйстве и быте шивэев. - П.К.); «И когда выдавались неурожайные годы, то власти закупали зерно для помощи бедствующим и тем самым успокаивали кочевья» (о племени туфа); «Питаются свиной и рыбой, разводят крупный рогатый скот и лошадей, но по обычаю не имеют овец. Летом живут в горах... народ живет оседло... причем число семей доходит до нескольких десятков и даже до ста»; «Долбят лед, погружаются в воду и добывают сетями рыбу и черепахи» (снова о шивэях); о том, что сяньби были знакомы с морем приводит выражение представителя этого племени «Огромный кит может передвигаться только в беспредельном море...». Резюмируется все это так: «...древние этапы культуры монголов характеризовались оседлостью, развитым земледелием и свиноводством» [2007: 65-66]; к этому добавляется (с учетом данных археологии юга Маньчжурии - тех же, что мы привели выше) «знакомство с рисоводством, проживание с выходом на морское побережье, связь с тунгусо-маньчжурами, корейцами и другими народами тихоокеанского побережья» [Там же: 61].

Что можно сказать по этому поводу? Проблема поднята Дашибаловым важная и сложная, потому и дискуссионная: дальневосточные истоки формирования этноса, происхождение монголов выносятся за рамки Центральной Азии, монголоязычные народы относятся к разряду дальневосточных. Как-то не согласуется это с привычным представлением. Но оставим этот вопрос из области проблем этногенеза и трактовки этнической истории для будущих обсуждений. Для темы настоящей нашей работы важно другое: племена дунху это и есть самые восточные ранние кочевники евразийской степной полосы. Выше мы проследили их социокультурный генезис. В материалах археологических культур эпохи бронзы пограничной зоны горно-степных пространств Центральной Азии и маньчжурских низменных ландшафтов Восточной Азии видно, что дунху на ранних стадиях своего формирования были носителями

STUDIA ARCHAEOLOGICA

оседло-земледельческого хозяйственно-культурного типа, а позднее, в эпоху формирования хунну, они характеризуются в китайских летописях как кочевники-скотоводы. Практически в ту же эпоху поздней бронзы их этнические сородичи заселили степи Монголии и Забайкалья. Это ли не наглядное подтверждение той общей и основной закономерности, замеченной исторической наукой, согласно которой кочевничество возникает на базе и в недрах обществ со сложившимся производящим хозяйством, сначала в полукочевой пастушеской форме, переходяще экстенсивному скотоводству, расширенному кочеванию и освоению обширных пространств.

ЛИТЕРАТУРА.

- Аверкиева Ю.П. Индейское кочевое общество ХУШ-ХІХ вв.- М., 1970).
Василевич Г.М. Эвенки: историко-этнографический очерк.- Л., 1969/
Вайнштейн С.И. Мир кочевников Центральной Азии.-М.: Наука, 1991.
Грязнов М.П. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы // КСИЭ 1957, вып. 26.
Гумилев Л.Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена.- М.: Изд-во вост. лит., 1960.
Дашибалов Б.Б. Истоки: от древних хори-монголов к бурятам. Очерки.- Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН 2002.
Дашибалов Б.Б. «Алтайская проблема»: краиним этапам культурогенеза монгольских народов // Проблемы исторического развития монгольских языков.- М-лы м/н науч. конф. - СПб.: «Нестор-История» 2007.
Дашибалов Б.Б. Монголо-маньчжуро-корейский центр исторического развития и его влияние на генезис древних и средневековых культур юга Восточной Сибири // Вузовская научная археология Северной Азии. Иркутская школа 1918-1937 гг. - Иркутск: Изд-во «Амтера» 2009.
Ковалев А.А. О происхождении хунну // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. -Улан-Удэ - Чита: изд-во БГУ 2002.
Комиссаров С.А. Комплекс вооружения Древнего Кигая. Эпоха бронзы. - Новосибирск: Наука СО АН СССР 1988.
Коновалов П.Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье). - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ 1999.
Коновалов П.Б. (а). К проблеме генезиса центральноазиатской номадической культуры // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири.- Материалы международной научной конференции.- Вып.2. - Иркутск: Изд-во ИРГТУ 2011.
Коновалов П.Б. (б). Происхождение и формирование погребального комплекса хунну // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН 2011.
Ларичев В.Е. О происхождении культуры плиточных могил Забайкалья. -Улан-Удэ, 1959.
Массон В.М. Древние общества степей Евразии и структура мировой истории // Археологический вестник 2005, № 12.

Tomus XXXIII 2013 Fasciculus 20

- Материалы по истории Сюнну (по китайским источникам). Предисловие, перевод и примечания В.С. Таскина. - М.: Изд-во «Наука» Главная редакция восточной литературы, 1968.
Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. Введение, перевод и комментарий В.С. Таскина. - М.: Изд-во «Наука» Главная редакция восточной литературы, 1984.
Миняев С.С. Происхождение сюнну: современное состояние проблемы // Проблемы археологии Степной Евразии: Тез. док. науч. конф.- 4.2. - Кемерово 1987.
Миняев С.С. Дырестуйский могильник. - СПб.: Петербург. Востоковедение 1998.
Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. - М., 1950 - МИА № 18; 1955 -МИА №43.
Плосьмак Н.В. Некоторые аналогии погребениям в могильнике у дер. Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. - Новосибирск: Изд-во «Наука» СО.
Рассадин В.И. Бурятская животноводческая терминология как источник по исторической этнографии // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии.- Улан-Удэ, 1984.
Стариков В.С. Современная культура китайцев в Маньчжурии, ее истоки и развитие: Автореф. дис. д-ра ист. наук. - Л., 1973.
Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. -Улан-Удэ: изд-во БГУ 1998.

УДК 902(51)+94(5)

С. В. Данилов

О РАННИХ ЭТАПАХ ПОЯВЛЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ КОЧЕВОГО СКОТОВОДСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Рассматриваются внешние и внутренние факторы становления в регионе Центральной Азии кочевого скотоводства, выявленные на основе опубликованных археологических данных. Делается вывод о первоначальном появлении производящего хозяйства, основанного на скотоводстве, в западных ареалах евразийских степей. Центральная Азия представляется одним из основных регионов, где произошел переход к кочевому скотоводству.

Ключевые слова: археология, производящее хозяйство, евразийские степи, Центральная Азия, номадизм.

S. V. Danilov

ON THE EARLY STAGES OF NASCENCE AND MAKING OF NOMADIC CATTLE BREEDING IN CENTRAL ASIA

The article considers external and internal factors of the making of nomadic cattle breeding exposed on the basis of published archaeological data. A conclusion is made about the primary emergence of productive husbandry based on cattle breeding in the western areas of Eurasian steppes. Central Asia appears to be one of the main regions where a transfer to nomadic cattle breeding took place.

Key words: archaeology, productive husbandry, Eurasian steppes, Central Asia, nomadism.

Неослабевающий интерес в целом к истории кочевого скотоводства как одного из основных направлений экономического, культурного, социального развития человечества наряду с аграрным и индустриальным направлениями инициирует все большее количество исследований по разнообразным проблемам истории, культуры, экономики номадных сообществ Афроевразии.

Центральная Азия как один из регионов, где произошло становление подвижных форм скотоводства и формирование в кочевых сообществах уникальных социальных и политических систем, также становится объектом внимания исследователей, занимающихся как вопросами древней, средневековой, новой и новейшей истории региона, так и проблемами

выявления закономерностей становления и развития глобальных социополитических систем.

Одним из ключевых вопросов древней истории Центральной Азии представляется изучение проблемы становления номадизма, складывания подвижных форм хозяйства и сложения основных особенностей кочевого образа жизни, ставшего доминирующим в регионе на протяжении нескольких тысячелетий. Не менее значима и проблема выявления влияния хозяйственных особенностей кочевого образа жизни на социальное устройство номадов. Исследование закономерностей социального развития кочевых обществ, формирования в них сложных социально-политических структур позволяет говорить о самостоятельном

становлении отдельных социальных институтов и появлении новых форм организации общества в виде ранней государственности.

Изучение проблемы кочевого скотоводства на территории Центральной Азии напрямую связано с вопросом о складывании производящего хозяйства в целом и, в частности, в ареале евразийских степей.

В настоящее время исследователи выделяют несколько «центров», в которых происходила domestикация растений и животных и формировались элементы производящего хозяйства: ближневосточный с основными злаковыми культурами пшеницей, ячменем и с такими видами домашних животных как овца, коза, крупный рогатый скот; дальневосточный со злаками просом, чумизой, с животными собакой, свиньей; восточноазиатский со злаковой культурой рисом и с животными собакой, свиньей, зебу, быковыми; американский – с маисом, с животными ламой, индюком [29; 30]. Большую роль в определении таких центров сыграли исследования ботанических экспедиций, в т. ч. Н. И. Вавилова, выявивших по всему миру дикие формы растений, давших основу существования аграрного хозяйства [Там же]. Разнообразие видового состава domestизированных растений и животных свидетельствует об изобретательности и творческом подходе человеческих сообществ к поиску новых способов производства пищи в различных экологических условиях, и вероятно, что таких центров становления производящего хозяйства существовало гораздо больше. Следует отметить, что их выделение до некоторой степени условно, т. к. постоянно появляющиеся новые археологические данные меняют сложившуюся картину и наши представления об этом феномене человеческой культуры.

Существующие в настоящее время представления на основании археологических данных показывают, что из ближневосточного центра происходила

миграция населения в Европу через Малую Азию и Балканы; в Среднюю Азию и Прикаспий – через Иранское нагорье; через Закавказье, на Кавказ и Северный Кавказ [17; 29; 30]. В обозначенные зоны продвигалось население со сложившимися навыками земледельческой культуры, с опытом содержания домашних животных. Адаптация к новым природно-климатическим условиям с иным экологическим и биологическим фоном приводила к образованию новых культурных особенностей, так называемых вторичных центров, отличавшихся от исходных «материнских» форм и со временем с все большим территориальным, хозяйственным, культурным и этническим обособлением.

К IV–III тысячелетиям до н. э. производящие формы экономики начинают проникать в степные районы Евразии. По всей видимости, из вторичных центров производящего хозяйства – Балканского, Кавказского, Среднеазиатского – население с навыками ведения комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства продвигается в зону степей, где постепенное преобладание получает скотоводство, ввиду наличия обширных пастбищ, т. е. благоприятных условий для быстрого воспроизводства поголовья скота, что, в свою очередь, является необходимым условием для демографического, хозяйственного, социального развития конкретных человеческих групп [17; 30].

В это же время происходит одомашнивание лошади – событие, имевшее решающее значение для дальнейшего экономического и социально-политического развития населения степей. Земледелие в таких природно-географических и социально-экономических условиях отстает на задний план, временами и вовсе исчезает. Природно-географические условия преимущественно степных районов с обширными пастбищными пространствами и недостаточной для земледелия увлажненностью приводили к сложению

здесь специфических форм хозяйства, причем в зависимости от локальных географических и экологических условий отдельных регионов вырабатывались свои, максимально приспособленные к местным условиям способы ведения хозяйства. Начинают проявляться и культурные особенности населения, занимавшего обширные территории евразийских степей. Евразийские степи становятся еще одним, образно говоря, «центром» становления производящего хозяйства, где основной экономической базой становится комплексное хозяйство, основанное на скотоводстве и из которого впоследствии развились различные типы кочевого скотоводства.

Конкретные пути движения населения, ведущего скотоводческое хозяйство, в какой-то степени гипотетичны, но имеющиеся археологические материалы позволяют воссоздать некоторые из них:

- из южного и восточного Прикаспия – в район междуречья Волги, Дона и Урала, где сложилась древнейшая культура, или древнейшая историко-культурная общность [15; 17];

- из района трипольской культуры – в Северное Причерноморье, где сложилась культура Среднего Стога, слившаяся или адаптированная впоследствии с древнейшей [15–17];

- из Кавказского нагорья – в северокавказские степи, где сложилась майкопская культура [30].

Не исключена возможность формирования собственных скотоводческих традиций у носителей кельтеминарской общности в Туркмении и у древних энеолитических коневодов – носителей культуры Ботый Северного Казахстана [10].

Таким образом, формирование древнейших типов скотоводческого хозяйства происходило в западных ареалах пояса евразийских степей. Здесь в пределах Северного Причерноморья, Нижнего Поволжья, Южного Урала и Северного Казахстана выделены археологические памятники IV–III тысячелетий до н. э.,

относимые к древнейшим степным скотоводам. Из наиболее известных археологических культур, оставленных этим населением, назовем уже упоминавшиеся среднепалеолитскую, древнекаменную, ботайскую культуры [10; 15; 17].

В эпоху энеолита, в IV–III тысячелетиях до н. э., на территории лесостепной и степной Сибири, западной и центральной Монголии складывается афанасьевская культура, население которой, судя по находкам в погребениях и на стоянках костей домашних животных, вело комплексное хозяйство, в котором скотоводство уже играло заметную, но не совсем пока еще определенную роль [12].

Отмечаемое рядом исследователей сходство в археологических и антропологических характеристиках древнекаменной и афанасьевской культур [1; 22] приводит к мысли о возможном продвижении общих предков населения этих культур как в восточноевропейские степи, так и на восток, в Сибирь, Саяно-Алтай, Минусинские степи, Западную Монголию, где они и стали первыми скотоводами Центральной Азии, хотя истинная картина зарождения степного скотоводства в восточных ареалах евразийских степей еще далека от подлинной ясности. На настоящее время изученности проблемы древнейшего скотоводства восточного ареала евразийских степей кажется близким к истине положение о том, что именно носители афанасьевской культуры, распространенной на территории Саяно-Алтая, Западной Монголии, Сибиряка, Южной Сибири, стали первым населением, имевшим сложившиеся традиции ведения скотоводческого хозяйства. Хозяйство населения афанасьевского и более позднего андроновского времени определяется обычно как комплексное, в котором присутствовала охота, собирательство, скотоводство, земледелие, рыболовство, но преобладание получал тот вид хозяйственной деятельности, которому способствовали природно-географические и экологические условия.

А бескрайние степные и лесостепные пространства, бывшие прекрасными пастбищами, форсировали развитие скотоводства. В отдельных памятниках афанасьевского времени просматриваются сложившиеся обряды принесения в жертву домашних животных, а присутствие в жертвенниках и погребениях костей домашних животных свидетельствует о постепенном проникновении в общественное сознание древних скотоводов идей об установлении контактов с высшими силами путем принесения в жертву домашних животных. То есть происходило становление религиозных верований, носивших специфичный скотоводческий характер [12]. По-видимому, в это же время у населения афанасьевской культуры начинает формироваться овцеводство как специализированная отрасль хозяйства, предназначенная для производства шерсти, ставшей основным сырьем для изготовления войлока, необходимого материала для изготовления обуви и одежды и, главное, для сооружения передвижных жилищ [18; 24].

Изучение поздних этапов афанасьевской культуры не дает нам пока точного ответа в археологическом материале данных о населении, продолжавшем и развивавшем традиции ведения скотоводческого хозяйства в Центральной Азии. На Алтае, в Минусинской котловине, в Тыве памятники афанасьевской культуры сменяются окуневской культурой, а затем андроновской, входящими в огромную андроновскую историко-культурную общность, расположенную в целом к западу от центральноазиатского региона и простирающуюся на территории Южного Урала, степях Западного и Центрального Казахстана, Западной Сибири, степных и полупустынных пространствах Средней Азии, хотя в настоящее время представления о глобальной андроновской общности значительно колебались и ее рассматривают как ряд сходных и, возможно, неродственных культур.

В восточной части ареала распространения афанасьевской культуры ее памятники, как упоминалось, встречаются на территории Западной и Центральной Монголии [3]. Вероятно, что часть афанасьевского населения, не подвергнувшаяся влиянию андроновцев или вытесненная ими, оказалась в монгольских степях, где не обнаружено следов пребывания носителей андроновской культуры. Оказавшись в богатых травами монгольских степях, потомки афанасьевцев должны были продвигаться дальше на восток, вглубь монгольских степей, однако памятников, оставленных афанасьевским населением, там пока не выявлено.

В большей степени ответ на вопрос о появлении кочевого скотоводства могут дать археологические материалы из недавно открытых памятников Монголии, объединенных в группы и получивших название чемурчешской культуры (2800–1800 лет до н. э.), мунххайрханской культуры (1800–1500 лет до н. э.), культуры тэвш (1200–700 лет до н. э.) [13; 14]. Хронологически перечисленные памятники по времени бытования соответствуют времени бытования афанасьевской, андроновской и карасукской культур. Однако обобщение всех материалов и их осмысление требуют некоторого времени, и трудно сказать сейчас, являлись ли носители этих культур продолжателями традиций афанасьевской культуры или это было население, ставшее создателями новых культурных традиций, получивших дальнейшее развитие в среде центральноазиатских кочевников.

Вместе с тем, необходимо отметить, что погребальные памятники, оставленные древним населением региона, не дают конкретной информации о том, что захороненные в них индивиды являлись скотоводами, ведущими кочевой образ жизни. Такое восприятие древних насельников региона появилось, во-первых, под влиянием этнографических

данных, когда европейские исследователи, появившиеся в степных, полупустынных и пустынных пространствах Азии, застали здесь население, ведущее кочевое скотоводческое хозяйство и полностью приспособленный к нему образ жизни; во-вторых, сведения письменных источников об европейских и азиатских народах, ведущих непривычный, с точки зрения античных, средневековых и древнекитайских авторов, кочевой образ жизни, нашедший отражение в расхожей формулировке «передвигаются вслед за скотом в поисках воды и травы»; в-третьих, сама экология открытых пространств Центральной Азии, когда занятие кочевым скотоводством являлось едва ли не единственно возможным способом (кроме оазисов) обеспечить население пищевыми и прочими ресурсами. Археологические же погребальные комплексы, оставленные древними обитателями центральноазиатских степей, дают конкретное снаряжение и остатки жертвоприношений животных, находки, которые часто встречаются и в погребениях, оставленных оседлыми земледельцами, в особенности элиты общества, и не дают возможности однозначно определить, что население вело кочевой скотоводческий образ жизни, тем более что для кочевников не характерны какие-то особые орудия труда, наподобие серпов, плугов, зернотерок земледельцев. То есть наши представления о скотоводческой направленности хозяйства и тем более о кочевом образе жизни населения Центральной Азии сложились не только на основе археологической изученности региона, а в результате исследования гораздо более широкого круга данных. Именно совокупность данных различного вида источников – археологических в сочетании с письменными источниками и данным этнографии – позволяет с достаточной определенностью выявить время формирования кочевого скотоводства.

В эпоху бронзы на территории Центральной Азии получает распространение

бронзовый предметный комплекс, представленный кинжалами, ножами, мечами, разнообразными украшениями [2; 12; 19; 20; 26; 28]. Территория распространения предметного комплекса обширна, разнообразна и культурная принадлежность памятников, в которых отмечены находки обозначенного предметного комплекса. В первую очередь это Минусинская котловина, где ранее всех были открыты памятники, объединенные позднее исследователями в собственно карасукскую культуру. Здесь были выявлены погребения в каменных ящиках, поселения, каменные изваяния. Встречавшиеся при раскопках памятников кости домашних животных свидетельствовали о занятии скотоводством, имевшим преобладание в хозяйственной деятельности населения региона. Кости овец, часто встречаемые в погребениях, интерпретировались как свидетельство появления подвижных форм ведения скотоводческого хозяйства. С этими памятниками и был связан комплекс разнообразных бронзовых предметов, получивший, как говорилось, наименование карасукского, хотя большая часть доступных для исследований предметов представляла собой подъемный материал.

Рассматриваемый бронзовый предметный комплекс был выявлен на гораздо более широкой территории, значительно превышающей распространение собственно карасукской культуры Южной Сибири. С. В. Киселевым, поставившим в свое время вопрос о месте формирования карасукской культуры, было обращено внимание на сходные с минусинскими формы кинжалов и других типов бронзовых изделий, происходящих из Северного Китая. Такие же изделия были найдены и в других районах, в частности в Монголии, Забайкалье, в автономном районе Внутренняя Монголия и Синцзян-Уйгурском автономном районе Китая, где встречались вещи карасукских типов [12; 19; 20]. Однако в этих регионах до недавнего времени не было вы-

явлено памятников, соотносимых по времени с карасукской культурой среднего Енисея. На это обращал свое внимание Г. П. Сосновский, подготовивший, но не опубликовавший, в связи со смертью в блокадном Ленинграде, статью «Забайкальский карасук». Впоследствии исследователями было обращено внимание на культуру керексуров, оленных камней и плиточных могил, поскольку именно эти памятники могли быть связаны с карасукским предметным комплексом [4; 19; 20; 23; 26]. В результате многолетних исследований и наблюдений была выявлена принадлежность, по крайней мере части, оленных камней к карасукскому времени. К такому выводу пришли исследователи в результате проведения анализа изображений кинжалов, ножей, п-образных предметов, высеченных в районе пояса, обозначенного на оленных камнях, и сопоставления их с археологическими находками карасукского времени. Контуры изображений кинжалов и ножей на оленных камнях совпадают с находками реальных изделий, хотя ясно, что на оленных камнях прорисовки предметов были сильно стилизованы. Нахождение в одном комплексе оленных камней и керексуров поставило вопрос о датировке этих памятников. Включение в единый культурный комплекс оленных камней, керексуров и каменных кладок с остатками жертвоприношений лошадей позволяет с некоторой долей осторожности отнести их к карасукскому времени [4; 19; 20; 23; 26].

В Тыве, отделенной от Минусинской котловины Восточными Саянами, к памятникам, оставленным населением эпохи бронзы, относятся так называемые монгун-тайгинские курганы, выделенные А. Д. Грачом [5]. Безынвентарность не позволяла точно определить их культурную принадлежность. В последние годы подобные памятники были исследованы А. Д. Цыбиктаровым в южной Бурятии. Поскольку они по внешнему виду не отличаются от большинства

центральноазиатских керексуров, то количество их после детальных раскопок должно увеличиться. Скорее всего, большую часть керексуров (кроме памятников, относящихся к скифскому времени с погребениями в срубках) можно отнести к карасукскому времени [26].

Керексуры часто встречаются на одном могильном поле вместе с плиточными могилами, имеющими широкое распространение по территории Центральной Азии. Относительно места формирования культуры плиточных могил нет еще устоявшейся точки зрения. Однако все исследователи признают, что первоначальный ареал распространения культуры находился в восточной части региона. Нет единой точки зрения и относительно хронологических рамок ее существования. Отдельные исследователи относят время существования культуры плиточных могил к скифскому времени, т. е. к первой половине I тысячелетия до н. э. Часть ученых считают, что культура плиточных могил, по крайней мере ее ранние этапы, восходит к эпохе бронзы, к карасукскому времени и продолжает свое существование в скифскую эпоху [25, с. 9–11]. Мы придерживаемся наиболее аргументированной, на наш взгляд, точки зрения А. Д. Цыбиктарова, который определил нижнюю дату существования плиточных могил XIII веком до н. э. Определение верхней даты существования плиточных могил пока не имеет достаточно надежных обоснований и колеблется в диапазоне между VI и IV вв. до н. э. Зафиксированный факт одновременного существования плиточных могил и керексуров показывает, что, по всей видимости, носители этих культур на каких-то этапах своей истории сосуществовали, хотя характер такого совместного проживания не совсем понятен.

В Восточном Забайкалье карасукский предметный комплекс связан с памятниками дворцовой культуры. В погребениях населения этой культуры

встречаются предметы, относящиеся к карасукскому времени [11].

В Синьцзяне также выделяются памятники, относящиеся к эпохе бронзы и получившие название чемуручской культуры, в которых находятся предметы карасукского облика. То есть этот регион может быть отнесен к району распространения предметов карасукского облика [24].

Хозяйственно-экономическую основу населения, входившего в ареал распространения памятников, условно относимых к карасукскому времени, можно определить по сохранившимся остеологическим остаткам, происходящим из памятников карасукской культуры Минусинской котловины, из погребений дворцовой культуры, из плиточных могил, а также из жертвенников, входящих в единый комплекс с керексурами и оленными камнями. В самих керексурах кости животных, встречающиеся при раскопках, относятся к различным, возможно более поздним, периодам. Нет сведений об остеологических материалах из памятников скотоводческого населения этого времени с территории Северного и Западного Китая. Тем не менее имеющиеся данные позволяют сделать некоторые выводы о хозяйстве населения в исследуемую эпоху.

При изучении собственно карасукских памятников Минусинской котловины встречены кости домашних животных: овец, крупного рогатого скота, лошадей, коз. Из костей домашних животных в погребениях наиболее часто встречались кости овцы [12].

При исследовании дворцовских погребений были встречены в основном черепа лошадей и овец, расположенные в определенном порядке. Без сомнения, это следы сложного ритуала, но нас в данном случае интересует состав стада скота, бытовавшего у дворцовского населения [11]. Среди костей домашних животных, находимых при раскопках плиточных могил, встречались кости овец,

лошадей, крупного рогатого скота, коз. Однако наиболее часто обнаруживались остатки костей лошадей и овец. Кости крупного рогатого скота и коз встречались значительно реже. В основном в плиточных могилах встречались черепа и кости ног, укладывавшиеся на каменные плиты, перекрывавшие могильную яму [6; 25].

Таким образом, в погребениях карасукской и дворцовой культур и в плиточных могилах встречен типичный набор костей животных, характерных для скотоводов центральноазиатского региона вплоть до этнографической современности. Широко известен факт симбиоза лошади и овцы, необходимого для зимнего выпаса животных, когда лошадь и в меньшей степени овца, животные с твердыми копытами, приспособленными к разрыванию глубокого снега, добывали корм так называемой тебеневкой. Крупный рогатый скот и козы, мало приспособленные к подобным действиям, двигались вслед или вместе с конским табуном и сквозь разрыхленный конскими копытами снег добывали корм. Таким образом, в погребальном обряде населения просматриваются черты уже устоявшегося ритуала принесения в жертву домашних животных, что свидетельствует о сложившихся представлениях о посмертном существовании, где умерший продолжает вести тот же образ жизни, что и до смерти. Видовой состав жертвенных животных, по всей видимости, соответствовал составу стада, существовавшему у населения эпохи бронзы и был подобен составу стада этнографических и современных кочевников Центральной Азии.

Помимо остеологического материала погребений кости животных находят в комплексах, имеющих характер культовых сооружений, отражающих как духовную культуру древнего населения, так и особенности его хозяйственно-экономического потенциала.

Такие относящиеся к эпохе бронзы жертвенно-ритуальные сооружения, в состав которых входили керексуры, реже оленные камни и каменные кладки диаметром 4–6–8 м, встречались на территории Монголии и Забайкалья. Число каменных кладок на комплексах достигало нескольких десятков и даже сотен. При раскопках, проведенных близ села Нижний Бургултай в Бурятии, под каменными кладками встречались черепа, шейные позвонки, копыта коней. Характер этих погребений был явно ритуальный. Основным жертвенным животным был конь, который явно пользовался особым почитанием и, видимо, не зря именно коня приносили в жертву древние скотоводы центральноазиатских степей [8; 9]. При раскопках, проводимых на жертвенниках, не встречались фрагменты удила, свидетельствовавших об использовании лошадей под верховую езду.

Остатки масштабных общественных жертвоприношений встретились при раскопках Кумакского комплекса – одного из крупных памятников Восточного Забайкалья, оставленного населением культуры плиточных могил [25]. Здесь также были выявлены остатки сложных обрядовых и ритуальных действий, возникших, скорее всего, под влиянием новых хозяйственно-экономических отношений, связанных с переходом населения к кочевому скотоводству, у которого постепенно складываются духовно-религиозные представления, связанные, по всей видимости, с формированием кочевого образа жизни.

Таким образом, в эпоху поздней бронзы, в карасукское время имели место общественные жертвоприношения животных, совершавшиеся при большом стечении людей, объединенных, вероятно, кровным родством. Количество приносимого в жертву скота может свидетельствовать о наличии крупных стад, взрослых за годы постоянного существования методов выпаса и сохранения молодняка. Существование уже

устоявшихся обрядов с отработанными ритуальными действиями, о чем свидетельствуют десятки археологических комплексов эпохи бронзы в Забайкалье, Монголии, Саяно-Алтае, Минусинской котловине, говорит о сложившихся представлениях населения, которые нашли свое отражение в верованиях этнографически изученного кочевого населения Южной Сибири и Центральной Азии в таких обрядах, как тайлаган у бурят, тайзлга у алтайцев, исыха у якутов.

Материалы, происходящие из различных памятников, показывают, что на территории Центральной Азии в эпоху поздней бронзы продолжались традиции развития преимущественно скотоводческого хозяйственного комплекса. Преобладание среди находок в погребениях Минусинской котловины, в могилах культуры плиточных могил, захоронениях дворцовой культуры остатков костей лошадей и овец может свидетельствовать о появлении тебеневки – наиболее приемлемого в зимнее время способа выпаса скота. Преимущественное сочетание в стаде скота лошадей и овец служит косвенным свидетельством возрастания его подвижности; именно такой состав наиболее оптимален для ведения кочевого хозяйства, связанного с постоянным передвижением. Детальные и полные исследования комплексов, включавших керексуры, оленные камни и каменные кладки с остатками жертвоприношений животных, предоставляют материалы, связанные с общественными жертвоприношениями животных, причем существование хорошо отработанных приемов и методов проведения общественных жертвоприношений коней может свидетельствовать о длительных традициях ведения скотоводческого хозяйства, связанного, вероятнее всего, с подвижным, кочевым образом жизни.

Исходя из имеющихся обобщенных сведений, можно сделать вывод о появлении населения с преимущественно скотоводческим хозяйством в западных

ареалах евразийских степей, проникнувшего туда из вторичных центров производящего хозяйства и ставшего первыми скотоводами этого региона. Формирование хозяйственно-экономических отношений, основанных на скотоводстве, в восточной части степной Евразии связано с афанасьевской культурой, ставшей, по-видимому, основой кочевого скотоводства.

Приведенные данные по Центральной Азии могут свидетельствовать о начале формирования кочевого хозяйства у различных групп населения в эпоху поздней бронзы, в карасукское время, а возможно, и несколько раньше. Можно предположить, что в это время кочевое хозяйство и кочевой образ жизни становятся преобладающими среди населения центральноазиатского региона. Подтверждением этому кроме остеологических материалов из разного вида археологических памятников служат сведения из надписей на жертвенных табличках времени государства Шан Инь (XVII–XIII вв. до н. э.) о существовании на севере племен, передвигающихся вслед за скотом, ведущих кочевой образ жизни [21]. По всей видимости, в это время начинают формироваться основные черты кочевого образа жизни. Полностью сложившихся форм кочевого образа жизни достигает в эпохи раннего железа и средневековья, о которых имеются более подробные сведения письменных источников.

Проводимые исследования показывают, что подвижные формы ведения хозяйства и кочевого образа жизни – далеко не одно и то же. Кроме основных форм хозяйства, связанных с кочеванием, т. е. перемещением скота и его пастухов по определенным маршрутам, до тонкостей отработанных методов выпаса, глубокой переработкой всей получаемой продукции (мясной, молочной, шерсти, кожи, пуха, рога), в результате которой создавалась своеобразная сфера деятельности, свойственная именно кочевни-

кам, кочевой образ жизни предполагает существование целых пластов культуры в самом широком смысле. Сюда можно отнести максимально приспособленные к особенностям кочевого хозяйства жилища, одежду, обувь, головные уборы, средства передвижения, способы консервации мясной и молочной продукции, своеобразную кухню, напитки. Самобытную духовную культуру отражают мифология, фольклор, песенная культура, изобразительное искусство, музыкальные инструменты, мировоззрение, религиозные представления, своеобразные социальные отношения: система родства, брачные нормы, взаимоотношения между родовыми группами, формирование объединений более сложных уровней, складывание политических систем. Этот далеко не полный перечень характерных культурных особенностей, в принципе присущих любой человеческой общности, складывался у кочевников на протяжении сотен лет. Письменные источники доносят до нас удивительно схожие черты разных кочевых народов древности и средневековья, разделенных большими расстояниями. Однако до сих пор еще не решен вопрос о том, когда начался процесс складывания кочевого скотоводства и формирования кочевого образа жизни, как конкретно повлиял переход к подвижным формам скотоводства на духовную жизнь населения и социальное устройство общества.

По мнению большинства исследователей, именно с появлением кочевого скотоводства и кочевого образа жизни возникают предпосылки к возникновению прибавочного продукта в виде больших стад скота и производимой животноводческой продукции. Высокая степень отчуждаемости основного богатства кочевников – скота приводила к постоянным его утонам, междоусобным войнам, вырабатывало постоянную готовность к военным столкновениям и способствовало высокой военной активности кочевых обществ в целом, военизированному

быту и активной внешней политике кочевников. Появление у кочевников предметов роскоши в виде изделий из драгоценных металлов и камней, разнообразных высокохудожественных изделий, шелковых тканей, ковров, находимых в элитных погребениях, свидетельствует

как о разнообразной военной добыче, так и о дифференциации кочевых обществ по имущественному и социальному признаку, складывающихся предпосылках перехода к новым формам организации общества в виде раннего государства.

Литература

1. Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР. – М., 1984.
2. Волков В. В. Бронзовый и ранний железные века Северной Монголии. – Улан-Батор, 1967.
3. Волков В. В. Курганы афанасьевского типа в Монголии // *Studia archaeologica*. – Улан-Батор, 1980. – С. 13–16.
4. Волков В. В. Оленные камни Монголии. – Улан-Батор, 1981.
5. Грач А. Д. Археологические раскопки в Монгун-тайге и исследования в Центральной Туве // *Труды ТКАЭЭ*. Т. 1. – М., 1960. – С. 72.
6. Данилов С. В. Животные в погребальных обрядах ранних кочевников Забайкалья // *По следам древних культур Забайкалья*. – Новосибирск, 1983. – С. 107–112.
7. Данилов С. В. Жертвоприношения животных в ритуалах древних племен Забайкалья как источник по истории религиозных верований скотоводческих народов: автореф. дис. ... канд. ист. н. – Кемерово, 1988. – 23 с.
8. Данилов С. В. Жертвенный комплекс у с. Нижний Бургултай и некоторые вопросы древних обрядов и верований // *Памятники и культуры бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии*. – Улан-Удэ, 1995. – С. 26–38.
9. Данилов С. В. Отражение мировоззрения древних кочевников в археологических памятниках Центральной Азии (на примере археологического комплекса в Нижнем Бургултае) // *Материалы международной научной конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири»*. – Иркутск: Изд-во Иркут. технич. ун-та, 2011. – С. 156–159.
10. Зайберт В. Ф. Ботайская культура // *Степная цивилизация восточной Евразии*. Т. 1: Древние эпохи. – Астана: Култегин, 2003. – С. 39–59.
11. Киряков О. И. Александровский могильник эпохи палеометалла из Восточного Забайкалья // *Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье*. – Улан-Удэ, 1988. – С. 18–26.
12. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. – М., 1950.
13. Ковалев А. А., Эрдэнбатор Д. Ранний и средний периоды бронзового века Монголии в свете открытий международной Центральноазиатской археологической экспедиции // *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири*. – Улан-Удэ, 2010. – С. 89–103.
14. Ковалев А. А., Эрдэнбатор Д. Открытие на юге Монголии памятников новой культуры периода развитой бронзы // *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири*. – Улан-Батор, 2012. – С. 175–182.
15. Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. – М., 1974.
16. Мерперт Н. Я. О племенных союзах древнейших скотоводов Восточной Европы // *Проблемы советской археологии*. – М., 1978. – С. 55–63.
17. Мерперт Н. Я. Энеолит юга СССР и евразийские степи // *Археология СССР. Энеолит СССР*. – М., 1982. – С. 322–331.
18. Молодин В. В. Один из аспектов хозяйственного использования пещер носителями афанасьевской культуры // *Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири*. – Новосибирск, 1989. – С. 3–6.

19. Новгородова Э. А. Древняя Монголия. – М., 1989.
20. Новгородова Э. А. Карасукская культура. – М., 1970.
21. Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). – М.: Восточная литература, 1968. – 177 с.
22. Фрибус А. В. Афанасьевские кромлехи: к вопросу об истоках традиции // Древние кочевники в центре Азии. – Улан-Удэ, 2005. – С. 32–35.
23. Худяков Ю. С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск, 1987. – С. 136–162.
24. Худяков Ю. С., Комиссаров С. А. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. – Новосибирск, 2002.
25. Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии. – Улан-Удэ, 1998.
26. Цыбиктаров А. Д. К проблеме культурно-исторической ситуации в Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток, 1998. – С. 92–99.
27. Цыбиктаров А. Д. Центральная Азия на заре бронзового века (проблемы этнокультурной истории Монголии и Южного Забайкалья в конце III – начале II тыс. до н. э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3. – С. 107–123.
28. Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской культуры. – М.: Наука, 1972. – 248 с.
29. Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. – М.: Наука, Восточная литература, 1980. – 333 с.
30. Шнирельман В. А. Происхождение производящего хозяйства. – М.: Наука, Восточная литература, 1989. – 445 с.

С. Е. Саранцева¹, С. В. Данилов²

¹Институт истории, археологии и этнографии НДВ ДВО РАН (Россия).

²Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИЧЕСКИХ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОНГОЛЬСКОЙ УСАДЬБЫ НАРСАТУЙ В БУРЯТИИ*

The article discusses some of the results of the study collection of ceramic tiles, found during excavations of the medieval Mongol estate Narsatuy in Buryatia. Identified several types of tile, renovated its manufacturing technique and application. The nearest analogy – materials of estates Alestuy and Hishirinskoye settlement in Transbaikalia

В фондах Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ) хранится небольшая коллекция керамических изделий – кирпичи и черепицы, обнаруженная при раскопках средневекового монгольского сооружения у с. Нарсатуй Мухоршибирского района Бурятии. Анализ материалов, полученных в результате этих работ, дал возможность датировать эту постройку XII–XIV вв. и отнести ее к кругу аналогичных памятников, расположенных на территории Тувы, Забайкалья и Монголии (Данилов, Гречищев, 1989, с. 14). В литературе имеются весьма скудные сведения относительно керамических строительных материалов, обнаруженных при раскопках этой усадьбы, несмотря на то, что черепица и кирпичи являются самыми многочисленными, массовыми находками (Данилов, Гречищев, 1989, с. 14; Данилов, 1992, с. 142). В последнее время в связи с вновь возникшим интересом к памятникам культуры монголов на территории Забайкалья, авторы нашли возможность ещё раз предпринять попытку исследовать эту коллекцию.

Раскопанная постройка была исследована в 1987–1989 гг. Она находилась в северной части вышеупомянутого села, на левом берегу р. Сутайки. Остатки усадьбы первоначально представляли собой овальный холм, вытянутый по линии восток–запад, размером 15×20 м и высотой около 1 м. В результате исследований было установлено, что усадьба – здание колоннадной конструкции с кирпичными стенами высотой в 7–8 кирпичей и полом, деревянными колоннами, стоящими на гранитных плитах-основаниях, часть из которых явно имела следы тщательной обработки. Общая площадь раскопанного здания составляла не менее 300 кв. м. Крыша постройки была покрыта черепицей. Последняя залегала в беспорядочных направлениях, выпуклой стороной вверх и вниз, и по предположению, она рухнула не сразу, а сползла со стро-

* Работа выполнена при финансовой поддержке совместной программы СО РАН и ДВО РАН 2012–2014, № 12-II-CO-11-031, «Монголы и тунгусо-маньчжур: этнокультурное взаимодействие в Забайкалье, Примурье и Северо-Восточном Китае в раннем средневековье».

Эпоха средневековья

пил и обрешетки в течение некоторого периода времени (Данилов, 1992, с. 141). В тот момент выявить конструктивные особенности кровли не удалось (Данилов, 2004, с. 83).

В сферу нашего внимания попали изделия (всего – 52 экз.) из раскопов 1988 и 1989 гг. Несмотря на высокую степень их фрагментарности (к сожалению, ни одного целого или полнопрофильного образца), удалось определить остатки нескольких типов черепицы.

Ассортимент и назначение. Собранная черепица в коллекции представлена следующим образом.

Плоская простая черепица имеет вид широкого желоба. Лицевая (внешняя) поверхность черепицы гладкая, по форме выгнутая, тыльная (внутренняя) – вогнутая. Ширина плоской черепицы составляла 1/4 окружности, по сути, хорду; черепица в продольном сечении трапециевидной формы, ширина нижнего края всегда больше верхнего. Черепица этого типа укладывалась непосредственно на обрешетку, начиная от карниза крыши вверх до конька, в разбежку, перекрывая своими широкими концами одна другую таким образом, чтобы вышележащая черепица смещалась по сравнению с нижележащей на половину или на треть её длины. Черепица этого типа всегда составляла основу любой кровли.

Коллекция насчитывает 4 фрагмента изделий определенно относящихся к этому типу. Один из них – экземпляр с полностью сохранившейся длиной – 28,8 см. Еще три фрагмента плоской простой черепицы представлены нижними частями изделий с сохранившимися параметрами ширины широкого края – 19,2, 19,4 и 20 см. Толщина у вышеупомянутых образцов варьирует от 1,8 см до 2 см.

Плоская черепица с отливом по форме аналогична плоской (простой), но имеет на своём нижнем широком конце отлив – отгиб широкого края с орнаментированной лицевой поверхностью, расположенный под углом по отношению к самой черепице. Черепица с отливом располагалась на карнизе крыши постройки. Группа изделий этого типа – самая многочисленная в коллекции, насчитывает 37 экземпляров, представленных, в основном, фрагментами отливов. Угол отгиба отливов черепиц из Нарсатуя косой, близок к 120°. Сохранившиеся параметры фрагментированных изделий следующие. Ширина отлива 4–5,5 см, толщина 1,7–2,9 см, толщина 1,6–2,9 см. Один из фрагментов плоской черепицы с отливом сохранился наиболее хорошо. Ширина его широкого края составила 15,5–19 см. Ширина отлива 5,5 см, толщина 2 см (рис. 1).

Рис. 1. Плоская черепица с отливом, обнаруженная при исследовании усадьбы Нарсатуй

На лицевой поверхности отливов декор двух видов (групп), близкий друг к другу по своему содержанию. Общим для них является разделенная глубокими горизонтальными желобками поверхность отливов на несколько равных частей, образующих несколько валиков и бороздок. При этом вариации не носили принципиальный характер и были произведены одними и теми же орнаментами.

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ МОНГОЛИИ И БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ

Рис. 2. Плоская черепица с отливом, обнаруженная при исследовании усадьбы Нарсатуй

Группа декора 1 представлена 24 образцами. Декор в этом случае представлял собой разделенных глубокими желобками четыре валика. Первый (самый верхний) и второй валики были покрыты оттисками двух-трех зубчатого штампа, расположенные слева направо или вертикально. Третий валик оставался пустым, а четвертый опять заполнен оттисками штампа аналогично верхним валикам (рис. 2).

Группа декора 2 на черепице (13 фрагментов) имела не «заполненные» оттисками первый (верхний) и третий валики. Второй и четвертый также были покрыты оттисками трехчастного штампа (рис. 1).

Боковая поверхность отливов на черепице из Нарсатуя также покрыта орнаментом в виде оттисков трехчастного штампа, имитирующего веревку, располагающихся слева направо. Любопытно, что эти оттиски произведены неглубоко и не образуют на черепице волнистого края.

Еще четыре фрагмента черепицы с сохранившимися параметрами ширины узкого края – 16 и 17 см и толщиной изделий – 1,7 и 1,8 см. Кроме этого, еще у двух сохранилась только толщина – 1,7 и 1,8 см. Изделия могли являться как плоской простой, так и плоской черепицей с отливом.

Несколько фрагментов изделий можно отнести к черепице «специального» назначения. Все они относятся к категории плоской; изначально имели форму длинных прямоугольных или трапециевидных брусков, один из концов черепицы мог быть несколько шире другого. Черепица подобного типа предназначалась в качестве покрытия и внешнего оформления конька крыши. Она укладывалась в несколько слоев, одна на другую выгнутой стороной вверх. Внешняя (выгнутая) поверхность черепицы гладкая, внутренняя вогнутая, с отпечатками ткани. По разнице в размерах можно попытаться выделить следующие типы.

Плоская узкая черепица: 2 фрагмента шириной 5 см и 6,5 см. Соответственно толщина их составила 2,7 и 2,5 см.

Плоская прямая черепица, также 2 фрагмента, сохранившиеся параметры ширины у обоих экземпляров 9 и 9,4 см. Толщина черепиц 2, 6 и 2,7 см.

Полуцилиндрическая черепица без хвостовика в коллекции представлена единственным фрагментом верхней части изделия. Изначально этот тип имел вид узкого желоба, ширина которого составляла 1/2 окружности, в продольном сечении в виде прямоугольника, внешняя поверхность всегда гладкая, внутренняя — с оттисками ткани.

Из параметров возможно установить только ее ширину, которая составила 12,3 см, и толщину – 1,2 см. Черепица этого типа покрывала плоскую (простую) и укладывалась выгнутой стороной вверх, перекрывая соединительные швы, образованные уложенной плоской простой черепицей, а также могла принимать участие в устройстве гребня крыши и боковых коньковых скатов.

Эпоха средневековья

Еще один небольшой образец полуцилиндрической черепицы толщиной 1,9 см, относился, вероятно, к этому же типу.

Кроме вышеописанных изделий был обнаружен крайне незначительный по сохранившимся размерам фрагмент, который, к сожалению, по этой причине невозможно отнести к какому-то определенному типу. Остается предположить, что это может быть верхняя черепица.

Технология изготовления. Черепица памятника представляет собой довольно тяжелые и массивные изделия с рыхлым черепком, изготовленные из сильно запесоченной глины: визуально в свежих изломах определяется много включений белого цвета, поверхности ее довольно грубые на ощупь. Судя по качеству черепка, имел место низкотемпературный обжиг, либо несбалансированный состав глиняного теста.

Формовка черепицы происходила на специальных шаблонах двух типов. Для производства плоской черепицы применялся шаблон усеченно-конической формы, для полуцилиндрической – шаблон цилиндрической формы. На усеченно-коническом шаблоне одновременно можно было изготовить четыре плоские простые или плоские черепицы с отливом, или восемь или двенадцать черепиц «специального» назначения. На цилиндрическом шаблоне возможно произвести только две черепицы соответствующих типов.

Отпечатки на черепице позволяют реконструировать некоторые операции, сопровождающие формовку черепицей, а также устройство шаблонов.

Для лучшего снятия изделий с шаблона он покрывался тканью. Ткань, исходя из отпечатков на внутренней поверхности, очень плотная, мелкоячеистая, изготовлена из тонкой нити. На некоторых фрагментах сохранились отпечатки швов на ткани вертикального направления, назначение которых – подгонка ткани на шаблоне. Кроме этого, на одном из фрагментов черепицы зафиксирован отпечаток заплатки на ткани.

Несмотря на немногочисленность фрагментов, черепица обоих типов, обнаруженная при исследовании усадьбы формовалась на шаблоне ленточным способом, хотя ленты фиксируются не часто. Отпечатки, как правило, располагаются на черепице горизонтально; в одном случае сохранились следы в виде оттисков стыков двух лент. Плоская простая черепица также имеет оттиски парных углублений, призывавших к боковым стыкам черепицы с обеих сторон, являвшихся принадлежностью шаблона, которые, однако, носят нерегулярный характер, располагаются на расстоянии около 5 см от верхнего и нижнего краев черепицы.

Верхний торец плоских черепиц покатый, нижний имеет неодинаковое оформление: встречаются образцы как с грубым, необработанным краем, так и очень гладкие, подрезанные ножом.

Внешние поверхности черепиц относительно гладкие, имеют следы затирания инструментом в направлении наносок, отпечатки которого образуют мелкие бороздки шириной до 0,2 см.

Плоская черепица «специального» назначения имеет большую толщину, в отличие от образцов других типов. Судя по неровным боковым стыкам, разделена она была на части уже в сильно подсушенном состоянии. На внутренней поверхности черепицы, в нижней ее части отпечатки ткани не зафиксированы, вместо них – несколько оттисков дощечек шаблона. Ширина последних составляет от 1,8 до 2,1 см.

Один из двух фрагментов полуцилиндрических черепиц имеет деформированный при формовке верхний край. На внешней поверхности другого фрагмента зафиксированы формовочные пустоты подтреугольной формы, образовавшиеся в результате затирания черепицы на шаблоне при формовке.

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ МОНГОЛИИ И БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ

Отливы изготовлены еще на шаблоне, оттибом наружу нижней ленты с добавлением некоторого количества глиняной массы. Они обладают срезанными боковыми краями, при этом часть стыков имеют отпечатки разделяющих черепицу ножей. Зафиксировано широкое заглаживание внутренней поверхности черепицы после изготовления отлива. Следующей операцией было нанесение декора на его поверхности.

Несмотря на то, что рассмотренная коллекция в количественном отношении очень невелика и сильно фрагментирована, можно сделать некоторые предварительные выводы, касающиеся изготовления и применения черепицы в одной из немногочисленных усадеб монгольского времени. Техника изготовления черепицы аналогична изученным комплексам Хирхиринского городища и усадьбы Алестуй в Забайкальском крае (Киселев, 1961, 118–119; Крадин, Саранцева, Харинский, Ковычев, 2012, с. 383–386). Черепица достаточно грубая, кустарно изготовленная. Ассортимент черепицы «не полон». Отсутствует полуцилиндрическая черепица с концевыми дисками, полуцилиндрическая простая (?) найдена в количестве двух фрагментов. Очевидно, что роль кроющей и покрывающей черепицы в кровле усадьбы играла плоская простая черепица. Карниз здания был украшен плоской черепицей с отливом. Судя по показателям величины угла отгиба отлива плоской черепицы, излет крыши был небольшим. Аналогичная ситуация была выявлена при исследовании другого монгольского памятника – усадьбы Алестуй в Забайкалье (Крадин, Саранцева, Харинский, Ковычев, 2012, с. 383). Исследованная коллекция содержит обломки гребневых черепиц, что является свидетельством явно выделяющегося конька крыши. Декор на отливах плоских черепиц обнаруживает устойчивое сходство с аналогичными памятниками Забайкалья. Вместе с этим, любопытно, что общими для трех изученных комплексов является единый размерный стандарт применявшейся в постройках черепицы, а также кирпичей. Он равнялся 28–29 см по длине изделий, в отличие, например, от сунского и чжурчженского, (30,5 и 32 см соответственно). Таким образом, исследование керамических строительных материалов усадеб позволяет предположить их относительно близкую датировку.

Список литературы

- Данилов С. В., Гречищев Э. Р. Средневековые поселения Западного Забайкалья // Материалы по средневековой археологии Дальнего Востока и Забайкалья. Владивосток: 1989. С. 13–16.
- Данилов С. В. Средневековые поселения Западного Забайкалья (к постановке проблемы) // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. Новосибирск: Наука, 1992. С. 137–145.
- Данилов С. В. Города в ключевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 201 с.
- Киселев С. В. Город монгольского Исуна на р. Хирхир в Забайкалье // Советская археология. 1961. №1. С. 103–127.
- Крадин Н. Н. и др. Исследование средневековой монгольской усадьбы Алестуй в Забайкалье / Н. Н. Крадин, С. Е. Саранцева, А. В. Харинский, Е. В. Ковычев // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы III Междунар. конф. Т. I. Улан-Батор, 2012. С. 381–387.

Данилов Сергей Владимирович,
*доктор исторических наук, доцент, зав. отделом
истории и культуры Центральной Азии
Института монголоведения, буддологии,
тибетологии СО РАН*

Именохоев Николай Владимирович,
*научный сотрудник отдела истории и культуры
Центральной Азии Института монголоведения,
буддологии, тибетологии СО РАН*

Коновалов Прокопий Батюрович,
*доктор исторических наук, профессор, ведущий
научный сотрудник отдела истории и культуры
Центральной Азии Института монголоведения,
буддологии, тибетологии СО РАН*

Проблемы средневековой археологии Центральной Азии

(«Статья написана при поддержке
«Интеграционного проекта РАН № 92»)

Средневековая история Центральной Азии – важный исторический период в том отношении, что в это время, особенно в позднем средневековье, начинают формироваться этнические группы, ставшие основой современного населения региона. В тоже время многие особенности традиционной культуры, сложившиеся в древности, были присущи средневековым народам Центральной Азии, то есть просматриваются многосторонние культурные связи между народами, отделенными друг от друга большими временными интервалами. Одной из характерных особенностей истории региона было наличие многочисленных групп населения различного этнического происхождения, участвовавших в исторических процессах. Это – народы монгольского, тюркского, тунгусского происхождения, а также потомки древнего самодийского и иранского населения. Письменные источники этого периода известны нам по переводам с китайских летописей и исторических сочинений, сочинений среднеазиатских, арабских, армянских авторов, европейских купцов и посланников, жизнеописаний выдающихся деятелей культуры и политики. Известны также тюркские надписи и эпитафии, выполненные рунами на каменных поверхностях и металле и более поздние уйгурские надписи, выполнявшиеся на различных материалах. В позднем средневековье известны сочинения, написанные монгольскими авторами, из которых наиболее известно так называемое «Сокровенное сказание» анонимного автора, по всей видимости, близко знакомого с событиями, происходившими в XIII в. в монгольских степях. Широко известен «Сборник

летописей», подготовленный под руководством Рашид ад-Дина, визиря Газан-хана из династии Хулагидов. К написанию этого грандиозного труда им были привлечены многие очевидцы исторических событий, повлекших создание монгольской империи.

В настоящее время, благодаря нескольким поколениям ученых историков, археологов, этнографов, источниковедов, история центральноазиатского региона известна достаточно хорошо. Исходя из сведений исторических источников известно, что в Центральной Азии в эпоху средневековья длительное время проживало население, состоящее в основном из потомков древних народов хунну и дунху. После падения хуннской державы часть хуннского этноса в 120 тысяч семейств принимает народное имя сяньби, и с этого времени в центральноазиатских степях вплоть до VI в. устанавливается приоритет монголоязычных племен. Установившееся в V в. господство в регионе жужаней, которых сложившаяся историческая традиция считает конгломератом различных по этническому происхождению групп населения при преобладании монголоязычного субстрата, и распространив свое господство до пределов современного Синьцзяна, привело к переселению в пределы Алтая какой-то части тюркского этноса. Причем под Алтаем подразумевается, по всей видимости, горная система, включающая Большой, или Русский Алтай, Монгольский Алтай и Гобийский Алтай. Тюрки, по свидетельству источников, попав в зависимость от жужань, должны были разрабатывать полезные ископаемые алтайских гор для нужд Жужаньского каганата. Воспользовавшись внутренними неурядицами, происходившими в Жужаньском каганате, тюрки подняли восстание и свергли господство жужань, создав собственное государство – Тюркский каганат. Военные походы тюрков, объединивших под своей властью не только тюрков, проживавших в пределах Алтая, но и все тюркские народы, обитавшие на территории Центральной Азии и Восточного Туркестана, позволили им в короткий срок завоевать огромную территорию от Хинганской горной системы на востоке до каспийско-черноморских степей на западе. Концом тюркского господства в Центральной Азии можно считать вторжение киданей, создавших могущественную империю Ляо и расширившими свое влияние до Средней Азии, где они основали государство Западное Ляо. С воцарением киданей, степи Центральной Азии вновь переходят под господство монголоязычных народов. Преемниками киданей в центральноазиатском регионе стали монголы, создавшие при Чингис-хане величайшую империю древности, равной которой не основывал ни один, ни кочевой, ни оседлый народ средневековья. Однако, не все детали картины исторических процессов восстанавливаются при помощи письменных источников. Общая канва исторических событий эпохи средневековья, реконструируемая при помощи письменных источников, дополняется данными археологии.

Раскопки археологических памятников на территории Центральной Азии и получение материалов и новых данных началось с исследований в XVIII веке в Южной Сибири и Забайкалье древних курганных могильников и плиточных могил. Их хронологическая и этническая интерпретация была, в основном, малоубедительна и отражала общее состояние исторической науки того времени, однако, первые шаги в познании древней истории были сделаны, и со временем большая часть археологических памятников получила достаточно надежное хронологическое обоснование. Проводились работы по определению этнической принадлежности погребенных в древних курганах и могильниках. Для этого использовались методологические принципы, выработанные европейскими и российскими археологами, которые постоянно совершенствуются, давали историческую картину, все более приближающуюся к действительности.

За годы археологических исследований на территории Центральной Азии были изучены тысячи объектов, раскопаны сотни курганов и могил, изучены десятки городищ. Наиболее ранними археологическими памятниками эпохи средневековья считаются погребальные комплексы сяньби, выявленные исследованиями последних десятилетий XX столетия в Хулунбуирском аймаке Автономного района Внутренней Монголии Китая. Анализ всех деталей погребального обряда и предметного комплекса, обнаруженного при раскопках, позволил связать выявленные памятники с племенами сяньби. Исследования последних лет в Приаргунье позволили выделить новую археологическую культуру, получившую название Зоргольской [1, С. 4].

Основная масса исследованных захоронений датируется рубежом и первыми веками н.э., и при сопоставлении с данными письменных источников, по мнению исследователей, возможно с большой долей уверенности связать эти археологические памятники с одним из наиболее известных сяньбийских племен – тоба.

На территории Монголии и Западного Забайкалья подобные археологические комплексы пока не выявлены. Нет пока и памятников, которые можно было бы связать с жужанями. Хотя объединение жужаней по сведениям письменных источников было конгломератом разнотнических групп населения, все же пока не удастся связать с жужанями какие-либо археологические памятники.

Археологические памятники древних тюрков за более чем полутора-столетнюю историю изучения довольно хорошо известны, и их исследования с разной степенью интенсивности продолжаются до настоящего времени. Они выявлены на территории Саяно-Алтая (с включением Монгольского Алтая), Западной и Центральной Монголии, Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, в казахских степях. В большинстве своем это погребальные и культово-поминальные памятники.

Раскопки археологических памятников на территории Центральной Азии и получение материалов и новых данных началось с исследований в XVIII веке в Южной Сибири и Забайкалье древних курганных могильников и плиточных могил. Их хронологическая и этническая интерпретация была, в основном, малоубедительна и отражала общее состояние исторической науки того времени, однако, первые шаги в познании древней истории были сделаны, и со временем большая часть археологических памятников получила достаточно надежное хронологическое обоснование. Проводились работы по определению этнической принадлежности погребенных в древних курганах и могильниках. Для этого использовались методологические принципы, выработанные европейскими и российскими археологами, которые постоянно совершенствуются, давали историческую картину, все более приближающуюся к действительности.

За годы археологических исследований на территории Центральной Азии были изучены тысячи объектов, раскопаны сотни курганов и могил, изучены десятки городищ. Наиболее ранними археологическими памятниками эпохи средневековья считаются погребальные комплексы сяньби, выявленные исследованиями последних десятилетий XX столетия в Хулунбуирском аймаке Автономного района Внутренней Монголии Китая. Анализ всех деталей погребального обряда и предметного комплекса, обнаруженного при раскопках, позволил связать выявленные памятники с племенами сяньби. Исследования последних лет в Приаргунье позволили выделить новую археологическую культуру, получившую название Зоргольской [1, С. 4].

Основная масса исследованных захоронений датируется рубежом и первыми веками н.э., и при сопоставлении с данными письменных источников, по мнению исследователей, возможно с большой долей уверенности связать эти археологические памятники с одним из наиболее известных сяньбийских племен – тоба.

На территории Монголии и Западного Забайкалья подобные археологические комплексы пока не выявлены. Нет пока и памятников, которые можно было бы связать с жужанями. Хотя объединение жужаней по сведениям письменных источников было конгломератом разнотнических групп населения, все же пока не удастся связать с жужанями какие-либо археологические памятники.

Археологические памятники древних тюрков за более чем полутора-столетнюю историю изучения довольно хорошо известны, и их исследования с разной степенью интенсивности продолжаются до настоящего времени. Они выявлены на территории Саяно-Алтая (с включением Монгольского Алтая), Западной и Центральной Монголии, Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, в казахских степях. В большинстве своем это погребальные и культово-поминальные памятники.

Особо следует выделить памятники городской культуры уйгуров, которые в отличие от тюрок первого и второго каганатов, начали массовое строительство городов по всей территории создаваемого ими государства. Они известны в долинах Орхона, Селенги и на территории Тывы. Особенно показателен для характеристики уйгурского государства столичный город Орду-Балык, общей протяженностью более 25 километров. Стены цитадели даже в современном состоянии достигают десяти метров. Раскопками выявлены городские кварталы, усадьбы зажиточных горожан, высокий уровень материальной культуры жителей в целом. Одним из основных элементов уйгурской культуры являются монументальные сооружения, воздвигнутые в честь выдающихся деятелей каганата, с описанием их заслуг перед государством и народом.

В последнее десятилетие в долине Орхона были раскопаны монументальные погребальные сооружения, сложенные из кирпича и сырцово-глины, под которыми находились выложенные из кирпича склепы с захоронениями людей. Погребальный инвентарь почти отсутствовал, но по ряду косвенных признаков эти сооружения могли принадлежать представителям уйгурской знати. То есть в изучении погребальной обрядности средневековых уйгуров открыты новые неизвестные доселе черты.

Исследования забайкальских археологов позволили говорить о лесном и степном вариантах бурхотуйской культуры. Если в лесной зоне, судя по археологическому материалу, население было оседлым, то, при выходе в степь, характер культуры менялся. Это чрезвычайно важное наблюдение было сделано на большом количестве исследованных захоронений, как в горно-таежной зоне за Борщовочным хребтом, так и в открытых долинах степных рек Аги и Онона. Степные могильники менее представительны и содержат не более 10–15 захоронений. В степном варианте бурхотуйской культуры нет городищ и поселений. Дальнейшие раскопки позволят полнее исследовать переход от оседлости к кочеванию населения бурхотуйской культуры.

Среди памятников бурхотуйской культуры выявлены погребения, в которых выделялась целая серия различных предметов, имеющих тюркский облик: костяные подпружные пряжки, удила с пластинчатыми и S-видными псалиями, бронзовые пряжки с щитками и без них, украшения узды и сбруи, накладки на ремни, концевые бляхи, серьги с подвесками, крючки от колчанов, а также железные наконечники стрел. Наиболее часто тюркские вещи встречаются в погребениях, в которых костяки лежат скорченно, на левом или правом боку, головой на ССВ. Эти погребения отличаются от остальных бурхотуйских памятников и рядом других особенностей. К ним относятся, в частности, слабое надмогильное перекрытие погребений, неглубокие могильные ямы и отсутствие в погребениях целых глиняных сосудов. Большая часть сосудов, извлеченных из погребений со скорченными костяками, существенно отличается от остальной бурхотуйской керамики формой и

орнаментом. Читинскими археологами эти памятники были выделены в особую ингодинскую группу, а затем обособлены в дарасунскую культуру, датируемую исследователями концом I тыс. н.э. [1,2,3].

В то же время в памятниках Западного Забайкалья выявляется сероглиняная керамика со штампованным орнаментом в виде ромбиков, квадратов и «елочки» – один из индикаторов уйгурской культуры. Подобный тип керамики, впервые отмеченный в погребении Узкое место, впоследствии был выявлен еще в ряде памятников. Она представлена в коллекциях музея истории Бурятии: Дурены (колл. НВФ 2657 – 16026); Средние Дурены (колл. 3388 – 44); Вахмистрово (колл. ОФ 8100 – 5100). В Кяхтинском музее: возле Кяхты (колл. 3388 – 39); второе местонахождение, рядом с Кяхтой (колл. 3320 – 11); в Харанхое (колл. 3505 – 15), в Дырестуйском Култуке. Новые сборы подъемного материала в столице уйгуров Орду-Балыке, кроме хорошо известных штампов в виде ромба, дали не встреченные ранее типы штампованного орнамента в виде вписанных полукружий и завитков. В Забайкалье керамика со штампом в виде концентрических кругов найдена Г.П. Сергеевым в Хоринском районе у села Загустай (музей истории Бурятии, колл. ОФ 4831). Штамп в виде полукружий отмечен на керамике, найденной С.В. Даниловым на хунинском городище Баян-Ундэр на реке Джиде. Точное время появления в Западном Забайкалье подобной керамики пока неясно. Было ли это время телеского подчинения древним тюркам, или время уйгурского великодержавия пока не совсем понятно.

Кроме находок керамики на донных стоянках на территории Бурятии известен ряд могильников, содержащих материал, так называемого, «тюркского облика»: Хойцегор, «На Увале», Тапхар, Баянгол, Бухусан, Харга, Алтан, изучавшихся Ю.Д. Талько-Грынцевичем, Г.П. Сосновским, Е.А. Хамзиной, Л.Г. Ивашиной. География распространения этих памятников на территории Бурятии довольно широка: от Баргузинской долины и Еравнинских озер на севере до междуречья Селенги, Чикоя и Хилка на юге. В свое время данный комплекс на довольно немногочисленных материалах был выделен из средневековых древностей Забайкалья Г.П. Сосновским и датирован VII–X вв. и по наиболее раннему открытому Ю.Д. Талько-Грынцевичем памятнику получил название хойцегорской группы. В дальнейшем, после раскопок Л.Г. Ивашиной ряда погребений на могильниках Бухусан, Харга, Алтан, сводную характеристику материалов из раскопанных погребений дал Л.Р. Кызласов, объединивший эти памятники в хойцегорскую культуру [6]. В погребениях были найдены конское снаряжение, остатки луков и наконечники стрел, наборные пояса из бронзовых позолоченных бляшек и пряжек, часто украшенные растительным орнаментом. На отдельных бляхах имеются изображения головы человека с пышными пучками локонов, в оригинальном головном уборе типа короны. Просматривается

близость изображений головы человека на хойцегорских бляшках к стилистике сасанидской торевики [7]. Сходство хорошо видно по композиции, прорисовке лиц и по полумесяцу, охватывающему снизу хойцегорские изображения. То есть здесь просматриваются западные мотивы, свидетельствующие о широком художественном кругозоре средневековых мастеров. Керамические изделия из погребений и поминальных комплексов в основном баночные сосуды, широко распространенные в кочевой среде.

Датируемыми предметами являлись трех- и четырехлопастные наконечники стрел, бронзовые бляшки и пряжки от наборных поясов, отдельные детали конского снаряжения, хорошо известные в археологических памятниках Саяно-Алтая, Хакасии, Монголии. В целом можно говорить о широкой датировке хойцегорского комплекса тюркским временем. Точку зрения Г.П. Сосновского, Е.А. Хамзиной и Л.Р. Кызласова об отнесении населения этого времени к тюркоязычным племенам периода существования Уйгурского каганата можно принять в качестве гипотезы. В ее поддержку можно привести сведения письменных источников о бегстве уйгуров после кыргызского вторжения в разные стороны, в том числе и в Забайкалье, и широкое распространение штампованной керамики из дюнных стоянок. Однако вопрос об этнической принадлежности населения, оставившего исследуемые памятники, остается пока открытым.

Подобные явления, когда отдельные предметы и целые серии разнообразных изделий попадают в инокультурную среду, широко известны как в археологии, так и в этнографии. Это находки предметов скифского облика в культуре плиточных могил, хуннских изделий в Минусе и на Алтае и т.д. Все это свидетельство каких-то связей: торговых, брачных, возможное проникновение отдельных воинских контингентов в иноэтническую среду и т.д. Письменные источники, свидетельствующие о падении Жужаньского каганата и последующих завоеваниях тюрков, говорят о завоевании ими шивэй, мохэ, киданей. Однако основной массив населения центральной и восточной Монголии и, по всей видимости, примыкающих районов Забайкалья с сяньбийско-жужаньского времени был монголоязычным. Появление в бурхотуйской культуре, которую связывают с монголоязычными племенами шивэй, новых групп населения, в погребальном обряде которых появляются отдельные вещи, присущие тюркскому предметному комплексу, вполне закономерен. Такие же процессы происходили в Западном Забайкалье, где отдельные группы населения оставили памятники хойцегорского, а в Восточном Забайкалье памятники дарасунского типов. Процессы проникновения отдельных элементов и даже целых пластов культуры от одних народов к другим и наоборот присутствуют во все времена и во всех культурных общностях, тем более, что предметы, относимые к тюркскому комплексу, внешне привлекательны (особенно принадлежности поясного набора и

украшения), и имеют широкое распространение по всему поясу евразийских степей и далеко за его пределами. Однако, отсутствие характерных тюркских памятников: погребений с конем, каменных статуй, изображающих человека, каменных оградок говорит, скорее всего, о том, что местное население восприняло отдельные черты тюркской материальной культуры, но о полной тюркизации Забайкалья и Восточной Монголии, скорее всего, при имеющихся у исследователей материалах, говорить не приходится. Исходя из общей политической ситуации, тюркам, особенно после распада I Тюркского каганата на западный и восточный, подчинению танскому Китаю, и непрерывных войн II Тюркского каганата, тюркской верхушке было не до ассимиляции населения восточных окраин своей империи. Людской потенциал, в связи с постоянной военной мобилизацией, был, по-видимому, ограничен, и держать крупные контингенты войск на далеких восточных и северных границах было обременительно. Государственная политика строилась на подчинении и удержании в зависимости посредством созданной ими административной системы отдаленных земель, управляемых наместниками-тутуками, опиравшимися на местную элиту. В то же время появляются сведения, что тюрки, даже находясь под властью танского Китая, предпринимали военные действия против своих восточных соседей мохэ и, возможно, шивэй, по всей видимости, с целью подавления сепаратистских тенденций. В таком случае опора только на местную элиту и войско из местного населения была недостаточным фактором для сохранения региона под своей властью. Необходимо было военное присутствие в виде военных гарнизонов, военных поселений, однако следов таких поселений пока не обнаружено. Тем не менее, проблема присутствия тюркоязычного населения на территории отдаленных восточных окраин тюркских каганатов, в том числе и Забайкалья, не снимается и появляющиеся время от времени сведения о находках памятников тюркского времени, например погребений с конем, только создают повод для дискуссий.

Таким образом, появившиеся за последние десятилетия археологические материалы, а также новые представления об этническом, социальном, политическом положении, состоянии, существовавшем в центральноазиатских степях в эпоху средневековья, требуют новых подходов, как для воссоздания общенациональной картины, так и детализации отдельных периодов средневековой истории.

Длительное время существовавшие расплывчатые представления о характере взаимоотношений между древними и средневековыми этническими группами тюркского и монгольского происхождения упирались в неполноту археологических данных и отрывочность сведений письменных источников. Сейчас с появлением новых археологических данных и рассмотрением их под несколько иным углом зрения может несколько прояснить этнополитическую ситуацию, сложившуюся в центральноазиатском регионе в эпоху

средневековья. Складывающаяся, по крайней мере, с эпохи плиточных могил общность населения формировалась, по всей видимости, на основе центральноазиатского антропологического типа и, по всей видимости, на монгольской языковой общности. Подвергавшаяся воздействию самых различных влияний эта общность была подвергнута серьезнейшему давлению со стороны тюркских этнических групп, в первую очередь тую и теле, максимально проявившемуся в VI в., в эпоху создания государственности средневековых тюрков: Тюркских и Уйгурского каганатов. В археологическом материале это нашло отражение в виде широкого распространения предметов так называемого «тюркского облика», распространившихся на обширных пространствах степной и лесостепной Евразии. Некоторые элементы тюрко-монгольского взаимодействия проявились в традиционной культуре, религиозной обрядности, языке. В настоящее время необходимы широкомасштабные изыскания по истории, археологии, этнографии, языкознанию для выявления и детализации процессов тюрко-монгольского взаимодействия в центральноазиатском регионе в эпоху средневековья.

Литература:

1. Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Литвинцев А.Ю. Граффити на бересте саяно-биринского могильника Зоргол – I // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. XXXVIII РАЭСК, посвящ. 90-летию акад. А.П. Окладникова. – Улан-Удэ, 1998.
2. Кириллов И.И. Восточное Забайкалье в древности и средневековье. – Иркутск, 1979. – С. 62–65;
3. Ковычев Е.В. История Забайкалья (I – сер. II тыс. н.э.). – Иркутск, 1984. – С. 16–24.
4. Ковычев Е.В., Яремчук О.А. Погребальный обряд могильника Зоргол-I // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: Мат-лы 40-й РАЭСК. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. – Т. 3. – С. 60–69.
5. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гунов до маньчжуров. – М., 1997. – С. 145.
6. Средневековые памятники Западного Забайкалья (IX–X вв.). Степи Евразии в эпоху средневековья. – С. 59–61, рис. 35.
7. Тревер Т.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. – М., 1987.

HISTORICAL & ARCHAEOLOGICAL SURVEY

PRELIMINARY RESULTS OF THE INVESTIGATION OF KITAN ANCIENT TOWN CHINTOLGOI BALGAS IN 2004

N.N.Kradin, A.L.Ivliev, A.Ochir,
S.V.Danilov, A.Enhtur, L.Erdenebold, Yu.G.Nikitin
kradin@mail.primorye.ru

In the summer of 2004 international Mongolian-Russian expedition made archaeological research in the Kitan epoch Chintolgoi balgas ancient town. The research was sponsored by UNESCO International Institute of the Study of Nomadic Civilizations (Director of the Institute Member of Mongolian Academy of Sciences B.Enhtuvshin) and Russian Foundation of Humanities (02-01-00176a). The mediaeval town is situated in Dashinchilen somon of Bulgan aimak of Mongolia (approximately in 250 km WNW from Ulan Bator). Geographical position of the site is 47°52'N, 104°14'E. The shape of the ancient town is almost regular rectangle 1.2 x 0.6 km with long side oriented from North to South with slight deviation to East. There are 6 towers on the northern wall, 5 towers on the southern wall and 10 towers on each of eastern and western walls. Together with four towers on corners total number of towers is 35 (Fig.1).

The height of the wall is 3-5 m, its width is 30 m in the basement and 2-4 m in the top. There is a moat outside of the wall. Remains of the outer wall can be traced not quite distinctly outside of the moat. Its height is 0.5 m, width in the basement 3-4 m. The ancient town has 5 gates: two of them are in eastern wall, two in western wall and one is approximately in the center of the southern wall. All gates have L-shaped protective wall in front of them.

The ancient town is divided into two parts (northern and southern) by the inner wall. There is a long street which crosses the ancient town from north to south, two transversal streets are between gates in northern and southern parts of the town. There is a "IT"-shaped wall protecting a gate from south in the place where a long street crosses the inner wall. There are many knolls of different height and shape in the ancient town. Fragments of tiles are found on the surface of many of them. Basing on the study of the relief inside of the ancient town it is possible to recognize separate constructions and blocks surrounded by walls less than 1 m high. The majority of such constructions is in the northern part of the ancient town, it allows to identify the latter as an administrative part of this settlement.

In the past the ancient town was visited and investigated by various researchers: D.D.Bukinich, S.V.Kiselev, H.Perlee, A.Ochir and other. Findings of *kitan* pottery and tile with *kitan* inscriptions made it possible for H.Perlee to identify this ancient town as remains of *Kirtan* Zhenzhou town (Khatun-hot) (Perlee 1961; 1962: 56-57). In recent years the site was investigated by Mongolian scholars, who made not big excavation pit in the place, where one of two stone turtles stood (Ochir and others 2004).

For our excavation we have chosen one of knolls situated in the northern part of the ancient town in immediate vicinity from the "long street". Choosing the object for excavation we supposed that it should be a construction of medium size situated close to the street, so it will be possible to study not only the construction itself but also a street adjacent to it.

An excavation pit 16x24 meters was oriented North-South by its long side. It was divided into sections 4 square meters each separated by balks 50 cm thick. Besides it, a trench 16x2 meters crossing the street from East to West was added to the eastern side of the excavation pit.

As the archaeological deposits here turned to be very thick (about 2 m) and rich with various findings we did not manage to complete the excavation. The pit was closed down temporarily till next year. However, it is possible to make some preliminary conclusions basing on the results of researches in 2004.

After removal of the ground of the first level and cleaning up of the surface, the contours of the firm gray loamy soil spot became apparent. It was remains of the square construction 8x8 meters. Possibly, its remains of a building with adobe walls made of hard clay of whitish color. Fragments of tiles, bricks and ceramic vessels were used here to strengthen its base and walls.

Remains of two heating constructions (*kang*) typical for Bohai culture were found in north-western and northern parts of the excavation pit. It gives a reason to suppose that *Bohais* deported by *Kitans* from their country soon after its conquest in 926 were among population of this town.

Several household used pits with ashes, animal and fish bones, scales and carbonized grains were unearthed in the western part of the excavation pit.

A roadside ditch was unearthed in the trench. Its width is 1.4 m in the upper part and 0.8 m in the bottom, its depth is up to 1 m. Some layers of deposits were seen in its cross-section. Also six household used pits filled with ashes, small pieces of charcoal, fragments of pottery were unearthed in the trench.

A big number of ceramic and tile fragments, other artifacts including works of art, remains of fauna was found during excavation. Fragments of ceramic vessels are most numerous. They will be described and analyzed in detail in separate work. It is important to note that besides *Kitan* pottery there are fragments of vessels of earlier *Uigur* epoch. They are evidence of the fact that the territory of the ancient town was populated in the earlier time. It shows correlation with "Liao shi" ("History of Liao dynasty") record that Zhenzhou originally was ancient Kedun town (Liao shi, ch.37).

Very interesting are findings of ceramic circles 2.6-7 cm in diameter made of vessels walls. They are so-called "chips", widespread in archaeological sites of Bohai state in Primorski Territory of Russia. Totally three pieces of such "chips" were found in the excavation pit. It is remarkable that one of them has comp print design typical for Kitan pottery (Fig. 2:2). One more "chip" with polished edges was found in approximately 400 meters to north-west from the ancient town, in 70 meters to the west from the expedition camp.

Another important ceramic artifact is horizontal band handle of wheel-made vessel. Its length is 82 mm, width 34 mm. The vessel was decorated comb imprints ornament. There is a horizontal groove 2 mm wide under the handle. Apparently, after drawing of this groove the *Kidan* comb imprints ornament was applied, and then the handle was fixed. Traces of paddle and anvil technique are seen on the inner surface of the vessel. The handle is thicker at its upper and lower edges. The gray ceramic paste has fine-grained texture with quartz grains up to 0.4 mm in diameter. Thickness of walls is 4-4.5 mm. The technology of making of this handle is typical for Bohai pottery (Fig. 2:1). Several fragments of such ceramic band handles are found in the excavation pit. A finding of the intact vessels lid decorated with polished design also is worthy to be mentioned (Fig. 2:3).

A porcelain ware mainly is represented by fragments of cups with white glaze. There is a plant design imprinted with a mould on walls of some cups (Fig. 3:2-3). Most good preserved cup has white porcelain paste with yellow tint coated with grayish-white bright glaze. Lower part of the

cup in area of the ring foot and around it has no glaze coating. There are four traces of legs of the support on the bottom inside of the cup. This support was used during firing process. The diameter of the top rim is 13.5 cm, diameter of the ring foot is 4.5 cm, the height of the cup is 4.4 cm (Fig. 3:4). Such ware corresponds to *Dingyao* kilns of North China.

Also one fragment of celadon vessel with bluish-gray almost porcelain paste and transparent glaze of olive color was found.

Glazed stoneware is represented mainly by lower parts of high, bottle-shaped vessels. Their stone quality paste contains big amount of stone, mainly quartz grains. They are coated with glaze of olive color of various tints from light gray to almost black. Their walls, which become thicker near the bottom, have specific "wavy" surface (Fig. 3:1). The only found upper part of such bottle has traces of horizontal band handle 2.8 cm wide and 5 cm long, and some kind of twin stuck on things over it.

Iron artifacts have preserved very bad. There are nails, arrow heads, knife, fragments of cart wheel bushes among them. Nails are rectangle in section with top bent aside. Their length is 4.5-12 cm (Fig. 4:3-5). A knife has straight blade separated from the handle stem by corbel. A tip of the blade is splayed. Its length is 11.5 cm, width of the blade is 1.4 cm (Fig. 4:1). Arrow heads are corroded heavily their shapes are not restorable. It is clear only, that one of them was flat with a shaft stem separated from the blade by a stopper (Fig. 4:2). Another one had thick long head with droves on its wide facets. Cart wheel bushes are made of cast iron. Their length is 3.5-4 cm, diameter - about 8 cm. They have ribs on outer surface (Fig. 4:6).

Earlier, a bronze ornament plate in shape of two fishes was found in this ancient town by local goldsmith Mogai from Dashinchilen somon.

Four coins were found in the excavation pit. All coins are bronze, their shape is round with square hole in the center, that is typical to coins of medieval China and some other countries of East Asia. There are four Chinese characters on the right side of each coin and there is no records on the back side. Two of them are *Kai-yuan tongbao* coins of Chinese Tang Dynasty (618-907). Their mint started in 621 and continued practically through all reign of this dynasty. One more coin is *Xiang-fu tongbao*, it was minted in the reign *Dazhong xiangfu* (1008-1016) of Northern Song Dynasty. The fourth coin is fragmented, only its part with characters "yuan" and "bao" has preserved, so it is difficult to identify it yet. However, most possibly that it also belongs to Chinese Northern Song Dynasty (960-1127).

Besides it, one Northern Song coin *Tian-sheng yuanbao* (1023-1031) was collected from the surface of the ancient town. Mogai in Dashinchilen somon has three coins: *Kai-yuan tongbao* of Tang Dynasty, *Ming-dao yuanbao* (1032-1033, Northern Song) and fragment of Northern Song coin with characters "yuanbao" all collected in Chintolgoi balgas ancient town.

Bone artifacts are represented by knucklebones, ornamented plate, brush, fragment of a tube and partly dressed and cut bone. Some of knucklebones have holes in one of their sides, which apparently was used for putting them on the thread for storage (Fig. 5:3). One of knucklebones has horizontal hole 3.5 mm in diameter on its side facets and net design made by incised lines on all facets (Fig. 5:4). Bone plate, both ends of which are broken, is 12 mm wide and 1.5 mm thick. Its right side, slightly bulging, is decorated with circles with a hole in the center. Traces of piercing of the needle of compasses cutter have preserved on the back side (Fig. 5:5). Bone brush looks like modern toothbrush. Its handle end is broken, preserved length is 15.4 cm. The brush head is 3.9 cm long, 1.0 cm wide and 0.5 cm thick. Its handle is rectangular in section with rounded edges 0.70 x 0.75 cm. There are seven pairs of holes 3.5 mm in diameter for bristle on the flat facet of the head. Holes of each pair are connected together by longitudinal hole 3 mm in diameter drilled in the end facet of the head. There is an oblique groove 2.5-2.8 mm wide on one

side of the handle. The whole brush is polished well (Fig. 5:1). Same brushes were met earlier in Kitan tombs (Wang Jian 1983: 754, fig. 3:7; Museum of Luanping... 1997: 48).

Stone artifacts are represented by the fragment of polished thing oval in section with both ends broken, fragment of cube 1.6x1.4 cm with a hole and cornelian hexahedral biconical bead. The latter is 17 mm long, 8 mm in diameter, its hole is 2 mm in diameter.

Architectural terra-cotta is represented by fragments of heads of animals (lions or dragons) made of gray clay. There are such fragments as a fang 6.5 cm long (Fig. 6:4), oblong almond-shaped eye 9 cm long (Fig. 6:3), part of animals muzzle with large toothed mouth and big eye sockets about 5 cm in diameter (Fig. 6:5). The latter has preserved traces of red paint on its surface.

Many fragments of flat (lower) and convex (upper) tiles are found. Most interesting are four fragments with different signs impressed on their bulging surface. One of them has impression of 5 signs similar to Chinese character "zhong" - 中, they differ from it only by presence of short horizontal lines at both ends of central vertical line. The signs form a horizontal strip across the whole tile. There is only half of the sign impressed at the right edge of the tile. It means that signs were impressed on the ring of four undivided tiles when it was on the mould. At the time of signs impression the ring was covered with cloth, traces of which have preserved on the bulging surface of tile, especially in the area of signs. All signs were impressed one by one by the same stamp (Fig. 6:8).

Same sign is impressed on the bulging surface of a fragment of the peak-shaped tile usually placed under a ridge of the roof. A strip of many impressions of arrow-shaped sign is on the bulging surface of another fragment of lower tile, found in the trench (Fig. 6:6).

End disks of convex roof tiles one intact and one fragment are decorated with animal muzzles framed with pearls. This ornament was stamped by mould. Diameters of disks are 14.5 and 15.8 cm. The disks differ by some details of their ornament: muzzle on one of them is framed by two circles of ribs with pearls between them (Fig. 6:1). Another disk has only one circular rib outside of pearls, the mouth of the animal is opened much wider (Fig. 6:2). End of lower frontal tiles is decorated with a wide ornamented band with undulating lower edge (Fig. 6:6).

Also a fragment of ceramic ink slab was found. The ink slab is 1.2 cm thick. Its work surface was bordered with sidewall triangular in section. Polished surface of the ink slab is black. Unfortunately it is impossible to restore the shape of this ink slab, as the fragment is too small.

The most interesting finding is a porcelain statuette of a man with a dog. The statuette is of a small size, its height is only 58 mm. It is hollow inside, thickness of walls is 4-7 mm. A color of glaze is white with yellow-olive tint. A man is sitting with his legs crossed and folded. The head is broken off, only part of the nape has preserved. The man wears *Kitan* long robe with round collar and narrow sleeves. In contrast to *Kitan* tradition the robe is wrapped up with its left lap out. Vertical seams in the center of chest and back are clearly seen. The robe is girded with a belt with a buckle on the belly.

Free end of the belt is hanging down on the left side of the back. The man has boots with bootlegs expanded upwards. Two seams are distinctly seen on the boot: vertical on the inner side and horizontal in the place of junction with a bootleg. Mans left hand is lying on the leg, covering a lap of the robe. With a right hand the man clasps to his bosom a dog. The tail of the dog is seen below his hand, and its is directed to his neck. A presence of toes on the paws proves that this animal is a dog, not a lamb. The robe and boots on the whole show the best correlation with a dress of *Kitan* known by pictures and mural paintings preserved to nowadays. The only exception is the way of right side wrap over of the robe (Fig. 2:4).

The archaeological research data can be supplemented with historical records about Liao Dynasty. In the beginning of XI century *Kitan* empire has reached its fullest flower. Simultaneously with success against Song in the south *Kitans* consolidated their grip on the western borders. As early as in 994 *Kitans* conducted a campaign to "pacify" the "western border" (Liao shi, ch.13). They also started construction of a network of frontier fortresses in valleys of Kerulen and Tola rivers. Garrisons of these fortresses consisted of transferred subdued peoples of eastern borders of Liao - *Jurchens*, *Bohais*, and *Hans* (Northern Chinese). In 1004, Zhenzhou fortress most north-western boundary town of Kitan Empire was built in the place of "old town Kedun". 20000 *Kitan* horsemen were sent to serve here. Also 700 households of *Bohai*, *Jurchen*, and *Han* people were attached to provide them with provisions. These households were settled in Zhenzhou and subdued to it Fangzhou and Weizhou towns. (Liao shi, ch. 37: 14a). Garrisons and population of frontier towns-fortresses occupied with agriculture (Wittfogel, Feng 1949: 67, 555-557, 587). Most likely that in the end of 20-s of XI century *Kitans* had gained serious success in fight against *zubu*, *shiwei* and *yujue* tribes since at later time number of border conflicts with nomads of Mongolian steppes decreased sharply.

A presence of *Bohai* people among population of Zhenzhou mentioned in "Liao shi" is proved by archaeological data of Chintolgoi balgas. In particular, excavation of 2004 has revealed such typical for *Bohai* archaeological culture objects as round "chips" made of vessels walls, horizontal band handles of ceramic vessels, *kangs*. Another ancient town Emgentiyn-herem inspected during this expedition, most possibly, was one of two fortresses subdued to Zhenzhou. Construction of its walls is typical to many ancient towns of *Bohai*. It has stone masonry in inner and outer sides and a space between masonries in central part of the wall is filled with ground.

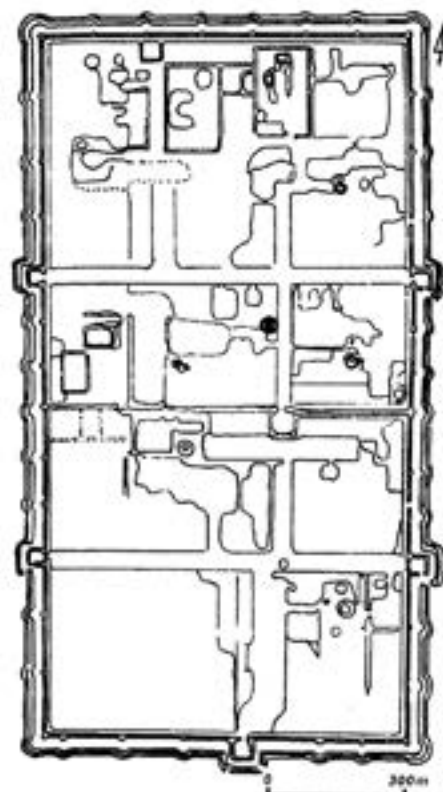
Further researches of Chintolgoi ancient town will allow to detail its dating and will provide additional data about economy and cultural traditions of its population.

REFERENCES CITED

- Kiselev S.V. 1957: Киселев С.В. Древние города Монголии (Ancient towns of Mongolia). Советская археология (Soviet Archaeology), 1957. № 2: 91101.
Liao shi (History of Liao Dynasty) / Compiled by Tokto and other. Beijing: Shangwu, 1958.
Museum of Luanping... 1997: Museum of Luanping county, Hebei province. Hebei luanpingxian yinwogou liaomu (Liao tomb in Yinwogou of Luanping county, Hebei province). Belfang wenwu. No.3: 47-49.
Ochir and others 2004: Очир А., Энхтур А., Эрдэнэболд Л. 2004. Чин толгой балгасны тухай. Nomadic Studies Bulletin, No 8: 5363.
Perlee H. 1961: Перлээ Х. 1961. Монгол ард улсын эрт, дундан уеийн хог суурины товчоон. Улаанбаатар: Улсын Хэвлэлийн хэрэг хрхлэх хороо.
Perlee H. 1962: Перлээ Х. 1962. Киданьские города и поселения на территории Монгольской Народной Республики (X век - начало XII в.) (Kitan ancient towns and settlements in the territory of Mongolian Peoples Republic /X beginning of XII c./). Монгольский археологический сборник (Collection of works on Mongolian archaeology). М.: 5562.
Wang Jian 1983. Jilin shuangliaoxian faxian liangzuo liaomu (Finding of two Liao tombs in Shuangliaoxian county of Jilin province). Kaogu. No.8: 753-754.
Wittfogel K.A., Feng Chia-Sheng 1949. History of Chinese Society. Liao (907-1125). Philadelphia (Transactions of the American Philosophical Society, new series. 35).

APPENDIX

План городища Чинтолгой (по: Очир А., Эрдэнэболд Л., Энхтур А., 2004). Знаком ● отмечено место раскопа.

Figure 1.

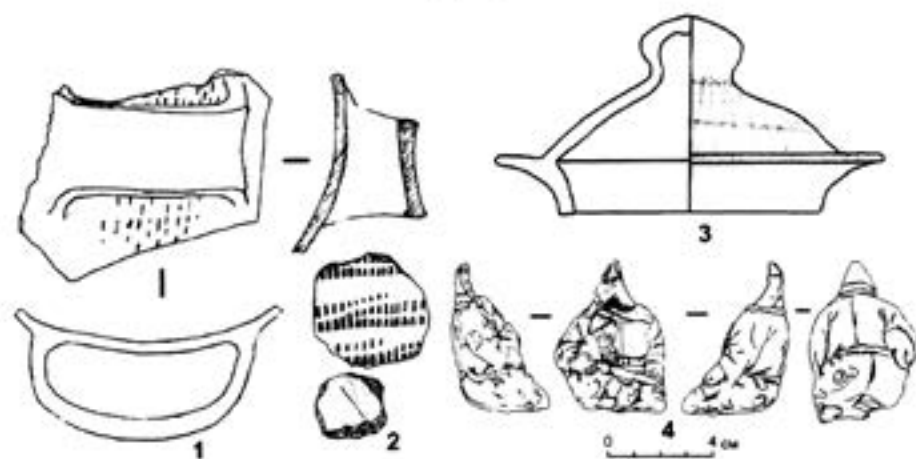

Figure 2.

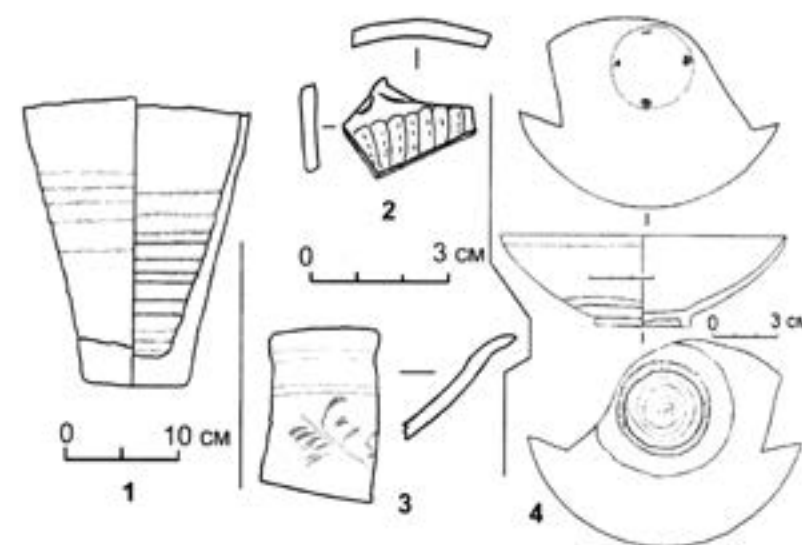

Figure 3.

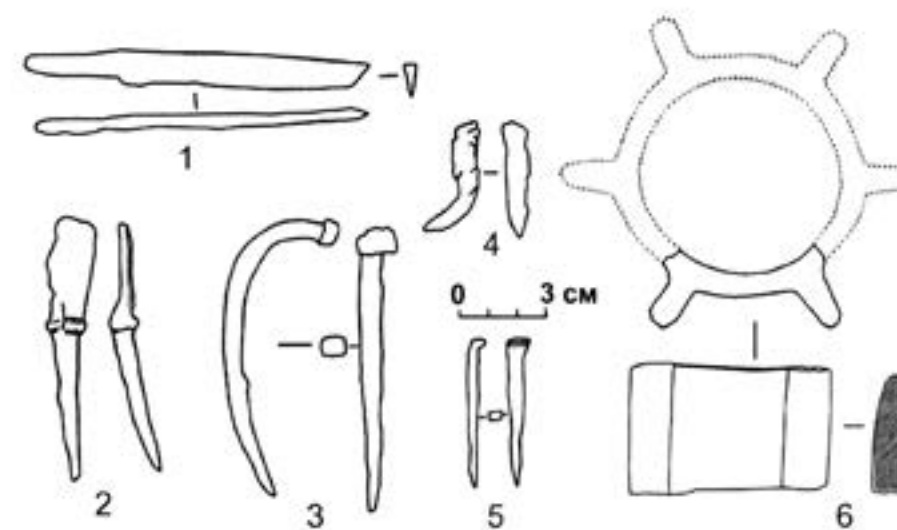

Figure 4.

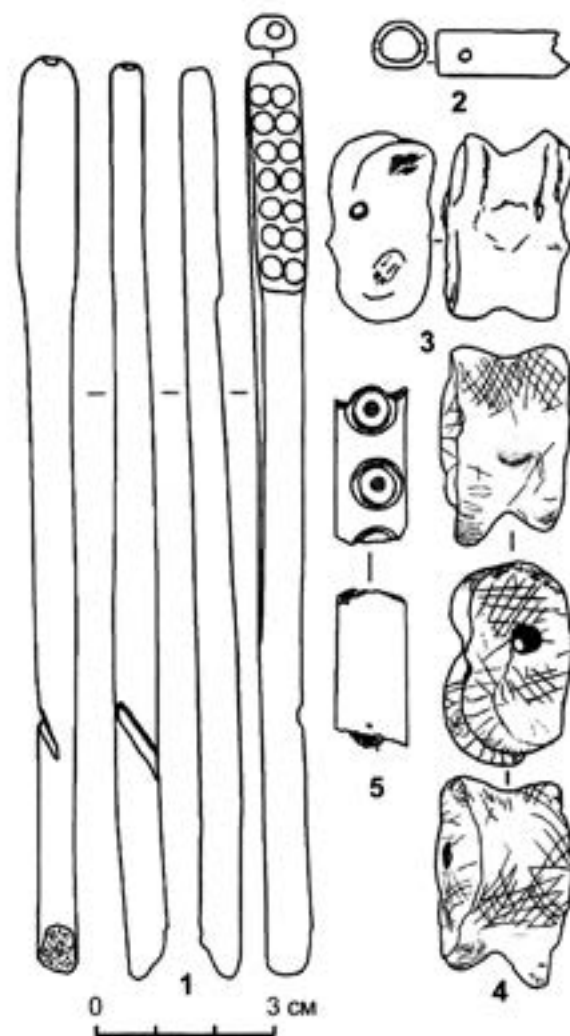

Figure 5.

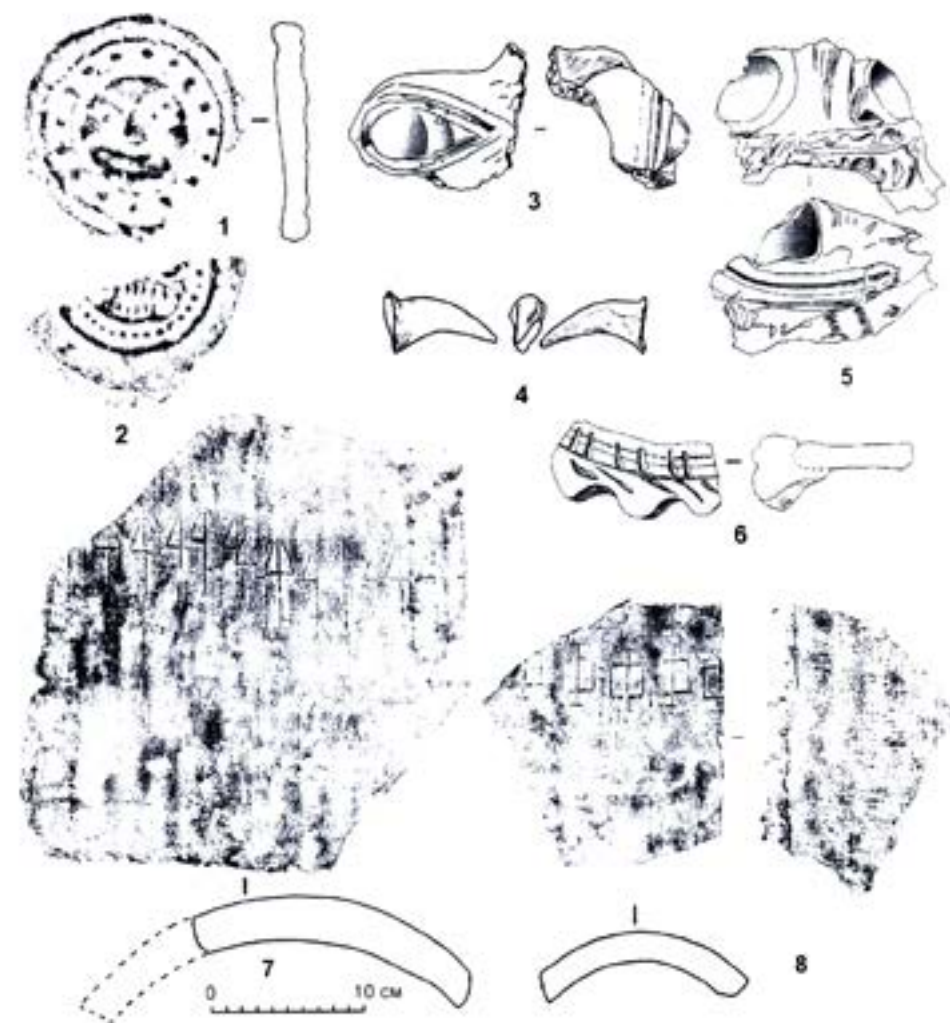

Figure 6.

Danilov S. V.
ロシア科学アカデミーシベリア支部
モンゴル学・仏教学・チベット学研究所
(Ulan-Ude)

中央アジアにおける遊牧民の古代・中世の都市*

今回、中央アジアにおける遊牧民の古代・中世の都市の問題を検討したいと思う。

現在、中央アジアにおける遊牧民世界の都市の問題に対しては、考古学資料が多くなった。しかし、町を発生した原因や遊牧民社会の都市文化は、まだ明らかではない。現在、古代・中世の本地域における一般的歴史過程の主な時期は、明確である、だが、遊牧民の自己発達の不能や経済の不振について意見は、都市の機能がある可能であり、定住する多数の集落が発見された後、変化になっている。都市の発生の原因の検討は、都市の発展過程と関係がある遊牧民集団の社会・経済・政治の成立の複雑な性格を示している。

町の発生や都市文化の成立を含む遊牧民社会の発展過程の検討は、遊牧民集団の進化の一部をもっと詳しく考究し、いわゆる遊牧民帝国の性格が明らかになる可能にする。

中央アジアにおける遊牧民の町について情報は、漢時代に属する中国記事にはじめてあった。最初の記事には、フンヌの町の存在や建設方法について簡単な情報がある。モンゴル帝国のカラコルムという首都について詳しい情報は、ルブルクの記事にある。

中央アジアの町の跡は、19世紀末にヤドリンツェフやラードロフにはじめて発見された。そして、古代の町の跡は、バイカル湖東岸地域、モンゴリア、トゥバにも調査されていた。ロシアやモンゴリアの研究者は、特に、ソスノーフスキー、キセリョーフ、オクラドニコフ、キズラーゾフ、ダヴィードワ、シーロフ、ベルレーがこの遺跡の調査を行った。現在までは、フンヌの土城が20ヶ所位、ウイグルの土城が10ヶ所、契丹の土城が20ヶ所、モンゴルの土城が30ヶ所発見された。

現在、古代の町の発掘調査は、不満足なので、土城の状態は、全部の時代に明らかではない。しかし、現在の考古学的資料は、建築要素、建設方法、建設資材に異なり、中央アジアにおける色々な時期の集落や町が存在を示している。

建設伝統の特徴を時期に区別することに対しては、中央アジアの民族の一般的な建設方法を検討することが必要である。

中央アジア地域における施設は、区別することができる。一つは、未完成の煉瓦・焼いた煉瓦で作った壁、粘土壁、石製壁、土塁、塹壕を含む防御施設である。

他は、堅穴住居、地上建物、土堤に建てられた官公館・宮廷を含む住居の集合体である。勿論、宮廷を住居の集合体を含むことは、主に、住居ではなく、代議制の機能があったので、やや仮定である。

* V.A.Deryugin 訳

防御施設は、フンヌ・ウイグル・契丹・モンゴル土城に確認された。大体、研究者は、土城の周辺にある防御施設を土塁と呼ぶ。しかし、現在の発掘調査によって、「土塁」という単語は、城壁の土塁、粘土壁、焼けていない煉瓦で作った壁などを含めた。

防御施設は、フンヌと関するイヴォルギーンスコエ土城とバヤン・ウンデル土城にある。この土城の防御施設は、古代の他の国々にあった防御施設より簡単である。だが、いつも防御施設を知っていない中央アジアの遊牧民やタイガ地帯の民族の為にやや重大な障害であった。

焼けていない煉瓦で作った城壁は、ウイグルの土城にある。そういうタイプの城壁は、モンゴリアのオールドゥ・バリク土城、トゥバのシャゴナルスコエ III 土城に確認された。この遺跡の調査によって、キズラーゾフは、最初の壁の高さが6m、塔の高さが7mであったと指示していた。深さ3mの塹壕を持つ城は、突撃する遊牧民の軍隊に対して難攻不落であったと思う。

オールドゥ・バリクというウイグル国家の首都には、現在も、煉瓦で作った内城の壁の高さが所々に12mである。

中央アジアにおける契丹の土城にも、周辺で防御施設が確認されている。現在、壁の高さは、表面から3m以内である。多数の角・全面・門の塔、「Г」字・「П」字の防御施設がある門の存在は、防御施設の建設伝統の存在を示している。

モンゴル時代の土城には、外面の防御施設が所々に不在あるいは軽少であった。

フンヌ・ウイグル・契丹・モンゴルの土城内部には、色々な遺構がある。最初に、1928年度のソスノーフスキーに発掘された遺構は、イヴォルギーンスコエ土城の堅穴式住居であった。この発掘調査やオクラドニコフ、シーロフ、ダヴィードワの発掘調査では、堅穴式住居がフンヌの特徴的な住居であった意見になった。しかし、20世紀の40～50年度、モンゴリアにキセリョーフやベルレーの発掘調査には、フンヌの土城の大型の建物跡も発見された。フンヌのアバカンの建物の発掘調査の結果は、大型の建設方法の経験の存在を示している。例えば、フンヌと関するグア・ドフ土城やフレト・ドフ土城には、瓦をふく建物が建てられた土堤が確認された。ある土堤は、やや大型になり、宮廷式建物の基礎であった可能である。

トゥバにおけるウイグルの土城の内部には、主として、建物の跡がまだ発見されていない。バジン・アラク土城以内には、櫓で区別した長い建物の跡がある。シャゴナルスコエ III 土城の内城には、瓦片や木材の柱跡が発見された。ウイグル国の中部にある遺跡には、異なる状態が見られる。オールドゥ・バリクは、手工業者や商人の区を持つ大きい町である。町の内部には、宮廷を持つ内城があった。

契丹の土城の内部には、色々な建物跡が確認された。若干の土城には、地区に別ける内部の区画の存在が確認された。バルス・ホト土城には、石壁の跡が上にある土堤が確認された。チン・トロゴイ土城には、土堤の上に建てられた石製礎を持つ若干の大型の建物跡がある。

もっと詳しい情報は、モンゴル帝国の時代に属する建物についてある。発掘調査によって、皇族の宮廷やモンゴル貴族の宮廷、官公館、市民の家の建設は、明らかになる。宮廷や大型の建物は、土堤の上に建てられ、周辺に煉瓦の壁がある。大型の宮廷には、一・二段のテラスが建てられた。

瓦をふく屋根は、石製礎に立てた木製の柱で支えていた。屋根の上には、テラコッタ製の不思議な動物像がある。ウゲディヤ宮廷やコンドゥイの宮廷は、建築の要素で近く、使用された建設資材で主として同じである。

建築の類似点は、辺境の地域に建てられた小型の建物にもある。例えば、トゥバのデン・テレク遺跡やブリャートのナルサトゥイの建物である。土堤の存在、可能なテラス、柱の石製礎、建設資材の類似点がある宮廷の建築の主要な要素は、発生した建設方法の統一を示している。ところで、建設と関する特別の機関が存在した可能性である。

こうして、紀元前 1 千年末から、遊牧民の独立の文化には、中央アジアにおけるフンス・ウイグル・契丹・モンゴルの遊牧民の文化の新しい要素が成立した。ステップ地帯には、遊牧民のキャンプに異なり、内部の建物や塼塼や壁を持つ集落が発生した。この集落の人口は、遊牧民に異なる手工業・農業・交易・官吏を行っていた。この現象は、時代や民族に異なる古代・中世の遊牧民集団に確認することができる。中央アジアのステップ地帯における町の起源は、物質文化の変化だけではなく、他の状態にも検討しなければならない。

大体、定住性や町の発生は、遊牧民の合同集団と関係がある。社会・政治、経済の複雑な過程は、遊牧民の氏族機構から遊牧民帝国という社会の特別の形式への変化に伴われた。

遊牧民帝国の発生の原因は、経済・政治・社会などの複雑な過程と関係があったと注意することができる。実際、以上に述べた過程は、社会発展の統一の過程である。

社会過程の区別は、非常に難しい。だが、若干の要素は、遊牧民集団の定住性の発生に関係があった。多分、遊牧民社会の発展の色々な要素は、定住性の発生や集落や町の成立に影響した。

軍隊機構。遊牧民の軍隊は、征服された人口も考慮して何十万人を数えた。多数の軍隊は、武器の製作の為に基地が必要になった。予備食料品に対しても問題が起こった。多数の常備軍の樹立は、発達した手工業を持つ集落の存在が必要になった。兵士や手工業者に対して食糧の供給の為に、農業の生産物が必要であった。フンスのイヴォルギーンスコエ土域には、主として兵士から遊牧民を供給する手工業民や農民が居住していた。ドゥレナフ集落遺跡は、フンスと関する大型の農業中心地の存在を示している。多数の人口を持つウイグルのオールドゥ・バリクも、軍隊を武器や食糧供給した。古代の記事や考古学的資料によって、カラコルムの手工業者も、軍隊や国家行政の需要を供給していた。中央アジアにおける可能な拠点である契丹の町には、手工業の跡が確認された。周辺には、町の人口を食糧に供給する農業の地域があった。

こうして、遊牧民社会と同時に変化された遊牧民の軍隊機構は、定住性の発展や都市の発生に寄与していた。

行政変更。行政機構の樹立は、集中・区域の管理が行われる中心地の存在が必要になった。そういう中心地は、支配者と一緒に移動することができる。しかし、時間とともに、支配者の官吏、役人、兵士、従者などの人数は多くなったので、定住する中心地の樹立が必要になった。

帝国の色々な地域から色々な情報を集めた事務所の存在は、配達のために確定した地点が必要であった。支配者の地点には、行政管理以外、軍隊の司令部や生業の管理が集中したので、中心地には、

国庫、食糧などの倉庫があった。そのことも、集中から区域までのレベルの管理がある定住する中心地の樹立が必要になった。

経済変化。家畜生業を行った遊牧民は、大体において、定住する集落が必要ではなかった。中央アジアの高原の内陸気候によく適応した民族は、一年中の遊牧を行い、定住する集落が要らなかった。

しかし、遊牧民集団の生業構成には、大きな変化があった。特に、剰余生産物の作り方は、戦争になった。しかも、進出の目的は、オアージスあるいは隣の遊牧民集団ではなく、アジア・ヨーロッパにおける各国になった。遊牧生活に対する特有ではない生業が発生した、特に、農業である。エリートや兵士や普通の人々を供給する手工業は、発達している。

現在のデータは、フンス・チュルク・ウイグルと交易に対する中国の国境市場あるいはモンゴルの広い国内貿易の存在だけを示している。しかし、普通の遊牧民の間の貿易関係の形式は、まだ不明である。古代記事に述べたフンスやモンゴルの税関機関の樹立の為に前提条件が始まった。遊牧民や征服された民族の間には、経済関係の特別になった。

こうして、遊牧民の経済にあった過程は、遊牧生活に対する特有ではない生業の発展に伴われた。この生業を行った人口の配置も、定住する集落の発生の原因であった。

社会変化。フンス・チュルク・モンゴルなどのハーンに行われた重要な施策は、経済や社会の変化や社会機構の複雑になる強力な軍隊機構の樹立や行政改革の遂行であった。本職の兵士、官吏、役人、手工業者、農民、商人の発生は、中央アジアにおける人口の社会分化の動機になった。以上に述べた大部分の人々は、遊牧生活と関係がなく、定住性が必要である。中央アジアにおける都市文化の成立の原因を検討する場合は、この社会の要素も考慮しなければならない。

定住する集落の樹立の問題に対しては、支配者の内外政治の大きな影響も考慮することが必要である。

こうして、考古学的資料によって、古代の中央アジアには、集落や町の建設過程がある色々な遊牧民集団が存在した。

軍隊機構・政治や行政機構の発展、社会機構（農民、商人、手工業者、兵士、役人）の広がり、経済変化は、定住性・町の発生や都市文化の成立に導いた。

BOHAI POPULATION IN MONGOLIAN EXILE

N.N. Kradin¹, A.L. Ivliev², S.V. Danilov³, A. Ochir⁴, L. Erdenebold⁵

Bohai (Parchae) state played an important role in the history of medieval peoples of North-Eastern China, Korean peninsula and Russian Primorye. It was destroyed by *Kitans*' invasion in 926. Since at that moment Kitan had not enough power to annex Bohai to their empire, they decided not to go beyond the policy of indirect control. A puppet state Dongdan ("Eastern [k]itan") was established on the territory of former Bohai. Tuyu, the elder son of Kitan emperor Abaoji, became a ruler of the new state. We can only surmise why just he was chosen to this position. Maybe Abaoji wanted to give to his son an opportunity to gain experience of government. It is not excluded that the first-born fell a prey to delicate intrigue of Empress Shulü who wanted her second son to become an emperor. It is also impossible to ignore a principle of minorat, according to which elder sons inherited appanage, but the home hearth inherited only youngest of them - *otchiğin*.

In any event, Tuyu became the head of the new state. According to *Liao shi* (*History of Liao Dynasty*), the king of Dongdan had its' own reign title (Chinese *nianhao*) and imperial regalia, as it did the king of Bohai, he sent envoys to Japan and China. Officially he had to pay to Kitan empire annual tribute of 50 thousands pieces of fine linen, 100 thousands pieces of coarse cloth and 1000 horses (*Liao shi* 72: 1b; Jin Yufu 1982: 143-144).

Fierce resistance of Bohai people (Jin Yufu 1982: 78-81) made Kitan court to keep big garrisons in Bohai and it drew away their forces from new aggressive campaigns. As it is generally considered, a way out of this situation was proposed in the submitted to the emperor report of Second right minister of Dongdan Yelü Yuzhi. According to Yelü Yuzhi's plan it was necessary to make use of weakening of *Bohais* as a consequence of recent victory over them and to transfer them and the center of Dongdan state to the valley of Liaohe river. That will allow to control them effectively in future and not to permit their strengthening. Emperor Yelü Deguang "joyously approved" Yelü Yuzhi's plan.

Another version supposes that the reason of these events should be sought in intrigues of the

1) Far-Eastern National Technical University, Vladivostok

2) Institute of History, archaeology and ethnology FEB RAS, Vladivostok

3) Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Sib. Div. RAS, Ulan-Ude

4) International Institute of the Study of Nomadic Civilizations UNESCO, Ulaanbaatar

5) National Museum of History, Ulaanbaatar

top nobility of *kitans*. Deguang was interested in elimination of excessive autonomy of his elder brother, ruler of Dongdan, Tuyu, who pretended to the throne of Kitan Empire as "heir-at-law". *Qidan guo zhi* tells that right after Deguang was enthroned resentful Tuyu tried to flee to Later Tang, but was detained and returned to Dongdan.

Lastly, after finding of the tomb of Yelü Yuzhi in 1992 near Chifeng of Inner Mongolia one more interpretation of those events has appeared. From the text of Yelü Yuzhi's epitaph it is possible to conclude that Tuyu himself was an initiator of the transfer of Dongdan capital. He ordered Yelü Yuzhi to submit this plan to Deguang. Tuyu was interested to take up his residence closer to the sea where he could flee to Later Tang (Liu Huan 1998).

The capital of Dongdan was transferred to Dongping city (modern Liaoyang) raised to the rank of Southern and later Eastern capital of Kitan empire. Large-scale deportation of *Bohais* started. One can judge about its' size by the data collected by modern historians. 94 thousand Bohai households (not less than 450 thousand men) were transferred only to the territory of Liaoxi, Liaodong and modern Zhaouda aimak. Only 20 thousand Bohai families remained on the former territory of Bohai (Wang Chengli 1984: 176-177). Deportation was a severe disaster for Bohais. Even official history of Kitan empire "*Liao shi*" informs that many *Bohais* fled to Korea (Xinluo) and to Jurchen (*Liao shi* 3-3a). At that time *Bohai* households by whole counties were transferred not only to the area of Liaoyang, but also much more to the west to outskirts of Supreme capital of Kitan. Hundreds and thousands of them were attached to *ordos* of emperors for construction and service at emperor's mausoleum and for various labor duties, they also were presented to high rank grantees (*Liao shi* 3: 4a).

According to Tan Hezi (1934) data based on *Liao shi*, 5 of 31 counties of the Supreme capital province were settled with captivated and transferred Bohais. 12500 *Bohai* families lived there. Their number was second to Chinese (18 counties, 33000 families) amounting 30% of agricultural population of this province. *Bohais* extracted ore and smelted iron in Tielizhou circuit (since 1018 Guangzhou), in Liuhe coaching inn and in Changle county of Raozhou circuit situated in provinces of Eastern, Central and Supreme capitals respectively (*Liao shi* 60: 2a).

Presence of iron production in the last of listed places is confirmed by archaeological investigation: a slag - traces of iron smelting - is scattered over the whole surface of remains of Changle city (Feng Yongqian, Jiang Niansi 1982: 214, 218). *Liao Bohais* were engaged in other crafts too. They were mentioned among those who worked in state silk-weaving workshop in Zuzhou (Wittfogel, Feng 1949: 157).

In a new living place *Bohais* were not characterized with special political loyalty, they rebelled repeatedly. The biggest rebellion was in 1029-1030 in the Eastern capital of Kitan empire. The reason for it was an attempt of the government to increase taxes. Before that Kitan government did not dare to impose taxes for vine, salt and yeast trade on *Bohai* population, custom duties in inner posts of the Eastern capital province were also rather low.

When Liao government tried to introduce taxes similar to those practiced by *Kitans* in conquered Chinese lands, *Bohais* responded with rebellion.

In the 8th month of 1029 commander Da Yanlin, descendant of the founder of Bohai Da Zuerong in seventh generation had imprisoned the governor of the Eastern capital and princess Nanyang. First of all most odious officials of the tax administration including initiator of new tax policy Han Shaoxun were killed. Da Yanlin proclaimed himself an emperor of independent state Xing Liao and introduced his own reign title. In his fight with *Kitans* Da Yanlin several times applied to Koryo court for help, but Koryo king refused aid and even had reinforced the border to prevent intrusion of the rebels. Kitan army headed by Xiao Xiaomu was sent against rebelled *Bohais*.

The battle occurred on Pushui river near the Eastern capital. *Bohais* were defeated owing to sudden attack on the flanks. They were chased and crushed to the north of Shoushan mountain. Da Yanlin took shelter behind moats and walls of Eastern capital. Xiao Xiaomu encircled Eastern capital with second walls with towers and shields. The blockade lasted six months. The city had run out of fuel and population started to demolish constructions for fire-wood. In the 8th month of 1030 *Bohai* commander Yang Songshi secretly opened South gate and let Kitan army in the city. Da Yanlin was arrested and the rebellion was put down. Many *Bohais* were transferred to other areas of the empire or fled to Koryo. However, for several years after that rebellion Kitan government did not dare to introduce new system of taxation there (Liao shi 17: 6b-8b; 87: 1b; Wittfogel, Feng 1949: 314, 335-336, 405, 419-420, 588).

On account of this only little part of *Bohais* was recruited to military service. Even in hundred years after conquest of their motherland it was forbidden for *Bohais* to play *polo* - the game ideal for military training (Wittfogel, Feng 1949: 195, 404). However, *Chinese* also almost were not recruited for military service. If nevertheless it was necessary, *Kitans* preferred to use them like *Bohais* in auxiliary units, giving them arms in the last moment only. However, there were some cases when *Bohais* had risen to rather high military ranks in Liao.

In particular, *Bohai* commander Gao Mohan took high military position in the beginning of Liao. Leaders of different rebellions *Bohais* Yan Po, Da Yanlin were Liao military commanders (Ivliev 1988-8).

Kitans transferred *Bohais* not only to the territories of modern North-Eastern China and Inner Mongolia, but also to the western border of the empire. Russian-Mongolian archaeological expedition has found traces of *Bohais* far beyond borders of their motherland in the western part of modern Mongolia.

In 2004/2007 the expedition made archaeological research in the Kitan epoch Chintolgoi balgas medieval town. The research was sponsored by UNESCO International Institute of the Study of Nomadic Civilizations (Director of the Institute - Member of Mongolian Academy of Sciences B.Enhtuvshin) and Russian Foundation of Humanities (# 02-01-00176a, 06-01-91915e/G,

06-01-91915e/G, 07-01-92002a/G, 07-01-92071e/G), and Research Program of the Russian Academy of Sciences "Adaptation of the peoples and cultures to the changes of the nature, social, and man-caused transformations, 2006-2008."

The medieval town is situated in Dashinchilen somon of Bulgan aimak of Mongolia (approximately in 200 km WNW from Ulan Bator). Geographical position of the site is 47°52'N, 104°14'E. The shape of the ancient town is almost regular rectangle 1.2 x 0.6 km with long side oriented from North to South with slight deviation to East. There are 6 towers on the northern wall, 5 towers on the southern wall and 10 towers on each of eastern and western walls. Together with four towers on corners total number of towers is 35 (Fig. 1).

The medieval town is divided into two parts (northern and southern) by the inner wall. There is a long street which crosses the ancient town from north to south; two transversal streets are between gates in northern and southern parts of the town. There is a "II"-shaped wall protecting a gate from south in the place where a long street crosses the inner wall. There are many knolls of different height and shape in the ancient town. Fragments of tiles are found on the surface of many of them. Basing on the study of the relief inside of the ancient town it is possible to recognize separate constructions and blocks surrounded by walls less than 1 m high. The majority of such constructions are in the northern part of the ancient town, it allows identifying the latter as an administrative part of this settlement.

In the past this ancient town was visited and investigated by various researchers: D.D.Bukinich, S.V.Kiselev, H.Perlee, A.Ochir and other. Findings of *kitan* pottery and tile with *kitan* inscriptions made it possible for H.Perlee to identify this ancient town as remains of *Kitan* Zhenzhou town (Khatun-hot) (1962: 56-57). In recent years the site was investigated by Mongolian scholars, who made not big excavation pit in the place, where one of two stone turtles stood (Ochir and others 2004).

For our excavation we have chosen one of knolls situated in the northern part of the ancient town in immediate vicinity from the "long street". Choosing the object for excavation we supposed that it should be a construction of medium size situated close to the street, so it will be possible to study not only the construction itself but also a street adjacent to it.

In 2004/2005 an excavation pit 16x24 meters was oriented North-South by its' long side. It was divided into sections 16 square meters each separated by balks 50 cm thick. Besides it, a trench 16x2 meters crossing the street from East to West was added to the eastern side of the excavation pit.

Remains of some heating constructions (*ondol*, or *kang*) typical for Bohai culture were found in north-western, northern and south-western parts of the excavation pit (Fig. 2). It gives a reason to suppose that *Bohais* deported by *Kitans* from their country soon after its' conquest lived here.

Several household used pits with ashes, animal and fish bones, scales and carbonized grains

were unearthed in the western part of the excavation pit.

A roadside ditch was unearthed in the trench. Its' width is 1.4 m in the upper part and 0.8 m in the bottom, its' depth is up to 1 m. Some layers of deposits were seen in its' cross-section. Also six household used pits filled with ashes, small pieces of charcoal, fragments of pottery were unearthed in the trench.

In 2006-2007 the excavations of Chintolgoi balgas were continued. Remains of two dwellings of upper construction horizon of Chintolgoi balgas were unearthed. Block structure of the town's lay out was found in this horizon. Dwellings, stone foundations of the homestead, internal lanes were found inside of the block. Besides, excavations in the south part of the ancient town were started. They also confirmed compactness of the town's building up. Remains of several *kans* and walls of unbaked bricks between dwellings and homesteads were traced. As in previous years big amount of artifacts, animal and fish bones, seeds of cereals was obtained. All these findings demonstrate complex character of social and economic life of the townsmen and also polyethnical composition the town's population.

A big number of ceramic and tile fragments, other artifacts including works of art, remains of fauna was found during excavation. Fragments of ceramic vessels are most numerous. It is important to note that besides *Kitan* pottery there are fragments of vessels of earlier *Uighur* epoch. They are evidence of the fact that the territory of the ancient town was populated in the earlier time. It shows correlation with *Liao shi* record that Zhenzhou originally was ancient Kedun town (*Liao shi* 37). However, new findings of the season of 2005 make it possible to see the problem from another angle. A vessel on which *Uighur* ornament is combined with *Kitan* comb imprints pattern and horizontal band handle was found (Fig. 3). It makes us to suppose that here *Uighur* pottery traditions influenced pottery production of the population of this Liao town.

Very interesting are findings of ceramic circles 2.6 - 7 cm in diameter made of vessels' walls. They are so-called "chips", widespread in archaeological sites of Bohai state in Primorski Territory of Russia. Totally three pieces of such "chips" were found in the excavation pit. Much more of them were found in the season of 2005. Some of them made of vessels with comb pattern imprints typical for *Kitan* pottery (Fig. 4). Also one "chip" made of tile and two small "chips" made of walls of white porcelain vessels were found.

Another important ceramic artifact is horizontal band handle of wheel-made vessel. Its' length is 82 mm, width - 34 mm. The vessel was decorated with comb imprints ornament. There is a horizontal groove 2 mm wide under the handle. Apparently, after drawing of this groove the *Kitan* comb imprints ornament was applied, and then the handle was fixed. Traces of paddle and anvil technique are seen on the inner surface of the vessel. The handle is thicker at its' upper and lower edges. The gray ceramic paste has fine-grained texture with quartz grains up to 0.4 mm in diameter. Thickness of walls is 4 - 4.5 mm. The technology of making of this

handle is typical for Bohai pottery (Fig. 5). Several fragments of such ceramic band handles are found in the excavation pit.

The most interesting finding is a porcelain statuette of a man with a dog (Fig. 6). The statuette is of a small size, its' height is only 58 mm. It is hollow inside; thickness of walls is 4-7 mm. A color of glaze is white with yellow-olive tint. A man is sitting with his legs crossed and folded. The head is broken off, only part of the nape has preserved. The man wears *Kitan* long robe with round collar and narrow sleeves. In contrast to *Kitan* tradition the robe is wrapped up with its' left lap out. Vertical seams in the center of chest and back are clearly seen. The robe is girded with a belt with a buckle on the belly.

Free end of the belt is hanging down on the left side of the back. The man has boots with bootlegs expanded upwards. Two seams are distinctly seen on the boot: vertical on the inner side and horizontal in the place of junction with a bootleg. Man's left hand is lying on the leg, covering a lap of the robe. The man clasps a dog to his bosom with a right hand. The tail of the dog is seen below his hand, and its' head is directed to his neck. A presence of toes on the paws proves that this animal is a dog, not a lamb. The robe and boots on the whole show the best correlation with a dress of *Kitan* known by pictures and mural paintings preserved to nowadays. The only exception is the way of right side wrap over of the robe.

The archaeological research data can be supplemented with historical records about Liao Dynasty. In the beginning of XI century *Kitan* empire has reached its' fullest flower. Simultaneously with success against Song in the south *Kitans* consolidated their grip on the western borders. As early as in 994 *Kitans* conducted a campaign to "pacify" the "western border" (*Liao shi*, ch.13). They also started construction of a network of frontier fortresses in valleys of Kerulen and Tola rivers. Garrisons of these fortresses consisted of transferred subdued peoples of eastern borders of Liao - *Jurchens*, *Bohais*, and *Hans* (Northern Chinese). In 1004, Zhenzhou fortress - most north-western boundary town of *Kitan* Empire - was built in the place of "old town Kedun". 20000 *Kitan* horsemen were sent to serve here. Also 700 households of *Bohai*, *Jurchen*, and Han people were attached to provide them with provisions. These households were settled in Zhenzhou and in subdued to it Fangzhou and Weizhou towns. (*Liao shi*, ch. 37: 14a). Garrisons and population of frontier towns-fortresses were engaged in agriculture (Wittfogel, Feng 1949: 67, 555-557, 587). Most likely that in the end of 20-s of XI century *Kitans* had gained serious success in fight against *zubu*, *shuiwei* and *yujue* tribes since at later time number of border conflicts with nomads of Mongolian steppes decreased sharply.

A presence of *Bohai* people among population of Zhenzhou mentioned in *Liao shi* is proved by archaeological data of Chintolgoi balgas. In particular, excavation of 2004-2007 has revealed such typical for Bohai archaeological culture objects as round "chips" made of vessels' walls, horizontal band handles of ceramic vessels, *kangs*. Construction of walls in another ancient town - Emgentiyn-herem (Ochir and others 2004: 100) - from this territory is typical to many

ancient towns of Bohai. It has stone masonry in inner and outer sides and a space between masonries in central part of the wall is filled with ground (Fig. 7). Thus, traces of Bohai people transferred by their conquerors have been found in thousands kilometers from their motherland, in Mongolian steppes.

REFERENCES CITED

- Feng Yongqian, Jiang Niansi. 1982. Reconnaissance of the site of Raozhou City (Liao Dynasty). In: *Archaeology and history of the North-Eastern China*. Vol. 1. Peking: 211219 (in Chinese).
- Ivliev, Alexander L. 1988. Kitans and peoples of Manchuria and Primorye in middle age. In: Shavkunov, Ernst V. (ed.), *Materialy po etnokulturnym svyaziam narodov Dalnego Vostoka v srednie veka*, Ed. by V. Shavkunov. Vladivostok: 6-15 (in Russian).
- Jin Yufu. 1982. *Bohai-go zhi changpian* [Chronological collection of the material for the description of the Bohai state]. Changchun: Shehuikexue chazhixian (in Chinese).
- Kiselev, Sergey V. 1957. Ancient towns of Mongolia. In: *Sovetskaya arheologia* No 2: 91101 (in Russian).
- Liao shi: *Liao shi (History of Liao Dynasty)* / Compiled by Tokto and other. Beijing: Shangwu, 1958 (in Chinese).
- Liu Huan. 1998. On the Reason of the resettlement of Dongdan state people by Kitans. In: *Beifan wenwu*, No 1: 8284 (in Chinese).
- Museum of Luanping... 1997: Museum of Luanping county, Hebei province. Hebei luanpingxian yinwogou liaomu (Liao tomb in Yinwogou of Luanping county, Hebei province). In: *Beifan wenwu*, No.3: 47-49 (in Chinese).
- Ochir A. Ekhhtur A., Erbenbold L. 2004. Some issue on the ancient city Chintolgoi. In: *Nomadic Studies Bulletin*, No 8: 5363 [in Mongolian].
- Perlee, H. 1962. [Kitan ancient towns and settlements in the territory of Mongolian Peoples Republic (X - beginning of XII c.). In: *Mongolsky arheologicheski sbornik (Collection of works on Mongolian archaeology)*. Moscow: 5562 (in Russian).
- Tan Hezi. 1934. About the mixture of the ethnic groups in "Easrem Mongolia" and "South Manchuria" in Liao period in the ethnic history of Manchuria and Mongolia. In: *Guowen zhouhao* 11, No 6 (in Chinese).
- Wang Chengli. 1984. *Bohai Jjian shi* [The Shory History of Bohai]. Harbin: Heilugjiang xenmin chubanshe (in Chinese).
- Wang Jian Finding of two Liao tombs in Shuangliao county of Jilin province. In: *Kaogu*. No.8: 753-754 (in Chinese).
- Wittfogel, Karl. A., Feng Chia-Sheng 1949. *History of Chinese Society. Liao* (907-1125). Philadelphia (Transactions of the American Philosophical Society, new series, 36).

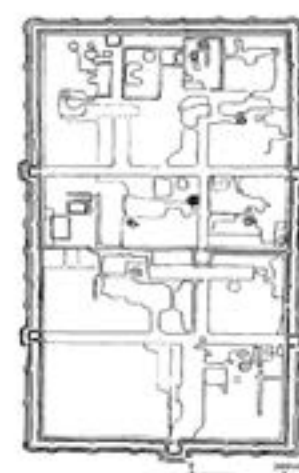

Fig. 1. Plan of Chintolgoi balgas ancient town.

Fig. 3. A vessel with Uighur ornament combined Kitan comb imprints and horizontal handle.

Fig. 2. A dwelling with kang heating system. Chintolgoi balgas ancient town, pit No.2.

Fig. 4. Round "chips" made of vessel's walls, tiles and porcelain. Chintolgoi balgas ancient town.

Fig. 5. A horizontal band handle on the vessel with Kitan comb ornament. Chintolgoi balgas ancient town.

Fig. 6. A porcelain statuette. Chintolgoi balgas ancient town.

Fig. 7. A stone wall of Emgentiy-herem ancient town.

PRELIMINARY RESULTS OF THE INVESTIGATIONS ON A XIONGNU SETTLEMENT IN MONGOLIA

Sergei V. Danilov

The Terelzhiin Dörvölzhin settlement is located 18 kilometres north-east of the Möngönmor't sum, in the Kherlen Valley, on the left bank of the Terelzh Gol. The small valley of the Terelzh Gol is formed by bald ridges that are southern spurs of the Khentii Mountain system. Built from alluvial boulders and large pebbles these spurs are of a geomorphologically complex origin and appeared during the ice age. The floor of the valley is rather flat and built by alluvial and partly glacial sediments washed out from the gorge of the Terelzh Gol. The surface of the valley is steppe and covered by low grasses and shrubbery.

Fig. 1. Settlement of Terelzhiin Dörvölzhin.

The settlement (Fig. 1) has an almost square form in plan surrounded by a wall, and is orientated with its corners at cardinal points. The settlement dimensions are: north-east side 229 m, south-east side 224 m, south-west side 215 m, north-west side 226 m. The total height of the settlement wall is about 1 m at present condition; from top to bottom it becomes wider and reaches 5-10 m in width. At all four sides, approximately in the middle of their lengths, there are gate openings, which are simple gaps in the wall. The width of these gates is 4-5 m. The settlement's surface is comparatively even, though there are rises and depressions. As a whole the surface does not differ from the surrounding ground. Within the settlement there are remains of four buildings visible as mounds (Fig. 2) of different sizes and heights.

Fig. 2. Terelzhin Dörvölzhin. Remains of buildings within the settlement.

The biggest building is situated in the middle of the settlement, measuring approximately 60x30 m and the height is 2 m. North-west of it there are the remains of a smaller building (25x20 m), which is united with the big building by a low mound (length 65–70 m). To the west of the big building there are the remains of another one large nearly square building (40x35 m). To the west of this building there is located a small mound (20x25 m in size) connected with it by an L-shaped low and wide mound. In total, there are two complexes in the settlement consisting of the remainders of buildings, connected with some galleries or transitions. On the surfaces of the extant buildings there are dense scatters of tile fragments. Traces of the old excavations and ditches, conducted by Kh. Perlee, a Mongolian archaeologist and associate member of the Mongolian Academy of Sciences, are present on nearly all the remaining buildings.

After an initial survey of the settlement's area the decision was made to begin the excavations at the largest building, which forms a mound (length 60 m, width 30 m and height 2 m) in the middle of the settlement. This hill has an oblong form and is orientated north-west to south-east. Looking carefully, it can be seen that the plan is rather complex. There are small lines or routes connecting the southern and northern sides of the hill with the western and eastern sides. We suggest that the design of the building is more complicated than it was submitted after the first visual examination.

The excavations began on the south-east slope of the hill, on an area of 16 x 12 m, which was in the course of the excavation extended to an area of 224 m². Before the beginning of the work the whole hill was divided into 4-metre squares by means of an imagined net. The actual grid was stretched only on the initial area of the excavation. The excavation area was divided into 4-metre squares with baulks of 0.5 m width (Fig. 3). The depth of each horizontal layer was 5 cm. In all open sectors large and small fragments of tiles (Fig. 4) were found in high quantities. Moreover, the tiles formed layers, but the principle of roof construction is not quite clear. The tiles lay steplike, which allows us to draw a conclusion about the roof system: Rows of tiles covered the roof in a steplike fashion, and the rows were laid one over another. Different

Fig. 3. Terelzhin Dörvölzhin. Excavation area of a building.

Fig. 4. Terelzhin Dörvölzhin. Detail from the excavated area with large and small fragments of roof tiles.

types, forms and sizes of tiles provide details of the roof construction. In some places the tiles lay in 5–6 layers. Below, on the slope of the hill, that is to say closer to the edge of the building, there are end-capping tiles with disks of the Han type (Fig. 5; determined by A. L. Ivliev).

Upon the further deepening of the excavation layers of soil began to appear. There are layers of different shades of grey, divisible by colour and soil consistency. That is to say that layers of clay alternated with layers containing coarse sand, pebbles, and loam. Such grey clayey layers can be the remainders of some unpreserved constructions, but the presence of small pebbles and coarse sand in them does not allow us to speak of this with sufficient share of confidence. During the decay of the building, different diffusion processes occurred. Heterogeneous materials, such as clay, pebbles and coarse sand penetrated the layers. Aside from layers containing different admixtures there were layers and masses of pure clay, which we consider to be the

Fig. 5. Terelzhin Dörvölzhin. Fragments of end tiles of Han type.

remainders of the clay building material in its raw state. In spite of careful clearing, however, we were not able to find complete constructions, from which it would be possible to reconstruct separate parts of the building.

To reveal the relationship between the building and the bedrock we dug a trench on a north-east to south-west line that turned to north-west – south-east at the corner. The trench provided information about the stratigraphy of the excavated part of the building (Fig. 6). A 12–20 cm thick layer of pure clay without admixtures was discovered at the depth of 125 cm. Below and above this layer there was a dark-coloured layer (probably the remainder of an original ground surface). Above this layer there were many layers of grey and dark-grey soil with small pebbles and loam, originally they were thought to be rubble of the building, but it was unclear

Fig. 6. Terelzhin Dörvölzhin. Stratigraphy of the excavated part of the building.

Fig. 7. Terelzhin Dörvölzhin. Granite plates and remains of a wooden beam.

Fig. 8. Terelzhin Dörvölzhin. Remains of a path built by pebbles.

whether there were walls or other constructions. Below the clay layer there was a large pebble layer alternated with a small pebble layer, loam and clay. To determine whether it was the main surface or not, a ditch was made going out from the remainder of the building into the settlement area, in the stratigraphy of which there was an original ground surface layer, a layer of the clay and large pebbles alternated with one of small pebbles and loam. Thus, the layers we have found under the pure clay layer beneath the building were identical to those revealed in the test trench in the settlement area, and on the whole maintained visibility there. Based on this stratigraphic data, we expect that the layer of pure clay is a floor or a platform on which the building was erected.

At a depth of 20–40 cm granite slabs were discovered. Two of them stood vertically, and four lay horizontally. Between them there were remainders of the coal and unburned remains of a wooden beam (Fig. 7). This could be the remainder of the heating system, but they were

located rather high above the floor level. For the present, the available materials and data do not allow us to speak of its function, even hypothetically.

A "track" made of large pebbles was revealed along the south-east edge of the building (Fig. 8). It stretched through three sectors: The "track" was orientated north-west-south-east; 130°-310°; its width was 90-100 cm. It was built from selected pebbles 7-14 cm in diameter and tightly placed in a clayey material (the pebbles sat tightly and were not removable). The determination and function of the "track" are not clear yet, and we can only expect that it had some architectural-building role or cultic function.

In our field season of 2007 we began to excavate the remains of a building in the Xiongnu settlement of Terelzhiin Dörvölzhin. The height of the mound is about 2 m, and the presence of a large amount of roof tiles on the surface indicated that at a certain time a monumental building had been erected there. However, excavations show that the plan of the building, at least in the excavation area, leaves a lot to be desired. One of the particularities of the excavated building is an absence of animal bones and the very small amount of ceramic fragments, which are usually encountered in Xiongnu settlement excavations. At the same time it is clear that the excavation we started covers only a small part of the building, and our conclusions are premature. Further investigations will reveal the particularities of its architecture and construction.

REFLECTION OF THE WORLD OUTLOOK OF ANCIENT NOMADS IN THE ARCHEOLOGICAL MONUMENTS OF THE CENTRAL ASIA

*Danilov S.V.,
Sc.D of History, Associate Professor
Head of the Central Asia History and Culture Studies Departament,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*

The man's religious beliefs begin to shape nearly from the very beginning of homo sapience' forming that is to say with the upper paleolith (30-40 thousands years ago), though possible that some abstract ideas about his place in outward things had been existed earlier in epoch of the average paleolith (100 thousands years ago). Already from this point on people's ideas begin to find their material embodiment reflected in archeological monuments. The most ancient evidence of the reflection of the religious world outlook are the elements of hunting magic with imagery of wildlife hunting scenes that were fixed in petroglyphs executed in different technique. Probably, such scenes were some parts of ritual actions executed for guarantee of successful hunting and the society' safe existence.

With transition to nomadic cattle breeding along with changes of economic' guiding line the ideas about surrounding reality had been changed. The world represented as something thick with invisible substance exerted influence on all types of human and social activity. Personification of this invisible world reduces to appearance in man's consciousness of deities' conceptions that protect definite kinds of activity, for example, cattle breeding, war, trade, etc. To get into contact with these spirits or deity variety of determined actions had been executed. These actions were typed by ritual rules elaborated over a long period of time. The whole ceremonial of calls, prayers, and sacrifices had been developed for deities to render some person, family, kin, tribe, state assistance. This ceremonial was directed to provide the favor of deities and execution the requests of ritual

action* participants. In archaeologies the sanctuary of bronze epoch were studied, where horses' heads with cervical vertebrae and hoofs were buried under stone-works. The analysis of all details of this rite has shown much in common with the rites of the Middle Ages and ethnographic contemporaneity, such as tailgan, oboe, etc. That is to say that since ancient times and hitherto in human communities' consciousness there exist the ideas of the certain substance influencing on human world and fixing in different world outlook philosophical concepts of outward things' structure as "dao", "the Holy Spirit", "Allah", "absolute spirit", etc.

CERAMIC ROOF TILES FROM TERELZHIIN DÖRVÖLZHIN

Sergei V. Danilov, Natal'ia V. Tsydenova

INTRODUCTION

The study of Xiongnu settlements began in 1928 with the excavations at the site of Ivolga, at the time referred to as Nizhneivolginsk, by G. P. Sosnovskii and has continued until today within the territories of Russia and Mongolia. Fortified settlements were intensely studied at Ivolga and Baian Under. For a long time, the semi-subterranean style houses, excavated and studied at Ivolga and Dureny, had been considered to be the main type of Xiongnu dwellings (Davydova 1985). Ground surface buildings were also examined at a site on the river Yenisei near Abakan in Khakassia (Kyzlasov 2001), at Ivolga (Davydova 1985), at Baian Under in Buriatia (Danilov 1998), and at some sites in Mongolia (Perlee 1961; Danilov, this volume). The reasons for the emergence of stationary residences and sedentary sites, some of which had, perhaps, the function of cities in the nomadic Xiongnu society, can be better fathomed through more detailed investigations of these sites. Details of the construction techniques of buildings become clearer in the course of the archaeological investigations.

One of the essential constructional elements of buildings was the roof, which protected the structures from rain, from cold in winter, and from heat in summer. At first, one can distinguish between two types of roofings for Xiongnu buildings. The first type of roof covering is a gabled construction, consisting of posts, beams and sod, typical of the semi-subterranean houses at Ivolga, where such construction was documented in detail through careful excavation. The second type is the roof covered with tiles.

All the ceramics from a fully excavated building with a tiled roof near Abakan, the so-called Tasheba palace, were kept to serve as material for further research, but by an unfortunate occurrence, the tiles stored in the Abakan Museum were destroyed (Kyzlasov 2001, 67). The tiles from Xiongnu settlements in Mongolia, on the other hand, have not yet received adequate appreciation in the literature. So far there is only a very general description available for this essential component of Xiongnu building construction traditions. In this respect, interesting data from a tiled roof was obtained in the course of the excavations begun in 2007 at the Xiongnu settlement of Terelzhiin Dörvölzhin¹.

The tiles from Terelzhiin Dörvölzhin show a direct analogy with the tiles from the Bürkhiin settlement, located less than 20 km southwest of Terelzhiin Dörvölzhin, and both were studied by the Mongolian researcher Kh. Perlee (1961). Further similarities can be found in the materials

¹ The work is executed within the framework of the program of the presidium of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences "Historian-cultural her-

itage and spiritual values of Russia", direction "Archaeological values of Russia", project "Khunnu: origin, culture, ethnic history, political genesis".

from the excavations of the building near Abakan. Aside from similarities in the basic roof tiles, only the disk-shaped roof tile ends, called "wadang" in Chinese literature, are designed differently. Chinese characters appear on the end-disks from Abakan², while ornamental motifs are found on the end-disks from Terelzhiin Dörvölzhin.

The site of Terelzhiin Dörvölzhin is located on the southern foothills of Khentii mountain system, 18 km north-east from Möngömör't sum in the Terelzh river valley, a right tributary of Kherlen river, on its left bank (Danilov 1998). Excavations at this settlement site were started on the south-eastern side of the central building, and at the very beginning of excavations a great number of large and small fragments of tiles were found in clusters throughout the exposed area. It is clear that different types of roof tiles were used, illustrated by the different sizes and shapes of the tiles, but for the time being the exact manner of the roof construction is not yet clear. In some places tiles were found in 5-6 layers on the slope of the hillock, the remains of the building foundation, so that the end-disks, which have ornaments equivalent to those of the Han dynasty found in China, were found closer to the edge of the building³.

THE ARCHAEOLOGICAL RECORD

The Main Types of Tiles

The total mass of tile fragments weighed several hundred kilograms. According to our preliminary examination they may be attributed to four basic types of tiles, although it is clear that after a more detailed analysis the number of variants will inevitably increase. The more distinguished types of tiles are characterized by the following features:

Type I: Broad plates, most of which have been flattened or smashed, about 35-36 cm wide and 45 cm long, with a thickness of about 2 cm, concave in cross-section (Fig. 1,1). On both flat sides there is a line decor, which is more even and accurate on the convex side. One part of the convex side is almost always decorated with a drawn wavy line, in most cases framed by two parallel straight lines. Only rarely a single wavy line or a wavy line in combination with one straight line occurs. The width of the decorative band and the width of the grooves measure on average 0.3-0.5 cm. This pattern is one of the most characteristic ornaments of Xiongnu pottery. On several fragments textile imprints are observed, medium-sized weave, probably of a textile strap.

The side parts are decorated with vertical incisions, usually two or three. Some fragments show traces of vertical incisions, outlining further lines (Fig. 1,2). Sometimes the angles are rounded by the same mode of incision. These techniques seem to have been applied on the dried but still moist and moldable material. The color of the tiles is a fairly uniform dark brown-straw. The tempering is visually identified as a relatively homogeneous, dense mass with uniform inclusions.

Type II: The narrow half-cylindrical tiles with a width of about 20 cm and a length of 45 cm are about 2 cm thick and generally smaller and more concave in comparison with the first type (Fig. 1,3).

² The numerous characters which appear on the Abakan tiles provide phrases in praise of the "Son of Heaven", which is the name for the Chinese emperor.

³ We thank A. L. Ivliev, Vladivostok, for the determination of the tile decorations.

Fig. 1. Terelzhiin Dörvölzhin. Different types of roof tiles.

They have line imprints mostly on the outside (convex) surface. Another feature is the presence of the neck, which is 1.5 cm thick and is narrower than the body, and which does not show the line imprints. This type of tile has the same pattern, a wavy line between two straight lines in the upper part, close to the mouth (Fig. 1,3). Sometimes this ornament of a wave form is found on the neck. The neck itself is a hand-formed element as is indicated by the traces of joints and the traces of finger depressions on the inside of the tile of type II. One single specimen had rounded cutting

Fig. 2. Terelzhiin Dörvölzhin, End-disk pattern types.

holes about 2.5 cm in diameter, which were cut in the tile when it was still moist (Fig. 1,4). Tiles of this type show the same fairly uniform gray-brown color. The tempering, visible in the breakage, is visually identified as a relatively homogeneous, dense mass with uniform inclusions.

Type III: End-disks with a diameter of about 17–18 cm, a thickness of about 2 cm, and relief decoration on the outer surface (Fig. 1,5). In total, five major types of ornamentation were observed (Fig. 2). On four of them a division of the circle into four equal sectors by relief lines is visible. In the sectors on the diagonal there are ornaments in relief decoration grouped in pairs opposite to each other: “ж” and “х”, “ж” and “s”, “х” and “х”. There are squared impressions with a large convex “knob” in the central part of the disks (Fig. 2,1,4). There are disks without division into sectors, and instead two symmetrically curved S-lines are depicted (Fig. 2,3). On these and other types of disks with a simple ornament (Fig. 2,2) the convex “knob” is not framed by a square impression. Some disks have a ridge along the edge, the others have poorly formed ridges or do not have them at all (Fig. 2,1). In most cases end-disks are found in fragmented form, as separate elements, with a “border” on the inside (Fig. 2,4). In some cases they are attached to the narrow half-cylindrical tiles. And one piece was found with a cut corner. The disks

are mostly of a fairly uniform gray-brown color. The clay is visible in the breakage as a relatively homogeneous, dense mass with uniform inclusions. Some fragments have a whitish covering.

Type IV: The standard size of the flat paving tiles remains unclear (Fig. 1,6), though the thickness is about 3 cm. There is a decoration on the outer surface, also stamped in the form of four sections of parallel relief lines. They are whitish in color.

The Method of Tile Manufacturing

Several ways of manufacturing tiles can be ascertained by the external features. We would like to first consider analogous materials and the manufacturing techniques suggested by previous researchers. L. Kyzlasov (2001) proposed that the broad flattened roof tiles of the Tasheba palace had been made on log models over which the clay pieces were dried, thus obtaining thus their convex-concave shape. The narrow half-cylindrical tiles were made from the form of a tube made on a potter's wheel which were then were cut in two and had a neck attached to each half before firing (Kyzlasov 2001; 2006). The Chinese characters which are depicted on some end-disks were made by using wooden stamps.

The same methods of manufacturing tiles can be seen for the tiles from Terelzhiin Dörvölzhin. However, it is not clear how the wide flattened tiles were separated from the template. By comparing them to medieval ceramic tiles of Mongol period settlements, we can see that the later tiles were made on templates using coarsely woven textile, which left imprints on the inside of the tile when lifting the half-finished product (Kiselev et al. 1965, 89–90).

The narrow, half-cylindrical tiles were made with the same methods as the tiles from Tasheba. First a tube was formed on the potter's wheel, which was cut into two halves. The production on a potter's wheel is clearly indicated by the horizontal thin lines on the inside, as well as on the neck of the narrow tiles.

The broad and narrow tiles were hand-built, as evidenced by the tape joints with a width of about 5 cm, visible on the inside (Fig. 3,1). In fact, the drawing-out of the clay and traces of sticking the band to the “body” is observed on the inner side in the same direction. The neck and the “body” of the narrow half-cylindrical tiles were bonded together during the molding of the inside, while the clay was daubed from the body to the neck. The attaching of the neck usually was done with a palette-knife, and sometimes impressions of fingers in the inner side were left and were not smoothed over (Fig. 3,2). The height of the neck was not clearly fixed, rather it was determined “by eye” and ranges from 6 to 7 cm. We can see traces of vertical cuts on the lateral sides of the tiles; the vertical incisions were notches of attachment pieces. All of these cuts were made on a raw and only partially dried half-finished product. The decoration of the end-disks appears to have been executed by using stamp-models, which also would have been the method for decorating the flat paving tiles. On the basis of the relative homogeneity of the tiles' color, except for some end-disks, we can say that the firing took place in ovens under a controlled temperature.

The Way of Placing Tiles

Based on the similarity to tiles at the Tasheba palace, we can also reconstruct the sequence of tile installation as described by L. Kyzlasov (2001, 69): “On the sloping roof, rows of broad tiles

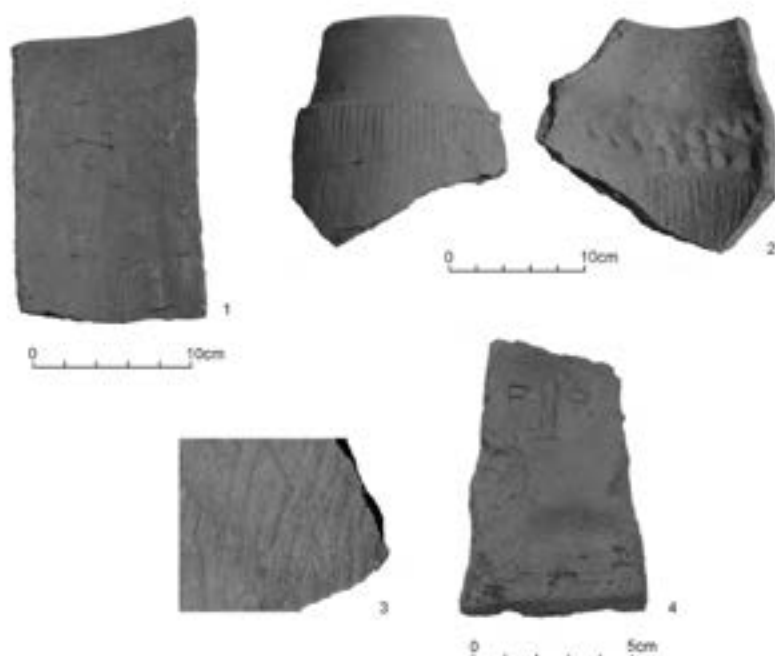

Fig. 3. Terelzhiin Dörvölzhin. Tiles with details of forming and master artisan signs. 3 not to scale.

were packed from the top to the bottom, which were fastened by iron clamps to beams through the holes left in the clay before baking. They had fallen down on their convex sides, with the upper rows above the lower rows. At the intersection of each broad tile, all of which were placed convex sided up, the narrower end with neck attachment was placed under the edge of the next tile, creating an overlap from one tile to the next. At the end each row of such overlapping broad tiles were fastened by end-disks. This case was recorded for a large collection of roof tiles at the southwestern side of the building. In addition, there were also many fragments of paving tiles, which once again confirms that this area was the front of the building. At Terelzhiin Dörvölzhin, however, just a few forged nails were found and no iron clamps are recorded, but we did discover some narrow half-cylindrical tiles with holes cut in the middle (Fig. 1,4).

The Master Artisan Signs

In the course of analyzing the materials from Tasheba palace, L. Kyzlasov also described "letters" drawn on the raw clay of tiles, which he defined as signs of master artisans. The symbols were drawn on the raw clay before firing. This occurrence is observed not only for the tiles of the building near Abakan (Kyzlasov 2006, 182 Fig. 29) but also for the tiles of Terelzhiin Dörvölzhin. Perhaps these signs can be understood via the same explanation of master artisan signs which used a variant of the tamga style marks (Fig. 3,3,4). Marks found on the bottoms of Xiongnu pottery and on some bone implements at other sites (e.g. Davydova 1995) appear simi-

lar (see also Polos'mak et al., this volume). The trident-like signs which occurred on tiles from Tasheba were also found on bottoms of ceramic vessels from Burkhan Tolgoi cemetery (Törbat 2003, 97 Fig. 8) and ceramic and bone artifacts from Gol Mod 2 necropolis (Miller et al. 2006, 16 Fig. 9,3,4).

Comparison with Xiongnu Pottery

Comparing the roof tiles of Terelzhiin Dörvölzhin with examples of other ceramics, it appears that, in principle, the tiles were made in accordance within the same technological and decorative traditions of the Xiongnu pottery.

The decorative bands on tiles in the form of incised wavy lines, often between two straight lines, is one of the most characteristic features of Xiongnu pottery. For example, the pottery of Transbaikial documented at the Ivolga settlement and cemetery complex (Davydova 1985, 40, Fig. 6, 14) and the necropolis of Il'movaia Pad' (Konovalov 1976, Pl. 24,6), as well as the pottery of the Burkhan Tolgoi cemetery in Mongolia (Törbat 2003a) are all ornamented in this manner.

Also the tradition of line-decorating made by using a ribbed palette-knife on the raw clay was applied on the ceramic tiles (Davydova 1985; Konovalov 1976, 195; Törbat 2003a). But the decoration was carried out less carefully than on the vessels. In contrast to the decoration of the tiles, the decor of the pottery is usually smoother.

Another sign of the similarity of producing ceramic tiles and vessels during the Xiongnu period could be the manner of forming by hand. In his examination of Transbaikial Xiongnu pottery at the sites of Ivolga, Il'movaia Pad', Cheremukhovaia Pad' and Dyrestuiskii Kultuk, P. Konovalov (1976, 195) noted that "vessels were made from strips of clay on a non-rotating potter's wheel". So while there seems to have been a tool for mounting the clay originals, forming was still done by hand. Ts. Törbat came to the same conclusion when analyzing the manufacture of vessels from the Burkhan Tolgoi cemetery, in which he noticed that the method of joining the neck to the body was executed similarly until the last stages of the production (Törbat 2003a).

CONCLUSION

Summing up, it should be noted that these are preliminary results of analyzing ceramic tiles of the Terelzhiin Dörvölzhin settlement site. Further field and laboratory investigations of the tiles, their location within the building remains, and other specifics will allow for a more thorough reconstruction of the buildings. These details of Terelzhiin Dörvölzhin may be added to knowledge gathered from other Xiongnu settlements as well in order to create a comprehensive understanding of building construction. The building and the settlement to which it belongs are from the flourishing epoch of the Xiongnu empire. Certain borrowed architectural elements, such as floral ornamentation of the end-disks, reflect the close vicinity with Han China. Nevertheless, it is clear that the tiles were made according to the Xiongnu tradition of ceramics production. This tradition is represented by the line and drawn wave-ornament decor as well as the ways of shaping the ceramics.

TYPOLOGY OF ANCIENT SETTLEMENT COMPLEXES OF THE XIONGNU IN MONGOLIA AND TRANSBAIKALIA

Sergei V. Danilov

INTRODUCTION

Excavations of funeral monuments were among the first archaeological investigations of the Xiongnu and were for a long time the main source of information for the reconstruction of history and culture of the Xiongnu¹. Through excavations conducted on the fortified settlement of Ivolga in 1927 (Sosnovskii 1934), a new type of monument, stationary, consolidated settlements, became part of the archaeological vocabulary for academic discussions of the Xiongnu. Thereafter the Xiongnu were considered not as mere wandering nomads, but as general pastoralists that included semi-nomadic herders. Nevertheless, only recently have scholars begun to fully ascertain the spectrum of this semi-nomadic lifestyle.

Today more than 20 fortified settlements have been documented across a broad territory from South Siberia to the Gobi desert². However, large-scale excavations of settlements are still rare and as yet insufficient for a full-fledged reconstruction of settled habitats of the Xiongnu society. We must therefore rely on data from only four relatively well studied sites: the settlements of Ivolga (Davydova 1995) and Baian Under at Dzhida river (Danilov/Zhavoronkova 1995; Danilov 1998) in Buriatia, the settlement near Abakan in Khakasiia (Evtiukhova 1947; Evtiukhova/Levasheva 1946; Kyzlasov 2001), and the settlement of Terelzhün Dörvölzhin in Töv aimag of Mongolia (Perlee 1961; Danilov 2005; 2009). A brief summary of characteristic features follows.

FORTIFICATIONS

Nearly all fortified settlements had defensive constructions which are today visible as somewhat elevated walls, sometimes arranged in several rows. The embankments at the settlements of Ivolga and Baian Under have been thoroughly studied. The Ivolga settlement had the form of an irregular rectangle, stretching 348 m from north to south and 194–216 m from west to east (Davydova 1995, 9). It was encircled by four rows of walls and three lines of ditches, and the overall width of this defensive line was 35–38 m (ibid. 10–13).

1 This work was conducted within the framework of the program of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences "Historian-cultural heritage and spiritual values of Russia", direction "Archeological values

of Russia", project "Khunnar: origin, culture, ethnic history, political genesis".

2 The Mongolian scholar Kh. Perlee provided the first large summary of walled sites in Mongolia (Perlee 1957; 1961).

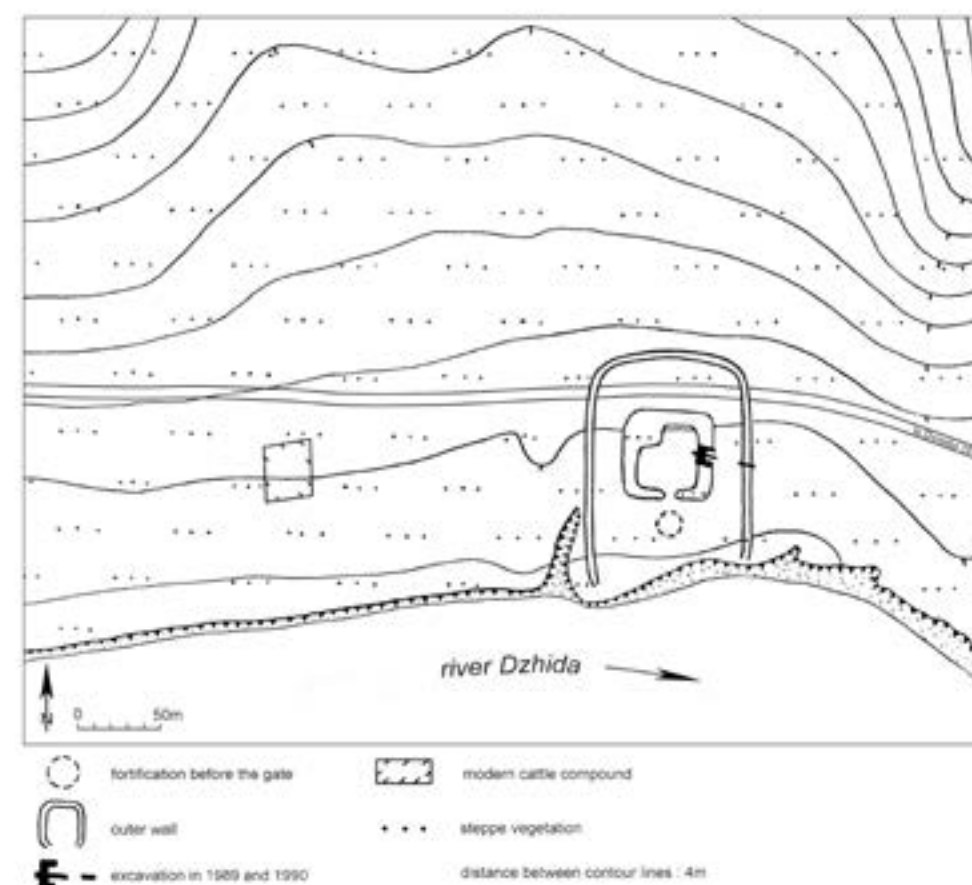

Fig. 1 Baian Under, Buriatia. Plan of the walled site (after Danilov 2005).

The settlement of Baian Under (Fig. 1) was surrounded by two lines of walls, with the external bank barely raised over the modern ground surface. It consisted of stone rows laid out without any apparent order. The main inner embankment of the settlement had a height on the outside of 1.10–1.15 m and on the inside of 0.7–0.9 m. The profile cut through the eastern bank showed that its base was built from tightly packed gravel mixed with loam. Outside of the walls, ditches of 1.6 m depth were dug. In all probability, the soil from those ditches served as building material for the embankment. From the edge of the ditch to the base of the bank there is an area, or rather a platform, the function of which is not clear yet (Danilov/Zhavoronkova 1995, Fig. 4).

The rectangular fortifications of Terelzhün Dörvölzhin are earth embankments with a height of 1 m and a width up to 6–8 m. On each of the four sides an opening 3–4 m wide is visible (Fig. 3).

According to information from the excavations of the building near Abakan, it was located in the center of a big settlement which was surrounded by a bank. More concrete information on this site is unfortunately missing (cf. Kyzlasov 2001).

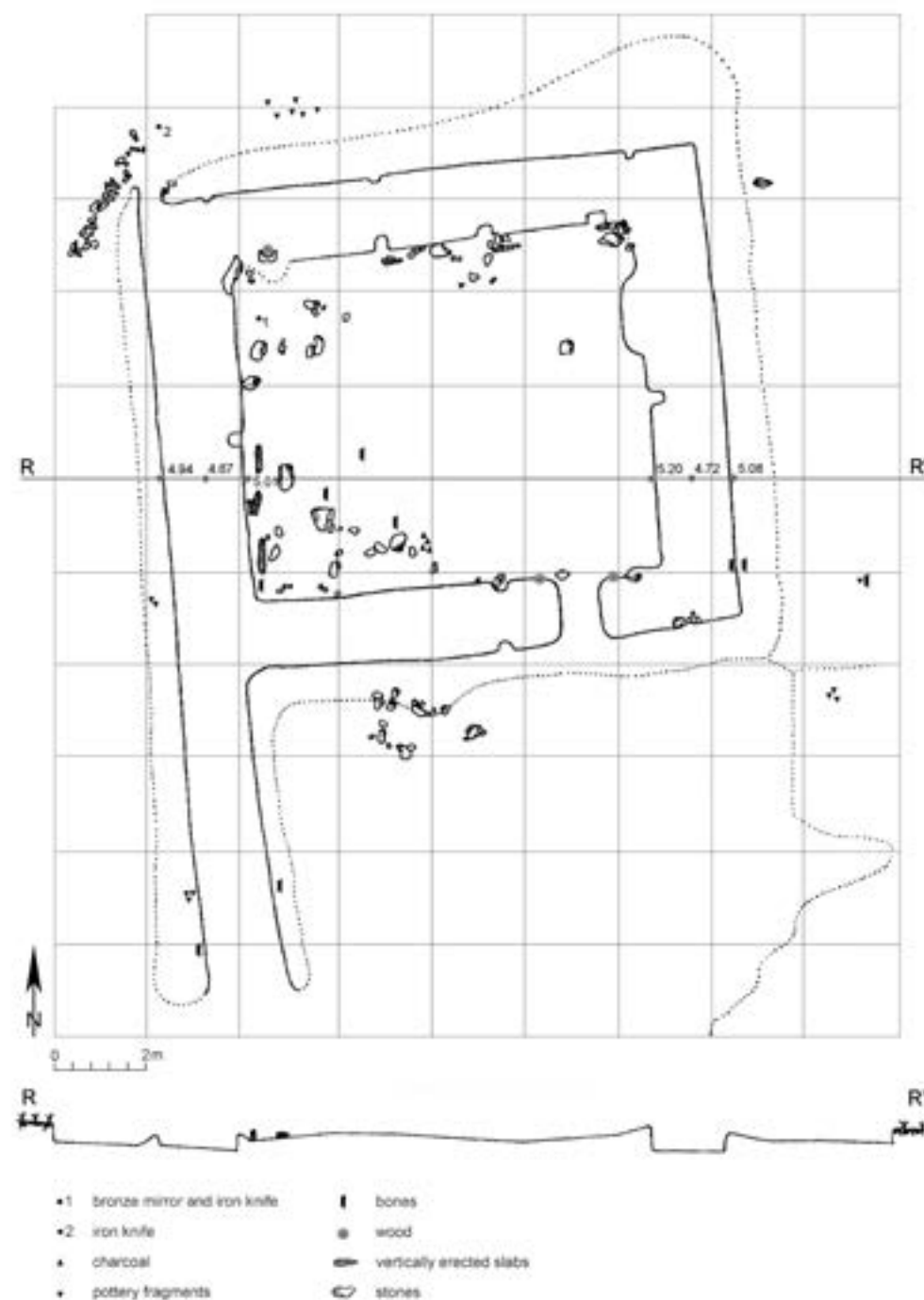

Fig. 2. Balan Under, Buriatia. Plan of the building excavation (after Danilov 2005).

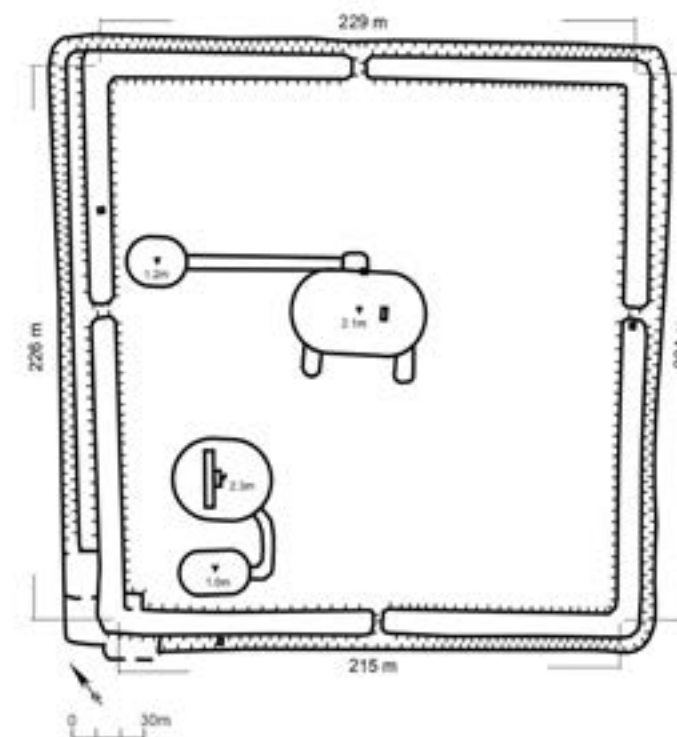

Fig. 3. Terelzhin Dörvölzhin, Mongolia. Plan of the walled site (illustration S. V. Danilov).

In all cases the embankments of the settlements were erected with the earthen material excavated from the adjacent ditches. As estimated by the degree of the erosion of the walls, their original height could have reached about 1.5–2 m. The average combined height of the defensive constructions, including ditch depth and wall height, is more than 3 m. Although the fortifications of Xiongnu settlements are presently not insurmountable and appear shallow in comparison with contemporaneous defensive constructions elsewhere in the ancient world, these fortifications represent a rather serious constructed impasse for settlements in the forest and steppe zones of eastern Central Asia and signify the very beginnings of such walled constructions in the region.

BUILDINGS

Inside the fortified areas, remains of significantly different building types have been studied. In general, the majority of examined constructions are semi-subterranean houses. Buildings erected on the ancient ground surface, evident within almost all fortified settlements of the Xiongnu period, have been researched much less.

Fig. 4. Abakan, Minusinsk basin. Plan of the building excavation (after Evtiukhova 1947).

Semi-subterranean houses have so far been best studied at the fortified settlement of Ivolga (Davydova 1995) as well as the open settlements of Durenay in Transbaikalia (Davydova 1980; Davydova/Miniaev 2003) and Boroo in Töv aimag of Mongolia (Ramseyer et al. 2009). The construction of houses at these sites was completely identical, even though the distance between them is significant. For the semi-subterranean houses, the sides of the sunken square foundations are typically oriented towards the cardinal directions, and an entrance was placed on the south side. The walls and floors of the dwelling pit were covered with clay (Davydova 1995, 14–15). The heating system of the semi-subterranean houses consisted of a furnace with connected heating passageways made of stone slabs. Similar heating systems, called “kans”, were widely distributed among settlements elsewhere in East Asia. Remnants of roof construction consisted of beams and squared supports as well as poles and rods covered by a thick clay layer (Davydova 1995, 14–15). Archaeologists have reconstructed the roofs of these houses as gabled roofs oriented north-south.

Excavations of a large surface building at the Gua Dov settlement were undertaken by Kh. Perlee (1961), though the results of these investigations remain basically unpublished³. Buildings erected directly on the ground surface were also documented at Ivolga as well as Baian Under and Abakan. At Ivolga, two ground surface buildings were visible. One of them was a metallurgical workshop, which was not explored completely, and the second was a square-shaped building, dwelling No. 9, which was fully excavated. This building erected on a small

³ Materials from these excavations are housed at the National Museum of Mongolia.

hillock, was oriented along the cardinal directions, and measured 13 × 11.5 m. The walls were built of adobe and had a thickness of 2.25 m in the north and 1.12 m in the south, and of 1.30 m in the west and 1.38 m in the east. A door opening, 1.35 m wide and framed by two burnt vertical poles, was discovered in the south wall, 1.7 m from the south-east corner of the building. The poles were joined by a wooden threshold on which traces of a mat made of plant fiber were found. On the inside, the walls of the dwelling were covered with clay. In the northeastern corner of the building there was an oven built of stone slabs. Heating channels made of stone slabs and measuring 30 cm in width led from the stove along the northern and western wall (Davydova 1995, 17; Addendum Fig. 4, 3; Danilov 2005, Fig. 3). The general layout of this building is similar to the semi-subterranean dwellings, including the abutting dwelling No. 10 and dwelling No. 15 to the south, but much larger and erected completely above the surface.

Another ground surface building of the Xiongnu period was explored in 1940 in Khakassia near the city of Abakan at the confluence of the rivers Tasheba and Abakan (Fig. 4). Although the remains of the building were partly ruined in the course of road construction, the researchers noted distinctive architectural and constructional features of this building. The whole building measured 35 m north-south and 45 m east-west (Evtiukhova 1947, 79). The lower, preserved part of the walls was made of clay grout in timber framework. The external walls were up to 2 m thick and 50 cm high, while the inner walls were up to 1.8 m thick and 1.8 m high. The internal layout of the building was rather complicated and represented a complex of numerous rooms with a big central hall connected with the other rooms by door openings. Interior wooden poles were set into the ground standing on stone slabs and probably served as roof support columns. Inside, remains of a heating system that extending from a furnace for heating the building were discovered within the layout: “narrow channels, up to 50 cm wide, with inclined walls of slabs from Devonian sandstone” (Evtiukhova 1947, 81). Additional remnants of hearths for heating were found, for which burnt traces on the clay floor remained. Unlike the semi-subterranean houses, this building had a tiled roof, reconstructed by its excavators as a two-tiered pyramidal shape. The roof tiles resembled those from Han China, and the roof-end tiles, or “wadang”, showed stamped Chinese characters which pronounced praise for the “Son of Heaven”. Bronze door knockers discovered there were decorated with a fantastic anthropomorphic creature with a ring through the nose (Evtiukhova/Levasheva 1946; Evtiukhova 1947, Fig. 5; Danilov 2005, Fig. 1).

Yet another ground surface building was excavated at the fortified settlement of Baian Under (Fig. 2). It was positioned in the northwest corner of the settlement, almost adjoining the northern and western wall. The square-shaped building measured 8.7 m in the north, 8.9 m in the south, 8 m in the east, and 7.6 m in the west. The vertical walls were only preserved in the lower part and were carefully smoothed on the outside. The exterior side of the walls had longitudinal “jaggies”, which were the imprints of sheathing boards in the moist clay. As judged by the profile, the outside walls were covered by a kind of plaster coating 2–3 cm thick. It is rather difficult to define the thickness of the walls, because their inner sides were not preserved, though the external sides of the walls could be seen along the entire perimeter. A doorway was found in the southern wall, close to the southeast corner and framed on both sides by wooden poles, of which the lower parts were preserved.

⁴ The Son of Heaven, or “Tian zi”, was the Chinese name for their emperor.

It is almost impossible to reconstruct the height of the building, but from the massive remains we may estimate a large amount of material was used for its construction. On the exterior facing of the perimeter of the building, sub-rectangular projections were built onto the walls, and remains of poles were discovered inside them. Four such projections were located on the northern side of the building, two on the southern side, and one each on the western and eastern sides. These projections appear to have served as a reinforcement of the wooden poles inside, which functioned as supports for the architectural edifice. The poles rested in small pits with small stone slabs on the bottom for support. One projection at the exact center of the eastern and western sides of the building implies that a central crossbeam rested on these vertical poles. Additionally, remains of wood beams were found in the middle of the building, in line with the poles of the eastern and western side. The central pole rested in a rather shallow posthole on a stone slab. The other poles along the northern and southern sides may have served as supports for lateral beams, onto which roof timbers could be fastened, and probably further stabilized the adobe walls of the building. Such a possible roof construction is suggested also by the clear evidence for gabled roofs in the majority of the semi-subterranean houses at Ivolga.

In the northeastern corner of the building an oven made of granite slabs was found, and the scattered remainders of connected heating channels with vertical and flat granite slabs were discovered along the northern and western walls. These remains were in disarray, but comparable examples at Ivolga allow us to reconstruct the stone slabs as similar heating constructions.

Around the building on all four sides the remains of adobe walls were discovered with a passage in the southwestern part. These walls were 1.55 m apart from the walls on the northern side, 1.55 m on the eastern side, 1.70 m on the western side, and 1.50 m on the southern side. In total, the ground plan had the shape of a square with specific courtyard corridors. The passage in this supposed courtyard was framed on two sides by walls, transgressed the general square plan, and stretched southward as a corridor for eight meters (Danilov 1998, 111–114; Fig. 4; 2005, Fig. 2).

The walled site of Terelzhin Dörvölzhin contained the remains of four buildings on top of platforms that rose between 1 to 2 m above ground (Fig. 3)⁵. It was recently excavated (Danilov 2005; 2009) and the results are briefly presented here. The largest building is situated approximately at the center of the settlement, and a smaller building is connected to the northwest of it by a low embankment in the form of a passage or gallery. To the west of the big building are located the remains of another building, equal in height to the first one but smaller in size. A small platform is connected to this building by a low L-shaped embankment, also reminiscent of a passage. The connections between the buildings thus exhibit the formation of only two complexes within the walls of the settlement. Fragments of tiles were found on the surface of all noted remains, and similar tiles, though in smaller quantities, were found throughout the surface of the settlement (see Danilov/Tsydenova, this volume).

The excavations of the biggest building (Fig. 3), measuring 60 m in length, 30 m in width and about 2 m in height, have revealed the existence of a peculiar foundation of clean clay layered over sterile soil. On top of this was erected a platform made of clay mixed with gravel, shingle, and sand. On the surface of this platform were found numerous tiles, which remained from the destruction of the building. The building was surrounded by a pebble track which measured

⁵ Traces of old trial excavation trenches can be found on nearly all the buildings, most likely from the examinations of the Mongolian archaeologist Kh. Perlee.

1 m in width. The pebbles, 7–10 cm in size, were densely laid out and were possibly packed with a loamy binding solution. Inside of the building, remains of a heating system built of crude stone slabs were found. At a depth of 30–40 cm in the middle of the building platform, the construction consisted of wooden planks covered with gravel pebbles.

TYPOLOGY OF SETTLEMENT SITES

The function of the fortified settlements is defined both by the nature of the construction remains and the typology and quantity of artifacts found at the sites. The Ivolga settlement may therefore be defined as a village of craftsmen and farmers by the presence of agricultural tools, traces of grains, and remains of craft production. The settlement of Baian Under, and possibly the settlement near Abakan, could be seen as residences of a specific group of sovereigns, because those buildings are outstanding in comparison with their surroundings. Intensive excavations of the large building at Terelzhin Dörvölzhin settlement yielded numerous tile fragments, but almost no animal bones, pottery fragments or other remains, which are ubiquitous at other settlements. The dearth of these particular artifacts and the presence of specific architectural elements, in particular the surrounding pebble track and the wood and pebble floor covering, lead us to think that these remains could have belonged to a cultic building, possibly a temple. This is presently no more than a hypothesis, and will have to be confirmed or refuted through future investigations.

From the investigations of these four main sites, we may discern three general types according to complexity and function. The first one is a village of peasants and craftsmen, which played an important role in the economy. Besides the fortified settlements, such as Ivolga, non-walled settlements, like Dureny and Boroo also exist, and their exact role in economic and political spheres will have to be equally ascertained. The second type can possibly be defined as residences of particular elites, which are attested in the Chinese written sources. A third possible type could be a temple or cultic building, evidenced by the large buildings on platforms with complex architecture and almost no artifacts indicating habitation. This typology of walled sites reveals a rather interesting and diverse picture of Xiongnu permanent sites.

СТАНОВЛЕНИЕ КОЧЕВОГО СКОТОВОДСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ДАНИЛОВ С.В. (Россия)

Проблема появления кочевого скотоводства в Евразийских степях не раз служила темой обсуждения на различного рода конференциях, разнообразны мнения по этой проблеме публиковались в статьях и монографиях. Существуют две основные концепции: первая, что кочевое скотоводство начало складываться с самого начала появления в степях населения с навыками ведения скотоводческого хозяйства, то есть с эпохи неолита, со времени существования среднестоговской, древнеямной и афанасьевской культур, при изучении которых отмечались находки костей домашних животных. Вторая концепция полагает, что кочевое скотоводство возникло среди населения евразийских степей в эпоху поздней бронзы в так называемое скифское время и связано с появлением металлической конской узда, позволявшей использовать лошадей под верховую езду, бывшей необходимой для пастбы больших стад скота.

Проводимые исследования показывают, что подвижные формы ведения хозяйства и кочевой образ жизни далеко не одно и то же. Кроме основных форм хозяйства, связанных с кочеванием, то есть перемещением скота и его пастухов по определенным маршрутам, до тонкостей отработанных методов выпаса, глубокой переработки всей получаемой продукции (мясной, молочной, шерсти, кожи, пуха, рога), в результате которой образовывалась своеобразная сфера деятельности, свойственная именно кочевникам, кочевой образ жизни предполагает существование целых пластов культуры в самом широком смысле. Сюда можно отнести максимально приспособленные к особенностям кочевого хозяйства жилища, одежду, обувь, головные уборы, средства передвижения. Самобытную духовную культуру отражают мифология, фольклор, песенная культура, изобразительное искусство, музыкальные инструменты, мировоззрение, религиозные представления. Своеобразные социальные отношения: система родства, брачные нормы, взаимоотношения между родовыми группами, формирование объединений более сложных уровней, складывание политических систем. Этот далеко не полный перечень характерных культурных особенностей, в принципе присущий любой человеческой общности, складывался у кочевников на протяжении сотен лет. Письменные источники доносят до нас удивительно схожие черты разных кочевых народов древности и средневековья, разделенных большими расстояниями. Однако до сих пор нет еще окончательного решения вопроса о том, когда начался процесс складывания кочевого скотоводства и формирования кочевого образа жизни.

Решение проблемы видится в комплексном подходе, когда применяются методы исследования археологии, этнографии, палеогеографии, палеозоологии и выработка общей методологии исследования.

На данный момент изученности проблема появления населения с навыками ведения скотоводческого хозяйства связывается с формированием первичных центров производящей экономики, откуда продвигались носители традиций земледелия и скотоводства. Из ближневосточного центра производящего хозяйства население продвигалось в Северную Африку, Балканы, Среднюю Азию, Кавказ. В евразийские степи население, вероятно, попадает из зоны трипольской культуры (Балканская зона), вернее ее позднего варианта – усовской культуры, через северный Кавказ и через степи восточного Прикаспия. Других путей проникновения населения с навыками скотоводства в евразийские степи в эпоху неолита пока не просматривается. В

Центральную Азию скотоводство проникает, по всей видимости, с населением афанасьевской культуры, памятники которой встречаются в Минусинской котловине, Тыве, Западной и Центральной Монголии. Существует точка зрения о появлении костей овцы в лушановидных культурах Китая в результате контактов с населением афанасьевской культуры. Таким образом, можно говорить о том, что население с навыками ведения скотоводства проникает в центрально-азиатские степи в афанасьевскую эпоху. Однако данных о том, что оно (население) вело кочевой образ жизни, пока нет. Более определенно можно говорить о населении эпохи бронзы, оставившей памятники карасукской культуры, где получает распространение бронзовый предметный комплекс, представленный мечами, кинжалами, ножами, разнообразными украшениями. Данный предметный комплекс был выявлен на широкой территории, значительно превышающей распространение собственно карасукской культуры Минусинской котловины. Монголия, Сибирь, Ордо, Забайкалье дали значительное количество находок предметов карасукского облика. Исследователями было обращено внимание на культуру керексурс, оленные камни и культуру плиточных могил, дворцовую культуру. Эти памятники по ряду признаков можно соотнести с карасукским временем. При изучении памятников дворцовой культуры и культуры плиточных могил были обнаружены остатки хорошо разработанного ритуала жертвоприношений животных. Здесь помимо костей от различных частей скелета, интерпретируемые как заупокойная пища, встречались и специальные размещения в могиле голов животных. Преимущественное сочетание в стаде скота лошадей и овец служит косвенным свидетельством возрастания его подвижности; именно такой состав наиболее оптимален для ведения кочевого хозяйства в течение круглого года. Кроме обрядов жертвоприношений при проведении похоронных обрядов рядом с керексурами и плиточными могилами были выявлены особые жертвенники, в которых приносились в жертву различные виды домашних животных. Основным жертвенным животным был конь, как животное наиболее важное для кочевников, как быстроходное средство передвижения, неизменный участник военных действий, отлично поддающееся дрессировке, незаменимое в хозяйстве и в быту. Однако содержание большого количества лошадей, особенно на вольном выпасе, сопряжено с рядом условий и прежде всего с подвижностью самого пастуха. То есть пешему пастуху было бы чрезвычайно затруднительно производить вольный выпас многочисленных конских табунов. По всей видимости, верховая езда вначале как компонент хозяйственной деятельности возникает, по крайней мере, с эпохи поздней бронзы.

То есть можно предварительно говорить о том, что верховая езда и кочевое скотоводство появляются у населения центрально-азиатских степей на ранних этапах существования культуры керексурс, плиточных могил и дворцовой культуры, то есть в карасукское, доскифское время.

находится на территории Бурятии и расположено на левом берегу реки Чикой, в местности Дурены. В конце 40-х гг. XX в. были начаты широкомасштабные раскопки Иволгинского городища, продолжавшиеся с перерывами до 2009 г. Как выяснилось в процессе исследований, жизнь на городище была внезапно прекращена и более не возобновлялась в результате катаклизма, связанного с пожарами и, скорее всего, с некими военными действиями. Однако благодаря этому обстоятельству археологам удалось выявить большое количество разнообразного материала, позволившего аргументированно говорить о ремесле и земледелии как об одной из важных составляющих хозяйственно-экономического потенциала забайкальских хунну в целом и жителей городища в частности (Давыдова, 1987, 1995). В течение ряда десятилетий данные, полученные при раскопках Иволгинского городища, являлись основополагающими при характеристике оседлости хуннского общества. Анализ материалов городища и расположенного рядом с ним могильника послужил основой для выводов о социальном устройстве хуннского общества (Давыдова А.В., 1975. С. 141-145; Крадин, Данилов, Коновалов, 2004).

В 40-х гг. XX в. В.П. Левашевой в Хакасии проводились работы по исследованию остатков здания близ города Абакана. Приглашенные для проведения совместных исследований московские археологи С.В. Киселев и Л.А. Евтюхова довели до конца раскопки этого уникального памятника. Найденная керамика, а также иероглифические надписи на черепице позволили исследователям отнести этот памятник к гуннской (хуннской) эпохе и даже определить владельца – им, по мнению ученых, был пленный ханьский полководец Ли Лин, сведения о котором содержатся в Ши Цзи, где говорится о том, что он был назначен наместником в Хягас (Евтюхова В.П., Левашева Л.А. 1946, с. 72-84.). В последующих исследованиях дискуссии о владельце абаканского здания несколько увели в сторону вопрос о месте памятника в общей системе хуннского археологического наследия.

Исследования древних городищ на территории Монголии, проведенные Н. М. Ядринцевым (1842-1894), В.А. Казакевичем (1896-1937), Б.Я. Владимирцевым (1884-1931) и другими учеными, продолженные советско-монгольской экспедицией под руководством С.В. Киселева и Х. Пэрлээ, выявили существование значительного количества поселений и городов, в том числе и относящихся к хуннскому времени (Киселев, 1957, с. 91-101; Пэрлээ 1957, с. 43-53).

Был выявлен факт присутствия на хуннских городищах остатков монументальных холмообразных сооружений, назначение которых до настоящего времени не определено. Выяснилось, что хунну Монголии при строительстве больших зданий активно использовали такой вид строительного материала, как черепица, которая впервые была отмечена при раскопках абаканского дворца. Сам факт наличия в хуннском обществе сравнительно большого количества укрепленных стационарных городищ с монументальными сооружениями, позволил с большей аргументированностью говорить о наличии сложных социально-политических процессов, происходивших в хуннском обществе и приводивших, по мнению отдельных исследователей, к появлению у хунну отдельных институтов государственности (Данилов, 2004).

Среди выявленных хуннских городищ были выделены памятники, на которых находились остатки зданий, отличавшиеся по своим размерам, и которые были отнесены к сооружениям дворцового типа. Своего рода эталоном послужило раскопанное близ Абакана в Хакасии здание, до сих пор являющееся предметом дискуссий о его характере, времени сооружения и владельце. Это было многокомнатное здание, крытое черепичной крышей, поддерживавшейся деревянными столбами, от которых сохранились ямки с плоскими камнями-подставками, с

С.В. Данилов

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ГОРОДИЩ ХУННУ МОНГОЛИИ

История изучения хуннских поселений и городищ имеет уже свою небольшую историографию, которая начинается с раскопок, произведенных в 1927 г. Г.П. Сосновским на Нижнеиволгинском городище в Бурятии. С этого времени начинается введение в научный оборот нового типа памятников хунну – стационарных укрепленных поселений (Сосновский, 1934, с. 43-53). Помимо укрепленного городища Г.П. Сосновским были выявлены и неукрепленные поселения, одно из которых

оригинальной системой отопления (Кызласов, 2000). Несмотря на достаточно хорошую археологическую изученность остатков этого здания, многие его конструктивные особенности остаются не до конца понятными. Например, неясно какова была конструкция крыши: наличие ярусов и количество скатов, способы крепления черепицы. Не совсем понятны методы сооружения стен. Или это была заливка глинистого раствора в опалубку, или это был так называемый способ «ханьту», то есть последняя трамбовка заготовленного глинистого грунта.

С учетом результатов раскопок абаканского здания, считалось, что остатки холмообразных сооружений, открытые в Монголии, также являлись монументальными зданиями дворцового типа, предназначавшимися для представителей хуннской знати. Одно из зданий в Гуа дов, в Центральном аймаке Монголии, было раскопано монгольским археологом Х. Пэрлээ. В ходе раскопок были выявлены остатки деревянных столбов, большое количество черепицы, кирпичей. Вокруг большого здания были найдены остатки небольших сооружений, выделявшиеся скоплением черепицы. Монгольским археологом было отмечено, что среди находок отсутствовали фрагменты керамики – наиболее массового материала, встречающегося при раскопках хуннских городищ: Иволгинского, Абаканского, городища Баян Ундэр. Это же обстоятельство – отсутствие керамики – было зафиксировано им и при проведении разведочных раскопок на хуннском городище Тэрэлжин Дэрэвэлжин в Центральном аймаке Монголии. На этот факт, объясняемый Х. Пэрлээ возможным предназначением городища в качестве сакрально-культового сооружения, не служившего для проживания, исследователями не обращалось должного внимания.

В 2006-2007 гг. российско-монгольской экспедицией, под руководством автора, были проведены исследования на хуннском городище Тэрэлжин Дэрэвэлжин. В ходе раскопок остатков большого здания, сохранившегося в виде холма длиной 60 м, шириной 35 м и высотой 2 м, были выявлены остатки черепичного покрытия и отопительной системы, на вершине холма на глубине 20-25 см встретились остатки конструкции из дерева в виде плаха и расположенных рядом галечных выкладок. Выяснилось, что основу сооружения составляла платформа, выполненная из глинобита. Вокруг здания была прослежена галечная дорожка шириной 90-100 см, окружавшая, по-видимому, все здание и состоявшая из плотно уложенных галек. При раскопках не были обнаружены остатки глинобитных стен, отделявших отдельные помещения-комнаты, как на здании близ Абакана. Не выявлены остатки столбов-подпорок черепичной кровли. Одним из бросающихся в глаза обстоятельств было почти полное отсутствие фрагментов керамических сосудов и костей животных. Отсутствовали также и другие категории предметов, характерных для поселенческих комплексов, предназначенных для проживания. Небольшой шурф, заложенный в 4 м к востоку от раскапываемого здания, не выявил наличия культурного слоя. Это обстоятельство послужило поводом для предварительной интерпретации здания и всего памятника как сакрального храмового центра (Данилов и др. 2008; Данилов, Бураев, 2009).

Исследования, проводившиеся на территории Монголии и России в ходе работ российско-монгольской экспедиции (2010-2011 гг.) по созданию электронной карты древних и средневековых городов Центральной Азии, подтвердили факт дифференциации хуннских поселений по формальным признакам. Выделялись укрепленные городища и неукрепленные поселения. К первым относились поселения, обнесенные валами и рвами, причем наличие валов прослеживалось визуально, а рвы выявлялись только в ходе раскопок. Неукрепленные поселения хунну, со стационарными жилищами, отмечены близ села Дурены в Южной Бурятии и у сомона Боронур в Центральной Монголии.

Различаются поселенческие комплексы и по функциональному предназначению, хотя окончательные обобщающие заключения по этой теме можно предпринимать

только после глубокого археологического изучения разнообразных памятников. Тем не менее, на Иволгинском городище, на котором раскопано около 30 % площади, были выявлены остатки ремесленного производства: гончарного, металлургического, кузнечного, кроме этого выявлено существование различных промыслов: косторезного, поделочного. Находки зерен злаков, плугов, серпов, зернотерок свидетельствуют о занятии жителей земледелием. Этот памятник обычно позиционируется как поселок ремесленников и земледельцев.

Городище Баян Ундэр, расположенное на реке Джиде, в южной Бурятии, на котором раскопаны остатки одного здания в северо-западном углу и одного жилища, расположенного в валу городища, можно рассматривать как резиденцию лица, занимавшего определенное место в иерархии хуннского общества (Данилов, Жаворонкова, 1995; Данилов, 2004). Известный исследователь центральноазиатских древностей Л.Р. Кызласов в своей монографии, посвященной городской культуре центральноазиатских народов, называет городище Баян Ундэр Дырестуйским замком (Кызласов, 2006 с. 155-156).

Остатки здания в Абакане, вне зависимости от существующих взглядов на личность его владельца, принадлежали человеку, занимавшему высокое место в элите хуннского общества. По мнению Л.Р. Кызласова исследованное здание находилось посередине городища, окруженного валом (Кызласов, 2000 с.). В настоящее время этот памятник полностью уничтожен.

На всех обозначенных памятниках были найдены фрагменты керамики и другие следы жизнедеятельности, свидетельствующие об активной заселенности городищ. Наибольшее количество разнообразных предметов было найдено на Иволгинском городище, что объясняется внезапной эвакуацией его жителей из-за некой катастрофы, сопровождавшейся пожаром, и вынужденным оставлением населением всего имущества.

В то же время на крупных хуннских городищах Монголии – Гуа дов, Тэрэлжин Дэрэвэлжин и Хурэт дов – не были найдены фрагменты керамических сосудов. Не встречаются здесь и прочие остатки жизнедеятельности, присущие вышеперечисленным памятникам оседлости хунну. Таким образом, наблюдения монгольского ученого Х. Пэрлээ находят свое подтверждение и в то же время вызывают ряд вопросов. Наиболее актуальным из них является вопрос датировки этих городищ. Датировочным материалом из Иволгинского и Абаканского городищ, городища Баян Ундэр, поселений Дурены в Бурятии и Боро в Монголии и большого количества местонахождений, позиционируемых как стоянки кочевого хуннского населения, были находки фрагментов характерной для хунну керамики. Однако керамика отсутствует на вышеперечисленных городищах Гуа дов, Тэрэлжин Дэрэвэлжин и Хурэт дов. Возможно, что материалом для датирования этих городищ хуннским временем послужили находки черепицы с типичным для хунну орнаментом – волнистая линия, заключенная между двумя прямыми параллельными линиями. Черепица с подобными орнаментальными мотивами часто встречалась при раскопках здания на городище Тэрэлжин Дэрэвэлжин. Отмечаются также черепицы и среди подъемного материала на городищах Гуа дов и Хурэт дов. Ясно, что такое совпадение не могло быть случайным, и, помимо мыслей о семантике подобного орнаментального мотива, широко используемого хунну, эти данные утверждают нас во мнении о хуннской принадлежности перечисленных городищ.

Возникают вопросы и при выяснении функционального предназначения этих городищ. Строительство обнесенных стенами городищ, возведение на них монументальных крытых черепичной крышей сооружений, требовало значительных трудозатрат. Однако решить однозначно, с какой целью строились эти укрепленные

поселения, пока не удастся. Тем более, что археологические исследования этих памятников, несмотря на проводившиеся на них раскопки, по сути, только начинаются.

Поиски аналогий в выявленных конструктивных особенностях при раскопках здания в Тэрэлжин Дэрэвэлжин, в том числе такой характерной особенности как галечные дорожки, приводят нас к памятникам ханьской эпохи, расположенных в провинции Шаньси. Один из памятников (мавзоль Yangling) расположенный близ города Шеньян, определялся как грандиозные погребальные сооружения императора западной Хань, правившего в промежутке 159-142 гг. до н.э. Весь комплекс занимал площадь 12 кв. км и состоял из могил императора и императрицы, могил соумирающих представителей знати и рабов, участвовавших в строительстве мавзолеев, башен и других обрядовых строений.

Выявленные здесь дорожки из гальки, по мнению авторов раскопок, были сооружены для предотвращения вымывания земли дождем. Галька насыпалась наклонно на две стороны, чтобы коридор принимал форму позвоночного животного или рыбы. То есть выполнялись функции дренажа или водоотвода от дождевых потоков.

Еще один памятник, на котором были выявлены выкладки из галек, расположен вблизи города Сиань. Раскопки показали, что это был крупный дворцовый комплекс со многими зданиями, часть которого находится под современными жилыми и хозяйственными постройками. Здесь галечные выкладки определяются как поверхность водослива, то есть как водоотводные системы. Датируется этот памятник эпохой ранней западной Хань (100 важнейших археологических открытий ..., 2007, с. 213-215).

В настоящее время сложно говорить о том, как галечные дорожки Тэрэлжин Дэрэвэлжин соотносятся с подобными конструкциями, выявленными в китайской архитектуре эпохи Хань, где они известны нам пока только как часть дренажных систем. Однако можно предположить, что их функциональное предназначение как водоотводной системы использовалось именно в этом качестве при строительстве зданий на хуннских городищах.

Помимо археологических источников имеются немногочисленные свидетельства письменных источников о хунну, в которых упоминаются города. Нам уже приходилось рассматривать эти сведения, содержащиеся в трудах китайских авторов Сыма Цяня, Бань гу, Фань Е. Отметим только, что эти источники сообщают о наличии у хунну традиции возведения городов, что несколько противоречит замечанию самого же Сыма Цяня об отсутствии у хунну городов.

В повествовании о сюнну, входящем в Историю ранней Хань, написанной Бань Гу, сообщается: «В связи с этим (с ожидаемыми нападениями войск империи Хань С.Д.) Вэй Люй посоветовал шаньюю: «Выкопайте колодцы, постройте окруженные стенами города, воздвигните для хранения зерна башни и обороняйте города вместе с циньцами, если и придут ханьские войска, они ничего не смогут поделать». Когда было выкопано несколько сотен колодцев и срублено несколько тысяч деревьев, кто-то сказал: «Хусцы не могут оборонять города, и мы только подарим зерно Хань». Тогда Вэй Люй прекратил (постройку городов). (Материалы по истории сюнну, 1983, с. 24; там же комментарий на странице 137).

В этой краткой информации можно увидеть несколько моментов. Во-первых, становится ясно, что хунну потенциально могли строить укрепленные города, в которых находились склады для провианта и, возможно, другого товара. Судя по тексту источника, в той конкретной обстановке хунну действительно принялись за осуществление плана возведения городов, но в силу неких вновь возникших обстоятельств работа по возведению городов была прекращена. Однако не исключена возможность, что в другой более благоприятной ситуации, раньше или позже, хунну могли строить такие города-хранилища. На таких городищах, возможно, не проживало

большого количества населения, и здесь не было остатков жизнедеятельности, выявляемых методами археологии. Возможно, также, что при строительстве зданий в целях предотвращения помех от излишней влаги применялось сооружение дренажных систем.

Таким образом, выявленные особенности в виде отсутствия остатков жизнедеятельности на ряде хуннских городищ Монголии могут объясняться тем, что население на городище выполняло какие-то функции, непонятные для нас. В то же время, на фоне всех данных о хуннских городищах, вновь осмысленные сведения позволяют считать, что функции хуннских поселений и городищ могли быть более разнообразными, чем это нам сейчас представляется.

Литература

- Давыдова А.В. К вопросу о роли оседлых поселений в кочевом обществе сюнну // Краткие сообщения института археологии. №154. - М., 1978. - С. 55-59.
- Давыдова А.В. Об общественном строе хунну // Первобытная археология Сибири. - Л., 1975. С. 141-145.
- Давыдова А.В. Новые данные о поселении хунну в Дуренах. // Археологические открытия. - М., 1980.
- Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1. Иволгинское городище. - СПб., 1995.
- Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2. Иволгинский могильник. - СПб., 1996.
- Данилов С.В., Жаворонкова Т.В. Городище Баян Ундэр - новый памятник хунну в Забайкалье // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. - Улан-Удэ, 1995. - С. 26-36.
- Данилов С.В. Раскопки здания на хуннском городище Баян Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. - Владивосток, 1998. - С. 111-114.
- Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ, 2004.
- Данилов С.В., Коновалов П.Б., Эрдибола Л., Анхбаяр, Именухоев Н.В., Бураев А.И., Цыденова Н.В., Симухин А.И., Базаров Б.В. Предварительные результаты раскопок на хуннском городище Тэрэлжин Дэрэвэлжин в Центральном аймаке Монголии // Археология степной Евразии. Кемерово-Алматы, 2008. С. 104-110.
- Данилов С.В., Бураев А. И. Раскопки хуннского городища Тэрэлжин Дэрэвэлжин и некоторые вопросы изучения стационарных поселений в хуннском обществе // История, язык и культура. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Улаанбаатар 2009. С.223-232.
- Дренажные сооружения дворцового комплекса Чан Ле (Юй). (провинция Шаньси, г. Сиань, район Хань Чань, область Ань Чэн) // 100 важнейших археологических открытий в Китае за 2006 г. Пекин, книжное изд-во Сюе Юнь, 2007, с. 213-215. (на кит. языке).
- Евтюхова Л.А., Левашева В.П. Раскопки китайского дома близ Абакана // КСИИМК, вып. XII. - М., 1946. - С. 72-84.
- Киселев С.В. Древние города Монголии // Советская археология. М., 1957, № 2. - С. 91-101.
- Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б. Социальная структура хунну Забайкалья. Владивосток, 2004.
- Кызласов Л.Р. Гуинский дворец на Енисее. - М., 2001.
- Кызласов Л.Р. Городская цивилизация Средней и Северной Азии. М., 2006.
- Пэрлээ Х. Монгол ард улсын эрт, дундад үеийн хот сууринь товчоон. - Улаанбаатар, 1961.
- Пэрлээ Х. К истории древних городов и поселений Монголии // Советская археология. - М., 1957, № 3. - С. 43-53.

Центральная, Северная и Северо-восточная Азия в эпоху кочевых империй

Сосновский Г.П. Нижне-Иволгинское городище // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1934, № 7-8. - С. 150-156.

Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. - М., 1968.

Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. - М., 1983.

SUMMARY

S.V. Danilov

SOME FEATURES OF HUNS' SETTLEMENTS FROM MONGOLIA

Studies of ancient cities in Mongolia revealed that the Huns actively used shingles in the construction of large buildings. Mongolian archaeologist H. Perlee noticed that there were no findings of pottery fragments - the most mass material encountered during excavation of the Huns' settlements. On this fact explained by H. Perlee that settlements possibly were designed as a sacred religious structures, researchers didn't pay enough attention.

The studies conducted by Russian-Mongolian expeditions (2010-2011) while working on the electronic map of cities in Central Asia, confirmed the differentiation of Huns' settlements of formal features – fortified settlements and unfortified locations.

Thus, the features identified by the lack of residual activity on a number of Huns' strongholds of Mongolia can be explained by the fact that the people of the settlement performed some unknown functions. Reinterpreted information suggests that the function of Huns' settlements and locations could be more diverse than it currently is.

